

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

12 [1]

1857 Nov.

Per. 27897 . 1. 72.

12 [1]

1857 Nov.

Per. 27897 i. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

1857

НОМЕРЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ЕВРОПѢ.—IV.—(Окончаніе). . . Д. И. КАЧЕНОВСКАГО.
- II.—НА РУБЕЖѢ. Повѣсть. (Продолженіе). . . ЕВГЕНИИ ТУРЪ.
- III.—МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА. (Продолженіе). В. В. СТАСОВА.
- IV.—СЕНТЯБРЬСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ. М. П. ЩЕПКИНА.
- V.—НѢСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ КЪ СТАТѢИ-НОВИКОВЪ и ШВАРЦЪ- (Русск. Вѣстн. 1857, № 19). С. В. ВШЕВСКАГО.
- VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
 - Сонъ въ лѣтнюю ночь. А. Н. МАЙКОВА.
 - Воспоминаніе о дочери. (Изъ Contemplations В. Гюго). И. Я. ЛЕБЕДЕВА.
 - Юноша. (Изъ Гейне). ЕГО ЖЕ.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

Р

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го ноября 1857 года.**

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

ВЗГЛЯДЪ

НА ИСТОРІЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

ВЪ ЕВРОПѢ (1)

IV.

Насильственное разрушеніе стараго порядка совершилось во Франціи съ неимовѣрною быстротою. Ни одно изъ европейскихкихъ государствъ не испытывало до тѣхъ поръ такого крутаго безпощаднаго переворота. Гражданскія бури, которыя достались на долю Голландіи при основаніи республики, Англіи въ эпоху столкновенія съ Стюартами, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ во время войны за независимость, кажутся легкими кризисами сравнительно съ «великою революціею», происшедшею въ концѣ XVIII столѣтія. При всѣхъ этихъ буряхъ народы удерживали подъ собою историческую почву, не теряли сознанія и, переживъ потрясеніе, возвращались на прежнюю дорогу, или по крайней мѣрѣ выносили нетронутыми извѣстныя учрежденія. Напротивъ Французы истребили все, что напоминало имъ прошедшее, не оставили ни одного преданія, завѣщаннаго исторіею, и, чтобы достигнуть любимаго идеала, срыли до основанія политическое зданіе, построенное вѣками. Не удивительно, что пылкая, неопытная и неприготовленная къ самодѣятельности нація обманулась въ надеждахъ, потеряла терпѣніе и скоро изнемогла отъ лихорадочнаго

(1) См. «Русскій Вѣстникъ». №№ 13-й, 15-й и 17-й.

жара и неестественнаго напряженія. Напрасно думала она избѣжать общаго закона жизни и осуществить разомъ то, что достается людямъ и поколѣніямъ путемъ мирнаго прогресса, долгимъ и труднымъ. Феодалныя учрежденія потонули въ гражданской крови, но тѣмъ съ болѣшимъ трудомъ, тѣмъ медленнѣе вырабатывались новыя. Государственный организмъ былъ глубоко потрясенъ тѣми отчаянными средствами, которыя къ нему прилагались; политическій духъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и потерялъ творческую силу; преступления и насилія оставили за собою горькіе слѣды повсемѣстныхъ страданій и вызвали сильную реакцію. Англійское устройство оказалось неприменимымъ въ странѣ, въ которой монархическія начала ослабли, и аристократія потеряла значеніе; американская форма также не могла быть привита къ пестрому, разрозненному, воспитанному въ устарѣлыхъ обычаяхъ и предрассудкахъ, чуждому простымъ демократическимъ нравомъ, обществу. Къ тому же, въ самомъ характерѣ движенія не было твердости, опредѣленности и постоянства; народъ колебался, шель очертя голову, и не высказалъ рѣшительной привязанности къ извѣстнымъ учрежденіямъ. Такъ въ конституціи 1791 года были искажены основныя черты смѣшанной монархіи, и всѣ политическія права предоставлены среднему сословію (*bourgeoisie*), въ ущербъ королю, дворянству и духовенству; въ 1793 году, подъ именемъ республики, явилась охлократія, построенная на началахъ централизаціи и со всѣми атрибутами абсолютизма; затѣмъ директорія или, лучше сказать, олигархія. Послѣ всѣхъ этихъ крайностей, которыя объясняются отчасти характеромъ французской націи, а еще болѣе внѣшними событіями, Наполеону легко было упрочить власть съ помощію арміи: ему слѣдовало только захватить столицу, чтобъ имѣть на своей сторонѣ провинціи, лишенныя всякой политической самостоятельности. Такъ и случилось. Первый консулъ воспользовался слабостію и разстройствомъ директоріальнаго правительства, принялъ на себя начатое конвентомъ дѣло государственной организаціи и выполнилъ его съ успѣхомъ. Главная задача новаго диктатора состояла въ томъ, чтобы поддержать политическое единство, которое было необходимо для внутренняго спокойствія и для борьбы противъ грозныхъ непріятелей. Эта руководящая идея легла въ основаніе администраціи и законодательства Наполеона. Но какъ сынъ революціи, онъ остался вѣренъ ея демократическому духу и принялъ гражданское равенство за неизмѣнное начало при всѣхъ своихъ реформахъ. Что касается до политической свободы, она, раз-

умѣется, была постепенно отнята у народа, который впрочемъ мало чувствовалъ потерю и довольствовался пріобрѣтеніемъ славы и могущества. Притомъ же новый порядокъ имѣлъ неоспоримо благотѣльное вліяніе на Францію; виѣшній видъ общества измѣнился къ лучшему: толпы праздныхъ людей, жившихъ на счетъ народа, исчезли; созданное Наполеономъ дворянство не имѣло характера касты, но было сословіемъ, открытымъ для заслуги; оковы земледѣльской зависимости разбились; цехи и корпораціи уничтожились; стѣнительныя подати были отмѣнены, войско устроено, управленіе упрощено.

Повелѣвая Францію безотвѣтственно, Наполеонъ былъ въ то же время самымъ опаснымъ революціонеромъ для другихъ государствъ. Вездѣ его завоеванія сопровождались политическими нововведеніями, которыя были тѣмъ рѣшительнѣе, что отвѣчали требованіямъ и нуждамъ вѣка. Сильная рука императора ускорила реформы, которыя, при обыкновенномъ теченіи событій, затянулись бы надолго и конечно встрѣтили бы безчисленныя препятствія. Въ этомъ отношеніи многіе народы обязаны ему улучшеніемъ своей судьбы. Онъ указалъ Испаніи дорогу къ возрожденію и къ преобразованію стараго порядка, прервалъ летаргическій сонъ и потрясъ религиозные предрассудки Италіи, разбилъ почти однимъ ударомъ сотни мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Вообще французское владычество повлекло за собою уничтоженіе феодальныхъ привилегій, и особенно тамъ, гдѣ онѣ были тягостнѣе, напримѣръ въ Германіи, въ которой сохранились средневѣковыя иммунитеты имперскаго дворянства и нѣмецкій орденъ. Іерархическимъ злоупотребленіямъ католицизма также нанесенъ былъ ударъ отнятіемъ въ казну церковныхъ имуществъ, уменьшеніемъ монастырей и секуляризаціею духовныхъ владѣній, обнимавшихъ въ одной Германіи 2000 кв. миль и три милліона жителей. Въ управленіи созданныхъ Наполеономъ королевствъ замѣтно было больше стройности, связи и простоты, господствовало открытое судопроизводство, признавалось равенство предъ закономъ. Нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ странъ, напримѣръ Италіи, Неаполю, Вестфаліи, Испаніи, онъ далъ конституціи, правда, больше для вида, но онѣ не остались безъ значенія, пріучили общество къ парламентскимъ формамъ, къ публичному обсужденію вопросовъ и сдѣлались школою государственныхъ людей. Подъ вліяніемъ этихъ преобразованій, обдуманыхъ и выполненныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, въ націяхъ пробудилось политическое сознаніе, и исторія послѣдующаго времени приняла

новое направленіе. Еще сильнѣе было отрицательное вліяніе Наполеона на Европу. Кажется, ему предназначено было дѣйствовать на духъ народовъ не столько реформами, сколько посредствомъ угнетенія. Онъ пытался основать всемірную монархію въ такое время, когда она была наименѣе возможна, и на каждомъ шагу оскорблялъ чувство политической независимости. Ни одинъ завоеватель новаго времени не заходилъ такъ далеко въ предначертаніяхъ, ни одинъ не поступалъ такъ смѣло и насильственно, какъ императоръ Французовъ. Ободренный слѣпою преданностью храбраго народа, видя жалкое положеніе континентальной Европы, онъ отважился на самыя рѣзкія, крайнія мѣры, и не хотѣлъ положить никакихъ границъ своему деспотизму. Лъстецы говорили ему, что Франція — солнце, около котораго, какъ планеты, должны вращаться, по извѣстнымъ орбитамъ, другія государства. Одни Англичане мѣшали «примѣненію системы политическаго тяготѣнія, совершенно согласной съ устройствомъ вселенной», и чтобы уничтожить ихъ, чтобы основать «этотъ естественный порядокъ», Наполеонъ былъ готовъ на все. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, отрѣзать врага отъ сношеній съ цѣлымъ міромъ, и, когда прямыя средства оказались недостаточными, пошелъ къ своей цѣли косвенною, опасною дорогою, наперекоръ законамъ исторіи и требованіямъ цивилизаціи. Не только были разрушены династическія начала, — рука завоевателя коснулась національностей, оторвала ихъ отъ прошедшаго, раздробила въ искусственныхъ сочетаніяхъ; даже матеріальные интересы обществъ были принесены въ жертву чудовищной континентальной системѣ. Не проходило мѣсяца безъ какихъ-нибудь возмутительныхъ нарушеній права; геніяльный императоръ увлекся самовластіемъ и обнаруживалъ полное презрѣніе къ человѣчеству; война сдѣлалась нормальнымъ, безвыходнымъ состояніемъ образованнаго міра; конскрипціи и рекрутскіе наборы истощали населеніе вездѣ; сама Франція устала отъ славы. Напрасно думалъ Наполеонъ обратить всѣ силы народовъ на Англію; вышло наоборотъ: Англія воспользовалась его высокоуміемъ и стала во главѣ европейской оппозиціи. Испанское національное движеніе показало, какими средствами можно было удержать французскія арміи; неудачный походъ на Россію еще болѣе ослабилъ вѣру въ ихъ непобѣдимость. Наконецъ, въ 1813 году, предпринята была соединенными правительствами борьба во имя свободы народовъ не противъ Франціи, даже не противъ революціи, но противъ одного чловѣка, въ которомъ воплотились всѣмъ враждебныя идеи,—и въ

два года увѣнчалась успѣхомъ. Она была необходима, чтобы привести натянутыя отношенія цѣлой части свѣта въ гармонію и порядокъ.

Предшествующія событія указывали, какими мѣрами можно было обезпечить общее спокойствіе: извнѣ слѣдовало возсоздать на началахъ независимости политическую систему, разрушенную революціею; внутри — устроить государства согласно требованіямъ эпохи. Обѣ эти задачи, повидимому, были признаны и даже высказаны на вѣнскомъ конгрессѣ, но къ несчастью выполнить ихъ на практикѣ было трудно. Территоріи были розданы членамъ коалиціи, смотря по заслугамъ, оказаннымъ ими въ войнѣ противъ Наполеона; при внутренней организаціи также обнаружился во многихъ странахъ реакціонный духъ. Нѣкоторыя правительства упорно не соглашались на перемѣны и хотѣли возстановить въ цѣлости прежній порядокъ (*ancien régime*). Отсюда произошли важныя послѣдствія; на нихъ намъ нужно обратить вниманіе; иначе исторія политическихъ наукъ съ 1815 года будетъ казаться непонятною.

До французской революціи конституціонная форма правленія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова была почти неизвѣстна на материкѣ Европы. Кромѣ Священной Римской имперіи, Голландіи и Швейцаріи, только въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ собирались земскіе чины (*Landstände*) для законодательныхъ совѣщаній, но имѣли собственно феодальный характеръ (1). Напротивъ съ паденіемъ Наполеона, обстоятельства измѣнились. Франція, Соединенные Нидерланды, Норвегія и юго-западные нѣмецкія земли получили политическое устройство совершенно въ новомъ духѣ: теорія раздробленія верховной власти была отвергнута; верховныя права всецѣло усвоены государямъ; дѣятельность палатъ ограничена опредѣленными въ основномъ законѣ случаями и обращена преимущественно на защиту личной свободы, общественныхъ и гражданскихъ интересовъ. Короче сказать, правительству даны были всѣ нужныя средства къ достиженію цѣли государства; подданнымъ гарантированы извѣстныя привилегіи, и открыта возможность жалобы противъ злоупотребленій. Представительное собраніе при этомъ

(1) Это устройство (*landständische Regierung*), строго говоря, не можетъ быть названо представительнымъ; земскіе чины считаются органами не націи, а *извѣстнаго сословія*.

должно было служить естественнымъ органомъ націи: на немъ лежала въ послѣдней инстанціи обязанность иска, преслѣдованія и защиты; оно могло дѣйствовать путемъ законной оппозиціи и требовать нужныхъ исправленій или перемѣнъ, получило инициативу или по крайней мѣрѣ голосъ при обсужденіи новыхъ постановленій и бюджета; только дѣла административныя были почти изъяты отъ его надзора. Отсюда легко понять духъ новаго конституціоннаго ученія; указанныя характеристическія черты проглядываютъ во всѣхъ хартіяхъ того времени, несмотря на видимое ихъ разногласіе касательно числа, состава и участія палатъ въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, такъ же какъ и относительно выборовъ. Единство и нераздѣльность верховной власти признаны за основной законъ въ Европѣ.

Представительное устройство, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалось предметомъ общаго вниманія на Западѣ. Устройство этому сочувствовали особенно тѣ народы, у которыхъ оно было введено при Наполеонѣ и потомъ отнято вслѣдствіе реставраціи, подъ вліяніемъ реакціоннаго духа. По этому неудивительно, что вскорѣ по возвращеніи законныхъ династій обнаружилось во многихъ странахъ безпокойство, негодованіе противъ прежняго порядка и стремленіе къ новому. Испанія подала первый примѣръ къ возстанію; отсюда движеніе перешло въ Италію и было задержано съ большимъ трудомъ: дипломатическія мѣры оказались безуспѣшными; пришлось употребить военную силу. Однакоже, несмотря на старанія конгрессовъ, общій миръ утвердился не надолго. Въ 1830 г. произошла во Франціи іюльская революція; за нею быстро послѣдовали перевороты и волненія въ Бельгіи, западной Германіи, Испаніи, Итали и даже въ аристократическихъ кантонахъ Швейцаріи. Вездѣ при этихъ событіяхъ высказался одинъ и тотъ же духъ, именно требованіе либеральныхъ хартій и попытки расширить формы представительства въ пользу демократіи.

Внѣшнее спокойствіе образованнаго міра также не было совершенно обезпечено на вѣнскомъ конгрессѣ. Правда онъ достигъ главной своей цѣли, то-есть положилъ конецъ завоеваніямъ, но не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ національностей и основать политическую систему на началахъ естественнаго равновѣсія. Притомъ же кругъ дѣятельности дипломатовъ ограничивался одними государствами западной Европы: Турція была оставлена въ сторонѣ; Америка не участвовала въ конгрессѣ. Между тѣмъ Новый Свѣтъ испыталъ въ это время великій кри-

зись: испанскія колоніи отторглись отъ метрополи и сдѣлались самостоятельными государствами; предѣлы международнаго союза были расширены за океанъ, на цѣлый континентъ. Вскорѣ потомъ произошло греческое возстаніе, распалось искусственное соединеніе Бельгіи съ Голландією; духъ независимости пробудился въ христіанскихъ и даже въ магометанскихъ провинціяхъ Порты. Правда, великимъ державамъ удалось на нѣкоторое время утишить бурю, но она собиралась и вспыхнула тѣмъ сильнѣе въ 1848 году. Это всеобщее движеніе грозило Европѣ радикальнымъ переворотомъ; оно отличалось отъ всѣхъ прежнихъ не только идеями, но и объемомъ. Исходнымъ пунктомъ послѣдней революціи, также какъ и первой, была Франція; но она дѣйствовала въ 1848 году безъ помощи оружія, а просто электрическимъ вліяніемъ. Едва только разнеслась вѣсть, что въ Парижѣ республика, какъ всѣ политическіе и національные элементы, сдержанные въ западной Европѣ, пришли въ броженіе разомъ. Территоріальный порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ, поколебался въ основаніяхъ. Германскій Союзъ палъ, какъ бы сознавая свою несостоятельность къ борьбѣ; связанные имъ народы увлеклись мыслию объ учрежденіи болѣе крѣпкой федераціи подъ формою имперіи; Швейцарія преобразовала свое устройство; Италія подняла вопросъ о независимости и сліяніи; почти во всѣхъ провинціяхъ и разнородныхъ частяхъ сложныхъ государствъ высказались стремленія къ самобытности; Сицилія, Шлезвигъ-Голштейнъ, Ломбардія, Богемія, Венгерія приготовились къ отпаденію; наконецъ, повсюду введены были демократическія учрежденія и обнародованы новыя хартіи. Трудно сказать, чѣмъ бы окончился этотъ многознаменательный переворотъ, еслибы ему благопріятствовали обстоятельства. Но несвоевременныя и опасныя для общества предпріятія соціалистовъ произвели въ Парижѣ реакцію; консервативное начало постепенно взяло верхъ во Франціи и въ другихъ странахъ; буря улеглась и, оставивъ по себѣ, какъ можно было предвидѣть, глубокіе слѣды, произвела стремительное движеніе назадъ. Прежній политическій порядокъ въ большей или меньшей степени былъ возстановленъ, но въ нѣкоторыхъ государствѣхъ представительная форма правленія, а въ другихъ гражданскія преобразованія удержались въ такомъ видѣ, въ какомъ были введены въ 1848 и 1849 годахъ.

Присматриваясь ближе ко всѣмъ этимъ событіямъ, не трудно подмѣтити въ нихъ рѣзкія, оригинальныя черты вѣка. До французской революціи во всей Европѣ; за исключеніемъ немногихъ

государствъ, напримѣръ Голландіи, Англіи, Швейцаріи, Польши, политическія движенія обыкновенно исходили отъ отдѣльныхъ лицъ, реформы имѣли чисто-административный характеръ, почти не касались устройства, были предпринимаемы мудрыми государями и министрами, и со смертію ихъ большею частію останавливались, а иногда даже вовсе уничтожались. Общество при этомъ обнаруживало мало дѣятельности, оставалось страдательнымъ, хотя и сочувствовало прогрессу.

Доказательствомъ служатъ преобразованія, совершившіяся въ Пруссіи при Фридрихѣ II, въ Австріи при Юсіофѣ II, въ Тосканѣ при Леопольдѣ, въ Португаліи при Помбаля, въ Испаніи при Карлѣ III, въ духѣ энциклопедистовъ, или подъ вліяніемъ физиократическихъ теорій. Напротивъ въ XIX столѣтіи, послѣ Наполеона, мы не находимъ ни одного истинно-творческаго гения, ни одного великаго государственнаго реформатора, который бы, такъ сказать, взялъ въ свои руки судьбу народа и дѣйствовалъ исключительно по личному усмотрѣнію. Всѣ политическія знаменитости нашего времени служатъ или органами партій, или руководителями массы; улучшенія начинаются непосредственно отъ общества, въ нихъ участвуютъ націи, или по крайней мѣрѣ просвѣщенные сословія; перевороты направлены къ одной изъ двухъ цѣлей—къ пріобрѣтенію внѣшней независимости, или къ измѣненію органическихъ законовъ, а иногда къ той и другой вмѣстѣ; административныя реформы происходятъ обыкновенно вслѣдствіе преобразованій конституціонныхъ; представителями реакціи, напротивъ, являются большею частію отдѣльныя лица и арміи. Въ этомъ собственно состоитъ отличительный характеръ XIX вѣка. Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что настоящая эпоха бѣдна талантами, лишена умственныхъ органовъ, и потому не имѣетъ опредѣленныхъ тенденцій, не отличается послѣдовательностью въ своихъ требованіяхъ. Намъ кажется, что эти упреки не совсѣмъ основательны. Правда, истекшее столѣтіе произвело много гениальныхъ людей: ему принадлежатъ славныя подвижники имперіи и реставраціи, такъ же какъ и Наполеонъ; всѣ они были одарены крѣпкимъ духомъ, непреклонною волею, творчествомъ, смотрѣли на народъ, какъ на матеріалъ, которому можно дать любую форму, обращались съ нимъ по произволу для своихъ цѣлей, работали напряженно, неутомимо, оставили послѣ себя пробѣлъ и нѣкоторое истощеніе силъ. Слѣдовавшее за ними поколѣніе можетъ казаться посредственнымъ; оно выставило мало личностей выше обыкновеннаго уровня.

Но если съ этой стороны исторія XIX столѣтія не такъ грандіозна, если личности не играютъ въ ней особенно блестящей роли, — за то она несравненно значительнѣе по содержанию, за то въ ней главное мѣсто занимаетъ общество. Здѣсь нельзя не видѣть превосходства противъ прежняго времени. Трудно согласиться вполнѣ и съ тѣмъ, что дарованія послѣ 1815 года являются рѣже; напротивъ, число полезныхъ и талантливыхъ людей увеличилось. «Наше время, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, замѣчательно объемомъ, распространеніемъ цивилизаціи между многими. Теперь народы стали развиваться въ цѣлости и въ отдѣльныхъ частяхъ, или слояхъ. Послѣ вѣнскаго конгресса, правда, случилось меньше чрезвычайныхъ событий, но за то эти сорокъ лѣтъ ознаменованы общественнымъ движеніемъ. Конечно, въ цѣлой части свѣта оно шло медленно, несвязно; почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы перерывы и задержки въ прогрессѣ, но именно оттого, что масса обширна и разнородна. Во всякомъ случаѣ требованія и обѣщанія эпохи ясны и возвышенны. Практическія науки и техническія искусства сдѣлали въ пятьдесятъ лѣтъ необыкновенныя усилія, чтобы открыть всѣмъ и каждому свободную дорогу къ просвѣщенію и благоденствію. Успѣхи естествознанія втѣснили суевѣріе и невѣжество въ самыя узкія рамки; желѣзныя дороги и телеграфы передаютъ быстро всякій успѣхъ, всякій подвигъ, предпринятый на пользу гражданственности.» Какъ бы ни казался преждевременнымъ этотъ приговоръ, но если судить по результатамъ, уже добытымъ, надобно отдать справедливость современному поколѣнію: оно соединило тѣснѣе части земли, способствовало образованію, развитію частныхъ и международныхъ сношеній, сдѣлало доступнѣе для всѣхъ средства и удобства жизни. Если не все, чего желали и къ чему стремились, достигнуто, то по крайней мѣрѣ многое. По важности изобрѣтеній, XIX столѣтіе превосходитъ даже тотъ вѣкъ, когда были открыты и пущены въ ходъ чудесныя силы компаса и книгопечатанія. Въ дѣятельности правительствъ настоящаго періода также виденъ новый общественный духъ: они заботятся о низшихъ классахъ, о нуждахъ большинства. Верховная власть существуетъ теперь не для привилегированныхъ, а для всѣхъ сословій, — ставить на первый планъ народно-экономическіе интересы, обсуживаетъ мѣры публичной пользы гласно. Эта характеристика можетъ показаться пристрастною тому, кто привыкъ осмѣивать или оплакивать все происходящее въ мірѣ. Но скажемъ въ свою защиту, что мы не

имѣемъ желанія читать панегирикъ современникамъ и выставять однѣ лучшія стороны нашего времени, по заданной напередъ теоріи. Полагая, что каждый вѣкъ вноситъ свою долю на пользу народовъ, мы не думаемъ поклоняться настоящему насчетъ прошедшаго. Намъ нужно было только понять господствующее направленіе умовъ, чтобы слѣдить за ходомъ политической мысли въ Европѣ. Но, признавая прогрессивныя стремленія XIX столѣтія, и тѣмъ отдавая ему справедливость, мы не намѣрены однакожь умалчивать о его недостаткахъ и ошибкахъ. Они будутъ по возможности показаны въ своемъ мѣстѣ, насколько это нужно для объясненія главнаго предмета настоящей статьи.

Еще прежде было сказано, что французская революція произвела сильное потрясеніе въ умахъ. Оно замѣтно при самомъ началѣ XIX вѣка. Не только всѣ потеряли довѣріе къ отвлеченнымъ теоріямъ философовъ, даже авторитетъ политическихъ наукъ поколебался. Правительства и народы смотрѣли подозрительно на публицистовъ; императоръ Наполеонъ называлъ ихъ мечтателями или идеологами, и покровительствовалъ только статистикъ и практическому законовѣдѣнію. Не удивительно, что среди повсемѣстной реакціи теорія общественнаго договора не могла удержаться; на нее напали съ разныхъ сторонъ, и мало-по-малу дошли до совершеннаго отрицанія юридическаго характера въ государствѣ. Къ этимъ нападеніямъ часто примѣшивалось личное чувство, особенно между писателями изъ сословій аристократическаго и духовнаго, какъ наиболѣе пострадавшихъ отъ революціи; впрочемъ явились и такіе публицисты, которые возстали противъ началъ XVIII столѣтія по убѣжденію, въ надеждѣ отвратить будущіе перевороты. Послѣ разрушенія Французской имперіи, ясно обозначились три главныя школы; каждая изъ нихъ защищала реакціонныя идеи съ своей точки зрѣнія. Первенство между ними принадлежитъ школѣ богословской: она выступила съ самымъ рѣзкимъ направленіемъ, имѣла талантливыхъ представителей въ самой Франціи, и приобрѣла на нѣкоторое время большой вѣсъ. Основаніе этой школы положили Бональдъ, де-Местръ и Балланшъ; изъ нихъ особенно замѣчательнъ де-Местръ. Съ набожнымъ и въ то же время остроумнымъ воззрѣніемъ на міръ онъ соединяетъ полное сознаніе своей цѣли и средствъ, отличается силою доводовъ и краснорѣчіемъ. По его понятіямъ, законодательство и порядокъ въ государствѣ основываются на непосредственномъ распоряженіи Божества; онъ дѣлитъ человѣчество на простой народъ, предназначенный къ повиновенію, и дворянство,

призванное управлять; ставить во главѣ обществъ короля, и подчиняетъ его папѣ. Человѣческому уму онъ не даетъ никакого права на государственную дѣятельность; реформы, по его мнѣнію, должны исходить единственно отъ церкви; всякую попытку измѣнить отношенія сословій онъ считаетъ безбожною. Такимъ же духомъ проникнуты сочиненія послѣдователей богословской школы въ Германіи: Адама Мюллера, Краусса и Штала. Всѣ они возстаютъ противъ теоріи договора, и защищаютъ патріархально-теократическія начала (1). Самый даровитый изъ нихъ Шталь: ему нельзя отказать въ глубинѣ взгляда, въ силѣ критики и юридическомъ тактѣ, хотя его теорія невѣрна и построена на заданной напередъ мысли. Признавая государство учрежденіемъ, вытекающимъ изъ духа народа, слѣдовательно человѣческимъ, онъ въ то же время приписываетъ ему божественный характеръ. Но такъ какъ формы правленія неодинаковы, то Божество, по мнѣнію Штала, освящаетъ каждую изъ нихъ для извѣстнаго народа. Результаты теоріи отсюда легко вывести, но не трудно также понять ея шаткость: въ сущности она не доказана, темна и произвольна. Къ числу послѣдователей этой школы можно отнести также Неаполитанца Таппарелли: по его понятіямъ, общество должно быть подчинено одной власти, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, именно католической церкви, которая есть верховный источникъ нравственности, права и политики.

Другая реакціонная школа была основана Галлеромъ (2). Вооружаясь противъ рациональнаго направленія въ политическихъ наукахъ, она не прибѣгала собственно къ теократическимъ началамъ, но находила главную опору государства въ матеріальной силѣ. По ученію Галлера, міръ устроенъ такимъ образомъ, что въ немъ сильный всегда господствуетъ надъ слабымъ. Это естественное владычество проявляется во всѣхъ человѣческихъ союзахъ, на примѣръ въ отношеніяхъ между полами, въ семействѣ, во власти господина, капиталиста, хозяина фабрики и т. п. Оно не передается какимъ-нибудь искусственнымъ образомъ, но, такъ сказать, самую природой. То же самое замѣчаемъ мы въ государствѣ. Кто бы ни стоялъ во главѣ его, поземельный владѣлецъ или военачальникъ, община или каста жрецовъ, *власть въ существѣ своемъ одинакова, и есть не что иное, какъ собственность.*

(1) *Mohl*, Geschichte, I, 254.

(2) *Haller*, Restauration der Staatswissenschaft. 2-te Ausg. 1820.

Она принадлежит правительству лично, и можетъ быть передаваема обыкновенными гражданскими способами, напримѣръ по наслѣдству, покупкою, бракомъ, дареніемъ. Подданные, конечно, могутъ имѣть свои привилегіи, оградить неприкосновенность личности, имущества и т. п., но договоры и обычаи подобного рода случайны. Государственное устройство во всякомъ случаѣ есть частное хозяйственное дѣло; администрація не преслѣдуетъ никакой публичной цѣли, и потому не можетъ быть опредѣлена закономъ; за способъ примѣненія власти отвѣчаетъ одна совѣсть. Понятно, что этимъ ученіемъ не объясняется, а совершенно отвергается существованіе государства, какъ самобытнаго организма. У Галлера первое мѣсто занимаетъ частное право; онъ оставляетъ общество подъ господствомъ силы безъ всякой юридической защиты. Эта капитальная ошибка не вознаграждается другими достоинствами упомянутаго публициста, его логическою послѣдовательностію, остроуміемъ, свѣдѣніями и силою критики. «У него, по выраженію Моля, можно поучиться многому, только не истинѣ.»

Къ противникамъ рационализма должно отнести также англійскихъ публицистовъ изъ партіи ультра-торіевъ и нѣмецкую историко-юридическую школу. Всѣ эти писатели стараются объяснить существо государства изъ дѣйствительности, и во многомъ сходятся между собою. По ихъ понятіямъ, общественныя учрежденія вырабатываются въ жизни, смотря по обстоятельствамъ и по указанію практики; политическая мудрость состоитъ только въ томъ, чтобы найти годное для народа въ данный моментъ. Это направленіе, какъ мы видѣли, возникло еще во время французской революціи; во главѣ его стоялъ Боркъ. Замѣчательно впрочемъ, что оно мало измѣнилось между его ближайшими послѣдователями. Мысль, что государство не можетъ быть построено на началахъ разума, что оно предназначено только для удовлетворенія практическихъ потребностей, высказывается торіями съ такою же силой въ XIX, какъ и въ XVIII столѣтіи. Они впрочемъ не отвергаютъ личной свободы, но признаютъ ея примѣненіе опаснымъ, и поклоняются безусловно обычаю или преданію; имъ кажется, что простой инстинктъ есть самый вѣрный и лучшій руководитель государствъ. Очевидно, что съ этимъ образомъ мыслей не согласно никакое улучшеніе и усовершенствованіе. Гораздо послѣдовательнѣе и основательнѣе взгляды школы исторической. Хотя она, собственно говоря, занималась частнымъ правомъ, но также изложила довольно ясно свое поли-

тическое учение. Лучшие ея представители, Эйхгорнъ, Савиньи, Пухта, считаютъ государство непосредственнымъ результатомъ исторіи и народнаго характера, организмомъ, возникшимъ изъ совмѣстной жизни и данныхъ отношеній извѣстнаго племени. По ихъ убѣжденію, отвлеченный разумъ не имѣетъ вліянія на образованіе этого организма; только тогда, когда вполне развивается народное сознаніе, могутъ явиться реформаторы, специально призванные къ тому, чтобы улучшать общественную жизнь. Эти замѣчанія отчасти справедливы, и подтверждаются фактами, но при всемъ томъ надобно согласиться, что историческая школа представляетъ собою одностороннее направленіе. Ея ученіе объ основаніи и существѣ государства неудовлетворительно и даже не совсѣмъ вѣрно. Нѣтъ нужды доказывать, что *идеи* извѣстной эпохи всегда *дѣйствуютъ на учрежденія*, что каждый даровитый народъ рѣшаетъ политическіе вопросы сознательно, что, наконецъ, національныя требованія и стремленія подчинены высшему разумному закону, который долженъ быть изслѣдованъ и поставленъ во главу науки. Государство есть общая необходимость, общее понятіе, хотя и можетъ имѣть разные виды. Историческая школа не проникла въ сущность предмета, а коснулась его чисто съ внѣшней стороны, приняла одни факты, не углубляясь во внутреннія причины явленій.

Впрочемъ, возставая противъ первоначальнаго направленія исторической школы, мы не хотимъ сказать, чтобы труды ея были бесполезны. Мало-по-малу она измѣнила свои строгія понятія подъ вліяніемъ философіи, и приняла дѣятельное участіе въ разработкѣ политическихъ наукъ. Ей обязанъ XIX вѣкъ глубокими и многосторонними изслѣдованіями. Она объяснила разные виды государства, соотвѣтствующіе разнымъ ступенямъ общественнаго быта, и показала, что это учрежденіе имѣетъ *антропологическое* основаніе. Въ этомъ состоитъ великая заслуга послѣднихъ ея представителей: Дудена, Лео, Блунчли и др. Они отличаются болѣе широкимъ и свободнымъ взглядомъ на жизнь, стараются изучить на основаніи фактовъ главныя качества человеческой природы, и такимъ образомъ постигнуть политическія цѣли, которыя преслѣдуются отдѣльными націями; они обняли обширную сферу исторіи и дѣйствительности, добыли богатые результаты для сравненія. Разумѣется, каждый изъ упомянутыхъ писателей могъ раскрыть только часть истины, но этимъ не уменьшается ихъ относительное достоинство. Притомъ же историческая школа еще не сказала послѣдняго слова, не окончила изысканій, а на-

противъ болѣе и болѣе распространяется во Франціи, въ Англіи, даже въ Америкѣ, и съ принятіемъ новыхъ идей значительно совершенствуетъ свои научные приемы и методу. Ей остается идти впередъ своимъ путемъ, раскрывать основательнѣе человѣческія свойства, и слѣдить за ихъ проявленіемъ въ общественной жизни. Нужно замѣтить только, что эти свойства дѣйствуютъ на государство не прямо, а косвенно, именно тѣмъ, что даютъ извѣстное положеніе народу, внутреннее или внѣшнее, опредѣляютъ цѣли отдѣльныхъ лицъ и соединеній. Соглашеніе этихъ цѣлей и примиреніе сталкивающихся требованій по закону права составляютъ собственно задачу государства, отъ которой оно получаетъ содержаніе и форму. Кромѣ того, не одно качество, но взаимодѣйствіе многихъ, или, говоря точнѣе, совокупность всѣхъ силъ, заключающихся въ природѣ человѣческой, производятъ извѣстное состояніе націи, необходимымъ результатомъ котораго является государство.

Итакъ, изъ всѣхъ упомянутыхъ школъ одна историческая пріобрѣла авторитетъ въ наукѣ; что касается до другихъ, онѣ имѣли мало послѣдователей и не могли остановить прогрессивныхъ стремленій вѣка. Мыслящее большинство находилось на сторонѣ рационализма и юридической теоріи государства, чему много способствовало постепенное введеніе конституціоннаго правленія на континентѣ Европы съ 1814 и 15 годовъ. Почти въ одно и то же время, въ Германіи и Франціи, явилась многочисленная школа, извѣстная подъ именемъ доктринеровъ, и начала съ жаромъ защищать представительное устройство. Монтескье былъ долго ея наставникомъ; она приняла почти въ цѣлости его ученіе и только въ послѣдствіи подвергла его основательной, строгой критикѣ. Вообще къ партіи доктринеровъ принадлежали умѣренные послѣдователи философіи XVIII вѣка; они заботились болѣе всего о томъ, чтобы примирить необузданныя требованія демократіи съ монархіею и найти для народовъ спасительную середину (*juste milieu*), въ которой могли бы господствовать порядокъ и законная свобода. На Англію всѣ они смотрѣли, какъ на образцовое государство, стремились создать и поддержать въ континентальныхъ странахъ учрежденія, подобныя британскимъ и болѣе или менѣе склонялись на сторону аристократіи. Во главѣ этой партіи стояли, въ эпоху реставраціи, самые лучшіе публицисты Франціи, именно: Бенжаменъ-Констанъ, Пажё, Массабидъ, Дону, Барантъ, Дюпенъ, Ланжюинё, Коффиньеръ; изъ германскихъ писателей сюда принадлежатъ: Брендель, Аретинъ,

Кругъ, Ансильонъ, Пелицъ, Гофманъ; изъ итальянскихъ Романъйози. Духъ этой школы распространился и въ Англии, между многими вигами, учениками Бентама. Послѣ июльской революціи эта школа приняла въ себя свѣжіе элементы, сдѣлала нѣкоторыя уступки либерализму, раздробилась на двѣ партіи, охранительную и прогрессивную, и господствовала на континентѣ. Къ ней примкнули почти всѣ политическія знаменитости вѣка: Тьеръ, Гизо, Вильмень, Ремюза, Росси во Франціи; многіе послѣдователи Канта, Роттекъ, Цахаріэ, Дальманъ и отчасти Гегель въ Германіи, лучшіе юристы Италіи. Понятно, что она должна была имѣть огромное вліяніе на политическія науки. Постараемся обозначить въ общихъ чертахъ ея направленіе и отбѣнки.

Главная заслуга доктринеровъ состоитъ, какъ мы уже говорили, въ изслѣдованіи конституціонной формы правленія. Они не только начертали теорію этого устройства, но и объяснили множество связанныхъ съ нимъ политическихъ вопросовъ. Вообще дѣятельность ихъ была очень обширна и плодотворна: многіе изъ нихъ отличались большими дарованіями; нѣкоторые были сильны въ юриспруденціи, другіе опыты въ государственной практикѣ. Однимъ изъ лучшихъ представителей школы можно считать Бентама: онъ безспорно возвышается надъ современниками острымъ и всеобъемлющимъ умомъ, и освѣщаетъ новымъ взглядомъ всю область законодательства и управленія. Со всѣми его выводами, конечно, нельзя согласиться; утилитарная теорія много вредитъ ему, но, несмотря на односторонность, этотъ писатель можетъ быть поставленъ на ряду съ великими двигателями науки. Подъ вліяніемъ его ученія совершены были нѣкоторыя общественныя реформы, какъ въ Англии, такъ и на континентѣ Европы. Онъ основалъ цѣлую школу не только между публицистами, но и въ особенности между государственными людьми. Изъ его многочисленныхъ политико-юридическихъ сочиненій замѣчательна *Тактика законодательныхъ собраній*. Эта книга имѣетъ мало себѣ подобныхъ; на нее можно указать, какъ на образецъ ясности и здравой логики. Свобода членовъ, защита меньшинства, послѣдовательность въ разборѣ дѣлъ, методическое со-вѣщаніе, стойкость въ рѣшеніяхъ, по мнѣнію Бентама, необходимыя условія парламентскаго порядка. Онъ написалъ также любопытный памфлетъ о *политическихъ софизмахъ*, въ которомъ отвергъ отвлеченныя идеи французской революціи о гражданской свободѣ и доказалъ необходимость ея обезпеченія посредствомъ

твердыхъ положительныхъ законовъ и учреждений. Свобода книгопечатанія, тѣсно соединенная съ конституціоннымъ устройствомъ, также обратила на себя вниманіе доктринеровъ. Не удивительно, что по этому вопросу публицисты долго расходились во мнѣніяхъ; сама практика сначала колебалась рѣшить его твердо и опредѣленно. На гласность всѣ смотрѣли какъ на героическое средство противъ злоупотребленій; она казалась слишкомъ опасною для правительства, страшною въ рукахъ націи; нужно было хорошо испытать эту невѣдомую, до того времени сдержанную, силу. Впрочемъ большая часть французскихъ и нѣмецкихъ писателей еще въ 1815 году стала на сторонѣ либеральныхъ началъ, на примѣръ Бенжамень-Констанъ, Гизо, Кругъ, Велькеръ; предварительную цензуру защищали немногіе. Послѣ іюльской революціи замѣтно больше согласія между публицистами, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ: почти всѣ пришли къ убѣжденію, что репрессивныя мѣры противъ книгопечатанія необходимы только для предупрежденія возмутительной пропаганды и для защиты частныхъ лицъ отъ клеветы; въ другихъ отношеніяхъ независимость науки и литературы была признана въ теории и даже въ практикѣ. По крайней мѣрѣ можно сказать, что въ XIX вѣкѣ ни одно изъ западно-европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Австріи, не стѣсняло до такой степени книгопечатанія, какъ въ XVIII. Даже періодическимъ изданіямъ была предоставлена свобода, если не вполне, то во всякомъ случаѣ съ меньшими противъ прежняго ограниченіями.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь всѣхъ частныхъ конституціоннаго устройства, которыхъ касались доктринеры (1); остановимся только на главныхъ его началахъ: ихъ объясненіемъ преимущественно занималась эта школа. Самое видное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гизо и лорду Бруму: они трудились надъ исторіею представительнаго правленія; другіе, на примѣръ Бенжамень-Констанъ, Роттекъ, Гелло, изложили цѣлую систему законодательства и политики; третьи, какъ Дону и Шербюлье, указали на общественныя и личныя гарантіи для охраненія свободы, именно на выборъ представителей, на публичный процессъ, на суды присяжныхъ, на отвѣтственность министровъ и чиновниковъ. Рѣшая эти капиталыныя вопросы, публицисты

(1) *Molt*, Geschichte I. 305—312.

мало-по-малу пришли къ идеѣ правительственнаго единства. Ученіе о договорѣ общественномъ также было отвергнуто, когда истинно-юридическій характеръ государства высказался яснѣе, когда поняли, что оно получаетъ твердость не отъ случая и человѣческаго произвола, но отъ законовъ и органическихъ учрежденій; чѣмъ болѣе желали привести политическое устройство въ согласіе съ дѣйствительными пользами націй, тѣмъ болѣе распространялось убѣжденіе, что государство есть необходимое явленіе жизни и требованіе человѣческой природы. Такимъ образомъ отвлеченные споры о существѣ и атрибутахъ верховной власти прекратились; публицисты занялись болѣе изслѣдованіемъ формы представительства и обратили вниманіе на права подданныхъ, на вмѣшательство камеръ въ дѣла администраціи и т. под. Въ самомъ дѣлѣ эти вопросы были гораздо важнѣе. Вскорѣ послѣ введенія конституціонныхъ хартій произошли на континентѣ Европы несогласія по поводу избранія министровъ. Правительства усвоили себѣ власть назначать начальниковъ администраціи по собственному усмотрѣнію; напротивъ камеры желали, чтобы они назначались изъ людей, имѣвшихъ за собой большинство. Этотъ разладъ привелъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Представительныя собранія оспаривали предлагаемые бюджеты, систематически сопротивлялись всякому новому закону и мѣшали управленію; напротивъ, министры прибѣгали къ насильственному распущенію, дѣйствовали косвенно на выборы и старались привлечь къ себѣ депутатовъ всевозможными средствами. Такая система достигала на время своей цѣли, но раньше или позже подкапывала уваженіе къ устройству и народную нравственность. Только въ Бельгіи совѣтники короны избирались такъ же, какъ въ Англіи, то-есть между органами господствующихъ въ парламентѣ партій; напротивъ во Франціи и въ Германіи этого порядка не придерживались, а потому неудовольствія и споры увеличивались. Наконецъ, въ 1848 году, дѣло дошло до всеобщаго взрыва, который надолго разрушилъ надежды на конституціонное устройство и увеличилъ число приверженцевъ республиканскаго правленія. Къ сожалѣнію, наука не могла вовремя помочь дѣлу; доктринеры обратили вниманіе на этотъ предметъ слишкомъ поздно: они думали, что для укрѣпленія представительныхъ началъ важнѣе всего свобода выборовъ, и не высказали ясно своего взгляда на отношенія министерства къ палатамъ. Не ранѣе какъ при Лудовикѣ-Филиппѣ, который старался пріобрѣсть личное вліяніе на кабинеты и на парламентское большинство, Тьеръ

предъявилъ требованіе, «чтобы король только царствовалъ, а не управлялъ». Но этотъ остроумный софизмъ не рѣшилъ спорнаго вопроса: разладъ между правительствомъ и націею продолжался до самаго паденія Орлеанской династіи. Въ Германіи еще меньше понимали механизмъ конституціоннаго правленія: здѣсь естественный переходъ членовъ сильной оппозиціи въ министерство считался чѣмъ-то въ родѣ измѣны; національныя партіи почти не участвовали въ составленіи кабинетовъ, и такъ-называемая парламентская система не могла укрѣпиться. Всѣ жаловались на бевсиліе хартій (Schein-Constitutionalismus) и не видѣли, что единственное средство поддержать авторитетъ ихъ состояло въ прекращеніи дуализма въ администраціи. Отсюда не трудно объяснить, почему между нѣмецкими писателями послѣдняго времени встрѣчается такъ много противниковъ представительной монархіи (1).

Вообще послѣ 1848 года доктринеры лишились популярности и упали, чему способствовали въ значительной степени политическія событія, а отчасти ошибки главныхъ представителей школы, которые обнаружили во время переворота излишнюю самонадѣянность и упорство. Не беремся рѣшительно судить, въ какой мѣрѣ была способна къ государственной дѣятельности эта школа; но что бы ни говорили о ея неудачахъ въ практикѣ, заслуги ея для науки неоспоримы. Она не увлекалась чисто отвлеченными понятіями, а только возвела въ теорію то, что нашла въ дѣйствительности. Доктринеры не были идеологами, а слѣдовали строго, можетъ-быть уже слишкомъ строго, положительному направленію. Они ясно предвидѣли трудности приложенія конституціонныхъ началъ на материкѣ Европы и старались, по мѣрѣ силъ, облегчить рѣшеніе главной задачи; но здѣсь многое зависѣло не отъ нихъ, а отъ внѣшнихъ причинъ, съ которыми трудно бороться публицисту. Положимъ, что они не поняли всѣхъ условій представительнаго устройства и не объяснили вовремя существа парламентской системы, — тѣмъ не менѣе они основательно обсудили разные, прежде вовсе не тронутые, политическіе вопросы. Монографіи и памфлеты Бентама надолго останутся образцовыми; изслѣдованія французскихъ публицистовъ, временъ Людовика-Филиппа, до сихъ поръ не потеряли значенія. Говоря безпристрастно, немногія школы выставили столько дарованій; немногимъ суждено

(1) *Mohl*, Geschichte. I. 313—320.

было подвизаться такъ долго на пользу политическаго просвѣщенія. Около тридцати лѣтъ доктринеры были руководящими органами прогресса, занимали самыя видныя мѣста на трибунѣ, въ кабинетахъ, въ журналистикѣ, и сошли со сцены только тогда, когда вслѣдствіе измѣненія условій жизни, задача ихъ была кончена.

Чтобы понять новое направленіе политической мысли въ Европѣ, нужно замѣтить, — что наука до послѣдняго времени обходила одинъ капитальный вопросъ, безъ котораго природа и цѣль государства не можетъ быть вполне раскрыта. Всѣ писатели, начиная отъ учениковъ Бэкона и энциклопедистовъ до Канта и доктринеровъ включительно, обращали вниманіе преимущественно на права и обязанности подданныхъ въ отношеніи къ верховной власти, переходили прямо отъ человѣка къ государству, повидимому, не подозревая, что въ общественной жизни есть разныя, совершенно самобытныя сферы, что каждая изъ этихъ сферъ устроена своеобразно и болѣе или менѣе независимо отъ прочихъ. Имъ казалось, что правительство имѣетъ дѣло только съ отдѣльными лицами и съ семействами, какъ будто бы не было между людьми другихъ связей, кромѣ естественной и политической. Въ государствахъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствуютъ двоякаго рода отношенія: частныя, или гражданскія, и публичныя. Между публицистами шелъ жаркій споръ о формахъ правленія, о происхожденіи власти, о границахъ свободы; но никому не приходило въ голову изслѣдовать организацію общества на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, или въ современномъ положеніи. Самое слово: *общество*, не имѣло опредѣленнаго смысла; даже тѣ представители науки, которые защищали независимость личности, не признавали существованія человѣческихъ соединеній, или думали, что эти соединенія совершенно подчинены государству. Только экономисты разсматривали организацію общественной жизни независимо отъ политическаго устройства, но они касались однихъ матеріальныхъ, хозяйственныхъ интересовъ.

Вопросъ объ отношеніи общества къ государству былъ поднятъ новѣйшею философіей. Она подвергла критикѣ атомистическое ученіе Канта и высказала, хотя и не совѣмъ ясно, новый взглядъ на человѣческіе союзы. Изъ ея представителей, Гегель пользовался въ этомъ отношеніи особеннымъ авторитетомъ между нѣкоторыми публицистами. По мнѣнію Гегеля, теорія договора не можетъ быть принята наукою и не подтверждается фактами дѣйствительной жизни; существованіе государства не зависитъ отъ

воли отдѣльныхъ лицъ, но вытекаетъ изъ самой необходимости, или объективной разумности; онъ ставитъ между человѣкомъ и правительствомъ гражданское общество, или совокупность живущихъ одно подлѣ другаго семействъ, и старается отыскать законы, необходимыя для этого соединенія. Къ сожалѣнію, Гегель не изслѣдовалъ природы и жизни гражданского общества; оно является у него чѣмъ-то мертвымъ, неорганическимъ, и совершенно исчезаетъ въ государствѣ. По справедливому замѣчанію Моля, Гегель въ процессѣ своего мышленія дошелъ только до формальнаго понятія объ обществѣ, но вовсе не имѣлъ и не раскрылъ этого понятія въ его сущности. «Трудно сказать, говоритъ Моля, слѣдуетъ ли называть заслугою или скорѣе вредомъ то, что сдѣлано Гегелемъ относительно ученія объ обществѣ.» Самое возрѣніе Гегеля на государство темно и неопредѣленно: онъ думаетъ, что задача правительства состоитъ въ осуществленіи (Objectivierung) нравственнаго закона. Но подобная цѣль едва ли можетъ быть достигнута. Верховная власть не имѣетъ къ тому никакихъ вѣрныхъ средствъ. Почти то же можно сказать объ ученіи Гербарта. Онъ сознаетъ идею общества, всматривается въ его природу, видитъ въ немъ «соединенную и опредѣленную волю многихъ лицъ, стремящихся къ извѣстной цѣли», и справедливо замѣчаетъ, что человѣкъ въ одно и то же время можетъ быть членомъ многихъ обществъ и вступать съ людьми въ отдѣльные, независимые союзы для осуществленія практическихъ идей. Но эти мысли не приводятъ Гербарта ни къ какимъ положительнымъ и новымъ результатамъ. Онъ не находитъ въ человѣческихъ соединеніяхъ внутренней сдерживающей силы и подчиняетъ ихъ безусловно государству, «цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать всѣмъ нравственно-общественнымъ стремленіямъ». Гораздо ближе къ истинѣ стоятъ послѣдователи Краузе, особенно Аренсъ. Этотъ замѣчательный юристъ хотя еще не изложилъ вполнѣ своего политическаго ученія, но по крайней мѣрѣ начерталъ философію права, въ которой ярко отражается духъ современной науки (1). Аренсъ даетъ ассоціаціи великое

(1) *Ahrens cours du droit naturel*. Brux. 1853 (3-me édition). *Organische Staatslehre*. Wien. 1850. Erster Th. Вторая часть этого сочиненія еще не вышла. Авторъ издаетъ теперь юридическую энциклопедію (Wien. 1854. 55. zwei Lieferungen), въ которой также представлено его ученіе о государствѣ въ главныхъ чертахъ.

значеніе, рѣзко разграничиваетъ общество отъ государства, назначаетъ независимое мѣсто каждой сферѣ человѣческихъ интересовъ и сводитъ разные союзы, смотря по идеѣ, лежащей въ ихъ основаніи, въ одну группу. Органическая сила соединенія показана у него довольно ясно; если во многомъ съ нимъ нельзя согласиться, то всякомъ случаѣ на него слѣдуетъ указать, какъ на одного изъ главныхъ представителей новаго направленія. Необыкновенный успѣхъ его книги есть лучшее доказательство того, что она отвѣчаетъ требованіямъ вѣка. Съ каждымъ годомъ идея общества выясняется болѣе и болѣе въ жизни; эту идею разрабатываетъ теперь цѣлая школа публицистовъ, которая по справедливости называетъ себя *общественною*. Она распространилась въ послѣднее время вездѣ, и мы можемъ смѣло предсказать ей блестящую будущность.

Но прежде нежели политическія науки приняли это новое, плодотворное направленіе, прежде нежели общественная философія сдѣлалась предметомъ серьезнаго изслѣдованія, во Франціи еще въ эпоху іюльской революціи явилась фаланга смѣлыхъ преобразователей, извѣстныхъ подъ именемъ социалистовъ и коммунистовъ. Эти люди выступали съ радикальными, разрушительными теоріями, и сдѣлались особенно грозными для Европы въ 1848 году, когда всеобщій переворотъ, повидимому, благопріятствовалъ ихъ стремленіямъ. Сознывая необходимость улучшить судьбу низшаго, особенно рабочаго класса, они находили для этого недостаточными однѣ политическія реформы и думали, что измѣненіе государственныхъ учреждений и законовъ не поможетъ злу, что въ самомъ устройствѣ современнаго общества есть большіе недостатки, что для исправленія ихъ нѣтъ другаго средства какъ пересоздать весь порядокъ человѣческихъ отношеній. Мы не намѣрены впрочемъ разбирать здѣсь безчисленныхъ проектовъ, предложенныхъ этими писателями. Достаточно замѣтить, что они распадаются на три главныя школы, которыя въ основныхъ идеяхъ сходны между собою. Первая изъ нихъ извѣстна подъ именемъ Сенъ-Симонистовъ; цѣль ея состояла въ томъ, чтобы учредить такой союзъ, въ которомъ бы каждый человѣкъ занялъ мѣсто сообразно своимъ способностямъ и труду (*à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres*), и чтобы всѣмъ людямъ даны были средства къ удовлетворенію потребностей изъ общаго имущества. Скоро послѣ разрушенія этой школы, Фурье основалъ другую, и обѣщалъ своимъ послѣдователямъ комфортъ и высокіе проценты съ капиталовъ, если они согласятся работать въ ма-

стерскихъ совместно и равномерно. Коммунисты пошли еще далѣе: по ихъ мнѣнію, главный источникъ общественныхъ бѣдствій заключается въ собственности; ея уничтоженіе должно привести къ полному равенству и счастію. Не трудно понять, что всѣ эти экономическіе планы оказались несбыточными на практикѣ, и произвели только временное потрясеніе въ умахъ. Когда общество успокоилось, и переворотъ прошелъ, всѣ поняли, что утопія не можетъ имѣть близкихъ и рѣшительныхъ послѣдствій и не такъ опасна для спокойствія и цивилизаціи, какъ думали прежде. Не говоря о шаткости и незрѣлости основнаго ученія, многія средства, предложенныя соціалистами въ видахъ реформы, или невозможны, или безнравственны, или губельны для человѣческой личности. Самыя понятія ихъ объ обществѣ невѣрны: они смотрятъ на него съ хозяйственной, грубо-матеріальной точки зрѣнія, приносятъ въ жертву своему идеалу духовно-нравственную природу человѣка, и сводятъ всѣ отношенія между людьми къ вещественному міру, т.-е. къ имуществу. Что касается до политическаго ученія соціалистовъ, оно проникнуто мыслию о всемогуществѣ государства. Кругъ дѣятельности ихъ республики чрезвычайно обширенъ: она соединяетъ въ себѣ должности предпринимателя, капиталиста, купца и т. п., править работами гражданъ, устраиваетъ народныя удовольствія и праздники, короче сказать, не имѣетъ границъ, вмѣшивается въ разныя отрасли общественной и частной жизни и больше всего вредитъ свободѣ.

Но несмотря на странности и ошибки соціалистовъ, они дали сильный толчокъ наукѣ и принесли извѣстнаго рода пользу, именно вызвали противъ себя критику, и тѣмъ подвинули къ размышленію о природѣ и организаціи общества. Можетъ-быть, эти вопросы еще долго не обратили бы на себя вниманія публики, еслибы сюда не примѣшалось любопытство и нѣкоторый страхъ предъ разрушительнымъ ученіемъ. Сначала выступили противъ соціальныхъ теорій экономисты; они отстаивали преимущественно хозяйственное устройство общества. Въ такомъ духѣ написаны критическія сочиненія Рейбб, Сюдра, Бидермана, Гильдебранда и Штейна. Но мало-по-малу полемика перешла на другія стороны предмета; въ ней приняли участіе государственные люди, публицисты, историки, философы. Всѣ принялись обрабатывать общественную науку съ разныхъ точекъ зрѣнія. Положеніе рабочихъ классовъ и пауперизмъ—двѣ великія практическія задачи нашего времени—возбудили особенный интересъ на Западѣ. Исслѣдованія Виллермэ, Энгельса, Дюкпесіо, Бюре пролили яр-

кій свѣтъ на невѣдомыя прежде сферы народнаго быта. Потому естественно родилась потребность проникнуть глубже въ отношенія сословій, прослѣдить постепенное развитіе и показать современное состояніе аристократіи, горожанъ и крестьянства. Этою мыслію были проникнуты знаменитые ученые нашего времени—Лябе, Риччи и особенно Риль. Они собрали по исторіи и физиологіи общества богатые матеріалы, которые послужатъ основаніемъ къ сціентифическому построенію новой науки, состоящей въ самой близкой, тѣсной связи съ государственными науками. Это явленіе заслуживаетъ, чтобы на него обратить вниманіе. Мы не будемъ впрочемъ повторять здѣсь сказаннаго другими (1). При томъ же результаты, добытые трудами общественной школы, касаются нашего предмета отчасти. Именно, намъ необходимо знать, въ какой степени затронута ими идея о государствѣ. Мольтъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, не упустилъ этого изъ виду: онъ основательно объясняетъ отношеніе общества къ правительству и науки общественной къ разнымъ отраслямъ политическаго званія (2). Мы можемъ послѣдовать за нашимъ руководителемъ.

«Общество, говоритъ Мольтъ, не есть отвлеченная идея; оно существуетъ въ дѣйствительности, хотя и долго не было понято наукою. У каждаго народа, несмотря на различіе образа жизни и формы правленія, можно замѣтить три вида отношеній: отношенія отдѣльныхъ лицъ, государственныя (внѣшнія и внутреннія) и наконецъ общественныя въ тѣсномъ смыслѣ. О первыхъ нѣтъ нужды распространяться: они имѣютъ индивидуальный характеръ и при всемъ своемъ разнообразіи весьма опредѣленны; изъ нихъ вытекаютъ права и обязанности челоука или гражданина; ихъ легко раздѣлить на категоріи и подвести подъ извѣстные законы; они выясняются и упорядочиваются ранѣе другихъ, сами собою, обычаемъ, договоромъ или авторитетомъ. Отношенія государственныя предполагаютъ преобладающую волю, общую силу, органическое единство и систему учреждений. Какъ только люди выходятъ изъ дикаго состоянія, они непременно вступаютъ въ политическій союзъ, въ тѣсное соединеніе подъ защитой внѣшней власти, и устраиваютъ порядокъ. Несмотря на уклоне-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», іюнь 1857, *Физиологія общества*, статья г. Безобразова.

(2) *Mohl, Geschichte*, I, 88—110.

ніе формъ, всё государства имѣють одну природу; въ нихъ легко отыскать общіе признаки. Дѣятельность ихъ принимаетъ двойное направленіе—внѣшнее и внутреннее: они естественно стремятся къ независимости отъ чуждаго вліянія, къ самоуправленію, и смотрятъ непріязненно на иностранцевъ. Только на высшей степени развитія возникаетъ между разными правительствами и отдѣльными народами связь въ видахъ удовлетворенія взаимныхъ нуждъ, которая ведетъ къ постоянному общенію и наконецъ къ сознанію универсальныхъ, всемірныхъ интересовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ государства также можно замѣтить присутствіе и вліяніе одной идеи; каждое правительство сознательно преслѣдуетъ свою цѣль; въ каждомъ политическомъ союзѣ вырабатывается устройство, опредѣляются права и обязанности подданныхъ къ государству, границы вмѣшательства власти въ сферу личной свободы, участіе гражданъ въ администраціи и законодательствѣ, наконецъ сфера дѣятельности подчиненныхъ органовъ. Итакъ несмотря на подвижность этихъ отношеній, они въ сущности ясны и опредѣленны, хотя государство, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, именно: съ религіозной, нравственной, юридической и хозяйственной.

Гораздо труднѣе уловить и привести къ единству *отношенія общественныя*. Они до того разнообразны и запутаны, что часто ускользають отъ самаго испытующаго анализа. Наука долго не могла подмѣтить въ нихъ ни одной характеристической черты, и потому они оставались неопредѣленными. Но если всмотрѣться внимательно въ исторію, она представляетъ явленія и факты совершенно оригинальные, исключительные, которые не имѣють характера частнаго или государственнаго, и отличаются своеобразными признаками. Мы видимъ наприимѣръ, что у всѣхъ народовъ существуютъ сословія или классы; они являются не всегда вслѣдствіе привилегій, но зависятъ отъ самаго образа жизни и занятій. Правда, верховная власть нерѣдко подчиняетъ ихъ своей цѣли, даетъ имъ законы, но это не отнимаетъ независимости у каждаго сословія. Духовенство, поземельные владѣльцы, купцы, ремесленники, крестьяне представляютъ до сихъ поръ, несмотря на общее стремленіе къ равенству, какъ бы отдѣльныя корпораціи. Члены извѣстнаго класса связаны общею жизнію, общими интересами, нравами, обычаями и чувствами; они ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ классамъ. Поразительнымъ доказательствомъ того, что государство безсильно разрушить эти отно-

шенія, служить касты Индіи: онѣ пережили самые страшные перевороты, не исчезли подъ вѣковымъ владычествомъ иностранцевъ и сохранились до сихъ поръ въ своихъ угловатыхъ формахъ. Другое замѣчательное явленіе есть *община*. Связанная съ государствомъ, какъ его органической членъ, она однакоже сохраняетъ независимый характеръ, существуетъ не только какъ административный округъ, но какъ отдѣльный міръ, который имѣетъ свою жизнь, свои мѣстные интересы, учрежденія и свои потребности, совершенно не касающіяся правительства. Члены общины проникнуты особеннымъ духомъ, ведутъ борьбу, составляютъ партіи, несутъ повинности, подчиняются извѣстнымъ обычаямъ. Всѣ происходящія отсюда отношенія не могутъ быть названы ни частными, ни политическими.

Въ нѣкоторыхъ странахъ имѣютъ значеніе племена (*гасы*), особенно если они сохраняютъ рѣзкій, неизгладимый типъ, или владычествуютъ одно надъ другимъ. Здѣсь мы непременно находимъ оригинальные обычаи и предрасудки, средство и отчужденіе, привязанность и ненависть въ большей или меньшей степени. Иногда высшая раса вовсе не признаетъ человѣческаго достоинства въ низшей. И напрасно пытается государство примирить враждебные элементы, связать ихъ закономъ! Оно не имѣетъ для этого средствъ. Образованному читателю извѣстны отношенія бѣлыхъ къ неграмъ въ невольническихъ и даже въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, англо-саксонскаго поколѣнія къ кельтическому въ Ирландіи, Индусовъ къ Монголамъ, христіанъ къ Евреямъ. Никто не считаетъ этихъ отношеній политическими: они не созданы правительствомъ и не уступаютъ ему.

Между людьми происходятъ также извѣстныя отношенія изъ труда и обладанія землею. Работники, капиталисты, фермеры, помѣщики, составляютъ какъ бы отдѣльныя общества; каждое изъ нихъ живетъ въ своей сферѣ, преслѣдуетъ совмѣстные интересы, независимо отъ правительства, и нерѣдко имѣетъ вліяніе на весь бытъ государства. Стоить только вспомнить, какую роль играютъ эти отношенія на западѣ Европы; на примѣръ въ Англіи, или во Франціи.

Наконецъ религія и просвѣщеніе служатъ духовными, но не менѣе сильными органами общественныхъ связей. Но мы не будемъ продолжать. Эти примѣры доказываютъ убѣдительно существованіе отношеній, не подходящихъ подъ категорію част-

ныхъ и государственныхъ, но совершенно независимыхъ. Намъ нужно теперь опредѣлить точнѣ ихъ признаки.

Прежде всего замѣтимъ, что эти отношенія возникаютъ не изъ временныхъ, но изъ постоянныхъ или по крайней мѣрѣ продолжительныхъ причинъ. Скоропреходящая сила, конечно, можетъ имѣть вліяніе на народъ, но оно мало-по-малу изглаживается, слабѣетъ. Только существенные, духовные или физическіе интересы способны пробудить въ людяхъ одинаковое сознаніе, соединить ихъ тѣсными и крѣпкими узами, и затронуть самую жизнь. Чѣмъ сильнѣе общій интересъ, тѣмъ сильнѣе корпоративный духъ. Члены сословій, какъ мы часто видимъ, носятъ въ себѣ этотъ духъ, съ нимъ рождаются, живутъ и умираютъ; онъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, заглушаетъ иногда политическій смыслъ, владычествуетъ надъ личными и человѣческими чувствами. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что каждое изъ упомянутыхъ соединеній замкнуто въ самомъ себѣ, сосредоточено, не можетъ расширяться. Тотъ интересъ не имѣетъ въ себѣ общественнаго свойства, который охватываетъ нѣсколько лицъ. Онъ долженъ проникнуть въ широкую сферу отношеній: тогда только становится замѣтнымъ его вліяніе на жизнь. Такъ какъ человѣкъ преслѣдуетъ разныя цѣли, то чѣмъ далѣе онъ идетъ впередъ, тѣмъ менѣе удовлетворяетъ его одно общество. Такимъ образомъ число союзовъ естественно возрастаетъ; объемъ ихъ не ограничивается государствомъ; они могутъ соединить цѣлыя части свѣта, связать общими интересами многіе народы.

Надобно прибавить еще, что общества не всегда требуютъ организациі отъ правительства, но происходятъ и развиваются сами собою, естественно, не принужденно, силою интереса. Ихъ создаетъ не произволь; они рождаются изъ фактовъ, какъ неизбежныя послѣдствія, какъ физиологическіе результаты. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ни одинъ изъ упомянутыхъ союзовъ не можетъ быть устроенъ; изъ исторіи видно, что въ нихъ непременно вырабатывается порядокъ посредствомъ автономіи, или при содѣйствіи власти. Дѣло только въ томъ, что форма не измѣняетъ природы отношеній. Если всѣ эти признаки вѣрны, то существованіе общества не подлежитъ сомнѣнію. Общественная сфера независима отъ личной: люди двигаются здѣсь въ массѣ; ихъ поступками руководитъ не частное побужденіе, а связующая причина, собирательная цѣль. Личность преслѣдуетъ отдѣльные интересы, въ соединеніяхъ преобладаетъ интересъ корпораціи. Разумѣется, и въ обществѣ человѣкъ можетъ имѣть

своекорыстныя стремленія; но онъ старается закрыть ихъ выгодами цѣлаго союза, частныя же отношенія въ окончательныхъ результатахъ всегда направлены къ непосредственной пользѣ каждаго субъекта, хотя и основываются на началахъ взаимности. Депутатъ или выборный, защищающій права сословія, дѣйствуетъ во имя общества; заимодавецъ, преслѣдующій своего должника, дѣйствуетъ во имя гражданскаго закона, отъ своего лица, индивидуально.

Разница между общественными и политическими отношеніями еще яснѣе. Государство есть органъ народнаго единства. Эта идея не только лежитъ въ основаніи верховной власти и коренныхъ учреждений, но проявляется во всѣхъ правительственныхъ функціяхъ, даже въ мѣстныхъ распоряженіяхъ администраціи. Напротивъ общества имѣютъ исключительный интересъ, преслѣдуютъ спеціальную цѣль; какъ бы они ни были обширны, какъ бы далеко ни простирались, въ нихъ удерживается этотъ характеръ. Если они не противодѣйствуютъ власти, отсюда не слѣдуетъ, что они исчезаютъ въ государствѣ. Отъ гармоніи до тождества еще далеко. Правительству принадлежитъ только то, что имъ создано, что отъ него получаетъ единственную опору; но въ жизни многое происходитъ безъ воли и безъ вѣдома правительства. Даже если государство организуетъ извѣстные союзы, предписываетъ имъ законы, это ничего не доказываетъ: они сохраняютъ до извѣстной степени свою самостоятельность. Верховная власть имѣетъ права и обязанность требовать, чтобы корпораціи не вредили политическому единству, не мѣшали свободѣ гражданъ; она можетъ и должна уничтожать всякій вредный наростъ и неправомѣрный порядокъ въ обществѣ; можетъ также признать извѣстныя корпораціи годными для его цѣлей и дать имъ законное устройство. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣчь идетъ только о формѣ, а не о матеріи: государство своимъ прикосновеніемъ не разрушаетъ природы общества, такъ же какъ и природы человѣка.

Устройство обществъ не одинаково; оно представляетъ безчисленные оттѣнки у разныхъ народовъ и даже внутри извѣстнаго государства часто перемѣняется. Это зависитъ отъ многихъ причинъ, и прежде всего отъ положенія и характера племенъ; кромѣ того, интересы не вездѣ тождественны и равносильны; наконецъ самыя соединенія развиваются не вдругъ, сначала бываютъ слабы, и уже въ послѣдствіи крѣпнуть, усложняются, перекрещиваются между собою. Но здѣсь не мѣсто объяснять

подробно вліяніе мѣстныхъ и временныхъ условій на человѣческіе союзы. Намъ остается опредѣлить въ краткихъ чертахъ содержаніе общественныхъ наукъ и отношеніе ихъ къ политическимъ.

Полагая, что общество, какъ всякое человѣческое отношеніе, можно разсматривать съ точки зрѣнія права, нравственности и пользы, и что при этомъ историческіе факты должны быть отдѣлены отъ догматическихъ началъ, мы получимъ слѣдующія науки: 1) основное ученіе объ обществѣ (соціологія), то-есть идея общества, его законы, составныя части, цѣль и отношеніе къ другимъ сферамъ человѣческой жизни; 2) общественное право, 3) общественная нравственность, 4) общественная политика (*soziale Politik*), то-есть наука объ организаціи и о средствахъ общества; 5) общественная экономія, 6) исторія общества, 7) общественная статистика (1).

Раскрытіе идеи общества отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ политическихъ убѣжденіяхъ, и произвело въ литературѣ жаркіе споры, которыхъ исходъ трудно еще предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, полемика публицистовъ и соціологовъ не должна разрушать единства и гармоніи между ними. Науки общественныя, по своему предмету, близко соприкасаются съ науками государственными; взаимная связь ихъ очевидна; одна отрасль знанія дополняетъ другую. Публицистъ можетъ многое заимствовать у соціолога, и наоборотъ; ихъ изысканія собственно направлены къ одной цѣли — къ уразумѣнію законовъ, дѣйствующихъ въ человѣческихъ союзахъ. Тѣмъ не менѣе однакоже каждая область должна быть разграничена отъ другой, и сохраняетъ самостоятельность. Многіе предметы, которые прежде разсматривались въ наукѣ правленія, непременно отойдутъ отъ нея. Сюда относятся нѣкоторыя части публичнаго права, напримѣръ внутреннее устройство церкви, сословій, ремеслъ. Національная экономія уже заняла принадлежащее ей мѣсто въ ряду наукъ общественныхъ, и конечно измѣнитъ несоотвѣтствующее ей названіе (*économie politique*); только прикладныя ея части, именно государственное благоустройство и теорія финансовъ, должны сохранить

(1) Разумѣется, не всѣ эти науки сдѣлались самостоятельными и округленными: нѣкоторыя изъ нихъ возникли въ послѣднее время, нѣкоторыя существуютъ только въ идеѣ, а на практикѣ смѣшиваются съ другими отраслями знанія, именно съ политическими науками.

настоящее свое положеніе. Впрочемъ всѣ эти измѣненія не могутъ произвести переворота въ политическихъ наукахъ и повредить имъ; онѣ всегда будутъ отдѣльною отраслью знанія, потому что имѣютъ свою задачу, свое независимое призваніе. Идея общества есть необходимый результатъ долговременныхъ изысканій человеческого ума; она выработалась путемъ анализа, которому въ теченіе двухъ столѣтій было подвергнуто государство. Этотъ анализъ предприняли сами публицисты. Они дѣйствовали здѣсь сознательно и послѣдовательно: отстаивали прежде всего личность, разложили политическій организмъ на атомы, открыли въ немъ составныя части, объясняли ихъ взаимное сочетаніе, но никогда не теряли изъ виду, что всѣ элементы должны быть приведены къ единству. Такимъ образомъ наука только пустила отъ себя новыя отрасли, но не лишилась цѣлости. Правительственное искусство сохранить свое значеніе до тѣхъ поръ, пока существуютъ государства: оно сдѣлается только болѣе точнымъ и менѣе труднымъ, когда въ обществахъ пробудится свободная и разумная жизнь. Мертвые органы не даютъ крѣпости тѣлу; оно пріобрѣтаетъ силу и гибкость не иначе, какъ посредствомъ упражненія и развитія всѣхъ членовъ. Въ природѣ нѣтъ застоя; движеніе есть ея законъ.

Гораздо важнѣе тѣ результаты, которые добыты подъ влияніемъ новыхъ общественныхъ идей въ основномъ ученіи о государствѣ. Это ученіе теперь прояснилось; шаткія отвлеченныя теоріи XVIII вѣка окончательно отвергнуты. Никто не смотритъ въ настоящее время на политическій организмъ, какъ на безобразную массу людей; въ немъ замѣчены связующія нити; потребность государственнаго строя признана всѣми; единство и нераздѣльность правительства считается верховнымъ, необходимымъ закономъ; задача верховной власти изслѣдована глубже и опредѣлена точнѣе. Старинный, безконечный споръ о цѣли государства упрощается тѣмъ болѣе, чѣмъ осязательнѣе становится его отношеніе къ обществу, которому оно даетъ правомѣрный порядокъ и вспомошествованіе. Наконецъ вопросъ о происхожденіи государства сдѣлался понятнѣе съ тѣхъ поръ, какъ доказано существованіе другихъ человеческихъ союзовъ. Гипотеза такъ-называемаго «естественнаго состоянія» разрушена, какъ призракъ воображенія, какъ фантастическая утопія; исторія и физиологія общества убѣждаютъ наглядно, примѣрами и фактами, что государство является въ жизни какъ необходимость, и по мѣрѣ развитія народа становится сознательнымъ. На публичное право

новая наука также имѣла благотѣльное вліяніе: она подняла вопросъ объ отношеніи правительства къ общественнымъ соединеніямъ. Публицисты, говоря о независимомъ устройствѣ церкви, давно уже коснулись этого предмета; но не могли вполне разъяснить его, потому что не имѣли точки опоры и путеводныхъ началъ. Теперь мы можемъ ожидать цѣлостныхъ, всестороннихъ изслѣдованій подобнаго рода. Уже положено основаніе къ рѣшенію этой трудной задачи. Въ послѣднее время нѣкоторые писатели провели болѣе вѣрныя границы для вмѣшательства власти въ дѣло организаціи общества (1).

Ограничиваемся пока этими немногими замѣчаніями. Читатель видитъ отсюда, какихъ богатыхъ послѣдствій можно ожидать для политическихъ наукъ отъ новаго направленія. Но мы имѣемъ дѣло съ прошедшимъ, а не съ будущимъ. Идея общества раскрыта недавно, усвоена далеко не всѣми писателями и, такъ сказать, не получила еще полного гражданства. Во всякомъ случаѣ, судя по добытымъ въ послѣдніе годы результатамъ, мы въ правѣ возлагать наши надежды на новую школу. До сихъ поръ главное призваніе публициста состояло въ защитѣ личности; надъ этимъ преимущественно работали великіе умы съ половины XVII до половины XIX вѣка; этою дорогою шли представители европейской мысли — Гротъ, Бэконъ, Локкъ, Монтескье, энциклопедисты, Кантъ, доктринеры. Трудъ ихъ не потерянъ: они отстаивали неприкосновенность и независимость челоука; свобода совѣсти, промышленности и торговли признана въ Европѣ, по крайней мѣрѣ передовыми народами; права гражданскія и политическія обезпечены въ христіанскихъ государствахъ въ большей степени, нежели гдѣ-нибудь; другія племена идутъ тою же дорогою по мѣрѣ усвоенія цивилизаціи... Теперь наступаетъ иная пора. На долю науки выпала болѣе сложная задача, болѣе высокое на-

(1) Мы можемъ указать здѣсь на одну замѣчательную книгу. Она вышла въ Лондонѣ, въ 1851 году, подъ заглавіемъ: *Общественная статика* (Social statics), и написана Гербертомъ Спенсеромъ (Spencer), даровитымъ сотрудникомъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, одного изъ лучшихъ и независимыхъ политическихъ журналовъ въ Европѣ. Спенсеръ — защитникъ общественнаго самоуправленія (selfgovernment); онъ искусно отстаиваетъ это начло въ упомянутомъ сочиненіи и въ одномъ памфлетѣ: *Объ излишнемъ законодательствѣ* (Overlegislation). *Westminster Review*, 1853, July.

значеніе, именно разъясненіе и обезпеченіе общества. Публицисты должны глубоко изучить естественное устройство человѣческихъ соединеній, внутреннія основы, силы и законы каждаго союза и всѣхъ вмѣстѣ. Время утопій и мечтаній прошло невозвратно. Въ настоящее время, большинство уже не вѣрять въ произвольные планы такъ-называемыхъ политиковъ, не имѣеть пристрастія къ формамъ, въ которыхъ ищутъ единственнаго спасенія бюрократы, не полагаются ни на рутину, ни на искусственную механику. «Теперь, говоритъ Спенсеръ, смотреть не на внѣшность, а на сущность вещей, и для всего ищутъ матеріальной или нравственной опоры... Тамъ, гдѣ прежде находили хаосъ, находятъ величественный планъ; гдѣ видѣли случай, тамъ открываютъ порядокъ; что считали аномаліей, уклоненіемъ, въ томъ замѣчаютъ мысль и аналогію съ однородными фактами. Природа вездѣ являетъ жизненныя начала: они дѣйствуютъ вѣчно. Развитіе общественнаго организма идетъ медленно, но неотразимо, и высказывается то въ рѣзкихъ формахъ, то въ едва-замѣтныхъ сочетаніяхъ, смотря по возрасту. Перемены происходятъ при невидимомъ вліяніи чудесной силы, увлекающей правительства и народы впередъ, наперекоръ теоріямъ, планамъ и предразсудкамъ; она высасываетъ соки изъ самыхъ прославленныхъ учреждений, обращаетъ въ прахъ пергамены, рушитъ почтенные авторитеты, стираетъ глубоко-вѣзданные законы, приводитъ въ ужасъ государственныхъ мужей, стыдитъ недалековидныхъ предвѣщателей, хоронитъ любимые обычаи, и прежде чѣмъ люди успѣютъ осмотрѣться, въ жизни уже совершился, какъ бы безсознательно, неожиданный переворотъ... Даже въ бѣдствіяхъ государствъ публицисты открываютъ элементы великой, благотворной борьбы. Но особенно поразительно для ума то, какъ просты начала, съ помощію которыхъ можно исправить недостатки, какъ легко отыскать въ человѣческой природѣ вѣрныя средства противъ политическаго зла. *Мудрость Божества видна столько же въ устройствѣ планетной системы, сколько въ естественномъ равновѣсіи общества.*» (1)

Мы привели эти слова, чтобы показать, какъ смотреть на свою задачу новая школа. Повидимому, нѣтъ основанія отчаиваться за ея успѣхъ. Она приступаетъ къ дѣлу безъ самонадѣянности, безъ заданныхъ теорій, но съ сознаніемъ трудности предмета, «съ уваженіемъ и страхомъ», стремится проникнуть въ сущность

(1) *Herbert Spencer, Social statics pp. 293, 4.*

вещей, и уразумѣть естественное устройство общества. Если судить по направленію и методѣ, можно рассчитывать, что новѣйшіе публицисты сдѣлаютъ многое, но какъ далеко двинуть они знаніе, въ какой степени достигнуть точныхъ результатовъ, рѣшить трудно въ настоящее время.

Мы слѣдили до сихъ поръ за общимъ движеніемъ политической мысли въ Европѣ. Теперь разсмотримъ каждую изъ государственныхъ наукъ въ особенности; въ бѣгломъ очеркѣ многое остается непонятнымъ и неполнымъ; только въ частномъ обзорѣ, въ подробностяхъ, можно видѣть, что сдѣлано публицистами въ продолженіе двухъ столѣтій (1650—1850). При этомъ необходимо показать еще, насколько участвовали разные европейскіе народы въ обработкѣ отдѣльныхъ отраслей знанія.

Д. Каченовскій.

11-го октября.

НА РУБЕЖѢ

ПОВѢСТЬ (1)

Мы не станемъ однако слѣдить подробно за ходомъ страшной эпидеміи; скажемъ только, не наскучая читателямъ, что мало-помалу порядокъ водворился въ селѣ Знаменскомъ, что цѣлыя залы наполнялись кроватами и больными, что Федору Павловичу и Татьянѣ было не мало занятій, что, работая, заботясь и отдавая приказанія вмѣстѣ, они и отдыхали вмѣстѣ отъ трудовъ дня. Мало-по-малу они не только привыкли другъ къ другу, но стали другъ другу необходимы; одинъ вовсе не замѣчалъ того, что позабылъ просиживать цѣлые дни у Юліи, а другая, что общество деревенскаго доктора показалось бы ей невозможнымъ мѣсяць тому назадъ, а интимныя отношенія къ нему, какъ ни были они приличны, естественны и только дружественны, сочли бы ею за преступленіе. Въ кодексѣ ея правилъ былъ такъ тѣсенъ, и еще такъ недавно, несмотря на всѣ свои чтенія, которыя не были проведены ею въ жизнь, она, думая о немъ, выражалась столь употребительно въ ея классѣ фразой: *ces gens là!* желая выразить этимъ словомъ не презрѣніе, а только мысль, что *касты*, какъ въ древнемъ Египтѣ, не могутъ придти въ иное соприкосновеніе какъ должностное, необходимое, въ которомъ одинъ приказываетъ, хотя и подъ формою просьбы, а другой повинуется, вставая съ кончика стула. Теперь поглощенная иною мыслию,

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», № 20-й.

отданная инымъ, доселѣ незнакомымъ ей заботамъ, она забыла условныя обыкновенія, и научилась, помимо положенія, цѣнить человека. Человекъ впервые явился ей независимо отъ своего условнаго значенія; она такъ удивилась этому открытію, что забыла о разницѣ своей и его сферы и обо всемъ томъ, въ чемъ не сомнѣвалась съ самаго рожденія. Онъ, точно такъ же какъ и она, отдѣлилъ въ умѣ своемъ помѣщицу нѣсколькихъ тысячъ душъ, петербургскую даму, генеральшу, отъ этой милой, доброй, чувствительной Татьяны, которую видѣлъ цѣлый день у постели больныхъ, и съ которою пилъ чай вечеромъ, отдыхая отъ заботъ и хлопотъ дня. Какъ часто нашъ внутренній міръ не согласуется съ внѣшними обстоятельствами, насъ окружающими! Кто разкажетъ, какое внутреннее спокойствіе, довольство, тишина овладѣли сердцами обоихъ молодыхъ людей, въ то самое время, какъ смерть безпощадно косила вокругъ? Они не были равнодушны къ общему бѣдствію, они храбро противостояли ему и боролись съ нимъ, не жалѣя себя, скорбя о погибшихъ, радуясь спасеннымъ; но бывали минуты, когда, отданные самимъ себѣ, они забывали все и всѣхъ, предаваясь сладостной, полной поэзій дремотѣ, которую навѣвало на души ихъ что-то имъ неизвѣстное, окружившее ихъ своею чарующею, одуряющею атмосферой. Никогда не была она такъ счастлива, и что-то младенчески-безмятежное и сладкое обьяло ея сердце; никогда не былъ онъ онъ такъ свѣжъ, такъ полонъ силъ (несмотря на многія безсонныя ночи), такъ возбужденъ къ дѣятельности, и такъ склоненъ къ тихой мечтательности, какъ въ эти послѣднія недѣли, хотя ему бы, конечно, не пришло на умъ, дать такое имя своей настроенности; вѣдъ онъ считалъ себя совершенно неспособнымъ къ чему-нибудь подобному, и былъ особенно увѣренъ въ неподкупной стойкости и силѣ своего разума, еще болѣе въ томъ, что былъ прозаикъ и человекъ практической. Оба они мало думали о себѣ, и жили быстрою жизнью дня, не анализируя себя и не заботясь ни о чемъ. Куда дѣвалась прежняя тоска ея, тоска, загнавшая ее въ глушь забытаго селенія? Она позабыла самое слово это, и понятіе, въ немъ заключенное, было ей чуждо, будто никогда не касалось ея.

Однажды въ концѣ іюля, послѣ особенно труднаго дня, принесшаго съ собою не мало заботы, послѣ знойнаго дня, особенно губительнаго для больныхъ, она вышла подышать чистымъ воздухомъ; дочь ея бѣгала въ цвѣтникъ (она уже перестала бояться за нее, и не допуская ея въ свои комнаты, гуляла каждый день съ нею) и срывала пышныя розы, резеду и левкои,

которые были въ полномъ цвѣту, и буквально закрывали своими маковками высокія клумбы цвѣтника; аромать растений, при закатѣ солнца, распространялъ благоуханіе въ вечернемъ воздухѣ, и такъ пропиталъ его собою, что въ немъ было что-то острое и пронзительное, какъ запахъ небольшой гостиной, черезъ мѣру окуренной пахучими снадобьями. Она шла медленно по узкой извилистой дорожкѣ и смотрѣла вдаль, жадно впитывая въ себя упоительный, какъ сильный напитокъ, воздухъ. Солнце садилось, и широкая розовая полоса на горизонтѣ окрасила полнеба своимъ нѣжнымъ отблескомъ; все было тихо, ни струйки вѣтерка, ничто не шелохнулось, и только шорохъ ея шелкового платья по песчаной дорожкѣ нарушалъ тишину, да дальній крикъ кузнечика въ травѣ напоминалъ о цѣломъ мірѣ настѣкомыхъ, укрывшихся на ночь въ густую, изумрудную траву. Федоръ Павловичъ шелъ подлѣ нея; оба они молчали, но молчаніе говорило лучше словъ о безмятежномъ состояніи ихъ душъ, о сладкой нѣгѣ чувствъ, о спокойствіи сердца. Она взглянула на него своими ласковыми, бархатными глазами, и сказала тихо, съ неописанною нѣгой во всѣхъ чертахъ прекраснаго лица:

— Знаете ли, о чемъ я сейчасъ думала?

— Угадать? спросилъ онъ улыбаясь.

— Не угадаете. Я была далеко отсюда. Вы знаете, что я много путешествовала и любовалась такими красотами южной природы, о которыхъ нельзя имѣть понятія, не видавъ ихъ. Описанія ничего не значать, все блѣдно передъ дѣйствительностію. Я видѣла закатъ солнца въ Неаполѣ, и все море, покрытое какими-то радужными, разнообразными цвѣтами, которые, сливаясь вмѣстѣ, составляли съ небомъ что-то цѣлое, гармоническое, чарующее. На Альпахъ, въ морѣ льдовъ, восходящее солнце строило волшебные замки съ горящими, какъ золото шпиками, съ стѣнами ослѣпительной бѣлизны, будто то были массы серебра, изукрашенныя гигантскою рукой невѣдомаго мастера. И какъ причудливы, разнообразны, ослѣпительны казались мнѣ эти массы льдовъ, принимавшія всѣ виды, всѣ формы, отъ массивныхъ тяжелыхъ стѣнъ замка до тонкихъ, вверхъ летящихъ турецкихъ минаретовъ! Но всего не перескажешь. Я любовалась, бывало, на эти чудеса природы; но никогда, нѣтъ, никогда не чувствовала я ничего подобнаго тому, что овладѣло моею душой въ эту минуту. Взгляните на это солнце, которое тонетъ на горизонтѣ: какъ хорошо оно, какая тишина, какое

спокойствіе! а во мнѣ самой—я не знаю, какъ выразить то, что происходитъ со мною. Мнѣ такъ хорошо, такъ радостно! мнѣ кажется, что до сихъ поръ я любовалась природой какъ-то холодно, а что теперь я люблю ее, люблю до обожанія, и что именно такое чувство есть единственное проявленіе любви и благодарности, пріятное Богу. Неужели, избалованные привычкой видѣть каждый день и солнце, и небо, и весь прекрасный Божій міръ, мы отупѣли для наслажденія, и только въ рѣдкія минуты способны отдаться вполне этому упоительному чувству? Хороша, какъ хороша земля наша, убранная цвѣтами, наше небо, какъ хороша жизнь наша! Отчего же я поняла это такъ поздно, и чувствую это вполне только теперь? Что же вы молчите? спросила она черезъ мгновеніе, не получая отвѣта на свою восторженную, задушевную рѣчь.

— Я слушаю васъ и не могу заслушаться. Каждое ваше слово проникнуто такою задушевностью, такимъ горячимъ сочувствіемъ ко всему прекрасному, что я могу только слушать васъ, но самъ не могу говорить. Земля и небо хороши, говорите вы. Да, правда, и никогда еще не казались онѣ мнѣ такъ прекрасны; но подлѣ меня, со мною, есть другое, что прекраснѣе земли и неба, это вѣнецъ созданія, какъ говоритъ Библія, это женщина въ полномъ развитіи красоты ума и сердца. Для меня земля, небо, эта зелень, эти цвѣты, этотъ упоющій благоуханіемъ воздухъ, все это насъ окружающее, только рамка очаровательной картины. На первомъ планѣ стоите вы и ваша маленькая дочь (она вела ее за руку), и вы сами не подозреваете, какъ вы обѣ прекрасны въ эту минуту.

Щеки ея подернулись легкимъ румянцемъ. Онъ продолжалъ:

— Вы себѣ не судья, но взгляните только на Маню: не прелестна ли она съ этою кудрявою головкой, улыбающимся личикомъ, свѣтлыми глазками, съ этимъ букетомъ въ рукахъ, который не такъ свѣжъ и не такъ пышенъ, какъ ея дѣтская красота?

Она нагнулась, и взявъ дѣвочку на руки, подняла ее какъ перышко съ земли и страстно прижала ее къ сердцу; она покрывала поцѣлуями эту милую головку. Казалось, сердце ея такъ переполнилось чувствомъ, что излить часть его было ей необходимо. И если доктору такъ часто въ послѣдствіи являлся образъ блѣдной, испуганной женщины, приближающейся къ постели больного со свѣчою въ рукахъ, то какъ часто томило

ее воспоминаніе этого вечера, самаго счастливаго изъ всѣхъ счастливыхъ минутъ, выпавшихъ ей на долю, въ теченіи долгой жизни! Маня перешла изъ ея рукъ на его руки, и долго несъ онъ дѣвочку, которая, обнявъ его за шею одною рукою, другою держала руку матери, будто соединяя его и ее. Бѣдное дитя не знало, что дѣлало, и эта ли роль назначена была ей судьбою?

А Юлія? Мы забыли ее, бѣдная Юлія! Мы поступили съ нею точно такъ же, какъ Федоръ Павловичъ. Сперва онъ не могъ думать о ней безъ нѣкотораго неудовольствія. Не видя ея подлѣ Татьяны, у постели больныхъ, онъ совершенно забылъ, что самъ совѣтовалъ ей остаться съ матерью, и что она не могла и не умѣла поступать иначе, какъ безпрекословно повинувась; ему, помимо воли, хотѣлось видѣть въ ней болѣе силы, увѣрится, что она способна на порывъ, на увлеченіе, которые бы, въ случаѣ нужды, привели ее, несмотря на запрещеніе матери и его самого, туда, гдѣ она могла быть полезна. Онъ забылъ, что самъ очень недавно называлъ увлеченіе неразумностію, и такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ о томъ, что должно осиливать это недостойное чувство; онъ самъ приучилъ ее къ безграничному повиновенію, а теперь требовалъ противнаго. Но мужчины созданы именно такъ, что они прощаютъ даже то, чего простить нельзя женщинамъ, которыхъ страстно любятъ, и доходятъ до невозможныхъ требованій въ отношеніи къ женщинамъ, которыхъ имѣютъ несчастіе воспитывать, чтобы потомъ удостоить чести сдѣлаться ихъ покорнѣйшими женами. Несмотря, однако, на это небольшое неудовольствіе, Федоръ Павловичъ былъ попрежнему очень милъ съ Юліей, но уже не оставался съ ней такъ долго, какъ прежде, и не находилъ предметовъ для разговора, и еще менѣе для поученій. Каждое утро и каждый вечеръ онъ приходилъ къ Ивану Ивановичу, и ссылаясь на огромное количество больныхъ, едва оставался на полчаса. Юлія горевала, но ей не приходило въ голову, что Федоръ Павловичъ могъ измѣниться въ отношеніи къ ней; холера свирѣпствовала, дочери предводителя были въ городѣ, стало-быть ей и ревновать его было не къ кому. Когда первый страхъ, навѣянный эпидеміею, миновался, Юлія могла выходить въ садъ, и даже къ знакомымъ, но ей было запрещено приближаться къ дому. А именно туда-то и желала бы она заглянуть, туда-то и рвалась она. Но съ одной стороны мать, а съ другой строгій руководитель ея на стезѣ жизни, не позволяли ей допустить и мысли о такомъ явномъ непослушаніи. День

ея тянулся въ ожиданіи его вечерняго посѣщенія, но посѣщеніе это было кратко; приходила ночь и навѣвала на нея болѣзненные грезы. Ей казалось, что онъ, блѣдный, изнуренный, измученный, разнемогается, и страшная болѣзнь раздражается на немъ; она узнаетъ это, никакая сила не можетъ остановить ее, она не слушается матери, она вырывается изъ рукъ ея, и бѣжитъ, бѣжитъ къ нему умереть съ нимъ или спасти его; ея ласки, ея заботы возвращаютъ его къ жизни, и вотъ онъ ужь выздоравливаетъ; опершись на ея руку, онъ выходитъ въ первый разъ изъ своей комнаты, и вотъ оба они стоятъ передъ ея отцомъ, и онъ даетъ свое согласіе на ихъ бракъ. Это видѣніе смѣняется другимъ и тяготитъ ее какъ кошмаръ; ей кажется, что онъ умираетъ, и прощаясь съ нею, говорить ей о любви своей. Тутъ обильныя слезы прерывали ея грезы; она вскакивала съ постели и бѣжала къ отцу; случалось, что она ужь заставала тамъ Феодора Павловича, но какъ онъ былъ мало похожъ на того, котораго ей рисовала мечта! Ночью онъ являлся блѣднымъ, изнеможеннымъ, умирающимъ, онъ говорилъ ей о любви нѣжнымъ, слабымъ голосомъ, а передъ нею сидѣлъ свѣжій, здоровый молодой человекъ, съ румянцемъ въ лицѣ, съ весело-глядѣвшими глазами; разговоры его съ старикомъ были живы и веселы, и съ какимъ аппетитомъ онъ пилъ чай и ѣлъ масло, которое она подавала ему улыбаясь! Потомъ онъ вставалъ поспѣшно, говоря, что пора къ больнымъ, и схвативъ фуражку, надѣвалъ ее на свои черныя, раскошныя кудри, и легкою поступью выходилъ изъ дома, не оглядываясь ни разу назадъ. Юлія говорила тихонько: «слава Богу!» но сама не зная почему, вздыхала и грустила. Ей случалось замѣтить ему, что онъ сталъ здоровѣе, и кажется, веселѣе съ тѣхъ поръ, какъ ему столько дѣла. Онъ смѣясь сознавался, что это правда, и прибавлялъ, что медицина сроднилась съ нимъ, а практика необходима для его полного счастья. Къ тому же онъ лѣчилъ холеру особенно удачно, и спасъ такъ много людей, что все это придаетъ ему и бодрости, и силы. Иванъ Ивановичъ восхищался имъ, Палагея Семеновна превозносила его до небесъ, а Юлія не могла надивиться его добродѣтели и чувству его любви къ человѣчеству, которыя посреди такихъ ужасовъ (это было ея выраженіе) могли поддерживать въ немъ не только бодрость, но даже особенную веселость и ясность духа. Такимъ образомъ всѣ были довольны въ Знаменскомъ, и сама Юлія если и грустила безотчетно, то не такъ, чтобы кто-либо посторонній или онъ самъ могли замѣтить грусть ея.

Прошелъ еще мѣсяцъ, который свелъ Федора Павловича и Татьяну еще ближе; они приучились заботиться другъ о другѣ, и уже не скрывали этого одинъ отъ другаго; его отношенія къ ней были похожи на отношенія друга и опекуна. Онъ часто позволялъ себѣ сердиться на нее не шутя, и бранилъ ее, когда она, съ легкомысліемъ, которое свойственно всѣмъ женщинамъ, занятымъ не исключительно собою, не берегла своего здоровья и выходила въ туманный сырой вечеръ на террасу, позабывъ набросить теплый бурнусъ или шаль. И что же? Она улыбалась, и улыбалась спѣшила возвратиться въ домъ или укутывалась поданнымъ ей плащомъ, который онъ приносилъ ей самъ и надѣвалъ на нее заботливо, продолжая ворчать и журить ее. Ей не входило въ голову спросить у себя, кто далъ ему право такъ о ней заботиться, и почему она, въ свою очередь, не могла спать спокойно, когда знала, что онъ сидитъ у изголовья трудныхъ больныхъ. Ей бы хотѣлось встать и пойдти къ нему, но она уже не смѣла сдѣлать этого, и мысль, что онъ встрѣтитъ ее отрывистыми словами въ родѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ это вы здѣсь? ваше присутствіе теперь совершенно бесполезно, подите, подите!»—сковывала ее. Часто до утра она не смыкала глазъ, или спала тревожнымъ сномъ, полнымъ томящихъ грезъ. Первое ея слово, по пробужденіи, былъ вопросъ Машѣ:

— Гдѣ докторъ? пришелъ? Что новаго?

Одѣвшись, она говорила горничной:

— Скажи, что чай готовъ.

И горничная не спрашивала кому сказать, а уходила поспѣшно, и за нею являлся тотчасъ Федоръ Павловичъ и разказывалъ подробно обо всемъ, что было новаго. Потомъ они принимались пить чай, и толкамъ ихъ не было конца. Да и могло ли быть иначе? Это были два Колумба, открывшіе два новые міра, и сошедшіеся на рубежѣ ихъ, едва вѣря и дивясь еще своему открытію. Въ ихъ понятіяхъ произошла перемѣна. Онъ не отвергалъ уже такъ безусловно всего того, что было для нея закономъ съ самаго дѣтства, а она, въ свою очередь, принимала за истину то, чего онъ никакъ не уступалъ ей, и припоминала, что и прежде сердце ея, не спросясь ея, сочувствовало всему этому. Такимъ образомъ, заимствуя одинъ у другаго многое, — хотя она уступала ему болѣе, чѣмъ онъ ей, — они сошлись совершенно. Тамъ, гдѣ дѣло касалось только сердца, они были заодно, въ одномъ ставѣ и на одномъ постѣ. Но когда рѣчь шла о мнѣніяхъ, то они спорили жарко, защищая каждый свое понятіе или правило, и

эти самые споры не только завлекали ихъ впередъ и впередъ къ большому сближенію, но еще многое сглаживали въ нихъ обоихъ. Мало-по-малу, какъ сбиваютъ высокія маковки травы легкою, но мѣтко-пущенною тростью, онъ сбивалъ въ ней самые нелѣпыя изъ предразсудковъ, вложенныхъ въ нее воспитаніемъ; многое уяснилъ онъ ей въ ней самой, и все то, что лежало въ ней какъ зародышъ, онъ развилъ въ пышный цвѣтъ, и вѣрилъ, что этотъ цвѣтъ долженъ былъ принести богатый плодъ. Она, съ своей стороны, развила въ немъ изящество формы, дала ему мягкость, въ которой онъ нуждался, и вылѣчила его отъ ужасной нравственной болѣзни—считать себя непогрѣшимымъ и сознавать свое превосходство надъ всѣмъ окружающимъ. Эта, очень извинительная, по его положенію, слабость, въ томъ обществѣ, которое окружало его доселѣ, могла бы развиться до самообожанія; всякій, кто бы прислушался къ его разговорамъ съ Юліей, понялъ бы непременно, до какой крайности, онъ былъ способенъ дойти въ этомъ отношеніи. Теперь... но теперь только онъ научился любить, а не разсуждать о любви, онъ научился уважать женщину, не твердя объ уваженіи, научился благоговѣть передъ сокровищами ума и сердца, которыми надѣлила ее природа, и понялъ многое, о чемъ прежде и не грезилъ. Гдѣ былъ его разумъ, которымъ онъ такъ кичился прежде? Гдѣ было его резонерство, которое онъ принималъ за житейскую мудрость? Гдѣ были его затверженные, но на опытѣ не основанные, афоризмы о благо-разуміи, самообладаніи и о многомъ другомъ, что ежедневно все глубже и глубже тонуло въ той глубокой, бездонной пропасти, въ которую любовь и страсть втягиваютъ одареннаго сердцемъ человѣка? Прежде и онъ, и она, воспитанные въ разныхъ сферахъ, подъ разными условіями, въ различныхъ правилахъ, дошли разными путями до одного убѣжденія: человѣку, по ихъ мнѣнію, дана была возможность не поддаваться чувству и всегда сохранять надъ собою неотъемлемое *veto*. Гдѣ было теперь это убѣжденіе? Судьба зло смѣялась надъ ними, она играла ими безжалостно. Они любили другъ друга безумно, не могли уже жить другъ безъ друга, связанные страстію и привычкою, и еще, увы! не подозрѣвали этого. Ему влюбиться въ знатную, богатую даму! Какое безуміе, недостойное порядочнаго человѣка! сказалъ бы онъ сперва. Ей, Истоминой, влюбиться въ доктора, въ сельскаго доктора — какое преступленіе! сказала бы она. Два мѣсяца тому назадъ, онъ бы сказалъ это съ приличною важно-стію, а она съ особеннымъ достоинствомъ. А теперь!.. Теперь

они сидѣли рядомъ за круглымъ столомъ, пили чай, ходили гулять, обѣдали, и часъ летѣлъ за часомъ, день за днемъ, въ спорахъ, разговорахъ, разказахъ; самыя занятія разлучали ихъ не надолго, да и то развѣ для того, чтобы каждый изъ нихъ съ большимъ удовольствіемъ ждалъ минуты новаго свиданія. Мало-по-малу эти свиданія стали еще чаще, еще продолжительнѣе, и они почти уже не разлучались. Cholera прекращалась; давно уже больные (ихъ было мало, да и тѣ не были опасно больны) были переведены въ небольшую избу на мызѣ, куда онъ отправлялся два раза въ день, а она два раза въ недѣлю. Ея жизнь приняла бы прежній однообразный и холодный характеръ, еслибы въ нее не вторгся уже новый элементъ, могучій, всепоглощающій, присутствіе котораго Татьяна замѣчала только по тому особенно счастливому настроенію, которое овладѣло ею. Къ тому же, ей не мудрено поддаться этому ослѣпленію насчетъ собственнаго чувства; оно захватило ее врасплохъ, посреди необыкновенныхъ критическихъ обстоятельствъ, посреди разящей смерти, ежеминутной опасности. И вотъ опасность миновалась, и она не успѣла еще опомниться, какъ ея сближеніе съ нимъ внесло такой разладъ въ ея умъ, что ей едва ли однажды случилось заснуть, не думая о томъ, что онъ утверждалъ утромъ или доказывалъ вечеромъ, и что такъ разнорѣчило съ тѣмъ, чему она слѣпо покорялась до сихъ поръ. Она не имѣла времени думать о себѣ и о томъ, что испытывала; мозгъ ея работалъ, и трудно, не безъ страданія и сомнѣнія, переваривалъ ту суровую пищу, которую докторъ предлагалъ ей съ такимъ жаркимъ убѣжденіемъ и такою безграничною вѣрою. Они часто читали вмѣстѣ, и эти чтенія только поддерживали ихъ споры, кипѣвшіе умомъ и жизнію. Всѣ ея понятія были провѣрены имъ, и рѣдкое изъ нихъ уцѣлѣло или отстояло себя; даже литературный вкусъ ея подвергся пересмотру. Она хотя и мало читала Дюма, Сулье и другихъ французскихъ романистовъ, но рѣшительно не потому, что они принадлежать къ уродливой школѣ, а потому только, что французская литература *безнравственна*. Федоръ Павловичъ осмѣивалъ ее безжалостно и безпощадно.

— Какъ тверда та нравственность, восклицалъ онъ, — которая боится дурной книги! Какъ много можетъ положиться на такую нравственность отецъ, мужъ или братъ! Такъ ужъ мы боимся не жизни и ея искушеній, а двухъ-часоваго чтенія глупѣйшаго, пустѣйшаго романа! Какъ я уважаю такую нравственность! Да что такое нравственность? Убѣжденіе, что вотъ то

хорошо, а это дурно. Да вѣдь это результатъ всего мыслящаго существа нашего, а вы боитесь, что какая-нибудь книжонка истребитъ въ васъ то, что должно слиться съ вашею кровью и течъ въ вашихъ жилахъ, чего нельзя отнять, не отнявъ жизни и крови. И это вамъ не стыдно? И вы еще говорите это съ такимъ довольнымъ видомъ и утвердительнымъ тономъ!

— Да что вы это на меня напали? говорила она, улыбаясь и смѣясь, хотя въ сущности ей становилось совѣстно. — Я не боюсь никакой книги, но *pourquoi me salir l'imagination?*

— Впервыхъ, говорилъ онъ, начиная сердиться и потому говоря холодно, — и Дюма, и Сулье, и Сю, и кто тамъ у нихъ писалъ еще въ этомъ родѣ, всѣ они написали, слава Богу, не одну книгу, и между ними есть книги нисколько не грязныя, а просто пустыя. Вотъ еслибы вы не читали ихъ потому, что онѣ пусты, я понялъ бы васъ. Вовторыхъ, что это за слово: *me salir l'imagination?* Извините меня за выраженіе, но я привыкъ говорить правду — вѣдь это пошлость, да, пошлость. Да развѣ вы въ подробности не знаете милліона скандальныхъ исторій, которыя разказываются безъ зазрѣнія совѣсти въ вашихъ гостинныхъ? Многія изъ этихъ исторій я узналъ отъ васъ (она покраснѣла), вы мнѣ передали ихъ, хотя безъ подробностей, которыя я, конечно, угадалъ. Хороши исторіи! славныя подробности!

Она вспыхнула, хотѣла говорить, онъ прервалъ ее:

— Такъ эти исторіи не грязнятъ воображеніе, а романъ грязнить его? Странно! Такъ стало-быть женщинѣ вашихъ лѣтъ не надо ничего читать?

— Я читаю англійскія книги и романы.

— Я очень люблю, очень уважаю англійскую литературу; но, знаете ли? я готовъ иногда возненавидѣть ее за предпочтеніе, которое отдаютъ ей всѣ холодныя, неспособныя ни на какое чувство женщины, женщины эгоистки, или лицемерки, или что еще хуже...

— Благодарю васъ, сказала она такимъ тономъ, что онъ замолкъ и склонился къ ней, и молча взявъ ее руку, которую она силилась отнять у него, и однако не отняла. Онъ поцѣловалъ ее руку, но не такъ какъ цѣлуетъ влюбленный, а приникъ къ ней съ благоговѣніемъ, какъ къ святынь.

— Вы не думаете, вы не можете думать, что я считаю васъ такою, произнесъ онъ наконецъ: — я горжусь тѣмъ, что умѣю цѣнить ваше сердце! Ваши мысли, я знаю это, такъ возвышенны, такъ чисты! Развѣ я васъ не знаю? Вы останетесь для меня

идеаломъ женщины, и я счастливъ, что встрѣтилъ васъ, узналъ, что есть такая женщина, что она живетъ, существуетъ.

— Полноте! мнѣ стыдно васъ слушать. Какой вы странный человѣкъ! То вы браните меня до грубости, право ужъ такъ рѣзко, что мнѣ даже больно слушать; то превозносите до небесъ.

— Браню я не васъ, а тѣхъ, кто внушилъ вамъ фальшивыя понятія, а вамъ, вашему сердцу, и особенно инстинкту добра, который не умеръ въ васъ въ той средѣ, гдѣ вы жили, я всегда буду удивляться. Особенно дорого мнѣ ваше первое движеніе: оно всегда высоко и благородно.

— Вы избалуете меня, и я въ самомъ дѣлѣ...

— Воображайте, что вы чудная женщина, воображайте, я очень радъ. Только тотъ, по моему, можетъ идти впередъ, кто способенъ оцѣнить въ себѣ все доброе и злое. Оставьте же меня спорить съ вами, бранить васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляться и обожать несравненныя качества вашего сердца...

— Но съ уговоромъ, сказала она, грозя пальцемъ; и этотъ жестъ показался ему такъ милъ, а добродушное лукавство на ея добромъ лицѣ такъ очаровательно, что онъ едва устоялъ отъ желанія схватить эту маленькую ручку, и замереть на ней долго, долго...

И разговоръ прекращался или обращался на другіе предметы; но видно мысли, имъ высказанныя, занимали ее, потому что она при первомъ удобномъ случаѣ опять наводила разговоръ на тотъ же вопросъ. Какъ всѣ люди, не понимающіе вполне того, что было сказано, или испуганные мнѣніемъ другаго, или наконецъ желающіе уяснить окончательно какое-нибудь разногласіе, она начинала упрекать его, и впадая въ крайность, говорила:

— Да, я и забыла, что вы хотѣли бы, чтобы женщина читала всякія книги, даже грязныя.

— Кто сказалъ это? спрашивалъ онъ улыбаясь.

— Вы!

— Не помню. Потрудитесь повторить мои слова объ этомъ предметѣ.

И она очень серьезно повторяла его слова, искажая ихъ.

Сперва ему случалось сердиться, но потомъ онъ увидѣлъ ясно, что это была женская уловка, чтобы вновь втянуть его въ разговоръ и въ споръ, который занималъ и смущалъ ее. И онъ снова очень терпѣливо принимался высказывать свое мнѣніе, и

случалось порою, что ему удавалось поколебать ее предразсудокъ.

Когда дѣло доходило до русской литературы, то она оказывалась, по его выраженію, совершенно невинною. Она не знала многихъ лучшихъ писателей нашихъ даже и по имени. Это было въ то, не слишкомъ далекое отъ насъ, время, когда самое имя Гоголя еще не проникло во всѣ слои общества, и было извѣстно ей, какъ и многимъ другимъ, только по наслышкѣ. Феодоръ Павловичъ первый познакомилъ ее съ *Мертвыми Душами*. Правда, она дѣлала невольный жестъ и маленькую гримаску, когда онъ читалъ ей подробное описаніе встрѣчи Ноздрева, Чичикова и лягавой собаки на станціонномъ дворѣ, но Феодоръ Павловичъ оставался и говорилъ смѣясь:

— Что, ужъ испугались?

Она улыбалась и говорила:

— Согласитесь однако, что авторъ могъ бы пощадить чувство изящнаго! Его книга не потеряла бы отъ этого.

Но Феодоръ Павловичъ принадлежалъ къ фанатическимъ поклонникамъ Гоголя, и стоялъ за всякое его слово; она переставала спорить, и чтеніе продолжалось. За то, какъ трогали ее картины природы! Самыя описанія рельефныхъ по своей пошлости лицъ, подобныхъ Собакевичу, Чичикову, Манилову, нравились ей. Ей случалось спрашивать очень искренно:

— Неужели въ самомъ дѣлѣ есть такіе люди? точно такіе? и это не преувеличено?

— А вотъ, поѣзжайте, говорилъ онъ: — прокатитесь по матушкѣ широкой Руси, да не Татьяной Ильинишной Истоминой, а уѣздною барыней или женою мелкаго чиновника, такъ сами увидите.

Если она могла разказать ему много и дурнаго и хорошаго о той сферѣ, гдѣ жила она до сихъ поръ, то и онъ имѣлъ не мало чего сообщить ей. И Боже мой, какъ разнообразны были ея впечатлѣнія! то смѣялась она, какъ дитя, своимъ звонкимъ милымъ смѣхомъ, то невольная слеза незамѣтно скатывалась со щеки ея, то разгарались ея глаза негодованіемъ и гнѣвомъ. Онъ особенно любилъ ее такою, любилъ до страсти и безумія, въ которыхъ и себѣ не хотѣлъ признаться, и дивился, какъ умѣла она сохранить въ себѣ это неиспорченное сердце, этотъ порывъ, это участіе ко всему прекрасному, это негодованіе ко всему презрѣнному и низкому.

А дни текли за днями, и въ ихъ отношенія зашло такъ много

непрощенныхъ лицъ, что намъ пора заняться и ими. Первое лицо подозрительно и враждебно заглянувшее въ эту жизнь вдвоемъ, въ это постоянное съ *глазу на глазъ*, была Англичанка. Пока она еще боялась страшной болѣзни и могла безпокоиться за свою бывшую питомицу, она только осуждала ее за слишкомъ большую неосторожность въ отношеніи къ себѣ и ребенку, но, по своей набожности, не могла не признать, что Татьяна исполняла долгъ помѣщицы и христіянки, ходя за больными. Она не примирилась однако съ тѣмъ, что больные мужики и бабы лежали въ мраморныхъ залахъ; но что же дѣлать? Татьяна была молода; она, исполняя долгъ свой, преувеличила его; бѣда была не слишкомъ велика, и преступленіе не слишкомъ важно. Но вотъ холера миновала, доктору пора бы обѣдать и пить чай у себя, а онъ все у нихъ въ домѣ. Какая доброта, непростительная доброта! И она скажетъ ей это при первомъ случаѣ. Развѣ этотъ человекъ, хотя онъ и въ деревнѣ, можетъ раздѣлять ихъ семейную жизнь? Развѣ не довольно ей показать ему особенное вниманіе, пожалуй, подарить что-нибудь за его труды и хлопоты? этого слишкомъ бы довольно. Вслѣдствіе этихъ размышленій, Англичанка стала чаще сидѣть въ кабинетѣ Татьяны, чѣмъ вовсе не стѣсняла свою прежнюю воспитанницу; но за то какъ она была ненавистна Федору Павловичу! Что ему было за дѣло, что она плохо знала по-русски, и не могла понять половины того, что онъ говорилъ! Ему былъ противенъ видъ ея неподвижной, аршинъ проглотившей фигуры (это было его выраженіе), ея оловянные, тусклые глаза и окаменѣлость фізіономіи. Онъ возненавидѣлъ даже ея бѣлые, какъ снѣгъ, съ особеннымъ стараніемъ выглаженные и сложенные воротнички и нарукавники, которые какъ вчера, такъ и нынче, не измѣняя ни одной складки или сборки, лежали вокругъ ея ворота и морщинистой руки. Онъ не скрывалъ этого отъ Татьяны, но она смѣялась и говорила:

— Да какой же вы причудникъ! Можно ли имѣть такіе капризы? Моя Маришенька предобрая, премилая, и любитъ меня безъ памяти. Я не знаю, на что она для меня не рѣшится!

— А я этого не знаю; я знаю одно, что ей бы слѣдовало оставить васъ въ покоѣ, и не торчать постоянно передъ ваки. Она точно картонная кукла, ея можно испугаться вечеромъ. А ужъ какую скуку она нагоняетъ, спросите-ка у меня! Терпѣть не могу такихъ фигуръ.

— А вамъ надо полюбить ее; она сама васъ полюбитъ, когда узнаетъ сколько... сколько... Татьяна не знала что сказать,

и наконецъ произнесла тихо и ласково:—мы сошлись въ послѣднее время посреди общаго бѣдствія.

— Отъ котораго она, ухватя свою Библію, бѣжала безъ оглядки, сказалъ онъ смѣясь.

— Какіе вы злые! отвѣчала Татьяна улыбаясь.

Но Англичанка не даромъ присутствовала безотлучно при ихъ бесѣдахъ. Она открыла очень скоро, что докторъ влюбленъ безъ памяти въ ея Татьяну. Это открытіе поразило ее ужасомъ и наполнило душу ея негодованіемъ. Она тотчасъ рѣшилась передать это открытіе самой Татьянѣ, и была увѣрена, что если она не велитъ своимъ лакеямъ выгнать его изъ дому, то развѣ по одному христіанскому чувству смиренія и кротости. Пока она разсуждала объ этомъ, ей показалось, что взгляды Татьяны не были очень суровы, когда обращался на доктора, даже и тогда, когда *этотъ человекъ* (такъ слылъ онъ въ ея умѣ) позволялъ себѣ разныя вольности, то—естъ сидѣлъ въ креслахъ очень спокойно, не довольно почтительно говорилъ, слишкомъ горячо и совершенно свободно спорилъ съ нею, не уступая ей нисколько. Но чтъ случилось съ несчастною старухой, когда однажды, войдя въ кабинетъ, она увидѣла, что докторъ цѣлуетъ руку Татьяны, прощаясь съ нею! Негодованію старой гувернантки не было границъ, и оно разразилось, когда онъ вышелъ и затворилъ дверь за собою, но разразилось не попросту какимъ-нибудь восклицаніемъ или жаркимъ протестомъ. Нѣтъ, этого не было; англо-саксонская кровь старухи могла волноваться подъ спудомъ, сдержанная сильною волею; она умѣла владѣть собой. Когда докторъ вышелъ, Татьяна взяла книгу, и повидимому очень спокойно принялась за чтеніе. Мистриссъ Торнтонъ глядѣла на нее очень долго и пристально; ничто не говорило о ея собственномъ внутреннемъ волненіи, кромѣ развѣ езсознательнаго движенія правой руки, безпрестанно поправлявшей бѣлые, какъ снѣгъ, отвороты накрахмаленныхъ рукавовъ.

— My dear, сказала она наконецъ по-англійски, — я не надивлюсь вамъ. Какіе въ васъ контрасты! Давно ли вы жили въ городѣ, окруженные родными, друзьями вашего семейства и знакомыми, а теперъ живете одни безъ всякаго общества и не скучаете?

— Я не скучаю, нисколько не скучаю, я даже позабыла, чтъ это за слово, сказала она улыбаясь, и не подымая глазъ отъ книги, какъ-будто не желая продолжать разговоръ.

— Скоро, однако, придуть осенніе вечера: что станете вы дѣлать?

— То же, что и теперь. Работать, читать, заниматься музыкой, вечеромъ поговорю и...

— Съ кѣмъ?

— Какъ съ кѣмъ? съ вами, съ докторомъ.

— Ну, а вы не подумали, что теперь, когда эпидемія миновалась, и ему и вамъ пора войти въ тотъ родъ жизни, который приличенъ каждому изъ васъ?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, Маришенька, сказала она, взглядывая на свою бывшую гувернантку.

— Кажется, мои слова просты и понятны. *Этотъ человекъ* (Боже, сколько было презрѣнія и негодованія въ тонѣ Англичанки!) не изъ вашего круга, не вашего класса; ему пора войти въ ту сферу, изъ которой случайно вызвало его общее бѣдствіе.

— Вы не знаете его, Маришенька, сказала она серьезно и спокойно, — и я очень сожалею, что вы не понимаете серьезнаго русскаго разговора; вы бы оцѣнили его образованіе, его умъ и поняли бы...

— Я поняла, что между вами и имъ пропасть, которая создана вашимъ и его положеніемъ, что эту пропасть перейти нельзя, и хотя онъ силится перейти ее, но эти самыя усилія сдѣлаютъ изъ него, еслибъ онъ даже и былъ такъ уменъ, какъ вы говорите, глупца и сумасброда.

— Пропать, говорите вы, пропать! Положимъ, она есть; общество создало ее, но не Богъ, создавшій всѣхъ насъ одинаково по своему образу и подобію.

— О! сказала Англичанка, протягивая это *о!* на разные тоны: — это я слышу отъ васъ въ первый разъ, и не думала, чтобы вы могли повторять бессмысленныя фразы, которыя давно вышли изъ моды. Развѣ только во времена Руссо считали ихъ за истину; съ тѣхъ поръ столько дѣлали глупостей! и скажу больше, это послужило поводомъ къ такимъ преступленіямъ, что никто не повторяетъ и еще менѣе вѣритъ подобнымъ парадоксамъ.

— Ну, хорошо, я не хочу спорить съ вами, сказала Татьяна, покраснѣвъ: — пусть будетъ по вашему: между имъ и мною пропасть; но почему же вы думаете, что онъ силится перешагнуть ее? вѣдь вы такъ сказали?

— Онъ! еще бы! Развѣ вы не видите, что этотъ человекъ гордъ какъ демонъ, самолюбивъ до безумія, и потому для него вѣтъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго. Онъ влюбленъ въ

вась, или лучше, онъ показываетъ ясно, что влюбленъ, потому что я сомнѣваюсь въ его сердцѣ, точно такъ же какъ не сомнѣваюсь въ его надменности и самонадѣянной дерзости.

Мистриссъ Торнтонъ могла говорить долго, Татьяна ничего не слыхала. Въ ея ушахъ и въ ея умѣ звучали только два слова: *влюбленъ въ васъ*. Правда ли это? Едва ли, была ея первая мысль; не можетъ быть, была вторая; но вдругъ, внезапно и неожиданно, воспоминанія стѣснились въ ея умѣ. Она вспомнила, что онъ мѣнялся въ лицѣ, когда она была больна, и безпокоилась о ней не какъ врачъ, а какъ другъ; что онъ порою такъ странно глядѣлъ на нее, что ей становилось неловко; что его губы, касаясь руки ея, цѣловали ее слишкомъ нѣжно. . . Въ эту минуту она почувствовала на рукѣ своей какъ бы слѣдъ его поцѣлуя, который еще горѣлъ на ней; невольно вздрогнула и обтерла руку эту другою рукой. Въ этомъ невольномъ жестѣ былъ испугъ и нѣга, какое-то ей непонятное волненіе, которое внезапно овладѣло ею.

— Что вы молчите? развѣ это не правда? спросила ее Англичанка, напрасно дожидаясь ея слова и слѣда на ея лицѣ за быстрыми измѣненіями чувствъ.—Правда, потому что вы покраснѣли и поблѣднѣли, и я видѣла, вы невольно отерли ту руку, которую онъ смѣлъ такъ дерзко поцѣловать сегодня...

Татьяна положила книгу; она еще не могла привести въ ясность собственныхъ мыслей и ощущеній, а другое лицо ужъ врывалось насильственно въ завѣтныя ея думы, и смѣло переводить ихъ на простой языкъ, и пошлыми словами марать эти чувства. Ей стало горько и досадно.

— Маришенька, я всегда любила и люблю васъ, сказала она сурово и рѣшительно: — но я должна просить васъ никогда не говорить такъ со мною; читать на лицѣ человека его смятеніе не позволительно, а укорять его этимъ еще хуже. Свобода мыслить и чувствовать—мое право, и я не позволю ни вамъ, никому на свѣтѣ толковать о моихъ чувствахъ, когда я сама... Она хотѣла сказать: не понимаю ихъ, но остановилась и сказала: —не признаю ихъ. Что касается до доктора, то влюбленъ ли онъ или нѣтъ, это до меня не касается, я и знать этого не хочу. Его общество мнѣ нравится, оно мое единственное здѣсь развлеченіе, и я конечно не лишу себя удовольствія слышать человѣческій голосъ, потому только, что вамъ показалось, что онъ влюбленъ въ меня. Я ужъ не дѣвочка шестнадцати лѣтъ; я женщина, мать, вдова; мнѣ двадцать восемь лѣтъ, и если я не умѣю вести себя

въ мои гѣта, то никто не въ силахъ научить меня этой премудрости. Да и что за бѣда, если онъ влюбленъ въ меня? Не онъ первый, не онъ послѣдній.

Она встала и прошлась по комнатѣ.

— Мнѣ ужъ наскучили совѣты, предостереженія, уставы и законы — тенета, въ которыхъ я жила до сихъ поръ, и которыя, опутавъ меня своими тонкими, невидимыми нитями, связали меня крѣпче цѣпей; я устала, я хочу спокойствія, уединенія, воли... Оттого я бросила все и прѣехала сюда, но и здѣсь меня преслѣдуютъ, не даютъ мнѣ покоя, мучать, тиранять...

Щеки ея горѣли; она, какъ всѣ нервныя женщины, одушевлялась все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ говорила; да и говорила она въ первый разъ, быть-можетъ, въ своей жизни. Четырехмѣсячное уединеніе, быть-можетъ развитіе ума и воли давали плоды свои; она уяснила себѣ прошедшее, и нашла; и назвала по имени по крайней мѣрѣ одну изъ причинъ ея. Англичанка не ожидала такого взрыва; она знала ея кротость, спокойствіе, покорность — возможно ли было такъ измѣниться въ короткое время? Правда, ей иногда приходилось сносить ея капризы, особенно въ припадкахъ ея хандры, но слышать что-нибудь подобное — никогда! никогда! Что за новыя мысли? откуда онѣ? Ей надо воли, она не хочетъ совѣтовъ.—Давно ли? она, вѣчно жившая въ опеку! Послѣднія слова ея особенно поразили Англичанку; она очень любила свою Татьяну; сердце старухи облилось кровью, когда она услышала отъ своей воспитанницы, что она мучить и тиранить ее.

— Я? сказала она, — я? никогда, никогда!

Эти слова были сказаны такъ грустно, такъ тихо, что они произвели больше впечатлѣнія, чѣмъ можно было ожидать. Татьяна подошла къ ней, обняла ее и сказала ей ласково:

— Ну, полноте, Маришенька, я знаю, что вы меня любите. Намъ не годится ссориться. Мы двадцать семь лѣтъ жили дружно. Вамъ пора понять, что я не дитя, а женщина. Успокойтесь; я умѣю владѣть собою, и жила не мало; не здѣсь же, не въ Знаменскомъ же, я потеряю нить, которая всегда руководила мною. Я всегда буду любить васъ, но мы во многомъ не сходимся: вы часто не понимаете меня, а я васъ.

— Если это такъ, то развѣ очень недавно, сказала Англичанка.

— Это все равно, давно или недавно, но любить другъ друга это не помѣшаетъ намъ.

Англичанка не сказала ни слова, но вся ея осанка говорила за нее. Она сидѣла неподвижная и холодная, послѣ минутнаго проявленія чувствъ своихъ.

Татьяна взяла книгу, но ужь конечно не читала ея; всѣ мысли ея были взволнованы и смущены; въ ней было одно желаніе, и каждую минуту оно принимало размѣры неодолимые: ей хотѣлось быть одной. Но она не рѣшалась сказать этого, а уйти было некуда, дождь лилъ какъ изъ ведра, и садъ не могъ служить ей убѣжищемъ. Выйти въ длинныя залы послѣ такого разговора — значило показать ясно, что присутствіе мистриссъ Торнтонъ было ей въ тягость; она была слишкомъ деликатна, а быть-можетъ слишкомъ слаба. Да и когда же мы сознаемъ за собою слабость характера? не всегда ли называемъ мы ее деликатностью? Это желаніе остаться одной поглотило навремя всѣ ея смутныя чувства, и когда она искала еще предлога, чтобъ уйти, она увидѣла себя ужь одну. Англичанка вышла, ступая прямо и гордо, какъ оскорбленный квакеръ. Татьяна осталась одна, одна! Ну что жь, для чего? Первое ея движеніе было упасть на подушку и горько заплакать. О чемъ она плакала? она сама не знала; только слезы давно душили ее, и полились обильныя, горячія, будто потокъ, вдругъ прорвавшій плотину. Она плакала долго и много, но слезы ея не были горьки; въ нихъ было много ей самой непонятнаго, упоительнаго чувства.

«Что со мной, думала она опомнившись, — о чемъ я плачу? отчего? Неужели отъ того, что она сказала мнѣ? Я отвѣтила ей жестко, и не жалѣю о своемъ отвѣтѣ (а сердце ея болѣло, будто она жалѣла), да, не жалѣю, потому что надо же разомъ прекратить этотъ контроль надъ моими поступками и мнѣніями. Пора мнѣ жить, какъ я хочу. Теперь кончено, это не можетъ возобновиться. Она не станетъ опять приставать ко мнѣ. Влюбленъ! онъ влюбленъ! Будто бы нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что я ему нравлюсь; ну, что жь такое? Что же за преступленіе? Я всегда сумѣю положить границы тому, что зайдетъ за предѣлы возможнаго и позволительнаго. Развѣ это въ первый разъ? N былъ влюбленъ въ меня до безумія, и когда онъ признался мнѣ въ любви, я такъ холодно сказала ему... N и Федоръ Павловичъ, какая однако разница. N былъ пустой человѣкъ, а онъ... какой онъ замѣчательный, умный человѣкъ, и какое удивительное лицо, идеально-прекрасное! Я гдѣ-то, никакъ не припомню гдѣ, видѣла такое лицо.»

И она задумалась; и мысли ея блуждали; отъ одной упои-

тельной грезы она бессознательно переходила къ другой; она припоминала малѣйшія, незначущія обстоятельства своего оближенія съ нимъ.

«Еслибъ онъ жилъ въ городѣ, посреди общества, и принадлежалъ къ какой-нибудь знатной фамиліи, какъ бы онъ нравился женщинамъ! Умнѣе его, красивѣе, я мало видала людей. Въ Италіи встрѣчаются такія лица! Боже мой, я видѣла въ Италіи портретъ, который похожъ на него! Такъ точно, помню теперь, помню! какъ я не вспомнила этого прежде? Поразительное сходство!» И она опять задумалась. «Ну такъ еслибъ онъ былъ изъ моего круга, быть имъ любимую, да это было бы счастьемъ, гордостью женщины. Чтò жь? я никому не скажу этого, но я вполне цѣню и понимаю его, и если онъ дѣйствительно любитъ меня...»

— Чтò это, какія потемки? и вы здѣсь однѣ, сказалъ надъ нею знакомый голосъ.

Она вздрогнула, кровь бросилась въ голову; она была очень рада, что онъ не могъ видѣть ея пылавшаго лица и неодолимаго волненія. Когда свѣчи были поданы, она имѣла уже время успокоиться, и лицо ея не выдавало ея, хотя въ ея разговорѣ и движеніяхъ было что-то особенное. Она чувствовала себя скованною, и безпрестанная внутренняя тревога овладѣвала ею.

— Чтò съ вами? спросилъ онъ у ней послѣ неудачныхъ попытокъ завязать разговоръ, который всегда лился между ними какъ свѣтлая струя.

Она покраснѣла.

— Я не въ духѣ, сказала она наконецъ.

— Ужели скучаете? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! мнѣ только что-то грустно.

— Если вамъ грустно, кому же будетъ весело? сказалъ онъ, а она подумала, что онъ намекаетъ на свое къ ней чувство; ей стало досадно, и она, надменно взглянувъ на него, спросила холодно:

— Чтò вы хотите сказать?

— Вы дѣйствительно нездоровы, отвѣчалъ онъ ей, — въ вашемъ взглядѣ есть что-то необыкновенное, вы никогда такъ не смодтрите. Да и не смотрите никогда, это къ вамъ не пристало.

— Кажется, объ этомъ никто не можетъ заботиться, и это никого, кромѣ меня самой, не касается, сказала она насмѣшливо.

— Конечно, вась сперва, потомъ тѣхъ, кто вамъ близокъ. Когда мы видимъ каждый день добрую, милую, кроткую женщину,

намъ непріятно встрѣтить въ ней вдругъ, безъ причины, что-то сухое, отталкивающее, рѣзкое.

Онъ говорилъ просто, и развѣ только дошедшая до самообожанія женщина, могла бы найти въ этихъ простыхъ словахъ, внушенныхъ дружескимъ участіемъ, намекъ на страсть, любовь, декларацію. Татьяна поняла это, и разсердилась на самую себя: Чувствуя необходимость объясниться, она сказала смѣясь:

— Я иногда бываю капризна и своенравна. Вы еще меня не совсѣмъ знаете, но я не хочу казаться иною, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ. Ваши слова разсердили меня.

— Какія?

— Ну что вспоминать пустяки!

— Я знаю. Я сказалъ: если вамъ грустно, кому же будетъ весело?

«*Nous y voilà,*» подумала она, и лицо ея сдѣлалось важно и строго. «Я ему отвѣчу такъ, что онъ ужь никогда опять не осмѣлится повторить мнѣ увѣреній въ любви,» подумала она.

Но онъ и не думалъ говорить ей ничего подобнаго; онъ лишь довольно жестко высказалъ мысль, что богатые и знатные люди отъ нечего дѣлать, отъ праздности, напускаютъ на себя безпричинную хандру, которую называютъ грустью, и что тѣ, у кого бездна дѣла, хлопотъ и труда, не знаютъ этой болѣзни.

— А вы дотога избалованы, прибавилъ онъ, видя недовольное выраженіе лица ея, — что всякое малѣйшее замѣчаніе, всякое слово, похожее на правду, вамъ непріятно.

Она опять разсердилась, но уже не на него, а на себя и на свою глупость. Что смѣшнѣе женщины, которая готовится выслушать страстное объясненіе въ любви, и выслушиваетъ мнѣніе, похожее на урокъ. Она не могла простить себѣ своей самонадѣянности, и не на шутку сердилась на мистриссъ Торнтонъ за то, что она своими словами вовлекла ее въ такое глупое положеніе.

«И откуда она это выдумала? Онъ обо мнѣ и не думаетъ, и смотреть на меня, какъ на пустую свѣтскую женщину,» подумала она, и грусть разлилась по ея лицу.

— Что съ вами? Какое у васъ утомленное лицо, печальный видъ? Вы даже не отвѣчаете нынче на мои нападки, сказалъ онъ. — Если они такъ печалютъ васъ, я не буду смѣть говорить съ вами откровенно, и признаюсь вамъ, это очень тяжело. Я привыкъ дѣлиться съ вами каждою мыслию.

— Это меня удивляетъ, сказала она: — какъ можете вы гово-

рять со мною, когда считаете меня такою пустою, свѣтскою женщиной, въ самомъ мелкомъ смыслѣ этого слова?

— Нѣтъ, я не считаю васъ такою. Когда я не зналъ васъ и думалъ, что вы свѣтская, мелкая, тщеславная женщина, я не ходилъ къ вамъ. Теперь я каждый день у васъ и съ вами, значитъ, я уважаю и люблю васъ. Вамъ пора, кажется, знать это.

Слово: *люблю*, было произнесено, но какъ просто! Было очевидно, что онъ понималъ его въ смыслѣ дружеской привязанности. Бояться было нечего: отчего жъ было ей такъ томительно, грустно?

Вечеръ тянулся долго; ей опять захотѣлось остаться одной; сначала Федоръ Павловичъ былъ умнѣе и оживленнѣе обыкновеннаго, но мало-по-малу, подаваясь ли чувству симпатіи, или просто стало ему скучно говорить почти одному, и онъ сталъ молчаливѣе. Она предложила ему прочесть ей что-нибудь вслухъ, и жалуясь на головную боль, прилегла на кушетку; онъ пошелъ искать книгу, долго перебиралъ въ шкафахъ, и наконецъ, не говоря ни слова, пошелъ къ себѣ и принесъ ей *Валентину Жоржъ-Санда*.

— Что это за книга? спросила она.

— Не скажу, отвѣчалъ онъ смѣясь,—и прочту ее вамъ всю отъ доски до доски. Послѣ вы скажете мнѣ свое мнѣніе, и мы поговоримъ и, быть-можетъ, поспоримъ.

— Я хочу знать, что вы будете читать.

— Вы хотите, а я не хочу. Я тоже надъ собою господинъ.

— Я не буду слушать.

— А! это дѣло друзей. Въ такомъ случаѣ...

И онъ положилъ книгу въ карманъ.

— Упрямецъ! сказала она смѣясь. — Подайте сейчасъ эту книгу! слышите, я вамъ приказываю...

— По какому праву? спросилъ онъ.

Она смутилась.

— Право женщины, сказала она.

— Не признаю его. Вы ужъ слишкомъ много захватили себѣ правъ, основанныхъ, правда, на вашей слабости, но мнѣ кажется, что вы безъ мѣры ими пользуетесь.

— Право дружбы, сказала она робко.

— Повторите-ка это слово, оно серьезно.

Она было испугалась, по крайней мѣрѣ въ ней шевельнулось что-то похожее на испугъ; но сознаться себѣ, или позволить ему угадать это; показалось ей такъ позорнымъ, что она пошла

впередъ не оглядываясь, и не разсуждая, отдаваясь на волю минутнаго чувства.

— Право дружбы, повторила она, протягивая ему руку, и это движеніе было невольно и порывисто.

Онъ взялъ ея ручку, посмотрѣлъ на нее какъ-то нѣжно и глубоко, и пожалъ ее такъ крѣпко, что ей стало больно.

— Ахъ! вскрикнула она.

— Какъ, ужъ больно? сказалъ онъ.—Въ первую минуту союза и больно; видно...

— Чтò? спросила она.

— Послѣ, сказалъ онъ, и она не настаивала.

Онъ не былъ ребенокъ, онъ многое понималъ и въ себѣ, и въ ней, но чувство, его увлекавшее, было такъ сильно, что онъ отдался настоящей минутѣ. Эта минута была хороша и полна безумнаго для него упоенія, а для нея робкаго, сладкаго томленія, смѣшаннаго съ смущеніемъ и боязнію. Оба они не хотѣли оглянуться на себя и уяснить себѣ свои чувства,—зачѣмъ? Лови минуту, могли они сказать оба, и если не сказали этого, то поступили точно такъ, какъ велитъ это мудрое изреченіе. Онъ все еще держалъ ея руку, и задумчиво вертѣлъ на одномъ изъ ея пальцевъ какія-то два кольца, соединенныя небольшимъ золотымъ узломъ.

— Эти кольца точно близнецы, сказалъ онъ: — кто далъ ихъ вамъ?

— Человѣкъ, который любилъ меня.

Онъ хотѣлъ опустить ея руку, но совладѣлъ съ собою и сказалъ:

— И вы любили его?

— Я была замужемъ.

— Это не отвѣтъ. Какъ будто замужство хранить сердце отъ любви и страсти...

— Я никого не любила, сказала она тихо, и прибавила:—крожъ мужа.

— А въ него вы были влюблены? ужели были?

— Сперва я это думала, но съ тѣхъ поръ, какъ пожила на свѣтѣ, мнѣ иногда случается сказать себѣ, что я любила его не любовью, а дружбой.

Едва она сказала эти слова, какъ уже раскаялась, но они не произвели на него особеннаго впечатлѣнія.

— Я это предполагалъ, сказалъ онъ просто.

— Почему? спросила она холодно, сожалѣя очень горько о вырвавшемся у ней признаніи.

— Какъ это сказать вамъ? Онъ былъ старше васъ, это бы еще ничего, но онъ былъ человѣкъ холодный, практическій, занятый одною службой. Нѣтъ, вы не такъ созданы, чтобы любить такого человѣка.

Онъ старался сказать деликатно, что она не могла любить человѣка пошлаго. Она не поняла его мысли и хотѣла сказать что-то, но онъ прервалъ ее:

— Такъ это кольцо подарилъ вамъ человѣкъ, который любилъ васъ?

Татьяна взглянула на него съ изумленіемъ.

— Я никогда бы не взяла кольца отъ него. Оно досталось мнѣ изъ рукъ его матери, послѣ его смерти. Неужели вы могли подумать, что я позволю себѣ принять такой подарокъ отъ молодого человѣка?

Онъ взглянулъ на нее въ свою очередь, и лицо его выражало досаду, смѣшанную съ удивленіемъ.

— А почему нѣтъ? Взять кольцо отъ человѣка, который любилъ васъ,—да что жъ въ этомъ предосудительнаго? Это кажется такъ просто. О комъ и хранить воспоминаніе, какъ не о тѣхъ, которые насъ любили или любятъ?

— Конечно тутъ, въ сущности, нѣтъ ничего дурнаго, сказала она, но это не принято, и считается неприличнымъ.

Онъ засмѣялся, но такъ желчно, что ей стало досадно; она вспыхнула.

— Да, сказала она твердо, — смѣйтесь, сколько хотите, но это мои правила, и я не стыжусь ихъ. Взять кольцо можно отъ брата, жениха или стараго друга...

— А отъ молодаго? сказалъ онъ насмѣшливо.

Она разсердилась не на шутку; его насмѣшка дошла ей прямо до сердца, и уязвила его.

— Молодыхъ друзей я не признаю, сказала она гордо — именемъ друзей женщины! легкомысленнаго поведенія называютъ тѣхъ, съ кѣмъ онѣ слишкомъ близки, и такъ какъ я не изъ такихъ, то...

— Стыдитесь, сказалъ онъ горячо, — стыдитесь! какое искаженіе понятій, хуже, какая испорченность нравовъ! Размыслите, что вы говорите? Вы стало-быть признаете, что между мужчиной и женщиной могутъ быть только любовныя отношенія. Вы краснѣете; однако это говорю не я, сохрани Богъ! мое уваженіе къ

женщинѣ не позволяеть мнѣ думать о нихъ такъ дурно; вы сами сказали это, но признайтесь однако, что сказали по привычкѣ твердить подобные афоризмы. Вы не можете такъ думать.

— Согласитесь, что дружба между женщиной и мужчиной часто переходить въ любовь, сказала она, желая защититься, и понявъ вдругъ, на какую скользкую дорогу ступила, хотѣла прибавить что-то, и замолчала, совершенно растерявшись. Онъ не замѣтилъ ея смущенія, или лучше сказать, не хотѣлъ замѣтить его, и отвѣчалъ просто:

— Правда, это бываетъ! но случай не есть правило...

Она могла бы возразить многое, но не хотѣла продолжать разговоръ, который смущалъ ее, и потому сказала только:

— Я многое видѣла на своемъ вѣку; опытность научила меня быть осторожною, и я многого не дѣлаю потому только, чтобы не подавать повода къ разговорамъ. Чтò же дѣлать? Надо жить какъ живутъ всѣ.

— Вамъ отъ этого было лучше и легче жить? вы были счастливѣе?

Она вздохнула.

— Это другой вопросъ. Но я устала. Почитаемъ лучше.

— Извольте, тѣмъ болѣе, что я нынче не умѣю сказать ни слова, не сердя васъ, а вы не можете произнести ни фразы, не волнуя всей моей желчи. Выдаются же такіе дни!

— Да, мы что-то нынче мало другъ друга понимаемъ, замѣтила она.

— Нѣтъ не то! Вы нынче съ особенною ревностью твердите правила свѣтскихъ прописей, а они, какъ и всегда, мнѣ противны и кажутся китаизмомъ.

— Ну, хорошо! читайте.

И онъ принялся читать, и въ первый разъ читалъ ей по-французски; выговоръ его былъ правиленъ и мягокъ.

— А что, спросилъ онъ у ней вдругъ, положивъ книгу и улыбаясь ядовито, — еслибъ я выговаривалъ плохо, какъ выговариваютъ семинаристы, вѣдь вы не простили бы мнѣ этого?

Она не отвѣчала.

— Что жъ вы молчите?

— Я не отвѣчаю на оскорбительныя слова. Вы нынче рѣшились мучить меня.

— А было бы естественнѣе посмѣяться надъ неправильнымъ произношеніемъ, чѣмъ оскорбиться догадкой, что кольцо было

подарено человѣкомъ, истинно васъ любившимъ. Знаете ли что? я начинаю думать, что вы не стоите любви. Помните эти стихи Пушкина:

Такъ неприступны, такъ горды,
Такъ благочестія полны,
Что видъ ихъ ужъ внушаетъ сплечь.

Сказавши это, онъ принялся читать упорно, и читалъ до позднаго вечера. Сперва оба они, быть-можетъ, думали не о томъ, что читали, но мало-по-малу огненное перо автора *Валентины* овладѣло ими совершенно, и они опомнились, когда часы пробили полночь.

— Ужь полночь! пора спать, сказала она пугаясь.

— Пора, сказалъ онъ, и уходя пожалъ ей руку. Въ этотъ разъ онъ ужъ не поцѣловалъ ея руки попрежнему, и она замѣтила это.

— А я вчера былъ виноватъ передъ вами, сказалъ онъ на другой день, входя въ ея комнату и глядя на нее съ особенною нѣжностію, — развѣ можно досадовать на то, что женщина не измѣняетъ вдругъ своихъ понятій и отстаиваетъ ихъ? Не есть ли это порукой, что вы не принимаете ничего на вѣру и сперва хотите убѣдиться въ истинѣ того, что вамъ доказываютъ? Понявъ несостоятельность прежняго образа мыслей, вы отъ него откажетесь, неправда ли?

— Да, конечно, если я только пойму и увѣрюсь въ этомъ, но не прежде, отвѣчала она улыбаясь.

— Хорошо, я теперь спокоенъ. Умъ вашъ такъ широкъ и свѣтелъ, что онъ не вынесетъ искусственныхъ потемокъ, въ которыхъ до сихъ поръ держали его.

— Не знаю, возразила она смѣясь, — что вы называете искусственными потемками.

— Смѣйтесь и шутите, сказалъ онъ улыбаясь, — но я знаю, что вы многое понимаете; доказательствомъ тому ужъ и то, что вы пугаетесь яркаго свѣта. Но не пора ли намъ приняться за чтеніе; вѣдь оно лучше пустыхъ споровъ?

Черезъ нѣсколько дней чтеніе *Валентины* было окончено и подадо поводъ къ новымъ разговорамъ и спорамъ, въ которыхъ оба они не коснулись однако ни разу главнаго вопроса, на

которомъ построены весь романъ неравныхъ союзовъ. Оставшись одна, Татьяна замѣтила это. Отчего онъ избѣгалъ этого вопроса? Мыслямъ ея было обширное поле, и она могла предполагать и заключать по внушенію сердца, которое подсказывало ей: потому что онъ любитъ тебя. «А я, способна ли я, любить человѣка, поставленнаго на послѣднихъ ступеняхъ общественной лѣстницы?» Эта мысль не давала ей покоя; сердце ея билось тревожно, и она наконецъ должна была признаться себѣ, что она дѣйствительно была очень равнодушна къ доктору, но признать сему въ томъ...» Никогда! никогда! Я слишкомъ горда», повторяла она сама себѣ, и успокоилась на мысли, что ни онъ, и никто другой не узнаетъ никогда о ея минутномъ увлеченіи. Когда онъ пришелъ къ ней въ тотъ же самый вечеръ, то нашелъ ее и задумчивѣе, и холоднѣе обыкновеннаго; разговоръ не клеился, и онъ машинально сталъ перелистывать лежавшую на столѣ книгу. Это была опять *Валентина*, забытая тутъ со вчерашняго дня.

— Да, сказалъ онъ наконецъ задумчиво, продолжая вертѣть листы, — увлекательная книга! а вѣдь правды въ ней мало. Валентина и Бенедиктъ счастливы въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а вѣдь ихъ счастья не станетъ и на мѣсяць. Въ какой пустынь, скажите мнѣ на милость, продолжалъ онъ насмѣшливо, — можно любить безпрепятственно и безмятежно женщину, поставленную выше по положенію и богатству? Развѣ въ эти отношенія не вмѣщается цѣлый міръ ненужныхъ и непрошенныхъ лицъ? Развѣ честь мужчины не страдаетъ отъ клеветы и насмѣшекъ, а спокойствіе женщины отъ борьбы съ обществомъ и со всѣми тѣми, кто ей былъ близокъ? Да и куда ей пристать? Право, такъ жить и любить, какъ Валентина, можно развѣ на необитаемомъ островѣ да и то съ условіями: во первыхъ, чтобы ни одинъ корабль не могъ пристать къ нему, даже и на часъ времени; во вторыхъ, чтобы, по всеильному мановенію любовниковъ, имъ доставлялись всѣ удобства жизни; самую прислугу я не считаю возможною при такихъ условіяхъ.

— Какой вы прозаикъ, сказала она смѣясь, хотя самый смѣхъ ея говорилъ о какомъ-то затаенномъ неудовольствіи. Дѣйствительно, каждое его слово раздражало ее.

— Человѣкъ созданъ такъ, что проза и поэзія идутъ объ руку, сказалъ онъ, — точно также какъ моральныя и физическія потребности. Да и мало ли что еще? Удивляюсь, какъ такая

гениальная писательница, какъ Жоржъ-Сандъ, могла построить романъ на такой негѣпости.

— Однако, сказала Татьяна, — мы видимъ не мало неравныхъ браковъ? Я, конечно, не защищаю ихъ, а только указываю на нихъ, какъ на фактъ. Бенедиктъ могъ бы жениться на Валентинѣ, еслибы мужъ ея умеръ, мать бы уѣхала. Валентина свободна, у ней нѣтъ и дѣтей.

Докторъ улыбнулся.

— Положимъ, сказалъ онъ, — что все окружающее ихъ, такъ и вырветъ отъ чумы, для ихъ счастливаго союза, ну, что жъ будетъ? Жить всегда вдвоемъ, съ глазу на глазъ, невозможно; мужчино, даже и влюбленному, необходимо общество, женщино оно еще необходимѣе. Гдѣ найдетъ общество эта счастливая чета? Друзья и родные жены, вѣроятно, не пустятъ ея за порогъ своего дома, да еслибы они и согласились принимать ея, то мужъ въ свою очередь не пуститъ ея и не пойдетъ самъ туда, гдѣ его не уважаютъ, и гдѣ, не говоря уже о намѣренномъ оскорбленіи, онъ можетъ бояться неловко сказаннаго слова и неловкаго положенія. Друзья и родные мужа, люди его состоянія, могутъ показаться женѣ смѣшными или скучными. Форма, что кто ни говори, вещь важная; не всякій способенъ, помимо ея, оцѣнить настоящее достоинство человека. Голая правда, говорить, не красива, а я прибавлю, что все смѣшное и неловкое непривлекательно. Кроме того, женщино нужно женское общество, а женщины другаго круга иначе сложились; онѣ милы, добры, хорошія хозяйки и добрыя матери, но или ограниченны, или не изящны, и всѣ безъ исключенія незатѣйливы и просты, не потому чтобы были глупѣе другихъ, а потому что мало видѣли, слышали и испытали. Возьмите хотя здѣшній кругъ. У насъ не мало милыхъ, любезныхъ женщинъ, но вамъ избалованной, видѣвшей всю Европу, знакомой со всѣмъ, что есть въ ней умнаго и знаменитаго, и слѣдовательно требовательной, вамъ было бы скучно съ ними. Вѣроятно, зная это, вы и не познакомились ни съ одною изъ нихъ. Намъ, мужчинамъ, нравится эта простота, эта безыскусственность, самая ограниченность сферы, гдѣ онѣ проводятъ всю жизнь, а вамъ? Да я бьюсь объ закладъ, что еслибы вы только въ продолженіи мѣсяца вздумали посѣщать гостиныя нашихъ дамъ, то умерли бы со скуки, или бѣжали бы отсюда безъ оглядки.

— Но вѣдь онѣ читаютъ, онѣ образованы?

— Конечно, есть очень образованныя женщины. . . да какъ вамъ объяснить это?.. ихъ образованіе односторонне, оно книжно,

а жизни разнообразной, пестрой, богатой воспоминаніями, онѣ не знаютъ. Ихъ міръ тѣсенъ. Я самъ понялъ это очень недавно, и только узнавъ васъ. Я увѣренъ, что пустѣйшая изъ свѣтскихъ женщинъ можетъ показаться занимательнѣе, чѣмъ умная женщина небольшого тѣснаго кружка. Иногда очень умную мысль она выскажетъ или слишкомъ затѣйливо, что покажется педантизмомъ, или такъ не ловко и просто, что иной и не замѣтитъ ея ума. Конечно, какъ жену и мать я предпочту женщину моего круга, но вѣдь мы говоримъ только объ отношеніяхъ общественныхъ.

— Въ большомъ свѣтѣ есть тоже добрыя жены и матери.

— Да, бываютъ, какъ исключенія... Нѣтъ, не вѣрю я, чтобы свѣтская женщина была хорошая жена, никакъ не вѣрю.

— Напрасно, сказала она, — это ужасная несправедливость, предубѣжденіе, въ которомъ вы можете быть горько раскаетесь.

— Отчего жъ? Что мнѣ за дѣло до свѣтской женщины? Вѣдь свѣтская женщина мнѣ не пара!

— А еслибъ вы влюбилась? спросила она лукаво.

— Я не думаю, чтобы я былъ способенъ влюбиться, сказалъ онъ спокойно:—но еслибъ я и влюбился, то мысль о женитьбѣ не пришла бы мнѣ въ голову. Я не могу принять отъ женщины выгодъ положенія, еще менѣе могу я пользоваться ея богатствомъ. Неравный бракъ всегда цѣпь, и самая тяжелая.

— Это правда, сказала она, — и однако на моихъ глазахъ, князь Н** женился на оперной пѣвицѣ и былъ счастливъ.

— Это другое дѣло; муштина возвышаетъ женщину до себя; онъ даетъ ей свое имя, свое положеніе и богатство. Женщина нисходитъ до муштина...

— Да, любовь при неравенствѣ положеній большое несчастье...

Онъ молчалъ, и былъ очень печаленъ, а она не возобновляла разговора, и казалась смущенною. Желая скрыть это отъ него, она встала и сѣла за фортепіано, и томные, мистическіе, проникнутые страданіемъ звуки ноктюрна Шопена полились изъ-подъ ея быстро-мелькавшихъ пальцевъ. Онъ сѣлъ противъ нея и долго, долго смотрѣлъ на нее пристально, съ невыразимую грустію въ глубокомъ взорѣ. Этотъ взоръ привлекъ ея собственный, она взглянула на него, и руки ея мало-по-малу переставали перебѣгать съ клавиша на клавишъ, и замерли наконецъ на протяжномъ грустномъ аккордѣ.

— Продолжайте, сказалъ онъ: — эта грустная пѣснь Шопена какъ нельзя больше говоритъ моему сердцу. Она щемитъ его, но въ этой боли есть какая-то сладость и нѣга.

— Вы знаете, гдѣ Шопенъ написалъ этотъ ноктюрнъ, — на островѣ Майоркѣ, въ ту пору, когда онъ любилъ автора *Валентины* и былъ такъ счастливъ...

— Что послѣ умеръ, потерявъ это счастье? Ну, что жь? Пусть и такъ! Впрочемъ — и вы опять не будете согласны со мною — въ этихъ тайныхъ союзахъ еще можно найти тѣнь счастья. Женщина не теряетъ своего положенія, а мужчина своей независимости, а потомъ... потомъ и смерть не страшна.

Она испугалась и не отвѣчала ни слова, перевернула листы нотъ и принялась играть блестящую сонату; быстрый темпъ которой будто заглушалъ смятеніе и тревогу ея сердца. Звукъ лился, бѣжалъ, путался, и возвращаясь къ первоначальному мотиву, повторяли его съ какимъ-то ожесточеніемъ, свойственнымъ одной страсти. Она почувствовала это очень сильно, и никогда еще не играла такъ отчетливо, такъ блистательно, такъ ярко, онъ не могъ вынести ни игры этой, полной бушующей страсти, ни собственныхъ встревоженныхъ чувствъ, и схвативъ шляпу, быстро вышелъ изъ комнаты. Она посмотрѣла ему вслѣдъ, и склонившись головою къ пюпитру, глубоко задумалась.

Вечеръ этотъ оставилъ въ ея душѣ смутное и печальное впечатлѣніе. Какъ могла она такъ увлечься, забыться? Что защищала она? Неравные союзы! И какъ могла она защищать то, что еще недавно казалось ей преступленіемъ, и кажется еще и теперь безуміемъ? А онъ? какъ могъ онъ возставать противъ нихъ? Вотъ это-то и увлекло ее въ противорѣчіе. Его благоразуміе было ей противно, и тяжелымъ гнетомъ ложилося на ея душу, а его увлеченіе, особенно послѣдняя его фраза, пугали ее. Нѣтъ, всему этому надо положить конецъ и примириться съ собою. Краснѣть за себя, стыдиться себя было слишкомъ тяжело для нея. Эти размышленія охладили ее; она поняла, что играетъ въ серьезную и опасную игру, гдѣ чувство ея собственнаго достоинства можетъ если не погибнуть, то потерпѣть очень много, гдѣ сердце ея можетъ потерять навсегда то спокойствіе, въ которомъ состояло все ея благо. Отчего ей не сохранить къ нему дружескихъ отношеній? Но она будетъ неусыпно слѣдить за нимъ и за собою, и ужь никакъ не позволитъ ни ему, ни себѣ выйти на скользкую дорогу иныхъ, болѣе нѣжныхъ и близкихъ отношеній. Пусть онъ любитъ ее, но

онъ не долженъ намекалъ ей о своемъ чувствѣ, а она будетъ показывать, что и не подозрѣваетъ его. Рѣшившись такимъ образомъ, она сдѣлалась спокойнѣе, и ждала обыкновеннаго утренняго визита, обдумывая каждое свое слово. Въ ея планы никакъ не входила мысль вдругъ рѣзко измѣниться; напротивъ, ей хотѣлось незамѣтно, мало-по-малу уничтожить опасную короткость, которая вкралась между ними. Зачѣмъ, напримѣръ, цѣловалъ онъ такъ часто руку ея? Не довольно ли было и того, что она каждый день обмѣнивалась съ нимъ пожатіемъ руки, что показалось бы ея матери крайне неприличнымъ, еслибъ она только могла видѣть это? Но она поправитъ все это. Ей ли, женщинѣ свѣтской, не сумѣть сладить съ нимъ и съ собою! Чему же училась она двадцать семь лѣтъ въ томъ кругѣ, гдѣ умѣнье вести себя и выходить невредимо и ловко изъ всякихъ затруднительныхъ положеній считается необходимымъ искусствомъ всякой порядочно воспитанной женщины? Въ обыкновенный часъ дверь отворилась, и докторъ вошелъ въ комнату; но если въ ней была чуть замѣтная переменна, то въ немъ была переменна рѣзкая, бросающаяся въ глаза. Лицо его было особенно серіозно, даже мрачно; онъ глядѣлъ холодно, говорилъ еще холоднѣе и едва пожалъ руку, протянутую ему попрежнему. Эта переменна во всей его особѣ, даже въ голосѣ и словахъ, такъ поразила ее, что она забыла свою роль и нѣсколько разъ спросила у него съ особеннымъ участіемъ, что съ нимъ? и не случилось ли чего съ его родными? Татьяна заботилась и о родныхъ его! Онъ отвѣчалъ просто и спокойно, что нѣтъ и, есылаясь на множество дѣлъ и больныхъ, простился съ нею. На другой день онъ, однакожь, опять пришелъ къ ней, и опять не оставался долго, хотя она просила его отобѣдать съ нею, или по крайней мѣрѣ придти вечеромъ; но это было невозможно ему, и онъ очень, очень сожалѣлъ о томъ; у него былъ трудный больной верстъ за двадцать, и ему надо было ѣхать туда. Онъ дѣйствительно уѣхалъ куда-то дня на два, а возвратясь въ Знаменское, не ходилъ уже къ ней такъ часто и не оставался съ нею слишкомъ долго. Было очевидно, что ихъ отношенія порвались, что онъ желалъ этого, и что первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ не ею, а имъ. Она становилась все печальнѣе и печальнѣе, лежала на кушеткѣ по цѣлымъ днямъ, не читая и не занимаясь, и жаловалась на нервное разстройство и головную боль, когда мистриссъ Торнтонъ заботливо спрашивала, что съ нею.

— Пошлите за докторомъ, говорила Англичанка.

— Да онъ бываетъ каждый день, отвѣчала она, улыбаясь: — но я не хочу гдѣтиться. Развѣ вы не знаете, что это припадокъ моей старой болѣзни? И нервы, и хандра! Оставьте меня одну, мнѣ одной легче.

И вотъ она оставалась одна и впадала въ глубокую думу, или безсознательно прислушивалась чуткимъ ухомъ къ малѣйшему шороху, и вздрагивала каждый разъ, какъ отворялась дверь. Когда онъ являлся, она издали узнавала знакомые ей шаги, даже самую манеру, съ которою онъ поворачивалъ ручку двери, и поспѣшно брала книгу въ руки, притворяясь, что читаетъ съ особеннымъ вниманіемъ. Она не хотѣла признаться никому, что печаль съѣдала ее, и боялась самой мысли, что онъ можетъ угадать, что происходитъ въ ней. Она даже шутила съ нимъ и иногда особенно оживлялась; но ни разу улыбка не освѣтила его физиономіи, и онъ сидѣлъ передъ нею, какъ истуканъ, неподвижный, безстрастный и мрачный. Однажды она довела свою смѣлость и мужество до того, что посмѣялась и надъ выраженіемъ лица его; но онъ принялъ эту шутку серьезно и сказалъ сухо, что онъ усталъ и измучился отъ бессонныхъ ночей у изголовья больныхъ. Онъ, дѣйствительно, много работалъ, читалъ и развѣзжалъ по окрестностямъ, исполняя ревностнѣе прежняго свою должность; но все это не помогало ему нисколько. Каждый день онъ бывалъ и у Юліи, но ему было еще тяжеле съ нею, и, не зная о чемъ говорить, онъ читалъ ей вслухъ по цѣлымъ часамъ какую-нибудь книгу, пока она, довольная и счастливая, шла въ пальцахъ. Однажды утромъ ему было какъ-то особенно грустно; онъ, жалуясь на головную боль, оставилъ Юлію и пришелъ къ себѣ, гдѣ затворивъ дверь своего кабинета, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая рукою свой широкій лобъ и откидывая назадъ свои густыя кудри, будто онъ тяготили его голову, и безъ того отягченную мрачными мыслями. Когда старая Афонья, его кухарка, достучалась, онъ объявилъ ей, что не будетъ обѣдать, и сѣлъ за письменный столъ. Долго онъ не рѣшался взять пера въ руки, но наконецъ пересилилъ себя и написалъ длинное посланіе къ одному изъ друзей своихъ.

Вотъ оно.

«Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ, и теперь принимаюсь за перо только потому, что не могу сладить съ собою и заглушить тоску мою, которая, стыдно признаться, овладѣла

мною совершенно и помимо воли томить меня. Мы старые друзья, у меня нѣтъ тайнъ отъ тебя, да еслибъ и были онѣ, то въ эту минуту едва ли бъ я не высказался. Въмѣстѣ играли мы на поляхъ нашей деревни и на улицахъ уѣзднаго города; вмѣстѣ вступили мы въ гимназію и вышли изъ университета, и всегда, вездѣ, наши понятія, стремленія, убѣжденія были одинаковы. Даже копелекъ, такъ часто пустой, былъ у насъ общій, и мы оба боролись съ нуждою довольно смѣло и твердо. Она усыновила насъ, и почти въ одно время помогла намъ пристроиться выгодно. Я давно уже не писалъ тебѣ; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, не въ судьбѣ моей,—я все такъ же живу въ Знаменскомъ, и раздѣжаю по больнымъ, и объѣдаю у Ивана Ивановича, и читаю книги съ его дочерью,—а во мнѣ самомъ, въ душѣ и сердцѣ моемъ. Мнѣ страшно взглянуть на прошедшее, еще страшнѣе высказать тебѣ мою тайну; я чувствую, что это позорная слабость, хуже того—безуміе, и однако, несмотря на это сознание, я не могу побѣдить себя, сладить съ собою. Я влюбился. Я тебѣ часто писалъ о Юліи и о моемъ намѣреніи жениться на ней. Судьба поиграла мною безжалостно. Я бы долженъ былъ оцѣнить сердце этой милой дѣвушки, которая любитъ меня такъ нѣжно, и самъ полюбить ее; но я не любилъ ея, и не далѣе какъ два мѣсяца тому назадъ какъ холодно, какъ грубо останавливалъ я плѣнительные порывы ея сердца, безжалостно казнилъ ея дѣтскую, почти робкую ревность, высказывавшуюся такъ бессознательно и деликатно! Не могу вспомнить безъ стыда, какъ я былъ благоразумно строгъ къ этому ребенку, какъ былъ взыскателемъ, и какъ резонерствовалъ! Она, бѣдняжка, слушала меня какъ оракула и повиновалась мнѣ безпрекословно, а я, повѣривъ себѣ и ей, считалъ себя мудрецомъ и философомъ. Мнѣ не приходило на умъ, что я самъ могу влюбиться, и какъ бы презрительно засмѣялся я тогда, еслибъ мнѣ сказали, что я поддамся невозможному чувству, полюблю безумно женщину, принадлежащую къ тому классу людей, который всегда презиралъ насъ, тружениковъ, осужденныхъ зарабатывать хлѣбъ свой и такимъ образомъ зависѣть отъ нихъ... Что бы сказалъ я тебѣ, еслибы ты увѣдомилъ меня, что влюбился въ дочь графа К**, у котораго живешь? Я бы подумалъ, что ты съ ума сошелъ или унизилъ себя, принося лучшія чувства сердца къ ногамъ этой бездушной куклы, воспитанной въ узкихъ понятіяхъ ея тѣсной сферы, зараженной всѣми нелѣпостями предубѣжденій и предрасудковъ

касты. Да, нелѣпо и стыдно влюбиться въ свѣтскую женщину, которая, быть-можетъ, презираетъ глубину истиннаго чувства. Да и какъ бы она оцѣнила его? Жизнь ея не прошла ли бесполезно посреди затѣй, выдуманныхъ праздною скукой, въ которыхъ сама она должна была обмельчать и утратить много добрыхъ свойствъ и наклонностей. Но всѣ эти разсужденія однако напрасны, и я долженъ признаться тебѣ, что люблю Татьяну Ильинишну Истомину. Въ ту минуту, какъ пишу слова эти, я чувствую такую къ себѣ ненависть, что готовъ бы былъ уничтожить себя, и ты не можешь сказать мнѣ такого слова, какъ бы жестоко оно ни было, котораго бы я не повторилъ себѣ тысячу разъ. Несмотря на все это, мое слабое до низости сердце бьется ускоренно, и болитъ, будто я разсѣкъ его ножомъ: мнѣ не жаль ни себя, ни моихъ страданій; мнѣ жаль моей гордости, моей увѣренности въ себѣ. Куда дѣвались онѣ? Ужели наши убѣжденія и мнѣнія, выработанныя не безъ труда, зависятъ отъ перваго бленія сердца, въ которомъ мы не властны? Безъ борьбы, даже безъ сознанія, я отдалъ все мое сердце женщинѣ, на которую до сихъ поръ глядѣлъ свысока, которую презиралъ и ненавидѣлъ. У меня есть однако и оправданіе. Она не похожа на другихъ, она исключеніе. Я не говорю о красотѣ ея, которая поразительна, и которой однако не покорилося мое сердце — я зналъ ее около двухъ мѣсяцевъ и не любилъ ея нисколько; нѣтъ, я не могъ полюбить женщину за одну красоту ея, такъ мнѣ кажется по крайней мѣрѣ, потому что я ужъ не увѣренъ ни въ чемъ, все такъ смутно, и во мнѣ самомъ совершился такой страшный переворотъ. Я полюбилъ ее тогда только, когда увидѣлъ всю нравственную чистоту и безпредѣльную доброту ея; когда ея сердце открыло мнѣ всѣ богатства, вложенныя въ него природой; когда она, по одному его внушенію, смертельно боясь заразы, не столько для себя, сколько для маленькой дочери, не уступила однако чувству страха, и съ экзальтаціей, свойственною немногимъ, сдѣлала изъ своего дома больницу, и сама, какъ простая сидѣлка, ходила за больными и умирающими... (Здѣсь слѣдуетъ описаніе сближенія Татьяны съ докторомъ, которое мы выпускаемъ, какъ ненужное повтореніе.) но вѣдь я не дитя, и если мало жилъ до сихъ поръ, то много читалъ и думалъ; я не могъ долго себя обманывать, и не поддаваясь малодушной слабости, взглянулъ наконецъ прямо на нее и на себя. Чтеніе *Валентины* окончательно навело меня на рѣшеніе вопроса, и я тотчасъ понялъ, какого рода отношенія связывали насъ. Отвѣтъ былъ простъ, я былъ

уже влюбленъ въ нее и нравился ей, хотя она, быть-можетъ, не сознавала или не хотѣла сознать этого. Сказавъ себѣ это жестокое слово, убѣдившись въ его истинѣ, что я долженъ былъ дѣлать? Удалиться, скажешь ты, увхаться? Но какъ? куда? Что станется съ Юліей? Признаюсь, я не имѣлъ этого мужества и принялъ другую мѣру, — полумѣру, сказать по правдѣ, но и она пришлась мнѣ не по силамъ. Я сталъ рѣже ходить къ ней, и больше оставался съ Юліей; она поняла меня, перестала приглашать и сама стала холоднѣе и суше; такимъ образомъ кончились наши отношенія. Но какъ покончить ихъ съ Юліей? Она, разумѣется, ничего не знаетъ, и вѣроятно никогда не узнаетъ того, что происходитъ въ сердцѣ моемъ; но я самъ не могу уже быть для нея тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Разговоры съ нею наводятъ на меня тоску; любовь ея тяготитъ меня, и что скрывать? самое свиданіе съ нею усиливаетъ во мнѣ недремлющій упрекъ. Не я ли съ самоудѣянною дерзостію взялся за ея воспитаніе, вложилъ въ ея дѣтское сердце женскую любовь? И теперь, когда она вполне развилась и полюбила меня, я влюбился въ другую, и не чувствую возможности не только жениться на бѣдной дѣвушкѣ, но еще просидѣть съ нею, не раздражаясь, какіе-нибудь два часа, которыхъ она ждетъ часто по цѣлымъ днямъ. Не низко ли это съ моей стороны? вѣдь это преступленіе. Я такъ высоко ставилъ себя, такъ поклонялся себѣ, и какъ глубоко упалъ! Вотъ это-то и тяжело. Я вѣрилъ, что страсть можно и должно преодолѣть, что мыслящій человѣкъ не поддается ей безусловно, что нравственное чувство должно быть воспитано въ человѣкѣ до такой непоколебимой силы, что передъ нимъ все должно пасть и смириться. Ну, смиришь же передъ нимъ, безумный! Оно твердитъ, что Юлія жена твоя, во имя справедливости, благодарности и наконецъ чести, а беспощадная страсть требуетъ своего, и губить, терзаетъ меня. Я дохожу до жалкаго малодушія и готовъ плакать горькими слезами. Надо увхаться отсюда, надо все сказать Юліи; но она не пойметъ меня, да и какъ унизиться передъ ней, повѣривъ ей мою слабость, мое безуміе, мое ничтожество? Я не говорю уже о Татьянѣ! Боже мой, я чувствую однако, что она любитъ меня, и мы могли бы быть счастливы. Въ ней столько неспорченной свѣжести, столько ума, столько чувства и быть-можетъ никѣмъ еще нетронутой страсти, что не грѣшно ли оставить заглохнуть въ ней всѣ эти дары природы и оттолкнуть ее въ тотъ тѣсный и душный міръ, который она сама, она одна, гонимая внутреннимъ чувствомъ,

далеко оставила за собою, чтобы поселиться въ этой глуши, гдѣ я встрѣтился съ нею? Но все это нелѣпныя грезы, и я замѣчаю, что страсть имѣетъ свою логику, какъ и разумъ; она увлекаетъ насъ не просто, а доказывая необходимость, мало того, пользу увлеченія. Мнѣ даже смѣшно, и я начинаю серьезно презирать себя. Сперва мнѣ надо было развивать Юлію, а теперь Татьяну! То одна, то другая, и я играю глупую и смѣшную роль пророка или проповѣдника въ пустынѣ. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ, что я могъ бы жениться на Татьянѣ, и ты бы сказалъ мнѣ, что я поступилъ не честно въ отношеніи къ Юліи, а другіе, всѣ, сказали бы, что я пожертвовалъ Юліей, чтобы пріобрѣсти богатство и всѣ выгоды общественнаго положенія, которыя моя женитьба несомнѣнно принесла бы мнѣ. Куда ни посмотришь — вездѣ одинъ результатъ: замарать свое честное имя и погубить, если не всю жизнь, то лучшіе годы въ жизни бѣдной дѣвушки. Это ужасно! И какъ она вѣритъ въ меня! это еще больше терзаетъ меня. Вчера она сказала: «Мнѣ иногда кажется, что вы измѣнились во многомъ, и еще больше въ отношеніи ко мнѣ. Вотъ этого я никогда не перенесу.» Я успокоилъ ее какъ могъ, даже пожурилъ ее; и она улыбнулась мнѣ своею доброю, милою улыбкой, въ которой было столько ничѣмъ несокрушимой довѣренности. Эта-то довѣренность и заставляетъ ее, наперекоръ инстинкту сердца, заглушать сомнѣнія и, она выслушавъ отъ меня очень обыкновенную фразу, тотчасъ успокаивается. Мое слово сильнѣе чѣмъ внутренній голосъ, который твердитъ ей, что я ужь не тотъ, что я ужь не люблю ее. Это положеніе невыносимо; я не могу долѣе обманывать ее, и мнѣ должно уѣхать отсюда; если у тебя есть деньги, пришли мнѣ ихъ тотчасъ, если нѣтъ, займи и пришли; я рѣшился ѣхать за границу года на два. Быть-можетъ тамъ, отдавшись весь труду и наукѣ, я успѣю позабыть, что личное счастье мною потеряно, и что передо мною стоитъ задача всякаго честнаго человѣка: исполненіе долга въ отношеніи къ женщинѣ, съ которою его связали обстоятельства, и хотя не высказанныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя обязательства. Да, быть-можетъ, я и найду силу выгнаться отъ моей душевной болѣзни и, возвратясь, жениться на Юліи; присылай только мнѣ денегъ, и скорѣе, а то я чувствую, что такъ слабъ и измученъ, что не ручаюсь за себя».

Письму этому суждено было, какъ это бываетъ почти со всѣми письмами, написанными въ критическую минуту, зате-

ряться или пролежать на почтѣ. Пріятель, къ которому оно было писано, ѣздилъ въ Москву, и возвратясь въ деревню, получилъ его спустя болѣе мѣсяца послѣ того, какъ оно было писано. Онъ бросился искать денегъ и выслалъ ихъ черезъ двѣ недѣли. Когда Федоръ Павловичъ получилъ объявленіе о нихъ, то посмотрѣлъ на него и положилъ его въ свой письменный столъ. Въ теченіи этихъ шести недѣль съ нимъ случилось такъ много пере-мѣнъ, что мы перескажемъ ихъ читателямъ.

Написавъ письмо, Федоръ Павловичъ успокоился нѣсколько, будто ему необходимо было высказаться или рѣшиться на что-нибудь, и постоянно проводилъ у Юліи нѣсколько часовъ сряду. Ему было тяжело и неловко съ нею, но онъ приневоливалъ себя. Однакожь это насиліе не повело ни къ чему хорошему, напротивъ оно только болѣе и болѣе отдаляло его отъ Юліи. Не видя Юліи, онъ по крайней мѣрѣ сожалѣлъ о ней, упрекалъ себя; сидя у ней цѣлый день, онъ былъ и доволенъ собою, и сожалѣлъ о себѣ и невольно сравнивалъ Юлію съ Татьяной. Гдѣ было ей, простой, неопытной и полуобразованной дѣвчкѣ, бороться съ блестящею, умною и много видѣвшею Татьяной, образъ которой еще неотвязнѣе, еще мучительнѣе прежняго преслѣдовалъ бѣднаго доктора? Онъ еще рѣже сталъ ходить къ ней, силясь и заглушить въ себѣ любовь свою, и прогнать отъ себя самое о ней воспоминаніе, но это не помогало. Очень часто послѣ обѣда Юлія уговаривала Федора Павловича выйти въ садъ, и боясь возбудить ея подозрѣнія, Федоръ Павловичъ уступалъ ея просьбамъ, но почти каждый разъ встрѣчалъ Татьяну. Онъ боялся и ждалъ этихъ минутныхъ встрѣчъ съ какимъ-то затаеннымъ мученіемъ, и каждый день находилъ въ ней какую-нибудь переменъ. Она худѣла и блѣднѣла замѣтно, что замѣтила и Юлія. Встрѣчаясь съ ними, Татьяна обмѣнивалась парю ласковыхъ словъ съ Юліей, улыбалась, протягивая руку доктору, и поговоривъ съ нимъ о больныхъ или какихъ-либо распоряженіяхъ, наклоняла голову, прощаясь, и исчезала медленно за поворотомъ аллеи, какъ будто истомленная смертельнымъ недугомъ. Долгимъ взоромъ провожалъ ее Федоръ Павловичъ, и сердце его сжималось такъ болѣзненно, что онъ садился на скамью, боясь уступить собственному чувству, которое влекло его бѣжать за ней, чтобъ броситься къ ногамъ ея. Несмотря однако на эти порывы, онъ умѣлъ владѣть собою и даже отвѣчалъ Юліи на ея вопросы. А она? И она боролась съ собою; разрывъ ихъ пробудилъ

въ ней страсть до тѣхъ поръ дремавшую въ глубинѣ души и пустившую уже въ ней глубокіе корни, когда она еще и не подозрѣвала ея въ себѣ. Страсть завладѣла ею внезапно, и въ этой дѣвственной натурѣ, зрѣвшей до сихъ поръ для любви и готовой принять ее, любовь развилась съ опустошающею силой. Это не была любовь дѣвочки, живая и страстная, но всегда благотворная и развивающая умъ и сердце, а любовь женщины, любовь безпощадная, палящая и разрушающая. Бѣдная Татьяна ужъ не стыдилась своего чувства и покорилась ему вполне, и тѣмъ легче, что считала себя нелюбимою, и каждый день видѣла ту, которая—она угадала это зоркимъ глазомъ опытной женщины—имѣла давнія права на любовь Федора Павловича, и была соединена съ нимъ узами взаимной привязанности. Въ эти долгія четыре недѣли чего она не пережила, чего не почувствовала! Какъ часто звучали въ ушахъ ея слова стараго Юрія Юрьевича: «Бѣгите же отъ этой любви, которой не вѣрите!» Какой фатализмъ! Ей было суждено найти любовь и умереть отъ ней въ этой глуши забытаго селенія. Какими жгучими, горькими слезами плакала она въ тиши своего кабинета, какіе длинныя, безконечныя дни тянулись для ней, какія бессонныя томительныя ночи смѣняли ихъ! Не находя покоя, она часто бродила въ пустынныхъ залахъ своего дома, при печальномъ свѣтѣ мѣсяца, который, свободно проникая въ широкія итальянскія окна, рисовалъ на паркетѣ блѣдныя, таинственныя узоры. Первые лучи свѣжаго утра выгоняли ее оттуда, и возвратясь въ спальню, она засыпала отъ утомленія. Однажды ей было особенно тяжело; она зажгла свѣчу и, по обыкновенію, искала въ усталости облегченія и долго ходила взадъ и впередъ по длинной залѣ. Пустынность этихъ оставленныхъ покоевъ, безмолвная тишь ночи, нарушаемая порою унылымъ и медленнымъ боемъ старинныхъ стѣнныхъ часовъ, полумракъ, ее окружавшій, все гармонировало съ тоскливымъ строемъ души ея. Воспоминанія недавняго прошлаго тѣснились въ ея умѣ, и преслѣдовали ее неотвязно, и воображеніе рисовало ей картины того, что она называла своимъ прошлымъ счастьемъ. Вотъ здѣсь сидѣла она вѣстѣ съ нимъ у изголовья больнаго, только-что спасеннаго имъ отъ вѣрной смерти; а вотъ тутъ онъ обхватилъ ея станъ своею сильною рукой и поднялъ ее, когда она, тронутая страданіями умиравшей дѣвушки, упала на колѣни у ея постели, молясь и плача. Съ какимъ взоромъ, съ какою нѣжностію вывелъ онъ ее тогда, вотъ въ эту дверь, говоря ей: «Подите

къ себѣ и успокойтесь, другъ мой!» Другъ мой! другъ мой! твердила она, тогда онъ любилъ меня, а теперь? Да, любилъ, но это было минутное увлеченіе, и вотъ онъ опять у ногъ своей первой, прежней любви. Она угадала ее. Какъ она смотритъ на него, какъ подаетъ ему руку, точно говорить всѣмъ: онъ мой! смотрите на него, онъ мой!.. Зачѣмъ такъ скоро миновалось время общаго бѣдствія, этой страшной, разящей болѣзни? онъ былъ бы еще съ нею... Но тутъ она вздрогнула и невольно перекрестилась. «Боже мой, прошептала она безсознательно, я не знаю, что чувствую, не знаю, какія страшныя мысли приходятъ мнѣ на умъ. Прости мое невольное согрѣшеніе!» Она сѣла въ кресла и громко зарыдала. Она плакала надъ собою и своимъ безсиліемъ, плакала надъ своею любовію и жалкою участью, плакала надъ своею жизнію, прожитою такъ одиноко и безплодно. Блѣдные лучи дня застали ее въ креслахъ; голова ея склонилась на руки, сложенные крестъ-на-крестъ на широкой мраморной доскѣ подоконника; ей было душно и жарко въ этой сырой и свѣжей комнатѣ. Она встала и открыла окно. Ненастный холодный воздухъ подулъ на ея пылавшее лицо, и капли частаго дождя смочили ей голову. Долго стояла она такъ подъ дождемъ и вѣтромъ, упиваясь отрадною прохладой, которая освѣжала ее. Только къ шести часамъ утра, боясь быть замѣченною проснувшимися домашними, она возвратилась къ себѣ и легла въ постель, изнуренная, съ дрожью во всѣхъ членахъ и внутренней ничѣмъ неутолимою жаждой. На ея ночномъ столикѣ стояла большая кружка воды, она взяла ее и выпила всю до дна съ какою-то жадностію.

«Нѣтъ, такъ жить невозможно, сказала она сама себѣ, опуская голову на подушку, я чувствую, что все кончено для меня и нигдѣ не будетъ тяжеле, чѣмъ здѣсь. Я уѣду отсюда, уѣду завтра же.»

При этой мысли ей стало тяжело до удушья; что-то давило ее; она невольно отдалась физическимъ ощущеніямъ и замѣтила неясно, что уже потеряла нить недавнихъ мыслей; она пыталась опять уловить ихъ, но онѣ путались въ головѣ ея, и какой-то гнетъ стѣснилъ ей грудь и захватилъ дыханіе, а мучительная тяжесть оуманила голову. Наконецъ она забылась безпокойнымъ, мучительнымъ сномъ больныхъ.

Потру докторъ пилъ чай у Ивана Ивановича; онъ былъ скученъ и блѣденъ.

— Скажите, что это съ вами? спросилъ у него Иванъ Ивановичъ, едва ли не въ сотый разъ въ продолженіи послѣдней недѣли.

«Надо все это кончить,» думалъ докторъ и поднялъ свой, въ эту минуту далеко несмѣлый, взоръ на Юлію. — Мнѣ грустно, сказалъ онъ, — потому что я долженъ признаться вамъ, что рѣшился оставить васъ на время.

Юлія поблѣднѣла, и чайная ложка выпала изъ рукъ ея.

— Мы разстанемся не надолго, прибавилъ онъ поспѣшно, глядя на Юлію: — вы понимаете, друзья мои, что мнѣ не легко оставить васъ. Вы сами замѣтили, что я перемѣнился въ это послѣднее время: такъ мнѣ было тяжело рѣшиться на эту разлуку.

— Но скажите однако, что это? я ничего не понимаю! сказалъ наконецъ Иванъ Ивановичъ.

Глаза Юліи говорили то же самое.

— Мнѣ предстоитъ рѣдкій случай съѣздить за границу; богатый и больной старикъ ѣдетъ съ дочерью на воды и предлагаетъ большія деньги медику, чтобы проводить его туда и обратно. Они ѣдутъ на шесть мѣсяцевъ, и я буду свободенъ провести ихъ гдѣ хочу, пока они будутъ на водахъ. Не правда ли, что я поступилъ бы очень не благоразумно, еслибъ отказался воспользоваться такимъ случаемъ? У меня одна серьезная цѣль въ жизни — наука.

— Скажите мнѣ, сказала Юлія, вставая и подходя къ нему рѣшительно, — вы действительно ѣдете учиться и действительно возвратитесь черезъ шесть мѣсяцевъ? Дайте мнѣ честное слово, и я повѣрю вамъ и не буду горевать.

— Юленька! Юленька! сказалъ Иванъ Ивановичъ, схвативъ ее за платье и находя, что слова ея неприличны и странны; — что скажетъ мать твоя? Юленька, замолчи, ради Бога!

— Нѣтъ папенька, я не буду молчать, когда дѣло идетъ о цѣлой...

— Федоръ Павловичъ! сказалъ въѣжавшій опрометью лакей, — пожалуйста въ барскій домъ; барыня при смерти! Докторъ вскочилъ, поблѣднѣлъ и бросился вонъ изъ дому, опережая лакея.

Лампада горѣла подъ матовымъ хрустальнымъ глобусомъ; гардины и шторы были спущены, и ничто не шелохнулось въ

спальнѣ Татьяны; сама она, съ горѣвшими болѣзненнымъ румянцемъ щеками, лежала въ постели, укутанная розовымъ одѣяломъ; около ней сидѣли безмолвно Федоръ Павловичъ и мистриссъ Торнтонъ, эти два врага, соединенные теперь общимъ безпокойствомъ.

— Она забылась, сказала Англичанка шепотомъ, наклоняясь къ Федору Павловичу: — какъ вы ее находите? Я признаюсь, боюсь ответственности; она такъ настойчиво требовала, чтобъ я не посылала за княгиней, что я должна была покориться ея волѣ. Вы за нее отвѣчаете?

— Отвѣчать трудно, но я надѣюсь. Мнѣ даже кажется, что воспаленіе утихаетъ.

— Какое несчастіе, что А** докторъ уѣхалъ на ярмарку! когда его отыщутъ? Я конечно довѣряю вамъ, но все лучше совѣтоваться.

— Конечно лучше.

Оба они замолчали, и молчали долго. Федоръ Павловичъ не спускалъ съ больной своихъ усталыхъ отъ безсонницы или тревоги глазъ, и съ безпокойствомъ слѣдилъ за ея малѣйшимъ движеніемъ.

— Вы бы отдохнули, сказалъ онъ наконецъ Англичанкѣ, — въ ваши лѣта трудно не спать и не раздѣваться трое сутокъ.

Англичанка отрицательно покачала головой.

Прошелъ еще часъ, и другой, и третій.

— Она заснула, сказалъ Федоръ Павловичъ, нагибаясь къ ней; онъ взялъ ея руку и пощупалъ пульсъ. — Да, она спитъ, и если проснется безъ боли, то она спасена, и я ручаюсь за нее.

Англичанка сложила руки какъ въ молитвѣ, и двѣ тяжелыя, крупныя слезы скатились по ея морщинистымъ и нарумяненнымъ щекамъ, оставивъ на нихъ двѣ блѣдныя полосы.

Къ утру Татьяна проснулась; оба они жадно, съ мученіемъ сомнѣнія и страха, ждали ея перваго слова.

— Чтò вы чувствуете? спросилъ у ней докторъ тихо.

— Ничего особеннаго. Я слаба, мнѣ хочется спать.

И она закрыла большіе глаза свои и опять заснула.

Федоръ Павловичъ всталъ и вздохнулъ глубоко, какъ человѣкъ, испытавшій страшную муку, которая до тѣхъ поръ одолевала все существо его.

— Чтò? едва выговорила Англичанка.

— Слава Богу! и я отвѣчаю за нее, если ея не испугаютъ и не встревожатъ.

Татьяна спала цѣлый день и проснулась только къ вечеру. Увидѣвъ мистриссъ Торнтонъ, она стала упрашивать ее идти отдохнуть. Мистриссъ Торнтонъ должна была согласиться, тѣмъ болѣе, что Федоръ Павловичъ замѣтилъ ей, что больной не должно противорѣчить. Онъ былъ даже тронутъ чувствомъ, съ которымъ старуха, выйдя наконецъ изъ своей неподвижности и флегмы, поцѣловала руку своей милой Татьяны. Лишь только дверь затворилась за нею и за Машей, которая провожала ее со свѣчой въ рукѣ, и Федоръ Павловичъ остался одинъ въ комнатѣ Татьяны, во взорѣ его обращенномъ на нее сказалося столько любви и нѣжности, что она опустила глаза свои и молча протянула ему свою блѣдную, слабую руку. Онъ упалъ на колѣни, и зарыдавъ какъ ребенокъ, прильнулъ къ ея рукѣ. Въ эту чудную для него минуту онъ забылъ, что онъ докторъ и долженъ беречь свою больную отъ потрясеній, забылъ, что онъ не одинъ, и что кто-нибудь можетъ войти въ ея комнату; сердце его, наболѣвшее въ эти три послѣднія недѣли, изстрадавшееся въ эти послѣдніе четыре дня, переполнилось. Долго онъ стоялъ передъ нею молча, скрывъ лицо въ бѣлыхъ тканяхъ ея постели, прильнувъ жадными губами къ ея неподвижно лежавшей въ его рукахъ рукѣ. Наконецъ онъ опомнился и поднялъ свое блѣдное лицо и влажные, красные отъ слезъ глаза. Она хотѣла сказать что-то, онъ съ испугомъ остановилъ ее.

— Молчите, вамъ вредно говорить.

— Счастіе воскрешаетъ, а не вредить, сказала она слабо, и улыбка скользнула по лицу ея, и освѣтила всю ея физиономію.

И онъ опять опустился на колѣни передъ нею, и стоялъ долго, безмолвный и упоенный, безъ рѣчей, безъ мыслей, не спуская съ нея своихъ блестящихъ огнемъ любви глазъ; и она, казалось, не могла оторвать отъ него своего зора; и оба, погруженные въ какое-то нѣмое, глубокое созерцаніе, они предалися сознанію собственнаго безконечнаго счастія; а рука ея, все еще лежавшая въ его рукахъ, слегка пожимала ихъ. Ощущеніе какого-то невыразимо-сладкаго спокойствія, смѣшаннаго съ нѣгою и слабостію выздоравливающаго, заставило ее закрыть глаза и погрузиться въ полудремоту; онъ осторожно опустил ея руку, и съѣлъ подлѣ нея, не отводя отъ нея своего зора.

На другой день ей было гораздо лучше. Она уже сидѣла въ

своей постели, и маленькая Маня перебирала подлѣ нея свои картинки и игрушки. Иногда ей случалось оставаться одной съ Федоромъ Павловичемъ, но она не говорила ему ни слова, и онъ не смѣлъ сказать ей того, что такъ сильно чувствовалъ. Зачѣмъ? Они понимали другъ друга, и имъ не надо было другаго объясненія. Татьяна знала, что не Юлія, а она, она одна, любима имъ, а онъ, боясь оглянуться на прошедшее, еще не могъ придти въ себя при мысли, что она могла умереть, не зная, что любима такъ страстно. Теперъ она оживаетъ, оживаетъ для него одного, если онъ будетъ имѣть мужество захотѣть этого. Мужество! Бѣдный Федоръ Павловичъ, что называлъ онъ мужествомъ? и гдѣ былъ прямой долгъ его? Она была свободна и могла располагать собою, а онъ? И онъ не былъ связанъ обѣщаніемъ, но развѣ помимо обѣщанія нѣтъ обязательствъ? Они тѣмъ святѣе, чѣмъ меньше могутъ быть предъявлены той, которая отдала ему на вѣру всю свою душу, не требуя обѣщаній. А родители Юліи? она у нихъ одна дочь: что скажутъ они, если она умретъ, или будетъ жить и мучиться? Но что ему до нихъ и до нея! не время ему было разсуждать, не было даже и возможности сознанія и свободы мыслей при дыханіи всемогущаго чувства, захватившаго немилосердо все существо его, и потрясшаго до основанія его сильную натуру и твердыя до тѣхъ поръ правила. Онъ былъ безсиленъ противъ любви своей, бессильна была и она, и оба они уносились быстрымъ теченіемъ страсти, не разсуждая, жадно вливая въ себя упойтельный ядъ, не желая ничего, не думая ни о чемъ. Онъ жадно ловилъ въ ней воскресающую силу молодой жизни, возвращающееся здоровье, румянецъ лица, блескъ глазъ, а она... но одно его присутствіе было для ней и здоровье, и сила, и счастье. Счастье! Великое слово! Они чувствовали его оба, познакомились съ нимъ впервые, и какъ медленно, съ какою нѣгою и забвеніемъ пили изъ этой роскошной чаши, которую судьба подноситъ немногимъ и такъ не на долго!

Однажды вечеромъ, она сидѣла на своей кушеткѣ, одѣтая въ бѣлый капотъ, который шелъ какъ нельзя больше къ ея поэтической красотѣ; она была уже почти совсѣмъ здорова, и остатки недавней слабости придавали нѣгу всѣмъ ея движеніямъ и томность лицу. Поминутно засматриваясь на нее, онъ читалъ что-то, и оставлялъ безпрестанно книгу, чтобы вертѣть задумчиво черный шнурокъ лежавшаго подлѣ лорнета ея; было уже поздно, а онъ все сидѣлъ у ея изголовья. Она повернула къ нему

свою головку, обрамлённую черными волосами, выбившимися изъ-под утренняго чепца, и сказала тихо, медленно, почти робко:

— Ужь поздно, я здорова, и вамъ нельзя проводить всю ночь здѣсь.

Онъ всталъ, хотѣлъ сказать что-то и молчалъ.

— Прощайте же, до завтра, сказала она.

— Такъ вы меня гоните? Чтò завтра, то не мое, и тому я не вѣрю; кто знаетъ, что разлучить насъ опять? Скажите же мнѣ, чтò я ужь знаю; чтò я чувствую, но чтò я хочу слышать отъ васъ, и я уйду, повинуюсь вамъ.

Она вспыхнула, и яркій румянецъ залилъ не только все лицо ея, но даже бѣлую, граціозную шею, и придавъ такую стыдливую прелесть всей ея особѣ, что онъ, не дожидаясь этихъ заветныхъ словъ, стремительно бросился къ ней, сѣлъ подлѣ нея на ея узкую кушетку, смѣло обхвативъ рукою ея станъ, притянулъ ее къ себѣ и скрылъ пылающее лицо свое на груди ея. Она пришла въ себя и, освобождаясь отъ него, откинулась назадъ; но при этомъ движеніи слабо завернутая коса тяжело упала на плечи ея и увлекла за собою гребень и легкій утренній чепчикъ. Онъ самовольно взялъ эти густыя пряди роскошной косы, освободилъ ихъ отъ кисей чепчика, раскинулъ ихъ по плечамъ ея, и не слушая ея робкихъ просьбъ и слабыхъ восклицаній, осыпалъ эти волосы страстными, стремительными поцѣлуями. Она заплакала, но и слезы ея не остановили его безумныхъ порывовъ; онъ взялъ руки ея, и крѣико сжалъ ихъ въ рукѣ своей; она откинула свою голову на подушку кушетки, но онъ преслѣдовалъ ее, и слѣды слезъ ея исчезли подъ его жгучими поцѣлуями. Поцѣлуи эти прошли огнемъ по всему ея существу и заразили ее незнакомымъ ей до тѣхъ поръ чувствомъ; она сама прильнула къ нему, и они замерли въ длинномъ, страстномъ, долгомъ поцѣлуѣ любви, первой любви своей!

За дверью послышались шаги. Онъ вскочилъ и бросился въ садъ, какъ помѣшанный.

«Милая моя, писалъ онъ ей поутру, я не хочу показаться на глаза твои, не сказавъ тебѣ, чтò я на колѣняхъ благодарю тебя за то счастье, которое ты разлила на всю жизнь мою. Мое прошедшее не существуетъ болѣе, и я не боюсь будущаго. Если ты со мною, чтò значать препятствія, которыя раздѣляютъ насъ? мы преодолѣемъ и уничтожимъ ихъ. Я не вѣрю въ возможность

ничего иного, кромѣ любви моей къ тебѣ и твоей ко мнѣ. Не правъ ли я?»

Когда онъ прибылъ къ ней, то нашелъ ее на обыкновенномъ мѣстѣ, она ужь ждала его, и за ея поясомъ онъ замѣтилъ свою утреннюю записку, сложенную въ микроскопическіе размѣры. Этотъ день пролетѣлъ для нихъ какъ мигъ; наступилъ и вечеръ, который прошелъ еще быстрѣе; это былъ день и вечеръ самыхъ откровенныхъ, самыхъ полныхъ обоюдныхъ изліяній. Чего не сказалъ онъ ей? Въ чемъ не призналась она ему? Ничто не было забыто или опущено: и ихъ первое знакомство, и его первоначальная къ ней ненависть, и ея предразсудки и, его гордое презрѣніе, и ихъ первая встрѣча, полная холодной вѣжливости съ одной стороны, и сухаго пренебреженія съ другой, наконецъ и эта тревожная, страшная сцена у постели умирающихъ, гдѣ сердце ея, говорилъ онъ, плавило его внезапно. А она, когда она начала любить его? Она не могла дать отвѣта, она сама не знала. Онъ явился ей вѣстникомъ новаго міра; онъ пролилъ, пробудилъ въ ея душѣ живыя, до тѣхъ поръ мало знакомыя ей стремленія, познакомилъ ее со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ человѣка и помогъ ей уразумѣть тотъ тѣсный, узкій мірокъ, гдѣ она жила до тѣхъ поръ, гдѣ тоска грызла ее, гдѣ пустота томила и гдѣ глохли всѣ лучшія чувства ея души и сердца. И какъ билось сердце ея, и какъ страдало, будто птица въ душевной клеткѣ!

Она долго говорила такъ, и онъ слушалъ ее съ такимъ вниманіемъ, съ такою любовью!

— А теперь милая птичка моя не боится свободы, и смотритъ прямо на солнце? сказалъ онъ наконецъ; — оно не ослѣпляетъ ее, какъ прежде?

— Я ничего не боюсь съ тобою и подлѣ тебя, сказала она, прижимаясь къ плечу его.

— О, зачѣмъ я не могу унести тебя на край свѣта? сказалъ онъ, обнимая ее.

— А отчего же нѣтъ? Уѣдемъ далеко, будемъ жить вдвоемъ тамъ, гдѣ никто не знаетъ насъ, гдѣ никому нѣтъ до насъ дѣла, кто не имѣетъ правъ надъ нами.

— А кто же имѣетъ ихъ? возразилъ онъ не твердо, потому что тайный голосъ нашептывалъ ему имя Юліи.

— Кто? да многіе, сказала она печально. — Мать моя, впервыхъ, потомъ дядя моего мужа, сестра его, — словомъ, мой и его родные.

— Твои и его родные! воскликнулъ онъ, вспыхнувъ: — какія права могутъ они имѣть на тебя? Или твой мужъ изъ-за могилы будетъ говорить ихъ голосомъ, и требовать вѣрности и за гробомъ, какъ въ нѣмецкихъ балладахъ? Не довольно ли долго ты принадлежала роднымъ? не они ли выдали тебя замужъ и были твоими опекунами почти до сего дня? Теперь ты, надѣюсь, поняла права свои на свободу дѣйствій, и разорвешь путы, наложенныя на тебя эгоистическими предубѣжденіями касты. Не пора ли тебѣ жить для себя, быть счастливою? И кого оскорбляешь ты своимъ выборомъ? Развѣ ты любишь злодѣя, или челоуѣка безчестнаго и ничтожнаго? Я могу доставить тебѣ однимъ трудомъ моимъ ту роскошь, къ которой ты привыкла, и ты будешь спокойно тратить деньги, честно мною добытыя, чѣмъ тѣ, которыя тратила до сихъ поръ. Скажи, правда? Вѣдь ты убѣждена въ этомъ?

— Да, да, сказала она разсѣянно, и задумалась.

— О чемъ ты думаешь? спросилъ онъ, подозрительно глядя на нее.

— Ты не знаешь, на что они способны, сказала она, вдругъ заливаясь слезами.

— Что такое? что это значитъ? воскликнулъ онъ, раздраженный ея слезами.—Какъ! ни минуты счастья, ни часа покоя? Вчера только мы узнали нашу взаимную тайну, а ужъ нынче слезы, сомнѣнія, опасенія!

Онъ всталъ и быстрыми шагами прошелся по комнатѣ.

— Зачѣмъ ты сердиться? развѣ я сомнѣваюсь въ тебѣ? сказала она нѣжно, утирая свои слезы.

— Еще бы! отвѣтилъ онъ горячо. — Да ты не знаешь еще, что я принесъ тебѣ въ жертву, на что осудилъ и себя, и другихъ!

— Я тебя не понимаю; объяснись, сказала она съ безпокойствомъ.

— И не понимай меня, не трогай моей тайной раны. Теперь только я понялъ, что такое любовь, и хотя бы мнѣ пришлось мучиться еще больше, я не промѣняю ея ни на что на свѣтѣ! Она мнѣ дороже...

Онъ не досказалъ мысли своей, а закрывъ лицо руками, припалъ къ ея колѣнамъ, какъ древніе жрецы къ подножію статуи своего бога, прося заступленія и помощи.

— Встань, милый, твердила Татьяна, и увидѣвъ глаза его,

устремленные на нее съ тайнымъ недугомъ, будто онъ ждалъ отъ нея одной облегченія и примиренія, прибавила, привлекая его къ себѣ: — ты мой, и я не уступлю тебя никому, никто не разлучить насъ!

— Никто! сказалъ онъ сильно, и съѣлъ подлѣ нея, склонясь головою къ ея плечу.

Когда Татьяна осталась одна, она припомнила всякое его слово и, угадавъ правду, на другой же день спросила у него тихимъ, но дрожавшимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Скажи мнѣ, что за отношенія между тобою и этою дѣвочкой?

Онъ смутился.

— Кѣмъ? спросилъ онъ невнятно.

— Дочерью управителя, сказала она, краснѣя; ея надменность, такъ долго ледянная семьею и свѣтомъ, не могла вдругъ исчезнуть, и такое сближеніе между ею и этою *дѣвочкой* возбуждало въ ней стыдъ и смущеніе.

— Она любитъ меня, сказалъ онъ мрачно.

— А ты? спросила она, вздрагивая.

— Я не люблю ея и никогда не любилъ, да, никогда! теперь я это чувствую и понимаю, но это нисколько не извиняетъ меня. Выслушай меня, и пойми, сколько я люблю тебя, если могъ измѣнить и правиламъ моимъ, и больше чѣмъ правиламъ. Я не хочу казаться въ глазахъ твоихъ лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ. Юліи было пятнадцать лѣтъ, когда я познакомился съ ея отцомъ и матерью; она мнѣ понравилась, я принялся учить ее, и воспиталъ, образовалъ ее; я видѣлъ, какъ развивалась любовь ея ко мнѣ, и самодовольно ловилъ первыя проявленія ея чувства, однимъ словомъ и взглядомъ умѣряя ихъ или давая имъ волю. Я въ ней любилъ свое созданіе, и въ глубинѣ души рѣшилъ, что она будетъ моею женою; если слово любви не сорвалось съ языка моего, и я не связалъ себя обѣщаніемъ, то потому только, что мнѣ жаль было измѣнить такъ скоро наши отношенія, полныя для меня неувимой прелести. Но это ничего не значить; нравственно, обѣщаніе было дано и слово любви сказано, потому что все мое поведеніе говорило о томъ. Отказываясь теперь отъ Юліи, измѣняя ей, я обманываю честныхъ людей, играю счастьемъ ихъ бѣднаго ребенка, я поступаю безчестно...

Она слушала его внимательно, и при этомъ словѣ зажала ему ротъ своею рукою.

— Да, безчестно, продолжалъ онъ: — поздно бояться слова,

если я не побоялся поступка; мнѣ тяжело признаваться въ этомъ тебѣ, еще тяжеле быть-можетъ было мнѣ признаться въ этомъ самому себѣ. Ты въ правѣ уважать меня меньше, но не можешь меньше любить меня. Помни всегда, что ничто въ мірѣ не могло заставить меня сдѣлать такой низости, кромѣ любви, доходящей до безумія, и которой владѣть я не могъ и не умѣлъ.

— Такъ ты не любишь ея? сказала она, не совѣмъ раздвѣляя его мнѣніе на этотъ счетъ, и возвращаясь къ вопросу, который одинъ поглощалъ все ея вниманіе и всѣ чувства. Онъ однако не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, и сидѣлъ задумавшись; инстинктивно она не осмѣлилась повторить его, и черезъ нѣсколько минутъ прикоснулась къ его длиннымъ кудрямъ, и задумчиво на-вертывала ихъ на пальцы свои. Онъ поднялъ свою опущенную внизъ голову, взялъ ея руку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Мы уѣдемъ на край свѣта и забудемъ всѣхъ, сказала она.

— Да, да, повторилъ онъ машинально: — уѣдемъ! забудемъ!

Черезъ нѣсколько дней случилось такъ, что разговоръ ихъ опять коснулся Юліи. Татьяна успокоивала его, и въ этотъ разъ настаивала на томъ, что онъ преувеличиваетъ свой проступокъ, что въ сущности онъ не виноватъ нисколько.

— Мало ли свадебъ расходитя, замѣтила она наконецъ. — Юлія молода, она полюбитъ другаго, и будетъ счастлива.

Онъ молчалъ, но было видно, что онъ не вѣрилъ въ возможность новой любви для Юліи.

— Дай ей богатое приданое, она еще скорѣе найдетъ себѣ жениха, сказала она.

— А по какому праву? возразилъ онъ горячо: — и съ какихъ поръ за нравственныя страданія платятъ деньгами? За слезы и разбитыя вѣрованія, за цѣлую жизнь, подломленную въ молодости, нѣтъ возможности заплатить ничѣмъ, и я не могу надивиться, какъ пришла тебѣ на умъ такая дикая, хуже того — безсердечная мысль! Или я ужъ такъ низко упалъ въ твоемъ мнѣніи, что ты сочла меня способнымъ на такую фальшивую сдѣлку, чтобъ успокоить встревоженную совѣсть, сдѣлку впрочемъ излишнюю, потому что не только Юлія, но и всякая порядочная женщина отвергнетъ съ негодованіемъ предложеніе такого рода? Вотъ вѣрный способъ, прибавилъ онъ, смѣясь съ горечью и ироніей, — выльчить ее отъ ея привязанности ко мнѣ: она бы стала презирать меня. Но не будемъ говорить объ этомъ, не будемъ даже и думать.

Въ первую пору любви, какой горечи не усладить ласка любимой женщины, какихъ тяжелыхъ думъ не разгонитъ она! Скоро онъ дѣйствительно не думалъ о Юліи, и былъ увлеченъ въ тотъ дивный міръ любви, полный невѣдомыхъ ему до тѣхъ поръ наслажденій. Вечеръ прошелъ, и пробило полночь, и опять она опомнилась и принялась просить его, по обыкновенію, оставить ее и уйти.

— Ужь поздно, милый! я не могу, не смѣю...

Но онъ былъ раздраженъ, онъ сильно чувствовалъ внутренній разладъ съ собою, не могъ покориться ей и не могъ довольствоваться тѣмъ невиннымъ счастіемъ, которое удовлетворяло ее одну.

— Въ этой пустынѣ, въ этой глуши не смѣешь? сказалъ онъ съ досадою: — что же будетъ послѣ, въ обществѣ, въ городѣ?

— Все то же, возразила она: — я вездѣ одинакова, какъ и здѣсь, такъ и тамъ, я слѣдую своимъ правиламъ, я мать, и не могу забыть этого. Я едва смѣю глядѣть на дочь, и твои поцѣлуи еще горятъ на мнѣ. Пощади по крайней мѣрѣ приличія и уйди, уйди отсюда!

Онъ всталъ и, не говоря ни слова, пошелъ къ двери.

— Такъ ты этакъ прощаешься со мною? сказала она вслѣдъ ему.

— Я не знаю, чего вы хотите отъ меня, сказалъ онъ, вспыхнувъ: — когда я покоряюсь вамъ, вы недовольны, когда я предаюсь любви моей, вы меня упрекаете, считаете мои поцѣлуи, стыдитесь ихъ... Нѣтъ, мы не понимаемъ другъ друга и вступаемъ въ невозможный союзъ. Неужели недовольно дѣйствительныхъ и неизбѣжныхъ жертвъ, которыя мы приносимъ любви нашей? надо еще придумывать ложныя мученія и казнить ими себя и меня. И что жъ это за любовь? Любовь жалкая, нищенская, которая считаетъ поцѣлуи, взвѣшиваетъ каждое слово, мучить, но не даетъ счастья. Вы любили мужа своего?

— Любовію—нѣтъ, сказала она, озадаченная его горячею выходкой и горечью, съ какою онъ говорилъ.

— И однако принадлежали ему?

— Онъ былъ мой мужъ.

— А кто мѣшаетъ мнѣ быть вашимъ мужемъ? вы свободны! Нѣтъ, вы не умѣете любить, и Юлія, которую вы презираете, Богъ вѣсть почему, лучше васъ и любить сильнѣе. Она бы не вынесла словъ этихъ, и отдалась бы мнѣ безъ раскаянія и упрековъ.

Онъ вышелъ, она звала его по имени, но онъ не воротился,

и быстро удалялся от дому по длинной аллеѣ сада. Она долго провожала его глазами.

«Боже мой, думалъ онъ, блуждая безъ цѣли по саду, любить какъ я люблю, пожертвовать ей даже моею совѣстью и честію и не купить эту дорогою цѣной ея полной, безразсчетной любви! Я отъ всего отказался для нея, и отъ многихъ мнѣній своихъ, и отъ неизмѣнныхъ правилъ, по которымъ хотѣлъ идти до конца жизни. Она не дѣвочка, она должна понять, что такая любовь какъ моя не можетъ жить въ стѣснительныхъ условіяхъ, выдуманыхъ въ ея сферѣ, гдѣ не знаютъ, что такое истинная страсть, но за то терпятъ интриги и связь безъ любви, прикрытую строгимъ приличіемъ. Зачѣмъ она гонитъ меня всякій вечеръ, будто стыдится моей любви? Ужели она играетъ мною? Нѣтъ, я этого не позволю и скорѣе брошу ее, уйду куда-нибудь, гдѣ ея образъ не могъ бы терзать меня и преслѣдовать. Я ужъ слишкомъ много вынесъ отъ этой любви, и она становится ненавистна мнѣ, какъ укоръ и позорная слабость. Еслибъ я могъ любить Юлію, я былъ бы вполне счастливъ. Зачѣмъ же злая судьба бросила меня къ ногамъ этой женщины, которая заражена эгоизмомъ, которая владѣетъ собою въ лучшія минуты забвенія и разсчитываетъ даже и тогда, когда любить?»

Въ эту минуту Федоръ Павловичъ взглянулъ неволью впередъ, и увидѣлъ, что онъ опять былъ у дому; голубое платье горничной Маши мелькнуло передъ нимъ въ широкой двери террасы; она выходила изъ спальни Татьяны, со свѣчой въ рукѣ; спальня эта, освѣщенная еще блѣднымъ свѣтомъ лампы въ углу и двухъ свѣчъ на письменномъ столѣ, была видна ему очень ясно съ террасы, на которую онъ тихо вошелъ. Онъ наклонился къ большимъ стекламъ двери и увидѣлъ Татьяну, которая въ блонѣ капотъ сидѣла у стола и писала что-то, безпрестанно отирая глаза, полные крупныхъ слезъ. «Она пишетъ ко мнѣ, она плачетъ! Бѣдная!» сказалъ онъ самъ себѣ, и гнѣвъ его утихъ мгновенно, и мѣсто его заступила нѣжная жалость, которая охватила все сердце его; онъ оперся на дверь, но она тихо уступила ему и растворилась. Онъ испугался, сдѣлалъ шагъ назадъ, потомъ опомнился и перешагнувъ завѣтный порогъ. «Судьба ведетъ!» сказалъ онъ самъ себѣ и тихо подошелъ къ ней.

— Милая моя! сказалъ онъ, обнимая ее, дрожащую отъ испуга и печальности,—я не стою ни одной слезы твоей. Прости моему безумію, забудь мои дерзкія слова. Я люблю тебя такъ много, что одно твое слово будетъ моимъ закономъ. Не дрожи же такъ,

чего ты боишься? Скажи слово, и я уйду тотчасъ; приказывай!

Она взглянула на него и, встрѣтивъ его взглядъ, не могла не покориться силѣ любви.

— Я вѣрю тебѣ, прошептала она чуть слышно; останься со мною минуту и потомъ уйди... Уйдешь?

— Да, сказалъ онъ, — пусть будетъ какъ тебѣ угодно.

Онъ сѣлъ у ногъ ея, послушный какъ дитя и робкій какъ школьникъ. Она успокоилась, и неосторожно предавшись собственной любви, пробудила въ немъ неукротимые порывы прежней страсти, овладѣть которыми ей было ужь невозможно.

Бѣдная Татьяна плакала одна при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, а онъ въ это время сидѣлъ у раскрытаго окна своего кабинета и смотрѣлъ, какъ эти яркіе лучи проникали сквозь бѣлый утренній туманъ, золотили верхушки деревьевъ и освѣщали мало-по-малу всю окрестность. Лицо его дышало счастьемъ, и языкъ шепталъ неволью и безсознательно стихи Лермонтова:

«И мысли далеко несутся,
И полонъ ужь желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей
Какъ звуки другъ за другомъ льются!..»

Новыя отношенія Татьяны къ Федору Павловичу такъ потрясли ее, что она не могла придти въ себя и помириться съ собою; голова ея была смутна и отуманена, понятія неясны и спутаны, сердце испугано. Оно билось, но ужь не отъ любви, а отъ тревоги и страха; она походила на ребенка, который, срывая цвѣты, вдругъ очутился на краю пропасти, голова его начинаетъ кружиться, онъ протягиваетъ руки и ищетъ опоры. Татьяна искала ее въ любимомъ человѣкѣ, и схватилась за него съ силою отчаянія, но не могла найти въ немъ того, чего искала. Оглушенный собственнымъ счастьемъ, онъ не могъ раздѣлять ея смущенія, еще менѣе укоровъ совѣсти: ихъ понятія были такъ различны! Она была, въ глазахъ его, женщина вполне свободная и могла любить безмятежно, кого и какъ хотѣла. Татьяна слушала его доводы и если отчасти соглашалась съ ними, то въ ту минуту, когда онъ выражалъ ихъ, глядя на нее своими умными и влюбленными глазами; но лишь только она оставалась одна, какъ сердце ея терзалось

недобрымъ предчувствіемъ чего-то страшнаго, чего опредѣлить она не могла; умъ ея терялся, а въ глубинѣ души ничѣмъ незаглушаемый укоръ не давалъ ей ни минуты спокойствія. Она остановилась однако на мысли выйти за него замужъ какъ можно скорѣе, и держать этотъ бракъ въ тайнѣ отъ родныхъ; она даже хотѣла написать объ этомъ къ духовнику своему; но Федоръ Павловичъ никакъ не соглашался на это, не желая впутывать никого въ свои отношенія къ ней, какъ бы ни было близко или почтенно то лицо, къ которому она хотѣла прибѣгнуть. Къ тому же онъ былъ счастливъ, и право мужа въ украдку, тогда какъ въявь ему надо было играть роль человѣка отъ нея зависящаго, ея домашняго доктора, казалось ему презрѣнно и унизительно.

— Чего же ты хочешь? спрашивала она у него съ ужасомъ.

— Да ничего! пока я хочу любить тебя и быть любимымъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь;—кто намъ мѣшаетъ жить здѣсь, въ этой тиши, мнѣ заниматься моимъ дѣломъ, а тебѣ приняться за тысячу занятій, которыя принесутъ пользу всѣмъ тѣмъ, кто зависить отъ тебя? Ты помѣщица нѣсколькихъ тысячъ душъ, развѣ ты забыла это?

— Это невозможно, насъ будутъ преслѣдовать, имя мое покроютъ позоромъ, и онъ падетъ и на бѣдную дочь мою. Вся ея будущность можетъ пострадать отъ моего гибельнаго проступка. Я вижу только одинъ исходъ — замужество.

И она глядѣла на него умоляющимъ взоромъ, и въ выраженіи лица ея было столько страданія, что онъ не могъ сносить этого равнодушно, и однажды отвѣтилъ ей.

— Дѣлай, какъ знаешь, я принадлежу тебѣ и отдаюсь на твою волю. Знаю, что многіе, даже наиболѣе близкіе мнѣ люди, назовутъ расчетомъ, корыстолюбіемъ, и Богъ вѣсть чѣмъ еще, любовь мою къ тебѣ; всѣ они заговорятъ о моемъ ненасытномъ честолюбіи, которое не побоялось, мимоходомъ, разбить всю жизнь бѣдной дѣвушки, чтобы достигъ цѣли. Пусть такъ! я долженъ это вынести и заплатить за мое счастье; къ тому жъ я не безъ упрека, и теперь не въ моей волѣ поправить то, чтò сдѣлано.

И онъ задумывался, воображая Юлію больною и несчастною. Въ послѣднее время онъ видалъ ее каждый день и уничтожалъ ея подозрѣнія, говоря безпрестанно о скоромъ отъѣздѣ за границу. Ему пришло теперь въ голову, что ему дѣйствительно слѣдовало бы ухъать, но какъ сдѣлать это, и не разстаться съ Татьяной?

— Такъ ты согласишься на все? сказала она опять, и привлекла его вниманіе къ себѣ одной.

— Да, но съ условіемъ. Я не слѣлаю ни шагу, не скажу ни слова, не буду объясняться ни съ кѣмъ; никто не имѣетъ права требовать у меня отчета въ моемъ поведеніи. Все въ твоей волѣ; въ тотъ день, когда ты захочешь, или будешь въ возможности привести въ исполненіе свое намѣреніе, я покорюсь тебѣ. Скажи мнѣ, что двери церкви растворены, и я пойду за тобою; будетъ ли она полна родныхъ и знакомыхъ, будетъ ли она пуста—это мнѣ все равно. Пойми, что я исполняю только мой долгъ въ отношеніи къ тебѣ, а ужь никакъ не добиваюсь чести быть мужемъ богатой и знатной женщины. Я считаю, ты знаешь это, неравный бракъ большимъ неудобствомъ въ жизни, и ужь, конечно, не порадоюсь своему новому, очень неловкому положенію.

— Такъ, стало-быть ты не вѣришь въ свое счастье со мною?

— Очень вѣрю! я счастливъ уже и теперь, но я боюсь, что борьба будетъ тебѣ не по силамъ, а клевета отравитъ многое въ жизни моей съ тобою; но я надѣюсь на себя, и думаю, что обойду и вынесу все недоброе, что выпадетъ на мою долю.

Она заплакала.

— Да о чемъ же ты плачешь, милая? позови священника, я буду твоимъ мужемъ хоть сейчасъ.

Она задумалась, и еслибъ онъ настоялъ, она бы согласилась; *coup de tête*, какъ говорятъ Французы очень выразительно, всегда заманчивъ для женщинъ, не надѣленныхъ особенною силою воли; но въ расчеты и намѣренія Федора Павловича не входила мысль пользоваться своимъ вліяніемъ на нее. Однажды измѣнивъ себя, онъ боялся даже и тѣни новаго проступка, не хотѣлъ въ отношеніи къ ней самой поставить себя въ положеніе чловѣка, который рассчитываетъ на женитьбу и подаетъ поводъ думать, что онъ, пользуясь первыми минутами любви, увлекъ любимую женщину, заставивъ ее рѣшиться на неравный бракъ.

Хотя эти споры и грустные разсужденія не охлаждали ихъ другъ къ другу, однако давали имъ чувствовать, что между ними все еще лежала раздѣлявшая ихъ бездна, которую они теперь не хотѣли замѣтить. Иногда это сказывалось особенно рѣзко. Однажды ей случилось спросить у него, кто были его родные.

— То-есть, кто я такой? спросилъ онъ насмѣшливо.

Она поблѣднѣла, онъ засмѣялся.

— Ты поздно догадалась, сказалъ онъ:—тебѣ бы освѣдомиться объ этомъ прежде, чѣмъ любить меня.

— Я увѣрена, что ты неравенъ мнѣ потому только, что умѣе и образованнѣе меня, сказала она: — зачѣмъ же ты насмѣхаешься надо мною и язвишь меня? Къ тому же ты такъ хорошо знаешь языки, и выговоръ твой такъ чистъ, что ты долженъ былъ говорить на нихъ еще ребенкомъ. Твоя фамилія старинная, и я давно знаю, что ты дворянинъ; слѣдовательно мы равны и по происхожденію.

— Очень ошибаешься, сказалъ онъ: — нисколько! И отчего это ты стала такъ заботиться о моемъ происхожденіи?

— Не для себя, а для другихъ.

— Ты такъ много думаешь объ этихъ другихъ, что мнѣ кажется, будто они стали между нами, и ужь раздѣляютъ насъ.

— О нѣтъ, нѣтъ!

— Положимъ такъ, и возвратимся къ твоему вопросу, на который я отвѣчалъ наполовину; мнѣ пріятно подѣлиться съ тобой всѣмъ, чѣмъ я знаю о моемъ отцѣ и матери. Я горжусь ими, и всегда радъ говорить о нихъ. Мой отецъ былъ отличный человекъ, и всю жизнь свою провелъ въ большомъ имѣніи князя С., гдѣ былъ фельдшеромъ. Весь округъ любилъ и уважалъ его; онъ женился на моей матери, которая была торговкой и имѣла очень порядочный капиталъ. У ней было много знакомыхъ между соседними помѣщиками, чѣмъ и помогло ей помѣстить меня въ домъ одного изъ нихъ, съ дѣтьми котораго я учился до двѣнадцати лѣтъ. Вотъ отчего я хорошо знаю языки и имѣю хорошій выговоръ. Въ послѣдствіи меня отдали въ гимназію и университетъ; родные мои не жалѣли ничего для моего воспитанія, — чтобъ изъ меня вышелъ человекъ, какъ говаривалъ мой покойный отецъ. Семья наша велика, у меня четыре сестры и пять братьевъ, и всѣ мы разсѣяны по великому Божьему міру, зарабатывая хлѣбъ свой и пробивая себѣ дорогу. Сестры мои замужемъ, и раздѣлили между собою небольшое наслѣдство, доставшееся имъ послѣ отца и матери. Когда ты будешь моею женой, я надѣюсь, что ты полюбишь ихъ: онѣ очень добрыя и честныя женщины.

Въ этотъ разъ она не смѣла уже спросить, кто онѣ и вообще была смущена и опечалена. Последняя соломинка, за которую схватилась она, какъ утопающій, была выхвачена изъ-подъ руки ея, и слова: онъ не дворянинъ, а сынъ фельдшера, безпрестанно звучали въ ушахъ ея, и она употребила всѣ усилія, чтобы скрыть отъ него это новое безпокойство. Какъ сказать, или лучше, какъ скростъ она это отъ своей матери и

родныхъ? Эти препятствія только увеличивали ея любовь къ нему, и заставили ее измѣрить всю силу ея; дѣйствительно, любовь ихъ не была ли всемогуща, если помимо воли заставила ихъ сойтись на рубежѣ двухъ столь противоположныхъ міровъ, съ понятіями и мнѣніями совершенно различными и исключаящими одно другое? Ей казалось, что, спасая небольшое число коренныхъ началъ, которыя неразрывно срослись съ нею, она уступила ему все остальное, и на жизнь глядитъ его глазами, усвоила себѣ его мнѣнія и понятія; но это только казалось. Предразсудки пускаютъ глубокіе корни, и она напрасно увѣряла себя, что она ненавидитъ и презираетъ ихъ; недавняя вѣра ея была слаба, убѣжденіе не проникло во все существо ея, и она пугалась даже и того, во что говорила что вѣрить. Мало ли что кажется такъ прекрасно въ теоріи, и что такъ трудно для многихъ провести въ жизнь, доказать на практикѣ! Вотъ отчего мысль, что человѣкъ, любимый ею, сынъ фельдшера, такъ смущала Татьяну, мало того поразила ее. Замѣтилъ ли онъ это, или угадалъ, рѣшить было трудно; счастливый въ настоящемъ, онъ умѣлъ разумно наслаждаться имъ, не заглядывая въ даль. Или ужъ не боялся ли онъ заглянуть въ эту даль, забывая обо всемъ что было не она и не любовь ея?

Пока шли такимъ образомъ дѣла въ барскомъ домѣ, жители Знаменскаго мало-по-малу приходили въ волненіе; повода къ разговорамъ, пересудамъ и сплетнямъ было не мало въ странныхъ отношеніяхъ доктора къ генеральшѣ. Отчего это онъ всякій день у ней обѣдаетъ?—мало того, онъ почти не выходитъ оттуда? говорили между собою кумушки Знаменскаго, сидя за чашкой вечерняго чая. «Не выходитъ! подхватила жена управляющаго заводомъ:—да вы спросите-ка у Афоньи, въ которомъ часу ночи онъ возвращается къ себѣ и всегда черезъ сать, чтобъ караульные не видали его?» — Что вы говорите, Афонса Львовна? ужъ будто это и правда? «Да, вотъ оно какво! восклицала богатая купчиха, мужъ которой взялъ на откупъ большую мельницу Знаменскаго, и проживалъ въ немъ болѣе полугода.—А въ которомъ часу, позвольте спросить?»—То-то въ которомъ? угадайте. «Да чай по столичному, часовъ въ двѣнадцать ночи?» — Нѣтъ, матушка, не тутъ-то было, а въ четыре утра. «Не можетъ быть!» — А вотъ, спросите сами! «А эта дура Юлія вѣдь прозвала жениха-то!»

И толки шли, катились и достигли огромныхъ и уродливыхъ размѣровъ, когда дошли до уѣзднаго города. Исправница кля-

лась и ожидалась, что тутъ не обошлось безъ колдовства, и что докторъ—она давно подозрѣвала это—умѣлъ къ себѣ привораживать и знался съ знахарями. «Да вотъ хотя бы дочь предводителя: развѣ она, почитай, не зачахла отъ любви къ нему и еще намедни отказала армейскому майору, жениху какихъ мало, кавалеру любезному и образованному? А Юленька Краснова? Вотъ олурачена-то! Вотъ штука-то! Да что жъ она молчить, или она ничего не знаетъ? Она еще въ позпрошломъ году говорила моей Дунѣ, что поѣдетъ въ Москву за приданымъ. Неужто она ничего не подозрѣваетъ? А! да мы это развѣдаемъ, въ Знаменское ѣдетъ на дняхъ Пантелеевна, она всю правду вывѣдаетъ, она дока.»

Дѣйствительно, дня черезъ три, торговка подкатила на здоровой парѣ лошадей къ подъѣзду Ивана Ивановича. Юлія была одна дома; отецъ ея былъ на работѣ, а мать отозвана на крестины. Несмотря на всѣ увѣренія Юліи, что ей ничего не нужно, и что она все закупила въ городѣ, передъ нею были разложены разноцвѣтныя кисейныя и ситцевыя платья; даже нѣсколько шелковыхъ матерій, сомнительнаго выбора и огромной цѣны, красовались на задкахъ стульевъ. Отъ нарядовъ и городскихъ вѣстей, торговка, усѣвшись на полу, между своими товарами, приступила къ главной цѣли своего путешествія.

— Что жъ, барышня, мало покупаешь? скупишься, что ли, или ужъ правда, что о тебѣ рассказываютъ въ городѣ?

— А что обо мнѣ рассказываютъ? сказала Юлія улыбаясь.

— Ужъ будто ты этого и не знаешь? да что! я по твоему рымакому личику вижу, что это непохоже на правду. Вишь ты какая здоровая, кровь съ молокомъ, да и гладкая, Богъ съ тобою! гдѣ жъ тебѣ изнывать, да чахнуть по женихъ? Да и то молвить, одинъ со двора, другой на дворъ, не одинъ свѣтъ, что въ окошкѣ. Да ты же и однородная дочь у отца съ матерью. Отецъ—то твой чай набилъ мощну у генеральши, и за приданымъ дѣло не станетъ?

— Что ты это говоришь, Пантелеевна? я тебя не понимаю; что же касается до приданого, то мой отецъ человекъ честный и не станетъ набивать кошелекъ чужими рублями; онъ не изъ такихъ.

— Знаю, знаю, красавица, да вѣдь я и не говорю про такія дѣлишки; есть и безгрѣшныя доходы, доходы законныя. А тебя и безъ денегъ возьмутъ, право такъ; вишь ты какая дородная! что у него глазъ нѣту, что ли?

— Да у кого? спросила Юлія, начиная беспокоиться.— О комъ говоришь ты?

— Да о комъ же, какъ не о вашемъ лѣкарѣ, Федорѣ Павлычѣ? Въ городѣ болтаютъ, что ты была сговорена за него, да дѣло-то разошлось у васъ.

— Въ городѣ говорятъ пустяки, сказала Юлія, мѣняясь въ лицѣ:— да и кому какое до меня дѣло!

— Вѣстимо, вѣстимо, да видишь ли, на томъ свѣтъ стоитъ, что всякому больше дѣла до другаго, чѣмъ до себя. Вотъ они и говорятъ, что женишка-то ты подцѣпила знатнаго, да не умѣли, отецъ твой съ матерью, ковать желѣзо, пока оно горячо было; упустили птицу изъ рукъ, ну, а вылетитъ — не поймашь, не штъ другое. А барыни столичныя—богатыя, имъ то и на руку. Онъ, хотя имъ и не пара, да больно ужъ приманчиво; не устоитъ бѣдный человѣкъ, покорится. А ей что? Позабавится, натѣшитъ, да и выгонитъ вонъ, словно холопа. А ты, мать моя, гляди, да кулакомъ слезы отирай, вонъ оно что!

— Слушаю и ни слова не понимаю во всей твоей болтовнѣ, сказала Юлія черезъ силу, рѣшась узнать все подробно; — кого ты приплела тутъ? — и меня и доктора и какую-то барыню.

— Ой лукавишь, ой хитришь! возразила торговка, грозясь на Юлію.— Лучше меня знаешь, что я говорю про вашу генеральшу. Барыня она знатная, ну, а все равно, не хорошо, куда не хорошо, отбивать жениховъ у бѣдныхъ дѣвушекъ. Ты хоть и барышня, и столбовая дворянка, и собой красавица, а куда-те тягаться съ нею. Не подъ силу, мать моя, не подъ силу! Ну скажи, не лукавь: вѣдь правда, что лѣкаръ-то вашъ отъ ней не выходитъ, день-деньской сидитъ съ нею, да и ночью-то почитай дома не бываетъ? Втюрился въ нее, какъ есть втюрился, а ей и любо; ей слова молвить здѣсь не съ кѣмъ, скука, небось, страшная, а лѣкаръ-то говоритъ красно, да и мущина онъ видный, красавецъ можно сказать. На что дочь предводителя, да и та безъ ума отъ него.

Юлія слушала молча, блѣднѣя и краснѣя, и каждое слово торговки входило ей въ сердце и язвило его. Ея неясныя подозрѣнія, столько разъ уничтоженныя словомъ или взглядомъ Федора Павловича, развились внезапно полной увѣренностью. Какъ жестоко была она обманута!.. И какъ долго играла глупую роль! она ничего не знала, а весь ужъ околотокъ сожалѣть о ней. Да и какъ это могло случиться? онъ такъ

благоразуменъ, такъ разсудителенъ; какъ же могъ онъ влюбиться, какъ мальчикъ, безъ надежды на взаимность, и изъ-за этого минутнаго каприза разорвать навсегда ихъ крѣпкій, столько уже лѣтъ заключенный союзъ? Онъ знаетъ всю мѣру ея любви, и забудетъ все это? Не можетъ быть! Развѣ онъ допускалъ возможность увлеченія? никогда! онъ такъ горячо протестовалъ противъ всякаго увлеченія... Ужъ не сплетни ли все это?

Размышляя такимъ образомъ, Юлія подошла къ окну; случай, играющій въ нашей жизни такую огромную роль, помогъ Юліи выйдти изъ лабиринта сомнѣній и соображеній. Федоръ Павловичъ шелъ по улицѣ и быстрымъ шагомъ приближался къ ней. Онъ ли это? Его ли это походка? Онъ не идетъ, а летитъ; вся фигура его, такъ знакомая ей, носить на себѣ отпечатокъ чего-то особеннаго, самое лицо его измѣнилось. Никогда глаза его не были такъ свѣтлы, лицо не дышало такимъ счастьемъ, не говорило о такомъ полномъ довольствѣ собою и другими! Поступь его была легка и беззаботна, и какъ широко дышала грудь его утреннимъ воздухомъ! Когда она видѣла его такимъ? Вотъ онъ подъ окномъ ея, но не взглянулъ на него, и не замѣчаетъ, что она тутъ и такъ жадно ловитъ каждое его движеніе, такъ изучаетъ каждую черту его выразительной фізіономіи. Юлія ужъ не дѣвочка въ эту минуту, въ ней совершился внезапно переворотъ. Ревность и нестерпимое ей страданіе внушаетъ ей вдругъ смѣлость и прозорливость, свойственную всѣмъ влюбленнымъ женщинамъ. Она ужъ не боится своего прежняго идола, и хочетъ во что бы то ни стало узнать правду. Юлія нагибается за окно, и весело зоветъ его по имени. Голосъ ея производитъ магическое дѣйствіе, которое не ускользаетъ отъ ней; Федоръ Павловичъ останавливается, и вся его фізіономія вдругъ измѣняется; что-то вдругъ омрачаетъ ее. Онъ подымаетъ голову, и принимая спокойный видъ, снимаетъ фуражку и говоритъ ей:

— А! это вы Юлія Ивановна? Здравствуйте! А гдѣ всѣ ваши?

— Куда вы спѣшите? говоритъ она, не отвѣчая на пустой вопросъ его.

— Буду сейчасъ въ Камынино, и спѣшу воротиться сюда къ объѣду.

— А! такъ вы объѣдаете у насъ! очень рада.

Онъ смутился.

— Не нынче, сказалъ онъ: — нынче я отозванъ.

— Къ кому же это? спрашиваетъ она шутя:—вы стали такой модной; что день, то новыя приглашенія. У кого вы обѣдаете?

— Какія моды въ Знаменскомъ! да вѣдь я и не франтъ и не модникъ, отвѣчаетъ онъ, шутя принужденно и обходя вопросъ.

— Такъ у кого же вы обѣдаете? настаиваетъ Юлія.

— У Татьяны Ильинишны, говоритъ онъ, стараясь скрыть какую-то неловкость, которая овладѣваетъ имъ каждый разъ какъ ему надо сказать при Юліи это завѣтное имя.

— А! говоритъ Юлія: — въ такомъ случаѣ до завтра, и она отходитъ отъ окна, и убѣгаетъ къ себѣ въ комнату, оставя торговку раскладывать товары и болтать съ Мареею и кухаркой.

«Онъ любитъ ее, любитъ, это несомнѣнно; сердце мое говоритъ мнѣ это, и я вѣрю теперь ему одному, а не пустымъ словамъ того, который такъ долго, такъ безсовѣстно обманывалъ меня. И какъ могъ онъ сдѣлать это, зная, что вѣра моя была такъ же безгранична, какъ и самая любовь моя? Кому же теперь вѣрить и во что?»

Юлія горько и долго плакала. Это были первыя, горячія слезы, не дитяти, а женщины,—слезы безжалостно обманутаго чувства.

«Надо однако узнать правду! сказала она сама себѣ вставая: правду, да развѣ я не прочла ее въ каждой чертѣ лица его, въ каждомъ его движеніи? И какимъ голосомъ онъ произнесъ ея имя! Да, она влюбила его въ себя! Что жъ мнѣ дѣлать? Уступить ей его, безъ борьбы, безъ попытки даже отстоять въ немъ всю жизнь мою, все мое счастье? Да, все! безъ него мнѣ остается умереть! Нѣтъ, я не отдамъ его! быть-можетъ онъ только увлеченъ. Я пойду къ ней и скажу... что? Мало ли что! У ней есть все, тѣмъ хороша жизнь, зачѣмъ же отымаешь она у меня мое единственное благо? Быть-можетъ она не знаетъ о моемъ существованіи, и не подозрѣваетъ, что ея кокетство убиваетъ бѣдную дѣвушку...» Но какъ идти? Что скажетъ отецъ и мать, что скажетъ Федоръ Павлычъ? Очень ей нужно, что скажутъ они! Что хотятъ! Довольно она слушала ихъ, довольно покорялась имъ; отецъ и мать не спасли ее отъ страданія, а онъ? развѣ онъ не обманулъ ее? нѣтъ она ужъ никому и ничему не вѣритъ, она будетъ дѣйствовать по внушенію одного своего сердца. Она покажетъ всѣмъ имъ, и особенно ему, что она не дитя уже, а женщина, и способна отстаивать свои права! Время пришло сдѣлаться достойною его, показать твердость, и если онъ забылъ прошедшее, заставить его опомниться. Она не будетъ унижаться передъ этою

барынею, о нѣтъ! она придетъ требовать обратно того, что принадлежало ей, она разкажетъ все свое прошлое, и если въ этой женщинѣ есть сердце, она пойметъ ее, а если у ней нѣтъ его, что тогда? О, тогда она по крайней мѣрѣ выскажетъ ей всю правду, отмститъ за себя, и не позволить ей безнаказанно играть судьбой бѣдной дѣвушки, которая во всемъ равна ей... нѣтъ, лучше ея! не говорилъ ли онъ ей и этого когда-то? Ужели она мало-душно отступится теперь отъ своего счастья, потому что боится пустаго блеска роскоши и знатности, окружающей эту генеральшу? Никогда! Онъ училъ ее этому, и она припомнила теперь всѣ его уроки.

Юлія судорожно надѣла шляпку, накинула на плечи мантилью и выбѣжала въ садъ; лицо ея пылало, и вся она горѣла лихорадочнымъ огнемъ; все смѣлѣе и смѣлѣе шла она къ барскому дому и такъ же смѣло переступила порогъ дѣвичей.

— Скажите генеральшѣ, сказала Юлія Машѣ, — что я прошу ее принять меня на минуту. У меня есть до нея очень важное дѣло.

Маша передала Татьянѣ Ильинишнѣ слова Юліи. Татьяна причесывалась передъ своимъ серебрянымъ туалетомъ, и быстро обернула голову.

— Кто? спросила она у Маши.

— Юлія Ивановна, дочь управителя.

— Что ей надо?

— Не могу доложить; она сказала только, что у нея есть до васъ очень важное дѣло.

Татьяна поблѣднѣла.

— Скажи ей, что я одѣваюсь и не могу принять ее; что если ей время, пусть придетъ ко мнѣ нынче вечеромъ, на чашку чая.

«Я пошлю его, думала Татьяна, и онъ узнаетъ въ чемъ состоитъ это важное дѣло. Если это пустяки, или въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное, но не касающееся до него и меня, я сдѣлаю все, что могу для этой дѣвочки. Если жъ это подозрѣніе и, сохрани Боже! сцена, то онъ сумѣетъ избавить меня отъ униженія стать на одной доскѣ съ дочерью моего управителя. Какое однако несчастіе, что онъ былъ коротокъ когда-то съ лицами такого рода; я знаю, что эта Юлія, что онъ ни говори, ничѣмъ не лучше моей горничной Маши и убѣждена...»

Ея мысли были прерваны небольшимъ шумомъ у двери.

— Позвольте, я опять доложу, говорила Маша за дверью, какъ же такъ можно...

— А я вамъ говорю, что мнѣ надо видѣть вашу госпожу и что я увижу ее. Я не могу ждать въ передней...

Дверь растворилась, и Юлія скользнула мимо Маши, совершенно озадаченной такою неслыханною смѣлостію. Проникнувъ однако такъ рѣшительно въ спальню Татьяны, Юлія вдругъ испугалась собственной дерзости и остановилась у самой двери, не двигаясь съ мѣста. Кровь бросилась въ голову Татьяны при видѣ Юліи, лицо которой она могла разсмотрѣть въ своемъ зеркалѣ; она медленно, съ достоинствомъ повернула къ ней свою голову и сказала холоднымъ, сдержаннымъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?

Отвѣта не было.

— Объяснитесь, что вамъ угодно? Вспомните, что вы самовольно распорядились у меня въ домѣ, и я въ правѣ требовать у васъ объясненія.

— Скажите вашей горничной, чтобъ она вышла, сказала Юлія по французски, призывая на помощь все свое мужество, которое готово было совсѣмъ оставить ее. Слезы поминутно набѣгали на глаза ея и голосъ ея дрожалъ.

Татьяна взглянула на Машу; она вышла, притворяя дверь за собою.

— Теперь скажите мнѣ, кто далъ вамъ право входить въ мою спальню безъ моего позволенія, когда я вѣжливо просила васъ придти ко мнѣ вечеромъ?

— Право? повторила Юлія съ мужествомъ отчаянія, отводя глаза отъ Татьяны, холодное и гордое лицо которой невольно смущало ее; — кто далъ мнѣ право придти къ вамъ? Вы сами, ваше вмѣшательство въ жизнь мою! Я шла къ вамъ съ просьбой, но вы, своею надменностію, вызываете меня на борьбу, — извольте, я не боюсь ее! Мнѣ терять нечего! Я уже все потеряла, благодаря вамъ. У меня ничего не осталось! Вы все отняли у меня. Не грѣшно ли вамъ? Что я вамъ слѣдала? У васъ есть все, и богатство, и знатность, и красота, и умъ, наконецъ семейство. Неужели вамъ мало всего этого, и вы пріѣхали сюда, чтобы отнять у меня одно, что у меня было, чело-вѣка, котораго я любила и который любилъ меня? Ужели вамъ мало тѣхъ, кто живетъ въ вашемъ кругу? Вамъ надо отъ скуки

застыть и въ нашъ странный мѣръ и вырвать изъ него нашихъ мужей и жениховъ! Да и зачѣмъ онъ вамъ? Онъ вамъ не пара, онъ вамъ не женихъ и не мужъ. Зачѣмъ же вы заставили его полюбить себя? Измучивъ его, вы уморите и меня. Да я знаю и чувствую, что вы измучите его; теперь онъ, быть-можетъ и влюбленъ въ васъ, но что будетъ послѣ, когда эта игрушка прискузитъ вамъ, и вы ее бросите? онъ возвратится ко мнѣ разбитый, уничтоженный, и будетъ презирать самъ себя за то, что могъ полюбить кокетку. Побойтесь Бога! Я знаю, что вамъ все равно, умру я, или нѣтъ; вы презираете и меня и всѣхъ мнѣ подобныхъ, не богатыхъ и не знатныхъ,—ну и презирайте насъ въ волю, да не отымайте у насъ жениховъ и мужей. Это не хорошо, это грѣшно!

Юлія говорила быстро. Слова ея лились потокомъ, и напрасно Татьяна пыталась нѣсколько разъ перебить ее, она ея не слушала, и продолжала говорить рѣзко и смѣло, по внушенію чувства, отдавшись вполнѣ страсти, которая бушевала въ ней. Наконецъ Татьяна встала, она была блѣдна какъ смерть; губы ея дрожали и дыханіе ея перерывалось. Уязвленная гордость, сознаніе своего униженнаго положенія передъ этой дѣвочкой, давили ее; она однако собралась съ духомъ, и, смѣривъ Юлію съ головы до ногъ, однимъ уничтожающимъ взглядомъ, произнесла презрительно:

— Вы съ ума сошли! Опомнитесь! я васъ не понимаю.

— Ужь будто не понимаете? воскликнула Юлія, которую оскорбилъ еще больше надменный взглядъ Татьяны, и наполнилъ ее гнѣвомъ и негодованіемъ.—Понимаете! Нѣтъ! извините! Посмотритесь только въ зеркало: вы блѣдны какъ смерть, губы ваши дрожатъ, вы силитесь говорить, и не можете! Нѣтъ, вы повали все, что я сказала и о комъ говорила! Вы знаете, зачѣмъ я пришла, знали это, и прежде, угадали это, потому что не хотѣли принять меня и пытаетесь выпроводить изъ дому. Прежде вы могли сдѣлать это, но не теперь. Теперь я имѣю право заставить васъ выслушать меня, и вы меня выслушаете. Не притворяйтесь же передъ ничтожною дѣвочкой, какой я должна вамъ казаться; правда, что вы богаты: вы были княжна, а теперь генеральша; но и я дворянскаго рода и не такая необразованная дурочка, какъ вы можетъ-быть думали. Можетъ-быть я ужь слишкомъ долго молчала, и вы умѣли уже совершенно уничтожить мое счастье, но, Боже мой! кто же могъ подумать,

Нѣтъ! она не была создана для лжи и обмановъ, и вся душа ея возмутилась противъ роли, которую она взяла на себя. Она презирала себя въ эту минуту, и стояла передъ Юлей, не имѣя силъ сказать правду, не находя въ себѣ возможности сказать слово лжи и продолжать убѣждать ее. Юля глядѣла пристально въ глаза Татьяны, и этотъ взглядъ смущалъ ее еще больше; она однако оправдалась, и обходя вопросъ, сказала кротко:

— Вы мнѣ не вѣрите, и отчасти, пожалуй, правы: вы меня не знаете, и слышали дурное не только обо мнѣ одной, но и обо всѣхъ женщинахъ моего круга. Если мы предубѣждены противъ васъ, то и вы обмануты ложными слухами и понимаете насъ превратно. Не хорошо осуждать не зная лицъ, ни отношеній, ни даже привычекъ... Я даю вамъ мое честное слово, что никогда не имѣла и въ помысленіи сдѣлать вамъ зло, я ужъ не говорю о вашемъ безумномъ обвиненіи: мнѣ нельзя унизиться до оправданій. Вспомните, что я едва знала о вашемъ существованіи.

— Вы не слышали, что я была почти невѣстой Федора Павлыча? сказала Юля колеблясь.

— Никогда не слыхала, да и отъ кого?

— Ото всѣхъ, хотя отъ вашей горничной.

— Я никогда не разговариваю съ нею; еслибы вы знали меня и вообще *наши обычаи*, вы бы поняли, что это невозможно. У насъ это не принято.

Слова: *у насъ, наши обычаи*, заставили Юлію горько улыбнуться.

— Стало-быть вы не знаете, сказала она, — что говорить о немъ и о васъ во всемъ округѣ? Эти сплетни совершенно сразили меня, и привели меня къ вамъ требовать объясненія. Говорять, что вы...

— Я не знаю этого, и не хочу знать, перебила ее Татьяна надменно, — и пропу васъ не говорить мнѣ ни о чемъ подобномъ. Все это слишкомъ ниже меня, и не можетъ меня трогать. Что значать сплетни деревенскія и уѣздныя, сплетни людей, которыхъ я не знаю и никогда не встрѣчу? Я говорю съ вами—поймите это—объ васъ, а не о себѣ. Вы такъ молоды, и еслибы, въ самомъ дѣлѣ, вы разошлись съ женихомъ, то развѣ нѣтъ передъ вами будущаго? Вы хороши, образованы, вы будете любимы не разъ, и повѣрите, найдете еще, быть-можетъ, лучшую партію.

Эти слова возмутили Юлію.

— Мнѣ не надо вашихъ утѣшеній! я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга, и что я ошибалась даже и тогда, когда предполагала въ васъ искру доброты. Нѣтъ, вы женщина безъ сердца, безъ...

— Прекратимте разговоръ этотъ, онъ неумѣстенъ, и неприличенъ, сказала Татьяна съ негодованіемъ, которое наконецъ взяло верхъ надъ всѣми другими ея чувствами, и проявилось въ ея надменномъ, покровительственномъ тонѣ и ледяныхъ призмахъ.— Позвольте мнѣ только одно замѣтить вамъ: я не забываю, что вы дочь преданнаго, честно служившаго мнѣ человѣка, котораго я уважаю, и потому только прощаю его дочери ея неприличные, неслыханныя слова и поступки. Ваша молодость и несчастная любовь помогаютъ мнѣ извинить васъ, и потому я повторю вамъ въ послѣдній разъ, что говорила прежде: я готова пожечь вамъ во всемя, что не выходитъ изъ предѣловъ возможности и приличія.

— Благодарю васъ, сказала Юлія съ язвительною ироніей, и быстро повернулась, чтобъ идти вонъ.

Конецъ ея мантильи зацѣпилъ на столѣ нѣсколько листовъ бумаги, которые упали къ ногамъ ея. Замѣтивъ это, Юлія машинально нагнулась, чтобы поднять ихъ и положить на столъ; но вдругъ поблѣднѣла, глаза ея заблестали; она вытянула впередъ дрожавшую руку свою, и подала Татьянѣ листъ бумаги. Удивленная и испуганная, Татьяна не взяла его, и бумага, выпавъ изъ руки Юліи, тихо закружилась, и опять опустилась на полъ между этихъ двухъ женщинъ. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Юлія воскликнула:

— Боже мой! да она сама любитъ его!

И схватившись за голову, бросилась, какъ безумная, изъ комнаты.

Татьяна стояла неподвижно, какъ пораженная громомъ. Наконецъ она нагнулась и подняла бумагу. Это былъ очень схожій, только-что начатый ею, миниатюрный портретъ Федора Павловича, надъ которымъ она вчера еще работала до поздней ночи.

Надѣясь кончить его скоро, она вложила его въ бѣлый листъ бумаги и оставила на столѣ своемъ, на которомъ никто не смѣлъ ничего трогать. Долго смотрѣла Татьяна почти бессмысленно на портретъ, потомъ бросилась въ кресла, и залилась слезами. Когда

она пришла наконецъ въ себя и могла размышлять, каждое слово, сказанное Юліей, раздражало ее, или тяготѣло надъ нею, какъ стыдъ и укоръ.

«Она, эта дѣвочка, дочь управителя... Боже! до чего дожила я!» думала Татьяна. «Ссора за мужчину! Какой позоръ! какой ужасъ! И какъ осмѣлилась она придти ко мнѣ? Кто выучилъ ее такъ говорить? Кто далъ ей эту смѣлость? Кто, какъ не онъ, и какъ не узнать мнѣ въ ней—его ученицу, его созданіе, пропитанное его идеями и говорящее его словами? Эту смѣлость, эту силу, эту дерзость, это все заняла она у него! Вотъ плоды несчастнаго воспитанія и полубразованія, которымъ онъ надѣлилъ ее!»

Федоръ Павловичъ, воротясь къ обѣду, засталъ Татьяну въ слезахъ и съ ужасомъ узналъ о всѣхъ подробностяхъ утренней сцены.

— Да, говорила Татьяна, все продолжая горько плакать, —этою сценою я обязана вамъ однимъ. Вы научили ее такъ рассуждать и такъ говорить; ея смѣлость родилась не въ ней, она почерпнула ее въ васъ и вашихъ правилахъ и мнѣніяхъ. Вы однако забыли выучить ее объясняться прилично. Она могла бы сказать то же самое, но иначе, и голосомъ болѣе приличнымъ образованной дѣвицы. (Это послѣднее слово было сказанонасмѣливо.) У ней нѣтъ ни благородства, ни изящества пріемовъ, и что вы ни говорите, она не больше, какъ бойкая горничная.

— Вы не правы, сказалъ онъ мягко:—конечно ея поступокъ безуменъ; но она, бѣдная, видно измучилась, если рѣшилась на него. Она всегда была такъ робка; я ничего не понимаю. Еще нынче утромъ она была весела и спокойна. Что могло случиться съ нею? Бѣдная Юлія! какъ много должна была она выстрадать, чтобы рѣшиться на такой смѣлый шагъ!

— Такъ вы жалѣете не меня, а ее? сказала Татьяна съ негодованіемъ: — униженіе мое васъ не трогаетъ?

— Да гдѣ же тутъ униженіе? я вижу только непріятный разговоръ.

— Дочь управителя!...

— О, что касается до этого, то я не соглашусь съ вами, сказалъ онъ вдругъ очень холодно. По моему, тутъ двѣ женщины, которыя любятъ одного, и только...

— Такъ вотъ что я нахожу подлѣ васъ, когда, измученная, я прихожу искать утѣшенія! сказала Татьяна, и отошла отъ него

въ самый дальній уголъ комнаты, гдѣ принялась опять плакать. Онъ не вынесъ слезъ ея, подошелъ къ ней, и сталъ передъ нею на колѣни, взялъ обѣ руки ея и крѣпко сжалъ ихъ.

— Милая моя, сказалъ онъ, склоняя къ ней свою голову, — прости меня, если я оскорбилъ тебя... чѣмъ, я право не знаю. Подумай, кто изъ васъ, ты или она, несчастнѣе: ты любима страстно, она оставлена.

— Безъ сближеній, сказала Татьяна, и не слова ея, а звукъ ея голоса, тихій, нѣжный и разбитый, тронулъ его.

— Ты одна—мое счастье, моя любовь, моя будущность, говорилъ онъ:—какія же сближенія возможны, и могу ли я сравнивать тебя съ кѣмъ бы то ни было?

Мало-по-малу слова любви его если не залѣчили, то смягчили чувство раненой гордости, которое грызло Татьяну; она цѣлый день была печальна и разстроена, а онъ особенно нѣженъ къ ней. Въ первый разъ онъ понялъ, что, не раздѣляя чувствъ и мнѣній женщины, можно стараться успокоить ее и ухаживать за нею, уступая нѣжнѣйшей привязанности.

На другой день, утромъ, Маша доложила госпожѣ своей, что Иванъ Ивановичъ желаетъ видѣть ее.

— Отецъ! Зачѣмъ это? сказала Татьяна по-французски, обращаясь къ Федору Павловичу. — Нельзя ли вамъ принять его? но нѣтъ, это невозможно, это значило бы подтвердить всѣ толки и сплетни. Оставайтесь здѣсь, я приму его одна, въ гостиной.

Тревога Татьяны оказалась напрасною; Иванъ Ивановичъ пришелъ просить позволенія ѣхать въ Москву на нѣсколько мѣсяцевъ. Татьяна съ радостію дала ему свое согласіе. Не того однако требовала Юлія у отца и матери, когда, заливаясь слезами, воротилась отъ Татьяны, и объявила имъ, что умереть, если ее принудятъ жить въ Знаменскомъ. Мать принялась было бранить ее, но Юлія отерла глаза, и говорила такъ твердо, такъ разумно и такъ холодно, что мать ея безсознательно покорилась ей, еще больше отъ неожиданнаго удивленія, чѣмъ по убѣжденію. Чтò касается до Ивана Ивановича, то ласки и слезы дочери были надъ нимъ всеильны, и онъ тотчасъ уступилъ ея желанію уѣхать. Понимая по своему положенію Юліи, старики рѣшили отвезти ее въ Москву и стараться разсѣять ее; чтò же касается до Федора Павловича, то самое имя его было имъ ненавистно, и Палагея Семеновна успѣшила кликнуть Марѳу, и очень строго приказать ейне пускать гдѣаря (такъ называла она его теперь) въ домъ ихъ. Иванъ Ива-

новичъ, встрѣтя Федора Павловича на улицѣ, не только не поклонился ему, но еще отвернулся отъ него съ негодованіемъ. Федоръ Павловичъ вслыхнулъ, но не смѣлъ просить ненужнаго объясненія: онъ слишкомъ сознавалъ вину свою. Такимъ образомъ дня черезъ два, рано поутру, Юлія съ отцомъ и матерью выехала изъ Знаменскаго, обвиняясь слезами. Татьяна и Федоръ Павловичъ могли вздохнуть свободно и предаться одному своему чувству; действительно, скоро оба они забыли о самомъ существованіи Юліи. Такова любви и упоеніе страсти! Человѣкъ забываетъ все и доухъ, и агонистически живетъ вѣроемъ, одною жизнью съ тѣмъ, кого любитъ.

ЕВГЕНІЯ ТУРЬ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА ¹

Глинка самъ разказываетъ намъ причины, побуждавшія его жадать путешествія за границу: желаніе поправить разстроенное здоровье и усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Глинка родился, по собственнымъ словамъ его, съ слабымъ сложеніемъ, съ весьма-золотушнымъ и нервнымъ расположеніемъ; *оранжерейное* воспитаніе развило въ его болѣзненные наклонности, и скоро по прѣздѣ въ Петербургъ начались его физическія страданія самыхъ разнообразныхъ свойствъ и безпрерывныя, по минутно смѣнявшіяся лѣченья по разнымъ способамъ и у разныхъ докторовъ. Ни одинъ докторъ и ни одинъ способъ лѣченія не оказались для него благоприятными, и болѣзни его постоянно усиливались, оставляя ему только рѣдкіе, немногочисленные периоды здоровья и спокойствія. Какъ кажется, онъ имѣлъ даже, по большей части, несчастіе лѣчиться у такихъ докторовъ, которые никогда не угадывали настоящихъ его болѣзней. Можно сказать, что во всю свою жизнь Глинка былъ мученикомъ медицины и медиковъ. Немногимъ изъ пользовавшихся его врачей удалось во всѣ пятьдесятъ два года его жизни помочь ему дѣйствительно, хотя на короткое время остановить его мученія, и значительная часть его автобіографіи содержитъ подробности о болѣзняхъ и лѣченіяхъ его, останавливавшихъ его на каждомъ шагѣ художественной

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», № 20-й.

дѣятельности. Можно только удивляться, какъ, несмотря на всѣ болѣзни, Глинка сохранилъ довольно бодрости и моральной силы для того, чтобы произвести всѣ свои творенія. Во многихъ мѣстахъ записокъ читаемъ подробности о постоянномъ, почти нервномъ раздраженіи, о весьма частой бессоницѣ, истощавшей и разстраивавшей его, о страданіяхъ физическихъ, доходившихъ до такой силы, что онъ «катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки»; наконецъ подробности о случавшихся съ нимъ обмираніяхъ, жестоко-мучительныхъ и надолго убивавшихъ въ немъ всякій разъ всѣ нравственныя и физическія силы. Въ 1823 году, по желанію отца, Глинка ѣздилъ на кавказскія минеральныя воды; но четырехъ-мѣсячное лѣченіе, предпринятое совершенно вопреки всѣмъ требованіямъ его слабонервной, болѣзненной натуры, не только не принесло никакой пользы, но еще болѣе прежняго разстроило его. Единственная выгода этого путешествія состояла въ томъ, что Глинка видѣлъ на пути нѣсколько живописныхъ русскихъ мѣстностей, и что въ душѣ его напечатѣлись величественныя картины Кавказа, тогда еще почти совершенно дикаго. (Въ послѣдствіи Глинка находилъ сходство между нѣкоторыми мѣстностями кавказскими и испанскими: такъ, пригорки, расположенныя грядями вокругъ Вальядолида и называемыя въ Испаніи *paramos*, напомнили ему въ 1845 году видѣнныя имъ въ 1823 году живописныя и дикія мѣстности вокругъ Кисловодска, и проч.) Въ медицинскомъ отношеніи, пребываніе въ Италиі было столько же бесполезно и даже вредно, какъ на Кавказѣ: воздухъ Неаполя былъ ему чрезвычайно вреденъ, такъ что онъ могъ оставаться тамъ очень недолго; въ Римѣ на него весьма неблагоприятно дѣйствовалъ *сирокко*, и только въ сѣверной Италиі, Миланѣ и Венеціи, находилъ онъ возможность жить дольше прочихъ мѣстъ; но даже и тутъ его страданія весьма мало облегчались. Въ Венеціи ему былъ очень вреденъ морской воздухъ, и здѣсь съ нимъ случались обмиранія, соединенныя съ чувствомъ такого ужаса, что казалось ему, наступалъ его послѣдній часъ; сверхъ того, миланскіе и венеціанскіе доктора оказались еще хуже прочихъ своихъ собратій, такъ что подъ вліяніемъ этихъ болѣзней и *носталии*, въ то же время сильно заговорившей въ немъ, Глинка поспѣшилъ воротиться въ Россію. Итакъ, со стороны здоровья, путешествіе Глинки въ Италію было рѣшительно бесполезно, не принесло ни одного изъ ожидаемыхъ счастливыхъ результатовъ: онъ привезъ назадъ въ Россію прежнія свои болѣзни, только болѣе укоренившіяся въ немъ.

Другая цѣль путешествія была — усовершенствоваться въ искусствѣ. Глинка чувствовалъ потребность расширить и увеличить свои познанія научной стороны музыки, овладѣть тѣми средствами и формами сочиненія, которыя, по выраженію одного знаменитаго теоретика (Кирнбергера), то же самое для композитора, что крылья для птицы. Глинка нужна была не ученость, которою бы онъ могъ блистать передъ какимъ бы то ни было ученымъ собратомъ; его глубоко-художественная натура подсказывала ему, что, несмотря на всѣ блестящія и заслуженные успѣхи у себя дома, все-таки многія средства искусства оставались ему чужды, и что безъ этихъ средствъ талантъ его не могъ вполне развиваться. Въ 1830 году, когда Глинка поѣхалъ за границу, онъ былъ уже не начинающій ученикъ, пробующій свои силы въ сочиненіи, но уже твердо ставшій на ноги композиторъ, авторъ нѣсколькихъ такихъ произведеній, которыя навсегда сохраняютъ свое достоинство, силу и свѣжесть, авторъ съ направленіемъ вполне самостоятельнымъ и опредѣленнымъ, и рѣшимость Глинки вдругъ покинуть Петербургъ посреди блестящихъ успѣховъ своихъ и ѣхать скромнымъ ученикомъ, за новою, болѣе глубокою наукою, тогда, когда онъ уже имѣлъ, повидимому, всѣ права считать себя композиторомъ, достигшимъ достаточнаго знанія и опытности—есть только доказательство глубины и истинности его таланта. Но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ отъ Италии въ дѣлѣ музыкальной теоріи. Онъ здѣсь ничего не прибавилъ къ прежнимъ своимъ знаніямъ, сколько они ни были до того времени недостаточны.

Съ самаго дѣтства Глинка чувствовалъ природную склонность къ строгимъ, научнымъ формамъ музыки, и искалъ всякихъ случаевъ, кромѣ изученія партитуръ, близко познакомиться и освоиться съ этими формами; но, несмотря на все желаніе, онъ никогда не могъ напасть на учителя, который удовлетворилъ бы эту горячую его потребность, который бы училъ его тому, чему ему хотѣлось, и такъ, какъ ему необходимо было. Его натура, наклонная болѣе всего къ драматической декламации въ пѣніи, капризная и причудливая въ сочиненіи инструментальной, стремилась къ научнымъ формамъ, но не способна была подчиняться долговому методическому ученію, и тѣмъ менѣе ученію педантскому, какимъ слишкомъ часто бываетъ преподаваніе науки музыкальной, такъ что Глинка постоянно находился между двумя крайностями: то его учителя слишкомъ мало для него знали, не удовлетворяли его требованіямъ, то отталкивали его отъ себя

сухостию и педантизмомъ. Такъ, напримѣръ, первый учитель его, Цейнеръ, до такой степени надобѣлъ ему требованіемъ заучивать уроки въ долбяшку, что Глинка отказался отъ его уроковъ. Карлъ Мейеръ самъ зналъ слишкомъ мало, и, не смотря на все свое желаніе, могъ принести очень мало пользы; Замбони научилъ его, кажется, тоже не многому. Въ Италіи повторилось то же самое. Скоро послѣ пріѣзда его въ Миланъ, въ 1830 году, ему отрекомендовали учителемъ композиціи Базили, директора миланской консерваторіи. «Онъ меня заставилъ работать, говоритъ Глинка, надъ гаммой въ четыре голоса слѣдующимъ образомъ: одинъ голосъ велъ гамму цѣлыми нотами, другой долженъ былъ быть веденъ полтактными, третій четвертями, а четвертый осьмушками. Это головоломное упражненіе клонилось, по мнѣнію Базили, къ тому, чтобъ уточнить музыкальныя мои способности, *soffilizar l'ingegno*, какъ онъ говорилъ; но моя пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ и не поэтическимъ трудамъ; я не долго занимался съ Базили и вскорѣ отказался отъ его уроковъ.»

Около середины 1823 года Глинка взялъ также нѣсколько уроковъ въ Петербургѣ, у весьма извѣстнаго тогда теоретика Фукса, но видно уроки эти были такъ незначительны, такъ мало примѣчательны, такъ мало оставили по себѣ важныхъ результатовъ, что Глинка не можетъ даже опредѣлить, въ какое именно время онъ взялъ эти немногіе уроки. «Былъ въ то время въ Петербургѣ, говоритъ онъ, еще знаменитый контрапунктистъ Миллеръ, но мнѣ какъ-то не удалось познакомиться съ нимъ. Какъ знать? Можетъ-быть, оно и лучше. Строгий, нѣмецкій контрапунктъ не всегда полезенъ пылкой фантазіи.» (1) Наконецъ, во время пребыванія Глинки въ Неаполѣ, тамъ находился другой знаменитый контрапунктистъ, Раймонди, котораго комическую оперу *Ventaglio* давали тогда съ большимъ успѣхомъ (ее и до сихъ поръ любятъ въ Неаполѣ). «Я находилъ эту оперу поцелую, говоритъ Глинка, и вовсе не искалъ знакомства съ сочинителемъ, Теперь оказывается, что этотъ Раймонди былъ весьма примѣчательный контрапунктистъ; тогда же онъ не пользовался

(1) Глинка перемѣнилъ эту фразу въ послѣдствіи слѣдующимъ образомъ: «строгий нѣмецкій контрапунктъ не всегда соглашается съ пылкою фантазіей». Я удержалъ первую форму, ибо она ближе выражаетъ мысль Глинки.

особенною славой, хотя и былъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Неаполь (1). Вообще, говорить въ заключеніе Глинка, *мнѣ не судьба была учиться у строгихъ контрапунктистовъ.* » Наконецъ, послѣднимъ его учителемъ былъ профессоръ Денъ, въ Берлинѣ, на возвратномъ пути его въ Россію; какъ мы скоро увидимъ, занятія съ Денемъ были для Глинки полезнѣе всѣхъ остальныхъ для изученія музыкальной науки, но они продолжались всего только пять мѣсяцевъ, значить и этотъ учитель никоимъ образомъ не могъ успѣть слишкомъ замучить его педантскимъ или схоластическимъ ученіемъ и отвратить его отъ музыкальной науки подобно тому, какъ отвратили его отъ рисованія рисовальные учителя въ его молодости.

Глинкѣ не судьба была пройти полный курсъ со строгими контрапунктистами: кто знаетъ? быть-можетъ, оно и къ лучшему, говоря его словами. Его пылкая натура отвергала сухой способъ ученія, невозможный уже для художника взрослою, давно начавшаго сочинять, но она не только не отвергала самой науки, а напротивъ жадно стремилась овладѣть всѣми ея средствами. Глинка говоритъ, что онъ началъ сочинять, самъ не зная, какъ за это приняться и куда идти. Но съ самыхъ же первыхъ его произведеній, особливо романсовъ, виденъ вѣрнѣйшій музыкальный тактъ, сильнѣйшее стремленіе пользоваться научными формами. Нѣкоторыя (немногія) изъ этихъ молодыхъ произведеній слабы, но во всѣхъ вообще проявляется сильнѣйшее родство съ послѣдующими произведеніями Глинки, существуютъ уже въ зародышѣ всѣ *замашки* будущихъ созданій, всѣ тѣ особенныя, своеобразныя качества, которыя образуютъ фizioномію таланта Глинки. Такимъ образомъ можно сказать, что Глинка болѣе всего самому себѣ обязанъ мастерствомъ формъ, глубокимъ познаніемъ научной стороны музыки: чего ему не показывали его учителя, то онъ самъ отгадывалъ силою и инстинктомъ своего таланта, добывалъ необходимое ему познаніе не изъ книгъ, не изъ уроковъ, а прямо изъ тѣхъ музыкальныхъ произведеній (хотя и не очень многочисленныхъ), которыя ему удалось узнать или услышать въ молодости. Эта сила *угадыванія* осталась у него во всю жизнь, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что, усвоивъ

(1) Раймонди былъ знаменитъ, какъ контрапунктистъ, еще гораздо раньше этого времени, но только Глинкѣ не случилось по чему-нибудь услышать объ этомъ въ Неаполѣ.

себѣ такъ сказать безсознательно многія формы, и уже давно употребляя ихъ, онъ самъ не оцѣнялъ этого, и искалъ учителей, чтобы вполне научиться тому, чѣмъ давно уже владѣлъ. Ему были нужны не учителя и не школа, а одни намеки, указанія, примѣры.

Итакъ, Италия была ему столько же мало полезна для изученія музыкальной науки, сколько и для излѣченія болѣзней: онъ не привезъ отсюда ни новаго здоровья, ни новыхъ познаній. Но были другія еще стороны, съ которыхъ Италия могла ему быть полезна,—это ея природа и искусство пѣнія. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ, путешествіе въ Италію имѣло для Глинки самыя благотѣльные результаты, имѣвшіе сильнѣйшее вліяніе на послѣдующее его развитіе. Уже нѣсколько сотъ лѣтъ сряду путешествіе въ Италію служить непремѣннымъ дополненіемъ и заключеніемъ воспитанія художниковъ всѣхъ странъ и народовъ, но никому изъ нихъ пребываніе въ Италіи, во время юности, не было такъ полезно, такъ даже необходимо, какъ художникамъ, вышедшимъ изъ среды народовъ сѣверныхъ. Не столько, быть-можетъ, было важно для нихъ изученіе великихъ произведеній искусствъ, находящихся въ этой странѣ, сколько пребываніе въ благословенномъ климатѣ, посреди богатой, роскошной природы юга, посреди живой, сангвинической народности, столько противоположной грустному или тяжелому характеру сѣвера. Пребываніе на югѣ Европы, всегда было благотворно для сѣверныхъ художниковъ, и хотя они удерживали основной характеръ своей націи, но прибавляли къ нему въ своихъ произведеніяхъ ту свѣжесть, то радостное чувство, тотъ свѣтъ, которые достались въ удѣлъ народовъ юга. Со времени возрожденія, когда началось въ новой силѣ общеніе сѣверныхъ и южныхъ народовъ Европы, ни одно великое художественное произведеніе въ Европѣ не создавалось безъ самаго значительнаго вліянія и участія элементовъ южной природы и народности на духъ творившаго художника. Въ жизни Глинки было точно такъ же, какъ и въ жизни всѣхъ остальныхъ европейскихъ художниковъ: пріѣхавъ въ Италію, онъ чувствовалъ будто бы раскрывшіяся новыя въ себѣ силы, новыя творческія способности, новыя ощущенія красоты. Въ ощущеніяхъ красоты, радости и восторга, всякій художникъ получаетъ самый высшій, самый послѣдній свой закалъ, не покидающій его уже на всю жизнь. Письма Глинки изъ этого времени утратились, но даже и въ автобіографическихъ воспоминаніяхъ его осталось довольно подробностей о томъ, какъ

ему было хорошо въ Италиі, несмотря на всѣ болѣзни его, осталось довольно описаній того, почти постоянно ликующаго настроенія духа, въ которомъ онъ находился, подъ вліяніемъ чудесъ Италиі и итальянской художественной жизни.

Въ изученіи искусства пѣнія, Италиа оказала Глинкѣ большія услуги. «Не лишнимъ считаю, говорить онъ, вывести краткій итогъ пріобрѣтеннаго мною въ мое пребываніе въ Италиі. Страдалъ я много, но много было отраднѣхъ и истинно поэтическихъ минутъ. Частое обращеніе съ второклассными, первоклассными пѣвцами и пѣвицами, любителями и любительницами пѣнія, практически познакомило меня съ капризнымъ и труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и ловко писать для него. Пѣвецъ Nozzari и пѣвица Fodor въ Неаполѣ были для меня представителями искусства, доведеннаго до *non plus ultra* совершенства, они умѣли сочетать невѣроятную (для тѣхъ, кто не слыхалъ ихъ) отчетливость съ непринужденною естественностію, которыя послѣ нихъ едва ли мнѣ удастся когда-либо встрѣтить. Не говорю о Рубини, даже и въ пѣніи Пасты было не безъ нѣкотораго рода претензіи на эффектъ.» Дѣйствительно, чему кромѣ искусства пѣнія могъ учиться Глинка въ Италиі? Инструментальная музыка и въ театрѣ и въ церкви стоитъ тамъ уже давно на такой низкой степени, что о ней и думать было нечего. Во все время пребыванія въ Италиі, Глинкѣ случилось замѣтить только двухъ замѣчательныхъ виртуозовъ инструментальныхъ: одного на фортепіано, Поллини, о которомъ я уже выше приводилъ сужденіе, другаго — на альтъ, старика Ролла (1), управлявшаго оркестромъ театра *della Scala* въ Миланѣ. Несмотря на плохое, такимъ образомъ, состояніе инструментальной части, Глинка много посѣщалъ оперные театры, куда, разумѣется, болѣе всего влекло его только лишь желаніе учиться искусству пѣнія. Въ молодые годы свои, Глинка очень любилъ оперы, и особенно увертюры Россини, которыя онъ самъ перелагалъ въ 4 руки

(1) Осенью 1832, первые артисты миланскаго театра la Scala исполнили у одного пріятеля Глинки сочиненную этимъ послѣднимъ серенаду на мотивы изъ *Anna Bolena* для фортепіано, арфы, альты, віолончеля, фагота и валторны. «Когда я услыхалъ соло альты, игранное знаменитымъ Ролла, отъ чистоты и вѣрности звука у меня навернулись на глазахъ слезы, а онъ еще спрашивалъ моего совѣта. Ему тогда было восемьдесятъ лѣтъ, но онъ еще игралъ чрезвычайно отчетливо, вѣрно и безъ тѣни шарлатанства.»

и игралъ съ дядю, Гемцелемъ и другими знакомыми; но еще во время управленія оркестромъ дяди, эта страсть въ нашемъ художникѣ измѣнилась и до такой даже степени, что въ сравненіи съ музыкой (и особенно увертюрами) Керубини, Мегюля и проч., россійская музыка стала ему казаться чѣмъ-то недостойнымъ вниманія, совершенно негоднымъ, онъ скоро совсѣмъ бросилъ ее. По пріѣздѣ въ Италію, сочиненія Доницетти и Беллини, начинавшихъ входить въ моду, были для него величайшею новостію и не могли не быть ему особенно пріятны сколько по мягкости, столько и по сентиментальности своей: нѣкоторая доля сентиментальности оставалась еще, въ то время, въ характерѣ Глинки. Надо замѣтить, что Глинка пріѣхалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ теноромъ Ивановымъ, столько въ послѣдствіи знаменитымъ: отецъ Глинки уговорилъ его сопутствовать сыну, самъ хлопоталъ ему заграничный отпускъ на два года изъ пѣвческой капеллы и почти насильно отправилъ его (Ивановъ тогда не довѣрялъ себѣ и колебался рѣшиться на это путешествіе). Какъ мы видѣли выше, Глинка много способствовалъ развитію его голоса въ Россіи; въ Италіи же (до того времени, когда въ 1831 г. они разстались навсегда, въ Неаполѣ), Глинка постоянно былъ съ нимъ вмѣстѣ на всѣхъ его урокахъ пѣнія, даже мимики, и на всѣхъ оперныхъ представленіяхъ, столько необходимыхъ для начинавшаго тогда развиваться тенора его. Оперный сезонъ съ 1830 по 1831 годъ былъ въ Миланѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ; Глинка заразъ услышалъ здѣсь всѣ самыя блестящія пѣвческія знаменитости того времени: въ Миланѣ пѣли тогда на двухъ соперничествовавшихъ театрахъ: *Ginditta Grisi*, Паста, Рубини, Галли, Орланди, и проч. «Для открытія театра дали первое представленіе оперы Доницетти — *Anna Bolèna*. Исполненіе показалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ. Паста дѣйствительно отлично выполнила всю роль Анны Бодены, въ особенности послѣднюю сцену, а такъ какъ изъ нашей *loge d'avant-scène* не ускользали самыя нѣжныя *sotto voce*, которыя впрочемъ Рубини не доводилъ еще тогда до такой нелѣпой степени, какъ въ послѣдствіи, то я утопаю въ восторгѣ и тѣмъ болѣе, что въ то время я не былъ еще равнодушенъ къ виртуозности, какъ теперь. Изъ другихъ оперъ я помню: *Семирамиду* Россини, *Ромео и Джульетту*, *Zingarelli*, *Gianni di Calais* Доницетти. Въ концѣ карнавала наконецъ явилась всѣми ожидаемая *Соцямбула* Беллини. Несмотря на то, что она появилась поздно, не взирая на завистниковъ и недоброжелателей, эта опера произ-

вела огромный эффект. Въ немногія данныя до закрытія театровъ представленія, Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимаго маэстро, пѣли съ живѣйшимъ восторгомъ: во второмъ актѣ сами плакали и заставляли публику подражать имъ, такъ что въ веселые дни карнавала видно было, какъ въ ложахъ и креслахъ безпрестанно утирали слезы. Мы, обнявшись съ Ш. (пріятелемъ и пансіонскимъ товарищемъ Глинки), въ ложѣ посланика, также проливали обильный токъ слезъ умиленія и восторга (1). Послѣ каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанныя любимыя мѣста. Въ короткое время Ивановъ довольно удачно пѣлъ аріи и выходы Рубини изъ *Анны Болены*; въ послѣдствіи то же было и съ *Сомамбулой*. Я аккомпанировалъ ему на фортепіано, и сверхъ того очень ловко подражалъ Пастѣ, играя на фортепіано ея аріи, къ великому удивленію и удовольствію хозяйки, сосѣдокъ и знакомыхъ.» Въ Туринѣ, передъ пріѣздомъ въ Миланъ, они слышали знаменитую Унгеръ; Глинка нашелъ, что она пѣла отлично и играла очень натурально. Тамъ же слышалъ онъ и Дюпрѣ. «У него тогда голосъ былъ не силенъ, но свѣжъ; пѣлъ онъ уже и тогда нѣсколько по-французски, то-есть *il relevait chaque note avec affectation* (онъ упиралъ на каждую ноту съ жеманствомъ).» Въ 1832 г., весной, *Норму* играли на театрѣ *la Scala*: Паста, Дондзелли и Джулія Гризи. «Послѣдняя была примѣчательно хороша, вопѣла нѣсколько *кошечкой*, то-есть желая смягчить какую-нибудь музыкальную фразу, мяукала нѣсколько въ носъ. *Отелло* мнѣ болѣе понравился, какъ музыка и какъ драма. Въ послѣдней сценѣ, Дондзелли былъ такъ превосходенъ, что страшно было смотрѣть на него.» Въ Неаполѣ онъ слышалъ Тамбурини въ комической оперѣ Россини *Turco in Italia*, «онъ пѣлъ и игралъ очень хорошо», и проч. и проч.

Но, по словамъ Глинки, важнѣе всего того, что онъ такимъ образомъ слышалъ изъ исполненія самыхъ знаменитѣйшихъ современныхъ ему пѣвцовъ и пѣвицъ, было знакомство съ *Nozzari*

(1) Въ Миланѣ Глинка былъ знакомъ и довольно часто видался съ Беллини. «Не рѣдко бесѣдовали мы съ нимъ о нѣмецкихъ композиторахъ, съ которыми онъ былъ не очень знакомъ, писалъ же по инстинктивному чувству, стараясь дѣйствовать на сердце женщинъ преимущественно.» Въ 1833 г., Глинка присутствовалъ въ Венеціи на всѣхъ репетиціяхъ оперы *Beatrice di Tenda*; Bellini разучивалъ и ставилъ самъ эту оперу, которая однакоже, несмотря на всѣ старанія Пасты, игравшей главную роль, не удалась.

и *Fodor-Mainvielle*, которые въ Неаполѣ учили Иванова пѣнію. Нодзари такъ былъ восхищенъ голосомъ Иванова, что взялся учить его пѣнію безденежно, несмотря на то, что скупость едва ли не господствующая страсть у итальянскихъ артистовъ. Наживъ себѣ прекрасное состояніе, онъ оставилъ сцену, но владѣлъ еще голосомъ, и его скала (въ двѣ октавы, отъ *b* до *b*) была удивительно ровна и отчетлива, то-есть въ своемъ родѣ была столько же превосходна, какъ гамма Фильда на фортепіано. Г-жа Фодоръ-Менвиель (просто Федорова) обличала свое происхожденіе: видъ ея, приемы, разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчій и даже манера носить платокъ и поправлять его часто, все это принадлежало русской уѣздной барынѣ, болѣе нежели итальянской актрисѣ. Она оставила сцену по причинѣ слабости здоровья, и поселилась въ Неаполѣ (съ мужемъ, М. Mainvielle). Она превосходно еще пѣла и выдѣлывала трудные пассажи такъ ловко и свободно, какъ въ Берлинѣ Нѣмки вяжутъ чулки во время разныхъ представленій, не спустивъ ни одной петли. Она очень часто пѣла съ Ивановымъ и, поправляя его, придерживалась той же методы, какъ и Нодзари, который заставилъ Иванова пѣть речитативы Порпоры, требуя отъ него непринужденнаго, мягкаго и отчетливаго исполненія. Когда Ивановъ усиливалъ голосъ, онъ его останавливалъ, говоря, что «сила голоса приобрѣтается отъ упражненія и времени, а что разъ утраченная нѣжность (*delicatezza*) навсегда погибаетъ». Я обязанъ Нодзари и Фодоръ болѣе всѣхъ другихъ маэстро моими познаніями въ пѣніи.»

Остановимся на минуту на послѣднихъ словахъ: Глинка говорить, что имъ двумъ всего болѣе обязанъ въ пѣніи, но чтѣ всего болѣе онъ въ нихъ выхваляетъ? Опять тѣ же скалы, отчетливость, ровность, мягкость, которыя прежде превозносилъ онъ въ Фильдѣ, Мейерѣ, Гуммелѣ и проч., то-есть опять тѣ самыя качества, которыя, мало того, что вовсе не самыя существенныя въ музыкальномъ исполненіи, но — чтѣ гораздо замѣчательнѣе — никогда не принадлежали къ лучшимъ достоинствамъ исполненія Глинки на фортепіано и въ пѣніи. Ни гаммы, ни отчетливость не были основаніемъ его великаго исполнительскаго таланта; напротивъ, онъ всего болѣе поражалъ всегда такими качествами игры, которыя ставятъ спокойную, холодную отчетливость и ровность на весьма второстепенный, далекій планъ: и въ пѣніи, и въ игрѣ его первое мѣсто занимало вдохновеніе композитора, — качества таланта, души, а не концертной техники, для которой онъ не былъ рожденъ. Почему же Глинка, при оцѣнкѣ всякаго исполни-

тельскаго таланта, прежде всего обращался только къ разсмотрѣ-
 нію присутствія или отсутствія качествъ чисто-матеріальныхъ,
 чисто-виртуозныхъ, а изъ истинныхъ, художественныхъ качествъ
 обращалъ вниманіе только на невычурность и на непринуж-
 денность? Или можетъ-быть потому, что намъ большею частью
 нравятся въ другихъ только чуждыя намъ качества, и что мы не
 ищемъ въ другихъ того, что уже существуетъ въ насъ самихъ?
 Такъ или иначе, но Глинка всю жизнь свою былъ антиподомъ
 того исполненія, которое выхвалялъ въ фаворитахъ своихъ, и
 если онъ самъ говоритъ, что ему было очень полезно ученіе
 Нодзари и Фодоръ (которое, казалось бы, должно было быть ему
 именно совершенно бесполезно, если только не вредно), то мы
 обязаны этому вполне вѣрить. Фактъ можетъ казаться стран-
 нымъ, но въ устахъ Глинки, столько правдиваго и преданнаго
 своему художественному дѣлу, не подлежитъ ни малѣйшему со-
 мнѣнію. При всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что главнымъ его
 учителемъ въ пѣніи, въ томъ пѣніи, которымъ онъ столько лѣтъ
 приводилъ въ восторгъ всѣхъ, имѣвшихъ счастье слышать его,
 былъ онъ самъ: такого пѣнія конечно не услышишь отъ такихъ
 театральныхъ «пѣвуновъ», какъ Нодзари и Фодоръ. Это то пѣніе,
 которому не учатся, но съ даромъ котораго рождаются великіе
 композиторы, почти никогда не умѣющіе сами пѣть.

Кромѣ театра, Глинка слышалъ много пѣнія въ знакомыхъ
 семействахъ. Извѣстно, что по общему народному музыкальному
 инстинкту, въ Италіи всѣ поютъ, начиная отъ дѣтей и до ста-
 риковъ, у каждаго есть болѣе или менѣе хорошій голосъ и уди-
 вительная память для всего слышаннаго, особливо для люби-
 мыхъ оперныхъ отрывковъ. Импрезаріи театровъ никогда не
 заботятся о составленіи и устройствѣ хоровъ: за нѣсколько
 дней до представленія стобить имъ только *кличъ кликнуть*, яв-
 ляется охотниковъ-хористовъ больше чѣмъ нужно; всякій мяс-
 никъ, булочникъ, портной, сапожникъ, идетъ заработать нѣ-
 сколько копѣекъ въ хорахъ; ему это ничего не стобить, онъ
 спѣвается съ другими шутя, безъ всякаго труда, и имѣетъ еще
 удовольствіе присутствовать при представленіи той или другой
 любезной и модной оперы. Въ образованныхъ же классахъ му-
 зыкою занимаются еще больше; рѣдкій вечеръ обходится безъ
 пѣнія *соло* или даже *ансамблей*, и такимъ образомъ Глинка пла-
 валъ въ цѣломъ океанѣ музыки, болѣе или менѣе хорошо
 исполняемой. Въ Миланѣ онъ былъ знакомъ съ семействомъ гра-
 фовъ Бельджойозо, котораго всѣ члены приобрѣли себѣ въ Европѣ

большую известность своими музыкальными талантами, исполнительскими и даже композиторскими, съ маркизой Висконти, большою музыкантшей, съ семействомъ Джулини, гдѣ также всѣ пѣли и знали хорошо музыку, со многими пріѣзжими русскими семействами, наконецъ со множествомъ второстепенныхъ артистовъ, любителей и любительницъ пѣнія. Всѣ эти безпрерывныя музыкальныя сходки и упражненія, вся эта постоянная музыкальная атмосфера должны были пробудить заснувшую было съ отъѣзда изъ Россіи потребность сочинять. «Мы уже нѣсколько были известны съ Ивановымъ въ Миланѣ въ началѣ 1831 года; о насъ говорили, какъ о двухъ *maestri russi*, изъ которыхъ одинъ поетъ, а другой играетъ на фортепіано.» Во время пребыванія въ Неаполѣ, Глинка также отличался на фортепіано. «Помню, говорить онъ, что я твердилъ какую-то фортепіанную піесу, для какого-то концерта, у какихъ-то Англичанъ...» «Желая поддержать, продолжаетъ Глинка, пріобрѣтенную уже нѣкоторую известность, я принялся писать піесы для фортепіано; для пѣнія еще не осмѣливался начать, потому что, по справедливости, не могъ еще считать себя вполне знакомымъ со всѣми тонкостями искусства (*malizie dell'arte*). Началъ (въ 1831 г.) съ варіацій на тему изъ *Анны Боленьи*: потомъ написалъ варіаціи на двѣ темы изъ балета *Chao-Kang* (Кіа-Кингъ); онѣ были въ послѣдствіи перепечатаны въ одномъ изъ музыкальныхъ журналовъ, изданныхъ въ Парижѣ. Весною 1831 же года написалъ рондо на тему изъ *Montecchi e Capuletti* Беллини.» Послѣ болѣзней, мучившихъ Глинку зимою 1831, весна снова оживила его; онъ принялся за серенаду на темы *Сонамбулы* для фортепіано, двухъ скрипокъ, альта, віолончеля и контрбаса. Эта піеса (по всегдашней его привычкѣ посвящать всѣ свои сочиненія добрымъ пріятелямъ или знакомымъ) была посвящена молодой дѣвушкѣ, ученицѣ Поллини, и она превосходно исполнила ее, въ іюлѣ, при содѣйствіи лучшихъ миланскихъ артистовъ. Потомъ написалъ другую серенаду на темы *Анны Боленьи*, варіаціи на тему изъ *Montecchi e Capuletti* и *Impromptu en galop* на тему изъ *Elisir d'amore* (всѣ эти піесы для знакомыхъ дамъ и дѣвицъ); наконецъ, для замужней дочери своего доктора де-Филиппи, соображаясь съ отличною и сильною игрою ея на фортепіано,—*Sestetto originale* для фортепіано съ двумя скрипками, альтиомъ, віолончелемъ и контрбасомъ. Но такъ какъ дружескія ихъ отношенія начали возбуждать сплетни, Глинка принужденъ былъ посвятить этотъ секстетъ не ей, а ея пріят-

тельницѣ, и даже совершенно перестать видаться съ нею; по этому случаю онъ сочинилъ итальянскій романсъ на слова знаменитаго беллиниевскаго либреттиста Романи: «*Ah se tu fossi meso!*» которыя ему сообщила сама его пріятельница. Скоро храбрость Глинки для сочиненія піесъ итальянскаго пѣнія возрасла до того, что онъ рѣшился даже писать для театра. Въ одномъ знакомомъ домѣ, онъ встрѣчалъ пѣвицу Този, которой голосъ былъ силенъ и высокъ, среднія же ноты неудовлетворительны. Ей слѣдовало зимою 1832 года пѣть на театрѣ *la Scala*, въ Миланѣ и дебютировать въ оперѣ *Фаустъ* Донидзетти. Такъ какъ въ партитурѣ не было, по ея мнѣнію, приличной каватинны или *preghiera* для входа, то она попросила меня написать ее. Я исполнилъ ея просьбу и, кажется, удачно, то-есть совершенно въ родѣ Беллини, какъ она того желала, причеъ я, по возможности, избѣгалъ среднихъ нотъ ея голоса. Ей понравилась мелодія, но она была не довольна, что я мало выставилъ ея среднія, по ея мнѣнію, лучшія ноты голоса. Я попробовалъ еще разъ сдѣлать перемѣны, и все не могъ угодить ей. Наскучивъ этими претензіями, я тогда же далъ себѣ зарокъ не писать для итальянскихъ примадоннъ.» Въ послѣдствіи, онъ написалъ еще одну итальянскую каватину, для одной изъ дѣвицъ Джулини, а именно *Beatrice di Tenda*, на слова своего пріятеля, Итальянца Лини, и болѣе уже не сочинялъ на итальянскіе тексты. Во время же пребыванія въ Миланѣ, одинъ русскій путешественникъ далъ ему слова двухъ романсовъ: *Побѣдитель*, Жуковскаго, и *Венеціанская ночь*, Козлова, и Глинка тогда же написалъ къ нимъ музыку; первый изъ нихъ, хотя съ примѣсю итальянскаго, является представителемъ успѣховъ Глинки въ его собственномъ оригинальномъ родѣ (1), другой романсъ есть красивое, но слабое эхо беллиниевскихъ и донидзетиевскихъ романсовъ, баркароль и серенадъ, которые поминутно раздавались тогда въ ушахъ Глинки.

Послѣднимъ сочиненіемъ его въ Италиі было тріо для фортепіано, кларнета и фагота, писанное во время самаго бѣдственнаго болѣзненнаго расположенія. «Во время исполненія моего секстета (въ началѣ 1833), я помню, что отъ дѣйствія пристав-

(1) Въ этомъ романсѣ мы встрѣчаемъ въ первый разъ употребленіе *мажорныхъ* каденцъ, которыя Глинка въ послѣдствіи такъ гениально и такъ часто употреблялъ во всѣхъ произведеніяхъ своего зрѣлаго возраста, вскорѣ послѣ *Жизни за Царя*.

леннаго мнѣ пластыря у меня нѣмѣли руки и ноги до такой степени, что я щипалъ себя, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ еще сохранилась жизнь. Но я все-таки кое-какъ боролся съ страданіями и писалъ тріо. Мои пріатели, артисты della Scala, Tassistro на кларнетъ и Cantu на фаготѣ, мнѣ аккомпанировали, и по окончаніи финала, послѣдній сказалъ съ изумленіемъ: «Ma questo è disperazione!» (Да это отчаяніе!) И дѣйствительно, я былъ въ отчаяніи: отъ ежедневно-возобновляемаго пластыря, у меня члены нѣмѣли, меня душило, я лишился аппетита и сна, и впалъ въ то жестокое отчаяніе, которое выразилъ я въ выше-упомянутомъ тріо...» «Я садился за фортепіано, и неволью извлекалъ фантастическіе звуки, въ коихъ отражались фантастическія тревожившія меня ощущенія. Но это чрезвычайное раздраженіе нервной системы подѣйствовало не на одно только воображеніе. Изъ неопредѣленнаго и сиповатаго голоса, образовался у меня вдругъ сильный, звонкій, высокій теноръ, которымъ я потѣшалъ публику слишкомъ пятнадцать лѣтъ, да и теперь еще... подъ иной часъ вытяну два или три романса.»

Подъ конецъ пребыванія Глинки въ Италиі (въ первой половинѣ 1833), въ немъ, какъ кажется, впервые сказалось сознаніе своихъ силъ и истинная натура его таланта. «Въ это время, говоритъ Глинка, я не писалъ, но много соображалъ. Всѣ написанныя мною въ угожденіе жителей Милана піесы (изданныя весьма опрятно Giovanni Ricordi) убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я искренно не могъ быть Италианцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски.... Не малаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ италянское *sentimento brillante*, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма счастливо устроеннаго, подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе: впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу; у насъ или неистовая радость, или горькія слезы. Любовь, это восхитительное дувство, животворящее вселенную, у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя Сѣвера, а можетъ-быть нѣсколько передана намъ жителями Востока: ихъ пѣсни такъ же заунывны, даже въ счастливой Андалузій. Иванъ Акимовичъ (Колмаковъ) говорилъ: «Послушай поволжскаго извощика, пѣсня заунывна, слышно владычество Татаръ; пѣли, — поють, довольно!» Хотя мысли эти не совсѣмъ справедливы, хотя русскій характеръ

не требуетъ исключительно минорности (какъ я буду имѣть случай говорить о томъ ниже, по поводу *Жизни за Царя и Руслана*), но въ настоящемъ случаѣ намъ важно не оспаривать эти положенія, а указать только на то, что Глинка почувствовалъ потребность отдалиться отъ итальянскаго способа сочиненія (что однакоже удалось ему не сразу) и отдаться стремленіямъ совсѣмъ иного свойства.

Подъ вліяніемъ такой рѣшимости, тоски по родинѣ и болѣзней, Глинка въ іюль 1834 года уѣхалъ изъ Италіи. Онъ на нѣкоторое время остановился въ Вѣнѣ, гдѣ слушалъ оркестры Ланнера и Штрауса (1), а самъ твердилъ на фортепіано варіаціи Герца. Тутъ провелъ онъ нѣсколько пріятныхъ дней съ знакомыми русскими семействами, много фантазировалъ (2) и, наконецъ уѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь случай, этотъ могущественный дѣятель въ судьбѣ человѣческой, свелъ его, вслѣдствіе рекомендаціи одного знакомаго, съ профессоромъ Деномъ, — знаменитымъ въ Европѣ теоретикомъ и библиотечаремъ музыкальнаго отдѣленія берлинской королевской библиотечки. Глинка сталъ брать у него уроки музыкальной теоріи, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ. «Въ самое короткое время, говоритъ Глинка, онъ узналъ степень свѣдѣній моихъ и способностей и распорядился такъ: задавалъ мнѣ писать трехголосныя, а потомъ четырехголосныя фуги, или лучше сказать, скелеты, экстракты фугъ безъ текста, на темы извѣстныхъ композиторовъ, требуя при этомъ соблюденія принятыхъ въ этомъ родѣ композиціи правилъ, то-есть соблюденія *экспозиціи, стретты и педали*. Онъ привелъ въ порядокъ мои теоретическія свѣдѣнія и собственноручно написалъ мнѣ науку гармоніи или генералъ-басъ и науку мелодіи или контрапунктъ и инструментовку, все это въ четырехъ маленькихъ тетрадкахъ. Я хотѣлъ отдать ихъ напечатать, но Денъ не изъявилъ на то согласія. Нѣтъ сомнѣнія,

(1) Надобно замѣтить, что вообще Глинка довольно мало слышалъ музыки, и особенно оперъ, въ Германіи. По дорогѣ въ Италію онъ слышалъ *Фауста* Шпора, *Фиделію* и *Фрейшюца* въ Ахенѣ, но не болѣе какъ по одному разу, въ Франкфуртѣ — *Медю* Керубини; на пути въ Россію, *Une folie* Мегюля — въ Берлинѣ, и только.

(2) Однажды онъ фантазировалъ у одного католическаго священника, такъ жалобно, что тотъ съ удивленіемъ спросилъ: «Какъ возможно въ ваши лѣта играть такъ грустно?» — «Что жъ дѣлать? отвѣчалъ Глинка, вѣдь не легко быть приговорену къ смерти, особенно въ цвѣтъ лѣтъ.» Священникъ этотъ рекомендовалъ ему одного доктора, гомеопата, который нѣсколько облегчилъ его тогдашнюю болѣзнь.

что Дену обязанъ я болѣе всѣхъ другихъ моихъ *maestri*; онъ, будучи рецензентомъ *Музыкальной Лейпцигской Газеты*, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще, и съ его лекцій я началъ работать не ошупью, а съ сознаниемъ. Притомъ же онъ не мучилъ меня школьнымъ и систематическимъ образомъ; напротивъ, всякій почти урокъ открывалъ мнѣ что-нибудь новое, интересное. Однажды далъ мнѣ тему, состоящую изъ восьми тактовъ, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на нее скелетъ фуги къ слѣдующей лекціи. Тема эта походила болѣе на речитативъ, нежели на удобную для фуги мелодію, и я тщето хлопоталъ надъ нею. На слѣдующей лекціи, онъ еще разъ попросилъ меня заняться этою темой; и также я бился съ нею понапрасну. На третью лекцію Денъ явился съ огромною книгой, содержащею фугу Генделя на ту тему, съ которою я не могъ совладать. По разсмотрѣніи ея оказалось, что вся разработка великаго композитора была основана на восьмомъ тактѣ, первые же семь тактовъ проявлялись только изрѣдка. Однимъ этимъ соображеніемъ я постигъ, что такое фуга.»

Въ послѣдствіи, вспоминая эти пять мѣсяцевъ ученія Глинки, Денъ писалъ ему (3-го апрѣля 1856 г.): «Наконецъ-то теперь, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ, опять я наслаждался тѣмъ счастьемъ, что снова имѣлъ талантливаго ученика, который (къ величайшему моему удовольствію) прошелъ всю школу. Какъ часто, любезный другъ, вспоминалъ я о васъ во время этихъ уроковъ! У него, правда, нѣтъ вашего мелодическаго производительнаго таланта, но все-таки его способности помогутъ ему развитъ тонкій, образованный вкусъ.»

Денъ какъ бы сожалѣеть, что Глинка не прошелъ съ нимъ всю школу, но на это не достало бы и времени. Глинка, послѣ пяти мѣсяцевъ пребыванія въ Берлинѣ, долженъ былъ возвратиться въ Россію по случаю внезапной смерти отца. Едва ли должно сожалѣть о кратковременности этихъ уроковъ. Я не стану разсматривать того вопроса: хорошъ ли дѣйствительно былъ методъ Дена или нѣтъ? (1) Если, по признанію Глинки, этотъ

(1) Педагогическая система Дена была въ послѣдствіи сильно оспорена и опровергнута талантливымъ берлинскимъ профессоромъ Марксомъ, въ брошюрѣ: *die alte Musiklehre im Streit mit unserer Zeit* (1840). Денъ имѣеть несравненно болѣе способностей археологическихъ, чѣмъ педагогическихъ, и въ первомъ отношеніи, его труды занимають важное мѣсто въ исторіи музыки.

методъ лучше всѣхъ остальныхъ способовъ развитъ способности и познанія Глинки, то ничего больше намъ не нужно желать и требовать отъ него.

Но и въ Берлинѣ Глинка не могъ довольствоваться одними уроками: сознаніе новой опредѣленной цѣли композиторства сильно работало въ немъ и вынуждало къ немедленной дѣятельности, и такимъ образомъ въ самое короткое время онъ написалъ значительно много. Сначала, два романса: *Дубрава шумитъ*, на слова Жуковского, и *Не говори, любовь проидеть*, на слова Дельвига; потомъ варіаціи для фортепіано на *Соловья* Алябьева, поурри на нѣсколько русскихъ темъ въ четыре руки (въ этой послѣдней піесѣ, говоритъ Глинка, видно *полнозвоніе* на контрапунктѣ), этюды увертюры-симфоніи на *крующую* (русскую тему), которая впрочемъ была разработана по-нѣмецки. «Мысль о національной музыкѣ (не говорю еще оперной) болѣе и болѣе проявлялась; я сочинилъ тему: *Какъ мать убили* (въ послѣдствіи піесь сироты въ *Жизни за Царя*) и первую тему allegro увертюры. Должно замѣтить, что я въ молодости, то-есть вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона, много работалъ на русскія темы.» Сверхъ того, еще въ Вѣнѣ была сочинена тема, послужившая въ послѣдствіи для краковяка (въ серединѣ, B-Dur) въ *Жизни за Царя*.

Но посреди всѣхъ этихъ занятій его застигло извѣстіе о кончинѣ отца, и, вслѣдствіе того, въ апрѣлѣ 1834 г., Глинка воротился въ Россію. Проживъ до іюня въ деревнѣ, онъ потомъ поѣхалъ въ Москву навѣстить одного товарища по пансіону, М*. «Въ мезонинѣ, говоритъ Глинка, жилъ Павловъ, авторъ въ послѣдствіи извѣстныхъ повѣстей; онъ далъ мнѣ свой романсъ: *Не называй ее небесной*, незадолго до того имъ сочиненный, который я положилъ на музыку при немъ же. Сверхъ того, запала мнѣ мысль о русской оперѣ; словъ у меня не было, а въ головѣ вертѣлась *Марьино роуца*, и я игралъ на фортепіано нѣсколько отрывковъ сценъ, которые отчасти послужили мнѣ для *Жизни за Царя*. — При томъ же я хотѣлъ показать и публикѣ, что не даромъ странствовалъ по Италіи. У М* собиралось нѣсколько семействъ высшаго московскаго общества, я пѣлъ и игралъ свои сочиненія, и эти послѣднія, кажется, съ аккомпанементомъ струнныхъ инструментовъ». Одинъ изъ любимѣйшихъ товарищей Глинки, М*, о которомъ мы сейчасъ только упомянули, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Глинкѣ: «Восторгъ, который Глинка произвелъ въ Москвѣ (между художниками и любителями) сво-

ими сочиненіями, игрой и пѣніемъ, былъ имъ въ полной мѣрѣ заслуженъ. вмѣсто любителя, какимъ прежде привыкли его почитать, мы нашли въ немъ, по возвращеніи, истиннаго художника, воспитавшаго и посвятившаго себя для любимаго искусства. Глинка уѣхалъ отъ насъ какъ *дилеттантъ*, возвратился какъ *маэстро*.»

Глинка имѣлъ твердое намѣреніе до зимы еще снова уѣхать въ Берлинъ, куда его призывало воспоминаніе одной недавней сердечной привязанности, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью все устроить для этой поѣздки, и дѣйствительно все было скоро готово, но прежняя склонность охладѣла и смѣнилась, по пріѣздѣ въ Петербургъ, новою, гораздо болѣе горячею: онъ медлилъ, зима наступила, и онъ остался въ Петербургѣ. Во все продолженіе жизни Глинки, привязанности сердечныя имѣли всегда самое рѣшительное вліяніе на судьбу его и на появленіе не только замѣчательнѣйшихъ и самыхъ горячихъ, искреннихъ, но даже и вообще всѣхъ художественныхъ его произведеній. Въ настоящемъ случаѣ, когда онъ приступалъ къ первому великому своему созданію, къ оперѣ, подобное же вліяніе разыграло въ судьбѣ этого произведенія самую важную роль. Еслибъ не новая склонность Глинки (имѣвшая послѣдствіемъ его женитьбу), онъ, по всей вѣроятности, уѣхалъ бы въ чужіе края, и тогда созданіе лучшихъ его произведеній, которыя всѣ относятся къ эпохѣ этихъ *десяти лѣтъ* (1), отодвинулось бы на Богъ знаетъ сколько времени; лучшіе, сильнѣйшіе его годы оставили бы менѣе великіе для искусства результаты, какъ Глинка самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ сороковыхъ годовъ; онъ могъ создавать *только* въ Россіи свои національныя произведенія. Ему необходимо было и русское окруженіе, и русское общество; ему нужны были товарищи по взглядамъ, по воспитанію, по искусству, по понятіямъ; нуженъ былъ артистическій кружокъ, полный дѣятельности и жизни. Когда Глинка не доставало такого общества, съ его могущественнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ возбужденіемъ, онъ опустилъ крылья и пересталъ работать... Но если, даже въ Россіи, въ извѣстный періодъ своей жизни, онъ былъ лишентъ такого окруженія, столько ему необходимаго, то еще менѣе

(1) Кромѣ нѣкоторыхъ, не менѣе быть-можетъ великихъ, сочиненныхъ послѣ 1844 года.

могъ бы онъ найти его въ чужихъ краяхъ, когда бы то ни было. Путешествіе за границу въ 1834, и безъ сомнѣнія, долгое тамъ пребываніе имѣли бы, по всей вѣроятности, гибельныя послѣдствія для артистической дѣятельности и судьбы Глинки. Вспоминая объ этомъ путешествіи, въ письмѣ къ матери, отъ 4-го мая 1836, онъ говоритъ про свою жену, черезъ нѣсколько дней послѣ своей свадьбы: «она вамъ возвратила вашего сына; еслибъ я отправился въ Берлинъ, погибъ бы невооруженно». Въ этотъ разъ также счастливая звѣзда его устроила для него все къ лучшему.

Мало-по-малу начали посѣщать его любители пѣнія; онъ проходилъ съ ними прежніе свои романсы, самъ пѣлъ довольно много (между прочимъ, у однихъ знакомыхъ, на домашнемъ концертѣ пѣлъ въ финалѣ *Пирата* партію Рубини), и даже, несмотря на работавшую въ немъ идею оперы, написалъ нѣсколько новыхъ, показывавшихъ всю страстность и ширину, пріобрѣтенныя его талантомъ. Таковы *Инезилля* на слова Пушкина и *Только узналъ я тебя*, романсъ, написанный для той, которая въ послѣдствіи стала его женою. Къ этому времени относится знакомство Глинки съ А. С. Даргомыжскимъ, искреннимъ его другомъ въ послѣдствіи. Ихъ познакомилъ одинъ общій знакомый, К. большой любитель музыки. «Когда новый знакомый сѣлъ за фортепіано, оказалось, говоритъ Глинка, что этотъ маленькій человѣкъ былъ очень бойкій фортепіанистъ, а въ послѣдствіи весьма талантливыи композиторъ.»

Про созданіе *Жизни за Царя*, я приведу вполнѣ слова самого Глинки: «Я жилъ тогда домохозяиномъ, тѣмъ болѣе, что склонность моя нечувствительно усиливалась; несмотря на это, однакоже, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ-литераторовъ, и вообще людей, доступныхъ изящному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ (1), князь В., Гоголь, Пл., были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою *Женитьбу*, кн. О., гр. В., и другіе бывали также не рѣдко. Иногда вмѣсто чтенія пѣли, играли на фортепіано; бывали иногда и барыни, но которыя были доступны изящнымъ искусствамъ.—Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ

(1) Первое знакомство Глинки съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, а также и Грибоедовымъ, относится еще къ 1828 году.

мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ: *Ивана Бусамма*. Сцена въ дѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я нахо- дилъ въ сюжетѣ много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: *Ахъ, не миль бѣдному, Вѣтру буйному* (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ). Занятія не позволили ему исполнить этого намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора, бывшаго секретаремъ государя цесаревича. Мое воображеніе однакоже предупредило прилежнаго либреттиста; какъ бы по волшебному дѣйствию вдругъ создались и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ— польскую; наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей. Я началъ работать, и совершенно наизворотъ, а именно, началъ тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, то-есть, увертюрой, которую написалъ на четыре руки для фортепіано, съ означеніемъ инструментровки. Въ изданіи *Жизни за Царя*, увертюра на четыре руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ *Adagio*, которое измѣнено мною въ послѣдствіи (1)... Въ теченіе весны 1835 года, то-есть марта и апрѣля, по моему плану, баронъ Розенъ изготовилъ слова 1-го и 2-го акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки піесъ, была сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Но онъ былъ на это молодецъ; назначишь, бывало, столько-то стиховъ, такого-то размѣра, двух-сложнаго, трехсложнаго, и даже небывалаго—ему все равно,—придешь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе для шутки говорили, что у барона Розена по карманамъ были разложены впередъ уже заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать какого сорта, то-есть размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана... Мысль извѣстнаго тріо есть слѣдствіе моей безумной тогдашней любви; минута безъ

(1) У В. П. Энгельгардта, въ числѣ *всѣхъ* сохранившихся автографовъ Глинки, находятся двѣ редакціи этой увертюры: 1) первая партитура инструментальная, съ *adagio* въ первоначальномъ его видѣ (тема: *миръ въ землѣ сырой*), 2) та же увертюра въ четыре руки для фортепіано, съ указаніемъ инструментровки (тема *adagio*: *ахъ не миль бѣдному*). Слѣдовательно, это вторая, измѣненная аранжировка въ четыре руки; первая утрачена.

невѣсты моей казалась мнѣ невыносимой, и я дѣйствительно чувствовалъ высказанное въ Adagio или Andante: *Ne томи родимый*, которое написалъ уже гдѣто въ деревнѣ.»

Весною 1835 года (26 апрѣля) Глинка вступилъ въ бракъ, и исполненіе этого давнишняго горячаго его желанія имѣло самое благодѣтельное вліяніе на его художественную дѣятельность. Увѣдомляя мать свою о совершеніи брака и благодаря ее за данное ею на то благословеніе, онъ говоритъ (въ письмѣ 1 мая): «Теперь сердце снова ожило, я чувствую, могу молиться, радоваться, плакать, музыка моя воскресла... не знаю, какими словами выразить благодарность Провидѣнію за это счастье.»

Изъ другаго письма (отъ 9-го марта) видно, что въ это время Глинка желалъ получить мѣсто при театрѣ... «Дѣло моего опредѣленія къ театру идетъ весьма медленно, и я теперь просилъ О. Д. извѣстить директора театровъ, что намѣренъ провести гдѣто въ деревнѣ, а что не оставляю намѣреніе служить при немъ и прошу его имѣть меня въ виду. Такимъ образомъ, не упуская службы, я выгадаю нѣсколько мѣсяцевъ благополучія пожить съ вами, милые родные...» Желаніе служить при театрѣ не исполнилось; въ деревню же Глинка отправился въ первой половинѣ мая.

Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣто за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочинилъ хоръ (въ $\frac{5}{4}$) *Разгулялася, разсмѣялася вода весняная по лугамъ*. Подробности деревенской жизни исчезли изъ моей памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, то-есть *уписывалъ*, на партитуру уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ домѣ нашемъ въ Новоспаскомъ (это была наша любимая комната); сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя работа. Время было прекрасное, и часто я работалъ отворивши дверь въ садъ, и впивалъ въ себя чистый бальзамическій воздухъ. *Ne томи родимый* сначала я было написалъ въ $\frac{2}{4}$ и въ тонѣ A-moll, но рассчелъ, что въ первомъ актѣ у меня много парнаго дѣленія такта, а именно: интродукція, арія Антонида и речитативъ Сусанина съ хоромъ. Вспомнилъ также слова Дена, который однажды привелъ Шпора въ замѣшательство, спросивъ у него: по какой причинѣ у него вся *лессонда* идетъ въ $\frac{3}{4}$? Не желая, чтобы и ко мнѣ могли придратъся за единообразіе, я написалъ

ту же мелодію $\frac{6}{8}$ и В-moll, что́ безспорно лучше выражаетъ нѣжное томленіе любви.»

Возвратившись въ августъ въ Петербургъ, Глинка ревностно продолжалъ оперу. «Работа шла успѣшно, говоритъ онъ. Каждое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по 6 страницъ мелкой партитуры. По вечерамъ, сидя на софѣ, въ кругу семейства и, иногда, немногихъ искреннихъ пріятелей, я мало принималъ участія во всемъ меня окружавшемъ, я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать; и эти соображенія требовали не мало вниманія; надлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу, съ Поляками, я писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я съ чувствомъ читалъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ. Развитіе, по моему плану, этой сцены вполнѣ принадлежитъ барону Розену.—Я тогда познакомился съ Г. Я. Ламакинымъ, который собственнымъ постояннымъ трудомъ достигъ почетнаго мѣста между преподавателями музыки, и искренно любимъ и уважаемъ всеми его знающими; онъ содѣйствовалъ моему труду: онъ приводилъ пѣвчаго Бѣликова (сопрано), чтобы пробовать арію: *Не о томъ скорблю, подруженьки*, ритурнель которой игралъ на флейтѣ Т.»

Нѣкоторые хорошіе знакомые устроили для Глинки оркестровую репетицію перваго акта его оперы, въ домѣ кн. Ю*. «Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однакоже довольно хорошо; хоровъ не исполняли, а кое-гдѣ пѣлъ я самъ (говоритъ Глинка), Б-а и В*; несмотря на это, эффектъ инструментовъ оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836.»

Про эту репетицію Глинка писалъ 23 января къ А. С. Даргомыжскому: «Наша репетиція не можетъ быть прежде выздоровленія I* (капельмейстера), который боленъ и не можетъ выходить изъ дому. Я намѣренъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы устроить все какъ можно лучше, на *авось* не люблю полагаться. Еще вчера я слышалъ оркестръ Ю*, и онъ вовсе не такъ дуренъ. Главное, надобно имѣть хорошій контрбасъ и віолончель—ты взялся объ этомъ хлопотать; увѣдомь, успѣшны ли твои старанія... Я не полагаюсь на кн. Г* (который очень хорошій віолончелистъ), потому что главная проба будетъ на первой недѣлѣ поста, а онъ собирается ѣхать. Я полагаю, что на послѣдней не трудно будетъ достать хорошихъ артистовъ, но

надобно, чтобъ одинъ изъ виолончелистовъ участвовалъ и въ прежней пробѣ.» Но всѣ хлопоты остались тщетны, и проба произошла — безъ контрбаса!.. Много случилось и другихъ подобныхъ же маленькихъ бѣдствій, но Глинка, полный надеждъ, ожиданій и восторга творчества, принималъ все съ комической точки зрѣнія. Нашлись люди, которые обвиняли его въ томъ, будто бы онъ заставлялъ артистовъ пѣть, во время репетицій, въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ накурено табакомъ, и что, де, оттого ихъ голоса портились. Глинка досадовалъ, однакоже продолжалъ разучку партій. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ большею частію артистовъ: «Они проходили, говорилъ онъ, со мною партіи свои съ искреннимъ усердіемъ. Петрова (тогда еще Воробьева), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила меня пропѣть ей каждую новую для нея музыку раза два, въ третій она уже хорошо пѣла и знала наизусть.»

Многіе изъ числа знакомыхъ и друзей Глинки дѣлали ему свои замѣчанія насчетъ оперы его, которую они теперь слышали на репетиціяхъ, давали разные совѣты, и онъ исполнилъ нѣкоторые изъ нихъ; на этотъ разъ, совѣтчики были еще, до нѣкоторой степени, на одномъ уровнѣ съ мыслями и намѣреніями Глинки-юноши, и не дали ему потому совѣтовъ вредныхъ, какъ это случилось въ эпоху «Руслана» и позднѣйшихъ сочиненій Глинки, тогда уже художника вполнѣ зрѣлаго и достигшаго апогея своего таланта: тогда вмѣшательство всякихъ совѣтчиковъ могло быть только въ высшей степени вредно; — совѣтчики остались далеко ниже его мыслей и новыхъ оригинальныхъ стремленій.

Къ числу полезныхъ совѣтовъ, данныхъ Глинкѣ прежде чѣмъ опера его поставлена была на театрѣ, относятся слѣдующіе совѣты, которые мы разкажемъ его собственными словами, по важности этихъ подробностей въ исторіи его художественной дѣятельности. «Гр. В* сдѣлалъ мнѣ два дѣльныхъ замѣчанія. Въ интродукціи не было *коды* и, по его совѣту, я ее придѣлалъ. Въ сценѣ Сусанина (№ 3), главная тема которой взята мною изъ слышанной мною неподалеку отъ Луги русской пѣсни, передъ приходомъ жениха на сценѣ не было хора, а хоръ былъ только за кулисами; гр. В* посовѣтовалъ мнѣ придѣлать хоръ на сценѣ *crescendo* и кончить его *fortissimo*, что мною сдѣлано съ успѣхомъ, и явленіе жениха оттого несравненно торжественнѣе. Въ теченіе работы немало обязанъ я совѣтамъ кн. О*, и нѣсколько—Карла Мейера; О* чрезвычайно понравилась тема, взятая мною изъ пѣсни лужскаго извозчика; онъ совѣтовалъ мнѣ напомнить объ этой темѣ (которую

начинается партія Сусанина: *Что гадать о свадьбѣ*), въ послѣдней сценѣ въ лѣсу. Мнѣ удалось исполнить это, послѣ словъ: *туда завелъ я васъ, куда и сѣрый волкъ не забывалъ, куда и чертій вранъ костей не заносилъ*. При сочиненіи отвѣтовъ Сусанина Полякамъ, я имѣлъ въ виду нашу извѣстную разбойничью пѣсню *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, и употребилъ начало ея (удвоеннымъ движеніемъ) въ аккомпанементъ. Съ Карломъ Мейеромъ я иногда совѣтовался объ инструментовкѣ, особенно въ fortissimo и проч.»

Репетиціи шли очень успѣшно: «Я помню, гдѣ именно и на какой репетиціи за польскій (D-Dur) и хоръ (C-Dur), гдѣ струнные инструменты pizzicato подражаютъ балалайкѣ, мнѣ артисты, положи смычки, усердно ашлодировали, и еще за какой-то номеръ. Признаюсь, что это одобреніе болѣе удовлетворило меня, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надобно замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу.» Оркестромъ Глинка былъ доволенъ, и съ особенною похвалою отзывается о первомъ кларнетистѣ (Бендеръ), первомъ гобоистѣ (Бродъ), исполнявшемъ партію на гобоѣ и на англійскомъ рожкѣ; про перваго же флейтиста Гусмана онъ говоритъ, что онъ былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, ежели не лучшимъ артистомъ (на флейтѣ) въ Европѣ.

«Жуковскій хотя не писалъ для либретто, но не измѣнилъ однакоже внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснилъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ; вмѣстѣ ѣздили мы въ мастерскую Роллера, Жуковскій внимательно разсматривалъ и разспрашивалъ. Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло, и въ послѣдней сценѣ вырѣзанныя изъ картона разнородныя группы отдаленной толпы обманываютъ зрѣніе, и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на авансценѣ.» Тріо съ хоромъ: *Ахъ, не мнѣ бѣдному*, написано въ концѣ лѣта 1836 года: «Помню какъ теперь, говоритъ Глинка, что насъ собралось (у К*) человекъ пятнадцать, и эту трогательную сцену я написалъ, или лучше, сочинилъ, подъ шумъ и говоръ пирующихъ друзей. Аккомпанементъ къ нему сначала написалъ я для альтовъ и виолончелей, но потомъ, по совѣту князя Одоевскаго, для однихъ четырехъ виолончелей и одного контрбаса, онъ же навелъ меня на мысль употребить скрипки раздѣленные на 4 и 3 партіи въ введеніи этого тріо... Рѣшено было дать мою оперу для открытія Большаго театра (который тогда передѣлывался), и потому начали произ-

водить пробы на сценѣ Большаго театра. Въ это время огдѣлывали ложи, прибывали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ почти заглушали капельмейстера и артистовъ. Не задолго до перваго представленія, я имѣлъ счастье встрѣтить Государя на одной изъ репетицій, молотки умолкли, и Петровъ съ Воробьевой пѣли дуэтъ естественно, очень недурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: доволенъ ли я его артистами? «Въ особенности ревностью и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность,» отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился Государю, и онъ передалъ его актерамъ. Черезъ содѣйствіе г. директора театровъ я получилъ позволеніе посвятить оперу мою Государю Императору, и вмѣсто *Ивана Сусанина* названа она: *Жизнь за Царя*. Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представленіе. Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представленія. У меня была дожа во второмъ этажѣ, первый весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками. Первый актъ прошелъ благополучно, извѣстному тріо сильно и дружно аплодировали. Въ сценѣ Поляковъ, начиная отъ польскаго до мазурки и финальнаго хора, царствовало глубокое молчаніе, я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики... я оставался въ недоумѣніи. Появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ; пѣснь сироты, дуэтъ Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ Поляками и прочіе номера акта прошли съ большимъ успѣхомъ. Въ четвертомъ актѣ хористы, игравшіе Поляковъ, въ концѣ сцены, въ гѣсу, напали на Петрова съ такимъ остервененіемъ, что разорвали ему рубашку, и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться. Великолѣпный спектакль эпилога, представляющій ликование народа, въ Кремлѣ, поразилъ меня самого; Воробьева была, какъ всегда, превосходна въ тріо съ хоромъ. Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду, и теперь рѣшительно не помню, чтò происходило, когда опустили занавѣсъ.

«Меня сейчасъ послѣ того позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтивъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что, не бывъ на пробѣ по болѣзни, я не могъ знать, какъ распорядятся, а что, по моей программѣ, во время нападенія Поляковъ на Сусанина, занавѣсъ должно сейчасъ опустить, смерть же Сусанина высказывается сиротою въ

эпилогъ. Послѣ Императора, благодарила меня Императрица, а потомъ великіе князья и великая княжна Марія Николаевна.»

«Милая и безцѣнная маменька, писалъ Глинка на другой день представленія: вчерашній вечеръ совершились наконецъ желанія мои, и долгій трудъ мой былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Публика приняла мою оперу съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, актеры выходили изъ себя отъ рвенія.» Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ отъ 11-го декабря онъ писалъ ей же: «Теперь, послѣ шести представленій, я рѣшительно могу сказать, что успѣхъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія, и опера моя все болѣе и болѣе нравится публикѣ. Не стану описывать всѣхъ подробностей перваго представленія (оно довольно точно описано въ *Съверной Пчелѣ*), ни моихъ чувствъ; я теперь вполне вознагражденъ за всѣ труды и страданія, и ежели еще не во всѣхъ намѣреніяхъ успѣлъ, то надѣюсь, что не замедлю осуществить и прочія мои намѣренія. Выгоды, полученныя мною до сихъ поръ отъ моего труда, суть слѣдующія: а) монаршее благоволеніе и прелестный подарокъ за поднесеніе оперы: перстень, полученный мною, состоитъ изъ топаза, окруженнаго крупными, отличной воды, брилліантами, и цѣнится отъ 3500 до 4000 рублей (1); б) слава. Всѣми единодушно я признанъ первымъ композиторомъ въ Россіи, а по мнѣнію знатоковъ, ни въ чемъ не ниже лучшихъ композиторовъ... Теперь я хлопочу о мѣстѣ, и хотя много затрудненій, ибо то, чего хочу, не существуетъ, а требуется такое мѣсто вновь сдѣлать, что чрезвычайно затруднительно, но надѣюсь, что терпѣніемъ и настойчивостію дойду до своей цѣли.» Въ письмѣ отъ 2-го января 1837 года Глинка писалъ своей матери: «Успѣхъ моей оперы съ каждымъ днемъ возрастаетъ (2). Вчера, на одиннадцатомъ представленіи, театръ былъ полонъ и сборъ простирался до 6300 р. По повелѣнію Государя, были уже на моей оперѣ кадеты корпусовъ; говорятъ, что на дняхъ будутъ воспитанницы института и Смольнаго Монастыря. Надѣюсь имѣть мѣсто и при театрѣ, сначала хоть безъ жалованья, но въ послѣдствіи за нимъ не станеть дѣло.»

(1) Прежде поступленія оперы его на сцену, Глинка далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что не будетъ имѣть притязаній ни на какое денежное вознагражденіе за свою оперу.

(2) На вечерѣ у князя О., находившіеся тамъ Пушкинъ, Жуковскій, князья В* и С*, сочинили, вскорѣ послѣ перваго представленія *Жизнь за Царя*, стихи въ честь Глинки, которые, къ сожалѣнію, утратились.

Что печаталось о новой оперѣ въ петербургскихъ журналахъ? Тогда только въ одной *Съверной Пчелѣ* помѣщались разборы и обзорѣнія всего появлявшагося на петербургской сценѣ, и потому только въ *Съверной Пчелѣ* можемъ мы искать выраженія тогдашняго общественнаго мнѣнія. Въ самый день представленія, въ «Смѣси» этого ежедневнаго листка, было объявлено, что новая опера, «нетерпѣливо ожидаемая и многимъ изъ любителей частію извѣстная, окончательно поставлена на сцену и будетъ дана сегодня.» Дальше слѣдовало выраженіе надежды на успѣхъ, объявленіе о скоромъ выходѣ изъ печати изданія оперы съ фортепіано. Въ концѣ же было прибавлено такое извѣстіе: «Этого мало, сочинителямъ оперы составлены изъ нѣкоторыхъ тѣмъ прелестныхъ французскихъ кадрили, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, вскорѣ будутъ разыгрываемы на всѣхъ фортепіано и всѣми нашими балными оркестрами.» Въ автографѣ, Глинка забылъ сказать, какое дѣйствіе произвело на него тогда это любопытное объявленіе: разсердился ли онъ не на шутку отъ подобнаго угощенія, въ тотъ день, когда на сценѣ должно было впервые появиться глубокое и серьезное произведеніе его—плодъ всѣхъ предшествовавшихъ годовъ его жизни, или только посмѣялся съ друзьями надъ ловкостію фельетона? Последнее вѣроятно. Во всякомъ случаѣ необыкновенный успѣхъ оперы, по его же словамъ превзошедшій его ожиданія, вѣроятно скоро вывѣтрилъ изъ его головы отзывъ фельетона. «Театръ усердно посѣщали, говорить Глинка, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже можно было найти навѣрное печатныя піесы изъ моей оперы, которая была впрочемъ исправнѣе переложена на фортепіано мною и Карломъ Мейеромъ, нежели напечатана Снегиревымъ. Бумага была прескверная, да номера и не поспѣвали вовремя по требованію публики.»

Вскорѣ послѣ перваго представленія, появилась въ трехъ нумерахъ *Съверной Пчелы* (№№ 280, 287 и 288) статья о *Жизни за Царя*, которая до самаго послѣдняго времени и осталась *единственною* критическою статьей объ этой оперѣ: лишь въ 1854 году снова пошла о ней рѣчь въ печати (1); до тѣхъ же поръ у насъ никто и нигдѣ не говорилъ печатно объ этомъ произведеніи, составляющемъ эпоху въ исторіи русской музыки.

(1) Въ *Съверной Пчелѣ* статьи г. Ростислава и въ *Москвитяки* замѣчаніе на нихъ г. Сѣрова.

Въ послѣдствіи, когда въ 1842 году въ Москвѣ въ первый разъ дали *Жизнь за Царя*, въ *Москвитянинъ* были помѣщены двѣ небольшія статьи объ этой оперѣ (1842, № 9, стр. 231 — 237); но статьи эти принадлежатъ къ числу не критическихъ музыкальныхъ статей, а только къ числу статей литературныхъ, ибо исключительно трактуютъ о содержаніи, о либретто, о самой же музыкѣ высказываютъ лишь нѣсколько общихъ мѣстъ, самыхъ поверхностныхъ замѣчаній, да и то невѣрныхъ, написанныхъ языкомъ вовсе не музыкальнымъ и обличающимъ незнаніе музыкальнаго дѣла. Такъ напримѣръ, въ первой изъ этихъ статей (гдѣ Моцартъ признанъ *богемскимъ Славяниномъ*, а оперы его *германо-славянскими*), сказано, что «отличительныя черты славянскаго музыкальнаго характера: чистота, глубина, преизбытокъ чувствъ; что музыка Славянина — свѣтлая, сильно-трогательная, высокоюморическая и раздольно-веселая»; что Глинка, вмѣщая въ произведеніи своемъ всѣ стихіи нашей музыки, изображаетъ преимущественно *глубокую трогательность и задушевность нашей мелодіи*; что «фугу можно называть по-русски *настиженіемъ*, и что эта форма (которою Глинка воспользовался въ началѣ своей оперы) почитается у нѣмецкихъ ученыхъ музыкантовъ наитруднѣйшею и возвышеннѣйшею отдѣлкою, между тѣмъ какъ у насъ въ народныхъ хорахъ часто слышенъ подобный ходъ пѣсней»; что «какъ художникъ, Глинка болѣе замѣчательнъ развитіемъ мелодіи, самобытностью переходовъ и послѣдовательностью частей, нежели богатствомъ и разнообразіемъ мотивовъ»; что «въ четвертомъ дѣйствіи замѣчательна инструментальная фуга, при пробужденіи Поляковъ, и что Моцартъ и Бетговенъ подивились бы такой умѣстной и смышленной вставкѣ» (1). Наконецъ, авторъ увѣнчалъ свою статью сожалѣніемъ о томъ, зачѣмъ авторъ либретто не вздумалъ произвести пришествіе Поляковъ во время дѣвичника, со всѣми русскими обрядами. Дѣлая такой упрекъ Глинкѣ, внушенный, конечно, любовью къ мелодраматическимъ операмъ Французовъ, авторъ въ то же время всего лучше показалъ и свое безвкусіе и свою неспособность понять значеніе Глинки, содержаніе дѣлаго и выполненіе подробностей. Авторъ другой статьи высказалъ еще менѣе музыкальныхъ сужденій, а тѣ, которыя у него встрѣчаются, обличаютъ литератора, вовсе

(1) Замѣтимъ, что у Глинки въ этомъ мѣстѣ *вовсе нѣтъ никакой фуги*. Таковы познанія рецензента!

не знакомаго съ музыкой и съ ея условіями. Всего замѣчательнѣе слѣдующій пассажъ въ этой фельетонной статьѣ: «Мы вполне очарованы всѣмъ созданіемъ Глинки, которое отличается точно органическою стройностью и цѣлостью; все какъ будто само изъ себя истекаетъ; но не можемъ того же сказать о послѣдней сценѣ, пригъланной для эффекта. Звонъ колоколовъ на московской сценѣ никогда не можетъ быть удаченъ, потому что никогда не можетъ сравниться съ настоящимъ московскимъ колокольнымъ звономъ, и всѣ театральные колокола покажутся намъ, Москвичамъ, конечно только колокольчиками. Этотъ неудавшійся эффектъ можетъ служить весьма сильнымъ доказательствомъ въ пользу той мысли, что искусство никогда и ни въ какомъ случаѣ не должно быть подражаніемъ дѣйствительности, и что копируя сію послѣднюю, оно совершенно обличитъ себя въ томъ, что берется не за свое дѣло, если случится подлиннику быть возлѣ насъ. Для насъ опера кончилась послѣднимъ чуднымъ рыданіемъ тріо, а ужъ если надобны были въ заключеніе московскіе колокола, то музыка не могла допустить настоящихъ, ибо они на сценѣ невозможны, а должна была привести нестройный гулъ ихъ въ *какіе-нибудь* (!) полные торжественные аккорды религиозной пѣсни, въ которой слышалась бы радостная молитва всей Россіи.» Кто понимаетъ музыку и знаетъ *Жизнь за Царя*, тотъ только подивится этому невѣжественному осужденію лучшаго, блистательнѣйшаго мѣста въ цѣлой оперѣ, которымъ она увѣнчивается.

Гораздо болѣе дѣлности встрѣчаемъ мы въ другомъ московскомъ отзывѣ о Глинкѣ и *Жизни за Царя* въ статьѣ подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о музыкѣ и методѣ музыкальнаго ученія въ Россіи», напечатанной въ *Москвитянинѣ*, въ 1852 году, (№ 2, «Смѣсь», стр. 43). Такъ мы читаемъ здѣсь: «При своей природной страсти и способности къ музыкѣ, могли ли Русскіе долго ждать своей національной оперы? На этотъ вопросъ отвѣтилъ 1836 годъ, подарившій Россіи *Жизнь за Царя*, и составившій эпоху въ исторіи нашей родной музыки. Только *Жизнь за Царя* торжественно показала и доказала, чего можно ожидать отъ нашей родной музыки и какою должна быть въ сущности наша національная опера. *Жизнь за Царя* есть чистое, естественное, могучее воспроизведеніе самобытныхъ русскихъ мелодій. Слушая эту оперу, невольно повторяешь выраженіе поэта: *Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ...* Хотя Варламовъ и Верстовскій явились со своими трудами прежде Глинки, но это не помѣшало автору *Жизни за Царя* сдѣлаться Колум-

бомъ русской музыки, открыть путь совершенно новый, не подражая никому, создать типъ русской оперы и приобрести себѣ завидную долю—быть образцомъ для другихъ!»

Несмотря на справедливость этихъ словъ, это все-таки замѣчанія, отрывочныя и неполныя, а еще далеко не критика, и такимъ образомъ, собственно музыкально-критическая статья о *Жизни за Царя*, писанная человѣкомъ, знающимъ музыку, — была только одна, напечатанная въ *Сѣверной Пчелѣ*. Фактъ странный, но который мы здѣсь только обозначимъ, не разбирая его, подобно многимъ другимъ. За то считаемъ нелишнимъ привести изъ этой *единственной* критической статьи о первой оперѣ Глинки нѣсколько строкъ, представляющихъ общую оцѣнку этого произведенія: «Какъ выразить удивленіе истинныхъ любителей музыки, когда они съ перваго акта увѣрились, что этою оперой рѣшался вопросъ, важный для искусства вообще, для русскаго искусства въ особенности, а именно существованіе русской оперы, русской музыки?... Еще прежде оперы Глинки у насъ были счастливые опыты отыскать общія формы русской мелодіи и гармоніи (тѣ именно, которыя опредѣляютъ характеръ музыки того или другаго народа, и по которымъ мы отличаемъ нѣмецкую музыку отъ итальянской, и даже итальянскую отъ французской): въ прекрасныхъ сочиненіяхъ графа Вильгорскаго, Верстовскаго, Геништы, мы находимъ русскія мелодіи, которыя однакожь не суть подражаніе ни одной извѣстной народной пѣснѣ. Но никогда еще употребленіе этихъ формъ не было сдѣлано въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ въ оперѣ Глинки....» «Посвященный во всѣ таинства итальянскаго пѣнія, говоритъ далѣе критикъ, и германской гармоніи, композиторъ глубоко проникъ въ характеръ русской мелодіи; богатый своимъ талантомъ, онъ доказалъ блестятельнымъ опытомъ, что русская мелодія, то заунывная, то веселая, то удалая, можетъ быть возвышена до трагическаго стиля... Искусная контрапункція (то-есть контрапунктъ, хотѣлъ сказать авторъ), всѣ музыкальныя хитрости, есть дѣло знанія, разумѣется соединеннаго съ талантомъ; счастливые мотивы — дѣло счастливой организаціи: ихъ не перечесть въ оперѣ, и, мы знаемъ по прежнимъ сочиненіямъ Глинки, они ему ничего не стоятъ; они рождаются у него такъ легко, что не за что сказать ему спасибо; но создать новый, неслыханный дотогѣ музыкальный характеръ, возвысить народный напѣвъ до трагедіи—это дѣло творческаго вдохновенія, которое дается рѣдко и немногимъ.» Въ тридцатыхъ годахъ было у насъ, какъ извѣстно,

очень много рѣчи о народности въ искусствѣ, и потому, естественно, опера Глинки являлась какъ нельзя болѣе кстати для подкрѣпленія всеобщихъ теорій и желаній, являлась точкой опоры для послѣдующихъ разсужденій и доказательствъ. Національность принималась тогда въ самомъ ограниченномъ значеніи, и потому тогда думали, что для сообщенія національнаго характера своему произведенію художникъ долженъ вставить въ него, какъ въ новую оправу, то, что уже существуетъ въ народѣ, созданное его непосредственнымъ творческимъ инстинктомъ. Желали и требовали невозможнаго: амальгамы старыхъ матеріаловъ съ искусствомъ новымъ; забывали, что матеріалы старые соотвѣтствовали своему опредѣленному времени, и что искусство новое, успѣвъ уже выработать свои формы, нуждается и въ новыхъ матеріалахъ. Отъ оперы, равно какъ отъ картины, романа, драмы, требовали мозаичности, такого эклектизма, чтобъ осколки прежнихъ вѣковъ, въ подлинникъ или въ поддѣлкѣ, были представлены публикѣ со всеѣмъ окруженіемъ и блестящимъ освѣщеніемъ современнаго искусства. Этотъ матеріальный, эклектический, декоративный способъ признавался за совершеннѣйшее проявленіе національнаго художества, и никто не заботился вникать въ требованія настоящей народности.

Опера *Жизнь за Царя* была первый серіозный талантливый опытъ возведенія *русской* народности въ музыку, и потому не мудрено, что, во время сочиненія этой оперы, Глинка, несмотря на весь свой гений, до нѣкоторой степени подчинился влиянію тѣхъ мыслей, которыя были тогда во всеобщемъ ходу, сильно былъ занятъ мыслию наполнить свою оперу наибольшимъ количествомъ мелодій, близкихъ къ простонароднымъ мелодіямъ русскимъ, между тѣмъ какъ это вовсе не существенно, и даже скорѣе, подробность *вредная* для художественныхъ произведеній нашего времени, ибо налагаетъ только лишнія, ненужныя цѣпи на композитора, ничего между тѣмъ не прибавляя къ сущности произведенія. Національность заключается не въ мелодіяхъ, а въ общемъ характерѣ, въ *совокупности условий* разнородныхъ и обширныхъ: гдѣ они не всѣ соблюдаены, тамъ исчезаетъ все значеніе отдельныхъ мелодій, хотя бы народное происхожденіе ихъ было несомнѣнно. Но этого не сознавала публика 1836 и 1837 годовъ; она находила самыми національными и самыми лучшими у Глинки тѣ немногія мѣста его произведенія, которыя вовсе не отличались совершенствомъ, мѣста концертныя, которыя представляли мозаику болѣе или менѣе русской мелодіи, итальян-

ской пѣвческой виртуозной манеры и нѣмецкой инструментовки. Успѣхъ оперы *Жизнь за Царя* былъ преимущественно обязанъ тѣмъ (по счастью весьма немногочисленнымъ) мозаикамъ, отъ которыхъ великій талантъ Глинки былъ въ то время еще не совершенно свободенъ. Часть публики была въ восхищеніи отъ *родныхъ* напѣвовъ, вдругъ неожиданно встрѣченныхъ въ блистательномъ художественномъ произведеніи, другая часть несказанно радовалась присутствію нѣкотораго итальянизма, всегда столько драгоцѣннаго и любезнаго для людей, стоящихъ на низшей ступени музыкальнаго образованія, и мы не безъ удивленія читаемъ даже въ вышеприведенной, единственной замѣчательной статьѣ о *Жизни за Царя*, что такой-то или такой-то мотивъ этой оперы «хотя и сохраняетъ вполне свой національный русскій характеръ, но могъ бы доставить въ гостиныхъ безсмертіе той или другой изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ оперъ»; третья же часть, наконецъ, часть претензивныхъ любителей и *докъ* давала Глинкѣ дипломъ на «почетное мѣсто между европейскими композиторами», разумѣется, имѣя при этомъ, прежде всего, въ виду моднаго тогда автора оперы *Робертъ*. Конечно, каждая изъ этихъ партій считала тогда великою честью сравненіе съ Беллини или Мейерберомъ! Самыя же совершенныя составныя части новаго произведенія, тѣ, въ которыхъ Глинка являлся художникомъ вполне новымъ, самобытнымъ и оригинальнымъ, великимъ начинателемъ новаго рода (это въ особенности касается речитативовъ, хоровъ и большихъ ансамблей и всего больше эпилога) оставались чуть не въ тѣни, шли на придачу къ аріямъ, которыя приняты были за самую важную часть оперы: извѣстно, что такъ вообще судятъ объ операхъ. Можно полагать, что еслибъ *вся* опера *Жизнь за Царя* была непогрѣшительна, подобно лучшимъ своимъ мѣстамъ, а именно подобно хорамъ, ансамблямъ, и въ особенности заключительному хору эпилога, она бы произвела несравненно менѣе дѣйствія на публику, а быть-можетъ не понравилась бы и вовсе.

Около времени перваго представленія *Жизни за Царя*, была написана товарищемъ и другомъ Глинки, М* (о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше), статья о значеніи новой оперы Глинки, и вообще всей дѣятельности его на поприщѣ національной музыки, но статья эта никогда не была напечатана. Странная участь постигла ее. Статья эта, написанная за границей М*, прислана имъ Глинкѣ для напечатанія; но Глинка, по скромности, или по безопасности артиста,

забылъ о ней, и только въ 1840 году нечаянно нашелъ ее и отдалъ, для напечатанія, въ Редакцію *Художественной Газеты*; но здѣсь разныя обстоятельства воспрепятствовали появленію этой статьи въ свѣтъ. Но такъ какъ въ ней я признаю лучшую оцѣнку и характеристику Глинки и его музыкальнаго направленія, то я и приведу здѣсь важнѣйшія мѣста этой статьи: «Можетъ ли быть русская опера, или, говоря вообще, русская школа музыки? Объяснимся. Чтѣ составляетъ музыкальную школу? Национальность напѣва? Въ такомъ случаѣ *Фенелла* Обера есть итальянская опера, а *Вильгельмъ Телль*—швейцарская. Въ такомъ случаѣ могутъ быть школы: испанская, шведская, шотландская, мало-россійская, и проч., какъ скоро композитору вздумается ввести въ свою оперу національные мотивы какого-нибудь народа. Всякій чувствуетъ нелѣпость такого заключенія, и между тѣмъ, до сихъ поръ почти въ этомъ смыслѣ принимали значеніе русской оперы. Нѣтъ, характеръ музыкальной школы заключается не въ одной національной мелодіи, такъ какъ школы-живописи отличаются не одною національностью физиономій. Въ музыкѣ основные элементы: мелодія и гармонія (*и ритмъ, прибавимъ мы отъ себя*), какъ въ живописи рисунокъ и колоритъ. По этимъ элементамъ опредѣляются школы. Конечно, національность напѣва, какъ и физиономія, входитъ въ характеристику школы, но она не составляетъ главнаго. Живопись не въ одной портретности лицъ, музыка не въ одной портретности напѣвовъ, иначе кругъ вашихъ мотивовъ, взятыхъ отъ народа, или поддѣланныхъ по его образцу, будетъ столько же ограниченъ, какъ ограниченъ кругъ физиономій какого-нибудь народа»... «Выразить во всѣхъ родахъ музыки, особливо въ оперѣ, лирическую сторону народнаго характера Русскихъ—вотъ задача, которую принялъ на себя Глинка. Онъ понималъ иначе значеніе слова: русская музыка, русская опера, чѣмъ его предшественники. Онъ не ограничился болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ народному напѣву; нѣтъ, онъ изучилъ глубоко составъ русскихъ пѣсень, самое исполненіе ихъ народомъ, эти вскрики, эти рѣзкіе переходы отъ важнаго къ живому, отъ громкаго къ тихому, эти свѣто-тѣни, неожиданности всякаго рода; наконецъ особенную, ни на какихъ принятыхъ правилахъ не основанную, гармонію и развитіе музыкальнаго періода: однимъ словомъ, онъ открылъ цѣлую систему русской мелодіи и гармоніи, почерпнутую въ самой народной музыкѣ и несходную ни съ одною изъ предыдущихъ школъ. Его первый большой опытъ, его опера: *Иванъ Сусанинъ*, докажетъ, до какой степени

онъ выполнилъ мысль и мечту свою. Кромѣ того, что Русскій народъ, высоко музыкальный въ душѣ, имѣеть рѣзко означенную національную музыку, и тѣмъ даетъ возможность человѣку съ талантомъ произвести что-нибудь новое и оригинальное, кромѣ того, говорю я, русская образованность вообще такого свойства, что она заключаетъ въ себѣ всѣ условія для сліянія и сочетанія музыкальных элементовъ другихъ народовъ. Какъ младшія дѣти европейскаго міра, мы пользуемся плодами образованности своихъ предшественниковъ, избѣгая крайностей и избирая лучшее, согласно съ нашею собственною народностью. Изъ этого эклектизма, неизбѣжнаго въ каждой поздней цивилизаціи, въ каждомъ народѣ или поколѣніи, послѣ другихъ пришедшемъ, должна современемъ образоваться жизнь органически-стройная во всѣхъ отрасляхъ. Если передъ публикой, такъ разносторонне-приготовленной къ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, явится человѣкъ съ талантомъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ, образовавшимся наукой и опытностью, если онъ въ своихъ произведеніяхъ заключитъ все, что предыдущія школы имѣють отличительнаго, и изъ этого выбора, сдѣланнаго *русскою* душой, создастъ свою, оригинальную *русскую* музыку: такой человѣкъ можетъ положить основаніе новой музыкальной школѣ, о которой мы не имѣли понятія, которой возможности даже и не подозревали...»

Любопытно замѣтить при этомъ случаѣ, что въ чужихъ краяхъ до сихъ поръ было гораздо болѣе писано о Глинкѣ (и его двухъ операхъ), чѣмъ у насъ, и о составленіи и напечатаніи его біографіи тамъ начали заботиться тогда, когда у насъ объ этомъ никто еще и не помышлялъ. Въ своей (не напечатанной) статьѣ о Глинкѣ, М* говоритъ, что и во время пребыванія Глинки въ первый разъ за границу, «имя его нѣсколько разъ уже было упоминаемо во французскихъ и нѣмецкихъ журналахъ. Ставили его выше МеркадANTE, Риччи и другихъ современныхъ итальянскихъ композиторовъ, говоря, что только трое не уступятъ ему: Беллини, Доницетти и Паччини. Въ *Лейпцигской Музыкальной Газетѣ* отзывались также о немъ съ большою похвалою.» Къ числу статей, въ которыхъ всего ярче оцѣнена важность заслуги Глинки для музыки, въ особенности должно отнести статью Меримѣ въ его *Une année en Russie, lettres écrites de Moscou en 1840*, въ 1844 году, въ *Revue de Paris*. «Жизнь за Царя», говоритъ онъ, опера необыкновенно оригинальная, первое русское произведеніе (въ музыкѣ), ничего не заимствовавшее. Наука облекается здѣсь въ форму наивности и народности. Это,

въ отношеніи литературномъ и музыкальномъ, вѣрный отпечатокъ всего того, что Россія выстрадала и пѣла; она найдетъ здѣсь выраженными и свои ампатіи и свои привязанности, свои слезы и свои радости, свою глубокую ночь и свою лучезарную зарю. Вначалѣ, мы слышимъ мучительную жалобу, но потомъ раздается гордый и торжественный гимнъ искупленія, и все это съ такою вѣрностію, что еслибъ послѣдній крестьянинъ могъ перенестись изъ своей избы въ театръ, онъ былъ бы взволнованъ до самой глубины сердца. Это произведеніе больше чѣмъ опера—это національная эпопея, это лирическая драма, возвратившаяся къ благородству первоначальнаго своего назначенія,— въ тѣ времена, когда она была не суетной и забавной, а народнымъ и религиознымъ торжествомъ. Несмотря на то, что я иностранецъ, я никогда не могъ присутствовать при представленіи этой оперы безъ самаго живаго чувства симпатіи и волненія.»

Между тѣмъ, въ противоположность такому историческому, столько вѣрному понятію, очень многіе соотечественники Глинки не признавали важности и значенія новой оперы: были люди, которые утверждали, что вовсе не дѣло Глинки писать оперы, что это ему вовсе не подь-стать и не по силамъ, а продолжать бы ему, попрежнему, сочинять романы, которые дѣйствительно недурны; другіе полагали, что Глинка плохо разумѣлъ русскій духъ, что онъ совершенно отступилъ отъ основнаго характера русской музыки, то-есть преимущественно отъ склада народныхъ русскихъ пѣсень, и что это дѣло ему недоступное; наконецъ, была и такая частица въ русскомъ обществѣ, которая съ нѣкоторымъ презрительнымъ высокомеріемъ смотрѣла на новую оперу и говорила на своемъ салонномъ языкѣ, что это *de la musique des cochets*, — обвиненіе, которымъ почти въ то же самое время и едва ли не въ тѣхъ же самыхъ формахъ, началъ подвергаться Гоголь (1).

(1) Статья эта, столько замѣчательная и столько талантливая, сохранилась у А. Н. Струговщикова (бывшаго редакторомъ *Художественной Газеты* въ 1840 и 1841 годахъ), благосклонно позволившаго мнѣ сдѣлать изъ нея приведенныя выписки. Но такъ какъ, по важности своей, она будетъ напечатана въ полномъ объемѣ своемъ А. Н. Струговщиковымъ, вмѣстѣ съ отрывками изъ его собственныхъ записокъ о Глинкѣ, то я довольствуюсь здѣсь только нѣкоторыми главнѣйшими подробностями, несмотря на все желаніе выписать и напечатать здѣсь вполнѣ эту лучшую и талантливѣйшую статью о Глинкѣ на русскомъ языкѣ.

Но какъ бы то ни было, великое произведеніе было создано, и имѣло значительный (вообще говоря) успѣхъ. Нельзя не подивиться, какъ молодой композиторъ, которому предстояло все начинать, во всемъ пробивать себѣ новую дорогу, съ такою неизмѣнною твердостью выдержалъ трудную свою задачу, и во всемъ, самомъ существенномъ, не отклонился отъ нея ни въ какую сторону. Въ то время, когда Глинка сочинялъ свою оперу, въ полной силѣ царствовали два вкуса въ оперной музыкѣ: одинъ—къ новѣйшей италіанской оперѣ Беллини и Доницетти, другой—къ новѣйшей французской оперѣ, представителями которой явились *Фенелла*, *Робертъ* и проч. и проч. Чахоточная, приторная сладость первой, мелодраматическая растрепанность, преувеличенность и эклектизмъ послѣдней (въ близкомъ родствѣ въ мелодраматическомъ направленіемъ всего искусства юной Франціи, *jeune France*) были уже одинаково ему чужды и неприятны, и онъ сумѣлъ не поддаться этимъ двумъ вліаніямъ, несмотря на всю тогдашнюю ихъ силу и популярность. Но въ то же время онъ столько же далеко держался отъ вліанія и романтическаго направленія веберовскаго, которое съ конца 20-хъ годовъ было также весьма значительно, такъ что *Жизнь за Царя* и по намѣренію, и по плану, и по всемъ подробностямъ выполненія, столько же далеко отстоитъ отъ *Роберта*, *Фенеллы*, *Вильгельма Телля*, сколько отъ *Нормы*, или *Пуританъ*, или *Анны Болены*, сколько наконецъ и отъ *Фрейшюца* или *Евріанты*.

Вмѣсто всѣхъ этихъ современныхъ вліаній, отъ которыхъ Глинка сумѣлъ освободить себя, онъ допустилъ тяготѣть надъ собою одному только вліанію: вліанію оперъ Керубини и Бетговенскаго *Фиделіо* (прямаго и непосредственнаго ихъ наследника). По его натурѣ приходилась серіозность, глубина ихъ направленія; сюжеты этихъ оперъ были для него въ высшей степени симпатичны, и онъ, въ свою очередь, выбралъ для своей оперы сюжетъ такого же характера, сюжетъ болѣе сродный ораторіи, нежели оперѣ, такой, гдѣ главнымъ содержаніемъ является не любовь, не страсти, не интрига, изъ нихъ проистекающая, а проявленіе и торжество великаго нравственнаго чувства. Содержаніе оперы *Жизнь за Царя*, гдѣ Сусанинъ всѣмъ жертвуетъ изъ любви къ отечеству, состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ содержаніемъ *Фиделіо* и Керубиніевскихъ (а также Мегюлевскихъ) оперъ, гдѣ главную роль всегда играютъ любовь супружеская, дѣтская, братская, спасеніе жертвы, и т. д. По всей вѣроятности, Глинка всего ближе подошелъ бы именно по

этой причинѣ къ Глюку, который способенъ былъ еще въ XVIII столѣтіи, развивать въ музыкѣ только такія темы, — но въ то время Глинка вовсе не зналъ еще Глюка: онъ узналъ и со страстью полюбилъ эту, столько родственную ему натуру, лишь въ послѣдствіи, подѣ конецъ жизни своей. Этотъ характеръ ораторіи, внесенный въ оперу, составляетъ прямую противоположность съ настоящимъ *драматическимъ* направлениемъ, и потому Глинка, при всемъ глубокомъ уваженіи предѣ гениемъ Моцарта, столь же мало симпатизировалъ его произведеніямъ, гдѣ объективно схваченная жизнь играетъ тысячами живыхъ отливовъ и вовсе не имѣетъ назначенія служить для раскрытія какого-нибудь отдѣльно-выбраннаго, высокаго нравственнаго момента.

Не разъ бывало замѣчено, въ исторіяхъ литературы, что драматическое направленіе, подобное направленію Глинки, неминуемо ведетъ къ тому, что отдѣльное лицо является не столько живымъ человѣкомъ, составленнымъ изъ плоти и крови, сколько *типомъ*, обнимающимъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ личностей, и что такимъ образомъ то, что выигрывается со стороны мысли, высшаго идеальнаго и моральнаго чувства, теряется со стороны жизненной силы представленія; что каждый подобный типъ неминуемо является нѣсколько отвлеченнымъ. Но въ этомъ отношеніи произведеніе Глинки относится къ одному разряду съ операми Керубини, Бетговена, съ драмами Шиллера, и представляетъ собою одинъ изъ примѣровъ общаго направленія нашего вѣка въ дѣлѣ искусства.

Допустивъ разъ навсегда законность и возможность такого направленія, мы можемъ только удивляться въ произведеніи Глинки необыкновенному мастерству, которое раскрывается въ каждой подробности композиціи, въ расположеніи и противоположеніи частей, въ выборѣ и трактованіи формъ, въ чудесахъ инструментовки (1), въ своеобразныхъ ритмахъ и гармонизаціи, въ совершенной оригинальности речитативовъ, наконецъ во всемъ томъ, что обыкновенно достигается композиторами послѣ многихъ молодыхъ опытовъ. У Глинки все это явилось какъ бы

(1) Къ сожалѣнію, не сохранился ни одинъ изъ опытовъ въ оркестровомъ сочиненіи, предшествовавшихъ оперѣ *Жизнь за Царя*, такъ что мы вовсе лишены возможности судить о первыхъ шагахъ Глинки въ этомъ искусствѣ, и о томъ, посредствомъ какихъ видоизмѣненій онъ дошелъ наконецъ до своей самобытной, совершенно ему принадлежащей оркестровки.

сразу, непосредственно послѣ сочиненія почти однихъ только романсовъ, имѣющихъ лишь едва отдаленное родство съ оперой, съ многочисленными ея составными частями и условіями. Для того, чтобы показать все достоинство и всю необыкновенность произведенія, вдругъ созданнаго такимъ образомъ, необходимо былъ бы спеціальнѣйшій трактатъ о *первой* появившейся у насъ русской оперѣ.

Несмотря на всѣ великія достоинства своего произведенія, Глинка находилъ, что еще не всѣ его намѣренія были исполнены. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго представленія *Жизни за Царя*, онъ уже принялся за новую оперу. Но сочиненію ея не суждено было совершиться съ тою же быстротою, свободою и спокойствіемъ, съ которыми сочинена *Жизнь за Царя*.

В. Стасовъ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

СЕНТЯБРЬСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ

1856 ГОДА

Ученый конгрессъ, собиравшійся въ Брюсселѣ въ сентябрѣ 1856 года, представляетъ самъ по себѣ явленіе чрезвычайно замѣчательное. Съ разныхъ концовъ Европы съзжаются на общее собраніе люди ученые и государственные, представители различныхъ правительствъ и ученыхъ обществъ, за тѣмъ, чтобы соединить свои труды и силы на пользу одного самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса населенія, чтобы уничтожить тѣ ограниченія, которыя стѣсняютъ благосостояніе земледѣльцевъ и работниковъ. Онъ тѣсно связанъ съ другимъ конгрессомъ, бывшимъ также въ Брюсселѣ въ 1853 году. На этомъ последнемъ, между различными вопросами, чисто статистическаго содержанія, обратило на себя особенное вниманіе положеніе работниковъ. Первый предметъ, поступившій на разсмотрѣніе третьяго отдѣленія конгресса, былъ *бюджетъ рабочихъ классовъ*. Подробное изслѣдованіе его было поручено статистическимъ провинціальнымъ комиссіямъ, которымъ правители различныхъ областей должны были сообщить всѣ нужные матеріалы. Онѣ должны были составить таблицы доходовъ и расходовъ каждаго семейства, въ каждомъ округѣ. Эти изслѣдованія произведены были въ двадцать-одномъ городѣ и въ тридцати сельскихъ округахъ. Различіе между занятіями было строго наблюдаемо: земледѣлецъ

не смѣшивался съ рудокопомъ, ткачъ съ прядильщикомъ и т. д. Три разряда семействъ были означены въ программѣ слѣдующимъ образомъ: бѣдныя, нуждающіяся въ общественной благотворительности, малодостаточныя, не нуждающіяся въ ней, и зажиточныя, пользующіяся совершенно независимымъ положеніемъ. Ко времени собранія конгресса эти предварительныя изысканія были окончены: безчисленное множество отвѣтовъ на сдѣланные запросы предложено было на разсмотрѣніе и обсужденіе членовъ конгресса. Но время не позволило заняться этимъ вопросомъ такъ, какъ бы требовала важность его. А потому статистическій конгрессъ выразилъ желаніе, «чтобы въ возможно непродолжительномъ времени снова съѣхались на общее международное собраніе всѣ лица, котоія въ различныхъ государствахъ занимаются вопросомъ объ улучшеніи рабочаго класса въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.» (1) Это желаніе было только повтореніемъ того, которое высказано еще за шесть лѣтъ на общемъ конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1847 году, собравшемся для совѣщанія о преобразованіяхъ, которыя требовалось совершить въ старой системѣ тюремъ, оказавшейся, по общему признанію, неудовлетворительною. Это желаніе не осталось пустою фразой. Извѣстный бельгійскій экономистъ и статистикъ Дюкпесьо, съ неутомимою дѣятельностію занимавшійся вопросомъ о положеніи рабочаго класса и о пауперизмѣ, принялъ самое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Обширныя связи помогли ему разослать приглашенія къ ученымъ въ различныя государства Европы. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ составилъ предварительный комитетъ, а также изготовлена была программа вопросовъ, имѣвшихъ поступить на разсмотрѣніе конгресса. Время совѣщаній назначено отъ 15 до 20 сентября. Такъ съѣхались въ Брюсселѣ администраторы и ученые, врачи, естествоиспытатели, адвокаты: одни въ качествѣ депутатовъ отъ различныхъ правительствъ и ученыхъ обществъ, другіе изъ личнаго интереса. Изъ депутатовъ обществъ особенно много собралось Англичанъ, Французовъ, Швейцарцевъ и Бельгійцевъ.

(1) Статистика неимущихъ—*Statistique des indigents*—была составлена Дюкпесьо, главнымъ инспекторомъ бельгійскихъ тюремъ и благотворительныхъ заведеній въ Брюсселѣ. Подробный разборъ этого конгресса см. въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*. IX Jahrgang 1853 года.

Такова вкратцѣ исторія этого конгресса. Что касается до названія его *Congrès de bienfaisance*, то оно было не совсѣмъ удачно выбрано, ибо не вполне соотвѣтствуетъ значенію собраній. Въ трехъ отдѣленіяхъ и въ 48 параграфахъ рассмотрѣны были *средства существованія* со всѣми побочными вопросами, сюда относящимися. При этомъ г. Воловскій справедливо замѣтилъ, что названіе, *Congrès des subsistances*, болѣе соотвѣтствовало бы предмету. Но въ оправданіе избраннаго названія можно сказать, что вопросъ о средствахъ существованія тѣсно связанъ съ вопросомъ о положеніи рабочихъ классовъ, о пауперизмѣ и благотворительности. Съ этой стороны выборъ названія не лишенъ своего основанія.

Какъ самый конгрессъ, такъ особенно предварительный комитетъ навлекли на себя двоякаго рода упреки. Съ одной стороны ихъ обвиняли въ томъ, что они не составили общаго систематическаго плана дѣйствій противъ пауперизма; а съ другой, что они поставили вопросъ о средствахъ существованія слишкомъ широко. Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы ограничиться, говорили многіе, болѣе частными вопросами. На сколько справедливы эти возраженія, видно всякому. Брюссельскій сентябрьскій конгрессъ былъ первымъ въ своемъ родѣ; а потому программа его должна была имѣть общее содержаніе и обнимать какъ можно болѣе вопросовъ. Что касается до систематическаго плана дѣйствій противъ пауперизма, то очевидно, что на обсужденіе и постановленіе такого плана было бы только потрачено лучшее время. Далѣе каждый отдѣльный пунктъ, каждое частное положеніе завлекли бы конгрессъ во множество другихъ родственныхъ вопросовъ, и такимъ образомъ расширили бы предѣлы программы еще болѣе, а результатъ остался бы тотъ же самый. Международные конгрессы не имѣютъ нужды, да и не должны быть международными академіями или какими-нибудь государственными коллегіями. Не ихъ дѣло принимать практическія мѣры къ искорененію того или другаго общественнаго зла. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы со всѣхъ концовъ снести сѣмена, плодотворныя для солидарнаго развитія общественныхъ вопросовъ, и развѣтвившіеся здравыми идеями, разнести ихъ во всѣ стороны образованнаго міра. Эту задачу прекрасно выразилъ Рожье (Rogier) въ своей рѣчи, сказанной имъ при открытіи собранія. «Притязанія конгресса, говорилъ онъ, не простираются на то, чтобъ изъ своихъ разсужденій выводить совсѣмъ готовые улучшенія. Задача наша состоитъ только въ томъ, чтобы развѣтвиться

своими идеями и плодами своей опытности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое идея? Это зерна, брошенные въ міръ передъ очами самого Бога. Не всѣмъ имъ предназначено исполнѣ созрѣть. Положительныя науки требуютъ много даромъ потраченного труда и напрасныхъ иногда усилій. Разбрасывайте здравыя понятія, распространяйте ихъ, а сами терпѣливо и бодро ожидайте жатвы. Изъ общихъ усилій столь многихъ замѣчательныхъ людей, отъ соприкосновенія такихъ преданныхъ общему дѣлу сердецъ, само собою непремѣнно выйдетъ что-нибудь доброе и полезное.» Въ недавнее время та же самая мысль была высказана барономъ Чёрнигомъ въ рапортѣ, поданномъ комиссіи для устройства третьяго засѣданія международнаго статистическаго конгресса, за нынѣшній годъ, въ Вѣнѣ. «Въ этихъ собраніяхъ (конгрессахъ) статистики официальные и не официальные сходятся съ администраторами и размѣниваются идеями и желаніями. Рѣзкія мнѣнія тутъ смягчаются, всѣ дѣлятся другъ съ другомъ плодами своей опытности, наконецъ устанавливаются основанныя на взаимномъ уваженіи отношенія между членами, собравшимися съ сѣвера и юга, съ востока и запада» (1).

Но были обвиненія и другаго рода, болѣе важныя. Они касались самыхъ стремленій, вызвавшихъ *благотворительный* конгрессъ, и тѣхъ началъ, которыми будто бы проникнуты были члены его, именно обвиненія въ матеріализмѣ. Брюссельскій конгрессъ, говорили многіе мнимые филантропы-антиматеріалисты, въ заботахъ своихъ о матеріальномъ благосостояніи рабочихъ классовъ, позабылъ о нравственномъ улучшеніи, въ которомъ по преимуществу нуждаются эти послѣдніе. Подобнаго рода обвиненія — не новость. Они не разъ раздавались въ литературѣ и еще болѣе въ обществѣ. Лжегуманисты не ограничивались своими нападками на то или другое ученіе (Мальтуса), но распространяли ихъ на цѣлую науку. Они преслѣдовали ее на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не умолкаютъ. Брюссельскій конгрессъ благотворительности, какъ лучшій представитель началъ, выработанныхъ въкою жизнью, и какъ плодъ всего предшествовавшаго развитія политической экономіи, подвергся тѣмъ же нареканіямъ. Мы не станемъ входить въ разборъ этого слишкомъ часто повторяемаго и избитаго мнѣнія: это отвлекло бы насъ слишкомъ да-

(1) См. «Экономическій Указатель» № 36.

леко отъ нашего предмета. Что касается собственно до конгресса, то даже краткій обзоръ его дѣятельности покажетъ, на сколько заслуживаетъ онъ такіа обвиненія, и какъ глубоко проникнуты были члены его тѣмъ истиннымъ гуманизмомъ, въ которомъ имъ отказываютъ (1).

Программа конгресса состоитъ изъ трехъ частей, въ которыхъ средства существованія разсмотрѣны съ трехъ различныхъ сторонъ. Впервыхъ, въ отношеніи къ земледѣлю — *subsistances dans leurs rapports avec l'agriculture*; вовторыхъ, въ отношеніи къ государственному хозяйству — *subsistances dans leurs rapports avec l'économie politique et charitable*; втретьихъ, въ отношеніи къ техникѣ. Мы постараемся прослѣдить все богатое содержаніе программы въ порядкѣ слѣдующихъ въ ней вопросовъ и въ томъ объемѣ, въ какомъ они разсмотрѣны были самимъ конгрессомъ (2).

Начнемъ съ первой части.

I.

Вопросъ о средствахъ существованія завлекъ брюссельскій конгрессъ почти во всѣ важные вопросы сельскаго хозяйства и аграрной политики. Но этотъ предметъ такъ обширенъ и многосложенъ, что конгрессъ не имѣлъ никакого притязанія объять его весь вполнѣ, а коснулся только нѣкоторыхъ сторонъ его. Это не помѣшало ему однако представить много чрезвычайно интересныхъ фактическихъ свѣдѣній, и прояснить нѣкоторые пункты аграрной политики.

Какъ увеличить производство средствъ пропитанія и предупредить ихъ вздорожаніе? на сколько зависитъ это отъ земледѣлія? вотъ вопросъ, который прежде всего поставленъ былъ программю. Между многими положеніями, послужившими отвѣтомъ на него, укажемъ на слѣдующія: препятствовать какъ чрезмѣрному скопленію земли въ однѣхъ рукахъ, такъ и чрезмѣрному раздроб-

(1) Вопросъ о матеріализмѣ въ политической экономіи прекрасно разсмотрѣнъ въ послѣдней книжкѣ *Zeitschrift für d. gesammte Staatswissenschaft*, статья *Sittliches Princip* и т. д.

(2) Руководствомъ намъ послужить прекрасная статья, помѣщенная въ *Deutsche Vierteljahrs-Schrift*, 1857, № 78: *Die Brüsseler Septembercongrèsse*.

ленію ея; правильно организовать земледѣльческій кредитъ; способствовать какъ можно большому притоку капиталовъ къ земледѣлію; распространять ассоціацію, и пр. Такимъ образомъ брюссельскій конгрессъ поднялъ самыя важныя и живыя вопросы сельскаго хозяйства и народной экономіи. Онъ прямо сталъ въ самую средину тѣхъ жаркихъ споровъ, которые издавна ведутся между экономистами и статистиками. Не увлекаясь исключительностью мнѣній, раздававшихся и раздающихся до сихъ поръ съ той и съ другой стороны, онъ рѣшилъ этотъ споръ на основаніи тщательнаго разбора фактовъ и хладнокровнаго наблюденія надъ практическою жизнью, такъ часто ускользящею отъ вниманія рьяныхъ теоретиковъ.

Первое положеніе программы—что чрезмѣрное скопленіе земли въ однѣхъ рукахъ, равно какъ и чрезмѣрная ея раздробленность, одинаково вредятъ земледѣльческой производительности—нашло себѣ полное сочувствіе во всѣхъ почти членахъ конгресса. Одинъ только г. Воловскій явился энергическимъ защитникомъ французскаго мелкаго хозяйства. Онъ говорилъ одушевленную рѣчь, которую мы позволимъ себѣ привести въ нѣсколькихъ отрывкахъ, тѣмъ болѣе, что въ ней вполне выразилось то крайнее мнѣніе, которое принято большинствомъ французскихъ статистиковъ. «Изображая опасности, сопряженныя съ раздробленностью земли, говорилъ г. Воловскій, постоянно указываютъ на Францію. Часто говорятъ, что земля во Франціи дробится до того, что *обращается въ пыль*, между тѣмъ какъ производство средствъ пропитанія не идетъ въ уровень съ этимъ дробленіемъ. Но въ подтвержденіе мрачныхъ предвѣщаній слѣдовало бы обратиться къ дѣйствительнымъ фактамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что раздробленность земли во Франціи увеличилась, но вовсе не въ такой степени, какъ обыкновенно полагаютъ. Но развѣ производство отъ того уменьшилось? Напротивъ. Офиціальная статистика доказываетъ, что оно увеличилось въ огромномъ размѣрѣ... Если мы сообразимъ, на сторону какой собственности приходится это увеличеніе цѣнности земли и дохода, то увидимъ, что цѣнность большихъ участковъ только утроилась въ то время, какъ цѣнность малыхъ учетверилась и даже упятилась. Для меня, продолжаетъ г. Воловскій, дѣло состоитъ не въ одной производительности. Будучи экономистомъ и защитникомъ теоріи увеличенія богатства, я признаюсь, что есть *другіе интересы*, которые ставлю на первое мѣсто. Это—достоинство человѣка и его *дѣйствительная свобода*, которая связана съ раздѣлимостью земли.

Свободный союзъ человека съ землею есть первый элементъ человеческой свободы. А потому дробимость земель надо не только поддерживать, но и смотрѣть на нее, какъ на особенное благодѣаніе» (1).

Чтобы увидѣть, до какой исключительности и до какого ослѣпленія эти мнѣнія доводятъ самыхъ добросовѣстныхъ статистиковъ, достаточно просмотрѣть цифры, приводимыя самимъ г. Воловскимъ. Во Франціи существуетъ 7,846,000 землевладѣльцевъ. Изъ нихъ 3,000,000 не платятъ никакихъ податей, ибо бѣдность ихъ заявлена въ общинахъ, а 600,000 вносятъ не болѣе, какъ по 5 сантимовъ. Г. Воловскій выводитъ изъ этихъ цифръ то утѣшительное для себя заключеніе, что общая сумма пространства, находящагося въ рукахъ этихъ владѣльцевъ, ничтожна въ сравненіи съ 53 милл. гектаровъ всей французской территоріи. Въ 1855 году во Франціи было 12,822,738 участковъ. Изъ нихъ слишкомъ половина платитъ податей менѣе, чѣмъ по 5 франковъ. Исключивъ изъ этихъ 6 милл. ту часть, которая застроена, мы получимъ всего 3 милл. поземельныхъ участковъ. Значитъ, пространство каждаго изъ нихъ не превышаетъ среднимъ числомъ $\frac{1}{3}$ гектара (6 гект. равняется 5 десятинамъ). Слѣдовательно въ суммѣ эти 3 милл. участковъ составляютъ не болѣе 1 милл. гектаровъ. «Что же значитъ это ничтожное число въ сравненіи со всемъ пространствомъ французской территоріи!» восклицаетъ г. Воловскій. Конечно, такое отношеніе вполне можетъ успокоить самое тревожное опасеніе. Но съ другой стороны, какъ бы ни были вѣрны цифры, представленныя г. Воловскимъ (а мы не имѣемъ права заподозрить ихъ въ какой-нибудь невѣрности),

(1) Это мнѣніе г. Воловскій развилъ подробно въ послѣдующей статьѣ, напечатанной въ августовской книжкѣ *Revue des deux Mondes: De la division du sol et de la valeur croissante de la propriété immobilière en France*. Моро де-Жоннесъ посвятилъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Éléments de Statistique* двѣ главы разбору поземельной собственности во Франціи и пришелъ къ тому заключенію, «что раздробленіе земли во Франціи отнюдь не достигаетъ тѣхъ опасныхъ предѣловъ, которыми стараются застрашать многіе публицисты.» Вся ошибка этихъ послѣднихъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что они приписали раздробленности земли то, что условливалось только успѣхами совершеннаго въ 1842 г. кадастра. Они пользовались цифрами, не заслуживавшими никакого довѣрія. Что касается до земледѣльской производительности, то и здѣсь оба статистика сходятся совершенно. Земледѣльскій доходъ почти уравнился въ періодъ 27 лѣтъ, отъ 1813 до 1840 года. См. *Éléments de Statistique*. II partie. Ch. 7. 1856 г.

нельзя не сказать, что онъ слишкомъ увлекся своимъ разчетомъ и подвергъ эти цифры одностороннему толкованію. Если 1 милл. гектаровъ представляет ничтожную единицу въ сравненіи съ цѣлою массою французской территоріи, то можно ли сказать то же самое и про отношеніе этихъ 3 милл. *собственниковъ* къ общей массѣ народонаселенія въ 36,000,000 человекъ? Неужели и они будутъ представлять такую же ничтожную, не заслуживающую никакого вниманія единицу? Во всякомъ случаѣ *эти 3 милл. землевладельцевъ останутся совершенными бѣдняками, не платящими повинностей, ибо бѣдность ихъ заявлена въ общинахъ.* Спрашивается: чѣмъ ихъ состояніе лучше состоянія тѣхъ несчастныхъ Ирландцевъ—пролетаріевъ, которые ставятся всѣми въ примѣръ самой крайней нищеты? Мы не говоримъ о другихъ 600 тысячахъ владѣльцевъ, платящихъ не свыше 5 сантимовъ, они также не могутъ громко говорить въ пользу системы, за которую такъ горячо вступается г. Воловскій. Самыхъ крайнихъ предѣловъ раздробленности земли во Франціи достигла въ Парижскомъ округѣ. Община *d'Argenteuil*, расположенная по берегу Сены, въ трехъ лье отъ столицы, представляетъ идеалъ такого состоянія. Въ ней можно найти такіе *кочки*, которыхъ не касается даже соха — о другихъ орудіяхъ обработки, болѣе усовершенствованныхъ, нечего уже и говорить. Эта община обнимаетъ 1,550 гект. пространства, разбитыхъ на 38,835 клочковъ. Изъ нихъ самые обширные не превышаютъ $\frac{1}{10}$ гектара. Клочокъ, приносящій 5 сантимовъ дохода, обложенъ податью въ 1 сантимъ. Если къ этому присоединимъ тѣ 5 сант., которые владѣльцу приходится выплачивать за повужденія въ платежѣ, посылаемая ему въ началѣ каждаго года, то въ результатѣ окажется, что налогъ на участокъ превышаетъ доходъ, приносимый имъ. Неужели такое состояніе не можетъ вызвать справедливаго опасенія? Но надобно замѣтить, что эта община, находясь вблизи столицы, доставляетъ жителямъ, по самому положенію своему, другіе источники дохода, кромѣ земледѣлія. Въ какомъ бы положеніи были эти поселяне, еслибъ они не находили способовъ прилагать свой трудъ къ другаго рода занятіямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что имъ грозила бы самая ужасная нищета. Въ доказательство того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, болѣе отдаленныхъ отъ Парижа и большихъ промышленныхъ центровъ, такое невыгодное положеніе начало уже обнаруживаться въ размѣрахъ, представляющихъ мало утѣшительнаго: мы укажемъ на общину *Crosville*,

лежащую въ департаментѣ *d'Eure* и представляющую чрезвычайную раздробленность земли. Нищенство, къ которому сперва прибѣгали только болѣе несчастные, объединившіе жители, какъ къ крайнему средству, обратилось теперь въ особый промыселъ. Эта деревня представляетъ какую-то республику нищихъ, живущихъ подобно цыганамъ. Браковъ не существуетъ въ ней вовсе. Жители предаются кровосмѣшенію и всей случайности совокупленія. Отсюда произошелъ цѣлый рассадникъ дѣтей, которыя съ малолѣтства приучаются своими родителями къ нищенству, и промышляютъ имъ въ пользу своего поселенія. Нарушившій общій обычай и вступившій въ бракъ подвергается палочнымъ ударамъ въ возмездіе за невѣрность. Къ счастью, такіе ужасные примѣры составляютъ рѣдкое исключеніе, но все-таки они возможны. Такая раздробленность земли приведетъ со временемъ къ тѣмъ же результатамъ, которые въ Ирландіи произошли отъ противоположнаго начала — скопленія земли. Въ томъ и въ другомъ случаѣ бѣдность неизбежна (1). Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Франція страдаетъ отъ раздробленности земли какъ въ политическомъ, такъ и въ социальномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что эта раздробленность встрѣчается не только вблизи столицы и промышленныхъ центровъ, но проникаетъ и въ другія, болѣе отдаленныя области (департаментъ Варскій, у предѣловъ Пиемонта). Во многихъ мѣстностяхъ земля перестала уже дробиться (община *d'Argenteuil*, въ округѣ Парижа); это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что эта дѣлимость достигла уже своихъ крайнихъ предѣловъ, и вызвала даже противоположное стремленіе — къ соединенію мелкихъ хозяйствъ, къ ассоціаціи. Мелкіе собственники, не получая достаточнаго дохода съ своихъ ничтожныхъ клочковъ земли, отдають ихъ въ аренду фермерамъ, а сами поступаютъ къ нимъ въ работники. Они получаютъ такимъ образомъ двойную прибыль, какъ собственники и какъ работники. Подобныя явленія, ограничивающіяся отдѣльными мѣстностями, должны съ теченіемъ времени распространяться все болѣе и болѣе.

Такимъ образомъ предпринятая г. Воловскимъ громкая защита французскаго мелкаго хозяйства, не могла найти себѣ одобреніе въ членахъ конгресса; за то тѣмъ болѣе сочувствія возбу-

(1) *Léon Faucher, Mélanges d'économie politique et de finances. T. II, p. 364—397.*

дѣло къ себѣ его другое мнѣніе, что правильное распредѣленіе поземельной собственности можетъ быть достигнуто не искусственными мѣрами административными, не внѣшними опредѣленіями maximum или minimum объема участковъ, но вслѣдствіе свободнаго дѣйствія органическихъ силъ народнаго хозяйства. Дѣйствительно опытъ показалъ, что внутренняя сила народнаго организма есть лучшей и вѣрнѣйшей регуляторъ сельско-хозяйственныхъ отношеній. Стоить только не насиловать ее никакими внѣшними узаконеніями, а дать ей полную свободу дѣйствія. Въ средніе вѣка большая и лучшая часть земли сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ завоевателей. Но съ теченіемъ времени неудобства обработки обширныхъ участковъ и трудность надзора за полевыми работами, заставили богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ разбивать свои владѣнія. Такимъ образомъ отдѣльныя части ихъ обширныхъ земель стали поступать во временное пользованіе разныхъ лицъ. Такое раздробленіе земли развивалось все болѣе и болѣе, и въ X вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже множество отдѣльныхъ участковъ, на которые распались церковныя и свѣтскія имѣнія. Мало-по-малу эта земля изъ временнаго пользованія перешла въ наслѣдственную собственность тѣхъ, которые ее обрабатывали за извѣстныя повинности. Эта новая форма поземельныхъ отношеній уже явственно начала обозначаться съ XII вѣка. Современная Франція представляетъ намъ противоположное явленіе. Тотъ же процессъ идетъ обратнымъ ходомъ.

Происшедшая отъ неурожаевъ дороговизна во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія, тяготѣла на томъ населеніи, которое владѣетъ наименьшими клочками земли. Огромныя выселенія, удаленіе въ города, переходъ къ мануфактурной промышленности, смертность—все это значительно ослабило сельское рабочее населеніе. Промышленность мануфактурная отвлекла работниковъ отъ земледѣлія: отсюда произошло возвышеніе работной платы, какъ съ той такъ и съ другой стороны. Это возвышеніе побудило къ тому, чтобы замѣнить трудъ человѣческой механическимъ суррогатомъ, машинами. Но для этого потребны два условія: съ одной стороны большой капиталъ, съ другой большая поземельная собственность. Капиталъ, отвлеченный мануфактурною промышленностью, снова обращается къ земледѣлію, привлекаемый тѣми барышами, которые предвидѣлись отъ урожаевъ, повторившихся нѣсколько лѣтъ къ ряду. Капиталисты начинаютъ скупать поземельные участки,

которые въ предыдущіе года неурожаевъ потеряли было свою производительную силу. Такимъ образомъ сами собою образовались два фактора, проложившіе дорогу введенію машинъ. Какъ желѣзныя дороги расширяютъ предѣлы торговли, такъ машины расширяютъ предѣлы всякой промышленности, и мануфактурной и земледѣльской. Преобразование послѣдней возможно только путемъ свободнаго соперничества. Помѣстья, которыя въ настоящее время уже достаточно велики для того, чтобы ввести машины, имѣютъ конечно огромное преимущество передъ малыми, которыя не имѣютъ достаточнаго къ тому капитала. А потому эти послѣднія должны соединяться между собою, чтобы выдерживать соперничество съ первыми. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ предполагать, что вся поземельная собственность снова скопится въ немногихъ рукахъ. Напротивъ того, очевидно, что *въ будущемъ* должны установиться правильныя, соразмѣрныя отношенія между большими и малыми хозяйствами, и притомъ совершенно свободно, помимо всякихъ искусственныхъ ограниченій земледѣльской политики. Въ этомъ отношеніи г. Воловскій былъ вполнѣ правъ, и мнѣніе его было единогласно принято конгрессомъ.

Относительно организаціи земледѣльческаго кредита отдѣленіе конгресса постановило слѣдующія заключенія: «чтобы достигнуть полнаго разрѣшенія задачи движимаго и недвижимаго земледѣльческаго кредита (*crédit agricole* и *crédit foncier*), слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на польскія и нѣмецкія кредитныя учрежденія, а также на общество *Union du crédit de Bruxelles* и шотландскіе банки.» Шотландское сельское хозяйство успѣхами своими обязано преимущественно правильной организаціи осмнадцати банковъ, которые всегда доставляютъ жителямъ самыхъ ничтожныхъ деревень легкій кредитъ въ своихъ четырехъ стахъ провинціальныхъ кассахъ и конторахъ.

Между всѣми вопросами, обсуждавшимися въ первомъ отдѣленіи конгресса, особенный интересъ возбуждаетъ рѣшеніе конгресса касательно мѣръ для образованія сельскаго населенія. Государственные люди, занимавшіеся этимъ вопросомъ, не могли совершенно устранить тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ слишкомъ слабымъ развитіемъ образованія низшаго класса. Брюссельскій конгрессъ постановилъ нѣсколько чрезвычайно благодѣтельныхъ заключеній. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ среднія и низшія первоначальныя училища въ Англіи. Въ числѣ 4000 заведеній находятся не только *colleges* и

такъ-называемыя *Working men's colleges*, но и *birbek* и *ragged schools* (школы оборвышей). Въ этихъ училищахъ преподается политическая экономія, конечно не съ строгимъ доктринарнымъ характеромъ. Заслуги Эллиса, написавшаго популярный курсъ политической экономіи и посвятившаго себя на пользу низшихъ рабочихъ классовъ, всегда останутся памяты. По общему признанію эти школы, какъ своею оригинальнію, такъ и исполненіемъ своей задачи совершенно удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ.

II.

Вторая часть программы носитъ заглавіе—*Subsistances dans leurs rapports avec l'économie politique*. Здѣсь разсматриваются слѣдующіе четыре пункта: торговля хлѣбомъ и съѣстными припасами; ассоціація, содѣйствующая доставленію работникамъ хорошихъ и дешевыхъ припасовъ; переселеніе и воздержаніе.

Торговля хлѣбомъ и съѣстными припасами. Вопросъ объ обращеніи хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, потребляемыхъ рабочимъ классомъ, составляетъ существенную задачу народнаго хозяйства. Рѣшить ее значить разрѣшить одну изъ главнѣйшихъ задачъ матеріальной жизни народа. Онъ непосредственно связанъ съ тѣми экономическими и общественными вопросами, которые до сихъ поръ представляютъ предметъ самыхъ жаркихъ споровъ если не между экономистами, то по крайней мѣрѣ между такъ-называемыми теоретиками и практиками. Въ приложеніи своемъ къ дѣйствительной жизни онъ встрѣчаетъ множество такихъ препятствій, которыя часто ускользаютъ отъ самаго внимательнаго наблюденія надъ народнымъ организмомъ. Таковы вопросы: о свободѣ внѣшней и внутренней торговли, объ установленіи цѣнъ на хлѣбные и разные продукты, объ организаціи внутреннихъ рынковъ и т. п. Въ нашемъ отечествѣ, начинающемъ только втягиваться въ общую струю экономического прогресса и прилагать у себя истины, выработанныя вѣковымъ опытомъ другихъ народовъ, рѣшенія брусельскаго конгресса приобрѣтаютъ особенную важность, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ именно о той отрасли торговли, которую мы привыкли называть *по преимуществу своею*. Желательно, чтобы положенія, высказанныя въ этомъ собраніи объ этомъ предметѣ,

наши у насъ какъ можно болѣе сочувствія и вызвали не только голословныя одобренія, но и искреннее желаніе примѣнить то или другое начало къ практической жизни. У насъ хлѣбная торговля представляетъ въ этомъ случаѣ болѣе благоприятныхъ условій, чѣмъ гдѣ-либо. Она не подвергается тѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ, которыми задерживалось ея развитіе на Западѣ. Но тѣмъ не менѣе она встрѣчаетъ огромныя препятствія въ мѣстныхъ условіяхъ страны, въ недостаткѣ путей сообщенія, въ нѣкоторыхъ мѣрахъ чисто административныхъ, а еще болѣе въ самыхъ стѣсненіяхъ земледѣльческаго производства, въ неразвитости массы производителей и торговцевъ.

Разборъ положеній программы покажетъ намъ, какъ широко взглянулъ конгрессъ на этотъ вопросъ. Экономическое правило *laissez faire* нашло здѣсь себѣ полное примѣненіе. Но не забудемъ еще того главнаго обстоятельства, что брюссельскій конгрессъ не увлекся тою вредною исключительностью, ради которой многіе изъ ученыхъ теоретиковъ проигрываютъ часто правое дѣло. Рѣшенія его не суть результатъ такихъ отвлеченныхъ теорій, которымъ отказываютъ многіе, особенно у насъ, въ возможности примѣненія къ практической жизни. Напротивъ того, они имѣютъ свой глубокій корень въ основательномъ изученіи этой послѣдней. Въ этомъ состоитъ огромная важность конгрессовъ: они сами вызываются необходимостью устранить то или другое неудобство, встрѣчающееся въ экономической жизни народа и затрудняющее свободное ея развитіе. Брюссельскій конгрессъ еще болѣе, нежели какой-нибудь другой, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи полнаго вниманія.

Во главѣ множества средствъ, способствующихъ правильному обращенію хлѣбныхъ и всякихъ продуктовъ и доставляющихъ рабочему классу хорошее и дешевое пропитаніе, брюссельскій конгрессъ указываетъ по преимуществу на *свободную торговлю этими продуктами*. Чѣмъ менѣе препятствій будетъ встрѣчать торговля, снабжающая работниковъ необходимыми произведеніями, тѣмъ тверже и постояннѣе будутъ цѣны на нихъ. Облегченіе отъ провозныхъ и проч. пошлинъ ведетъ къ тому же результату. Свобода торговли съѣстными продуктами давно уже признана всѣми государствами послѣ тяжелыхъ испытаній послѣднихъ неурожайныхъ годовъ. Англичане, Французы, Нѣмцы, Скандинавы—всѣ въ одинъ голосъ признали эту истину. Г. Воловскій съ одушевленіемъ изобразилъ тѣ огромныя услуги, которыя, освобожденная правительствомъ отъ прежнихъ стѣсни-

тельныхъ оковъ, частная предприимчивость принесла Франціи въ снабженіи ея населенія съѣстными припасами. Слѣпыя предразсудки, господствовавшіе во Франціи относительно свободнаго ввоза хлѣба и скота стали исчезать послѣ тяжелыхъ бѣдствій 1847—1851 годовъ. Еще недавно, вскорѣ послѣ февральской революціи, свободно раздавался во французской палатѣ депутатовъ голосъ маршала Бюжо, сравнивавшаго пригонъ иностранныхъ воловъ съ непріятельскимъ нашествіемъ казаковъ. Послѣднихъ можно перебить, говорилъ онъ, а первые только разорять сельское хозяйство. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, а теперь во Франціи уже всякій знаетъ, что воловъ можно также перерѣзать. Французскія таможенныя росписи показываютъ, что въ настоящее время (1855) иностраннаго скота было пригнано на 60,000,000 франковъ.

Такое же единодушіе встрѣтило во всѣхъ членахъ конгресса и другое положеніе программы, касавшееся таксъ на хлѣбъ и мясо. Система искусственнаго покровительства помощью таксъ давно уже потеряла всякій смыслъ и значеніе въ теоріи. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ сохраняется еще иногда въ полной силѣ на практикѣ. Подобныя явленія не рѣдки въ экономической жизни народа. Старыя, обветшалыя формы, нѣкогда не только полезныя, но и существенно необходимыя, продолжаютъ иногда влечить свое существованіе даже послѣ того, какъ наука и практическая жизнь признали всю несостоятельность скрывавшагося въ нихъ нѣкогда содержанія. Ни чтѣ старое не уступаетъ скоро своего мѣста новому, а по праву вѣковой давности силится отстоять его. Какъ историческая, такъ и экономическая жизнь народовъ представляетъ намъ многочисленныя примѣры такой стойкости формъ, уже потерявшихъ всякую жизненную силу, но тѣмъ не менѣе вступающихъ въ самую отчаянную борьбу съ новымъ началомъ, пришедшимъ занять ихъ мѣсто. Таксы, игравшія нѣкогда важную роль и имѣвшія свое огромное значеніе, давно уже признаны за положительно-вредныя. А между тѣмъ онѣ существуютъ, и постановленныя нѣкогда для пользы потребителей въ настоящее время ничего не приносятъ имъ кромѣ вреда.

Въ нашемъ отечествѣ система искусственнаго покровительства помощью таксъ сохраняется еще въ полной силѣ. Не только хлѣбъ и всякаго рода припасы, привозимые на рынокъ, подвергаются стѣснительному опредѣленію рыночныхъ росписей, устанавливающихъ цѣну того или другаго продукта; но иногда и са-

ный трудъ не избѣгаетъ искусственной оцѣнки, постановленной административною властью. Между множествомъ *табелей* и *росписей*, украшающихъ въ излишнемъ изобиліи стѣны станціонныхъ дворовъ, всякій проѣзжіи легко отыщетъ роспись цѣнъ, выше которыхъ ни одинъ напримѣръ кузнецъ не имѣетъ права запросить съ проѣзжаго за починку его экипажа. А между тѣмъ никому, конечно, не случалось платить цѣны, определенной такою таксой. Попробуйте указать на такую роспись упрямому мастеровому, запрашивающему съ васъ слишкомъ высокую цѣну, онъ отвернется отъ нея и откажется отъ предлагаемой работы. Къ счастью для проѣзжающаго, дѣло всегда оканчивается взаимнымъ соглашеніемъ, одинаково выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: и для кузнеца, получившаго плату болѣе определенной за долгое ожиданіе изломаннаго экипажа и за долгое сидѣніе безъ работы, и для проѣзжаго, который можетъ сѣсть въ свой экипажъ и продолжать свое путешествіе. Но что бы случилось съ проѣзжимъ, еслибы не было возможности нарушить постановленное положеніе?

Мы упоминали уже, что всѣ рѣшенія и положенія брюссельскаго конгресса суть результатъ практическаго изученія предмета. Въ вопросѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, мы имѣемъ новое доказательство того, какъ твердо держится конгрессъ практической жизни, ни на минуту не оставляя разъ принятой точки зрѣнія. Признавъ совершенную бесполезность таксы и провозгласивъ полную свободу торговли хлѣбомъ и произведеніями первой необходимости, брюссельскій конгрессъ не упустилъ изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ безусловное *laissez faire* можетъ встрѣтить важныя для своего осуществленія препятствія. Такъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ, при отсутствіи конкуренціи, полная свобода въ установленіи цѣнъ можетъ повести къ большимъ злоупотребленіямъ. А въ такой торговлѣ, какъ хлѣбомъ и съѣстными припасами, эти злоупотребленія могутъ быть даже бѣдственны для потребителя, еслибы вздумали сразу уничтожить господствовавшую до того таксу. Брюссельскій конгрессъ не призналъ подобныя опасенія неосновательными. А потому онъ старался выискать такія средства, которыя бы могли *свободно* дѣйствовать противъ зла, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ естественный регуляторъ цѣнъ—соперничество—оказывается недостаточнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ указываетъ, напримѣръ, на заведеніе (на акціяхъ) большихъ

пекарень и мясныхъ лавокъ (1). Но болѣе всего онъ рекомендуетъ основать *постоянныя коммисіи съѣстныхъ припасовъ*, которыя собирали бы данныя, развѣдывали бы положеніе той или другой торговли, выискивали бы способы направлять ее выгоднымъ для потребителя образомъ. Такое учрежденіе имѣло бы огромное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Всѣ искусственныя мѣры, стѣсняющія свободную мѣну, она замѣняла бы тѣми средствами, которыя условливаются естественнымъ положеніемъ вещей. Она направляла бы частную предприимчивость въ ту сторону, гдѣ она могла бы принести болѣе пользы; преграждала бы пути вреднымъ монополіямъ, пробуждала бы конкуренцію, гдѣ ея нѣтъ, и усиливала бы ее тамъ, гдѣ ея мало. Но сверхъ всего этого, такая коммиссія была бы существенно полезна сравнительной статистикѣ, собирая данныя о положеніи цѣнъ на извѣстномъ рынкѣ, составляя сравнительныя таблицы и обнародывая ихъ. Нечего конечно говорить о томъ, что такая коммиссія должна быть не пустою канцеляріей ничего не знающихъ и не интересующихся чиновниковъ, а собраніемъ людей просвѣщенныхъ, съ многостороннею опытностью.

Изъ другихъ положеній, касающихся этого предмета, можно указать еще на *правильную организацію рынковъ*. Въ этомъ отношеніи продажа должна производиться на вѣсъ, а не по мѣрамъ вмѣстимости; постоянно должны издаваться рыночныя отчеты, состоящіе изъ сравнительныхъ таблицъ цѣнъ на разные продукты.

Обратимся теперь ко второму пункту—къ обществамъ и разнаго рода товариществамъ благотворительности, съ особеннымъ обзоромъ обществъ, имѣющихъ въ виду доставленіе дешевыхъ средствъ существованія.

Программа конгресса содержитъ въ себѣ почти полный реперторій всевозможныхъ обществъ, имѣющихъ своею цѣлью какъ улучшеніе состоянія рабочаго класса, такъ, особенно, и снабженіе этого послѣдняго съѣстными припасами. Одинъ изъ членовъ конгресса, швейцарскій статистикъ Шербюлье, специально занимавшійся вопросомъ о состояніи бѣднаго класса и о средствахъ помочь ему, говорилъ въ собраніи длинную рѣчь, сопровождавшуюся всеобщими рукоплесканіями. Онъ энергически возсталъ въ ней противъ общественнаго призрѣнія бѣдныхъ и противъ

(1) Boucheries et boulangeries régulatrices.

той ложной филантропіи, которая оказывается нищимъ. Мы позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ отрывкахъ привести эту прекрасную рѣчь. «Я откровенно признаюсь, что ни въ какомъ случаѣ не раздѣляю съ большинствомъ членовъ этого собранія довѣрія къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ прибѣгали до сихъ поръ для прекращенія пауперизма. Точно такъ же я питаю инстинктивную недоувѣрчивость ко всякаго рода учрежденіямъ общественной благотворительности и состраданія, ко всякому вмѣшательству государства въ дѣло удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Вслѣдствіе многолѣтней опытности и долговременнаго изученія этого предмета я привыкъ находить зло подъ этимъ добромъ, открывать въ благоухающихъ цвѣтахъ состраданія ядовитую змѣю пауперизма. Я не раздѣляю того чувства удовольствія, съ которымъ большая часть членовъ старались превозносить взапуски разнообразіе и многочисленность благотворительныхъ заведеній, каждый въ своемъ отечествѣ. Это походить, я думаю, на то, какъ еслибы мы стали судить о состояніи общественнаго здравія въ какой-нибудь странѣ по числу врачей или фармацевтовъ. А что если эти врачи и аптекари служатъ не только доказательствомъ зла, но иногда и причиною его, по крайней мѣрѣ отчасти? Я, съ своей стороны, признаюсь, что самымъ счастливымъ днемъ моей жизни будетъ не тотъ, въ который я восхваляю вамъ благотворительныя заведенія своего отечества, о нѣтъ! а тотъ, въ который я могъ бы сказать, что мое отечество въ этомъ отношеніи отстало отъ другихъ,—сказать вамъ, что въ Швейцаріи нѣтъ никакихъ дѣтскихъ убѣжищъ, ибо матери имѣютъ возможность съ полною любовью и удовольствіемъ сами кормить и воспитывать своихъ дѣтей; что въ Швейцаріи существуетъ госпиталей и домовъ призрѣнія менше, чѣмъ гдѣ-либо, потому что бѣдные работники получаютъ такую заработную плату, что могутъ откладывать копѣйку подъ старость, на черный день; что въ Швейцаріи мало подають милостыни, ибо нищій чуждается благотворительности и умѣетъ цѣнить свою независимость и свое достоинство. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности не совѣмъ бываетъ такъ, и исторія благотворительности въ Швейцаріи представляетъ много темныхъ сторонъ, о которыхъ неохотно говорить Швейцарецъ. Но я разоблачу вамъ ихъ здѣсь, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ много поучительнаго.» Пауперизмъ въ Швейцаріи развился съ тѣхъ поръ, какъ изданъ былъ законъ, опредѣлявшій извѣстную подать въ пользу бѣдныхъ. Это постановленіе совпадаетъ по времени съ знаменитымъ актомъ парла-

мента, изданнымъ въ Англии въ 43 годъ правленія Елисаветы. Съ этихъ поръ пауперизмъ сдѣлался бичомъ всего Швейцарскаго Союза, и особенно самаго большаго кантона, Бернскаго. Эта подать легла бременемъ на всю страну, которая начала сгибаться подъ ея тяжестью. Никакія мѣры и усилія правительства не могли остановить быстро развившагося зла. Вопросъ этотъ до сихъ поръ составляетъ жизненную задачу бернскаго правительства. Доказательствомъ того, что это общественное зло дѣйствительно есть слѣдствіе такого постановленія, служить Юрскій округъ того же кантона. Этотъ округъ, вслѣдствіе счастливыхъ историческихъ условій, избѣгнулъ этого постановленія и до сихъ поръ не знаетъ пауперизма. «Когда этому округу, говоритъ Шербюлье, хотѣли назначить особенныя суммы для заведенія госпиталей и разныхъ благотворительныхъ заведеній, то онъ отвѣчалъ: мы не хотимъ вашихъ *грошей*, ибо не хотимъ принимать вашихъ постановленій. Оставьте намъ нашихъ нищихъ. Они не слѣдуютъ нашимъ бичомъ, если даже вы не будете вмѣшиваться въ наши дѣла.» Отчего происходитъ пауперизмъ? Или отъ недостатка заработной платы или отъ расточительности. Расточительность имѣетъ свой корень или въ дурномъ поведеніи работника, или въ недостаткѣ нравственныхъ качествъ, каковы предусмотрительность и трудолюбіе. Эти послѣднія свойства, необходимыя для каждаго человѣка, имѣютъ особенную важность для работниковъ. Лучшею гарантіей этихъ свойствъ служитъ *ответственность каждаго работника за себя и за свои поступки*. Объ ней-то нужно думать и ее стараться развивать. Начала свободы труда, провозглашенныя революціей 1789 года, не имѣютъ значенія безъ начала самоответственности. Если ответственность безъ свободы незаконна, то съ другой стороны свобода безъ ответственности опасна. Такъ какъ начало ответственности, продолжаетъ Шербюлье, не было надлежащимъ образомъ понято, то и пришли къ тому, что нанесли ударъ самой свободѣ, возстановили опеку, которую хотѣли уничтожить, только въ новой формѣ; опеку цеховъ, владѣтельнаго дворянства, замѣнили опекою государственной власти. Въ этомъ-то и заключается все зло.» Каждое вмѣшательство со стороны государства только далѣе ведетъ общество по тому скользкому и кривому пути, на которомъ нѣтъ возможности остановиться.

Шербюлье своею рѣчью нанесъ самый сильный ударъ лже-филантропическому большинству и нанесъ его прямо въ сердце. Дополненіемъ рѣчи Шербюлье послужила другая рѣчь—Паскаля

Дюпра. Этотъ послѣдній постановилъ различіе между бѣдными, которые сами виновны въ своей бѣдности, и тѣми, которые страдаютъ невинно: Шербюлье упустилъ изъ виду это различіе, а потому и впадаетъ иногда въ ту односторонность и исключительность, которая въ этомъ вопросѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, не должны имѣть мѣста. Если въ первомъ случаѣ благотворительность частныхъ людей и особенно государства можетъ только вредить, ибо она уничтожаетъ всякое ручательство въ благосостояніи, истребляя ту отвѣтственность бѣдняка, которая одна ручается за добродѣтельные поступки его; то нельзя сказать того же самаго и въ послѣднемъ случаѣ. А потому Паскаль Дюпра обращается прежде всего къ благотворительности согражданъ, потомъ къ благотворительности общинъ, провинцій и цѣлыхъ большихъ корпорацій, и только въ крайнемъ случаѣ къ благотворительности и человѣколюбію государства.

Большая часть экономистовъ приняла точку зрѣнія, такъ рѣзко предъявленную швейцарскимъ статистикомъ; такимъ образомъ на первый планъ выдвинулся одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ современной жизни, вопросъ объ ассоціаціи работниковъ. Въ свободномъ товариществѣ работниковъ должны найти себѣ осуществленіе тѣ начала свободы и самоотвѣтственности, о которыхъ говорилъ Шербюлье, и получить здѣсь практическое примѣненіе. Свободныя товарищества представляютъ множество разрядовъ, ступеней, какъ по цѣлямъ, съ которыми они составляются, такъ и по организаціи, по формѣ, въ которой они существуютъ. Въ первомъ случаѣ они могутъ быть раздѣлены на два главные рода: 1) тѣ, которыя имѣютъ главною своею задачею удовлетвореніе однѣхъ матеріальныхъ потребностей: доставленіе пищи, одежды, жилища; 2) тѣ, которыя имѣютъ свою цѣлью поднять умственные и нравственные силы рабочаго класса; матеріальныя стремленія принимаются здѣсь въ соображеніе на столько, на сколько они необходимы для достиженія главной цѣли. Что касается до формы и организаціи товариществъ, то они представляютъ множество различныхъ ступеней, смотря по тому, какъ велика самостоятельная дѣятельность членовъ союза. Такъ одни изъ нихъ возникаютъ исключительно изъ среды рабочаго класса, другія составляются подъ непосредственнымъ управленіемъ и такъ сказать надзоромъ какого-нибудь отдѣльнаго лица, какъ учредителя, или цѣлаго общества, состоящаго изъ лицъ высшаго, богатаго класса, или наконецъ самаго государства. Въ первомъ случаѣ участники товарищества, пользуясь полною самостоятель-

ностію, и исключая всякое постороннее вмѣшательство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, играютъ вполне активную роль. Въ товариществахъ второго рода участники суть лица болѣе или менѣе страдательныя, находящіяся подъ постороннею опекою. Большая часть членовъ конгресса стали на сторону товариществъ вполне свободныхъ и отдали имъ предпочтеніе передъ всеми учрежденіями подобнаго рода. Слѣдующія слова В. Файдера были только отголоскомъ общаго мнѣнія конгресса: «Эти благотворительныя заведенія не достигнуть своей цѣли, если инициатива и управленіе не будутъ въ рукахъ тѣхъ, которые заинтересованы въ нихъ, то-есть въ рукахъ участниковъ товарищества.» И далѣе: «Опытъ показалъ, что работники особенно сильно чуждаются учрежденій, находящихся подъ управленіемъ и надзоромъ административныхъ властей.» Такова точка зрѣнія, съ которой члены конгресса взглянули на этотъ предметъ. Нельзя не сказать, что она слишкомъ исключительна. Если справедливо главное положеніе, что рабочія товарищества должны пользоваться полною самостоятельностью и управляться своими собственными средствами, и что никакое *подавленіе* не должно имѣть здѣсь мѣста; то, почему же всякое поощреніе со стороны капиталистовъ, церкви и даже государства должно быть безусловно отвергнуто, какъ положительно вредное? Напротивъ, мы думаемъ, что поощреніе, конечно не въ формѣ прямаго вмѣшательства, со стороны образованнѣйшихъ классовъ, со стороны лицъ, исполненныхъ благородныхъ аристократическихъ стремленій (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) было бы не только не вредно, но положительно благотворно. Оно вызвало бы въ рабочемъ классѣ ту внутреннюю силу, которой не достаетъ ему для безусловно-самостоятельной дѣятельности, и которою онъ могъ бы сдѣлать отпоръ гнетущимъ его внѣшнимъ вліяніямъ. Но здѣсь, разумѣется, должно имѣть силу одно условіе: такое вмѣшательство не должно быть вредно для рабочаго класса *милостынею*. Благотворительность частная только тогда будетъ благотворна, когда она будетъ основана на точномъ знаніи нуждъ тѣхъ, къ кому относится, и опираться на общія начала частнаго и народнаго хозяйства.

Общества потребленія (1). Изъ обществъ, имѣющихъ гла-

(1) Подробныя свѣдѣнія какъ объ этихъ, такъ и другихъ обществахъ, мы заимствуемъ изъ статей Губера, помѣщенныхъ въ Deutsches Staats-Wörterbuch von Bluntschli: *Arbeitende Klassen* и *Association*.

вною своею цѣлью доставлять рабочему классу дешевые припасы и всякія произведенія первой необходимости, программа конгресса указываетъ прежде всего на общества потребления въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Первое мѣсто между ними занимаютъ въ Англіи такъ-называемыя *penny-societies*, а въ Германіи возникшія съ 1845 года *Sparvereine*, которыя обыкновенно называются по имени своего учредителя *Liedtke*. Дѣятельность ихъ обращена на доставленіе картофеля, масла, а также и топлива. Основной капиталъ этихъ обществъ составляется изъ мелкихъ взносовъ, удѣляемыхъ работниками изъ ихъ заработной платы въ теченіе мѣсяцевъ отъ апрѣля до октября. По даннымъ, сообщеннымъ Губеромъ, въ Великобританіи существуетъ въ настоящее время болѣе 200 обществъ, имѣющихъ своею цѣлью доставлять разныя произведенія первой необходимости по цѣнѣ, болѣе дешевой, чѣмъ можно купить ихъ у мелкихъ торговцевъ на рынкѣ. Эти общества имѣютъ общее названіе *cooperative store*, а также называются иногда и *cooperative mill*. Эти товарищества получаютъ особенную важность, если мы вспомнимъ, до какой степени доходить иногда въ Англіи порча сѣстныхъ припасовъ, какъ въ оптовой, такъ и мелкой торговлѣ. Въ этомъ отношеніи услуги этихъ заведеній огромны. Самыя обширныя изъ этихъ товариществъ находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ хлѣбными мельницами и пекарнями, а также и съ бойнями. Число участниковъ простирается отъ 50 до 3,000 человекъ.оборотный капиталъ отъ 1,000 до 60,000 фунт. стерл. Капиталъ составляется частью изъ правильныхъ взносовъ участниковъ, частью изъ ссудъ. Доказательствомъ того, какъ успешно могутъ идти дѣла такихъ товариществъ, служить *cooperative mill* въ городѣ Лейдѣ. Это заведеніе основано было въ 1850 году, и несмотря на низкія цѣны припасовъ и первоначальныя трудности и неудачи, доставило уже въ 1853 году 2,670 фунтовъ дохода; а въ слѣдующемъ 1854 году болѣе 3,000. Другое товарищество, въ Шотландіи, въ Ферфаксѣ, скопило уже съ 1829 года 13,000 ф. стерл. капитала. Но надобно замѣтить, что нравственная и умственная сторона этихъ товариществъ сравнительно съ матеріальною развита чрезвычайно слабо. Впрочемъ въ настоящее время благотворное вліяніе ихъ на участниковъ въ отношеніи къ порядку, умѣренности, трудолюбію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нѣкоторыя изъ этихъ товариществъ расширили кругъ своей дѣятельности: завели общія бесѣды, чтенія и тому подобныя занятія; а также особенныя кассы для вспоможенія

большимъ или тѣмъ, которые подверглись какимъ-нибудь несчастнымъ случаямъ.

Во Франціи возникли подъ вліяніемъ политическаго движенія 1848 года нѣсколько товариществъ разнаго рода. Но они все прекратились вслѣдствіе самой бесполезности своей. Впрочемъ такъ-называемое *association pour la vie bon marché*, основанное въ Лионѣ въ 1848 году, состояло въ 1851 году уже изъ 2,000 участниковъ (преимущественно отцовъ семействъ). Это общество убивало ежегодно 199 головъ скота, и не имѣя своихъ пекаренъ и мельницъ, доставляло хлѣбъ 12% дешевле рыночной цѣны, а мясо ставило 50% дешевле. Въ настоящее время эти товарищества особенно развились въ большихъ городахъ, на городскія деньги и подъ непосредственнымъ надзоромъ и управленіемъ муниципальнаго начальства. Они извѣстны подъ названіемъ *Sociétés alimentaires*. Дѣятельность ихъ ограничивается не только доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, топлива и т. п., но и заведеніемъ общихъ столовъ; матеріальная выгода, представляемая такими обществами для тысячи нуждающихся въ ихъ помощи, несомнѣнна. Но съ другой стороны, устраняя надобность держать домашній столъ, они наносятъ сильный ударъ семейной жизни. Отъ такихъ обществъ отличаются тѣ, которыя доставляютъ только одни припасы для обѣдовъ. Послѣднія должны имѣть въ этомъ отношеніи предпочтеніе.

Общества потребленія развились также и въ Германіи. Впрочемъ они отличаются отъ французскихъ и англійскихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что дѣятельность ихъ простирается также и на средніе классы населенія. Такое общество существуетъ, напримеръ, въ Гамбургѣ; оно состоитъ изъ 4,000 участниковъ и совершаетъ оборотъ на 100,000 талеровъ (1).

Таковы главные виды этихъ обществъ потребленія. Въ заключеніе нельзя не сказать, что они имѣютъ только переходящее значеніе, и конечно въ этомъ отношеніи приносятъ огромную пользу, не подвергая своихъ участниковъ тѣмъ случайностямъ и злоупотребленіямъ рынка, которыя могутъ быть для нихъ источникомъ величайшихъ бѣдствій. Но съ установленіемъ болѣе

(1) Такія общества существуютъ въ городахъ Лейпцигѣ, Эйслебенѣ, Вольфенбюттелѣ. Второе изъ нихъ состояло въ 1855 году изъ 75 членовъ, покупало муки и масла на 1862 талера; и продавало съ выгодою для участниковъ въ 1½ с. гр. на 30 фунтовъ. Въ связи съ нимъ стоитъ бойня, доставлявшая мясо 25% дешевле рыночныхъ цѣнъ.

правильныхъ оборотовъ на рынкахъ, съ развитіемъ частной предпринимчивости и необходимой конкуренціи, они должны потерять свое значеніе. Въ нихъ не будетъ уже той налобности, которая вызвала ихъ прежде. Гораздо важнѣе общества втораго разряда—*сберегательныя и вспомозательныя кассы.*

Въ программѣ конгресса можно найти много интересныхъ свѣдѣній о распространеніи этихъ обществъ. Такъ въ Великобританіи къ 20-му ноября 1853 года общая сумма сложенныхъ капиталовъ простиралась до 31,099,400 ф. стерл.; а число участниковъ до 1,237,301 человекъ. То-есть одинъ вкладчикъ на 22 жителя; на долю каждаго изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ 25 ф. ст. Если мы присоединимъ сюда капиталы обществъ взаимнаго вспоможенія, то получимъ огромную сумму въ 35,632,000 ф. ст., то-есть 213,792,000 р. сер.!

Слѣдующая таблица можетъ показать, какъ увеличивается въ Англіи число сберегательныхъ кассъ:

1830 г.	412,217	вкладч.	13,507,563 ф. ст.
1850 —	1,092,581	—	27,198,563 —
1854 —	1,265,208	—	33,408,175 —

Во Франціи къ 1-му января 1854 года считалось 377 сберегательныхъ кассъ съ 565,995 участниками; то-есть 1 участникъ приходился на 61 жит. Общая сумма вкладовъ простиралась до 135 милл. фр. Въ концѣ 1854 года вклады для вспоможенія стариковъ достигали 40,805,915 фр. 2940 обществъ взаимнаго вспоможенія состояли изъ 315,801 участника. Въ Австріи въ 1853 году общая сумма доходила до 90 милл. Такія же учрежденія распространились въ Сѣверныхъ Штатахъ Америки и въ Новой Англіи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Губернромъ (1), число кассъ въ Пруссіи увеличилось значительно: въ 1853 г. ихъ было 263; а въ 1855 — 326. Сумма вкладовъ составляетъ 32,289,820 талер. Въ Баденѣ и въ Саксоніи замѣтно такое же увеличеніе. Сюда принадлежатъ тѣ городскіе банки, которые въ последнее время, благодаря полезной дѣятельности Шульца, распространились весьма сильно въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи и особенно въ тѣхъ городкахъ, которые находятся на сѣверо-востокъ отъ Лейпцига (Delitzsch, Bitterfeld, Eilenburg, Meissen).

(1) См. *Jahrbuch für Volkswirtschaft und Statistik. Fünfter Jahrgang.* 1857.

Въ настоящее время такіе вспомогательные банки существуютъ въ городахъ : Брелъ, Хемницъ, Ейслебенъ, Мейссенъ, Штутгардтъ и др. Такія формы ассоціаціи могли бы получить особенное примѣненіе въ нашемъ отечествѣ. Наши крестьяне и работники весьма нуждаются въ подобнаго рода учрежденіяхъ. Министерство государственныхъ имуществъ первое подало примѣръ учрежденіямъ мірскихъ капиталовъ, сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ. Въ 1856 году въ вѣдомствѣ министерства существовало уже 1178 вспомогательныхъ и 515 сберегательныхъ кассъ. Къ сожалѣнію, не были устранены тѣ неудобства, которыя затрудняютъ эти учрежденія въ ихъ полезной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ они приносятъ огромную пользу. Желательно, чтобъ они распространились у насъ какъ можно болѣе и не ограничивались кругомъ министерскаго управленія.

Несмотря на такіе быстрые успѣхи вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ въ европейскихъ странахъ эти учрежденія имѣютъ свои темныя стороны, по крайней мѣрѣ при той формѣ, въ которой существуютъ они въ настоящее время. Главный недостатокъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ состоитъ въ томъ, что онѣ наименѣе полезны тѣмъ, для кого въ сущности предназначены. Бѣдный работникъ, земледѣлецъ, прислужникъ или прислужница, внося въ кассу свои мѣдные гроши и получивъ квитанціи, могутъ конечно утѣшаться внутреннимъ сознаніемъ, что обладаютъ извѣстнымъ резервнымъ капиталомъ. Но съ другой стороны они не извлекаютъ отсюда выгоды, которая приходится на долю лицъ, болѣе достаточныхъ. Всякое удачное предпріятіе, всякій шагъ богатаго промышленника, приходитъ всегда въ общую извѣстность, и свидѣтельствуя о нравственныхъ достоинствахъ и хозяйственныхъ способностяхъ предпринимателя, увеличиваютъ не только реальный, но и личный кредитъ его. Между тѣмъ какъ бѣдный вкладчикъ низшаго класса, пріобрѣтшій копѣйку горькимъ трудомъ, остается мертвою цифрою въ книгѣ, которая никому не говоритъ о той степени довѣрія, на которую имѣлъ бы право рассчитывать вкладчикъ. Реальный и личный кредитъ такого бѣдняка ничего не выигрываетъ. Эти учрежденія тогда только достигнутъ своей настоящей цѣли, когда они, поддерживая въ рабочемъ похвальную заботливость его о самомъ себѣ, направятъ свою дѣятельность противъ того нравственнаго зла, которое по большей части бываетъ причиною матеріальнаго. Такимъ образомъ съ одной стороны они должны содѣйствовать увеличенію нравственнаго капитала работника; а

съ другой—вызвать личный кредитъ, въ которомъ каждый работникъ наиболѣе нуждается. Этотъ вопросъ рассмотрѣнъ былъ на брюссельскомъ конгрессѣ, который особенно рекомендуетъ въ этомъ случаѣ такъ-называемыя—*livrets-passe-ports*. Такія книжки показывали бы степень участія, принимаемаго работникомъ въ этихъ кассахъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣли бы для него силу паспорта и служили какъ бы личнымъ инвентаремъ его, свидѣтельствомъ его предусмотрительности и бережливости.

Переходимъ къ товариществамъ третьяго рода. Сюда принадлежатъ общества вспомошествованія больнымъ, старикамъ и проч. Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ они особенно распространены въ Англіи подъ общимъ именемъ *friendly societies*. Они имѣютъ для рабочаго класса такое же значеніе, какое общества застрахованія жизни имѣютъ для среднихъ классовъ. Законодательство давно уже поняло важность подобныхъ товариществъ и въ настоящее время всевозможными мѣрами содѣйствуетъ ихъ распространенію. Успѣхи этихъ *friendly societies* открываются изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1849 году считалось ихъ 10,443 съ 1.600,000 участниковъ; капиталъ ихъ простирался до 41,000,000 рубл. Въ настоящее время такихъ товариществъ существуетъ 33,000 съ 3,526.000 участниковъ, общій капиталъ равняется 73,000,000 рубл. Изъ 8 милл. взрослого мужескаго населенія цѣлая половина участвуетъ въ этихъ товариществахъ.

Во Франціи точно также нѣтъ недостатка въ ассоціаціи съ цѣлью вспомошествовать отдѣльнымъ лицамъ рабочаго класса. Эти товарищества извѣстны во Франціи подъ именемъ *Sociétés de secours mutuels* (1). Въ концѣ 1854 года существовало ихъ во Франціи 2,940 съ 350,000 участниковъ. Они выдавали ежегодно суммъ нуждающимся работникамъ на 3,643,185 фр. Эти цифры съ тѣхъ поръ значительно возрасли.

Если всѣ рассмотрѣнныя нами товарищества имѣютъ ближайшею своею цѣлью удовлетвореніе матеріальнымъ потребностямъ рабочаго класса, то есть и другія съ задачею болѣе широкою, имѣющія своєю цѣлью религіозное, умственное и нравственное образованіе работниковъ. Потребность образованія низшаго класса насе-

(1) Или *caisses de retraite pour la vieillesse*. Эти общества доставляютъ рабочему классу безспорно самыя дѣйствительныя средства личной предусмотрительности. Они представляютъ не болѣе какъ родъ взаимнаго обезпеченія на случай особеннаго несчастья.

ленія особенно сильно высказалась въ Англии и преимущественно въ тѣхъ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, въ которыхъ тѣснится огромное множество рабочихъ, вырастающихъ въ совершенномъ невѣжествѣ и не могущихъ иногда понять собственныхъ интересовъ. Самый простой видъ такого рода ассоціацій представляютъ тѣ общества, которыя, состоя преимущественно изъ лицъ высшихъ, богатыхъ классовъ, стараются распространять въ народѣ полезныя книги, картины и т. п. Покупатели этихъ послѣднихъ играютъ здѣсь роль совершенно страдательную и не могутъ извлечь отсюда тѣхъ выгодъ, которыхъ слѣдовало бы ожидать, еслибы лица низшаго класса сами могли съ помощью общаго капитала взяться за такое предпріятіе. Сюда принадлежатъ различныя книжныя общества, распространенныя въ Германіи, а также и въ Англии. Къ числу самостоятельныхъ товариществъ изъ лицъ рабочаго класса принадлежатъ въ Германіи общества ремесленниковъ; дѣятельность ихъ ограничивается по большей части учрежденіемъ общихъ заговъ для бесѣды, чтенія и разныхъ полезныхъ занятій. Здѣсь надо упомянуть о нѣмецкихъ такъ-называемыхъ *Gesangvereine*, возникшихъ подъ вліяніемъ религіозныхъ движеній. Они стоятъ по большей части подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ религіозныхъ обществъ или даже духовенства, составляя какъ бы отрасль *внутренняго миссіонерства*. Такія товарищества въ послѣднія пятнадцать лѣтъ размножились въ Германіи до 350 съ 25—30,000 участниковъ. Въ Англии въ послѣднее время возникло много такихъ учрежденій подъ именемъ *Mechanics institutions*. Число ихъ доходитъ до 1000 съ 150,000 участниковъ. Благодаря тому участию, которое принимаютъ въ нихъ богатые лица высшей аристократіи, щедро помогающей имъ матеріальными средствами, нѣтъ изъ этихъ учрежденій устроены даже съ нѣкоторою роскошью. Рядомъ съ ними стоятъ такъ-называемыя *Working-men's colleges*, которыя обязаны своимъ существованіемъ англійскимъ университетамъ. Въ этихъ заведеніяхъ, возникшихъ только въ 1854 году, молодые люди изъ рабочаго класса за весьма-умѣренную плату получаютъ серьезное научное образованіе въ строгой системѣ. Этою стороною они походятъ на нѣмецкія *Fortbildungsschulen* съ тою только разницею, что эти послѣднія носятъ характеръ по преимуществу офиціальный.

Наконецъ переходимъ къ послѣднему разряду товариществъ, старающихся удовлетворить тѣмъ потребностямъ, которыя въ

матеріальномъ благосостояніи чловѣка имѣютъ не менѣ значенія, чѣмъ пища, одежда и т. д., именно потребности въ жилищѣ. Вопросъ объ удобномъ и хорошемъ жилищѣ пріобрѣтаетъ особенную важность въ приложеніи къ рабочему классу не только въ матеріальномъ, но и нравственномъ отношеніи. Можно даже сказать, кажется, безъ преувеличенія, что дурныя жилища бываютъ положительною или отрицательною причиною того плачевнаго состоянія рабочаго класса въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи, которое въ послѣднее время вызвало такія горькія жалобы. Понятно, что доставленіе рабочему классу удобнаго и дешеваго помѣщенія имѣетъ такое же значеніе, какъ и снабженіе его съѣстными припасами и одеждою. Вредъ отъ душнаго, тѣснаго и сыраго помѣщенія, разстраивающаго впрочемъ здоровье работника, очевиденъ для всякаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ наемная цѣна такихъ грязныхъ *уэловъ* во многихъ большихъ городахъ бываетъ на 100% выше той цѣны, которую достаточныя классы платятъ за свои удобныя квартиры. Издержки на отопленіе и освѣщеніе при плохомъ устройствѣ печей, при постоянно-растворяющихся дверяхъ и окнахъ, бываютъ для работниковъ на 50% болѣе тѣхъ издержекъ, которыя требуются отопленіемъ и освѣщеніемъ удобныхъ жилищъ. Такое положеніе всегда обращало на себя вниманіе какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ и государственной власти. Но съ другой стороны, всѣ попытки устранить такія неудобства оказывались напрасными. Въ практическомъ рѣшеніи этой великой общественной задачи, какъ и многихъ другихъ, Великобританія стоитъ впереди другихъ государствъ. Первый значительный шагъ на этомъ пути сдѣланъ обществомъ, основаннымъ въ 1841 году подъ непосредственнымъ покровительствомъ принца Альберта—*Society for improving the condition of labouring classes*. Это общество имѣетъ въ виду двоякую цѣль: вопервыхъ пріучить рабочій классъ къ необходимой чистотѣ и опрятности; вовторыхъ доставить ему за возможно-дешевую плату удобное и здоровое помѣщеніе. Для этого оно завело общія прачечныя и купальни — *Baths and Wash houses* и особыя помѣщенія, всегда открытыя для работниковъ. Прачечныя и купальни находятся въ самыхъ бѣдныхъ частяхъ Лондона, *Whitechapel, St. Martins, George-Street*, и др. Въ силу парламентскаго акта общины имѣютъ право на деньги, собираемыя въ пользу бѣдныхъ, выстраивать такія заведенія. Кромѣ того, благодаря этому обществу, въ Лондонѣ распространились такъ-называемыя *Model lodging houses*. Въ этихъ зданіяхъ бѣдные люди всегда на-

ходить для себя убѣжище за ничтожную цѣну. Такъ въ одномъ изъ нихъ, (въ *George-Street*) съ декабря 1849 года открыты помѣщенія на 5,000 челѣвъкъ. Доказательствомъ того, какъ хорошо достигаютъ эти заведенія своей цѣли, можетъ служить то, что смертность въ нихъ представляетъ пропорцію 13 на 1000; въ то время какъ въ той же мѣстности эта пропорція была вдвое болѣе. Замѣчательно, что въ 1849 году во время холеры ни въ одномъ изъ этихъ заведеній не было ни одного холернаго случая (1). Такіе же благоприятные результаты представляютъ намъ подобныя заведенія въ Даніи. Г. Давидъ представилъ конгрессу подробную статистику двухъ датскихъ *cités ouvrières*, рабочихъ поселеній. Изъ нея открывается, что число болѣзней въ этихъ послѣднихъ относилось къ числу болѣзней и смертныхъ случаевъ въ другихъ жилищахъ работниковъ въ той же мѣстности какъ 1 къ 5! Отчеты, представленные комиссіи построенія жилищъ для рабочаго класса Эмилемъ Мюллеромъ, строившимъ извѣстныя *cités ouvrières* въ Мюльгаузенѣ, и Генриха Робертса, могутъ показать, какъ далеко подвинулся впередъ въ новѣйшее время во всѣхъ государствахъ Европы вопросъ объ улучшеніи жилищъ рабочихъ. Но съ другой стороны, несмотря на прекрасные результаты, доказывающіе великое практическое значеніе этого вопроса, нельзя не сказать, что все сдѣланное далеко еще не соотвѣтствуетъ существующей потребности.

Главная задача всѣхъ стремленій состоитъ не въ томъ, чтобы рѣшить, которая изъ системъ, отдѣльныхъ, или общихъ помѣщеній (*cottage-system* или *casern*), должна быть предпочтена (мѣста и условія той или другой страны сами рѣшаютъ это дѣло); напротивъ, вся забота должна быть сосредоточена на томъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ возможно-широкихъ размѣрахъ и притомъ въ возможно-скорѣйшее время. Вполнѣ благоприятные результаты обнаружатся только тогда, когда самъ рабочій классъ перестанетъ быть страдательнымъ лицомъ, и приметъ въ этомъ дѣйствительное участіе. Въ Англии начало уже обнаруживаться это участіе. Форма акціонерныхъ обществъ оказалась наиболѣе согласною съ духомъ народа. Такое живое участіе самихъ работниковъ, замѣтилъ Робертсъ, есть лучшее ручательство тѣхъ успѣховъ, которыхъ мы въ правѣ ожидать въ будущемъ отъ

(1) См. *Heinrich Meidinger*, Das Britische Reich in Europa. VI, 3. стр. 587.

практическаго разрѣшенія этого великаго общественнаго вопроса. Богатые капиталисты-фабриканты самымъ положеніемъ своимъ болѣе другихъ лицъ призваны къ участию въ этомъ дѣлѣ, и конечно это участіе имѣло бы огромное вліяніе на частную предпримчивость. Что касается до общинъ, благотворительныхъ обществъ и государства, то дѣятельность ихъ была бы особенно полезна въ выборѣ болѣе удобныхъ мѣстностей, въ соблюденіи полицейскихъ мѣръ, касающихся народнаго здравія, и въ доставленіи частной предпримчивости всевозможныхъ средствъ къ успѣшнѣйшему и скорѣйшему разрѣшенію задачи. Участіе ихъ было бы только посредственное. Если частная предпримчивость до сихъ поръ уклонялась отъ такого участія, то это можетъ объясниться тѣми мрачными сторонами, которыя представляютъ намъ грязныя жилища рабочаго класса. Съ постепеннымъ устраненіемъ этихъ послѣднихъ, практическое разрѣшеніе вопроса значительно облегчится. Не потому ли эти рабочіе и ихъ семейства были грязны и матеріально и нравственно, что самыя жилища, по крайней мѣрѣ отчасти, заражали ихъ своею нечистотою? Здоровыя, опрятныя помѣщенія не только найдутъ всегда готовыхъ наемщиковъ, но и будутъ имѣть на нихъ благотворное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній пунктъ второй части программы — *пауперизмъ и переселеніе*. Въ этомъ вопросѣ брусельскій конгрессъ остался вѣренъ своему основному воззрѣнію — предоставить полную свободу дѣйствія внутреннимъ законамъ, управляющимъ экономическою жизнью извѣстнаго народа. Въ этомъ отношеніи онъ постановилъ слѣдующія заключенія: 1) народонаселеніе въ своемъ движеніи не должно быть стѣсняемо никакими искусственными мѣрами; 2) если пауперизмъ происходитъ отъ слишкомъ быстрого увеличенія населенія, то эмиграція можетъ ослабить вредныя и опасныя послѣдствія его, но только *посредственно*; 3) а потому переселенію должно дать полную свободу и покровительство, но конечно не дѣйствительное поощреніе. Итакъ, всякая произвольная попытка ограничить увеличеніе народонаселенія не должна быть допускаема, ибо она всегда ведетъ за собою еще большее зло. Предусмотрительность и совѣсть каждаго человѣка и отца семейства, заботящагося о содержаніи своей семьи — вотъ единственные регуляторы этого движенія. Тутъ есть особенная область человѣческихъ правъ, въ которую не должна вмѣшиваться никакая государственная власть. Стоить только окинуть умственнымъ взоромъ земной

шарь, чтобъ увидѣть, что родъ человѣческій еще далекъ отъ того предѣла, за которымъ размноженіе его станетъ для него гибельнымъ, или по крайней мѣрѣ опаснымъ. Было время, когда трудности сообщенія дѣлали невозможнымъ расселеніе людей по земной поверхности. Но теперь, вслѣдствіе колоссальныхъ завоеваній, совершенныхъ наукою въ практической жизни, такого препятствія уже не существуетъ. Каждый атомъ, повинуваясь внутреннему закону общественнаго равновѣсія, стремится туда, куда призываетъ его этотъ законъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что брюссельскій конгрессъ указывалъ на выселеніе, какъ на единственное средство противъ *излишняго* увеличенія народонаселенія (*accroissement désordonné de la population*, какъ сказано въ программѣ). Напротивъ, онъ призналъ, что если пауперизмъ происходитъ отъ избытка въ населеніи, то выселеніе можетъ лишь *косвенно* противодействовать пауперизму. Бѣдная, страдающая часть населенія мало побуждается къ колонизаціи, да притомъ и мало имѣетъ къ тому средствъ матеріальныхъ. Замѣчено, что въ послѣднія десять лѣтъ выселенія отняли у европейскихъ государствъ ту часть народныхъ силъ, которая была особенно полезна въ государственномъ хозяйствѣ. Равновѣсіе, на минуту нарушенное въ странѣ, правда, восстанавливается. Оставшіяся массы недостаточнаго населенія, бывшаго только бременемъ обществу, побуждаются къ большей дѣятельности и энергіи, и наполняютъ собою пустоту, причиненную выселеніемъ. Но къ такой замѣнѣ уносимыхъ выселеніемъ силъ не всякая масса недостаточнаго населенія можетъ быть готова. Здѣсь—то открывается важность преобразованій, которыя должны быть введены въ прежнюю систему общественной благотворительности. Это приводитъ насъ назадъ къ прежнему вопросу. Пока общественная благотворительность не откажется отъ своего прежняго характера искусственнаго покровительства, и не разовьется въ рабочемъ классѣ ту самодѣятельность и самоотвѣтственность, о которой такъ горячо говорилъ Шербулье, до тѣхъ поръ бѣдные классы населенія никогда не выйдутъ изъ своего несчастнаго положенія и не займутъ достойнаго мѣста; до тѣхъ поръ выселеніе не только не поможетъ злу, но еще увеличитъ его.

Вопросъ о средствахъ существованія находить свое разрѣшеніе не только въ сельскомъ и государственномъ хозяйствѣ, но также и въ *техникѣ*. Эта сторона вопроса послужила предметомъ третьей части программы. Здѣсь пришлось говорить о мельницахъ, пекарняхъ, механическихъ и химическихъ процессахъ разнаго рода и т. п. Но ни одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ не былъ разрѣшенъ вполне или по крайней мѣрѣ такъ, чтобы можно было перейти къ другому. Остается ожидать обстоятельныхъ обсужденій отъ слѣдующихъ собраній (1).

М. Щепкинъ.

(1) Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, конгрессъ благотворительности собирався во Франкфуртъ на Майнѣ.

НѢСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ

КЪ СТАТЬѢ

«НОВИКОВЪ И ШВАРЦЪ»

(«Русскій Вѣстникъ», № 19-й.)

Въ сборникъ, издаваемомъ студентами Петербургскаго университета, помѣщено нѣсколько новыхъ подробностей о Н. И. Новиковѣ (вып. I, Библ. зам. по русск. лит.). Въ 19 № *Русскаго Вѣстника* напечатана статья М. Н. Лонгинова о дѣятельности Новикова и Шварца, и на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ здѣсь въ первый разъ, представлены довольно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образованіи, составѣ и средствахъ Дружескаго Общества и Типографической Компаніи. Присоединенныя къ отрывочнымъ извѣстіямъ, уже прежде помѣщеннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ *Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета*, *Словарѣ достопамятныхъ людей* Бантыша-Каменскаго и другихъ сочиненіяхъ, новыя статьи значительно облегчаютъ возможность современемъ представить полное изображеніе дѣйствій и значенія того круга людей, между которыми первое мѣсто занималъ Н. И. Новиковъ, и хотя немного приподнять покровъ таинственности, брошенный на ихъ общество, какъ самими членами, такъ особенно временемъ и обстоятельствами. Разумѣется, для подобнаго изображенія пока не пришла еще пора. Прежде всего чувствуется сильный недостатокъ въ матеріалахъ, въ данныхъ, которые далеко еще

не собраны и не приведены въ извѣстность. Много любопытныхъ подробностей могутъ открыться въ послѣдствіи; нѣкоторые документы не извѣстны даже и тѣмъ изъ знатоковъ, кто съ особеннымъ вниманіемъ изучаетъ литературныя явленія XVIII вѣка; наконецъ значительная часть уже имѣющихся подъ руками матеріаловъ не изслѣдована надлежащимъ образомъ. Г. Лонгиновъ, оканчивая свою интересную статью о Новиковѣ, имѣлъ полное право обратиться къ своимъ читателямъ съ слѣдующею просьбою: «они окажутъ услугу исторіи нашего просвѣщенія и нашей гражданственности, если, имѣя какіе бы то ни было документы, касающіеся Новикова и его общества, опубликуютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Пора перестать изъ всего дѣлать тайну и губить мало-по-малу остатки преданій и актовъ, объясняющихъ намъ прошедшее.» Пока по крайней мѣрѣ бѣльшая часть матеріаловъ, находящихся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя иногда не подозреваютъ всей ихъ важности, не будутъ приведены во всеобщее свѣдѣніе, до тѣхъ поръ нельзя оцѣнить литературнаго и практическаго вліянія Новиковскаго общества. Къ матеріаламъ такого рода принадлежатъ: 1) самые документы, прямо или косвенно относящіеся къ Новикову и его товарищамъ, письма и т. п.; 2) свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ въ обѣихъ столицахъ и во многихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ. Тѣсная связь Новикова съ масонами не подлежитъ сомнѣнію, хотя начало ложъ многими годами предшествовало началу его литературной дѣятельности. Изъ записокъ Ивана Владиміровича Лопухина видно, что довольно задолго до преслѣдованій, обрушившихся на Новикова, въ Ярославлѣ существовала ложа подъ покровительствомъ губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова. На печати, прикладывавшейся къ бумагамъ казанской ложи *восходящаго солнца*, обозначено время ея основанія, 1776 годъ. Распространенію ложъ содѣйствовало много то, что правительство не считало ихъ противными общественному порядку. Лопухина очень удивилъ допросный пунктъ, предложенный кн. Прозоровскимъ: гдѣ собирались члены и зачѣмъ скрывались отъ полиціи? Собранія не только не были ни для кого тайною, но для праздничныхъ застѣданій сама полиція присылала команду, чтобы соблюдать порядокъ при разѣздѣ. Свѣдѣній о провинціальныхъ ложахъ можно найти довольно много въ устныхъ преданіяхъ, не говоря уже о томъ, что часто встрѣчаются самыя бумаги ложъ, хотя преимущественно обрядоваго содержанія. 3) Библиографическія указанія о книгахъ, изданныхъ

или непосредственно самимъ Дружескимъ Обществомъ и Типографическою Компаніею или подъ ихъ вліяніемъ. Правда, ббльшая часть сочиненій приведены у Сопикова, но этого весьма недостаточно. Сопиковъ представляетъ одно заглавіе съ обозначеніемъ мѣста и времени печатанія, и только въ немногихъ случаяхъ дѣлаетъ извлеченіе изъ самыхъ книгъ (напримѣръ Духовный рыцарь). Важно отдѣлить книги, изданныя подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Новиковскаго общества отъ всѣхъ остальныхъ, сгруппировать первыя по родамъ, обозначить переводныя и оригинальныя, показать общее ихъ направленіе и взаимную связь, а также и происхожденіе замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ. Иногда простой и даже поверхностный пересмотръ можетъ повести къ довольно-любопытнымъ объясненіямъ. Возьмемъ для примѣра одну изъ книгъ, отобранныхъ у Новикова въ 1786 году, которой заглавіе не вѣрно приведено въ статьѣ Г. Лонгинова: *Карманная книжка для В... К... и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія, и 2) поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени. Въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1783 года;* — сравнимъ ее съ книгой, вышедшею изъ той же типографіи, три года спустя, именно въ самый годъ осмотра книжной лавки Новикова: *Книга премудрости и добродѣтели или состояніе челоувческой жизни. Индѣйское правоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на російскій языкъ переведенное В. П. (Василіемъ Подшиваловымъ), Москва, въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1786 года.* 3 части, и — мы убѣдимся въ полномъ сходствѣ цѣлыхъ страницъ въ обѣихъ книгахъ. Достаточно сличить 72—76 страницы первой съ 35—37 первой части втораго сочиненія. Этимъ сближеніемъ объясняется способъ составленія *Карманной книжки*. У букинистовъ среди разнаго хлама попадаетъ иногда маленькая брошюрка, всего въ 16 страницъ, подъ заглавіемъ: *Catéchisme moral pour les vrais F. M. (Francs-Maçons)*. 5790. Это не что иное какъ переводъ масонскаго катихизиса, составленнаго И. В. Лопухинымъ и помѣщеннаго черезъ годъ (5791) въ оригиналѣ при его же сочиненіи *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости*. Переводъ появился въ Россіи прежде оригинала. Лопухинъ напечаталъ его по-французски въ типографіи компаніи, отдалъ знакомому книгопродавцу и выдалъ за новую книгу, полученную изъ чужихъ краевъ. Истина относительно происхож-

денія Catéchisme morale была извѣстна, по словамъ Лопухина, трюмъ изъ его короткихъ друзей. Библиографическія замѣчанія могутъ представить нѣсколько указаній на судьбы различныхъ ложъ. Московское общество Новикова подвергалось стѣсненіямъ уже съ 1786 года. Въ апрѣлѣ 1792 г. Новиковъ былъ взятъ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, а князь Трубецкой, И. Тургеневъ и И. Лопухинъ были допрошены княземъ Прозоровскимъ по особеннымъ пунктамъ, присланнымъ изъ С.-Петербурга, и были наказаны ссылкой въ ихъ деревни. Между тѣмъ въ продолженіи этого времени нѣмецкія ложи въ самомъ Петербургѣ дѣйствуютъ свободно, по крайней мѣрѣ печатаютъ свои книги, выставляя открыто годъ и мѣсто печатанія. Такъ напечатаны: *Freymaurerlieder zum Gebrauch einiger g. u. v. Logen. St. Petersburg. 1789.* 48 стр. мал. форм., и *Freymaurerlieder zum Gebrauch der E. Loge Verschwiegenheit in St. Petersburg. 1792.* 96 стр. м: ф. Въ послѣднемъ сборникѣ, заключительная кантата оканчивается хоромъ въ честь императрицы:

Ertöne Freude in heil'gen Chören,
Ertöne laut voll Liebe und Dank!
Heil Dir, Catharina! die wir verehren,
Dein Ruhm sey unser Lobgesang.

Чрезвычайно важны указанія на провинціальную литературу, находившуюся подъ вліяніемъ Новиковскаго общества. Собираніе матеріаловъ на самыхъ мѣстахъ тѣмъ болѣе необходимо, что у Сопикова, очевидно, не внесены въ каталогъ нѣкоторыя изъ провинціальныхъ изданій, въ настоящее время еще болѣе рѣдкія, чѣмъ книги, конфискованныя въ 1786 году въ лавкѣ Новикова.

4) Кромѣ печатныхъ книгъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, существуетъ цѣлая рукописная литература, еще почти не тронутая изслѣдователями. Мистическія рукописи XVIII и начала XIX столѣтія исчезаютъ изъ оборота еще скорѣе, чѣмъ печатныя книги. Не обращая на себя вниманія любителей и торговцевъ памятниками древней русской письменности, мистическія сочиненія отталкиваютъ отъ себя странными названіями, мало-понятнымъ языкомъ, формулами, и безъ сожалѣнія истребляются владѣльцами. Между тѣмъ рукописная литература — необходимое основаніе печатной; въ первой очень часто встрѣчаются произведенія, не успѣвшія или не могшія сдѣлаться достояніемъ послѣдней, и въ томъ числѣ нѣкоторыя весьма любопытныя. Не говоримъ о переписываніи уже съ печатнаго или о такихъ руко-

писяхъ, какъ *Гермеса Трисмегиста познаніе естества и открывающагося въ немъ великаго Бога*, въ 17 книгахъ содержащееся и пр., сочинено *Алевофиломъ*, или: *Совершенное понятіе о Гермесовой философiи, или сокращеніе умозрительности и дѣятельности камня философскаго* и т. д.; гораздо важнѣе переводы и извлеченія изъ нѣмецкихъ и англійскихъ мистиковъ и теософовъ. Болѣе всего встрѣчаются переводы изъ Якова Бема, его комментатора Пордеджа (Pordage), изъ Тайлера. Въ рукописныхъ же сборникахъ попадаются нерѣдко пѣсни, пѣвшіяся въ собраніяхъ мистиковъ, стихотворенія, а также и сочиненія такого рода, какъ *Матеріалы для каменщиковъ*. (*Введеніе. Часть I. Орденъ. Что онъ былъ? что есть? что быть можетъ? Часть II. Работа надъ дикимъ камнемъ. Часть III. Успокоеніе.*) Полный обзоръ рукописной и печатной литературы мистическаго содержанія необходимъ для составленія сколько-нибудь яснаго понятія о характерѣ дѣятельности и средствъ Новиковскаго общества, и г. Лонгиновъ, обращаясь къ читателямъ съ просьбою о доставленіи матеріаловъ, кажется, напрасно не обозначилъ точнѣе, какого рода матеріалы онъ желалъ бы имѣть въ рукахъ. Разумѣется, всего приличнѣе было бы помѣщать библиографическія указанія, по необходимости отрывочныя, въ особомъ сборникѣ или журналѣ русской библиографіи, котораго недостатокъ начинаетъ сильно чувствоваться въ наше время (1).

(1) Библиографическіе поиски могутъ повести къ открытію новыхъ литературныхъ данныхъ. Не знаю, извѣстенъ ли библиографамъ слѣдующій сборникъ, относящійся впрочемъ уже къ позднѣйшему времени: *Hymnes et cantiques pour la R. □ des Amis Réunis à l'O. de St.-Petersbourg à Jérusalem l'an 5810 (1810) de L. V. L.* Съ нотами, 56 стран. Здѣсь мы находимъ три французскія пѣсни брата Пушкина. Приведемъ ихъ:

№ 1. Paroles du F. Pouschkin. Musique du F. Boieldieu.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des Cieux (Dieux), viens nous unir;
Oui, pour toi le maçon fidèle
Chérit la vie et sait mourir.

Dans cet azile du vrai bonheur,
Séjour tranquille de la candeur,
De l'indigence séchons les pleurs,
La bienfaisance touche les coeurs.
C'est l'imposture qu'il faut haïr,
L'amitié pure est plaisir.

Статья г. Лонгинова «Новиковъ и Шварцъ» представляетъ очень много интереса по новымъ свѣдѣніямъ, въ ней заключающимся. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался нѣкоторыми матеріалами, и оттого въ его сочиненіи замѣтна неполнота и встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ началѣ статьи онъ говоритъ, что рѣшился сгруппировать имѣющіеся у него неизданные документы съ опубликованными уже матеріалами, и что потому въ предлагаемой статьѣ найдется много такого, что уже было напечатано. (Р. В. № 19. стр. 540.) Авторъ надѣется, что такая перепечатка не будетъ излишнею. Разумѣется нѣтъ; но онъ воспользовался не всѣмъ, что было напечатано. Такъ, говоря объ отношеніяхъ Новикова къ Карамзину, онъ могъ бы представить хотя извлеченія изъ двухъ писемъ Новикова къ знаменитому историографу, тѣмъ болѣе, что въ этихъ письмахъ довольно ясно выражается взглядъ Новикова на нѣкоторые предметы, между прочимъ на современные успѣхи наукъ математическихъ и естественныхъ. Г. Лонгиновъ ограничился однимъ упоминаніемъ о существованіи переписки. Для полнаго знакомства съ отношеніями Н. И. Новикова къ Карамзину чрезвычайно важень еще одинъ документъ. Въ немъ заключаются и нѣкоторыя объясненія о дѣйствіяхъ Новиковскаго общества и главнѣйшихъ противъ него обвиненіяхъ. Эти объясненія совершенно согласны съ раз-

№ 3. Paroles du F. Pouschkin. Musique du F. Cavos.

Servir, adorer sa Patrie,
C'est devoir d'un bon maçon,
Sans la vertu, sans la raison
Pour lui nul plaisir dans la vie.

Zèle ardent pour son souverain,
Son bienfaiteur, son père tendre,
Lui fait répéter ce refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

De notre maitre Vénéralé
Nous suivons les doctes leçons;
Dans ses discours, dans ses chansons
La sagesse parait aimable.

Zèle ardent pour son souverain
Régne toujours dans son coeur,
Heureux, il chante son refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

L'on dit souvent qu'on ne voit guères
Dans ce siècle de vrais amis.

казомъ друга Новикова И. В. Лопухина. Мы говоримъ о запискѣ, составленной Н. М. Карамзинымъ 20 дек. 1818 года для того, чтобы напомнить о печальномъ состояніи семейства Новикова. Приведемъ ее вполнѣ для тѣхъ, кому она еще неизвѣстна.

«Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлю нравственной; издалъ многія полезныя творенія, напр. *Древнюю Россійскую Вивліювику*, *Дѣтское Чтеніе*, разныя экономическія, учебныя книги. Императрица Екатерина II одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его (*Живописецъ*) напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера ея. Около 1785 г. онъ вошелъ въ связь по масонству съ берлинскими теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ-называемыхъ *мартинистовъ*, которые были (или суть) не что иное, какъ *христіанскіе мистики*: толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость и пр., но требовали истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ государю. Ихъ общество подъ именемъ *масонства* распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; отеры-

Parmi nous lorsqu'on est admis,
Le coeur est bien sûr du contraire.

Gloire à jamais au souverain
Pour le bien qu'il aime à répandre.
Chantons toujours notre refrain:
Vivons, mourons pour Alexandre.

Третье стихотвореніе брата Пушкина составляетъ заключеніе № 2.
Paroles du F.: Dalmas, musique du F.: Cavo. Это pour la santé du V.:

De cette loge respectable
Où la vertu fait son séjour,
Vive à jamais le Vénérable,
Il a des droits à notre amour.

Parmi nous dans ce jour prospère
Tout bon maçon doit être admis
Et que chacun dise à son frère:
Vivent les amis réunis.

F. Pouschkin одно ли лицо съ В. Л. Пушкинымъ, котораго французское стихотвореніе недавно помѣщено въ «Сборникъ» петербургскихъ студентовъ, предоставляемъ рѣшить библиографамъ.

вались *ложж*; выходили книги масонскія, мистическія, исполненныя загадками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое ежидневіе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ университетахъ, вообще употребляли не малыя суммы на благотвореніе.

«Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ сего общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала комедіи, чтобъ осмѣивать оное, послѣ запретила *ложж*, но зная, что масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала и велѣла московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ея подозрѣніе:

«1) Одинъ изъ мартинистовъ или теософическихъ мистиковъ, славный архитекторъ Баженовъ писалъ изъ С. Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостоившись въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя.

«2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и, по любви къ благотѣяніямъ, въ сей годъ разорился.

«3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной неприязни съ берлинскимъ.

«Син случаи, французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова. Его взяли въ Тайную Канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлюссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ, вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ: ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то-есть всѣ мистическія).

«Были тайные допросы и другимъ главнымъ московскимъ мистикамъ; двухъ изъ нихъ сослали въ ихъ деревни, третьяго (И. В. Лопухина), который отвѣчалъ смѣлѣе своихъ товарищей, оставили въ Москвѣ на свободѣ. Императоръ Павелъ въ самый первый день своего восшествія на престолъ освободилъ Новикова,

сидѣвшаго около 4-хъ лѣтъ въ душной темницѣ, призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, обѣщалъ ему свою милость, какъ невинному страдальцу, и приказалъ возвратить конфискованное имѣніе, то-есть остальные, несожженные книги.

«Заключимъ: Новиковъ, какъ гражданинъ, полезною своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія, извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастье его дѣтей подають случай государю милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему. С. Петербургъ 10-го декабря 1818 года.»

Разказъ И. В. Лопухина съ нѣкоторыми измѣненіями вполне подтверждаетъ записку Н. М. Карамзина. Всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ Лопухину кн. Прозоровскимъ, было 18. Вотъ что говоритъ онъ объ нихъ: «Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было... о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу особою и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ берлинскими членами подобнаго общества, въ то время, когда мы знали, что между російскимъ и прусскимъ дворами была холодность.» «Прочіе вопросы сочинены были... только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.» Отвѣта своего на первый вопросъ Лопухинъ не приводитъ, говоря только слѣдующее: «Написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы.» Объ отношеніяхъ къ герцогу брауншвейгскому Лопухинъ отозвался: «что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда Титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ: а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.» На 3 вопросъ отвѣтъ былъ тотъ, что въ перепискѣ съ берлинскими членами никогда не было ни слова о политикѣ, и что самая переписка была прекращена при извѣстіи о холодности между русскимъ и прусскимъ дворами.

Знакомство съ записками Н. В. Лопухина было бы полезно

г. Лонгинову для повѣрки извѣстій, полученныхъ имъ изъ другихъ источниковъ. Такъ на стр. 572, основываясь на словарѣ Бантыша-Каменскаго, г. Лонгиновъ разказываетъ, что Новикова послѣ ареста въ Москвѣ привезли въ Петербургъ, и черезъ три недѣли онъ былъ на пятнадцать лѣтъ посаженъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. Лопухинъ говоритъ иное: «Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлюссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ кн. Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была нѣкогда масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались. Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ, а извѣстный Шишковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлюссельбургъ.»

Вообще изъ записокъ Лопухина можно извлечь многое для объясненія дѣятельности Новиковскаго общества, а главное познаться съ направлениемъ и духомъ его членовъ, между которыми авторъ *Записокъ* занималъ видное мѣсто. Основательная біографія Ивана Владиміровича Лопухина была бы важнымъ приобращеніемъ для исторіи русской гражданственности.

Говоря объ основаніи Дружескаго ученаго общества, г. Лонгиновъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Петрѣ Алексѣевичѣ Татищевѣ. Представимъ одно дополнительное свидѣніе. Въ 1785 въ Дессау вышла книга съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Freymäurer-Bibliothek; drittes Stück, Dessau, 1785, Auf Kosten der Verlagskasse für Gelehrte und Künstler, und zu finden in der Buchhandlung der Gelehrten*; 256 нумеровъ и 16 нумер. страницъ. Она посвящена *Dem Hochwohlgebornen Herrn Peter Alexewitsch von Tatischtschew, Obermeister der Loge zu den drey Fahnen in Moskau*. Одно изъ безчисленныхъ произведеній тогдашней мистико-масонской литературы, книга эта мало можетъ интересовать насъ своимъ содержаніемъ. Замѣтимъ только, что въ II отдѣленіи ея помѣщено *Beschreibung eines mystischen Gemäldes aus dem Sophienkloster in Kiew*. S. 61—64. Для насъ важно только посвященіе ея Татищеву, открывающее его положеніе въ масонскомъ московскомъ обществѣ и нѣсколько строкъ отъ издателя въ этомъ посвященіи, написанныя въ Берлинѣ 1 декабря 1784 г.

Эти строки касаются Новиковскаго общества и показываютъ его сношенія съ берлинскими масонами.

Приводимъ ихъ въ подлинникъ: «Sie, hochgeschätzter *Ordensbruder*, haben mit ausgezeichneten Beeiferungen im November 1782 die Stiftung einer Gesellschaft gelehrter Freunde in Moskau befördert, deren edle Absicht auf Verfeinerung der Sitten und Ausbreitung der Wissenschaften gerichtet ist. Dies verkündiget das mir mitgetheilte damalige Einladungs-Programm. Müssige Stunden auf eine lehrreiche und angenehme Art anzuwenden, wovon Scipio der Afrikanische ein Muster darstellt; Männer und Freunde, verschieden an Alter, an Lebensart, an Geschäften und Glücksgütern, gemeinschaftlich zum allgemeinen Wohl zu verbinden; unentwickelte Naturtalente anzufeuern; Kenntnisse in der Gelehrtensprache, in den Alterthümern, in der Natur, die den klugen nicht selbstüchtigen Forschern so viele verborgene Schätze aufschliesst, zu erweitern; in besondern philologischen Pflanzschulen für den Unterhalt und Unterricht hilfloser Jünglinge zu sorgen; daraus künftige Nationallehrer zu ziehen; und zu solchem Zweck sie zur wirksamen Tugend und ihre Gemüther zur Gottesfurcht und Nächstenliebe zeitig zu bilden, überhaupt aber den Geist des Vaterlandes nach und nach durch wohlgeählte Lehrbücher aufzuklären; wer kann hier die Vortrefflichkeit und Gemeinnützlichkeit solchen Instituts verkennen! Der fruchtbare Segen müsse dreifach auf diese Wohlthäter der Menschen ruhen, und mancher deutscher Staat, der weit mindere Hindernisse zu überwinden, und weit mehrere Vorbereitungsmitel in Händen hat, möge daran ein Beyspiel zur Nachahmung nehmen.

«Aus Gesellschaften dieser Art, worin mit aufrichtiger unverlarvter Theilnehmung die jüngern Mitglieder aus den Lehren und Erfahrungen der ältern ihren Lebenswandel formen können, und wo nicht bloss der Gelehrte, sondern auch der rechtschaffene Weltbürger spricht; aus solchen, sag' ich können auch für den Orden thätige Menschenfreunde hervorkeimen. Diese Zöglinge der Weisheit schwören einst zu seiner Gesetzesfahne, und waffnen sich wider die Anfälle des Unglaubens» (1).

(1) Высокоуважаемый братъ по ордену! Вы съ такою замѣчательною ревностію содѣйствовали въ ноябрѣ 1782 года основанію въ Москвѣ общества ученыхъ друзей, имѣющаго своею высокою цѣлю облагороженіе нравовъ и распространеніе знаній. Я узналъ объ этомъ изъ пригласительной программы, написанной по сему случаю, которая сообщена

Мы знаемъ, въ боѣ или менѣе общихъ чертахъ, предметы, на которые устремлялась внѣшняя дѣятельность Новиковскаго общества. Это была: частная благотворительность, устройство больницы, аптекъ, заведеніе школъ и типографій, изданіе и распространіе учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, покровительство литературныхъ трудовъ, образованіе наставниковъ и т. п. Гораздо труднѣе составить себѣ ясное понятіе о самой основѣ, изъ которой вытекала благотворительная дѣятельность общества, т. е. о сущности философскихъ и нравственно-религіозныхъ убѣжденій, во имя которыхъ соединялись и дѣйствовали его члены. Были ли это тѣ же самыя убѣжденія и вѣрованія, какія мы находимъ у западно-европейскихъ, преимущественно германскихъ обществъ, съ которыми находилось въ частныхъ сношеніяхъ московское, или оно, заимствуя внѣшнюю оболочку мысли и часто самую мысль отъ западныхъ собратій, расходилось однакоже въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Рѣшить этотъ вопросъ при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній невозможно. Трудно даже въ общихъ чертахъ обозначить догму мистическихъ убѣжденій московскаго и другихъ русскихъ обществъ. Справедливо замѣчаетъ г. Лонгиновъ (стр. 570), что подозрѣніями правительство много способствовало «существованію какой-то тайны иносказаній, облакавшихъ, по самому ихъ основанію и существу, ученіе и труды мистиковъ и теософовъ. Кромѣ того должно сказать, что далеко не всѣ масонскія ложи оставались вѣрны своему первоначаль-

также мнѣ. Если (какъ говоритъ программа) цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы найти пріятное и поучительное занятіе для праздныхъ часовъ, по образцу, показанному Сципіономъ Африканскимъ; соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни; не давать заглухнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности; содѣйствовать распространенію знаній въ латинскомъ языкѣ, также знакомству съ древностями, съ природою, которая въ нѣдрахъ своихъ бережетъ такъ много сокровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслию; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они, сверхъ образованія, могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣлю приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общепользующей дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ вообще способствовать, посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ: кто въ такомъ случаѣ станетъ отрицать превосходство и обще-

ному направленію. Пустое любопытство и мода завлекли въ европейскія ложи множество людей, діаметрально противоположныхъ религіозному и нравственному направленію братства; когда число такихъ посвященныхъ увеличилось, то конечно направленіе многихъ ложъ было извращено, и хотя онѣ не признавались за истинныя людьми, которые остались вѣрны своимъ началамъ, хотя въ испорченныхъ ложахъ были члены, едва познакомившіеся съ ученіемъ, но члены эти возвѣщали себя безъ всякаго права истинными масонами, подавая собою примѣры, невыгодныя для этого учрежденія въ глазахъ людей, незнакомыхъ близко съ дѣломъ.»

Этою оболочкою тайны и иносказаній объясняются странныя и несправедливыя обвиненія, сыпавшіяся на Общество и въ западной Европѣ и у насъ. Насмѣшки, которыми преслѣдовала масоновъ Екатерина II и въ разговорахъ и въ особу для этой цѣли написанныхъ сочиненіяхъ, весьма понятны. Ея по преимуществу разсудочному уму свойственнѣе было скорѣе увлечься ученіями энциклопедистовъ, нежели неопредѣленными, таинственными стремленіями мистиковъ. Но если и она не могла или не хотѣла отдѣлать высоко-нравственныхъ тенденцій Новикова съ товарищами отъ ихъ теософскихъ и мистическихъ мечтаній и отъ странныхъ обрядовыхъ формъ, то въ глазахъ полуобразованнаго или совершенно необразованнаго большинства внѣшняя обстановка и странныя обряды масонскихъ ложъ получали нелѣпое и ненавистное толкованіе, и подавали поводъ къ самымъ несправедливымъ обвиненіямъ. Самые дикіе слухи принимались иногда

полезность подобнаго учрежденія! Благословеніе небесъ да низойдетъ трижды на этихъ благодѣтелей человѣчества, и пусть они послужатъ примѣромъ для многихъ нѣмецкихъ государствъ, которымъ предстоитъ гораздо меньше препятствій для той же самой цѣли, между тѣмъ какъ они располагаютъ несравненно большимъ количествомъ приготовительныхъ средствъ для ея достиженія. — Подобныя общества, въ которыхъ молодые сочлены, отъ которыхъ требуется лишь добровольное, искреннее участіе въ нихъ, нечувствительно запасаются правилами на цѣлую жизнь, пользуясь только уроками и опытами старшихъ, и гдѣ не только ученый, но и всякій благонамѣренный человѣкъ имѣетъ право возвысить свой голосъ, такія общества, говорю я, могутъ образовать дѣятельныхъ сподвижниковъ, въ качествѣ друзей человѣчества, и для самаго ордена. Современемъ эти питомцы мудрости также станутъ въ ряды его подъ знамя орденаго закона и съ оружіемъ въ рукахъ пойдутъ поборать невѣріе!

съ полною довѣрчивостію. Полный сводъ такихъ обвиненій представляется въ длинномъ стихотвореніи: *Изъясненіе нѣскольکو извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*. Приведемъ нѣскольکو отрывковъ:

Проявились недавно въ Русіи франкъ-масоны
И творятъ почти явно демонскіи законы,
Нудятся коварно плестъ различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привести отъ Христовы вѣры.

Вотъ обряды принятія въ общество:

Къ начальнику своего общества привозятъ.
Потомъ въ темны отъ него покои завозятъ,
Гдѣ хотя въ сей сектѣ быть терпѣть разны страсти,
Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.
Выбѣгаютъ отвсюду, рвутъ тѣло щипцами,
Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ,
Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ.
А изъ сего собору въ яму весьма темну
Приводятъ ихъ, въ камору ужъ подземну,
Гдѣ солнечнаго свѣта не видно ни мало;
Вся трауромъ одѣта какъ мертвымъ пристало.
Тамъ свѣчи зажженныя страха умножаютъ,
Въ гробъ положенныя кости представляютъ.
Встая изъ гроба, кости берутъ ножъ рукою
И стаканъ полонъ злости пріемлютъ другою,
Проколовъ сердце, мертвецъ стаканъ представляетъ,
Наполня кровью, какъ жрецъ до дна выпиваетъ,

и проч. въ этомъ же родѣ. Описавши испытанія, которымъ подвергался желавшій поступить въ общество, авторъ опредѣляетъ и самое значеніе франкъ-масона.

Что же значить такое масонъ по-французски?
Не иное что другое, вольный каменщикъ по-русски.
Каменьщикомъ зватьса вамъ масоны прилично:
Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
Въ коемъ антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устраяете и въ немъ берете надежду
Всякія утѣхи въ немъ получить одежду.

Затѣмъ описавъ собранія и пиры масоновъ, въ которыхъ участвуютъ мушцины и дамы, и которые оканчиваются гнусною оргіей, авторъ грозитъ беззаконникамъ казню въ вѣчности:

Православныхъ христіанъ мните всѣхъ прельстити,
Чрезъ коварство поймавъ, къ бѣсу уловити,

Не возможетъ желанно обрѣстися вами,
Идите, мѣсто пространно наполните сами.
Хорошее мѣсто тамъ, и первыя ложи
Отведены будутъ вамъ, о масонскія рожи.
Играйте комедію теперъ пока живы,
Играть вамъ трагедію вѣчно несчастливы...

Въ заключеніе авторъ указываетъ на невозможность или крайнюю опасность выхода изъ масонства. Въ обществѣ остается портретъ каждаго члена, и черезъ него отступникъ подвергается неизбѣжной гибели:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,
Которые отъ сея вѣры отстать пожелали,
Но изъ оныхъ никого въ живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;
Витъ стоитъ смерть въ его и живомъ портретѣ,
Который лишь поранятъ пулей изъ пистолета,
Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Это стихотвореніе относится къ самому первому появленію у насъ масонскихъ ложъ, точно такъ же какъ и другое сатирическое, подъ заглавіемъ: *Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ*, начинающееся такъ:

Полны жи ваши законы
Оказались, франкъ-масоны;
Въ томъ тайность ваша есть
Счетъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть; и т. д.

Въ сборникѣ, изъ котораго заимствованы эти оба стихотворенія, непосредственно за окончаніемъ втораго, тою же рукою сдѣлана замѣтка, что они переписаны 12 ноября 1765 г. съ присланнаго отъ полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка, Григорія Андр. Безпалова. Слѣдовательно это было за 9 лѣтъ до принятія Н. Новикова въ Великую Провинціальную Ложу или въ Общество Елагинской системы.

Должно сознаться, что не только обрядовая внѣшность собраній, но и самая форма изложенія мистическихъ ученій подавали поводъ къ подозрѣніямъ и толкованіямъ всякаго рода. Во многихъ сочиненіяхъ, выходявшихъ подъ покровительствомъ Новиковскаго общества, мистическія формулы совершенно почти скрываютъ мысль сочинителей, дѣлаютъ ее какою-то неразрѣшимой загадкой. Мы можемъ отчасти понимать нравственное направленіе, но самое ученіе догмы остается до сихъ поръ очень неопредѣленнымъ. Г. Лонгиновъ указываетъ на сочиненіе Лопухина: *Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости*. «Изъ него, гово-

рять онъ, можно заключить, что ученіе Новикова и его друзей, хотя и сохранило многое изъ обрядовъ и основаній масонства и мартинизма, но отдѣлило отъ себя все то, что унижало и извращало это ученіе въ обыкновенныхъ ложахъ (Р. В. 582). Выводъ можетъ-быть вѣренъ, но указаніе, смѣемъ думать, произвольно. Въ *Духовномъ Рыцарѣ* менѣе чѣмъ во многихъ другихъ сочиненіяхъ, выходящихъ изъ типографій Новиковскаго общества, можно видѣть характеристическія особенности его ученія. Несравненно болѣе данныхъ для опредѣленія направленія и духа ученія представляютъ, напримѣръ, уже одни письма Новикова къ Карамзину. *Духовный Рыцарь* написанъ Лопухинимъ, по его словамъ, для того чтобы представить главные пункты *герметической науки*, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія чловѣка, и начала самопознанія и глубокой морали. Должно сознаться, это изложеніе герметической науки не много прибавляетъ къ нашимъ о ней свѣдѣніямъ. Изъ него видно только, что общество, органомъ котораго былъ въ этомъ случаѣ Лопухинъ, вполне раздѣляло теософическія и есургическія мечтанія записныхъ мистиковъ. Несравненно важнѣе общія правила, которыя долженъ подписать и клятвенно обѣщаться исполнять каждый *Духовный Рыцарь* при своемъ поступленіи. Вотъ они:

«1) Примѣрное упражненіе въ страхѣ Божиѣмъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ.

«2) Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливою обязанностію охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣроподданнмъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому блага и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

«3) Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своея религіи. NB. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ *общество рыцарей, ищущихъ премудрости*.

«4) Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

«5) Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства; и стараться искоренять ее всѣми искус-

ными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

«6) Стараться вообще распространять благоваріе и дѣлами и словами и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

«7) Еслибы при всей благонамѣренности учрежденія *рыцарей, ищущихъ премудрости*, верховной монаршей волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія его.» (*Дух. Рыц.* стр. 3 и 4.)

Извѣстенъ поводъ къ составленію катихизиса, приложеннаго къ *Духовному Рыцарю*. Желаніе защитить себя отъ различныхъ обвиненій, показать нравственную чистоту ученія и оградить отъ упрековъ въ совершенномъ согласіи со всѣми обществами, прикрывавшимися однимъ и тѣмъ же именемъ масоновъ, было постоянною заботою Новиковскаго общества. *Катихизисъ* былъ однимъ изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Но онъ слишкомъ кратокъ, мораль его слишкомъ обща, и изъ него еще нельзя составить себѣ отчетливаго понятія о самой сущности убѣжденій друзей Новикова. Несравненно полнѣе раскрывается она въ другихъ переводныхъ или оригинальныхъ сочиненіяхъ, распространявшихся членами Типографической Компаніи. Изъ первыхъ укажемъ, какъ на особенно важныя на *Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ, свободнымъ каменщикамъ древней системы*... Оно было, кажется, напечатано въ 90 годахъ, хотя мы и не могли отыскать его у Сопикова. Въ рукописяхъ же появляется уже съ 1785 года. Изъ оригинальныхъ укажемъ на сочиненіе Лопухина: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гнѣбл, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіянина*. Спб. 1798 (второе изданіе Спб. 1802 перев. на французскій, латинскій и нѣмецкій языки). Не имѣя подъ руками печатнаго изданія, приведемъ нѣкоторыя мѣста по рукописи, принадлежавшей одному изъ друзей Новикова.

Въ IV статьѣ: *о церкви антихристовой*, Лопухинъ указываетъ на ея главнѣйшихъ членовъ: сюда принадлежатъ «духовные сластолюбцы, прилежащіе къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему, въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ про-

долженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ букввахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины, и въ магнетизмѣ ономъ, который можетъ учиниться лучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для какоматіи. Изъ числа духовныхъ сихъ сластолюбцевъ также бываютъ учредители сектъ, основанныхъ на ложномъ свѣтѣ естественнаго разума и бродящихъ по букввамъ, имѣющимъ видъ таинственности, подобно явившейся недавно въ Англіи подъ именемъ новой церкви іерусалимской. Также отъ сего ядовитаго корня произошли многія вѣтви ложнаго масонства.» Вооружаясь противъ упражненій въ букввахъ теософіи, кабалы, алхиміи и т. п., Лопухинъ и его товарищи не думали однакоже отказываться отъ занятія этими науками, они лишь воображали, что упражняются не въ букввахъ только, но въ самой сущности. Въ этомъ же сочиненіи Лопухинъ придаетъ огромное значеніе истинной химіи для высшаго просвѣтленія человѣка. Какъ мало впрочемъ могла эта химія имѣть притязаній на званіе истинной, это ясно для каждаго, прочитавшаго хотя одно изъ мистическихъ сочиненій, выходявшихъ изъ типографій Общества, или письма Новикова къ Карамзину. Химія и вообще познаніе природы у мистиковъ не имѣли ничего общаго съ современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ и были чужды всякимъ строго-научнымъ основаніямъ.

Въ V статьѣ: *о знакахъ истиннаго ордена церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ихъ Иисуса Христа*, Лопухинъ, пересматривая одинъ за другимъ всѣ признаки, которые могли бы служить отличительною особенностію ордена, какъ-то: вѣру, силу молитвы, постъ и т. д., останавливается на одномъ, по его мнѣнію, исключительномъ источникѣ всей дѣятельности истинныхъ членовъ. Этотъ признакъ: любовь. «Николи же отпадающая любовь сія, не ищущая своихъ, есть вѣрный знакъ возрожденія... Любовь есть душа новаго возраждающагося внутренняго тѣла, по мѣрѣ возраста его являющаяся. Тѣло же сіе можетъ соблюдаться и возрастать только въ совлекающемся ветхаго, наружнаго человѣка. Къ таинственному умерщвленію сего грѣховнаго человѣка, коренное средство есть глубокое самоотверженіе, которому наконецъ пособіемъ духа любви долженствуетъ послѣдовать отверженіе, такъ сказать, самага онаго самоотверженія... Собственность есть гнѣздо грѣха, магнитъ, привлекающій родившаго ее, и главное его орудіе.» Послѣднія слова прямо указываютъ на вліяніе сочиненій Сенъ-Мартена. За любовью слѣдуютъ другіе отличительные признаки: «Познаніе свѣта тайныя философіи,

открывающаго первое то вещество, нетлѣнную ту персть, изъ коея все сотворено; вѣдѣніе сокровеннѣйшаго дѣйствія вся сотворшія и творящія силы въ самомъ первомъ ея облаченіи семъ (вегикулѣ) и различныхъ его откровеній и рожденій въ твореніи, или обладаніе камнемъ мудрыхъ, составляетъ прямое качество истиннаго каменьщика и члена *сокровеннаго* училища мудрыхъ.» Здѣсь то же ученіе С.-Мартена и германскихъ мистиковъ, а въ письмѣ Новикова къ Карамзину, мы встрѣчаемся съ восторженною похвалою Пореджа, а слѣдовательно и Якова Бема, и такимъ образомъ опять теряемъ возможность опредѣлить отличіе вѣрованій Новиковскаго общества отъ общихъ вѣрованій всѣхъ мистическихъ обществъ Европы. Были ли впрочемъ приведены въ строгую систему мистическія убѣжденія общества?.. По самому свойству ихъ, едва ли было это возможно. Самая цѣль общества оставляла новый просторъ всѣмъ болѣе или менѣе спиритуалистическимъ стремленіямъ, не исключая ни одного изъ нихъ. Она сама могла быть понимаема и дѣйствительно была понимаема различно членами одного и того же общества. Извлекаемъ изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго одному изъ провинціальныхъ послѣдователей Новикова, слѣдующее разсужденіе о цѣляхъ ордена.

«Мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ отбѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многообразную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высочайшемъ благѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельными, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-по-малу соединять добрыхъ людей болѣе и болѣе всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждого особенно, но служилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами, даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія, дѣлать въ мірѣ добра болѣе того, что бы они могли сдѣлать порознь.

«Другіе думаютъ, что сіе конечно составляетъ одну цѣль, и ту, при которой ббльшая часть братій остается; да сія же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію ббльшаго; но сіе большее есть глубокое испытаніе натуры вещей, и черезъ то пріобрѣтаемая сила и власть къ исправленію людей, врачебная наука, обновленіе тѣла, превращеніе метал-

лювъ и правленіе невидимаго божественнаго царства. Что сіи идеи не недавно вошли въ голову братьямъ, показываетъ Локковъ фрагментъ...

«Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростію; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделеннѣйшее счастье, и котораго слѣдствіемъ будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели.

«Другіе напротивъ того сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ вышнюю натурою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть средствъ, доводящихъ насъ до сего сообщенія съ вышнюю.

«Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность, и думаютъ, что распространеніе челоуколюбія, нравственности и общественности, радостное мудрое наслажденіе жизнью и спокойное ожиданіе смерти, есть истинная, удобная къ достиженію цѣль. Мораль и религія стараются произвести сіе средствами важными, а орденъ подъ завѣсою удовольственныхъ занятій.

«Но вообще мнѣнія братій различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости*, и сообщеніе съ сими высокими, истинными главами ордена даромъ Провидѣнія, для пріятія коего конечно надлежитъ имъ работать. Другіе же принимаютъ цѣль ордена *за не совершившееся еще намъпреніе*, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и которое, можетъ-быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ.

«Хотя бы и не могло быть во всемъ томъ ничего истиннаго, мы между тѣмъ отличаемъ степень, къ которой Провидѣніе опредѣлило здѣсь каждаго брата особенно, отъ той высшей степени, до которой можетъ достигнуть истинный каменьщикъ, исполнившій образъ въ дѣлѣ и истинѣ. Отличаемъ отъ обѣихъ всеобщую цѣль ордена и отличаемъ цѣль ордена *въ разсужденіи нынѣшняго времени* отъ той цѣли, которую онъ имѣетъ, яко учрежденіе пребывающее. Отличаемъ наконецъ ограниченнѣйшую цѣль трехъ Іоанновскихъ степеней отъ цѣли цѣлаго ордена.

«Какая есть высочайшая цѣль, до которой челоучество здѣсь достигнуть можетъ, сего кажется опредѣлить и нельзя и не нужно. Самое блистательнѣйшее не кажется не возможнымъ;

но публично говорить о томъ не^ткстати Кто не пойметъ меня, тому покажусь я смѣшнымъ.

«Довольно, что всѣ вообще признають цѣлю приближеніе человѣка къ нѣкоторому образцу совершенства, не говоря, есть ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразование Христа, или тысящелѣтнее царство, или глубокая добромысленная, радостная мудрость; въ семь ли мірѣ то совершается, или уже по ту сторону гроба. Каждый стремись къ совершенству, какъ онъ только умѣетъ, ибо иначе быть сему не можно, по любезнѣйшему образцу своего воображенія. *Мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотя иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться; ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшалось.*» (*Матеріалы для каменьщиковъ. Такъ взоръ мой ищетъ Аркана, дабы имъ нѣкогда достигнуть до чистѣйшаго злата. Востокъ. Часть 1-я. Орденъ. Что онъ былъ? что есть? что быть можетъ?* Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлиннкѣ).

Странныя метафизическія положенія С. Мартена, книга котораго вышла въ русскомъ переводѣ въ 1785 году изъ типографіи Лопухина, вѣроятно подходившія близко своимъ содержаніемъ къ убѣжденіямъ Новиковскаго общества или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчившія имъ, встрѣтили систематическое опроверженіе со стороны цѣлаго общества провинціальныхъ любителей наукъ. (См. *Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истиннѣ. Сочинено особливимъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790 г. Свѣдѣнія о ней въ статьѣ г. Лонгинова, Современникъ, 1857 г., № 4: Библиографическія Записки.*) Появленіе книги Лопухина о внутренней церкви, по показанію его собственныхъ записокъ, было встрѣчено сильнымъ неудовольствіемъ. «Нѣкоторые изъ духовныхъ, говорить Лопухинъ, намѣревались было воздвигнуть на эту книгу гоненіе, но время не благоспріятствовало имъ въ этомъ.» Дѣйствительно книга Лопухина появилась въ печати уже въ царствованіе Павла Петровича, который въ первый уже день своего правленія повелѣлъ освободить Н. И. Новикова изъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. Самъ авторъ, хотя не пользовался уже прежнимъ расположеніемъ государя, но не былъ однакоже въ явной немилости, а напротивъ получилъ при удаленіи отъ двора мѣсто сенатора въ Москвѣ. Но какъ просвѣщенные члены Тульскаго общества были правы, отстаивая истинную науку противъ фантастическихъ и произвольныхъ

мечтаній С. Мартена и его послѣдователей, точно также и духовенство должно было исполниться негодованіемъ противъ сочиненій, порожденныхъ тѣмъ направленіемъ, котораго органомъ явился И. В. Лопухинъ въ книгѣ *о внутренней церкви*, возбудившей такое горячее сочувствіе въ Эккартсгаузенѣ и Штилингѣ. Митрополитъ Платонъ громко высказалъ свое высокое мнѣніе о Новиковѣ. Извѣстно также расположеніе его къ И. В. Лопухину, и однако самъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что митрополитъ Платонъ «очень въ разговорахъ возставалъ противъ ихъ общества». Нравственные качества Новикова, Лопухина и другихъ членовъ Дружескаго Общества и Типографической Компаніи, ихъ глубокое религиозное настроеніе были достаточными ручательствами въ томъ, что они не зайдутъ слишкомъ далеко въ своемъ направленіи; но тѣмъ не менѣе духовенство наше не могло не смотрѣть до нѣкоторой степени непріязненно на распространеніе мистическихъ сочиненій, хотя и не подвергало ихъ такому безусловному осужденію, какъ труды французскихъ энциклопедистовъ.

Воейковъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи *Домъ сумашедшихъ*, говоря о Невзоровѣ, воспитанникѣ Лопухина, переводчикѣ на французскій языкъ сочиненія *О внутренней церкви*, и ревностномъ послѣдователѣ Новиковской школы, съ нѣкоторымъ, хотя и преувеличеннымъ основаніемъ, могъ отозваться о немъ слѣдующимъ образомъ, причемъ, разумѣется, имѣлся въ виду не столько самъ издатель *Друга Юношества*, сколько мистическая школа, къ которой принадлежалъ онъ:

Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ
 Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
 «Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
 «Былъ на мой журналъ расходъ;
 «Пострадала бь горько вѣра:
 «Я вреднѣй чѣмъ Дидеротъ.

Мистическая наука (*истинная химія, высшая мудрость, тайная философія и т. п.*) была лишена духа дѣйствительной науки. Но нельзя не признать за мистическими обществами XVIII вѣка благотворнаго вліянія на современную имъ дѣйствительность. Было, безъ сомнѣнія, много злоупотребленій, какъ было много ложныхъ братій; но дѣятельность лучшихъ представителей этого направленія проникнута тѣмъ чувствомъ любви,

которое ставить Лопухинъ исключительнымъ признакомъ каждого истиннаго члена ордена. Въ наше время дѣятельной любви къ ближнему и къ человѣчеству не нужно скрывать и облекать себя въ странныя формы. Масонскія общества стали вопіющимъ анахронизмомъ или обратились въ пустую форму, лишенную всякаго внутренняго содержанія. Не совсѣмъ таково было ихъ значеніе въ прошломъ вѣкѣ.

XVIII столѣтіе, какъ бы ни велико было его значеніе въ исторіи европейскаго развитія, едва ли не было самою тяжелою порой для народовъ Европы. За немногими исключеніями никогда, быть-можетъ, главныя массы народонаселенія не были въ такомъ полномъ униженіи и невѣжествѣ. Достаточно указать на позорную исторію германскихъ государствъ въ первой половинѣ этого столѣтія, на положеніе низшихъ классовъ во Франціи въ правленіе великолѣпнаго Лудовика XIV, Регента и Лудовика XV, на упадокъ общественной нравственности, на прекращеніе того великаго религіознаго одушевленія, которое, проникая во всѣ слои общества въ XVI и частію въ XVII вѣкахъ, было живительнымъ и движущимъ началомъ европейской исторіи. Самые жизненные вопросы или смолкли, не находя отзыва, или измельчали и потеряли свое значеніе. Даже наука первой половины XVIII столѣтія не имѣетъ того величаваго характера, который отличалъ ее прежде. Только со второй половины этого вѣка начинаютъ появляться проблески свѣта, обѣщавшіе европейскимъ народамъ иное, болѣе утѣшительное будущее. Два направленія, рѣзко противоположныя и враждебныя, дѣйствуютъ для одной и той же цѣли, дружно работаютъ для созданія новаго общества, которое однакоже не оправдало вполнѣ ожиданій ни того ни другаго. Ученіе энциклопедистовъ и мистицизмъ дѣлать между собою, хотя далеко не въ равной степени, участіе въ возбужденіи нравственныхъ и умственныхъ силъ общества XVIII вѣка.

Въ русской литературѣ замѣтно также сильное вліяніе этихъ двухъ направленій, и мистическое едва ли не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ. Во всякомъ случаѣ оно благотворно дѣйствовало на общественную жизнь. Русское общество первой половины XVIII столѣтія меньше всего могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостію и человѣчностію отношеній, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства. Да и откуда было взять ему все это? Ближайшее прошедшее было не таково, чтобы изъ него можно было вынести благотворныя преданія, внѣшнимъ же подражаніемъ Западу

трудно было восполнить ихъ недостатокъ. Политическіе перевороты, со смерти Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II, не могли воспитать въ немъ чувства законности. Эти перевороты открывали только широкій просторъ случайности и произволу, развивали въ общественныхъ дѣятеляхъ предприимчивость, презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій. Лучшіе люди первой половины XVIII вѣка развиты преимущественно умомъ и притомъ его практической стороной. Въ своей тревожной жизни, они закалили въ себѣ волю, изострили ловкую изворотливость, но едва ли успѣли выработать прочныя нравственныя убѣжденія. Въ жизни высшаго общества, рядомъ съ заимствованными, поверхностными формами европейской свѣтлости, сохранялась грубая основа прежняго быта. У писателей иностранцевъ, въ запискахъ русскихъ современниковъ, въ правительственныхъ актахъ, встрѣчаются извѣстія о явленіяхъ, странно ладившихъ съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Варварство публичныхъ казней шло рука объ руку съ деспотизмомъ и грубостію семейной жизни. Общественныя удовольствія удовлетворяли прежде всего грубымъ наклонностямъ. Самая наука мало смягчала нравы. Припомнимъ, какая жесткость замѣтна въ характерѣ лучшаго ея представителя, Ломоносова. На первомъ планѣ повсюду стояла по преимуществу физическая, матеріальная сторона человѣческой природы, въ явный ущербъ духовному и нравственному развитію. Если высшее общество представляло такъ мало гуманныхъ началъ, чего же можно требовать отъ низшихъ классовъ? Большая часть народонаселенія мало почувствовала выгоду отъ сближенія съ образованнымъ міромъ. Европейски-устроенное управленіе давало себя чувствовать низшему классу развѣ лишнею тяжестію. Сельское населеніе, окончательно прикрѣпленное къ землѣ ревизіями, переставъ жить болѣе или менѣе общою жизнію съ остальными сословіями, на время устранено было отъ всякаго участія въ развитіи, замкнулось и законсѣло въ неподвижныхъ формахъ быта, куда не проникало европейское образованіе, и гдѣ однакоже мало было слѣдовъ образованія русскаго. Городскаго сословія не существовало. Въ бытѣ мелкаго и средняго дворянства встрѣчались всѣ степени перехода отъ исключительнаго господства понятій и нравовъ *Домостроя* до безсмысленнаго соединенія тѣхъ же понятій, съ примѣсью подражанія французскимъ и нѣмецкимъ приемамъ и модамъ.

Для такого общества, гдѣ самая наука принималась только въ ея служебномъ, практическомъ примѣненіи, вліяніе мистицизма

должно было принести огромную пользу. Для мистиковъ въ полномъ смыслѣ предстояла работа *надъ дикимъ камнемъ*, какъ выражались масоны. Своею заманчивою таинственностію мистицизмъ скорѣе могъ привлечь къ себѣ, чѣмъ разсудочное скептическое направленіе или строгое воздержаніе науки. Общія такъ много, давая просторъ самымъ исключительнымъ ожиданіямъ, мистицизмъ затрогивалъ всѣ струны человѣческаго сердца, давалъ удовлетвореніе самымъ разнообразнымъ и противоположнымъ требованіямъ, обѣщалъ отвѣты на всѣ вопросы, и въ то же время ставилъ высоко *внутренняго человека* надъ существомъ животнымъ. Сильно дѣйствуя на воображеніе, давая по возможности пищу пытливости ума, всѣ свои силы устремлялъ онъ однакоже на развитіе сердца. Оттого-то у насъ и было велико его нравственное вліяніе.

«Мы работаемъ, говорили мистики на своемъ фигурномъ языкѣ,— мы работаемъ въ трехъ преддворіяхъ и притворѣ.

«Надпись перваго преддворія есть: *познай самого себя!*

«Надпись втораго: *убъгай зла.*

«Надпись третьяго: *стремись къ добру.*

«Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: *ищи въ самомъ себѣ истину.*» (Матер. для Кам.)

Такія требованія едва ли предчувствовались русскимъ обществомъ половины XVIII столѣтія.

Исторія общественнаго развитія въ Россіи прошлаго вѣка еще едва тронута изслѣдователями. Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II и Александра I? Пока извѣстно лишь то, что многіе изъ государственныхъ дѣятелей, пользовавшихся значеніемъ въ царствованіе послѣдняго, образовались подъ сильнымъ вліяніемъ того направленія, котораго благороднѣйшимъ представителемъ былъ Н. И. Новиковъ.

Намъ случалось пересматривать довольно много печатныхъ сочиненій мистическаго содержанія, выходившихъ изъ русскихъ типографій во второй половинѣ XVIII столѣтія, и еще большее

число рукописныхъ сборниковъ... Разъ пробужденная любознательность требовала тогда себѣ удовлетворенія быть-можетъ съ большею настойчивостію, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе, въ лагерь, наканунѣ битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образцомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. Число мистическихъ сочиненій, бывшихъ тогда въ оборотѣ, было поэтому весьма значительно. Часто встрѣчались намъ переводы изъ германскихъ мистиковъ, напримѣръ Бѣма, сдѣланные рукою еще весьма неопытною въ этомъ дѣлѣ. Бѣлая часть рукописей переписана чрезвычайно тщательно, многія съ особенною любовію. Признаемся, мы всегда смотрѣли на нихъ не безъ нѣкотораго сочувствія. Непонятныя формулы, странный образъ изложенія, злоупотребленіе мнимыми химическими и физическими свѣдѣніями, произвольныя толкованія текстовъ Св. Писанія, и смѣшная формальность и вычурность масонскихъ выраженій не отталкивали отъ нихъ, напротивъ сходили на второй планъ, несмотря на то, что занимали самое видное мѣсто. Вниманіе прежде всего останавливалось на нравственномъ смыслѣ и значеніи мистическихъ сочиненій, на томъ, что въ нихъ узкое и исключительное національное чувство теряется въ горячей любви, обнимающей все человѣчество, на то, что въ вѣкъ, гдѣ первое мѣсто занимали эгоистическія стремленія и давалось слишкомъ много простора случайному счастью и дерзкому произволу, двигателемъ всякой общественной и частной дѣятельности ставится любовь, что источникомъ всякаго знанія почитается самопознаніе. Пѣсни, употреблявшіяся въ собраніяхъ русскихъ мистиковъ, въ большей чистотѣ представляютъ основу ихъ нравственнаго стремленія, потому что свободнѣе отъ странной примѣси обрядности и метафизическихъ толкованій. Намъ нѣтъ нужды различать, какія изъ нихъ были написаны самими членами общества и собственно для его потребностей, и какія взяты извнѣ и только приспособлены обществами для ихъ цѣлей. Вотъ пѣснь при открытіи ложи ученической:

Отъ насъ, злодѣи, удалитесь,
 Которы ближняго тѣснить;
 Во храмъ нашемъ не являйтесь,
 Которы правду не хранятъ;
 Тѣснить кто бѣдныхъ завсегда,
 Тому затворенъ входъ сюда!

Во двери, крѣпко заключенны,
 Премудрые вступаютъ къ намъ,
 Единой честью провожденны;
 Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ;
 Когда изъ храма вонъ грядутъ,
 Съ собою скромность понесутъ.

Оставьте гордость и богатство,
 Оставьте пышность и чины!
 Они устроятъ вамъ препятство,
 Имъ двери въ храмъ затворены;
 Здѣсь то едино веселить,
 Чтò добродѣтель намъ судить.

Вотъ отрывокъ изъ пѣсни товарищества: *Ликуйте, братья,
 путь свершая:*

Строитель мудрый всей вселенной,
 Во братски души впечатлѣнный,
 Ведетъ насъ въ радостный эдемъ.
 Чтобъ жизнь во благѣ провождати,
 Онъ самъ благоволилъ намъ дати
 Блистающую звѣзду вождемъ.

Сей блескъ для насъ не уменьшится,
 Доколь весь путь нашъ не свершится,
 И правда тьмы не разженеть.
 По жизни нашей скоротечной,
 Найдено благо будетъ вѣчно,
 И свѣтъ умножится чрезъ свѣтъ.

Слѣдующая пѣсня, неизвѣстно при какиль случаяхъ употреблявшаяся въ собраніяхъ обществъ, весьма часто встрѣчается и въ рукописныхъ сборникахъ, и переписанная отдѣльно:

Премудрость въ даръ себя приноситъ
 Не любопытству, но труду.
 Кто вѣрить, ищетъ, терпитъ, просить,
 Трудается въ свою чреду,
 Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу,
 Получить втуне благодать,

Строптивымъ не угодно Богу
Своихъ сокровищъ подавать.

Кто скромнень, искренень, послушенъ,
Обрящетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ;
Но мужъ не можетъ двоедушенъ
Устроенъ быть въ своихъ путяхъ;
Премудрости онъ не обманеть,
Лишь мракъ умножить предъ собой,
Въ пути споткнется и не встанеть;
Всякъ долженъ свѣтъ принести съ собой.

Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно
Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.
Невольникъ всякъ неблагороденъ,
Его отринеть стражъ у вратъ;
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ,
Спокоенъ будь, любезный братъ.

Нельзя не поблагодарить г-на Лонгинова за его прекрасную статью о Новиковѣ и Шварцѣ. Пусть только не останавливается онъ въ своихъ историко-литературныхъ поискахъ. Матеріала впереди остается еще очень много, и онъ ждетъ изслѣдователей. Ошибки и промахи неизбежны точно такъ же, какъ неизбежны повторенія уже извѣстнаго; но чѣмъ болѣе будутъ приводиться въ ясность общественные и литературные факты, тѣмъ легче будетъ исправлять ошибки и избѣгать повтореній. Выскажемъ одно желаніе. Благотворная дѣятельность Н. И. Новикова въ пользу русскаго просвѣщенія, вытекшая изъ его мистически-религіознаго настроенія, находитъ людей, которые стараются раскрыть во всей полнотѣ ея значеніе. Желательно было бы, чтобы была раскрыта дѣятельность другихъ лицъ, которыя, прикрываясь тѣмъ же настроеніемъ, стремились однакоже совершенно къ противоположнымъ цѣлямъ, оставили по себѣ много рода воспоминаніе. За полную біографію Н. И. Новикова, намъ хотѣлось бы имѣть біографію Магницкаго. Пора собирать о ней преданія, потому что они исчезаютъ, а безъ свидѣтельствъ очевидцевъ трудно многому повѣрить. Если не ошибаемся, г. Лонгиновъ, указавшій въ примѣчаніи источникъ, откуда почерпнулъ онъ неизданные документы для біографіи Новикова, могъ бы въ немъ же найти и указанія, необходимыя для оцѣнки дѣятельности Магницкаго.

С. ЕШЕВСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворала.
Ночь нѣмая меня опьяняла и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ отравляла...
Только вдругъ шелестнуди кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шума, занавѣска,
И влетѣлъ ко мнѣ юноша съ свѣтлымъ лицомъ!
Точно весь былъ изъ луннаго блеска!
Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей;
Колоннады за ними открылись;
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...
Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?»
«Оглянися — я богъ, богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
«Я блаженство земное впервые принесть
Для тебя, для моей королевы...»
Говорилъ — и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками,
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами...
Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ухахъ: «ты моя! ты моя!»
Точно арфы далекіе звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
 Мой покой ужь былъ облить зарею...
 Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
 Я не знаю, что было со мною...

А. МАЙКОВЪ.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДОЧЕРИ

(Изъ «Contemplations» Виктора Гюго.)

Бывало, по утрамъ, едва забрежжетъ свѣтъ,
 Съ улыбкой ясною дитя мое влетало,
 Какъ солнца свѣтлый лучъ, въ мой тихій кабинетъ.
 «Здорово, папенька!» И вотъ начнетъ, бывало,
 Всѣ книги на моемъ столѣ перебирать,
 Возьметъ мое перо, бумаги разбросаетъ,
 Смѣется и поетъ, присядетъ на кровать
 И, вдоволь напашаясь, какъ птичка вылетаетъ.
 Веселый, молодой, опять примуся я
 За прерванный мой трудъ, и часто замѣчаю
 Ея каракульки въ тетрадяхъ у меня,
 Иль смятый бѣлый листъ, гдѣ, отчего — не знаю,
 Мои стихи лились быстрѣе и звучнѣй...
 Зеленый лугъ, цвѣты, хоръ звѣздъ она любила,
 И умъ въ ней развился на самомъ утрѣ дней,
 И чистая душа въ глазахъ ея сквозила.
 Бывало, предъ каминъ сойдемся мы въ кружокъ:
 Малютки всѣ ко мнѣ взберутся на колѣни
 И станутъ ленетать исторіи урокъ.
 Здѣсь мать ихъ, тамъ друзья... Я выше наслажденій
 И чище радостей найти себѣ не могъ...
 Я счастливъ былъ. И что жь? Ея уже не стало!
 Дитя, мое дитя! Увы!.. Свидѣтель Богъ,
 Какъ я любилъ ее, какъ мучился, бывало,
 Когда хоть облачко въ ней грусти замѣчалъ!
 Какъ я ее всегда лелѣлъ и ласкалъ!

И. ЛЕБЕДЕВЪ.

ЮНОША

(Изъ Гейне.)

Что за юноша почтенный!
 Онъ моимъ отрада взорамъ!
 Какъ меня онъ угощаетъ
 И рейнвейномъ и ликеромъ!

Что за фрачекъ! что за брючки!
 И какъ галстучекъ онъ носить!
 Какъ войдетъ ко мнѣ, сейчасъ же
 О моемъ здоровьѣ спросить.

Говорить онъ мнѣ, что слава
 Имя Гейне повторяетъ;
 Остротамъ моимъ дивится,
 Мнѣ восторгъ свой изъясляетъ.

Передъ дамами въ гостиной,
 Задыхаясь отъ волненья,
 Декламируетъ мой онъ
 Несравненные творенья.

Встрѣтитъ юношу такого
 Какъ отрадно въ наше время!
 Переводится замѣтно
 Добрыхъ душъ на свѣтъ племя!

И. ЛЕБЕДЕВЪ.

охраненія правъ нѣмецкихъ герцогствъ, принадлежащихъ къ государственному составу Даніи. Притомъ, со стороны Пруссіи и Австріи не сдѣлано никакихъ особенныхъ предложеній, но едва ли нужно говорить, что имѣющіи послѣдовать рѣшенія сейма могутъ состояться лишь сообразно съ видами двухъ первенствующихъ державъ Германіи. Уже то самое, что онѣ положили наконецъ обратиться къ общему собранію, показываетъ, что у нихъ на всякій случай есть и готовые рѣшенія; но какъ сеймъ есть единственный органъ общей воли соединенныхъ германскихъ правительствъ, то условленнымъ видамъ Пруссіи и Австріи надобно напередъ пройти черезъ его опредѣленія, чтобы получить законную силу и имѣть на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ большинство членовъ союза. Процедура же, обыкновенно употребляемая сеймомъ въ подобныхъ случаяхъ, состоитъ въ следующемъ. Какъ скоро одинъ или нѣсколько членовъ союза входятъ съ представленіемъ въ общее собраніе, сеймъ назначаетъ отъ себя комиссію для разсмотрѣнія дѣла. Затѣмъ комиссія дѣлаетъ свой докладъ собранію. Потомъ уже сеймъ произноситъ свое рѣшеніе, за которымъ должны послѣдовать и исполнительныя мѣры, также имѣющія нѣсколько степеней. Ибо сеймъ не иначе приступаетъ къ дѣлу, какъ напередъ осмотрѣвъ его основательно (*gründlich*) со всѣхъ сторонъ и взвѣсивъ всѣ его выгоды и невыгоды.

Повидимому на европейскомъ горизонтѣ собирается новая гроза. Переносъ мѣстный вопросъ въ общее собраніе, Пруссія и Австрія тѣмъ самымъ дѣлаютъ его общегерманскимъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ *Journal des Débats*, чѣмъ больше выясняется его значеніе для цѣлой Германіи, тѣмъ больше становится онъ и общеевропейскимъ: ибо, говорить та же газета, если Европа не можетъ пренебречь интересами Голштейна и Лауэнбурга, то она должна также позаботиться и о правахъ Даніи. Кромѣ того, государственные интересы послѣдней имѣютъ себѣ такъ-сказать естественныхъ защитниковъ въ цѣлой скандинавской партіи, которая тянетъ за собою Швецію и Норвегію. Но не будемъ преувеличивать опасности. Дѣло пока находится въ добрыхъ рукахъ. Ни Пруссія, ни Австрія не отличаются быстротою и рѣшимостію дѣйствія. Уже для того, чтобы перенести вопросъ въ общее собраніе, нужно было съ ихъ стороны чрезвычайное усиліе. Притомъ же искренность австрійскихъ симпатій въ пользу голштейнскаго дѣла довольно сомнительна. Со стороны Пруссіи онѣ навѣрно искреннѣе, но въ отношеніи къ подвижности Пруссія едва ли не уступитъ даже Австріи послѣдняго времени. Развѣ германскій сеймъ не захочетъ ли удивить свѣтъ невиданною доселѣ энергіей?

По крайней мѣрѣ первыя распоряженія сейма, по внесеніи въ него датско-голштейнскаго вопроса, нисколько не даютъ предчувствовать подобную опасность. Между тѣмъ какъ главные органы скандина-

визма на сѣверѣ стараются раздуть огонь, утверждая, что Данія должна или совершенно отказаться отъ Голштейна въ пользу Германіи, или уничтожить послѣднюю тѣнь ея самостоятельности, франкфуртскій сеймъ, съ свойственнымъ ему безстрастіемъ, слѣдуетъ обычной своей процедурѣ, и преспокойно наряжаетъ особую комиссію для обсуждения вопроса. Комиссія, разумѣется, не будетъ спѣшить своими заключеніями, въ ожиданіи, что Данія воспользуется тѣмъ временемъ и сдѣлаетъ необходимыя уступки. Наконецъ, прежде чѣмъ стало извѣстно что-нибудь о засѣданіяхъ комиссіи, нѣмецкія газеты начинаютъ уже поговаривать о возможности посторонняго посредничества и о готовности Германія воспользоваться имъ для рѣшенія спора.

Быстрѣ идетъ къ своей развязкѣ другой вопросъ общеевропейской политики, въ рѣшеніи котораго заключается будущая судьба Придунайскихъ княжествъ. Но надобно сознаться, что движеніе его остается пока одностороннимъ. Въ то время, какъ мѣстные диваны видимо спѣшатъ къ развязкѣ, въ оффиціальной европейской публицистикѣ все убываетъ число голосовъ, отъ которыхъ они могли бы ожидать поддержки своимъ рѣшеніямъ.

До сихъ поръ Молдавія и Валахія опирались въ своихъ стремленіяхъ къ единству всего болѣе на Францію. Но недавнія полупризнанія французскихъ журналовъ (*Constitutionnel, Patrie, Pays*), которые считаются полуоффиціальными органами правительства, заставили подозрѣвать, что во мнѣніяхъ его относительно Придунайскихъ княжествъ произошелъ нѣкоторый поворотъ. Не то чтобы французское правительство отказывалось отъ предполагаемой уніи, или политическаго соединенія княжествъ, и переходило на сторону его противниковъ: противъ этого предположенія предостерегаютъ тѣ же дружественныя ему газеты, да и безъ того оно никому не показалось бы вѣроятнымъ. По тѣмъ или другимъ побужденіямъ, искренно или неискренно, Франція взялась однако быть передъ цѣлою Европой адвокатомъ соединенія Молдавіи и Валахіи и—мы не сомнѣваемся—не можетъ болѣе отступить отъ него безъ ущерба для своей собственной чести. Но оставаясь при той же самой цѣли, она можетъ дѣйствовать въ пользу ея болѣе или менѣе рѣшительно, другими словами, употребить на нее болѣшую или меньшую степень энергіи. До сего времени могло казаться, что Франція хочетъ соединенія во что бы то ни стало. Это было разумѣется только выгодное предубѣжденіе,—ибо Франція можетъ очень сильно выразить свое желаніе, но не можетъ предписывать свою волю какъ законъ въ дѣлѣ общеевропейской политики; но оффиціальныя и полуоффиціальныя органы французскаго правительства не торопились разрушить это ошибочное мнѣніе, можетъ-быть для того, чтобы тѣмъ болѣе импортировать имъ на Европу. Между тѣмъ вопросъ хотя внѣшнимъ об-

разнѣ успѣлъ подвинуться впередъ; послѣ двукратныхъ выборовъ въ княжествахъ наконецъ собрались совѣщательные диваны; Австрія, Англія и Турція, рѣзче чѣмъ когда-нибудь высказали свое противорѣчіе уніи. Дѣло стало мало по малу приближаться къ развязкѣ. Франція не могла долѣе оставлять Европу въ недоумѣніи на счетъ истинныхъ своихъ намѣреній. Передъ наступленіемъ новыхъ засѣданій европейской конференціи нельзя было ей поддерживать прежнее заблужденіе. Иначе могли предупредить ее и сказать ей, что ея воля отнюдь не можетъ быть закономъ для конгресса, какъ могло бы показаться по нѣкоторымъ необдуманнѣмъ выраженіямъ французскихъ журналовъ. (Не постыдилась же однажды проговориться *Patrie*, что тѣ державы, которыя не захотятъ добровольно принять рѣшеніе конференціи, должны будутъ подчиниться ему противъ воли, *la subit!*) Не только голосъ одной державы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть обязательнъ для другихъ, рѣшенія европейскихъ конгрессовъ или заступающихъ ихъ конференцій не могутъ даже назваться выраженіемъ всего большинства: они предполагаютъ согласіе всѣхъ членовъ и совершенно парализуются внутреннимъ противорѣчіемъ. Все это слѣдовало уяснить до новаго собранія парижской конференціи. Надобно было показать, что, какъ ни неизмѣнно желаніе Франціи относительно соединенія княжествъ, однако она не можетъ принять на себя не принадлежащей роли. Никакого ультиматума съ ея стороны нѣтъ, и не можетъ она ставить соединеніе княжествъ какъ условіе, *sine qua non* передъ европейскимъ конгрессомъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, должна была состоять сущность объявленій, которыя взяли на себя передать публикѣ извѣстные органы французскаго правительства въ журналистикѣ. Объявленіе было принято партизанами уніи со страхомъ: они готовы были увидѣть въ немъ знакъ совершеннаго отступничества Франціи. Тогда послѣдовали со стороны тѣхъ же журналовъ объяснительныя и дополнительныя статьи. Они наконецъ привели вопросъ въ настоящую его мѣру. Франція, повторяемъ, не обязывается провести непременно свой проектъ уніи: это такъ сказать ея личное мнѣніе и желаніе, но она не перестанетъ поддерживать его передъ Европою, и если успѣхъ не будетъ соответствовать ея ожиданіямъ, то она предложитъ съ своей стороны и «другой проектъ, наиболѣе приближающійся къ системѣ, за которую она стоитъ до сего времени». (См. *La Patrie*.) Повидимому этотъ послѣдній намекъ относится къ той административной уніи, которою Австрія и Англія съ своей стороны желали бы ограничить все дѣло соединенія княжествъ.

Въ какомъ же соответствіи съ этимъ пониженіемъ тона главной покровительствующей державы находятся дѣйствія самыхъ княжествъ, или точнѣе ихъ представительныхъ дивановъ? Диваны, напротивъ, вѣрные своему назначенію, продолжаютъ смѣло идти: впе-

редь, все болѣе и болѣе возвышаютъ свой голосъ и не затрудняются высказывать передъ Европою самыя задушевныя желанія народности, которой служатъ представителями. Въ нашемъ журналѣ говорено уже было о главныхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ сначала валахскими, а вслѣдъ за нимъ и молдавскимъ диванами. Или впрочемъ о рѣшеніяхъ еще не можетъ быть рѣчи: диванамъ не дано такого права. Они могутъ выразить лишь желанія народа, его *ria desideria*. И они пользуются этимъ правомъ съ величайшею ревностію, съ непреклонною рѣшимостію, и наконецъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Видно, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ бьетъ живая струя народной жизни; видно, что задача лежитъ имъ одинаково близко къ сердцу. Зная, что существованіе ихъ непрочно, что оно есть только великодушная уступка со стороны великихъ покровительствующихъ державъ, диваны спѣшатъ сказать все, что у стоящаго за ними народа есть на сердцѣ, и въ чемъ онъ видитъ свое высшее благо; они какъ будто боятся, чтобы ихъ не прервали на половинѣ рѣчи, и чтобы самыя существенныя требованія Румынскаго народа не остались вовсе незааявленными передъ европейскою публикой. Что за дѣло, еслибѣ вслѣдствіе происковъ разныхъ стороннихъ недоброжелателей, этия требованія на первый разъ и не удалось найти себѣ общеевропейскаго признанія. По крайней мѣрѣ они уже сказаны, выражены законнымъ органомъ и слѣдовательно, заявлены навсегда передъ Европою. Народность румынская не есть болѣе ни мертвое тѣло, ни абстрактъ: въ единодушномъ выраженіи своихъ желаній она заявила свою личность:—рано или поздно обстоятельства приведутъ съ собою и остальное.

Все это придаетъ особенную важность тѣмъ публичнымъ актамъ, въ которыхъ выражается дѣятельность двухъ дивановъ. Не довольствуясь провозглашеніемъ четырехъ главныхъ пунктовъ, они вслѣдъ затѣмъ издали еще подробныя «декларации», съ цѣлію показать историческія основы своихъ требованій и вмѣстѣ оправдать ихъ теоретически. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна декларация молдавскаго дивана отъ 19 окт. н. ст., хотя валахская, изданная двумя днями позже, въ сущности мало отъ нея разнится. Во главѣ всѣхъ требованій румынской народности, Молдавія, какъ извѣстно, ставитъ автономію, или внутреннюю политическую самостоятельность княжествъ. Ибо, говоритъ декларация, такова была постоянная цѣль пятилѣтней борьбы Румыновъ съ врагами, сопровождавшейся многими лишеніями и страданіями народа. Несмотря на всѣ трудности своего положенія, Румыны однако умѣли сохранить за собою свои существенныя права и обезпечить ихъ формальными договорами. Доказательствомъ служатъ капитуляціи съ Оттоманскою Портою въ 1393, 1460, 1511 и 1634 годахъ. Въ нихъ Румыны выговорили себѣ право имѣть свое особенное правительство, управляться

своими законами, вообще всѣ права, которыхъ совокупность составляетъ автономію народа. Въ послѣдствіи, еще въ весьма недавнее время, эти капитуляціи были подтверждены разными европейскими державами (Адрианопольскимъ трактатомъ и на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года). Наконецъ сама Порта, какъ значитъ въ протоколѣ константинопольскихъ конференцій 1856 года, подтвердила вновь тѣ привилегіи, которыя предоставлены были княжествамъ прежними договорами съ Турціей. Соединеніе княжествъ, о которомъ мысль такъ опредѣлительно была выражена на парижемскомъ конгрессѣ, было бы только вѣнцомъ всего прежняго историческаго хода страны и имѣло бы лучшею гарантію уже пріобрѣтенныхъ прежде политическихъ правъ. Но чтобы унія могла оказать благотворное дѣйствіе и принести ожидаемые отъ нея плоды какъ внутри, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, для соединенныхъ княжествъ необходимо прочное и постоянное правительство, которое было бы уважаемо внутри и въ то же время имѣло бы для себя крѣпкую опору въ великой семьѣ царствующихъ европейскихъ династій. Здѣсь декларация еще разъ возвращается къ исторіи страны и доказываетъ множество яркихъ примѣровъ, что принципъ избирательной власти въ княжествахъ всегда соединенъ былъ съ безчисленными злоупотребленіями, ведущими къ униженію народнаго достоинства и даже къ анархіи. Выражая желаніе имѣть своего наследственнаго государя, Молдавія (а вмѣстѣ съ нею и Валахія) ничего не требуетъ больше, какъ чтобы ей возвращено было то право, которымъ княжества пользовались не только до капитуляцій, но даже нѣкоторое время послѣ того, и т. д. Но болѣе всего живое чувство одной народности, хотя и разрозненной несчастными обязательствами, сказалось въ слѣдующемъ мѣстѣ молдавской деклараціи. «Унія, которой мы хотимъ, есть необходимая, законная, естественная, ибо мы, Молдаване-Валахи, составляемъ одинъ и тотъ же народъ, одноплемennyй и тождественный не менѣе всякаго другаго, такъ какъ мы имѣемъ одно происхожденіе, одну исторію, одинаковую гражданственность, одни и тѣ же законы, одни страхи, однѣ надежды, общіе интересы и столько же общія потребности, мы призваны оберегать однѣ и тѣ же границы, у насъ однѣ и тѣ же печали, мы стремимся наконецъ къ одному будущему и должны исполнить одно и то же назначеніе.»

По весьма понятнымъ причинамъ Порты, разумѣется, смотритъ очень неблагоклонно на всѣ эти проявленія народной румынской самостоятельности. Чѣмъ яснѣе выражается воля дивановъ, тѣмъ больше поводовъ находить Турція къ противорѣчію. По счастью, она можетъ пока лишь протестовать мирнымъ образомъ. Такъ протестовала она противъ вторичныхъ выборовъ въ Молдавіи нотою отъ 23 сентября, такъ протестуетъ и теперь противъ рѣшеній двухъ дивановъ второю дипломатическою нотою къ главнымъ европейскимъ

державамъ, въ которой старается доказать, что дѣйствія дивановъ направлены къ совершенному разрушенію вассальныхъ отношеній, связывающихъ княжества съ Турецкою имперіею. Вообще политика Турціи, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, менѣе всего направлена къ тому, чтобы способствовать общему дѣлу княжествъ. Неблагоприятнымъ для него считаютъ и то обстоятельство, что находящаяся на мѣстѣ европейская коммиссія, которая должна составить докладъ о дѣйствіяхъ дивановъ для будущей конференціи, находится въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ англійскаго комиссара. Но, повторяемъ, послѣднее рѣшеніе во всякомъ случаѣ зависить не отъ Турціи и не отъ коммиссіи, а отъ конференціи.

Отъ европейскихъ дѣлъ вниманіе публики все еще часто отвлекается событіями въ Индіи. По тому жару, съ которымъ занимаются ими въ Европѣ, ихъ почти также можно бы считать европейскимъ вопросомъ. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ собственно англійскихъ интересовъ, дѣло идетъ вообще объ успѣхѣ европейской цивилизаціи въ борьбѣ съ образованными по-европейски силами азіатскаго варварства, находящимися въ настоящее время въ возстаніи. Потому конечно во французской журналистикѣ замѣтно почти не менѣе живое участіе къ вопросу, какъ и въ самой Англии. Но оно выражается здѣсь различно. Одни органы прямо желаютъ успѣха англійскому оружію въ Индіи въ интересѣ общеевропейскаго дѣла. Но другіе, по видимому дѣйствуя въ томъ же самомъ интересѣ, простираютъ ревность къ нему гораздо далѣе. Весьма недавно еще газеты *l'Univers* и *Gazette de France*, заранѣе отчаявшись въ успѣхѣ англійскаго оружія, разсуждали объ индійскомъ возстаніи въ такомъ тонѣ, какъ еслибы уже Европа, изъ сожалѣнія къ безсилію Англии, взяла на себя управиться съ нимъ, и серьезно обсуживали важныя послѣдствія такого вмѣшательства; въ самой Англии едва ли выражалось когда столько нѣжнаго участія къ судьбѣ европейской цивилизаціи на Востокѣ, угрожаемой возстаніемъ сипаевъ. Каково же было разочарованіе этихъ газетъ, когда такъ неожиданно и можно сказать такъ преждевременно пришло извѣстіе о взятіи Дельги! Кто бы могъ ожидать, что Дельги будетъ взята, между тѣмъ какъ всѣ извѣстія, казалось, клонились къ тому, чтобы уничтожить всякую вѣру въ возможность подобнаго успѣха въ скоромъ времени. Кто могъ ожидать — не говоримъ уже успѣха въ такомъ сомнительномъ предпріятіи, какъ взятіе приступомъ хорошо укрѣпленнаго города, но даже покушенія на Дельги со стороны Англичанъ, прежде чѣмъ они получили ожидаемыя ими подкрѣпленія изъ Англии? И не безумно ли было съ ихъ стороны отваживаться съ горстью людей на борьбу съ многочисленнымъ непріателемъ, засѣвшимъ въ надежныхъ укрѣпленіяхъ и имѣвшимъ на своей сторонѣ все народонаселеніе города?

Какъ бы то ни было, великій европейскій походъ, предпринима-

тъмъ въ Индію извѣстною частію французской журналистики, не удался, и ей не оставалось ничего болѣе, какъ стараться на первое время уменьшить въ глазахъ читателей непредвидѣнный успѣхъ Англичанъ въ Индіи и представить его сколько можно въ сомнительномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, именно во французской журналистикѣ нѣсколько дней поддерживалось подозрѣніе, что извѣстіе о взятіи Дельги относится лишь къ одной части города, ибо оффиціально извѣстно лишь о первыхъ дняхъ боя, и что можетъ-быть успѣхъ осаждающихъ вовсе не такъ рѣшителенъ, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Многія газеты были очень озабочены тѣмъ, чтобы предостеречь публику отъ излишняго легковѣрія. По нѣкоторымъ признакамъ заключали даже, что взятіе Дельги есть только начало новыхъ бѣдствій для Англичанъ. Какое-то темное извѣстіе говорило, будто инсургенты, вышедши изъ города, вслѣдъ затѣмъ окружили его со всѣхъ сторонъ, т. е. въ свою очередь осадили въ немъ побѣдителей. Можно было подумать, что сдача Дельги была только военною хитростію со стороны сипаевъ, и что побѣдителей Дельгу ожидала въ стѣнахъ его самая злая участь... Это темное извѣстіе съ упорствомъ держалось нѣсколько дней въ не-англійской журналистикѣ. Не знаемъ, по какимъ побужденіямъ даже извѣстный брюссельскій журналъ нѣсколько разъ повторилъ его въ своихъ столбцахъ. Читателя французскихъ газетъ можетъ-быть съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ сами Англичане, ждали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Индіи.

Эти извѣстія наконецъ пришли. Многихъ подробностей недостаетъ попрежнему; но относительно развязки главнаго событія, столько занимавшаго въ послѣднее время Европу, не остается болѣе никакого сомнѣнія. Прежде всего новыя извѣстія почти во всемъ подтверждаютъ старыя. Уже съ 11-го числа началось страшное бомбардированіе внѣшнихъ укрѣпленій Дельги, скоро заставившее удалиться ихъ защитниковъ. Городскія стѣны также недолго выдерживали огонь англійской артиллеріи. 12-го числа Кашмирскій бастионъ обратился въ развалины, а черезъ два дня потомъ успѣхи осаждающихъ были уже такъ велики, что они могли думать о приступѣ. Но напередъ сочли еще за нужное взорвать уцѣлѣвшія Кашмирскія ворота. Съ этою цѣлію 14-го числа высланъ былъ къ нимъ инженерный офицеръ Салькельдъ (Salkeld) съ тремя сержантами. Они шли подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, неся въ рукахъ мѣшки съ порохомъ. Еще они не достигли до мѣста, какъ одинъ сержантъ былъ убитъ и самъ Салькельдъ раненъ пулею навзлетъ. Несмотря на то, имъ удалось подложить порохъ подъ ворота, при чемъ былъ убитъ другой сержантъ, а офицеръ получилъ другую рану. Сержантъ, оставшійся въ живыхъ, успѣлъ однако приложить фитиль. Ворота взлетѣли на воздухъ, и штурмовыя колонны тотчасъ ворвались въ городъ. Встрѣчая вездѣ упорное сопротивленіе, онѣ на пер-

вый разъ могли занять только одну оборонительную линію отъ воднаго бастіона до Кабульскихъ воротъ. Въ движеніи 4-й колонны (Гуркасовъ) произошло нѣкоторое замедленіе, и непріятель ободрился еще болѣе. Въ рукахъ его еще оставались многіе бастіоны, дворець, магазинъ и большая часть города. Но Гуркасы скоро загладили свою медленность: они направились къ другой части города и вошли въ него, разумѣется послѣ упорнаго боя, Лагорскими вратами. Тогда осажденные увидѣли, что въ этой части города для нихъ все потеряно и начали перебираться на другую сторону рѣки. Англичане между тѣмъ продолжали стремительно подвигаться впередъ. 16-го они взяли приступомъ укрѣпленный магазинъ, не давъ непріятелю даже выстрѣлить изъ заряженныхъ пушекъ, а 17-го овладѣли и Банкомъ, который командуетъ надъ мостомъ и дворцомъ. Въ эти два дня имъ досталось до 200 пушекъ. Затѣмъ одинъ за другимъ заняты были и всѣ прочіе бастіоны и городскія ворота, и 20-го вечеромъ весь городъ по одну сторону рѣки былъ уже во власти Англичанъ. На другой день они заняли и самый непріятельскій лагерь со всѣми найденными въ немъ запасами. Тогда же капитанъ Годсонъ, посланный съ отрядомъ кавалеріи для преслѣдованія, захватилъ дельгійскаго императора съ его женою: они сдались на условіи, что имъ пощажена будетъ жизнь. На слѣдующее утро другая легкая колонна захватила двухъ ихъ сыновей и одного внука. Послѣдніе тотчасъ были преданы казни.

Относительно потери Англичанъ при взятіи Дельги также получены болѣе достовѣрныя извѣстія. Она оказалась гораздо значительнѣе, нежели какъ колебали сначала. Всего выбыло изъ строя 1178 нижнихъ чиновъ и 61 офицеръ. Для арміи, которая вся состояла не болѣе какъ изъ 10,000 человекъ, такая потеря конечно очень чувствительна. Но она достаточно объясняется упорствомъ боя, его продолжительностію и наконецъ тѣмъ, что Англичане были нападающіе. Между ранеными называютъ молодого генерала Никольсона, того самаго, который недавно еще привелъ на помощь Вальсону нѣсколько свѣжаго войска и такимъ образомъ далъ ему возможность ускорить приступъ къ осажденному городу. Черезъ нѣсколько дней потомъ Никольсонъ умеръ отъ своихъ ранъ.

Не довольствуясь взятіемъ города, побѣдители тотчасъ привали мѣры для преслѣдованія удалявшагося непріятеля. Для этой цѣли составлены были двѣ колонны, каждая изъ 1,600 пѣхоты и 900 кавалеріи съ легкою и тяжелою артиллеріею. 23 онѣ вышли изъ города. Одна изъ нихъ перешла Гангъ на западъ отъ Дельги и направилась другимъ берегомъ къ Алигуру; другая двинулась въ то же время на югъ отъ города по направленію къ Агрѣ. Первая изъ нихъ встрѣтила 27-го отрядъ непріятельскаго войска въ крѣпкой позиціи близъ Боландшухура (Bolundshuhur). Въ горячемъ дѣлѣ, которое произо-

шло здѣсь, повсургенги потерѣли поражение и были преслѣдуемы далеко за городъ. Вторая колонна настигла непріятеля 28-го близъ Маттры (Mitra) и также обратила его въ бѣгство. Въ настоящее время окрестности Дельги очищены отъ непріятеля, и англійскому гарнизону не угрожаетъ никакое нападеніе.

Гораздо трогательнѣе другой эпизодъ изъ той же войны, почти совпадающій по времени со взятіемъ Дельги: разумѣемъ событія, которыя недавно произошли подъ стѣнами города Лакнау, и о которыхъ также получены официальные извѣстія. Если тамъ дѣло шло о военномъ триумфѣ, то здѣсь задача состояла въ томъ, чтобъ выручить горсть Европейцевъ, спасти ихъ жизнь и честь отъ мести многочисленнаго и кровожаднаго непріятеля. Тамъ Англичане были осаждающими, здѣсь—осажденными. Еще нѣсколько дней, и въ Лакнау могли повториться потрясающія сцены, которыя навсегда остались ненавистнымъ для Англичанъ имя Канпура. Уже непріятель давно тѣснилъ крѣпость со всѣхъ сторонъ; располагая многочисленными силами, онъ угрожалъ лакнаускому гарнизону неминуемую гибелью. Уже непріятельскіе подкопы были подведены къ самымъ стѣнамъ: еще можетъ-быть нѣсколько часовъ, и онѣ взлетѣли бы на воздухъ, обнаживъ со всѣхъ сторонъ бѣдныхъ защитниковъ крѣпости. Но за Лакнау давно смотрѣлъ пристально, хотя издали, глазъ столько же неутомимаго, сколько и неустрашимаго генерала, который какъ будто связалъ свою судьбу съ участіемъ этого города. Генералъ Гевлокъ далъ себѣ слово спасти Лакнау во что бы то ни стало. Обстоятельства повидимому были выше силъ и воли человѣка, и первая сдѣланная имъ попытка для освобожденія Лакнау была такъ несчастлива, что повидимому нельзя было и помышлять объ ея возобновленіи. Въ то время, какъ ряды вѣрныхъ сподвижниковъ храбраго генерала каждый день рѣдѣли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, холера уменьшала ихъ еще болѣе. Гевлокъ однако не потерялъ духа и не отказался отъ своего намѣренія. Онъ съ терпѣніемъ выждалъ соединенія съ отрядомъ генерала Отрема и немедленно послѣ того двинулся впередъ—къ неизмѣнному своему назначенію. 17-го сентября и. ст. соединенный отрядъ, который, впрочемъ, весь состоялъ не болѣе какъ изъ 2,500 человѣкъ, перешелъ Гангъ, а 23-го того же мѣсяца показался въ виду Лакнау. Появленіе его вблизи осажденных однако еще ничего не рѣшало. Пользуясь своею многочисленностію, непріятель могъ обратить противъ него всѣ свои силы и заставить его еще дороже заплатить за вторую попытку, чѣмъ за первую. Но Гевлокъ не далъ одуматься не ожидавшимъ его сипаямъ и тотчасъ повелъ противъ нихъ наступленіе. Уже 26-го числа непріятельскіе ретраншаменты были взяты имъ съ боя, а 29-го и часть самаго города была уже въ его рукахъ. Какъ видно, этотъ ожесточенный бой продолжался безъ устали цѣлые три дня, и наконецъ непоколебимое

мужество европейскаго отряда восторжествовало надъ превосх одними по числу силами его противниковъ, угрожавшихъ безопасности лакнаускаго гарнизона. Еще послѣднее слово борьбы не произнесено, еще ни одно извѣстіе не говоритъ, чтобы непріятель былъ совершенно оттѣсненъ отъ города; но едва ли можно болѣе сомнѣваться въ окончательномъ успѣхѣ дѣла. Лакнаускій гарнизонъ вырученъ изъ крайней опасности, и Гевлокъ можетъ умереть спокойно, хотя бы ему не удалось совершить ничего болѣе въ жизни: онъ сдержалъ свое благородное слово и исполнилъ святой долгъ, возложенный на него трудными обстоятельствами. Само собою разумѣется, что и эта побѣда куплена также дорогою цѣною: изъ отряда въ 2800 человекъ вышло не менѣе 800, да сверхъ того онъ лишился храбраго генерала Нейла, который найденъ между убитыми. Но эти жертвы выкупаются спасеніемъ гарнизона, который уже обреченъ былъ на неминуемую гибель.

Передъ этими важными событіями блѣднѣютъ всѣ другія извѣстія о частныхъ возстаніяхъ, время отъ времени вспыхивающихъ вновь въ разныхъ частяхъ Индіи. Взятіе Дельги подняло духъ самыхъ унылыхъ въ Англіи и развязало языкъ даже тѣмъ, которые до сихъ поръ какъ бы избѣгали случая высказываться прямо передъ публикою. Недавно происходилъ въ Лондонѣ большой банкетъ въ честь новаго лорда-мера. Собраніе было весьма многочисленное и блестящее. Число приглашенныхъ гостей простиралось до 1200. Между почетными посѣтителями банкета находились графъ Кларендонъ, графъ Гренвиль, лордъ Пальмерстонъ, и многія другія знатныя лица. Лордъ-меръ предложилъ здоровье первенствующаго и прочихъ министровъ. Пальмерстонъ принялъ вызовъ и отвѣчалъ на него цѣлою рѣчью. Само собою разумѣется, что главнымъ предметомъ ея была индійскія дѣла, и что взятіе Дельги послужило оратору поводомъ къ выраженію самыхъ успокоительныхъ надеждъ на будущее. Весьма естественно также, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отдать должное неустрашимости, мужеству и твердости своихъ соотечественниковъ, застигнутыхъ несчастными обстоятельствами въ Индіи. Вообще, какъ и слѣдовало ожидать, чувство національнаго достоинства и гордости нашло себѣ въ рѣчи благороднаго лорда полное выраженіе, и конечно встрѣчено было общимъ сочувствіемъ присутствовавшихъ. Но два мѣста въ ней показались нѣсколько неожиданными, если не для слушателей оратора, то для многихъ его читателей по другую сторону пролива. Первое изъ нихъ служить отвѣтомъ на упрекъ, дѣлаемый иногда Англіи, что она — не военная нація. Лордъ Пальмерстонъ принимаетъ упрекъ, чтобы потомъ очень ловко обратить его же на голову самихъ порицателей. «Съ одной точки зрѣнія это совершенно справедливо, замѣчаетъ онъ: объ Англичанахъ точно нельзя сказать, чтобы они были очень при-

взвѣны къ мудракамъ и разнымъ другимъ военнымъ принадлежностямъ, какъ это водится у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Но за то о нихъ смѣло можно утверждать, какъ объ офицерахъ, такъ и о солдатахъ, что они никому не уступаютъ въ знаніи своего дѣла, а равно въ умѣнъ и ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей.» Въ другомъ мѣстѣ, упоминая о томъ, какія огромныя силы отправлены Англій въ Индійскій океанъ на помощь колоніямъ, ораторъ дѣлаетъ неожиданный оборотъ къ самой метрополи и даетъ замѣтить своей публикѣ, что при всемъ томъ Англія у себя дома располагаетъ еще такими силами, что можетъ не бояться никакого нападенія. Да кто же угрожаетъ Англіи? спрашиваютъ нѣкоторыя газеты. Надобно полагать, что въ настоящую минуту никто; но Англія, какъ извѣстно, никогда не пренебрегаетъ уроками прошедшаго, а они говорятъ ей, что самыя опасныя покушенія на ея независимость именно приготовлялись во время кажущагося затишья. Эти уроки такъ важны, что Англія никогда не забудетъ ихъ.

Франція еще продолжаетъ оплакивать недавно понесенную ею потерю. Всѣ партіи отозвались на смерть генерала Каваньяка тѣмъ или другимъ добрымъ словомъ; никто не могъ отказать ему въ уваженіи. День погребенія Каваньяка (31 окт. н. ст.) былъ печальнымъ днемъ для цѣлаго Парижа. Подробности послѣдней погребальной процессіи много напоминаютъ тѣ, которыми сопровождалась похорона любимаго народнаго поэта Франціи. Вообще въ послѣднее время въ Парижѣ выработался нѣзъ обстоятельствъ какъ бы особый типъ похоронъ для всѣхъ лицъ, пользовавшихся при жизни своей тою или другою степенью популярности. Народъ спѣшитъ выразить свое искреннее сочувствіе къ умершему лицу и многочисленными толпами собирается со всѣхъ сторонъ на печальную церемонію. Правительство также старается не отстать отъ него во внѣшнихъ знакахъ уваженія къ покойнику, хотя притомъ преслѣдуетъ совсѣмъ другія цѣли. Представители его, офиціальныя и неофиціальныя, вмѣстѣ съ массами молчаливаго народа, какъ бы сливаясь съ ними въ одномъ чувствѣ, а въ самомъ дѣлѣ мѣшаясь съ ними только наружнымъ участіемъ, сопровождаютъ тѣло умершаго до послѣдняго его жилища. Тутъ обыкновенно опускаютъ гробъ въ землю при торжественномъ молчаніи всѣхъ присутствующихъ, — не потому, чтобы никто изъ нихъ не имѣлъ ничего сказать, но потому, что одно публично сказанное слово тотчасъ обличило бы раздѣленіе между истинными друзьями и почитателями умершаго и тѣми, которые, подъ видомъ уваженія къ его памяти, пришли однако сюда чисто съ полицейскими цѣлями!

О погребеніи генерала Каваньяка сообщаютъ слѣдующія подробности. Уже съ утра начали собираться многочисленныя толпы народа, располагаясь густыми рядами по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать погребальный кортежъ. Въ десять часовъ

утра войска, составлявшія почетный конвой, построились въ ближайшихъ улицахъ къ дому, гдѣ стояло тѣло умершаго. Сюда же направлялись многочисленные друзья покойнаго, и скоро около дома образовалось такое стеченіе народа, что надобно было прекратить сообщеніе по Лондонской улицѣ (rue de Londres). Въ полдень кортежъ тронулся по направленію къ церкви St. Louis d'Antin. Вперед шли войска (одинъ эскадронъ гусаръ; одинъ батальонъ пѣшихъ егерей съ музыкою, и одинъ 46-го пѣхотнаго полка также съ музыкою); за ними слѣдовала погребальная колесница, украшенная трехцвѣтными знаменами. Шествіе открывалъ полковникъ Фосси, бывшій нѣкогда секретаремъ генерала. Бывшіе министры Бастиль, Гудшо и Волабель, также полковникъ Гиваръ и Балръ (работникъ) держали концы траурнаго покрова. Затѣмъ слѣдовала густая толпа лицъ, принадлежащихъ всѣмъ сословіямъ общества. Тутъ были люди всѣхъ партій и всѣхъ отбѣнокъ; военные мѣшались съ бывшими членами прежнихъ политическихъ собраній, литераторы и журналисты съ художниками, учеными и негоціантами. Даже консервативныя газеты прислали отъ себя нѣсколько представителей. Число всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ траурѣ, полагаютъ до 6000; между ними было много молодыхъ офицеровъ, но не замѣчено притомъ ни одной эполеты, ибо всѣ они явились въ гражданскомъ костюмѣ. Одинъ батальонъ 85 линейнаго полка и еще одинъ эскадронъ гусаръ заключали печальную процессію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, зуавы парижскаго гарнизона также просились участвовать въ церемоніи: они желали отдать послѣдній долгъ генералу, который такъ много способствовалъ образованію ихъ корпуса. Правительство однако нашло неудобнымъ удовлетворить ихъ желанію. Церковь, гдѣ происходило отпѣваніе, едва могла вмѣстить лишь самое малое число присутствовавшихъ; наибольшая же часть оставалась на ближайшихъ улицахъ, въ почтительномъ безмолвіи ожидая окончанія печальнаго обрада. Тутъ находились почти всѣ лучшіе люди не-бонапартистской Франціи, Дюфоръ, Сенаръ, Биксію, Жюль Симонъ, Бюше, Одионъ Барро, нѣкоторые сенаторы и генералы. Отъ церкви погребальная процессія тѣмъ же порядкомъ двинулась къ Монмартрскому кладбищу. То же многочисленное стеченіе публики сопровождало поѣздъ до самой могилы. Все дѣйствіе на кладбищѣ продолжалось не болѣе 10 минутъ. Гробъ опущенъ былъ въ землю при глубокомъ безмолвіи всѣхъ присутствовавшихъ. Надъ свѣжею могилою не сказано было ни одного слова, не только цѣлой рѣчи. Увѣряютъ, что хотя друзья покойнаго имѣли отъ правительства позволеніе говорить, но не хотѣли имъ воспользоваться: они предпочли молчаніе, находя, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно гораздо выразительнѣе самаго краснорѣчиваго слова.

«При всемъ томъ, рассказываетъ одинъ очевидецъ, эта безмолвная церемонія произвела на всякаго, кто присутствовалъ при ней,

потрясающее невнятное впечатлѣніе. Я оставался отъ начала до конца, продолжаетъ онъ. Многие плакали навзрыдъ. Это безчисленное множество людей, такъ высоко стоящихъ во мнѣніи цѣлой страны, всѣ эти генералы, полковники, академики, банкиры и прочія лица, присутствовавшія при погребеніи, оплакивали покойнаго, точно своего ближайшаго родственника. Грусть ихъ электрически сообщалась близъ-стоявшему народу, а отъ него перешла и на ту публику, которая смотрѣла на церемонію изъ оконъ, такъ что печальная процессія превратилась въ какой-то растворенный слезами триумфальный поѣздъ. На возвратномъ пути съ кладбища повстрѣчалъ я нѣсколько Англичанъ, которые признались, что никогда не предполагали въ Французахъ столько глубокаго чувства и серьезности (Ernst). Нѣсколько знакомыхъ мнѣ офицеровъ, возвращаясь оттуда же, плакали какъ дѣти. Теперь только стало ясно, какъ много цѣнило Каваньяка французское общество. Франція потеряла въ немъ *честнаго* человѣка». Очень кстати сказанное слово. Никто конечно не захочетъ утверждать, что Франція лишилась въ Каваньякѣ своего популярнаго героя, славнаго полководца, или замѣчательнаго государственнаго человѣка. Достоинства покойнаго были больше другаго свойства. Его храбрость и неустрашимость засвидѣтельствованы множествомъ подвиговъ въ алжирскихъ походахъ; но ему не представилось ни одного случая раскрыть талантъ полководца въ собственномъ смыслѣ. Іюльскіе дни въ Парижѣ не могутъ относиться сюда по многимъ причинамъ. Какъ были шатки и мало опредѣленны его политическіе виды, доказательствомъ можетъ служить римская экспедиція, задуманная въ то время, когда онъ былъ главою исполнительной власти во Франціи. За то всегда и вездѣ онъ былъ вѣренъ своему долгу. Одни и тѣ же іюльскіе дни заслужили ему право на признательность одной части націи и навсегда сдѣлали имя его непопулярнымъ въ другой: и тѣмъ и другимъ Каваньякъ обязанъ былъ тому, что въ данную критическую минуту вѣрно и честно исполнилъ свой долгъ, какъ самъ понималъ его. Точно такъ же, въ другую великую минуту, когда народный выборъ отдавалъ другому власть, которую онъ еще держалъ въ своихъ рукахъ, онъ не подумалъ даже протестовать противъ народнаго избранія и мирно сошелъ на степень простаго гражданина, потому что опять хотѣлъ быть вѣренъ своему долгу. Дѣло было такъ просто и сдѣлано такъ скромно, что Франція не могла даже оцѣнить его по достоинству. Да и не могла она приложить къ нему почти никакого домашняго масштаба. Въ подобномъ поступкѣ Каваньяку не было предшественниковъ во Франціи: ей случалось не разъ и прежде бывать въ подобныхъ положеніяхъ, но они обыкновенно оканчивались насиліемъ или узурпаціей. Каваньякъ едва ли не первый въ своей странѣ показалъ примѣръ высокой честности

сти, вслѣдствіе вѣрнаго исполненія своего долга. Уже поэтому память его должна быть дорога для Франціи.

Вслѣдствіе смерти генерала Каваньяка должны открыться новые выборы для замѣщенія его въ законодательномъ сословіи (хотя конечно то же самое послѣдовало бы и при его жизни, ибо нѣтъ сомнѣнія, что и на этотъ разъ онъ не согласился бы дать присягу). Уже называютъ кандидата, будто бы имъ самимъ указаннаго въ лицѣ друга его, г. де-Бомона. Между тѣмъ законодательное сословіе созывается уже императорскимъ декретомъ на 28 число текущаго мѣсяца (н. ст.). Полагаютъ впрочемъ, что первыя засѣданія его будутъ лишь провизорныя, то-есть, что они назначены собственно только для проверки выборовъ и принесенія присяги, а затѣмъ послѣдуетъ отсрочка до начала будущаго года. Итакъ предстоящій новый выборъ можетъ нѣсколько замедлиться, но во всякомъ случаѣ не лишень будетъ политическаго интереса.

О новомъ испанскомъ министерствѣ Армеро-Монъ все еще нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Оно носитъ на себѣ какой-то неопредѣленный цвѣтъ, хотя и называетъ себя консервативно-либеральнымъ. Оно объявило себя за конституцію 1845 года, но не обнаружило еще своего политическаго значенія никакими дѣйствіями. Не одобряя крайне-стѣснительныхъ мѣръ прежняго министерства относительно книгопечатанія, оно однако не спѣшитъ, и кажется даже вовсе не думаетъ взять ихъ назадъ. На словахъ журналистамъ обѣщаютъ болѣе свободы, а между тѣмъ надъ ними попрежнему будетъ тяготѣть, какъ Дамокловъ мечъ, реакціонный носедалевскій законъ. Можетъ-быть министерство Армеро-Монъ и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ честныя намѣренія, но оно не принесло съ собою довольно энергіи и не запаслось почти никакими симпатіями въ публикѣ. Викальваристы держатъ себя отъ него въ отдаленіи. Друзья Нарваэса также нисколько не думаютъ помогать ему, потому что не хотятъ разстаться съ мыслию о возстановленіи прежняго кабинета. Наконецъ начинаютъ сомнѣваться и въ томъ, найдеть ли министерство большинство себѣ даже въ кортесахъ. Объ отношеніяхъ его ко двору разказываютъ слѣдующій случай. Однажды Армеро явился во дворецъ, съ докладомъ королевѣ. Дежурнымъ камергеромъ былъ на этотъ разъ одинъ горячій приверженецъ Нарваэса. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ доложить о прибытіи президента совѣта министровъ, онъ заставилъ его ждать до тѣхъ поръ, пока не кончился приемъ другихъ особъ, ожидавшихъ въ тотъ день королевской аудіенціи. Армеро вышелъ изъ себя, и какъ только допущень былъ къ королевѣ, тотчасъ обратился къ ней съ жалобой. Естественно, что королева приняла сторону обиженнаго президента совѣта министровъ: дерзкій камергеръ долженъ былъ публично просить у него извиненія. Этотъ случай разказываютъ какъ доказательство того; какъ неза-

ясно держитъ себя новое министерство въ отношеніи къ придворнымъ партіямъ. Намъ же кажется, что онъ скорѣе можетъ служить указателемъ силы и дерзости придворной камарильи, которая въ томъ составляетъ свою задачу, чтобы подземнымъ дѣйствіемъ подрывать всѣ благія начинанія лицъ и авторитетовъ, не выходящихъ съ нею общихъ интересовъ. Она ужъ парализовала множество министерствъ самаго разнообразнаго состава; министерству Армеро-Монъ также едва ли удастся избѣжать ея разъѣдающаго дѣйствія. Впрочемъ—подождемъ событий, чтобы видѣть, сколько прочныхъ элементовъ существованія носитъ кабинетъ Армеро Монъ въ самомъ себѣ.

Пока мы вели нашу хронику текущихъ вопросовъ, въ Бельгіи разыгралось, и притомъ необыкновенно счастливо; большое политическое дѣло, которое нѣсколько времени уже держало страну въ напряженномъ состояніи. Читателямъ известны результаты, которые приведены были преніями, происходившими прошлою весною въ бельгійской палатѣ депутатовъ по поводу проекта закона о благотворительности. Въ странѣ обнаружилось глубокое раздвоеніе. Между тѣмъ какъ законъ имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ палатѣ, общественное мнѣніе въ странѣ оказалось рѣшительно противъ него. Тогда уже была возможность опаснаго столкновенія между политическими партіями, которое могло привести только къ анархіи. Этотъ опасный кризисъ былъ обойденъ лишь благодаря истинно конституціонной мудрости короля. Въсего того, чтобы еще болѣе натягивать и безъ того слишкомъ напряженныя нити политическаго организма своей страны, Леопольдъ умѣлъ вовремя ослабить ихъ и не дать рѣшительнаго превѣса ни той, ни другой партіи. Засѣданія палаты были отсрочены, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраненъ временно ближайшій поводъ къ тѣмъ безпокойнымъ явленіямъ, которыя вызваны были успѣхомъ закона въ нижней палатѣ. Итакъ возможность опаснаго столкновенія не была устранена совершенно, а только перенесена на другое, болѣе отдаленное время, въ надеждѣ, что взволнованные умы между тѣмъ успѣютъ нѣсколько успокоиться. На время страна въ самомъ дѣлѣ возвратилась къ спокойствію; но тѣмъ больше приближался срокъ, назначенный для открытія засѣданій палаты, тѣмъ больше прежнее безпокойство овладевало всею страной. Возвращаясь къ своей дѣятельности, нижняя палата должна была привести съ собою и прежнее большинство. Прежнее министерство оставалось въ прежнемъ своемъ составѣ, а съ нимъ тѣсно была соединена и судьба предложеннаго имъ закона о благотворительности. Муниципальные выборы, происходившіе въ концѣ октября въ Бельгіи, показали между тѣмъ несомнѣнно, что большинство публики принадлежитъ либеральному мнѣнію, то-есть противникамъ закона. Существовавшій уже разладъ между парламентскимъ большинствомъ и общественнымъ мнѣніемъ обнаружился такъ ярко, что

ни для кого бѣда не была ни тайною, ни вопросомъ. Бельгія снова вступала въ періодъ опаснаго кризиса, который могъ разрѣшиться для нея очень несчастливо. Согласіе парламентскаго большинства съ министерствомъ давало королю законное основаніе удержать его во власти и предоставить ему свободу дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Онъ могъ даже явно принять сторону своего министерства противъ общественнаго мнѣнія, такъ несомнительно выразившагося въ послѣднихъ выборахъ.

Это было бы безъ сомнѣнія самое большое несчастіе, какое только можетъ постигнуть конституціонное государство. Отчего же погибли іюльскія учрежденія во Франціи, если не отъ неблагоразумнаго упорства одной партіи, располагавшей тогда властію и думавшей имѣть въ парламентскомъ большинствѣ достаточную опору, чтобы идти наперекоръ общественному мнѣнію? Съ Бельгіей по счастью этого не случилось. Благодаря опять той же мудрости и безпристрастію своего короля и также духу умѣренности въ самыхъ вліятельныхъ лицахъ обѣихъ партій, она вышла изъ своего кризиса, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, безъ сильнаго потрясенія и безъ всякаго вреда своимъ основнымъ учрежденіямъ.

Началось съ того, что передъ приближеніемъ срока, назначеннаго для возобновленія засѣданій палаты, министерство само почувствовало свою несостоятельность и выразило желаніе сложить съ себя власть — рѣшеніе, говорящее очень много въ его пользу. Съ своей стороны король, вѣрный своему конституціонному назначенію, тотчасъ озаботился замѣщеніемъ отходящаго министерства и для этой дѣли обратился прежде всего къ тому отѣнку либеральной партіи, который ближе другихъ подходитъ къ парламентскому большинству. Такой смыслъ имѣло порученіе составить новое министерство, данное королею Бруккеру. Но прежде чѣмъ составилъ новый кабинетъ, будущій глава его увидѣлъ ожидающія его непобѣдимыя трудности. Въ самомъ дѣлѣ, его министерство могло быть только переходное, въ ожиданіи того времени, когда наступитъ законный срокъ для возобновленія существующей палаты депутатовъ (лѣтомъ 1858 года) (1). Между тѣмъ общественное мнѣніе, очень хорошо понимая, что противорѣчіе его парламентскому большинству не можетъ кончиться лишь перемѣною министерства, требовало одновременнаго распушенія прежней палаты и немедленнаго созванія новой. Не надѣясь побѣдить трудности этого положенія, Бруккеръ отказался составить министерство. Тогда король обратился прямо къ либеральной оппозиціи и передалъ то же порученіе г. Рожье, одному изъ благоразумнѣйшихъ и опытнѣйшихъ ея членовъ, который два раза уже былъ

(1) Бельгійская палата возобновляется лишь на половину своихъ членовъ.

во главѣ бельгійскаго министерства (въ 1832 и 1848). Рожье не иначе могъ взять на себя составленіе новаго кабинета, какъ подъ условіемъ немедленнаго распущенія нижней палаты. Между другими именами представленнаго имъ списка находилось также имя г. Фреръ-Орбана, то-есть того изъ членовъ оппозиціи, который всѣхъ неутомимѣе ратовалъ противъ закона о благотворительности. Первые предложенія г. Рожье нѣсколько затруднили осторожнаго короля, такъ что онъ пожелалъ имѣть еще одно совѣщаніе съ главою бывшаго кабинета; но какъ послѣдняя предложенная комбинація оказалась единственно-возможною, то онъ наконецъ и не хотѣлъ болѣе отказать ей въ своемъ утвержденіи. Такъ, наканунѣ самаго открытія палатъ, составилось новое либеральное бельгійское министерство. Составъ его пока слѣдующій: Рожье—иностранныхъ дѣлъ; Фреръ-Орбанъ—финансовъ; Тешъ — внутреннихъ дѣлъ; Фанденперебомъ — публичныхъ работъ; генералъ Бертенъ — министръ военный; баронъ де Фріеръ—министръ юстиціи. На другой день палата депутатовъ открыла свои засѣданія, и на первомъ же изъ нихъ прочитанъ королевскій декретъ, подписанный новыми министрами о распущеніи палаты. Собраніе разошлось при кликахъ: да здравствуетъ король! Страна спокойно ожидаетъ новыхъ выборовъ, которые должны происходить черезъ 40 дней; палаты же будутъ созваны вновь черезъ два мѣсяца.

Такъ, несмотря на зловѣщія предсказанія католическихъ журналовъ, мирно разрѣшился кризисъ, который внушалъ опасенія даже многимъ друзьямъ законной свободы. Бельгія доказала еще разъ, что она созрѣла для конституціонныхъ учреждений, или что она такъ же умѣетъ пользоваться своими правами, какъ и исполнять свои обязанности. За то поведеніе ея въ послѣднихъ обстоятельствахъ заслужило ей всеобщее одобреніе и дало ей новыя права на уваженіе Европы. Англійскія газеты съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что конституціонное воспитаніе народа въ Бельгіи уже принесло свои плоды, и охотно отдаютъ справедливость умѣренности и благоразумію политическихъ партій, которыя ведутъ въ ней борьбу за первенство. Даже *La Patrie*, забывъ на время свою заклятую вражду къ такъ-называемому ею «парламентаризму», должна признаться, что въ недавнихъ событіяхъ Бельгія показала на себѣ образецъ политической мудрости. Куда же дѣвались тѣ призраки революціи, которыми клерикальные журналы, въ самой Бельгіи и во Франціи, старались запугать воображеніе своихъ читателей?

Много интереса возбуждаютъ также новые выборы, которые должны происходить въ скоромъ времени въ Сардинскомъ королевствѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе этихъ обоихъ конституціонныхъ государствъ довольно сходно. И тамъ и здѣсь идетъ борьба между либеральною и католическою партіями. Существенная

разница впрочемъ состоитъ въ томъ, что первая управляла дѣлами въ Сардиніи, когда послѣдовало распушеніе палаты, и что самое это распушеніе произошло не вслѣдствіе кризиса, а по причинѣ законнаго прекращенія ея полномочія. Тѣмъ не менѣе, какъ скоро въ Бельгіи уже образовалось либеральное министерство, положеніе дѣлъ почти уравнивается въ томъ и другомъ государствѣ. При предстоящихъ выборахъ въ Сардиніи, католическая партія точно также выступаетъ впередъ съ своими исключительными притязаніями. Здѣсь, какъ и въ Бельгіи, она также отличается неумѣренностію своихъ угрозъ, въ случаѣ если выставленные ею кандидаты не получатъ себѣ большинства. До чего доходитъ здѣсь неумѣренность этой партіи, примѣромъ можетъ служить статья одного савойскаго журнала, которая впрочемъ имъ самимъ заимствована изъ *Univers*. Вся статья состоитъ въ раскрытіи слѣдующаго силлогизма. Король есть естественный глава католической партіи; а какъ онъ измѣняетъ ея интересамъ, то она должна подумать о присканіи себѣ новаго главы... Епископы туринскаго церковнаго діоцеза между прочимъ издали отъ себя собирательный манифестъ къ избирателямъ. Въ немъ конечно рекомендуются католическіе кандидаты, и отъ выбора или невыбора ихъ поставляется въ зависимость участь самой религіи. Къ чести генуэзскаго архіепископа (Mgr Scharvaz), надобно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ отдѣлился отъ своихъ собратьевъ и сдѣлалъ отъ себя особое, болѣе умѣренное обращеніе къ избирателямъ. Есть сверхъ того въ Сардиніи особый оттѣнокъ либеральной партіи, который находится въ постоянной оппозиціи съ правительствомъ. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ членовъ крайней лѣвой стороны, тогда какъ правительство опирается на лѣвый центръ. Его органомъ считается *Dirito*, журналъ, издаваемый въ Туринѣ. Эта партія, несмотря на свою малочисленность, также принимаетъ живое участіе въ выборахъ и ведетъ за нихъ упорную полемику съ министерскими журналами. Главный предметъ нападеній *Dirito* есть внѣшняя политика правительства. Но эти нападки находятъ себѣ еще менѣе сочувствія въ публикѣ, и въ Сардиніи является уже вѣроятность, что большая часть прежнихъ членовъ снова будутъ избраны въ палату депутатовъ, и что поэтому нельзя ожидать никакой существенной перемены какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ сардинскаго правительства.

Португальскія палаты снова открыты 4 ноября (н. ст.) рѣчью, произнесенною отъ имени короля президентомъ совѣта министровъ. Печальныя обстоятельства страны, среди которыхъ произошло созваніе палатъ, не могли не отразиться и въ самой королевской рѣчи. Въ ней говорится о новыхъ предпріятіяхъ для проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Португаліи, также о продолженіи старыхъ, и это безспорно есть самая свѣтлая сторона всего заключающагося въ рѣчи

изложенія. Но затѣмъ слѣдуетъ признаніе правительства, что въ нѣкоторой части публичныхъ доходовъ оказалось уменьшеніе, и officialное возвѣщеніе объ успѣхахъ заразной болѣзни въ столицѣ государства. Впрочемъ въ рѣчи выражена также увѣренность, что болѣзнь начинаетъ уже уступать употребленнымъ противъ нея усиленнымъ, и упоминается о предварительныхъ мѣрахъ противъ ея распространенія въ будущемъ, которыя правительство намѣрено предложить на обсужденіе кортесаитъ. Мы должны прибавить, что, по частнымъ извѣстіямъ, надежды на уменьшеніе эпидемии все еще оказываются слабы, но что дѣятельность молодого короля не ослабѣваетъ въ борьбѣ съ общественнымъ бѣдствіемъ.

Размѣры финансоваго кризиса въ Америкѣ со всѣми его послѣдствіями все болѣе и болѣе обрисовываются. 14 октября (какъ уже было извѣщено въ послѣдней книжкѣ Р. В.) банки прекратили выдачу звонкой монеты. Первый сигналъ былъ поданъ ньюйоркскимъ банкомъ; его примѣру послѣдовали и всѣ другіе. Только одинъ Chemical-banc не измѣнилъ своихъ операций. Несмотря на это, сначала еще можно было доставать звонкую монету за очень умѣренный процентъ у мѣняль, благодаря предприимчивости нѣкоторыхъ мелкихъ капиталистовъ. Сохранныя кассы не прекращали уплаты вкладчикамъ металлическими деньгами; многіе изъ нихъ взяли обратно внесенныя ими суммы; звонкую монету уступили мѣняламъ, а билетами сдѣлали новые вклады. Но скоро и сохранныя кассы стали выдавать только $\frac{1}{10}$ часть всей суммы наличными деньгами, и трудность доставать звонкую монету стала увеличиваться съ каждымъ днемъ. Говорятъ, что одинъ богатый негоціантъ, пользующійся обширнымъ кредитомъ, не могъ найти 300,000 долл. звонкою монетою на нѣсколько дней, несмотря на то, что предлагалъ 1000 долларовъ процента за день.

Это затруднительное положеніе банковъ парализовало всѣ отрасли промышленности и частію даже государственные финансы. Насчитываютъ теперь до 90 самыхъ важныхъ банкротствъ, а сумму ихъ несостоятельности опредѣляютъ въ 900 милл. долл. Въ одномъ Нью-Йоркѣ лежитъ въ складочныхъ мѣстахъ на 160 милл. долл. товаровъ, за которые не можетъ быть уплачена пошлина. Придется можетъ быть большую часть ихъ отвезти обратно. Запросъ на американскіе товары очень слабъ. Хлѣбъ вывозится въ значительномъ количествѣ; но на хлопчатую бумагу мало требованій; до сихъ поръ вывезено изъ Нью-Йорка товаровъ всего на 683,868 долл.; привезено на

2,359,095 долл. Правительство тоже находится въ довольно затруднительномъ положеніи вслѣдствіе того же кризиса. Нельзя не одобрить благородной попытки государственнаго секретаря финансовъ— пополнить недостатокъ монеты въ обращеніи ссудою изъ государственной казны; но послѣ того едва ли можетъ быть сохранено равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Изъ таможенъ почти ничего не поступаетъ въ казну. Думали было прибѣгнуть къ займу въ 13 милл. долл. Но это намѣреніе теперь оставлено или по крайней мѣрѣ отложено на время; потому что это значило бы взять обратно ту сумму, которая поступила въ предварительную уплату по внутреннимъ займамъ. Самое сильное противорѣчіе эта мѣра встрѣтила себѣ въ президентѣ республики: онъ, напротивъ, желаетъ сдѣлать возможныя сокращенія въ расходахъ по всѣмъ отраслямъ управленія и на первый разъ намѣренъ даже приостановить всѣ общественныя работы. Но и эта мѣра въ свою очередь можетъ имѣть очень дурное вліяніе на рабочій классъ; множество рукъ останется безъ занятій и нѣскольکو тысячъ людей безъ средствъ къ существованію. Ихъ уже и теперь много. По этому поводу въ Нью-Йоркѣ недавно былъ митингъ работниковъ для обсужденія мѣръ, которыя нужно принять, чтобы рабочій классъ не оставался безъ занятій и безъ средствъ для пропитанія. Стеченіе было очень многочисленное; замѣчательно впрочемъ, что все, что было сказано на митингѣ, отличалось здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ положенія дѣлъ. Ораторы особенно нападали на главную причину кризиса, которую они видятъ въ дурномъ устройствѣ банковъ и въ неумѣренности въ спекуляціяхъ главнѣйшихъ капиталистовъ. На томъ же митингѣ положено, что лучшимъ средствомъ для вспоможенія бѣднымъ работникамъ было бы начатіе общественныхъ работъ для города Нью-Йорка. Нужно замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ уже доказали прежніе опыты, это есть самое дѣйствительное и наиболѣе употребительное средство.

Барометромъ общественнаго мнѣнія по поводу этого кризиса служила биржа. При первомъ извѣстіи о закрытіи банковъ курсъ на всѣ невещественные представители цѣнностей поднялся, послѣ непродолжительнаго колебанія. Но потомъ распространился паническій страхъ, и многіе, воспользовавшись временнымъ ихъ повышеніемъ, спѣшили снова сбывать ихъ. Явилось также опасеніе, чтобы кризисъ не увеличился вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя можетъ принять правительство.

По существующему въ Америкѣ положенію о банкахъ, какъ скоро банкъ прекращаетъ выдачу звонкой монеты, правительство можетъ его принудить къ ликвидаціи его обязательствъ тѣми средствами, которыя служатъ обезпеченіемъ выпущенныхъ имъ билетовъ. Этотъ страхъ впрочемъ теперь разсѣялся; потому что члены верховнаго суда 1-го и 2-го дистрикта произнесли уже свое мнѣніе, что не

должно употреблять противъ банковъ, прекратившихъ уплату, никакихъ принудительныхъ средствъ, если не окажется въ этомъ дѣлѣ обмана (fraud). А прекращеніе выдачи звонкой монеты не есть доказательство обмана, потому что банкъ, несмотря на то, можетъ еще имѣть средства для уплаты по своимъ обязательствамъ. Это рѣшеніе было уже приложено въ одномъ процессѣ, бывшемъ въ Нью-Йоркѣ.

Единственное средство остановить кризисъ большая часть капиталистовъ видятъ въ назначеніи условнаго курса для банковыхъ билетовъ (cours forcé). Къ этой мѣрѣ прибѣгали уже не разъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; англійскій банкъ выдержалъ такимъ образомъ продолжительный кризисъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время войнъ съ Наполеономъ; въ 1837 въ минуту подобнаго же кризиса прибѣгали къ той же мѣрѣ и въ Америкѣ.

Причины настоящаго кризиса довольно ясны. Напрасно многія американскія газеты видятъ ихъ въ увеличеніи роскоши и въ усиленномъ вывозѣ металловъ за границу вслѣдствіе свободы торговли. Эти явленія суть слѣдствія другихъ болѣе отдаленныхъ причинъ. Главная же причина заключается въ чрезмѣрномъ развитіи спекуляцій и въ непрочномъ основаніи кредита въ Америкѣ. Банки дѣлаются участниками всѣхъ спекуляцій, даже часто слишкомъ рискованныхъ. Ими выпущено было чрезмѣрное количество билетовъ; но въ каждомъ государствѣ существуетъ потребность только въ опредѣленномъ количествѣ представителей цѣнности. Вотъ почему всякій лишній выпускъ билетовъ вытѣсняетъ равнозначительную ему массу денегъ, которыя уходятъ за границу посредствомъ внѣшней торговли. Оградите границы таможенями, не выпускайте денегъ изъ государства, звонкая монета можетъ—быть будетъ уходить за границу въ меньшемъ количествѣ, но банковые билеты потеряютъ часть своей цѣнности; а этотъ экономическій переворотъ почти не менѣе того, который совершается теперь.

Этотъ кризисъ сильно отозвался и въ Европѣ, съ одной стороны по ея слишкомъ тѣсной связи съ Сѣверо-Американскими Штатами, а съ другой — вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ: ибо и здѣсь въ послѣднее время накопилось много разнаго рода бумажныхъ денегъ (представителей цѣнности). Европа не можетъ обойтись безъ многихъ американскихъ товаровъ; хлопчатая бумага сдѣлалась для Европы совершенною необходимостью. За всѣ произведенія Америки она должна въ настоящее время платить золотомъ, а это влечетъ за собой почти такой же переворотъ въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ. Но послѣдствія этого кризиса здѣсь обнаружались еще не такъ ясно. Болѣе всего обозначился онъ въ Англии. 6-го ноября, на биржѣ происходило чрезвычайное волненіе; облигаціи отвержденнаго долга, колебавшіяся между 89 и 90, упали до 87³/₄; потомъ снова повысились по полученіи извѣстій, что французскій банкъ не повысилъ

учета. Директоры банка испросили разрѣшеніе выйти изъ опредѣленнаго имъ законами предѣла для оборотовъ на 4,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Учетъ повышенъ до 9⁰/₀; но и это необыкновенное его увеличеніе не уменьшило требованій на звонкую монету. Къ дѣйствительной потребности въ ней присоединился еще паническій страхъ: всѣ спѣшатъ запасаться на всякій случай. Учетъ вѣроятно будетъ еще болѣе повышенъ. Въ промышленности—совершенный застой; товары не имѣютъ сбыта; особенно плохо идетъ шерсть, шерстяная пряжа и ткани. Многіе торговые дома обанкротились. Положеніе дѣлъ въ провинціяхъ еще хуже. Многіе изъ банковъ прекратили выдачу звонкой монеты. Въ Глазго опасались даже возстанія, и чтобы предупредить его, должны были употребить военную силу. Во Франціи дѣла не достигли еще такого состоянія; но парижскій банкъ значительно повысилъ процентъ учета. Въ обществѣ господствуетъ страхъ въ ожиданіи кризиса. Въ промышленности тоже чувствуется застой. На фабрикахъ уменьшаются работы. Вслѣдствіе денежнаго кризиса цѣны на многіе товары значительно упали: особенно на вино, масло, шерсть, шелкъ и различные колониальные товары. Императоръ, для успокоенія публики, адресовалъ слѣдующаго содержанія письмо къ министру финансовъ Мэню:

«Г. министр!

«Я съ горестію вижу, какъ безъ всякой явной и дѣйствительной причины подрываютъ общественный кредитъ ложными опасеніями и какими-то средствами противъ зла несуществующаго. Нужно признаться, что прошлаго года эти опасенія имѣли основаніе. Рядъ неурожайныхъ годовъ заставлялъ насъ высылать по нѣскольку сотъ милліоновъ звонкою монетою въ уплату за хлѣбъ, котораго у насъ не доставало, но несмотря на это мы предупредили кризисъ и опровергли печальныя предсказанія людей, распространявшихъ тревогу, очень простыми, но благоразумными мѣрами, вовремя принятыми Французскимъ банкомъ. Какъ же не хотятъ понять, что тѣ же самыя средства, облегченныя еще закономъ, позволяющимъ банку возвышать процентъ учета, будутъ вполне достаточны, чтобы сохранить въ банкѣ звонкую монету, которая ему необходима, потому что мы въ гораздо лучшемъ положеніи противъ прошлаго года, и запасъ звонкой монеты въ банкѣ гораздо значительнѣе?»

«Я васъ прошу опровергнуть тѣ нелѣпыя проекты, которые приписываются правительству, и распространеніе которыхъ порождаетъ опасенія. Съ гордостію можемъ мы утверждать, что кредитъ во Франціи основанъ на болѣе широкихъ и прочныхъ началахъ, нежели гдѣ-либо. Замѣчательный отчетъ, который вы мнѣ представили, служить тому доказательствомъ. Вдохните мужество въ тѣхъ, которые напрасно пугаются, и увѣрьте ихъ, что я вовсе не намѣренъ употребить

тѣхъ эмпирическихъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ обстоятельствахъ, къ счастью, довольно рѣдкихъ, когда именно разражаются надъ страною катастрофы, которыхъ не можетъ предвидѣть человѣческая мудрость.»

Говорятъ, что эти обѣщанія нѣсколько успокоили общественное мнѣніе; но врядъ ли возвышеніе процента при учетѣ можетъ совершенно предотвратить отъ Франціи тотъ кризисъ, который свирѣпствуетъ въ Америкѣ и Англій, и признаки котораго замѣчаются и въ другихъ государствахъ Европы.

Государь Императоръ еще въ мартѣ прошлаго года Высочайше повелѣть соизволилъ: приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ, для того, *дабы этимъ дополнить великую и стройную систему народнаго образованія*. Почетный попечитель Костромской губернской гимназіи, Александръ Николаевичъ Григоровъ, первый задумалъ ходатайствовать объ открытіи, на его счетъ, въ Костромѣ училища для дѣвицъ *всѣхъ свободныхъ состояній*. Онъ купилъ для этого въ Костромѣ обширный и съ прекраснымъ садомъ (за 30,000 рублей) каменный домъ, обязался ежегодно вносить на жалованье учителямъ по 2,000 рублей; плату за образованіе опредѣлилъ, по взаимному соглашенію съ директоромъ гимназіи, самую умеренную, а именно: въ первыхъ трехъ классахъ по 20 руб., а въ трехъ послѣднихъ по 30 руб. за каждую дѣвицу въ годъ; сверхъ того имъ назначено: 12 бѣднѣйшихъ дѣвицъ обучать вовсе безденежно, и за 12 вносить отъ себя. Открытіе училища совершено г. Григоровымъ 26-го августа сего года, въ воспоминаніе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. По распоряженію министерства, въ составъ училища поступилъ, на первый разъ, существовавшій въ Костромѣ частный женскій пансіонъ г-жи Шкотъ, которая при этомъ сдѣлана начальницею училища. На другой же день по открытіи училища, начались въ немъ классы, и дѣло пошло какъ заведенные часы. Теперь обучается въ немъ болѣе семидесяти дѣвочекъ (въ томъ числѣ постоянныхъ пансіонерокъ 28), изъ которыхъ большая часть дѣти дворянъ и чиновниковъ, а меньшая купческаго и духовнаго сословій, и не проходитъ дня, въ который бы не поступало просьбы о принятіи въ училище дѣвочекъ: доказательство, какъ велика потребность въ такого рода заведеніяхъ. Костромское дворянство выразило недавно признательность свою почтенному Александру Николаевичу публичнымъ торжествомъ.

— Государственный совѣтъ высочайше утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ положилъ: 1) Впредь до изданія новаго устава о несостоя-

тельности лицъ неторговаго званія, въ замѣнѣ 3,059 ст. Зак. Гражд. и первыхъ двухъ примѣчаній къ оной, постановить: ст. 3,059. «По собраніи свѣдѣній объ имѣніи и долгахъ несостоятельнаго, губернскаго правленіе дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ имѣнія и объ удовлетвореніи представленныхъ и правильно, гдѣ слѣдовало, явленныхъ обязательствъ съ залогами; остающееся, за удовлетвореніемъ оныхъ, имущество должника принимаетъ въ свое вѣдомство и, по вызовѣ къ определенному сроку всѣхъ прочихъ заимодавцевъ, составляетъ изъ оныхъ, подъ своимъ вѣдѣніемъ, конкурсное управленіе, для уплаты всѣхъ прочихъ долговыхъ обязательствъ и взысканій.» *Примѣчаніе.* «Относительно состава сего конкурса и порядка производства въ ономъ дѣлѣ слѣдуетъ руководствоваться общими правилами, постановленными въ *Сводѣ Уставовъ Торговыхъ дѣлъ* о несостоятельныхъ лицахъ торговаго званія, когда сіи правила не противорѣчатъ особымъ узаконеніямъ, собственно для дѣлъ о несостоятельныхъ лицахъ неторговаго званія постановленнымъ. При семъ, изложенный въ упомянутыхъ Уставахъ обязанности присяжнаго попечителя и коммерческаго суда или магистрата возлагаются на губернскаго правленіе.»

— По извѣстіямъ изъ Владиміра, тамъ съ половины сентября начались первоначальныя изысканія по проложенію нижегородской желѣзной дороги. Они производятся по южному краю города, у самаго дѣваго берега рѣки Клязьмы. Владѣльцы земель, черезъ которыя идетъ ливня, съ полною готовностію способствуютъ успѣху розысканій, и не могутъ нахвалиться предупредительностію и вѣжливостію инженеровъ компаніи и ихъ уваженіемъ къ интересамъ владѣльцевъ.

— 12-го октября прибыли въ Одессу изъ Англіи принадлежашіе Русскому Обществу Пароходства и Торговли пароходы—бухсирь *Батюшка*, *Матушка* и *Братецъ*.

Новѣйшія извѣстія.

Газета *Nord* сообщаетъ ноту с.-петербургскаго кабинета русскому посланнику въ Константинополь, служащую отвѣтомъ на первую турецкую ноту о княжествахъ. Россія остается въ томъ же положеніи, въ какомъ она была прежде относительно того же вопроса. То-есть, не произнося своего рѣшенія ни въ пользу, ни противъ соединенія княжествъ, она, въ силу трактата 18-го марта, скажетъ свое окончательное мнѣніе лишь на парижской конференціи.

— Молдавскій диванъ, обнаруживъ желанія, касающіяся соеди-

венія, перешелъ къ вопросамъ внутренней политики и управления. Программа ихъ состоитъ изъ 12 пунктовъ. Изъ нихъ замѣчательны особенно слѣдующіе: свобода торговли, свобода вѣроисповѣданія, равенство всѣхъ Румыновъ передъ закономъ, независимость магистратуры, отвѣтственность министровъ и пр. *Journal des Débats* замѣчаетъ, что почти такая же программа была недавно предложена для исполненія тунисскому бею французскимъ адмираломъ.

— Въ Лондонѣ получены двѣ официальные депеши о взятіи Дельги. Въ нихъ впрочемъ не заключается ничего новаго. По нѣкоторымъ частнымъ извѣстіямъ, жителямъ Дельги, кромѣ женщинъ и дѣтей, не оказано было никакой пощады со стороны побѣдителей. Эта опечаливающая всѣхъ друзей человѣчества новость впрочемъ еще имѣетъ нужду въ подтвержденіи.

— *Le Pays* такъ повѣряетъ первыя извѣстія объ освобожденіи Лакнау позднѣйшими. Англичане занимаютъ не городъ, а цитадель лакнаускую, находящуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Генералу Отрему удалось прорваться сквозь ряды осаждающихъ и доставить гарнизону необходимые припасы; но теперь онъ самъ запертъ со всѣхъ сторонъ въ крѣпости. Генералъ Гевлокъ, командующій другою колонною, расположился неподалеку отъ цитадели лагеремъ на возвышеніи; но онъ связанъ непріятельскою арміею, которая занимаетъ городъ и которую полагаютъ въ 20,000 человекъ. Все это можетъ разъясниться лишь при дальнѣйшихъ извѣстіяхъ.

— Въслѣдствіе чрезвычайной мѣры, принятой англійскимъ правительствомъ въ пользу банка, англійскій парламентъ созывается къ 3 декабря сего года. Полагаютъ впрочемъ, что это засѣданіе его, какъ чрезвычайное, будетъ непродолжительно.

— 14-го ноября происходило въ Парижѣ погребеніе министра юстиціи Аббатуччи, при чемъ государственный министръ Фульдъ произнесъ приличную рѣчь.

— Въ Сербіи еще не совсѣмъ разъяснилось дѣло о причинахъ открытаго тамъ заговора, какъ уже получены извѣстія, что бѣлградскій судъ первой инстанціи произнесъ надъ заговорщиками свое рѣшеніе, по которому главные изъ нихъ, въ томъ числѣ президентъ севата Стефановичъ, приговорены къ смерти.

— Извѣстія изъ Нью-Йорка становятся нѣсколько успокоительнѣе. Деньги получаютъ легче. Для Европы получено тамъ изъ Калифорніи 1,900,000 долларовъ.

— Въ Туринѣ получены извѣстія о 53 новыхъ выборахъ. Изъ нихъ только 15 принадлежатъ оппозиціи, а прочіе 38 — либеральныя, или въ пользу правительства.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МОС-
КОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

*Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской ти-
пографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,*

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ДОМАШНЯЯ и **ДОРОЖНАЯ АПТЕКА** доктора Эбермейера; пере-
смотрѣнная и исправленная докторомъ и профессоромъ Каппе. М.
1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ изученію акушерской науки, изд. орд. проф.
акуш. женск. и дѣтск. болѣзней при Импер. мед. хирург. академіи
А. Китеромъ. 2 т., съ рисунк. и табл. Спб. 1857. Ц. 4 р., съ пер.
5 руб.

РАЗВИТІЕ ПОНЯТІЙ о преступленіи и наказаніи въ русскомъ
правѣ до Петра Великаго. Разсужденіе А. Богдановскаго. М. 1857.
Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ЗЕМЛЕНАУКИ. ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЕОПИ-
САНІЕ ЗЕМНАГО ШАРА.** Съ 8 карт. и 15 политип. Сост. Н. Раз-
умовъ. Выпускъ I. Протогея, или первоначальныя свѣдѣнія о землѣ.
Топогея. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

КЛИНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, содержащая описаніе всѣхъ
внутреннихъ болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ, съ изложеніемъ ихъ
признаковъ, распознаванія и лѣченія, съ прибавленіемъ краткой
рецептуры и фармакологіи. Сост. для врачей и учащихся, докторомъ
Мартелломъ Франкомъ. Пер. съ нѣм. Конст. Рубинштейнъ. М. 1857.
Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОЧЕРКИ и **РАЗКАЗЫ** Грицко Григоренко. Спб. Ц. 1 р., съ пер.
1 р. 50 к.

Полный всеобщій ПИСЬМОВНИКЪ, примѣненный ко всѣмъ клас-
самъ общества. Собраніе практическихъ примѣровъ на всѣ случаи
общественной жизни, съ приложеніемъ образцовыхъ писемъ извѣ-
стнѣйшихъ авторовъ, содержащій письма родственныя и дружескія,
письма просительныя и утѣшительныя, письма рекомендательныя,
письма описательныя, письма влюбленныя, письма коммерческія,
письма образцовыя и другія. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О существенныхъ свойствахъ **ЗОЛОТУШНОЙ БОЛѢЗНИ**, сред-
ствахъ узнавать и пользоваться оною. Соч. Хр. Вил. Гуфеланда. Изд.
3-е. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

АКЦИОНЕРОВЪ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ недавняго времени духъ ассоціаціи повѣялъ на Россію. Съ каждымъ годомъ являются разнородныя промышленныя товарищества на паяхъ или компаніи на акціяхъ, оживляя ея промышленныя силы и содѣйствуя развитію народнаго богатства. Но чѣмъ болѣе акціонерныя товарищества увеличиваются въ числѣ, приобретаютъ значенія и проникаютъ во всѣ отрасли промышленной и торговой дѣятельности, тѣмъ настоятельнѣе представляется необходимость подвергать дѣйствія этихъ учреждений суду общественнаго мнѣнія. Существенное условіе правильнаго развитія промышленныхъ товариществъ заключается въ публичности ихъ дѣйствій, которая состоитъ въ сообщеніяхъ, отъ времени до времени, точныхъ данныхъ *«не объ одной дѣятельной, но и страдательной сторонѣ предпріятія, — не объ одной свѣтлой, но и темной сторонѣ его»*. Подобная гласность, охраняя интересы акціонеровъ, представляетъ нѣкоторымъ образомъ публичный контроль такого рода учреждений.

Журналъ для акціонеровъ, специально посвященный цѣли и дѣйствіямъ промышленныхъ товариществъ, составляетъ естественный органъ подобной гласности: — въ немъ сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, касающіяся до акціонерныхъ компаній, въ немъ совмѣщается публичность всѣхъ дѣйствій, отчетовъ и объявленій разныхъ обществъ и безпристрастная ихъ оцѣнка. Мѣра сочувствія, оказаннаго публикою этому журналу, еще совершенно новому въ нашей отечественной литературѣ, объясняется тѣмъ, что число подписчиковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, несмотря на истекающій годъ.

Подписка на 1858 годъ открыта съ 20 сентября нынѣшняго года. Журналъ для акціонеровъ будетъ выходить еженедѣльно и издаваться въ будущемъ 1858 году по прежней программѣ, подъ тою же редакціею и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ. Форматъ журнала измѣнится на болѣе удобный для чтенія. Всѣ подписчики получаютъ двѣ карты желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ: а) *Европы (безъ Россіи)* и б) *Россіи*; тѣмъ, кои не участвовали въ подпискѣ на изданіе 1857

года, будутъ выданы всѣ уставы обществъ, вышедше въ нынѣшнемъ году особыми книжками, въ томъ только случаѣ, если они подпишутся до 1 января 1858 года.

Уставы отпечатаны особыми книжками слѣдующіе: 1) Русскаго общества пароходства и торговли, 2) Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, 3) Перваго Рижскаго морскаго страховаго общества, 4) Страховаго отъ огня товарищества «Саламандра», 5) Товарищества донскаго пароходства, 6) С.-Петербургской компаніи подъ фирмою «Надежда», для морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія и для транспортированія владѣй, 7) Общества заводской обработки животныхъ продуктовъ, 8) Товарищества Суксунскихъ горныхъ заводовъ, 9) Общества «Меркурій» срочнаго пароходства по Волгѣ, Окѣ, Камѣ и ихъ притокамъ, 10) Волховскаго легкаго буксирнаго и каботажнаго общества, подъ названіемъ «Пароходство по Волхову», 11) Петергофской желѣзной дороги, 12) Общества для приготовленія продовольственныхъ и разныхъ животныхъ веществъ, а также и торговли ими, 13) Общества Сампсоніевской механической мануфактуры и 14) Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажныхъ издѣлій.

Остальные уставы русскихъ компаній выйдутъ особыми книжками въ теченіи 1857 и 1858 гг.

Каждый подписчикъ пользуется правомъ обращаться въ Контору Редакціи со всякаго рода вопросами по предмету дѣйствій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ компаній, на которые отвѣты сообщаются или въ самомъ журналѣ подъ буквами и нумерами, указанными въ письмахъ, или особыми письмами по почтѣ.

Подписчикамъ своимъ, желающимъ купить или продать акціи русскихъ и иностранныхъ компаній, Контора Редакціи сообщаетъ безвозмездно, на какое количество акцій есть покупщики или продавцы и по какой цѣнѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Конторѣ Редакціи, на Загородномъ проспектѣ, на углу Ивановской улицы, въ домѣ Адариди; въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта и въ книжномъ магазинѣ г. Дюфура; — въ Москвѣ: въ временной Конторѣ Редакціи, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Коваленкова; у книгопродавца Готье и въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

Редакція принимаетъ полную отвѣтственность за исправное доставленіе только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ указанныхъ ею въ этомъ объявленіи мѣстахъ.

Годовая цѣна остается та же, безъ доставки 4 р. 50 к., съ доставкою на домъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ губерніи 6 р.

Издатель-редакторъ К. ТРУБНИКОВЪ

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Художественная дѣятельность въ Веймарѣ. (Вагнеръ и его оперы. — Францъ Листъ. — Живописецъ Преллеръ. — Возобновленіе Вартбурга.) С. А. РАЧИНСКАГО,
Парижскія письма. Я. ФЕЛЬДЕНА.
Политическое Обзорѣніе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1858 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова и Ко, въ Армянскомъ переулкѣ, и при книжной лавкѣ И. В. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При книжной лавкѣ С. А. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Тамъ же подписка продолжается

НА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ СЕГО 1857 ГОДА.

Цѣна за ПОЛУГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ *восемь рублей*, съ пересылкою и доставкою на домъ *девять рублей серебромъ*.

Печатать позволяется. Ноября 15-го, 1857 года.

Цензоръ *Н. Фомъ-Крузе*.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВНАДЦАТЫЙ

1857

НОЯБРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I —КАТОНЪ СТАРШІЙ. — I. II. III. — . . . К. К. ЗЕДЕРГОЛЬМА.
II.—МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА. (Продолженіе). В. В. СТАСОВА.
III —" ПУБЕЖЪ. Повесть. (Окончаніе). ЕВГЕНІИ ТУРЪ.
ВАЯ СТАНЦІЯ. (Изъ воспоминаній И. В. С—ВА.
ДЕЛЬГИ ДО КАНПУРА. (Дневникъ Ан-
личанки.) Статья д-ра Менара.—I. II. III.—
ОБЪ ОТМѢНЕНИИ И ВЫКУПѢ ПОМѢЩИЧЬ-
ИХЪ ГОСПОДСКИХЪ ПРАВЪ ВЪ ПРУССІИ. Г. ГАКСТГАУЗЕНА.
VII.—СТИ ХОТВОРЕНІЯ:
Еще майская ночь А. А. ФЕТА.
На стогъ сѣна ночью южной ЕГО ЖЕ.
VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛВТОНИСЬ. (См. на оборотѣ.)

Благодаря нѣкоторымъ изъ нашихъ сотрудниковъ, находящимся за границей, мы получили переводъ двухъ первыхъ выпусковъ новаго романа Текера *THE VIRGINIANS*, вышедшихъ въ свѣтъ за мѣсяць передъ симъ, и надѣемся начать печатаніе этого романа съ первой книжки будущаго года.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

КАТОНЪ СТАРШІЙ

I.

«Велико могущество Римлянъ; много совершили они славныхъ военныхъ подвиговъ; благоразуміемъ и твердостью они поработили себѣ отдаленныя страны. Царей, нашедшихъ на нихъ съ края земли, они поразили, и бывшіе соперники ихъ даютъ имъ дань по всѣмъ лѣтамъ. Сокрушили они и Филиппа и Персея, китійскихъ царей, возставшихъ на нихъ, и Антиоха Великаго, царя асійскаго, шедшаго противъ нихъ на брань, имѣвшаго сто двадцать слоновъ, конниковъ, и колесницы, и великую силу... И прочія царства и острова, которые нѣкогда противились имъ, истреблены и поработены ими. Съ друзьями же своими и союзниками сохраняютъ дружбу, и овладѣли царствами, ближними и дальними, и кто слышитъ имя ихъ, боится ихъ. Кому они помогаютъ, и кого хотятъ воцарить, тотъ царствуетъ, а кого хотятъ, низлагаютъ, и высоко вознеслись они. И при такомъ могуществѣ никто изъ нихъ не возлагалъ на себя діадимы, ни облачался въ порфиру, тщеславясь ею. И сотворили совѣтную палату, и на всякій день совѣщаются въ ней триста двадцать совѣтниковъ о благоустройствѣ народовъ. И кому они ежегодно вѣряютъ начальства и господства надъ всею землею своею, тому всѣ повинуются, и нѣтъ между ними ни зависти, ни раздоровъ.»

Такъ въ книгахъ Маккавеевъ (1), изображено возрастаніе могущества Римлянъ, и съ поразительною вѣрностію указано на причины ихъ величія. Дѣйствительно, не одною храбростію возвысились они надъ другими народами, но также «совѣтомъ и долготерпѣніемъ», благородіемъ и твердостію во всѣхъ предпріятіяхъ, и еще болѣе внутреннимъ единодушіемъ. Всемирное владычество Римлянъ было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ ихъ политическаго превосходства надъ всѣми народами древности, и по этому самому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было благотвительно и для покоренныхъ странъ: въ замѣнъ независимости, которою нерѣдко пользовались не къ благу своему, даровало имъ лучшіе законы и внѣшнее благоустройство; разрозненныя, враждовавшія племена и народы привело хоть къ внѣшнему единству, и такъ же какъ съ своей стороны распространеніе эллинской образованности и эллинскаго языка, служило приготовленіемъ древняго міра къ принятію христіанства.

Но какими средствами распространяли Римляне свое владычество, и какія были ближайшія его послѣдствія? Гдѣ Римляне встрѣчали сильное сопротивленіе, тамъ опустошительныя войны со всѣми ихъ ужасами продолжались по цѣлымъ столѣтіямъ, процвѣтавшія нѣкогда страны обращались въ пустыни, цѣлыя племена исчезали съ лица земли, другія лишались на вѣки независимости и принуждены были нести тяжкое бремя римскаго подданства, и наконецъ, кромѣ «законныхъ» требованій сената, беззаконныя угнетенія римскихъ намѣстниковъ, сборщиковъ и ростовщиковъ, довершали гибель и разореніе провинцій. И самимъ Римлянамъ дорого обошлись ихъ побѣды. Между тѣмъ какъ Римъ богатѣлъ и становился могущественнѣе, Италия послѣ войны съ Аннибаломъ обѣднѣла и опустѣла, народонаселеніе значительно убавилось, земледѣліе, основа народнаго благосостоянія, пришло въ крайній упадокъ. Къ этому присоединялся упадокъ и государственнаго благоустройства. Стали встрѣчаться примѣры, что, пользуясь отдаленностію отъ Рима, полководцы по произволу своему изъ назначенныхъ имъ провинцій переходили въ чужія, безъ сенатскаго указа начинали войны, если въ томъ находили личную выгоду (2). Въ самомъ Римѣ смѣлые честолюбцы начинаютъ открыто дѣйствовать на переکورъ сенату, пользуясь своимъ вліяніемъ на толпу народную. Наконецъ без-

(1) I Маккав. гл. 8 ст. 1—16.

(2) Liv. 41, 7; 43, 1.

прерывныя войны, сближеніе съ многочисленными народами и стеченіе въ Римъ несмѣтныхъ сокровищъ подрывали прежнюю простоту и строгость нравовъ, роскошь усиливалась, и Римляне стали предаваться неизвѣстнымъ прежде порокамъ. Однимъ словомъ, въ побѣдителяхъ Аннибала и Персея мы уже видимъ начатки той нравственной порчи и тѣхъ общественныхъ пороковъ, которые въ ужасающихъ размѣрахъ проявились въ послѣдніе годы республики и во времена имперіи.

При первомъ появленіи своемъ эти пороки встрѣтили грознаго обличителя и преслѣдователя въ лицѣ Катона Старшаго. Среди извѣннаго и развратнаго общества сохранивъ всю простоту и строгость древнихъ Римлянъ, а на государственномъ поприщѣ являя собою примѣръ безкорыстнаго служенія отечеству и покорности законамъ, онъ въ продолженіе всей жизни безпощадно обличалъ пороки и преступленія своихъ современниковъ, и, по сравненію Плутарха, какъ искусный боецъ, не оставляющій и въ глубокой старости своихъ любимыхъ упражненій, до послѣднихъ дней своей жизни велъ ожесточенную борьбу противъ современнаго ему направленія римскаго общества.

Уже самое дѣтство и юность его должны были поставить его въ оппозицію съ господствовавшимъ направленіемъ, и также развить въ немъ ту необычайную энергію, приготовить его къ той многосторонней и неутомимой дѣятельности, которою онъ отличался до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. *Маркъ Порцій Катонъ* (прозванный старшимъ, въ отличіе отъ правнука своего, погибшаго въ Утикѣ) родился (въ 234 г. до Р. Х.) въ Тускулумѣ (3), муниципальномъ городкѣ, недалеко отъ Рима, и хотя онъ самъ, превознося военные подвиги своихъ предковъ, утверждалъ, что по ихъ доблестямъ родъ его былъ весьма древній, однако никто изъ нихъ не достигалъ консульскаго сана, и потому до него Катоны не были знатными (nobiles), а онъ самъ былъ *новымъ человекомъ* (homo novus), и могъ возвыситься только личными достоинствами. Кромѣ происхожденія, его отдѣляла отъ современной знати та крайняя простота и строгость въ образѣ жизни, къ которой онъ привыкъ смолоду. До вступленія на государственное поприще онъ жилъ въ небольшомъ отцовскомъ помѣстьѣ, въ странѣ Сабиновъ, которые передъ другими италійскими пле-

(2) Plin. N. H. 29, 8 (4). Cic. Brut. 20, 80. Plut. Cato M. 1. cf. Dru-
mann Röm. Gesch. V. S. 98. Cic. de rep. I, 1. Nep. Cato 1.

менами славилась особенною чистотою нравовъ, трудолюбіемъ и упорнымъ соблюденіемъ отцовскихъ обычаевъ. Ихъ примѣръ, конечно, не остался безъ вліянія на Катона. Къ тому же онъ не былъ богатъ, и, какъ самъ говорилъ въ послѣдствіи, въ молодости не зналъ роскоши и излишествъ, съ самаго начала проводилъ жизнь свою въ лишеніяхъ и трудахъ. Заодно съ рабами онъ трудился на полѣ, и довольствовался одною съ ними пищею (1). Не бывъ изнѣженъ и разслабленъ въ молодости, онъ до глубокой старости былъ въ состояніи переносить тяжкіе труды и не прерывать своей необычайной дѣятельности. Отъ сельскихъ трудовъ Катонъ перешелъ къ трудамъ и лишеніямъ военной жизни. Съ семнадцати лѣтъ (2) онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Аннибаломъ. Въ 214 г., уже въ должности военного трибуна, онъ воевалъ въ Кампаніи подъ начальствомъ Кв. Фабія Максима Кунктатора (Медлителя); пять лѣтъ спустя, былъ при взятіи Тарента Фабіемъ же (3), а въ 207 г. мы его видимъ въ отборномъ отрядѣ, съ которымъ Клавдій Неронъ изъ Апуліи, оставивъ тамъ Аннибала, быстро двинулся въ Умбрию, и при Метаврѣ разбилъ Аннибалова брата Аздрубала, угрожавшаго Риму немаломъ опасностію; въ битвѣ при Метаврѣ отличился и Катонъ (4), и уже въ молодости тѣло его было покрыто ранами, свидѣтельствовавшими о его храбрости (5). Такимъ образомъ въ Аннибаловой школѣ Катонъ научился военному дѣлу, и подвигами на ратномъ полѣ открылъ себѣ доступъ къ государственному поприщу. Для вѣрнѣйшаго успѣха на немъ онъ сперва нѣсколько лѣтъ занимался тяжёлыми дѣлами; съ 207 г. живя въ своемъ Сабинскомъ помѣстьѣ, обходилъ сосѣднія мѣстечки и города, и кто нуждался въ адвокатѣ, тому безвозмездно предлагалъ свою помощь (6). Въ 204 году, тридцати лѣтъ отъ роду, Катонъ былъ избранъ въ квесторы, отчасти по ходатайству патриція Валерія Флакка, приверженца старины, уважавшаго Катона за трудолюбіе и строгость въ образѣ жизни, и вѣроятно не безъ содѣйствія Фабія, съ которымъ Катонъ сблизился въ Кампаніи и подъ Тарентомъ. Первымъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣломъ Катоновымъ было обвиненіе Сципіона въ нарушеніи военной дисциплины и

(1) Meier Orat. Rom. fragm. Paris. 1837. pag. 169. Plut. l. c. 3.

(2) Plut. l. c. 1. (3) Cic. de sen. 4, 10. Plut. l. c. 2. Nep. l. c. 1. Drumann l. c. S. 99. (4) Nep. l. c. 1. (5) Plut. l. c. 1. 3. (6) Liv. 29, 19—25. Plut. l. c. 3. Appian. 8, 7.

отступленіи отъ отечественныхъ обычаевъ (1). Потомъ, въ 199 г., онъ былъ сдѣланъ плебейскимъ эдиломъ, а въ слѣдующемъ году въ санѣ претора отправился въ Сардинію. Преторство свое онъ ознаменовалъ безкорыстіемъ и строгою справедливостію въ управленіи провинціей (2), а консульство 195 г. попыткою остановить развитіе роскоши въ Римѣ, потомъ блистательными военными подвигами въ Испаніи. Удостоившись триумфа, онъ не почилъ на лаврахъ (3); въ 190 г. бывший консулъ и военачальникъ, по прекрасному римскому обычаю, отъ котораго уже стали уклоняться, вступилъ вновь въ ряды воиновъ, и подъ начальствомъ Ацилія Глабріона, въ Греціи снова покрылъ себя военною славою (4). Теперь онъ исключительно посвятилъ себя ораторской и судебной дѣятельности, энергически преслѣдовалъ злоупотребленія и нововведенія, и особенно въ 184 г., бывъ избранъ въ цензоры, доказалъ свою неукротимую энергію строгими мѣрами, направленными и противъ отдѣльныхъ лицъ, и противъ цѣлыхъ классовъ общества (5). Достигнувъ цензорскаго сана, высшаго въ республикѣ, рѣдко достигаемаго людьми, какъ онъ, безродными, Катонъ и здѣсь не остановился; онъ не хотѣлъ остальные дни своей жизни посвятить отдохновенію, и сохранилъ столько нравственной силы, что могъ начать новый родъ дѣятельности: когда ему минулъ пятый десятокъ, онъ предался литературнымъ занятіямъ (6), и съ такимъ жаромъ и успѣхомъ, что сдѣлался первымъ замѣчательнымъ латинскимъ писателемъ по всемъ главнымъ отраслямъ. Кромѣ того онъ продолжалъ ревностно заниматься хозяйствомъ и торговыми оборотами, и не переставалъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ: до послѣднихъ дней его жизни мощный голосъ его раздавался и въ сенатѣ и въ народномъ собраніи. «Катонъ, говоритъ Ливій (7), обладалъ такою силою воли и такимъ великимъ умомъ, что, кажется, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни родился, онъ вездѣ пріобрѣлъ бы значеніе. Ему не было неизвѣстно ни одно искусство, относящееся къ домашнему хозяйству или къ государственному управленію. Въ дѣлахъ гражданскихъ и сельскихъ онъ былъ оди-

(1) Liv. 32, 7. 27. Plut. l. c. 6. Nep. l. c. 3. Во время эдильства Катонъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ возобновилъ плебейскія игры и учредилъ празднество въ честь Юпитера. (2) Liv. 34, 1—21. 46. (3) Liv. 36, 17 sq. (4) Liv. 39, 40. (5) Liv. 39. 40 sq. (6) Nep. l. c. 3. Val. Max. 8, 7, 1. Cic. de orat, 3, 33. (7) Liv. 39. 40.

наково свѣдуещъ. Къ высшимъ почестямъ вознесло иныхъ знаніе законовъ; иныхъ краснорѣчіе, иныхъ военная слава: у него умъ былъ такъ одинаково ко всему способенъ, что, чѣмъ онъ ни занимался, то одно можно бы почесть за его исключительное призваніе. Въ войнѣ онъ былъ чрезвычайно храбръ и прославился многими замѣчательными битвами. Онъ же, достигши высшихъ государственныхъ должностей, былъ отличнымъ полководцемъ; онъ же въ мирѣ былъ опытнѣйшимъ законовѣдцемъ и краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ, и не такимъ только, чтобы при его жизни слово его имѣло вліяніе, а памятниковъ его краснорѣчія не сохранилось; нѣтъ, оно оставило по себѣ живую память, и онъ обезсмертилъ себя многими сочиненіями. Много произнесъ онъ рѣчей въ защиту себя и другихъ, много также произнесъ обвинительныхъ, и тѣми и другими равно одолевая противниковъ. У него было чрезвычайно много враговъ, которые его преслѣдовали, и которыхъ онъ самъ преслѣдовалъ, и не легко сказать, знатные ли болѣе притѣсняли его, или онъ болѣе тревожилъ знатныхъ. Онъ былъ, конечно, крутаго нрава, и рѣчь его была неумѣренно свободна и рѣзка; но за то духомъ онъ не поддавался страстямъ, былъ правдивости непоколебимой, никому не угождалъ, и пренебрегалъ богатствомъ. Въ бережливости, въ перенесеніи трудовъ и опасностей, онъ и тѣломъ и душою былъ какъ будто желѣзный; даже старость, ослабляющая все, не сокрушила его силъ. Восьмидесяти шести лѣтъ, защищаясь передъ судомъ, онъ самъ написалъ, самъ произнесъ рѣчь; а на девяностомъ году онъ Сервія Гальбу потребовалъ передъ судилище народное.»

Сколько пользы долженъ былъ, повидимому, принести такой человѣкъ, при необыкновенной энергіи, составлявшей его отличительное свойство! Какъ плодотворна должна была быть его многосторонняя, неутомимая дѣятельность! Въ одномъ Катонѣ, очевидно, успѣлъ: онъ достигъ высшихъ почестей, современники уважали или боялись его, и въ дальнемъ потомствѣ прославлялось его имя. Тайна его величія и славы заключалась въ томъ, что государственная его дѣятельность, частная жизнь и самый характеръ его вполне соответствовали кореннымъ римскимъ понятіямъ. Оставаясь вѣренъ римскому духу, онъ оставался вѣренъ самому себѣ, не истрачивалъ бесполезно ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ силъ въ такой дѣятельности, или въ такомъ образѣ жизни, къ которымъ бы не имѣлъ природной способности и склонности, и при всѣхъ предпріятіяхъ своихъ долженъ былъ находить и явно и тайно поддержку въ окружающей его

средѣ; наконецъ, самому государству должно было придать нѣкоторую крѣпость сохраненіе древне-римскаго духа въ его чистотѣ. Но именно въ этомъ духѣ уже заключались причины бѣдствій и золь, обнаружившихся при столкновеніи республики съ другими народами, и именно отъ Катоновой преданности римской старинѣ зависѣло внутреннее безсиліе его громкой дѣятельности. Непозволительно, конечно, одну историческую эпоху оправдывать въ ущербъ другой; нельзя говорить, чтобы все, чѣмъ въ это время страдалъ Римъ, было законнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ прошедшей его жизни, и такимъ образомъ всю вину сваливать на старину. Каждая эпоха къ наслѣдству, завѣщанному ей предыдущею, самовластно прибавляетъ нѣчто отъ себя, и слѣдовательно за свое сама отвѣчаетъ. Но нельзя также не видѣть, что въ коренныхъ понятіяхъ и постановленіяхъ римскаго народа уже крылись сѣмена тѣхъ общественныхъ недуговъ, противъ которыхъ боролся Катонъ. Защищая старое и враждуя противъ новаго, онъ какъ бы допускалъ причину и хотѣлъ остановить слѣдствіе: созидая одною рукою, онъ самъ другою разрушалъ свое дѣло. Въ управленіи провинціями онъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ, въ требованіяхъ своихъ на волю не преступалъ предписаній закона, и покоренныя страны защищалъ отъ лихоумства и незаконныхъ притѣсненій своихъ товарищей. Но онъ же не только не ограждалъ провинцій отъ законной въ его глазахъ алчности и жестокости государственной власти, но даже всею силою поддерживалъ завоевательную политику сената, который въ видахъ обогащенія и распространенія республики жертвовалъ независимостью и даже существованіемъ другихъ народовъ. Являясь поборникомъ государственнаго благоустройства и безпощадно преслѣдуя нарушителей законовъ, Катонъ крѣпко стоялъ за устройство республики, вызывавшее тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ онъ боролся. Онъ не столько заботился объ улучшеніи господствовавшего порядка вещей, сколько преслѣдовалъ отдѣльные лица, и въ общественную дѣятельность переносилъ личную вражду. Позволительно даже думать, что онъ менѣе принесъ обществу пользы обличеніемъ вредныхъ и порочныхъ людей, чѣмъ сколько самъ увеличилъ внутренніе раздоры и нестройство. Равнымъ образомъ, противодействуя развитію роскоши и усиливавшейся испорченности нравовъ, Катонъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ содѣйствовалъ обогащенію Рима, которое должно было подорвать римскую нравственность, не имѣвшую внутренней крѣпости: тщетно думалъ онъ одними

запретительными законами возстановить прежнюю простоту нравовъ. Противоборствуя греческому вліянію, Катонъ создалъ въ независимости отъ него самостоятельную народную латинскую словесность. Но несмотря на всѣ высокія достоинства Катонovýchъ сочиненій, несмотря на пользу и важность направленія, приданнаго имъ словесности, это направленіе, по своей односторонности, чуждалось нѣкоторыхъ сторонъ высшей умственной жизни, и потому никакъ не могло замѣнить или вытѣснить греческое вліяніе. На вредныя стороны иноземнаго вліянія Катонъ указывалъ справедливо, но заблуждался, видя въ немъ одномъ корень всего зла. Частная жизнь самого Катона ясно обнаружила какъ достоинства, такъ и недостатки древне-римскаго характера, и можетъ служить доказательствомъ, что и въ римской старинѣ не было ничего прочнаго, не было того нравственнаго, вѣчно живаго начала, которое могло бы охранить отъ порчи римское общество, и животворно подѣйствовать на его возрожденіе и преобразованіе. Еслибы Катону и удалось воскресить минувшее, оно, въ силу естественнаго развитія, другими можетъ быть путями привело бы къ такому же настоящему.

Справедливость высказанныхъ нами замѣчаній, надѣмся, сдѣлается болѣе очевидною, если мы подробнѣе рассмотримъ: 1. административную и военную дѣятельность Катона въ провинціяхъ; 2. государственную и общественную его дѣятельность въ самомъ Римѣ; 3. литературную его дѣятельность, и наконецъ 4. его частную жизнь. Въ этомъ изложеніи мы иногда должны будемъ отступать отъ хронологическаго порядка: мы не имѣемъ въ виду представить здѣсь послѣдовательное и полное описаніе жизни Катоновой, но желали по возможности уяснить ея внутреннее значеніе.

II.

Извѣстно, какъ своекорыстно и произвольно дѣйствовали въ провинціяхъ римскіе сановники. Катонovo управленіе Сардиніею было въ рѣзкой противоположности съ общепринятыми правилами и обычаями. Онъ совершенно изгналъ изъ острова ростовщиковъ, которымъ другіе намѣстники провинцій обыкновенно не мѣшали

заниматься своимъ дѣломъ; сократилъ издержки и пожертвованія, дѣлаемыя обыкновенно жителями провинцій въ пользу преторовъ; отказался отъ пировъ и угощеній (*vinum honorigium*), не обременялъ провинціи ни содержаніемъ многочисленной свиты, ни подводами; самъ пѣшкомъ обходилъ города, въ сопровожденіи одного только раба, который несъ его платье и чашу для жертвоприношеній (1). Понятно, что для Сардиніи римское владычество никогда, какъ говоритъ Плутархъ, не было столь благопріятно. Но, замѣчательно, онъ же говоритъ, что никогда вмѣстѣ съ тѣмъ оно не было столь страшно. Оказывая съ одной стороны подвластнымъ всякое снисхожденіе, Катонъ съ другой стороны въ судахъ былъ строгъ и неумолимъ, и съ крайнею, неуступчивою взыскательностію требовалъ во всемъ точнѣйшаго исполненія приказаній. Впрочемъ, въ провинціи покоренной строгость и энергія Катона могли служить и ко благу ея жителей, и въ буквальномъ смыслѣ нельзя принять вышенаведенныхъ словъ Плутарха. Римляне нерѣдко распоряжались въ Сардиніи такъ энергически, что Катонова строгость должна была показаться благотвительною кротостію. Такъ напримѣръ, въ 177 г., при усмиреніи нѣкоторыхъ возмущившихся сардинскихъ племенъ, въ сраженіяхъ убито 15,000 человекъ, а потомъ въ Римъ привезено такое множество плѣнныхъ Сардинцевъ, и продажа ихъ продолжалась столько времени, что Римлянамъ это наконецъ показалось даже смѣшнымъ, и Сардинцы обратились въ пословицу; предлагая дешевую вещь, шутя говорили: «купите Сардинца». И кто же подвергнулъ Сардинію этой участи? Тиберій Семпроній Гракхъ, тотъ самый, который въ Испаніи надолго оставилъ по себѣ добрую память челоуѣколюбивыми и мудрыми постановленіями: таково было устройство и направленіе, принятое Римскою республикою, что челоуѣколюбивое обращеніе съ покоренными народами является какъ исключеніе рѣдко возможное; благотѣль одной провинціи становился волею и неволею палачомъ другой. Чтѣ касается до Катона, то избавивъ Сардинію отъ ростовщиковъ, конечно, онъ не могъ и не хотѣлъ избавить ее ни отъ *усмирительныхъ* мѣръ Гракховыхъ, ни отъ двойныхъ податей и тяжкихъ сборовъ, которыми систематически истощали ее (2): все это было выгодно казнѣ, а забота объ обога-

(1) Liv. 32, 8, 27. Plut. l. c. 6. Meier. l. c. pag. 170. (2) Liv. 41, 6 (10)—21 (26); 36, 2; 37, 2. 50; 42, 31. Val. Max. 7, 6, 1.

щеніи государства и расширеніи его владѣній составляла одно изъ главныхъ стремленій Катона. Народы, которые не показывали готовности отказаться отъ свободы и признать надъ собою господство Рима, испытали на себѣ всю тяжесть этой заботливости. Въ такомъ положеніи привелось быть Испаніи, куда Катонъ былъ посланъ въ санѣ консульскомъ, въ 195 году.

Испанія въ продолженіе многихъ лѣтъ служила театромъ войны между Римомъ и Картегеномъ. Въ 206 году Сципиону удалось совершенно выгнать Картегенянъ; но ни кротостью, ни силою нельзя было заставить Испанцевъ признать надъ собою власть Рима, и неоднократныя ихъ возмущенія побудили сенатъ въ 195 г. послать туда вмѣсто преторскаго консульское войско; изъ двухъ консуловъ того года Катону выпалъ жребій отправиться въ Испанію. Этимъ назначеніемъ Римъ могъ быть доволенъ: Катонъ былъ ревностный и даровитый исполнитель предначертаній сената, и, гдѣ касалось пользы отечества, не оставался ни передъ чѣмъ. Почти вся провинція находилась въ возстаніи; ему приходилось вновь завоевывать ее. Онъ присталъ къ испанскому берегу съ двадцатью пятью кораблями, выгналъ испанскій гарнизонъ изъ Роды, городка, находившагося въ сѣверовосточномъ углу Испаніи, близъ Пиреней, и потомъ нѣсколько южнѣе, близъ города Эмпорій, высадивъ свои войска, состоявшія изъ двухъ римскихъ легионовъ, пяти тысячъ союзниковъ и пятисотъ всадниковъ. Опустошительными набѣгами онъ распространилъ повсюду ужасъ, и потомъ разбилъ Испанцевъ въ большомъ сраженіи, въ которомъ доказалъ и личную свою храбрость, и свои стратегическія дарованія (1). Скоро вся Испа-

(1) Въ ночь передъ сраженіемъ Катонъ обошелъ непріятеля, и расположился такъ, что между Римлянами и ихъ станомъ, находился непріятельскій, и Римляне иначе какъ побѣдителями не могли возвратиться къ своимъ кораблямъ, и такимъ образомъ въ одной храбрости должны были искать спасенія. Когда же въ сраженіи на правомъ крылѣ римская конница была отбита, и, отступая, привела въ смятеніе и пѣхоту, Катонъ съ лѣваго крыла отрядилъ двѣ когорты и велѣлъ имъ зайти въ тылъ непріятелямъ, потомъ ввелъ въ сраженіе запасныя, свѣжія войска, и когда послѣ упорнаго сопротивленія непріятель обратился въ бѣгство, и Римляне пустились преслѣдовать, самъ консулъ, пользуясь общимъ безпорядкомъ, съ легиономъ, еще не участвовавшимъ въ дѣлѣ, быстро и въ стройномъ порядкѣ штурмовалъ непріятельское укрѣпленіе и взялъ его. Съ общими распоряженіями Катонъ соединялъ самое дѣятельное личное участіе въ сраженіи: обратившихся въ бѣгство онъ оста-

ня по сѣю сторону Ибера (Эбро) была покорена, и находившіеся въ ней плѣнные Римляне и Латиняне были возвращены консулу. Послѣ этого Катонъ предпринялъ походъ на югъ полуострова, на помощь къ претору Публию Манлію, воевавшему съ Турдетанцами (близъ нынѣшней Севильи), и попытался переманить на сторону Римлянъ кельтиберійскихъ наемниковъ, составлявшихъ главную силу турдетанскаго войска, но не успѣвъ въ этомъ, оставилъ претору ббольшую часть своего отряда, а самъ поспѣшилъ на сѣверъ съ семью только когортами, дабы усмирить племена, которыя въ его отсутствіе возмутились. Теперь онъ могъ спокойно заняться устройствомъ провинціи и донести сенату, что она снова находится во власти Римлянъ. Цѣль, съ которою Катонъ былъ отправленъ въ Испанію, была достигнута, но какими средствами? Если никакая война вообще не обходится безъ многого, оскорбительнаго для человѣческихъ чувствъ, то древніе Римляне въ особенности не отличались человѣколюбіемъ и умѣренностію, и о Катонѣ можно сказать только то, что онъ дѣй-

ствивалъ собственноручно и вновь обращалъ ихъ противъ непріятеля, а тѣхъ, которые, при штурмѣ лагеря, сгоряча выступали изъ строя, онъ, подѣзжая, ударялъ сѣмъ копьемъ, или трибунамъ и сотникамъ приказывалъ бить ихъ. Непріятеля Катонъ старался поражать и рукою, и голосомъ, и взоромъ, и говаривалъ, что громкій крикъ, ужасающій видъ и сильныя угрозы бываютъ иногда страшнѣе меча. Чтобы дополнить изображеніе Катона какъ полководца и воина, скажемъ здѣсь же вкратцѣ о военныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ въ войнѣ противъ Антиоха, въ Греціи въ 190 г., подъ начальствомъ Ацилія Глабріона. Антиохъ занялъ Фермопильскій проходъ, и Римлянамъ, находившимся въ Фессалии, было невыгодно напасть на него спереди. Тогда Катонъ, вспомнивъ, какъ Персы зашли въ тылъ Леониду и его Спартанцамъ, ночью пустился въ обходъ, долго блуждалъ съ своимъ отрядомъ по скаламъ и стремнинамъ, и когда разсвѣло, вдаль увидѣлъ этолійскій отрядъ, посланный для охраненія этого прохода. Тогда, по приказанію Катона, нѣсколько храбрецовъ прокрались до непріятельскаго стана, схватили тамъ одного солдата, и не давъ ему опомниться, привели его съ собою. Узнавъ отъ него о позиціи и числѣ непріятелей, Катонъ стремительно бросился на сонныхъ Этолійцевъ, вмигъ разогналъ ихъ, и напалъ на Антиоха съ тылу, въ то время, какъ Глабріонъ наступалъ спереди. Стремительное нападеніе Катона рѣшило дѣло: Антиохъ былъ совершенно разбитъ. Въ своей «Исторіи» Катонъ подробно описалъ подвиги, совершенные имъ въ этотъ день, и по его увѣреніямъ, свидѣтели его храбрости сознавались, что теперь уже не Катонъ столько обязанъ отечеству, сколько отечество Катону, и самъ Глабріонъ, обнимая его передъ всѣмъ войскомъ, воскликнулъ, что ни онъ, ни весь народъ римскій не могутъ достойно благодарить его. Liv. 36, 17—19. Plut. l. c. 12—14.

ствоваѣ, какъ древній Римлянинъ, что онъ не задумывался ради государственной пользы попереть всякое человѣческое чувство. Бергистанское племя, возмущавшееся нѣсколько разъ, продавалось въ рабство. Жители одной крѣпости, долго сопротивлявшейся, отчасти казнены, отчасти также проданы въ рабство. Для предупрежденія возмущеній у всѣхъ Испанцевъ по сю сторону Ибера отобрано оружіе: эта мѣра была такъ чувствительна и жестока для народа, издавна воинственнаго и самолюбиваго, что многіе сами себя лишали жизни. «Они, замѣчаетъ по этому случаю Ливій (29, 17), народъ отчаянный; и безъ оружія имъ и жизнь не въ жизнь.» Наконецъ Катонъ повелѣлъ всѣмъ городамъ Испаніи скрыть свои стѣны; всѣ получили это приказаніе въ одинъ и тотъ же день, и не имѣли времени переслаться между собою; каждый городъ полагалъ, что онъ одинъ получилъ это приказаніе, и всѣ его исполнили, за исключеніемъ немногихъ, которые тотчасъ сдались, какъ только передъ ними появилось римское войско. Одинъ только городъ, Сегестика, былъ взятъ силою, послѣ осады. Катонъ потомъ хвалился, что онъ въ Испаніи покорилъ болѣе городовъ, чѣмъ сколько дней онъ тамъ пробылъ, и Плутархъ, передавая эти слова, прибавляетъ, что онъ дѣйствительно покорилъ четыреста городовъ. Замѣчательно, что передъ тѣмъ, какъ приступить къ этимъ энергическимъ, но тяжкимъ и ненавистнымъ для Испанцевъ мѣрамъ, Катонъ постарался оправдать себя передъ ними, и, какъ настоящій Римлянинъ, позаботился придать своимъ поступкамъ видъ законности и необходимости. Сокрушая независимость народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ доказать ему, что онъ въ правѣ поступать такъ, и что онъ даже имѣетъ при этомъ въ виду его же благо. Созвавъ старшинъ всѣхъ городовъ, онъ сказалъ имъ: «Римлянамъ небольшого стоило труда подавить ваши возмущенія, а вамъ самимъ они приносили всегда большой вредъ; поэтому для васъ важнѣе и полезнѣе, чѣмъ для насъ, чтобъ они не повторялись; а достигнуть этого, по моему мнѣнію, можно однимъ только средствомъ: отнявъ у васъ всякую возможность впредь возмущаться. Я желаю бы исполнить это самыми кроткими мѣрами, и прошу васъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ вашимъ совѣтомъ: никакому совѣту не послѣдую охотнѣе того, который вы сами мнѣ дадите.» Другими словами Катонъ спрашивалъ ихъ, какимъ способомъ угодно имъ лишиться того, чѣмъ они дорожили болѣе жизни. Не оцѣнивъ великодушія Римлянина, предоставлявшаго имъ выбрать родъ смерти, Испанцы молчали съ непростительнымъ упорствомъ,

и послѣ этого Катонъ уже конечно былъ въ правѣ распорядиться по своему. Испанцы молчали, потому что не смѣли свободно разсуждать съ грознымъ чужестранцемъ; иначе они могли бы высказать то, что всѣ они безъ сомнѣнія думали, а именно, что есть другое, лучшее средство прекратить возмущеніе Испаніи— вывести изъ нея римскіе легіоны. И, конечно, это было бы полезнѣе для самихъ Римлянъ. «Еслибы римскій народъ, говоритъ Нибуръ (1), довольствовался господствомъ надъ одною Италіею, то онъ былъ бы счастливѣе, и нравственно чище и благороднѣе.» Но то самое, что побудило Римъ овладѣть Италіею, не позволяло довольствоваться ею, и какъ Испанцы не хотѣли отказываться отъ своей независимости, такъ и Римляне, застѣвши въ Испаніи, не могли отказаться отъ нея, тѣмъ болѣе, что въ ней находились богатые рудники. И дѣйствительно, усмиривъ провинцію, Катонъ тотчасъ же занялся правильнымъ устройствомъ желѣзныхъ и серебряныхъ рудниковъ, установленіемъ податей и доходовъ съ нихъ; съ этихъ-то поръ Испанія становилась все болѣе и болѣе доходною провинціею. Такъ одни рудники близъ Новаго Кареагена въ послѣдствіи занимали до 40,000 человекъ и ежедневно доставляли въ римскую государственную казну 25,000 драхмъ (денаріевъ), т. е. болѣе 5,000 р. с. (2). Слава о богатствахъ, пріобрѣтенныхъ въ Испаніи Римлянами, проникла до Іудей: «и слыша Іуда (Маккавей) имя Римлянъ.... и колика сотвориша въ странѣ Испанійстѣй, еже удержати руды серебра и золота, еже тамо» (I Маккав. 8, 3).

Забываясь такимъ образомъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, Катонъ съ другой стороны по возможности сокращалъ государственные расходы. Какъ изъ Сардиніи онъ изгналъ ростовщиковъ, такъ и по прибытіи въ Испанію отпустилъ обратно въ Римъ подрядчиковъ, обязанныхъ доставлять войскамъ продовольствіе, сказавъ имъ, что не нуждается въ нихъ, что «война сама себя кормитъ» (*bellum se ipsum alet*). Самъ онъ въ Испаніи на себя почти ничего не тратилъ: имѣлъ при себѣ не болѣе пяти рабовъ, употреблялъ во время переѣзда ту же пищу и то же вино, какъ и матросы, спалъ на козьей шкурѣ. Говорятъ, поѣздка его въ Испанію обошлась казнѣ въ 500 ассовъ, или около 20 р. сер. Изъ военной добычи онъ себѣ не оставлялъ

(1) R. G. 3,725. (2) Liv. 34, 8—21. Нер. l. c. 2. Plut. l. c. 10, 11. Appian. 6, 39—41. Polyb. 34, 9.

ничего, кромѣ того, что вѣлъ или пилъ. «Я не обвиняю, говорилъ онъ, тѣхъ, которые желаютъ попользоваться въ подобныхъ случаяхъ, но предпочитаю состязаться въ доблести съ хорошими людьми, чѣмъ въ богатствѣ съ богатыми, или съ жадными въ жадности.» Желая сохранить себя чистымъ отъ всякаго нареканія, Катонъ и отъ окружающихъ требовалъ безукоризненнаго поведенія. Рабъ его добылъ себѣ въ Испаніи трехъ мальчиковъ изъ военнопленныхъ, но узнавъ, что это дошло до свѣдѣнія Катона, побоялся даже показаться ему на глаза, и самъ удавился. Мальчиковъ Катонъ велѣлъ продать, а деньги обратить въ казну. Бережливость его доходила до того, что и лошадь, на которой онъ ѣздилъ въ Испаніи, онъ продалъ при отъѣздѣ, какъ онъ самъ потомъ хвалился, чтобы перевозъ ея не причинилъ государству лишняго расхода (1).

Доведенное до такихъ мелочей стараніе объ обогащеніи *эрарія* (государственной казны) составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей государственной дѣятельности Катона. Такъ какъ при этомъ онъ искалъ пользы государственной, а не личной, и строго преслѣдовалъ тѣхъ, кто беззаконными средствами обогащался въ ущербъ казны или провинцій, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ являлся благодѣтелемъ народовъ, подвластныхъ Риму. Но когда ихъ польза приходила въ столкновеніе съ выгодами и требованіями *эрарія*, тогда Катонъ забывалъ о благосостояніи провинцій. Замѣтимъ еще, что «законныя» притязанія сената и *эрарія*, поддерживаемыя Катономъ, сами по себѣ уже составляли бѣдствіе для провинцій, хотя бы къ нимъ не присоединялись беззаконныя угнетенія частныхъ лицъ, противъ которыхъ онъ вооружался. И еще болѣе: нельзя было остановить беззаконныя поступки и корыстолюбіе римскихъ намѣстниковъ и окружающихъ ихъ лицъ, поддерживая въ то же время корыстолюбивую и лукавую политику сената.

Противъ высказаннаго нами мнѣнія, можетъ-быть, возразятъ, что Катонъ былъ невольнымъ и потому невиннымъ исполнителемъ сенатскихъ повелѣній, а что самъ по себѣ онъ готовъ былъ защищать свободу и независимость народовъ. Въ подтвержденіе этого можно, повидимому, привести то обстоятельство,

(1) Plut. l. c. 5. 10. Val. Max. 4, 3, 11. Plin. H. N. 14, 14 (13). Frontin. Stratag. 4, 3, 1. Meier l. c. pag. 178.

что онъ, какъ извѣстно, въ послѣдствіи явился защитникомъ Македоніи и Родоса. Дѣйствительно, послѣ того какъ Персей былъ побѣжденъ, и Македонія вся сдалась Павлу Эмилию, Катонъ, бывший тогда первымъ сенаторомъ, говорилъ, что ей должно даровать свободу, то-есть, понимая, какъ затруднительно было бы Риму, при тогдашнихъ его средствахъ, управлять отдаленною провинціею и охранять ее, онъ предложилъ предоставить ей собственное управленіе, но конечно не съ тѣмъ, чтобъ она была независима отъ Рима. Отъ пріобрѣтенія, сколько-нибудь полезнаго, Римляне не отказывались, и хотя Македоняне были провозглашены свободными, «да вѣдомо будетъ всѣмъ народамъ, что оружіе народа римскаго не рабство свободнымъ приносить, но напротивъ поработаннымъ свободу», однако вмѣстѣ съ свободою дано Македоніи такое устройство, что она была совершенно обезсилена, и навсегда лишилась самостоятельнаго существованія: ее раздѣлили на четыре, совершенно разрозненные области, между которыми запрещено было всякое сообщеніе,—такъ что житель одной области не могъ ни жениться, ни купить землю въ другой; это раздѣленіе Ливій удачно сравниваетъ съ растрженіемъ членовъ живаго тѣла, нуждающихся другъ въ другѣ (1). Поэтому, какъ бы превосходны ни были законы, данныя Римомъ Македоніи, странно говорить о ея свободѣ какъ дѣлаетъ Нятчъ (2). Чтò же касается до Родоса, то для войны съ нимъ не было достаточныхъ причинъ, и она не обѣщала никакихъ особенныхъ выгодъ, тѣмъ болѣе, что и безъ войны жители Родоса были готовы исполнить, и исполнили, всѣ требованія сената. Поэтому, спасая Родосъ отъ угрожавшей ему войны (3), задуманной нѣкоторыми честолюбцами по собственнымъ, личнымъ расчетамъ, Катонъ вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялъ и своихъ соотечественниковъ отъ безполезнаго предпріятія. Наконецъ, что Катонъ былъ не только ревностнымъ исполнителемъ завоевательныхъ замысловъ сената, но также съ своей стороны поощрялъ и возбуждалъ подобные замыслы, это онъ доказалъ тѣмъ упорствомъ, съ которымъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ послѣдніе годы своей жизни онъ побуждалъ сенатъ начать войну противъ Каррагена. Послѣ второй пунической войны, между прочими условіями мира, лишившими Каррагенъ всякой политической самостоятельности,

(1) Cic. de nat. D. 3, 5. cf. 2, 2. Meier l. c. pag. 152. Liv. 45, 18. 30.

(2) Die Gracchen S. 172. (3) Gell. 7, 3. Liv. 45, 10 sq.

было запрещеніе начинать войну безъ соизволенія Римлянъ. Пользуясь этимъ, союзникъ Римлянъ, Массинисса непрерывно и безнаказанно вторгался въ кареагенскія владѣнія, и присвоивалъ себѣ безъ всякаго права цѣлыя области. Не смѣя справиться сами съ дерзкимъ нарушителемъ права, Кареагеняне неоднократно жаловались римскому сенату, но большею частію оказывались сами виновными: судьи находили свою выгоду въ неправильномъ рѣшеніи (1). Отважность Массиниссы дошла до того, что въ теченіи двухъ лѣтъ онъ отнялъ у Кареагенянъ болѣе семидесяти городковъ и мѣстечекъ (2). Доведенные до крайности, Кареагеняне снова жаловались въ Римъ, и наконецъ, для рѣшенія спора между ними и Массиниссою, въ 157 г., въ Кареагенѣ явилось римское посольство, въ которомъ находился и Катонъ. Начались изслѣдованія и разысканія. Массинисса заранѣе покорился рѣшенію Римлянъ, а Кареагеняне, не увѣренные въ безпристрастіи судей, потерявъ терпѣніе, объявили, что рѣшенное дѣло нечего рѣшать вновь, что утвержденный Сципіономъ договоръ не нуждается въ пересмотрѣ и исправленіи, и основываясь на немъ, настоятельно требовали, чтобы Массинисса возвратилъ захваченныя имъ владѣнія. Этимъ настойчивымъ указаніемъ на свои права они навлекли на себя гнѣвъ Римлянъ, требовавшихъ смиреннаго подчиненія ихъ суду. Посольство удалилось, не рѣшивъ спора и объявивъ, что примиреніе невозможно, потому что одна сторона не подчиняется призваннымъ судьямъ. Катонъ тоже возвратился въ Римъ, сильно негодуя на Кареагенянъ. Римскіе сановники привыкли, чтобы вездѣ встрѣчали ихъ съ подобающею честью, чтобы въ ихъ лицѣ чтли великій державный народъ; своими противорѣчіями Кареагеняне оскорбили и личное, и народное самолюбіе Катона. Кромѣ того, цвѣтущее благосостояніе Кареагена, его могущество и богатства возбудили и зависть, и опасенія, и алчность Римлянина. Съ тѣхъ поръ Катонъ не переставалъ повторять, что Кареагенъ должно стереть съ лица земли, что иначе отъ него угрожаетъ опасность самому Риму (3). Извѣстенъ разказъ, какъ, по возвращеніи изъ Кареагена, Катонъ въ сенатѣ изъ тоги выринулъ

(1) Polyb. 32, 2. (2) Liv. 42, 23. (3) Liv. ep. 47—49. Plut. l. c. 26. 27. App. Pun. 8, 69 sq. Diod. Sic. 34. Flor. 2, 15, 4. Plin. H. N. 15. 10 (18). Lucan. 6, 788 sq. Val. Max. 8, 15, 2. Vellej. 1, 13. Cic. de sen. 6, 18.

фиги, и когда стали удивляться ихъ красотѣ и величинѣ, замѣ- тилъ, что страна, произведшая ихъ, находится отъ Рима въ разстояніи трехъ дней переезда. Къ войнѣ съ Карфагеномъ онъ всячески побуждалъ своихъ соотечественниковъ, насчитывалъ, что и передъ второю пуническою войной Карфагеняне шесть разъ нарушали договоры (но, конечно, умалчивалъ о томъ, какъ эти до- говоры соблюдались Римлянами), и въ то время, какъ передъ Римлянами трепетали цари, какъ римскій союзникъ безнака- занно грабилъ Карфагенянь, Катонъ наивно жаловался, что Кар- фагеняне обижаютъ Римлянъ, что Римляне стали нечувстви- тельны къ оскорбленіямъ! (1) Наконецъ, къ его утѣшенію, война была объявлена Карфагену.

Мы видимъ, что Катонъ, дѣйствовавшій въ Сардиніи какъ строгій, но справедливый повелитель, въ Испаніи, какъ гроз- ный противникъ, въ отношеніи къ Карфагену былъ жестокимъ и неумолимымъ врагомъ, не переставалъ преслѣдовать его своею ненавистью, и не безъ причины признается отчасти виновни- комъ его гибели. Надо сказать впрочемъ, что образъ дѣй- ствія Катона, какъ ни согласенъ былъ онъ съ общимъ духомъ римскаго народа и господствовавшимъ направленіемъ его поли- тики, встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ.

Такъ есть извѣстіе, что Сципіонъ Африканскій старался объ от- мѣнѣ Катоновыхъ распоряженій въ Испаніи. Это извѣстіе соедине- но правда съ нѣкоторыми невѣрными показаніями, но оно заслужи- етъ вѣроятія уже потому, что Сципіонъ, лѣтъ за десять до Ка- тона, дѣйствовалъ въ Испаніи совершенно въ другомъ духѣ: ста- рался привлечь Испанцевъ кротостью и великодушіемъ, не прини- малъ никакихъ насильственныхъ мѣръ, у возмущившихся не бралъ заложниковъ, не отнималъ у нихъ оружія, полагая, вѣроятно, что признательность къ республикѣ и опасеніе заслужить ея гнѣвъ достаточно ручались за ихъ покорность. Посему понятно его стараніе, чтобы сенатъ не утверждалъ распоряженій Катоно- выхъ, сокрушавшихъ независимость Испанцевъ; въ дѣйствіяхъ Сципіона высказалась не одна личная вражда (на которую Плу- тархъ и Непотъ обратили исключительное вниманіе), но также противоположность направленія. Сенатъ, разумѣется, не отка- зался ни отъ испанскихъ рудниковъ, ни отъ Катоновыхъ рас-

(1) Meier l. c. pag. 160. Bolhuis l. c. p. 33.

пораженій: напротивъ, по случаю благополучныхъ дѣйствій консула въ Испаніи, назначилъ въ Римъ трехдневныя благодарственныя моленія, а самому консулу, по его возвращеніи, почетъ триумфальнаго вѣзда (1).

Катону ненависть къ Каррагену тоже одобряли не всѣ государственные мужи въ Римѣ. Благоразумные люди болѣе склонялись къ мнѣнію Сципіона Назики, который находилъ полезнѣе для самого Рима, чтобы продлилось существованіе его соперника (2). Очень можетъ быть, что Назика имѣлъ при этомъ въ виду выгоду аристократической партіи, и полагалъ, что, страшая Каррагеномъ, ей легче будетъ обуздывать демократическое своеволіе и управлять народомъ; но тѣмъ не менѣе мы все-таки видимъ, именно во время Катонова, въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ государственныхъ мужей Рима какъ будто начатки и проблески другой, болѣе умѣренной и человѣколюбивой политики въ отношеніи къ покореннымъ, чѣмъ та, которой придерживался Катонъ. Такъ при заключеніи мира съ Каррагеномъ 201 г., съ Филиппомъ 196 г., и съ Антиохомъ 190 г., сенатъ не исполнилъ ожиданія тѣхъ, которые требовали совершеннаго истребленія непріятельскихъ державъ, и союзниковъ награждалъ такъ щедро, что великодушіе Римлянъ прославилось и въ Испаніи, и въ Греціи (3), и на дальнемъ Востокѣ (4). Дѣйствительно, нѣкоторое время могло казаться, что Римляне стали равнодушны къ обогащенію и расширенію государства и болѣе заботились о томъ, чтобы вездѣ упрочить за собою добрую славу (5), или даже какъ будто заразились греческими идеями, и несутя защищали свободу и независимость другихъ народовъ. Но такое направленіе едва ли было внушено одними возвышенными чувствами, и во всякомъ случаѣ скоро оказалось несостоятельнымъ: защит-

(1) Plut. l. c. 11. Nep. l. c. 2. Liv 26, 49. 50; 28, 34; 34, 21. 46. Polyb. 10, 18. 34—40. Ср. Nitzsch, Die Gracchen стр. 58. 90. и статью Т. Н. Грановскаго Современ. 1847 Т. V. Отд. III. стр. 17. Плутархъ и Корнелій Непотъ говорятъ, что Сципіонъ Африканскій домогался того, чтобы его назначили преемникомъ Катону въ Испаніи, а Плутархъ прибавляетъ, что онъ и достигъ этой цѣли; но, по Ливію (34, 43; 35, 1), извѣстно, что въ Испанію послѣ Катона былъ посланъ преторъ Сципіонъ Назика, а не консулъ Сципіонъ Африканскій, который въ этотъ годъ домогался провинціи Македоніи, а не Испаніи. (2) August. de Civ. D. 1, 30. Diodor. Sic. 34. Plut. l. c. 27. cf. Liv. 29, 14; 35, 10. (3) Polyb. 15, 49. Liv. 33, 12. 30—34; 34, 51; 37, 55; 26, 50. (4) I Маккав. 8, 1. 12. (5) Liv. 27, 17; 34, 47; 37, 6. 25; Polyb. 21, 9.

ники политики, болѣе благосклонной къ другимъ народамъ, должны были встрѣтить сопротивленіе и противорѣчіе, не только въ сенатѣ, но и въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Какъ бы благодѣтельно ни было въ другихъ отношеніяхъ вліяніе эллинской образованности, оно оказывалось бессильнымъ, когда дѣло шло о войнѣ или управленіи провинціями; не рѣдко мы видимъ, что образованность, поражающая столько потребностей, и любовь къ искусствамъ подавали еще поводъ къ грабежамъ (1). Даже такіе люди, какъ Сципіонъ Африканскій и Павелъ Эмилий, иногда поступали съ возмутительною жестокостію: по взятіи одного испанскаго городка, римскіе солдаты, подстрекаемые Сципіономъ, пришли въ такое остервененіе, что убивали безоружныхъ, женъ и дѣтей, и даже не хотѣли обогащаться добычей, а все жгли и разрушали. А Павелъ Эмилий, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ писателей, искренній защитникъ независимости другихъ народовъ, разрушилъ въ Эпирѣ семьдесятъ городовъ и продалъ въ рабство 150,000 человекъ (2). Фламининъ передъ всѣми Греками являлся образцомъ безкорыстія и благородства, и успѣшно доказывалъ, что и Римляне народъ образованный, что и они умѣютъ цѣнить образованіе и чужды низкихъ расчетовъ; но великій защитникъ греческой независимости искусно обманывалъ Этолійцевъ (3). Противорѣчія въ дѣйствіяхъ приверженцевъ умѣренной политики объясняются разными обстоятельствами. Иные оказывали иногда великодушіе побѣжденнымъ и спѣшили заключить миръ на снисходительныхъ условіяхъ потому, что желали этимъ прославиться, или не хотѣли преемникамъ предоставить славу окончанія войны (4); челоуѣколюбіе

(1) Liv. 38, 43; 42, 3. Plut. Marc. 21. (2) Liv. 28, 19 sq. Polyb. 30, 15, 5 sq. Plut. P. Aem. pass. Забывъ, вѣроятно, о судьбѣ Илитургійцевъ, Нитчъ (Polybius. Kiel. 1842, стр. 36) увѣряетъ, что усмирить Испанію удалось Сципіону безъ кровопролитія, безъ жестокости, единственно талантомъ своей побѣдоносной популярности. (3) Не находя нужнымъ исполнить обѣщанное Этолійцамъ, Фламининъ велѣлъ имъ обратиться къ сенату съ своими требованіями (Liv. 33, 35); сенатъ, не удовлетворивъ ихъ, отослалъ ихъ къ Фламинину (id. 33, 49), а этотъ снова посовѣтовалъ имъ обратиться къ сенату (id. 35, 33). Дѣло въ томъ, что Римляне опасались преобладанія Этолійцевъ въ Греціи (id. 33, 11, 31), и кромѣ того они раздражили Фламинина лично, приписывая себѣ славу окончанія войны, и стараясь заподозрить его безкорыстіе, своими толками заставили вывести изъ греческихъ крѣпостей римскія войска, которыя безъ Этолійцевъ, вѣроятно, спокойно тамъ бы остались. (4) Liv. 30, 36, 44; 32, 32; 34, 33.

ихъ было основано на своекорыстномъ разсчетѣ, и потому неумудрено, что въ другихъ случаяхъ они поступали иначе и выдавали себя. Другіе дѣйствовали по болѣе возвышеннымъ внушеніямъ, изъ природной кротости или по убѣжденію, что расширение республики ей самой не выгодно; но сенатъ съ своей стороны утверждалъ мѣры, принятые ими, не иначе, какъ по политическимъ соображеніямъ. Распространеніе славы о римскомъ великодушіи входило въ разсчетъ сената, и притомъ благодѣянія оказывались только безопаснымъ противникамъ, которые могли служить оплотомъ противъ сильнѣйшихъ соперниковъ; сразу разрушать непріятельскія державы сенатъ не хотѣлъ, увѣренный въ томъ, что его жертвы не уйдутъ отъ него, и что чѣмъ медленнѣе и постепеннѣе будетъ совершаться распространеніе римскаго владычества, тѣмъ оно будетъ прочнѣе. Потому, побѣдивъ Персея, Римляне перестали великодушничать.

Такимъ образомъ во внѣшней своей политикѣ Римская республика, за немногими или мнимыми исключениями, слѣдовала тому направленію, приверженцемъ котораго былъ и Катонъ, и если съ одной стороны эта завоевательная политика была вызвана обстоятельствами и духомъ римскаго народа, то съ другой стороны нельзя не видѣть, сколько бѣдственныхъ послѣдствій и въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніи она имѣла и для побѣжденныхъ, и для побѣдителей.

III.

Переходимъ къ судебной, административной и законодательной дѣятельности Катона.

Смыслъ ея объясняется отчасти уже самымъ происхожденіемъ его. Не знатностью рода, не богатствомъ возвысился онъ, а личными достоинствами и трудами. Онъ медленно подвигался на государственномъ поприщѣ и выслуживалъ всѣ закономъ опредѣленные сроки. Сначала онъ не могъ пренебрегать сильными людьми; напротивъ, лишь подъ ихъ покровительствомъ пробился онъ до первыхъ должностей (1); но возвысившись съ помощью аристократіи, онъ вскорѣ долженъ былъ встрѣтить преимущественно въ ней

(1) Meier l. c. pag. 168. Plut. l. c. 3.

своихъ противниковъ. Знатные люди безъ сильнаго сопротивленія не допускали людей безродныхъ до высшихъ государственныхъ должностей, а Катонъ съ своей стороны долженъ былъ непріязненно смотрѣть на тѣхъ, которые, пользуясь болѣе счастливымъ положеніемъ въ обществѣ, безъ особенныхъ заслугъ быстро вышались надъ общимъ уровнемъ. При борьбѣ съ аристократами онъ находилъ поддержку и сочувствіе въ народѣ, которому было пріятно видѣть, что человѣкъ темный не давалъ покою великимъ особамъ, наносилъ имъ чувствительные удары и смирялъ ихъ аристократическую спѣсь. Впрочемъ, въ сенатѣ Катонъ все-таки имѣлъ многихъ приверженцевъ: преслѣдуя отдѣльныхъ его членовъ, Катонъ не шелъ никогда противъ всего сословія, напротивъ, враждуя съ первыми лицами въ государствѣ, являлся поборникомъ законовъ и властей. И дѣйствительно, Катону позволяли занять такую выгодную позицію самые пороки современной знати, которая въ провинціяхъ грабила, а въ Римѣ незаконными путями стремилась къ почестямъ, и на государство смотрѣла какъ на свою собственность.

Но несмотря на его совершенную, повидимому, правоту, несмотря на всю его энергію, явленія, противъ которыхъ онъ возставалъ, становились все чаще и чаще. На причину этого мы уже намекали выше. Не въ коренномъ улучшеніи законовъ, не во введеніи болѣе совершеннаго порядка вещей видѣлъ онъ важнѣйшую задачу государственнаго мужа, а въ обличеніи и преслѣдованіи преступниковъ или порочныхъ гражданъ. « Не жертвоприношеніями барановъ и козловъ должно совершать поминки по родителямъ, а осужденіемъ и слезами ихъ враговъ, » сказалъ онъ однажды (1), и самъ придавалъ важное значеніе своей судебной дѣятельности, въ которую вносилъ личную мстительность, свойственную южнымъ народамъ. О своей любви къ отечеству Катонъ имѣлъ высокое понятіе: непомѣрной заботливости о государственной пользѣ онъ самъ готовъ былъ приписать и то, что велъ тотъ образъ жизни, къ которому привыкъ смолоду, и даже то, что женился восьмидесяти лѣтъ отъ роду (2). Поэтому не удивительно, что и въ преслѣдованіи враговъ своихъ онъ видѣлъ государственную службу. Когда же и они его преслѣдовали, онъ увѣрялъ, что его ненавидятъ за неусыпную и безкорыстную заботливость объ общемъ благѣ; что отъ оскорбленія, нане-

(1) Plut. 15. (2) Id. 4. 24.

сеннаго ему лично, страдает все государство, и божился, что жалѣеть не о себѣ, а объ отечествѣ (1). Онъ самъ не могъ не замѣтить вреда, происходившаго отъ непрерывныхъ тяжбъ, и чтобъ умѣрить въ своихъ согражданахъ охоту судиться и тягаться, предложилъ вымостить форумъ острыми камнями (2). Но онъ же своею дѣятельностью не мало содѣйствовалъ размноженію тяжбныхъ дѣлъ: раздраженные противники сорокъ четыре раза обвиняли его передъ судомъ (3), и онъ, конечно, не оставался у нихъ въ долгу. Въ его рѣчахъ слышится раздражительность человѣка, который за оскорбленіе желаетъ отомстить оскорбленіемъ (4). Часто онъ выступалъ обвинителемъ своихъ начальниковъ, чтѣ, по римскимъ понятіямъ, считалось дѣломъ безчестнымъ: защитникъ старины не колебался отступать отъ ея обычаевъ.... Часто его усердіе къ общественной пользѣ скрывало личное соперничество, переходило въ личную вражду даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не въ правѣ предполагать своекорыстнаго расчета. Вызвавшись исцѣлять общественный недугъ, онъ поражалъ больныхъ, а не останавливалъ заразы, и поборая по благоустройствѣ, самъ увеличивалъ общее нестройство.

Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми враждовалъ Катонъ, самое замѣчательное, конечно, былъ Циціонъ Африканскій. Между Катонемъ и Циціономъ неоднократно происходило столкновение; объяснять это ихъ личною враждою не будетъ несправедливо, — но чѣмъ же объяснить самую эту вражду, какъ не совершенною противоположностію политическихъ интересовъ и всего образа мыслей и дѣйствій? Всю жизнь они шли совершенно различными путями. Происходя отъ древняго патриціанскаго рода, счастливо одаренный природою во всѣхъ отношеніяхъ, Циціонъ быстро возвышался на политическомъ поприщѣ и смолоду шелъ какимъ-то необычнымъ путемъ. Уже въ ранней молодости онъ отличился необыкновенными подвигами (5), и первый шагъ его на политическомъ поприщѣ ясно обозначилъ все будущее его значеніе. Онъ раньше законнаго возраста домогался должности эдила, и когда поэтому народные трибуны хотѣли воспротивиться его выбору, онъ сказалъ: «если всѣ квиниты хотятъ сдѣлать меня эдиломъ, то мнѣ столько дѣтъ, сколько нужно.» Онъ дѣйствительно былъ избранъ съ восторгомъ (6). И какъ было квинитамъ

(1) Plut. 8. Gell. 10. 4. (2) Plin. 19, 6. (3) Id. 7, 28 (27). Plut. 1. c. 15. (4) Liv. 39, 41. (5) Liv. 21, 46; 22, 53. Polyb. 10, 3, 3—6. (6) Liv. 25, 2. Polyb. 10, 4. 5.

не избрать того, кто ихъ рѣшеніе ставилъ выше закона и обычая? Подобныхъ случаевъ было много въ Сципіоновой жизни. Онъ сжолоту былъ любимцемъ народа. Много влекло къ нему сердца согражданъ, и славные подвиги, и таинственные толки о сверхъестественномъ рожденіи его отъ какого-то исполинскаго змѣя, и объ общеніи его съ богами, внушавшими ему все, предпринимаемое имъ, — толки, которые онъ, не подтверждая ихъ явно, искусно поддерживалъ и усиливалъ своимъ поведеніемъ (1). Еще цѣлѣе всѣхъ ласковое обхожденіе его со всѣми, и обаятельное краснорѣчіе его, и даже самая красота его (2), и наконецъ то, что онъ искусно льстилъ самолюбію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Публично признавая въ народѣ какъ бы верховнаго судью, онъ могъ быть увѣренъ въ его преданности. Опираясь на народную любовь, онъ часто шелъ смѣло наперекоръ сенату, и чувствуя свою силу и свое достоинство, дѣйствовалъ съ диктаторскимъ самовластіемъ. Этимъ онъ пролагалъ путь будущимъ демагогамъ, хотя самъ, отчасти по природному свойству, отчасти вынужденный обстоятельствами, еще очень умеренно пользовался своимъ счастливымъ положеніемъ. Сенатъ сначала не хотѣлъ или не могъ противиться ему, и умѣлъ согласовать свои цѣли съ замыслами Сципіоновыми. Двадцати-семи лѣтъ отъ роду, Сципіонъ, не бывшій еще и преторомъ, вопреки установленному порядку, и только по особенному рѣшенію народного собранія, получилъ главное начальство надъ войскомъ въ Испаніи, изгналъ оттуда Картагенянъ, а самихъ Испанцевъ не столько подчинилъ римскому владычеству, сколько привязалъ къ себѣ лично (что обнаружилось уже послѣ). Во многомъ дѣйствовалъ онъ самовластно, не стѣсняясь законами и предписаніями сената (3). Побѣдителю, совершившему много славныхъ подвиговъ, все прощалось, и по возвращеніи изъ Испаніи, онъ былъ принятъ въ Римѣ съ восторгомъ, избранъ въ консулы, и общественное мнѣніе уже поручало ему окончаніе войны съ Аннибаломъ, а онъ самъ не скрывалъ, что если сенатъ не дозволитъ ему переправиться въ Африку, избранную имъ заранѣе для своихъ подвиговъ, онъ предоставитъ рѣшеніе народному собранію. Этими угрозами онъ возбудилъ въ сенатѣ сильное негодованіе,

(1) Ливій допускаетъ возможность того, что Сципіонъ самъ вѣрилъ народнымъ толкамъ о его сообщеніи съ богами. (2) Liv. 26, 19; 28, 18. 35; 37, 7. Polyb. ib. (3) Liv. 26, 18. 50; 27, 19; 28, 17—38; 29, 1. Polyb. 10, 6—20.

и хотя сенатъ нашелъ необходимымъ уступить въ этомъ случаѣ, однако противодѣйствіе продолжалось. Желая стѣснить Сципіона, ему не позволили наборомъ пополнить войско, онъ обрадовался этому случаю, и обратился къ народу; на его вызовъ, со всѣхъ сторонъ Италіи, стеклось до семи тысячъ охотниковъ, и многіе города дѣлали значительныя пожертвованія для сооруженія флота, который онъ взялся построить, не обременяя государственной казны. Враждебная ему партія, принужденная уступить, но желая слѣдить за его дѣйствіями, и по возможности стѣснять его, вѣроятно не безъ умысла дала ему въ квесторы Катона (1). Не было ничего общаго между консуломъ, красавцемъ, всеобщимъ бальнею, который со всѣми былъ царски привѣтливъ, и которому все легко давалось, и рыжимъ, сѣроглазымъ квесторомъ, который площади оглушалъ пронзительнымъ крикомъ, ко всѣмъ придирался, и съ бою занялъ мѣсто въ политическомъ мірѣ. Вся прошедшая жизнь ихъ и настоящее положеніе предвѣщали столкновение между ними. Катонъ достигъ первыхъ почестей съ помощію нѣкоторыхъ лицъ, негодовавшихъ на Сципіона (2); за покровительство ихъ онъ былъ готовъ ревностно преслѣдовать общаго противника, смѣлаго нарушителя законовъ, подъ защитой которыхъ онъ самъ возвысился. Людей, съ которыми Катонъ дѣйствовалъ заодно, отталкивало впрочемъ въ Сципіонѣ не одно его пренебреженіе къ законамъ. Смѣлые планы Сципіоновы, быстрота и самоувѣренность, съ которыми онъ приводилъ ихъ въ исполненіе, не согласовались съ патриціанскою медлительностью, съ осторожною политикою сената, и ставили въ недоумѣніе Фабія и его единомышленниковъ. Его пристрастіе къ Грекамъ, которымъ онъ подражалъ въ образѣ жизни и даже въ манерахъ, его аттическая щеголеватость, его расточительность, — все это должно было казаться страннымъ, непонятнымъ нововведеніемъ сенаторамъ, привыкшимъ къ умѣренности, бережливости и нѣкоторой грубости и суровости, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ обращеніи. Наконецъ слава молодого героя, возрастающая съ каждымъ днемъ, возбуждала зависть многихъ, и потому его отступленіе отъ законовъ и обычаевъ отечественныхъ, которое для иныхъ было главнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы противодѣйствовать ему, послужило для другихъ желаннымъ предлогомъ.

(1) Liv. 28, 38—45. Plut. l. c. 3. Appian. 7, 55; 8, 7—66. (2) Plut. ib. Meier l. c. pag. 168.

Вскорѣ, дѣйствительно открылось несогласіе между Сципіономъ и Катонемъ. Видя, что консулъ не отступалъ отъ своей обычной расточительности и роскоши, и безъ пощады осыпалъ войновъ деньгами, Катонъ смѣло высказалъ ему свое мнѣніе, замѣчая, что излишняя трата государственныхъ денегъ еще не самое важное, что опаснѣе то, что подрывается старинная простота и умѣренность, и что воины, получая больше нужнаго, бросаются на удовольствія и роскошь. На это Сципіонъ отвѣчалъ, что напрягая все для окончанія войны, онъ не нуждается въ такомъ бережливомъ квесторѣ, что отечеству должно отдавать отчетъ не въ деньгахъ, а въ дѣлахъ. Послѣ этого, въ самомъ Римѣ, въ сенатѣ, послышались обвиненія противъ Сципіона, вѣроятно не безъ участія его квестора (1). Именно, когда въ сенатѣ обсуживали дѣло Локрійцевъ, подавшихъ жалобу на безчеловѣчное обращеніе съ ними Племинія, Сципіонова легата, партія Фабіева воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ обвинить самого Сципіона. Его упрекали въ томъ, что онъ отступаетъ отъ римскихъ обычаевъ и забываетъ, что прилично воину и полководцу; что онъ публично является въ греческой одеждѣ и обуви, занимается чтеніемъ книгъ и гимнастическими упражненіями; что и все войско предалось удовольствіямъ, забывъ про Кареагенъ и Аннибала; что онъ рожденъ какъ бы для того, чтобы подрывать и ослаблять военную дисциплину, и по примѣру чужестранныхъ властителей, то снисходить къ своеволію солдатъ, то поступаетъ съ ними съ неумѣренною жестокостью. Эти послѣднія обвиненія были не безъ основанія. Дѣйствительно, подобно тому, какъ, расположивъ къ себѣ народъ, Сципіонъ пользовался его любовью для того, чтобы дѣйствовать независимо отъ сената, такъ точно онъ старался и войско привязать къ себѣ лично, и стремясь къ популярности, поневолѣ долженъ былъ отступать отъ обычной строгости римской дисциплины; онъ избаловалъ солдатъ, и въ нихъ стало появляться необузданное своеволіе (2). Противники могли

(1) Plut. ib. Плутархъ, по недоразумѣнію, полагаетъ, что Катонъ, оставивъ Сицилію, лично обвинилъ въ Римѣ Сципіона. Катонъ могъ дѣйствовать и посредствомъ писемъ, и доставлять Фабію извѣстія о Сципіоновомъ поведеніи, сообщаемыя Ливіемъ (29, 19). (2) До какого педантизма напротивъ того доходилъ въ соблюденіи военной дисциплины обвинитель его Катонъ, показываетъ слѣдующій случай. Однажды въ Испаніи, отчаливъ съ флотомъ отъ неприятельскаго берега, Катонъ замѣтилъ, что какой-то солдатъ, замѣшкавшись, остался одинъ на берегу и подвергался явной опасности отъ неприятелей. Катонъ велѣлъ всему флоту

справедливо указывать на мятежъ римскихъ легионовъ въ Испаніи, и на происшествія въ Локрахъ, гдѣ своею необузданностью солдаты были страшнѣе для союзниковъ, чѣмъ для непріятелей (1).

Но какъ бы справедливы ни были эти обвиненія, время для нихъ было выбрано неудобное. Не могъ же сенатъ очень строго и подробно изслѣдовать поступки того, отъ котораго всѣ надѣялись окончанія продолжительной, тягостной войны. Легатамъ, посланнымъ въ Сицилію для произведенія слѣдствія, Сципіонъ доказалъ, что онъ въ силахъ оправдать возлагаемыя на него надежды. Принявъ ихъ радушно и угостивъ ихъ, онъ на другой день пригласилъ ихъ на смотръ и на маневры сухопутнаго войска и флота, потомъ повелъ ихъ по арсеналамъ и магазинамъ, и показалъ имъ все, чтѣ въ продолженіе этого времени было наготовлено для войны, — однимъ словомъ, доказалъ имъ, что посвящая досугъ веселію и друзьямъ, и живя какъ человѣкъ образованный и любящій общество, онъ и въ важныхъ дѣлахъ не дѣлаетъ упущенія. Легаты возвратились въ такомъ радостномъ расположеніи, какъ будто несли вѣсть не только объ удачныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, но уже о блистательной побѣдѣ. Къ тому же сами Локрійцы, пострадавшіе отъ жестокости Сципіонова легата, и отъ излишней къ нему снисходительности Сципіона, не захотѣли ссориться съ славнымъ полководцемъ. Во всякомъ случаѣ вина его казалась ничтожною въ сравненіи съ оказанными и еще ожидаемыми заслугами, и такимъ образомъ всѣ усилія повредить ему кончились ничѣмъ. Сципіонъ переправился въ Африку: однимъ отдѣленіемъ флота командовалъ онъ самъ, другимъ Лелій съ Катонъ (2), который своею находчивостью и храбростью успѣлъ оказать важную услугу Сципіону.

По истеченіи годичнаго срока квесторства Катонъ возвратился въ Римъ, и съ особеннымъ рвеніемъ преданъ судебной дѣятельности.

Одною изъ первыхъ рѣчей Катона, отъ которой дошли до насъ

воротиться, принявъ на корабль солдата, но, спасши такимъ образомъ его жизнь, тутъ же казнилъ его для примѣра. *Front. Stratag.* 4, 1, 33. (1) *Liv.* 28, 24—29; 29, 8. 9. 16—19. (2) *Liv.* 29, 21. *Plut.* l. c. 3. Это послѣднее обстоятельство, сообщаемое Ливіемъ (29, 25) и подтверждаемое Фронтинномъ (*Stratag.* 4, 7, 12) опровергаетъ извѣстіе Плутархово (см. на предыд. стр. прим. 1), будто Катонъ изъ Сициліи уже возвратился въ Римъ. Безъ позволенія консула квесторъ и не могъ оставить своего мѣста.

отрывки, была говоренная имъ въ 190 г. противъ Квинта Минуція Терма. Термъ, въ 193 г., былъ посланъ для усмиренія Лигурійцевъ, вторгавшихся въ Этрурію, дѣйствовалъ сначала неудачно, но наконецъ въ 190 г. донесъ о совершенномъ покореніи Лигурійцевъ, и возвратился въ Римъ съ надеждою удостоиться триумфальнаго вѣзда. Тогда Катонъ выступилъ противъ него, обвинялъ его въ томъ, что онъ доноситъ о вымышленныхъ битвахъ, что обременялъ провинцію незаконными требованіями, и для прикрытія своихъ преступленій, велѣлъ бичевать, а потомъ и казнить десять знатныхъ Лигурійцевъ. Терму отказали въ триумфѣ. Катонъ говорилъ съ величайшимъ негодованіемъ о преступленіяхъ Терма, и не находилъ для нихъ довольно выразительнаго названія (1). Но замѣчательно: гдѣ десять спустя, сенатъ, не видя иной возможности справиться съ Лигурійцами, рѣшилъ переселить ихъ въ Самнитскую страну; сорокъ тысячъ человѣкъ принуждены были покинуть свою родину (2), и поселиться на такомъ мѣстѣ, гдѣ грознымъ побѣдителямъ ихъ было удобнѣе подавить всякое сопротивленіе. Тогда Лигурійцы въ Римъ не нашли и не могли найти ни одного заступника, и Катонъ, негодовавшій на незаконную жестокость Терма и на неповинное страданіе десяти человѣкъ, не могъ спасти цѣлое племя отъ совершеннаго истребленія и отъ «законной» жестокости сената. И противъ Терма Катонъ вооружился, вѣроятно, не изъ одного участія и состраданія къ судьбѣ Лигурійцевъ. По дѣламъ изъ Испаніи, которою Термъ управлялъ за годъ до Катона, или по другимъ причинамъ, но между ними существовала личная вражда. Термъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ людямъ, принадлежавшимъ къ числу противниковъ Катоновыхъ; мы знаемъ, что онъ не разъ подвергался его обвиненіямъ, но за то и Катону приходилось защищаться противъ его нападокъ (3). Всѣ эти соображенія не позволяютъ намъ предположить, чтобы Катонъ въ преслѣзованіи Терма, забывъ о себѣ, имѣлъ въ виду одну лишь государственную пользу.

Въ слѣдующемъ 189 году Катонъ, въ соперничествѣ съ другими лицами какъ изъ патриціевъ, такъ и изъ плебеевъ, домогался цензорства. Изъ всѣхъ искателей народъ болѣе всѣхъ

(1) Liv. 35, 3. 21; 36, 38; 37, 2. 46. Gell. 10, 3; 13, 24. Meier l. c. p. 122 sq. Drumann l. c. pag. 110, прим. 40. (2) Liv. 40, 38. (3) H. Jordan Quæst. Caton. p. 28. Liv. 30, 40; 32, 27. 29; 33, 24. 26. 44. Bolhuis l. c. pag. 111. Meier l. c. p. 138. 168.

расположенъ былъ избрать Манія Ацилія Глабріона, который, побѣдивъ царя Антиоха при Фермопилахъ, недавно возвратился въ Римъ, и щедрыми подарками склонилъ на свою сторону многихъ избирателей. Предпочтеніе, которое оказывалось Глабріону, человѣку незнатнаго плебейскаго рода, раздражало другихъ, болѣе знатныхъ соискателей, и чтобъ устранить его, по ихъ наущенію, народные трибуны обвинили его въ томъ, что онъ утаилъ часть царскихъ сокровищъ и военной добычи. Противники Глабріона достигли своей цѣли: онъ наконецъ отказался добровольно отъ цензорства, и главнымъ виновникомъ этого былъ Катонъ. Онъ говорилъ нѣсколько рѣчей противъ Глабріона и былъ въ числѣ лицъ, свидѣтельствовавшихъ на него, показывая, что нѣкоторыхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, видѣнныхъ прежде имъ самимъ между царскою добычею, онъ не видалъ при триумфальномъ вѣздѣ Глабріона. Ливій замѣчаетъ, что постоянный безукоризненный образъ жизни придавалъ большой вѣсъ Катоновымъ словамъ, но что силу ихъ ослабляла *блѣнная* тога его (1). Очевидно, въ этомъ случаѣ онъ преслѣдовалъ не вреднаго государству человѣка, а личнаго соперника: когда Глабріонъ отступился отъ цензорства, соперники его отступились отъ обвиненія. На поведеніе Катонovo въ этомъ дѣлѣ еще то наводило тѣнь, что онъ служилъ въ Греціи подъ начальствомъ Глабріона и пользовался его благорасположеніемъ. Самъ Глабріонъ, объявивъ, что онъ въ укоръ Катону добровольно отступается отъ цензорства, упрекалъ его, что онъ, нарушая присягу и будучи такимъ же безроднымъ человѣкомъ, какъ и онъ, дѣйствуетъ заодно съ аристократами (2).

Къ числу начальниковъ Катоновыхъ, противъ которыхъ онъ послѣ дѣйствовалъ враждебно, принадлежалъ Маркъ Фульвій Нобилиоръ, который въ 189 г. воевалъ съ Этоліяцами, союзниками царя Антиоха. Въ то время, какъ онъ занятъ былъ осадю города Амбракіи, къ нему пришли Этоліяцы съ просьбою о мирѣ. Извѣщенный объ этомъ, сенатъ отправилъ Катона, въ качествѣ легата, къ Фульвію. Между тѣмъ Амбракія сдалась Римлянамъ; съ Этоліяцами былъ заключенъ миръ, и Фульвій въ

(1) Извѣстно, что въ Римѣ лица, искавшія должностей, ходили въ бѣленной тогѣ и потому назывались *candidati*. (2) Liv. 36, 17; 37, 57. 58. Plut. l. c. 14. Изъ четвертой рѣчи, говоренной Катономъ противъ Ацилія, сохранился непонятный и необъясненный отрывокъ. См. Meier l. c. pag. 126.

187 г. былъ удостоенъ триумфа, хотя противники его старались этому воспрепятствовать. Послѣ триумфальнаго въѣзда Фульвій роздалъ щедрыя награды и подарки сослуживцамъ и солдатамъ, и это самое Катонъ ставилъ ему въ вину. Нельзя сказать утвердительно, когда именно говорилъ Катонъ противъ Фульвія: тотчасъ ли послѣ его триумфа, или уже послѣ 179 г., обозрѣвая цензорство Фульвіево, припоминалъ и прежнія его дѣла, или, что также весьма вѣроятно, въ 184 г., когда оба они домогались цензорства, и Катонъ, послѣ первой неудачной попытки въ 189 году, успѣлъ отстранить соперниковъ, и, расположивъ къ себѣ народъ, дѣйствительно былъ избранъ въ цензоры (1). Намъ извѣстно только, что Катонъ неоднократно и беспощадно нападалъ на Фульвія, преслѣдуя его и судебнымъ порядкомъ и каламбурами; одинъ изъ послѣднихъ сохранился: Катонъ назвалъ Фульвія вмѣсто Нобиліоръ — *tobilior*, слишкомъ подвижный. Какъ видно изъ сохранившихся отрывковъ Катоновыхъ рѣчей, онъ преслѣдовалъ въ Фульвіи человека современнаго направленія: ставилъ ему въ вину, что онъ былъ пристрастенъ къ стихотворству, не очень уважавшемуся въ древнемъ Римѣ, и даже на войну бралъ съ собою поэта Эннія, и кромѣ того своею щедростію развращалъ солдатъ, желая расположить ихъ къ себѣ, раздавалъ имъ награды, дозволятельныя только по взятіи города, между тѣмъ какъ онъ никакого города не взялъ. Требования Катона были невыполнимы, и обвиненія его не совсѣмъ справедливы. Если, какъ онъ самъ усердно желалъ, государство обогащалось, то необходимо обогащались и частныя лица, и самъ Катонъ, покоривъ Испанію, часть добычи роздалъ войскамъ. Кромѣ того, хотя сенатъ и рѣшилъ, что Амбракію не должно считать за городъ, взятый приступомъ, и хотя она въ самомъ дѣлѣ сдалась по капитуляціи, однако сдалась послѣ многихъ усилій и трудовъ римскаго войска, за которые Фульвій могъ раздавать награды. Что же касается до его литературныхъ занятій, то, каковы бы они ни были, не могъ же сенатъ запретить полководцамъ читать книги или имѣть при себѣ стихотворцевъ (2).

По окончаніи войны съ Антиохомъ Великимъ, противники Цици-

(1) Liv. 38, 8 — 11. 43; 39, 4 — 5, cf. Polyb. 22, 9 — 15. Meier l. c. p. 168. Къ преніямъ о триумфѣ Фульвія (Drumann l. c. p. 111) нельзя отнести рѣчь Катонову, которая содержитъ ясныя намеки на дѣйствія Фульвія послѣ триумфа. Meier l. c. p. 128. (2) Cic. Tusc. 1, 2. Gell. 5, 6. Liv. ep. 49; 39, 4; cf. 38, 4—9.

пионовы, въ числѣ которыхъ Катонъ былъ однимъ изъ первыхъ, снова попытались нанести ему ударъ; на этотъ разъ попытка отчасти удалась, вълѣдствіе переменны обстоятельствъ и политическаго положенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Мы видѣли, что въ исключительномъ, совершенно независимомъ положеніи Сципіона, его ограждала народная любовь и собственная его слава. Нельзя было подступиться къ юному герою, который совершилъ въ Испаніи блистательные подвиги, а потомъ, исполнивъ всѣ возложенныя на него надежды, положилъ конецъ продолжительной и тяжѣлой для всѣхъ войнѣ съ Аннибаломъ. Но къ славѣ его наконецъ приглядѣлись; вторая половина его жизни не представляла подвига, который могъ бы сравниться съ побѣдою надъ Аннибаломъ (1), и отношенія его къ народу начали измѣняться или, можно прибавить, точнѣе обозначились. Сципіонъ долго былъ любимцемъ, но никогда не былъ другомъ народа; возвысившись съ его помощію, онъ не употреблялъ вліянія своего въ государствѣ на то, чтобъ облегчать его участь, исправить его положеніе. Война съ Аннибаломъ кончилась славой для Рима и разореніемъ для жителей Италіи,—разореніемъ, которое наконецъ должно было и въ Римѣ почувствоваться. Римъ съ каждымъ днемъ становился могущественнѣе, славнѣе и богаче, и на это устремлено было вниманіе всѣхъ его государственныхъ мужей; къ этой цѣли стремились съ энергіей и со всѣми возможными пожертвованіями, а къ упадку народнаго благосостоянія были невѣроятно равнодушны, и для облегченія бѣдственной судьбы народа не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ или сколько-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ. Основаніе колоній въ новозавоеванныхъ странахъ оказывало помощь, и то иногда сомнительную, только ограниченному числу семействъ, и при томъ часто при основаніи колоній имѣлось въ виду достиженіе посторонней цѣли. Такъ и Сципіонъ, по заключеніи мира съ Карфагеномъ, предложилъ сенату основать военныя колоніи и раздать землю войскамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. Этимъ онъ, конечно, упрочилъ свою популярность, и еще болѣе привязалъ къ себѣ воиновъ: Италіи отъ того не было легче. Вообще, прославившись военными подвигами, Сципіонъ, какъ государственный мужъ, не совершилъ ничего замѣчательнаго. Положеніе его между патриціями и плебеями было какое-то неопредѣленное: то онъ опирался на народное собраніе, то оказывалъ снисходительность къ сенату; такъ, во

(1) Liv. 35, 10; 38, 53.

время цензорства, желая угодить сенату, изъ списковъ его не исключилъ никого, между тѣмъ какъ другіе цензоры пользовались своею властью для того, чтобы высшему сословію наносить удары, лишая важныхъ особъ сенаторскаго сана. Сципіонъ даже поддерживалъ мѣры, въ которыхъ выказывалась аристократическая гордость, былъ однимъ изъ виновниковъ закона, по которому въ театрахъ предоставлялись сенаторамъ почетныя мѣста, отдѣльно отъ народа. Потомъ онъ самъ жалѣлъ, что этою и подобными мѣрами отдалилъ отъ себя народъ, и лишился главной опоры (1).

Катонъ между тѣмъ, упрочивъ свое вліяніе въ народѣ, преслѣдуя постоянно аристократовъ, упрочилъ его и въ сенатѣ, дѣйствуя всегда во имя строгой законности. Поэтому, хотя онъ имѣлъ многочисленныхъ враговъ, положеніе его было гораздо выгоднѣе Сципіонова, и присоединившись къ обвинителямъ Сципіона, онъ могъ надѣяться на успѣхъ.

Въ 190 г., Луцій Сципіонъ, младшій братъ героя африканскаго, побѣдивъ царя Антиоха, принудилъ его къ миру, въ силу котораго Сирійская монархія становилась второстепенною, незначительною державою, и вступилъ въ Римъ съ великолѣпнѣйшимъ триумфомъ. Но подвиги и славу съ нимъ раздѣлялъ его братъ, побѣдитель Аннибала, достигшій теперь вершины могущества и первенствовавшій въ Римѣ: три цензора сряду назна-

(1) Liv. 32, 7; 34, 44. 54. К. В. Нитчъ (Polybius. Zur Geschichte anti-ker Politik und Historiographie. Kiel, 1842. Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin 1847) пытается представить Сципіона Африканскаго другомъ народа, и приписываетъ ему разныя мѣры, клонившіяся, по его мнѣнію, къ облегченію судьбы его. Но недостаточность этихъ мѣръ не могла укрыться отъ самого Нитча. Вотъ его слова: «Раздѣлы полей не помогали, потому что военная служба отнимала работниковъ отъ полей; уменьшеніе арміи сваливало на Латинянъ и союзниковъ тягчайшее бремя. Основаніе морскихъ колоній освободило множество семействъ отъ службы и податей; но сенатъ и эти льготы сдѣлалъ недействительными, обязавъ эти колоніи къ службѣ во флотѣ.» (Die Gracchen S. 110.) Далѣе, законъ Теренція Куллеона, давшій бѣднымъ гражданамъ болѣе значенія въ народномъ собраніи, вмѣстѣ съ тѣмъ обременилъ ихъ службой въ легионѣ или во флотѣ (ib. pag. 108 sq. 117. Ср. Mommsen R. G. I, S. 795). Кромѣ того, Нитчъ упустилъ изъ виду, что облегченіе судьбы народа и не было цѣлью этихъ мѣръ: однѣ изъ нихъ были вызваны запустѣніемъ провинцій (Liv. 37, 46), другія тѣмъ, что правительство нуждалось въ солдатахъ и обыкновенныя средства къ пополненію войскъ были истощены. Наконецъ участіе Сципіона Африканскаго въ большей части этихъ мѣръ болѣе, чѣмъ сомнительно, и ничѣмъ не доказано. Нитчъ при-

чали его первымъ, старшимъ изъ сенаторовъ (1). На такое возвышеніе его, конечно, не могли смотрѣть равнодушно Катонъ и другіе противники его, и они рѣшились снова открыть на него нападеніе. Къ обвиненію римскихъ полководцевъ никогда не было недостатка въ предлогѣ: любаго изъ нихъ можно было обвинить или въ жестокости и притѣсненіи покоренныхъ народовъ, или въ похищеніи и утаеніи государственныхъ суммъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о томъ, что вся политика Рима клонилась къ уничтоженію самостоятельности народовъ, рѣдкій полководецъ могъ поступать съ побѣжденными по правиламъ человеколюбія и чести, потому что войска жаждали добычи, и сами полководцы, для того чтобы блеснуть въ Римѣ, должны были всею тяжестью римскихъ притязаній налегать на покоренныя страны. Кромѣ того, обогащая государственную казну неимовѣрными сокровищами, они обыкновенно считали себя въ правѣ нѣкоторою частицею этихъ сокровищъ вознаградить себя за блистательные и полезные подвиги: весьма немногіе изъ нихъ могли устоять противъ этого искушенія (2). Поэтому, какъ мы сказали, не трудно было найти предметъ для обвиненія римскаго полководца. Сципіона, который прославился во всѣхъ странахъ умѣренностью и великодушіемъ, нельзя было обвинить въ жестокости и притѣсненіи провинцій. Противники его, по наущенію Катона (3), потребовали отъ него отчета въ деньгахъ, полученныхъ отъ Антиоха. Сципіонъ въ этомъ случаѣ поступилъ такъ, какъ всегда поступалъ: съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ пренебреженіемъ къ законамъ. Сначала онъ объявилъ въ сенатѣ, что отъ него не въ правѣ требовать отчета, а когда стали требовать настоятельнѣе, онъ велѣлъ подать себѣ счетъ, и при всемъ

бѣгаетъ къ такого рода фразамъ: «Надѣюсь, никто не удивится, что мы вѣншей политикѣ Публія Сципіона приписываемъ такія побужденія» (S. 86). «Можно ли думать, что Сципіонъ оставался чуждъ стараніямъ сената облегчить нужду крестьянскаго сословія?» (S. 88) Голословныя восклиданія ничего не доказываютъ. Что Сципіонъ отличился одними военными подвигами, на это указываетъ прямое свидѣтельство Ливія (38, 53); это самое подтверждаетъ Полибій, умалчивая объ административныхъ распоряженіяхъ Сципіоновыхъ. Такимъ образомъ мнѣніе Нитча, что Публія Сципіонъ былъ истиннымъ другомъ народа, оказывается совершенно неосновательнымъ. Напротивъ, есть прямыя указанія на то, что онъ оставался оптиматомъ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ народною любовью для своихъ личныхъ цѣлей. (1) Liv. 37, 58; 38, 28. (2) Polyb. 18, 18. (3) Plut. l. c. 15. Liv. 38, 54.

сенатъ разодралъ его, предоставляя обвинителямъ подобрать и сложить доскутки, потомъ укорилъ другихъ, что доискиваются отъ него, на что онъ истратилъ четыре милліона сестерцій, и забываютъ, что, благодаря ему, государственная казна получила отъ царя Антиоха 200 милліоновъ, что кромѣ того Римляне обязаны ему, Сципіону, владычествомъ своимъ надъ Азіей, Африкой и Испаніей (1). Когда Сципіонъ былъ потребованъ передъ судилище народа, онъ тоже не сталъ оправдываться, а заговорилъ о своихъ подвигахъ и напомнилъ народу, что въ этотъ самый день годовщина побѣды при Замѣ, и что потому приличнѣе, оставивъ клеветы и споры, принести благодареніе богамъ за прежнія благодѣянія, и молить ихъ о томъ, чтобъ они посылали Риму подобныхъ ему вождей. Послѣ этихъ словъ онъ пошелъ въ Капитолій, и весь народъ, оставивъ обвинителей однихъ, послѣдовалъ за нимъ. Сципіонъ, въ сопровожденіи народной толпы, не только въ Капитоліи, но и по всему городу обходилъ всѣ капища (2). Такою смѣлою и благородною самоувѣренностью Сципіонъ заставилъ противниковъ своихъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Но когда онъ, года два спустя, былъ въ Этруріи легатомъ, враги его воспользовались его отсутствіемъ, и обвинили брата его Луція, что онъ, бывъ подкупленъ Антиохомъ, заключилъ съ нимъ миръ на слишкомъ снисходительныхъ условіяхъ, и изъ полученныхъ отъ него суммъ утаилъ, не внеся въ государственную казну, шесть тысячъ фунтовъ золота, и четыреста восемьдесятъ фунтовъ серебра (3). Катонъ поддерживалъ обвиненіе и говорилъ противъ Луція Сципіона (4). Луцій былъ осужденъ, и когда онъ не хотѣлъ, или не былъ въ состояніи внести назначенную пеню, и отказался поставить за себя поруку, его уже вели было, какъ разказываетъ Ливій, въ темницу. Въ это самое время, Сципіонъ Африканскій, возвратившійся изъ Этруріи, поспѣшилъ на помощь къ брату, и хотѣлъ силою освободить его, забывъ уваженіе къ священной особѣ трибуна. Но даже несмотря на такое смѣлое вмѣшательство, въ которомъ высказывалась болѣе любовь къ брату, чѣмъ повинненіе къ законамъ, Луцію не миновать бы темницы, еслибъ его не спасъ своимъ заступничествомъ одинъ изъ трибуновъ,

(1) Polyb. 24, 9 a, 2 sq. Liv. 38, 55. Gell. 4, 18, 7. Val. Max. 3, 7, 1. Aug. Vict. de vir. ill. 49. (2) Polyb. 24, 9. Liv. 38, 50. 51. App. 10, 40. (3) Liv. 38, 55. (4) Liv. 38, 54.

Тиберій Гракхъ, отецъ знаменитыхъ въ послѣдствіи трибуновъ (1). По разказамъ древнихъ историковъ, поведеніе Гракха въ этомъ случаѣ представляло образецъ великодушной умѣренности. Несмотря на то, что между нимъ и Сципіонами существовала личная вражда, онъ и прежде остановилъ преслѣдованіе Сципіона старшаго (2), и теперь не допустилъ, чтобъ его брата посадили въ темницу, находя это несогласнымъ съ достоинствомъ республики и съ прежними заслугами Сципіоновъ (3). Однако, умѣренная снисходительность Гракха не доходила до потворства: онъ сильно порицалъ Сципіона Африканскаго за противозаконное вмѣшательство и насиліе, и уже не противился продажѣ имѣній Луція Сципіона и взысканію съ него опредѣленной пени (4). Послѣ этого Сципіонъ Африканскій покинулъ Римъ и остатокъ дней своихъ провелъ въ деревенской тиши, негодуя на неблагодарное отечество (5).

Нѣтъ основательныхъ причинъ считать обвиненіе, взведенное на Сципіоновъ, совершенно несправедливымъ. Никто изъ древ-

(1) Gell. 7, 19. Liv. 38, 56. (2) Liv. 38, 52. (3) Liv. 38, 60. Val. Max. 4, 18. (4) Liv. 38, 56. 60. (5) Уже во времена Ливія совершенно достовѣрный разказъ о послѣднихъ годахъ Сципіона былъ невозможенъ, не по скудости, а по излишеству и разногласію извѣстій, умышленно распущенныхъ обѣими партіями (Liv. 38, 56; 39, 52). Поэтому, хотя мы и старались выбрать и изложить послѣдовательно самыя правдоподобныя извѣстія, однако сами охотно сознаемся, что считаемъ невозможнымъ совершенно разъяснить это запутанное дѣло. Нитчъ (die Gracchen стр. 118) полагаетъ, что одинъ Луцій Сципіонъ былъ обвиненъ, и первый процессъ Сципіона Африканскаго считаетъ позднѣйшимъ вымысломъ. Это мнѣніе можно бы подтвердить еще тѣмъ, что когда объ одномъ событіи накоплялось множество разнорѣчащихъ извѣстій, оно нерѣдко двоялось въ представленіи и изложеніи: разказывали одно и то же сперва въ одномъ видѣ, потомъ въ другомъ. Но мнѣнію Нитча противорѣчатъ свидѣтельства Полибія (24, 9), и кромѣ того въ такомъ запутанномъ дѣлѣ полезнѣе воздерживаться отъ всякихъ догадокъ, которымъ открыто просторное поле, но отъ которыхъ пользы мало. Мы отчасти придерживались изложенія Друмана (I. с. стр. 113 сл.), который впрочемъ не обратилъ вниманія на то, что Секстъ Сульпицій, въ преторство котораго началось слѣдствіе (Liv. 38, 54), былъ преторомъ въ 187 году, въ консульство Эмілія Лепида и Фламинія (Liv. 38, 42; 39, 5). См. Jordan I. с. стр. 41. Также, кажется, основательнѣе обвиненіе Публия Сципіона приписать Петиліямъ (Liv. 38, 54. Plut. I. с. 15), а обвиненіе Луція Невію, который былъ трибуномъ три года спустя, при консулахъ П. Клавдія и Л. Порція (Liv. 39, 32. 52). Cf. Nitzsch Polybius стр. 129.

нихъ или новѣйшихъ защитниковъ ихъ не привелъ ни одного доказательства въ пользу ихъ невинности. Правда, Ливій утверждаетъ, будто имущество Луція Сципіона было меньше той пени, къ которой онъ былъ осужденъ (1); но онъ умалчиваетъ о большихъ богатствахъ Сципіона Африканскаго, и еслибы эти богатства были приобрѣтены совершенно законными путями, то, безъ сомнѣнія, Полибій, другъ Сципіоновъ, называя Фламинина и Павла Эмилиа образцами рѣдкихъ въ Римѣ добродѣтелей безкорыстія и воздержности, не упустилъ бы случая присоединить къ нимъ имя Сципіона Африканскаго (2). Но говоря о его достоинствахъ, правдивый Полибій не рѣшился упомянуть о его невинности въ этомъ дѣлѣ. И не на нее указывалъ самъ Сципіонъ, а на заслуги свои; ставившія его, по его мнѣнію, выше суда и законовъ. Онъ объявлялъ, что государство, обогатившееся его побѣдами, не въ правѣ требовать отъ него отчета въ ничтожной суммѣ четырехъ милліоновъ сестерцій (200,000 р. с.); онъ и прежде еще высказывалъ мнѣніе, что государственные мужи должны отвѣчать за дѣла, ими совершенныя, а не за истраченныя ими деньги. Какъ бы то ни было, Сципіонъ былъ неправъ уже по тому диктаторскому самовластію, съ которымъ онъ поступалъ, по неповиновенію и неуваженію къ государственнымъ законамъ. О противникахъ же его нельзя сказать, чтобъ они были одушевлены одною любовью къ отечеству, обвинивъ его, или чтобъ они этимъ принесли великую пользу государству. А на поведеніе Катона въ этомъ дѣлѣ наводитъ тѣнь то, что Луцій Сципіонъ въ это самое время былъ соперникомъ Катоновымъ въ исканіи цензорства.

Въ книгахъ Маккавеевъ восхваляется единодушіе Римлянъ, которымъ они возвысились надъ другими народами. «Никто изъ Римлянъ не *возлагалъ на себя діадимы*. Всѣ повинуются начальству, ежегодно избираемому, и нѣтъ между ними *ни зависти, ни раздоровъ*.» Но, всматриваясь въ римскую исторію, не трудно убѣдиться, что это единодушіе относилось лишь къ вѣншимъ дѣламъ. Внутри же честолюбіе, своеволие и зависть постоянно разжигали ожесточенную борьбу, то между цѣлыми сословіями, то между отдѣльными лицами, борьбу, которая наконецъ привела къ страшному безначалію и неустройству послѣднихъ временъ республики. Въ этой вѣковой борьбѣ и Сципіонъ

(1) Liv. 38, 60. (2) Polyb. 32, 12. 13; 18, 18. Nitzsch, die Gracchen стр. 118.

съ Катонѣмъ являются дѣйствующими лицами. Сципіонъ, не *возлагая еще на себя діадымы*, уже поступалъ почти съ царскимъ самовластіемъ, и пролагалъ, какъ мы уже замѣтили, нуть будующимъ демагогамъ—тиранамъ. Въ Катонѣ же видимъ ту *зависть*, которая, скрываясь за законностью, исполняла Римъ раздорами.

До сихъ поръ мы видѣли, что Катонъ преслѣдовалъ или личныхъ противниковъ, или людей разномыслящихъ. Въ другихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ безкорыстно. Такъ за Испанію онъ не разъ заступался, стараясь защитить ее отъ притѣсненій римскихъ намѣстниковъ, и этимъ навилъ себѣ многихъ и сильныхъ враговъ (1). Жители провинцій не иначе могли подавать сенату жалобы на намѣстниковъ, какъ черезъ ходатая, *патрона* (*patronus*), и для этого выбирали кого-либо изъ своихъ прежнихъ проконсуловъ, которымъ нужды ихъ были вѣдѣсны. Иногда такой патронатъ надъ провинціями дѣлался наследственнымъ въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ римскихъ родахъ. Римскіе государственные мужи охотно принимали на себя роль покровителей провинцій: имъ льстило, что цѣлые народы просили ихъ помощи и признавали какъ бы свою зависимость отъ нихъ; въ ходатайствѣ за провинціи они видѣли случай показать свое вліяніе, и дѣйствительно старались облегчать ихъ судьбу, насколько позволялъ имъ это существовавшій порядокъ вещей. Случалось, что жестокой проконсулъ становился благодѣтельнымъ патрономъ, и оно понятно: прежде онъ видѣлъ свою выгоду въ притѣсненіи провинцій, а потомъ свою славу въ ихъ защитѣ, и за *своихъ* кліентовъ стоялъ сколько было возможно. Поэтому—то провинціи и обращались до вѣрчиво къ прежнимъ своимъ проконсуламъ, хотя и могли прежде жаловаться на нихъ (2). Но большею частію заступничество

(1) Cic. div. in Сас. 20, 66. (2) Въ 210 году Сиракузанае подали въ сенатъ жалобу на Марцелла, и обвиняли его, что онъ, по взятіи Сиракузъ, обошелся съ ними съ противозаконною жестокостью. Услыхавъ, что Марцеллъ снова избранъ въ консулы, и что ему опять назначена въ провинціи Сицилія, Сиракузанае объявили даже, что всѣ они покинутъ родину, если Марцеллъ возвратится къ нимъ консуломъ. Марцеллъ помѣнялся провинціей съ своимъ товарищемъ по консульству, а сенатъ, оправдавъ Марцелла, поручилъ его прежнему позаботиться объ участи Сициліи. Послѣ этого Сиракузанае помирлись съ Марцелломъ; попросивъ его простить ихъ въ томъ, что они жаловались на него, выбрали его даже въ свои патроны. Очевидно, они не могли желать, чтобы Марцеллу была поручена власть надъ ними, но также не хотѣли его имѣть личнымъ врагомъ, и знали, что

патроновъ было не въ силахъ помочь провинціямъ. Такъ въ 171 г. явились въ Римѣ депутаты обвѣхъ испанскихъ провинцій, и жаловались на беспощадное грабительство и на жестокость римскихъ преторовъ. Проступки были слишкомъ явны, и сенатъ рѣшилъ произвести слѣдствіе. Испанцамъ велѣно было избрать себѣ патроновъ; они избрали четырехъ и между ними Катона. По ихъ просьбѣ, онъ выступилъ обвинителемъ Публія Фурія (1), который, видя невозможность оправдаться, удалился добровольно въ ссылку, въ Пренесте, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима. Другой изъ обвиненныхъ отправился также въ ссылку, въ Тибуръ, теперешнее Тиволи; третій былъ оправданъ. Между депутатами двухъ провинцій, которые сначала дѣйствовали заодно, почему-то открылось несогласіе; они раздѣлились. Пронесся слухъ, что и патроны не совѣтуютъ Испанцамъ обвинять знатныхъ и сильныхъ людей, и наконецъ тотъ преторъ, которому на этотъ годъ поручено было управленіе Испаніей, и который производилъ слѣдствіе, внезапно отправился изъ Рима въ Испанію и такимъ образомъ не далъ Испанцамъ обвинить воѣхъ, на кого они были въ правѣ жаловаться. Хотя Ливій и говоритъ, что, предавъ прошедшее молчанію и забвенію, сенатъ на будущее время оградилъ Испанцевъ отъ обидъ (2), но римскіе намѣстники въ провинціяхъ продолжали пользоваться отдаленіемъ отъ Рима: изъ разныхъ странъ стекались посланные съ жалобами; сенатъ объявлялъ, что онъ весьма не одобряетъ противозаконныхъ поступковъ проконсуловъ и пропреторовъ, обѣщалъ сдѣлать нужное распоряженіе, отпускалъ посланныхъ съ почетомъ и съ подарками, а грабительство въ провинціяхъ все продолжалось (3).

Въ послѣдній годъ своей жизни, Катону еще разъ пришлось

Марцеллъ, какъ патронъ, не могъ повредить имъ, а напротивъ могъ быть имъ полезенъ. Такимъ образомъ странное, повидимому, противорѣчіе въ поведеніи Сиракузанъ объясняется просто и естественно. Но простыхъ объясненій Нитчъ не любитъ, и перемѣну отношеній Сициліи къ Марцеллу толкуетъ иначе: по его мнѣнію, вся ссора между Марцелломъ и Сиракузами произошла отъ теоретическаго разногласія ихъ въ вопросахъ, касающихся управленія. «Nur wenn es in dieser Weise bei dem ganzen Handel auf eine *Principienfrage* in Verwaltungssachen hinaus kam, ist es erklärlich, das die Sicilianer auch nach diesem Streit doch den Marcellus ferner als ihren Patron anerkannten.» (Die Gracchen стр. 58.) Не до Principienfragen было неприятелямъ и подчиненнымъ Римлянъ! (1) Meier l. c. pag. 148. (2) Liv. 43, 2. (3) Liv. 43, 1 — 8 (10); ep. 47 fin.

заступиться за Испанію, и такъ же безуспѣшно. Въ 150 г. нѣсколько лузитанскихъ племенъ явилось къ римскому претору Сервію Сульпицію Гальбѣ, прося мира; преторъ принялъ ихъ ласково, обѣщалъ имъ землю для поселенія, потомъ измѣннически захватилъ ихъ въ плѣнъ, и до 7,000, а по другимъ до 30,000 человекъ отчасти перерѣзалъ, отчасти продалъ въ рабство. Въ слѣдующемъ году народный трибунъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы проданнымъ Испанцамъ возвратить свободу, а Катонъ обвинилъ Гальбу передъ народнымъ собраніемъ (1). Защиту Гальбы принялъ на себя противникъ Катонъ, Фульвій Нобилиоръ. Самъ Гальба, опытный и искусный ораторъ, оправдывался тѣмъ, что Лузитанцы, пришедшіе будто бы ради мира, сами замыслили напасть на римское войско. Катонъ обнаружилъ всю ничтожность такого оправданія, и съ ожесточеніемъ и негодованіемъ говорилъ противъ Гальбы (2), но напрасно. Гальба зналъ и умѣлъ кстати употребить всѣ ораторскія уловки: послѣ трогательной рѣчи онъ вывелъ передъ народъ своихъ сыновей (и заодно какого-то родственника, котораго былъ опекуномъ), умолялъ всѣхъ, чтобы, по его смерти, не покидали его бѣдныхъ сиротъ,—однимъ словомъ, онъ разжалобилъ народъ, но дѣйствовалъ и другими вѣрнѣйшими средствами, пустилъ въ ходъ награбленные въ Испаніи богатства, и былъ оправданъ (3).

Изложенными подробностями о процессахъ Терма, Глабриона, Фульвія, Сципионовъ, Фурия и Гальбы, почти и ограничиваются наши свѣдѣнія о Катоновой судебной дѣятельности. Изъ весьма многочисленныхъ его обвинительныхъ рѣчей намъ известна самая незначительная часть, то-есть, кромѣ приведенныхъ нами, не болѣе пятнадцати. Изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ Катонову цензорству, и мы скажемъ о нихъ послѣ: остальная, большая часть известна намъ по однимъ заглавіямъ. Но какъ бы скудны ни были эти свѣдѣнія, они совершенно подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе о Катонѣ. Онъ провозглашалъ, что хочетъ преобразовать Римъ, но ни средства, имъ выбранныя, ни его личныя побужденія не соответствовали высокой цѣли, имъ предположенной. Оставляя безъ вниманія причины зла, онъ всѣ удары свои направлялъ противъ отдѣльныхъ лицъ. Потому жизнь

(1) Sueton. Galba 3. Appian. Hispan. 58—60. Val. Max. 9, 6, 2. Liv. ep. 49; 39, 40. (2) Gell. 13, 24; 1, 12. (3) Val. Max. 8, 1, 2. Quintil. Inst. Or. 2, 15, 8. Cic. Brut. 21; 23. de Orat. 1, 53. Plut. 15. Appian. ll. cc.

его—не благотворная борьба, а бесплодная вражда съ безчисленными противниками, которые и его не щадили. Сорокъ четыре раза, какъ мы замѣтили, онъ былъ потребованъ передъ судище народное, и всѣ разы былъ оправданъ судьями: дѣйствуя всегда по буквѣ закона, онъ имѣлъ великое преимущество надъ противниками. Защищаясь противъ ихъ нападокъ, онъ указывалъ то, какъ онъ во всемъ отличался отъ своихъ противниковъ, и не обвиняясь, самъ выставялъ великія заслуги свои (1), конечно, не сознавая, что не только въ порочныхъ и равнодушныхъ къ общественному благу Римлянахъ обнаруживалась глубокая порча Римскаго государства, но также, и можетъ-быть еще болѣе, въ гражданахъ, какъ онъ, ревностныхъ и безпорочныхъ.

Мы уже говорили, что въ 189 году Катонъ искалъ цензорства, но безуспѣшно. Въ 185 году онъ снова явился между кандидатами къ этой должности. Онъ долженъ былъ встрѣтить сильное сопротивление не только въ тѣхъ лицахъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ домогались цензорства, но и во всѣхъ оптиматахъ: онъ былъ челоѣкъ новый, безродный; между знатью многіе были его личными врагами, и наконецъ они опасались извѣстной безпощадной строгости Катона. Поэтому всѣ кандидаты (кромѣ его покровителя и друга, Валерія Флакка) соединенными силами противоѣствовали Катону (2). Но не легко было отстранить его или заставить его отказаться. Для Катона, какъ и для всѣхъ государственныхъ мужей Рима, цензорство составляло высшую цѣль стремленій, и тѣмъ болѣе желанную для Катона, что люди безродные, какъ онъ, рѣдко достигали ея. Кромѣ того, не было другой должности, которая бы такъ согласовалась съ его наклонностями, и также въ теченіе всей римской исторіи, кажется, не было челоѣка, который былъ бы способнѣе его исполнять съ любовью и усердіемъ все, что требовалось отъ цензора. Одну изъ главныхъ обязанностей цензора составляло управление государственными финансами: цензоры отдавали на откупъ пользованіе рудниками, озерами и другою государственною собственностью, также сборы разныхъ податей; ихъ же попеченіямъ были поручены общественныя зданія и сохраненіе ихъ въ хорошемъ состояніи; подъ ихъ руководствомъ предпринимались новыя постройки, заключались всякіе подряды и т. д. Однимъ словомъ,

(1) Meier l. c. pag. 137. 139. 168. 172. 179 sq.

(2) Liv. 39. 40. 41.

цензоры были одними изъ главныхъ блюстителей государственной собственности и интересовъ государственной казны, — а мы видѣли, какъ усердно Катонъ, въ Сардиніи и въ Испаніи, заботился объ увеличеніи государственныхъ доходовъ и сокращеніи расходовъ, какъ онъ при этомъ не жалѣлъ ни себя, ни другихъ. Мы послѣ увидимъ, какой онъ былъ страстный хозяинъ, съ какою энергіей онъ стремился, въ своемъ хозяйствѣ, къ увеличенію своихъ доходовъ. Нельзя было найти другаго человѣка, которому можно бы было поручить съ такою увѣренностію управление государственнымъ хозяйствомъ. Но главное, съ обязанностью цензора составлять списки сенаторовъ и всѣхъ гражданъ соединялись обязанность наблюдать и надъ ихъ нравами, и право наказывать порочныхъ людей исключеніемъ изъ списка сенаторовъ или изъ списка полноправныхъ гражданъ. А Катонъ, какъ мы видѣли, въ продолженіе всей жизни считалъ своимъ долгомъ, и пріятнѣйшимъ долгомъ, преслѣдовать людей порочныхъ или вредныхъ государству. Потому, и какъ хозяинъ, и какъ всегдашній блюститель строгости нравовъ, Катонъ былъ какъ бы созданъ для цензуры; это было его призваніе, и конечно онъ долженъ былъ желать получить особенное полномочіе на то, что считалъ главною задачею своей жизни.

Противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соперниковъ (1) Катонъ выступилъ обвинителемъ, и всѣхъ вообще старался заподозрить въ глазахъ народа, говоря, что они желаютъ отстранить его, опасаясь его строгости и безпристрастія, и что государству нужны цензоры именно такіе, какъ онъ самъ и другъ его, Валерій Флаккъ, способные принять рѣшительныя, энергическія мѣры (2). При этомъ случаѣ Катонъ высказалъ ясно, что онъ считалъ своимъ призваніемъ истребленіе современныхъ пороковъ и возстановленіе прежнихъ нравовъ, и что для достиженія этой

(1) Въ числѣ ихъ были Л. Сципіонъ, М. Фульвій Нобилиоръ и Т. Семпроній Лонгъ. О дѣлѣ Сципіона и объ участіи въ немъ Катона мы говорили. На Фульвія также Катонъ нападалъ часто и, вѣроятно, при этомъ случаѣ (см. выше на 233 стр. прим. 1). Наконецъ упоминается рѣчь Катонова противъ Т. Семпронія (Gell 2, 14. Meier l. c. pag. 187), говоренная, когда Семпроній былъ въ изгнаніи; неизвѣстно по какому случаю. Плутархъ (l. c. 12) упоминаетъ, что Катонъ былъ легатомъ проконсула Т. Семпронія во Фракіи и на Дунаѣ. Но извѣстіе Плутархово сомнительно: въ это время Семпроній былъ въ Галліи (Liv. 34, 46), а во Фракіи не было проконсула.

цѣли нужно дѣйствовать съ безпощадною строгостью. Народъ, который ясно понималъ, что угрозы Катонны относятся не къ простымъ, а къ знатымъ людямъ, оптиматамъ, избралъ въ цензоры не только Катона, но и друга его, Валерія Флакка (1).

Опасенія оптиматовъ оправдались. Три пятнадцатія сряду въ спискѣ сенаторовъ первое, почетное мѣсто занято было именемъ Публия Сципіона Африканскаго: Катонъ замѣнилъ его Валеріемъ Флаккомъ, своимъ товарищемъ по консульству и цензорству, хотя, вѣроятно, Сципіонъ еще былъ живъ (2). Потомъ, семерыхъ исключилъ онъ изъ списка сенаторовъ. Число это само по себѣ не очень значительно, если сравнить его съ числомъ исключенныхъ другими цензорами: въ послѣдствіи, когда усилилась вражда политическихъ партій, число исключаемыхъ доходило до шестидесяти четырехъ (3). Но строгость Катона заключалась въ томъ, за какія вины, и еще болѣе въ томъ, какія лица онъ преимущественно лишалъ сенаторскаго сана. Вина одного изъ исключенныхъ сенаторовъ состояла въ томъ, что онъ днемъ, при дочери, поцѣловалъ жену; другаго — въ остроумномъ, но не совсѣмъ почетительномъ отвѣтѣ цензору. Ко всѣмъ вопросамъ своимъ цензоръ прибавлялъ обычную формулу: *ex animi tui sententia* (по совѣсти, по душѣ), которою отвѣчающій обязывался говорить сущую правду. На вопросъ Катона: «по совѣсти и по душѣ, есть ли у тебя жена?» этотъ сенаторъ отвѣтилъ: «есть, да вовсе не по душѣ». Какого-то Ветурія за излишнее дородство, онъ не только исключилъ изъ числа всадниковъ, но и сильно укорилъ его за этотъ тѣлесный недостатокъ, и такимъ образомъ къ мѣрѣ, считавшейся необходимою въ подобныхъ случаяхъ, присоединилъ оскорбленіе (4). Еще болѣе должно было возбудить негодованіе многихъ противъ Катона то, что онъ не щадилъ самыхъ знатныхъ людей въ Римѣ. Онъ исключилъ изъ числа всадниковъ Луція Сципіона, побѣдителя Антиохова (5). Но болѣе всего Катонъ раздражилъ оптиматовъ и прославилъ свое цензорство тѣмъ, что лишилъ сенаторскаго сана Луція Фламинина, бывшаго за семь лѣтъ консуломъ, и, главное, брата знаменитаго Тита Фламинина, побѣдителя Филип-

(1) Liv. 39, 40. 41. Plut. l. c. 16. (2) Polyb. 24, 9. Liv. 39, 52. Nitzsch Polybius стр. 129. Drumann l. c. стр. 114 пр. 77. (3) Liv. 29, 37; 43, 15; 27, 11; 41, 27 (32); ep. 18; ep. 32; ep. 64. (4) Plut. l. c. 17. Cic. de Orat. 2, 64, 260. Gell. 4, 20. Gell. 7, 22. (5) Liv. 39, 54. Plut. l. c. 18. Weber l. c. pag. 31. Jordan l. c. 46. Mommsen l. c. pag. 839.

пова, освободителя Грековъ. Впрочемъ Луцій мало чѣмъ былъ похожъ на брата своего, перенялъ у Грековъ только утонченный развратъ, неизвѣстный еще въ Римѣ, и по справедливости заслуживалъ наказанія. Въ рѣчи, говоренной противъ него, Катонъ упрекалъ его въ слѣдующемъ: Луцій, отпраляясь консуломъ въ провинцію Галлію, общаніемъ богатыхъ подарковъ выманилъ съ собою изъ Рима Кареагенянина Филиппа, извѣстнаго красотою и развратною жизнью. Филиппъ часто попрекалъ ему, что онъ, желая послужить консулу и доставить ему удовольствіе, выѣхалъ изъ Рима какъ разъ передъ гладіаторскими играми, и лишилъ себя возможности посмотрѣть на нихъ. Однажды, когда они вмѣстѣ пировали, къ консулу явился перебѣжчикъ Галлъ, прося принять его подъ свое покровительство. Луцій, разгоряченный виномъ, спросилъ Филиппа, желаетъ ли онъ вмѣсто гладіаторскихъ игръ видѣть смерть этого Галла, и когда тотъ кивнулъ головою, Луцій собственноручно убилъ несчастнаго. Такъ разказываетъ это событіе Ливій, ссылаясь на рѣчь Катона. Другіе писатели говорятъ, что Луцій Фламинійъ, въ угоду какой-то женщинѣ, во время пира велѣлъ казнить передъ собою челоувѣка, уже осужденнаго къ смерти. Какъ бы то ни было, строгость Катонова въ такомъ случаѣ была справедлива. Но хотя на цензорское рѣшеніе, по законамъ, не допускалась апелляція къ народному собранію, оба Фламиніина попытались однако возбудить народъ противъ Катона. Тогда онъ публично предложилъ Луцію присягнуть, что онъ невиновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняють; Луцій принужденъ былъ отступить и такимъ образомъ признать справедливость произнесеннаго надъ нимъ приговора. Но черезъ нѣсколько времени, когда онъ, явившись въ театръ, прошелъ мимо сенаторскихъ и консульскихъ мѣстъ, и сталъ въ отдаленіи отъ нихъ, народъ криками заставилъ его занять прежнее почетное свое мѣсто. Вѣроятно впрочемъ, что эта сцена была заранѣе устроена самимъ Фламиніиномъ, съ тѣмъ чтобы по возможности исправить случившееся (1).

Постановленія, изданныя Катонемъ во время цензорства, имѣли двоякую цѣль: вопервыхъ, охраненіе государственнаго имущества и увеличеніе государственныхъ доходовъ, и потомъ ограниченіе роскоши.

(2) Liv. 39, 42, 43. Plut. l. c. 17. Val. Max. 2, 9, 3; 4, 56. Aur. Vict. de vir. ill. 47. Senec. Controv. 4, 25.

Вездѣ, гдѣ польза государственная приходила въ столкновение съ интересами частныхъ лицъ, или гдѣ частныя лица незаконно пользовались государственною принадлежностью, Катонъ являлся усерднымъ и безпощаднымъ защитникомъ государственныхъ интересовъ. Такъ нѣкоторыя лица изъ общественныхъ водопроводовъ отводили воду къ себѣ въ сады или въ дома: Катонъ уничтожилъ это, и виновные должны были внести штрафъ за такое противозаконное пользованіе общественною собственностію (1). Дома, занимавшіе землю, принадлежавшую государству, Катонъ приказалъ разрушить въ теченіе тридцати дней. Такое строгое исполненіе законовъ не могло быть пріятно римскимъ вельможамъ, которые не очень стѣснялись законами, когда дѣло касалось ихъ выгоды или удобства. Но самое сильное сопротивленіе встрѣтилъ Катонъ въ сословіи всадниковъ, когда онъ въ откупахъ поставилъ до крайности высокія требованія, а въ подрядахъ по возможности понизилъ цѣны. И въ томъ и въ другомъ онъ, очевидно, имѣлъ въ виду пользу государственной казны (2).

(1) Liv. 39, 44. Plut. l. c. 19. Meier l. c. pag. 135. (2) Liv. Plut. II. cc. Нитчъ (Die Gracchen pag. 134) полагаетъ, что при повышеніи откупныхъ цѣнъ и пониженіи цѣнъ въ подрядахъ Катонъ имѣлъ ту мысль, чтобы съ одной стороны откупщики не овладѣли совсѣмъ земледѣльческимъ промысломъ, а съ другой, чтобы люди низшаго сословія отъ другихъ занятій перешли къ земледѣлію. Мы, напротивъ, полагаемъ, что этими распоряженіями, которыя Нитчъ толкуетъ такъ замысловато, Катонъ просто хотѣлъ увеличить доходы и уменьшить расходы государственныя. Неужели наше объясненіе потому не годится, что оно просто и естественно? Если же требуются ученые доказательства тому, что совершенно ясно и неоспоримо, укажемъ на дѣятельность Катону въ Сардиніи и Испаніи, и на его собственныя слова: «pro scapulis et aerario multum reipublicae profui» (Meier l. c. pag. 167). Въ подтвержденіе своего мнѣнія Нитчъ (l. c. pag. 129) указываетъ на колоніи, выведенныя въ самый годъ Катонова цензорства. Но участіе его въ этихъ колоніяхъ опять не доказано. Напротивъ, ихъ выводили люди, которымъ Катонъ постоянно противодействовалъ, Фульвій Нобилиоръ и Сципіонъ Назика (Liv. 39, 44. 55). Поэтому удивляемся, что Момсенъ (стр. 795) предположеніе Нитчево ставитъ наряду съ несомнѣнными фактами. Самъ Нитчъ и этимъ не довольствуется: одна гипотеза служить у него основаніемъ другой, еще болѣе невѣроятной: Cato suchte die Bauernschaft durch neue Colonieen aus kleinen Leuten zu regeneriren, seine Gegner sagten *jedenfalls* (?), zu degeneriren (?). Говоря о цензорствѣ Лепида и Фульвія, Нитчъ выставляетъ, какъ нѣчто особенное, что деньги на общественныя постройки они выпросили у сената, и утверждаетъ, что Катонъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ иначе (die Gracchen стр. 142). Это совершенно

Но стремясь энергически къ этой цѣли, онъ долженъ былъ придти въ столкновение съ сословіемъ всадниковъ, къ которому принадлежали преимущественно откупщики. Они обратились къ сенату; здѣсь всадники имѣли много приверженцевъ, а Катонъ много противниковъ, между прочимъ Тита Фламинина, и по ихъ проискамъ, сенатъ не призналъ дѣйствительными условій, заключенныхъ Катономъ и его товарищемъ. Имъ приходилось возобновить подряды и откупа; они отстранили отъ нихъ всѣхъ прежнихъ участниковъ и незначительно смягчили условія. По другимъ же извѣстіямъ, сенатъ совершенно отмѣнилъ распоряженія Катонны, какъ невыгодныя государству, а онъ самъ былъ обвиненъ передъ народнымъ собраніемъ въ злоупотребленіи цензорской власти и оштрафованъ двумя талантами (1).

Въ ожесточеніи противъ Катона враги его противодействовали ему даже въ общепользныхъ предпріятіяхъ. Публичныя зданія въ Римѣ строились цензорами на деньги, отпущенныя сенатомъ; Катонъ и этою отраслю своей должности занимался такъ же усердно, и между прочимъ, купивъ для казны два двора и четыре лавки, построилъ на ихъ мѣстѣ базилику, первую въ Римѣ, названную по немъ Порціевою. Даже въ этомъ предпріятіи враги старались помѣшать ему. Кромѣ того, по старанію Катона и товарища его, были очищены старыя клоаки и устроены новыя на Авентинской горѣ, и водохранилища были выложены камнемъ, а Валерій Флаккъ отдѣльно, отъ себя, построилъ плотину къ Нептунову источнику близъ Таррацины и дорогу черезъ Форміанскія горы (2).

Всѣ постановленія Катонны, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, имѣя въ виду выгоду государственной казны или общественную пользу, достигали своей цѣли. Нельзя этого сказать о тѣхъ распоряженіяхъ его, которыми онъ хотѣлъ искоренить роскошь и исправить нравы. Оставляя безъ вниманія источникъ роскоши и обстоятельства, содѣйствовавшія ея усиленію, Катонъ направилъ всю энергію свою не противъ зла, а противъ отдѣльныхъ лицъ, и одними запретительными полицейскими мѣрами хотѣлъ исправить своихъ согражданъ. Чтобы лучше объяснить

несправедливо. Какъ объ Лепидѣ и Фульвіи Ливіи говоритъ: *Censoribus postulantibus... vectigal annuum decretum est* (40, 46), такъ и объ Катонѣ и Валеріи Флаккѣ: *Opera deinde facienda ex decreta in eam rem pecunia etc.* (39, 44). (1) Liv. Plut. II. cc. Plut. Flam. 19. (2) Liv. I. c. Plut. Cato Maj. 19. Cato Min. 5. Aus. Vict. de vir. ill. 47.

мѣры, имъ принятыя, мы должны здѣсь сказать нѣсколько словъ о цензѣ, составлявшемъ первоначальную обязанность цензоровъ, отчего они и получили имя. Римскіе граждане, какъ известно, раздѣлялись по имуществу на пять классовъ, и оттого, къ какому кто былъ приписанъ классу, первоначально зависѣло то, какое мѣсто онъ занималъ въ войскѣ, и въ какой мѣрѣ на него падали общественныя повинности. Имущество гражданъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Цензоръ назначалъ, какіе предметы подлежатъ цензу; каждый гражданинъ являлся передъ цензоромъ, и самъ объявлялъ свое имущество, подтверждая присягой вѣрность своихъ показаній; оцѣнка всего показаннаго производилась также по установленному правилу, и каждый гражданинъ записывался въ тотъ или другой классъ на основаніи его собственныхъ показаній. Во время войнъ, когда государство нуждалось въ деньгахъ, граждане вносили военный трибутъ съ всего показаннаго имущества, обыкновенно съ 1000 ассовъ 1 ассъ, иногда 2 асса. Такимъ образомъ, перепись гражданъ и распредѣленіе ихъ по классамъ производились хотя и цензорами, однако не по ихъ произволу, а согласно съ показаніями гражданъ. Исключеніе составляли тѣ лица, которыя, по чему бы то ни было, цензоръ исключалъ изъ списка полноправныхъ гражданъ: кромѣ того что они лишались гражданскихъ правъ, они болѣе другихъ несли бремя государственныхъ повинностей. Цензоръ имѣлъ право въ переписяхъ произвольно возвысить показанное ими имущество. Такъ мы знаемъ, что диктаторъ Эмилиій Мамеркъ, въ 431 г., былъ исключенъ изъ списковъ полноправныхъ гражданъ, и при этомъ цензъ его умноженъ ввосьмеро, такъ что если имущество его состояло изъ 100,000 ассовъ, онъ обязанъ былъ платить трибутъ какъ-бы съ 800,000 (1). Но, какъ мы сказали, правомъ возвышать произвольно цензъ и съ этимъ увеличивать повинности, цензоры пользовались только въ отношеніи къ лицамъ, лишеннымъ гражданскихъ правъ. Катонъ отступилъ отъ общепринятаго правила. Важнѣйшіе предметы роскоши, именно женскія одежды и украшенія, и колесницы, стоившія болѣе 15,000 ассовъ, а также рабовъ, моложе двадцати лѣтъ, стоившихъ десять тысячъ ассовъ и болѣе, онъ внесъ въ списки ценза по оцѣнкѣ, вдесятеро превышавшей настоящую, и такимъ образомъ подчинилъ ихъ высшему цензу. Но этимъ онъ не удовольствовался, а еще сверхъ того обложилъ

(1) Liv. 4, 24.

эти предметы тройнымъ трибутомъ, то-есть тремя-ассаами съ тысячи (1). Понятно, какъ эта мѣра должна была раздражать вельможъ, для которыхъ платить высокую подать было такъ же неприятно, какъ и отказаться отъ предметовъ роскоши.

Скажемъ здѣсь кстати о другихъ законахъ, предложенныхъ или изданныхъ Катономъ, съ цѣлю противодѣйствовать роскоши, какъ прежде, еще во время консульства, такъ и послѣ цензорства. «Не было города, говоритъ Ливій въ предисловіи къ своей Исторіи, въ который бы такъ поздно, какъ въ Римъ, вторглись корыстолюбіе и роскошь, не было города, въ которомъ бы такъ высоко и такъ долго почитались бѣдность и умѣренность.» Дѣйствительно, одною изъ коренныхъ чертъ римскаго народа и главнымъ отличіемъ отъ восточныхъ народовъ была суровость въ образѣ жизни, которая условливалась главными ихъ занятіями, войною и земледѣліемъ. Но эта первоначальная простота жизни не могла же сохраниться въ городѣ, который владычествовалъ надъ многими городами и племенами, и дѣйствительно, по мѣрѣ распространенія римскаго владычества, постепенно измѣнялись и римскіе нравы. Измѣненіе началось очень рано. Прославленные образцы древне-римской простоты, Фабрицій и Курій Дентать, потому именно прославились, что въ ихъ время добродѣтели ихъ уже не были общими добродѣтелями всего народа. Еще до начала пуническихъ войнъ встрѣчается примѣръ цензорской строгости, направленной противъ роскоши: въ 477 г. нѣкто Корнелій Руфинъ былъ исключенъ цензоромъ Фабриціемъ изъ сената за то, что въ его хозяйствѣ было серебряныхъ сосудовъ болѣе десяти фунтовъ (2). Послѣ первой, а еще болѣе послѣ второй пунической войны роскошь значительно усилилась. Государственная казна обогащалась контрибуціями съ побѣжденных и постоянно возраставшими доходами съ провинцій. Вспомнимъ, что между окончаніемъ второй пунической войны и войны съ Персеемъ почти на каждый годъ приходилось по одному триумфальному вѣзду. Въ теченіе этихъ тридцати съ небольшимъ лѣтъ на однихъ триумфахъ ввезено въ Римъ, по показаніямъ Ливія и по самому умѣренному исчисленію, серебра въ слиткахъ 4,000,000 фунтовъ, золота 20,000 фунтовъ, чеканенной монеты 50,000,000 сестер-

(1) Liv. 39, 44. Plut. Cato Maj. 19. Mommsen die Röm. Tribus S. 21. 28. Becker Röm. Alt. II, 2. S. 201 — 204. 231. III, 2. S. 125 sq. cf. Nitzsch die Gracchen S. 127. 141 ff. (2) Liv. ep. 14. Niebuhr Röm. Gesch. III. 651.

цій, и кромѣ того несмѣтное количество золотыхъ вѣнцовъ, блядъ, статуй, сосудовъ и преч., которыхъ и приблизительно нельзя исчислить и оцѣнить. Легко понять, какое вліяніе на измѣненіе нравовъ долженъ былъ имѣть одинъ видъ этихъ сокровищъ, которыя ежегодно передъ глазами удивленной народной толпы торжественно провозили по городу. Кромѣ того, по случаю этихъ триумфовъ, между побѣдоносными войсками дѣлили часть добычи; обогащались и полководцы, и всѣ участвовавшіе въ войнахъ, а отъ нихъ богатство естественнымъ путемъ переходило и къ остальному народонаселенію. Наконецъ, не могло быть благодѣтельно вліяніе продолжительныхъ, непрестанныхъ войнъ и самой лагерной жизни, и также вліяніе разныхъ народовъ, съ которыми римскія войска приходили въ соприкосновеніе: особенно въ Азіи замѣтенъ былъ упадокъ нравственности и даже дисциплины между Римлянами (1). Все это должно было сильно подрывать прежнюю простоту нравовъ и способствовать распроstrаненію роскоши. Катонъ съ негодованіемъ говорилъ противъ этого вторженія иностранныхъ обычаевъ и безпощадно обличалъ тѣхъ, которые предавались роскоши и удовольствіямъ. «Трудно, говорилъ онъ, уцѣлѣть государству, въ которомъ рыба дороже быка, а хорошенькій мальчикъ дороже цѣлаго имѣнія. Опасно знаться съ человѣкомъ, у котораго гортань чувствительнѣе сердца, кто на чрево свое не смотритъ какъ на непріятеля своего, и наконецъ самъ отъ головы до ногъ становится брюхомъ, и пируетъ уже не по своему состоянію, а насчетъ государства.» Онъ публично обличалъ и тѣхъ, которые украшали свои дома статуями боговъ, вывезенными изъ завоеванныхъ земель, и прямо указывалъ, какимъ образомъ пріобрѣтались средства къ роскошной и пышной жизни: «Кто украдетъ у частнаго человѣка, того томятъ въ оковахъ и кандалахъ, а кто обкрадываетъ государство, тотъ щеголяетъ въ багряницѣ и золотѣ» (2).

Въ первый разъ Катонъ выступилъ противникомъ роскоши еще во время своего консульства. Въ самомъ разгарѣ войны съ Аннибаломъ, народный трибунъ Гай Оппій издалъ законъ, запрещавшій женщинамъ имѣть болѣе полу-унціи золота, носить пестрыя платья и въ городѣ выѣзжать на колесницахъ. Въ 195 году, въ годъ Катонова консульства, народные трибуны, Фундацій и Валерій, предложили народу отмѣнить законъ Оппіевъ,

(1) Liv. 39, 1.

(2) Plut. l. c. 8, 9. Meier l. c. pag. 138. Gell. 11, 18.

изданный въ военное время и излишній въ мирное. Капитолій наполнился толпою людей, возвышавшихъ голоса въ пользу закона, или противъ него; Римъ пришелъ въ волненіе, и въ особенности римскихъ дамъ ничто не могло удержать въ предѣлахъ приличія: онѣ заняли всѣ улицы, всѣ входы къ форуму, и мушницъ, входившихъ туда, умоляли возвратить женщинамъ прежнія украшенія, такъ какъ теперь и государство процвѣтаетъ, и благосостояніе частныхъ людей возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Стеченіе народа увеличивалось, пришли женщины изъ ближайшихъ городовъ и мѣстечекъ, и съ просьбами своими обращались даже къ консуламъ, къ преторамъ и другимъ должностнымъ лицамъ. Въ Катонъ онѣ, конечно, нашли неумолимаго противника; онъ произнесъ рѣчь въ защиту Оппіева закона, указывалъ на то, какъ опасно давать женщинамъ волю, въ угоду имъ смѣнять законы, давать просторъ роскоши, называлъ корыстолюбіе и роскошь главными недугами римскаго общества, и напоминалъ, что эти пороки погубили всѣ великія государства. Противники закона возражали, что онъ былъ вызванъ не женскою роскошью, а бѣдственнымъ въ то время состояніемъ государства и необходимостью употребить на государственныя нужды все частное достояніе гражданъ, а что по минованіи тяжелой години прошла и необходимость подвергать гражданъ лишеніямъ. Замѣчательны также слѣдующія слова, приписываемыя Ливіемъ трибуну Валерію, говорившему противъ закона Оппіева: «Не должно ли быть больно и оскорбительно для нашихъ женъ, что украшенія, имъ запрещенныя, дозволены женамъ союзныхъ Латинянь, что на тѣхъ блеститъ золото и багряница, что тѣ развѣзжаютъ по городу въ колесницахъ, а наши жены должны слѣдовать за ними пѣшкомъ, какъ будто Латиняне владѣютъ надъ Римомъ, а не Римляне надъ латинскими городами?» Оппіевъ законъ былъ отмѣненъ, и какъ ни справедливо то, что высказано Катонемъ въ этомъ случаѣ о роскоши и корыстолюбіи, противники его дѣйствовали сообразнѣе съ обстоятельствами, съ положеніемъ Рима и съ общимъ направленіемъ государства. Если граждане должны были довольствоваться малымъ и жить умѣренно, то не за чѣмъ и государству было заботиться о завоеваніи дальнихъ странъ. А Катонъ, наговорившись противъ роскоши и корыстолюбія, поспѣшилъ въ Испанію, овладѣлъ ея рудниками и на триумфальномъ вѣздѣ ввезъ двадцать пять тысячъ фунтовъ серебра въ слиткахъ, тысячу четыреста фунтовъ золота, серебряной монеты сто двадцать три тысячи, и пятьсотъ сорокъ тысячъ испанскихъ

денаріевъ, и кромѣ того изъ добычи роздалъ солдатамъ по двѣсти семидесяти ассовъ, а конницѣ втрое болѣе (1).

Три года спустя послѣ Катонова цензорства, трибунъ Орхій, чтобъ ограничить роскошь, издалъ законъ, опредѣлявшій, сколько гостей граждане имѣли право приглашать на пирь. Катонъ говорилъ и въ пользу Орхіева закона. Хотя законъ былъ принятъ, но общество не могло подчиниться такой опекѣ, при всей ея заботливой благонамѣренности, и вскорѣ Катону пришлось жаловаться, что Римляне отступаютъ отъ Орхіева закона. Другіе законы того же направленія, опредѣлявшіе сумму, которую издержки на пиры не должны были превосходить, оказались столь же безсильны (2).

Въ 169 г. Катонъ говорилъ въ защиту Воконіева закона, ограничивавшаго права женщинъ по наслѣдству. По римскимъ понятіямъ и обычаямъ, какъ извѣстно, положеніе женщины было совершенно подчиненное: она находилась «подъ властью мужа или ближайшихъ родственниковъ». Но въ послѣднее время римскія женщины начали стараться и хлопотать о независимости: таковъ былъ духъ времени. Мы видѣли, какъ самостоятельно дѣйствовали женщины по дѣлу объ отмѣненіи Оппіева закона: онѣ просто подняли бунтъ и настояли на своемъ; трибуны, которые хотѣли было воспротивиться отмѣненію закона, должны были отступить. Однимъ словомъ, римскія женщины уже начали пріобрѣтать то значеніе въ общественной и даже государственной жизни, которое въ послѣдствіи онѣ такъ часто употребляли во зло, и котораго греческія женщины никогда не имѣли. Въ Катонѣ онѣ нашли сильнаго противника. «Будь міръ безъ женъ, не жить бы намъ вдали отъ боговъ» (3), говорилъ онъ, и укорялъ изнѣженныхъ современниковъ своихъ, что они подчиняются женскому вліянію; вотъ его слова: «Всѣмъ людямъ повинуются жены ихъ, намъ повинуются всѣ люди, а мы повинуемся женамъ.» Съ негодованіемъ говорилъ онъ также противъ того, что въ провинціяхъ воздвигаютъ статуи женщинамъ, однако не могъ воспротивиться введенію этого обычая и въ Римѣ: такъ матери Гракховъ, Корнеліи, была поставлена статуя въ Римѣ (4). Шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду Катонъ защищалъ законъ Воконіевъ, направ-

(1) Liv. 34, 4—8; 46. Tacit. Ann. 3, 33. Val. Max. 9, 1, 3. Aug. Vict. de vir. ill. 47. вмѣсто подлинной Катоновой рѣчи въ защиту Оппіева закона Ливій сообщаетъ рѣчь своего сочиненія, въ которой впрочемъ искусно переданъ Катонъ образъ мыслей и характеръ. (2) Meier l. c. pag. 146. (3) Jordan l. c. pag. 54. (4) Plin. N. H. 34, 6.

ленный противъ женщинъ и запрещавшій гражданамъ перваго класса (то-есть такимъ, имѣніе которыхъ превышало 100,000 ассовъ) назначать женщинъ наследницами, или завѣщать имъ болѣе, чѣмъ доставалось наследнику или наследникамъ. Цѣлю этого закона было отчасти — предупредить раздробленіе имущества, но еще болѣе, ограничить расточительность женщинъ, и «незаконно» присвоенную ими независимость, возрастающую все болѣе и болѣе. Въ своей рѣчи Катонъ указывалъ между прочимъ на то, какъ женщины употребляютъ независимое состояніе и богатство для униженія своихъ мужей, и напоминалъ, что, по древне-римскимъ понятіямъ, мужъ былъ женѣ господиномъ и судьей, могъ подвергать ее наказаніямъ и казни. «Обличивъ ее въ невѣрности, говорилъ онъ, ты можешь убить ее; а она, обличивъ тебя въ томъ же, и пальцемъ не смѣетъ тронуть. Оно такъ и слѣдуетъ.» Цицеронъ называетъ Воконіевъ законъ выгоднымъ для мужчинъ, несправедливымъ въ отношеніи къ женщинамъ. Но впрочемъ имъ не очень стѣснялись: въ завѣщаніяхъ назначали подставныхъ наследниковъ, и отъ нихъ, посредствомъ сдѣлокъ, имущество переходило все-таки къ женщинамъ (1).

Законы: Оппіевъ, запрещавшій женскія украшенія, Орхіевъ, ограничивавшій число гостей, и Воконіевъ, ограничивавшій права наследства женщинъ, и цензорскія распоряженія объ увеличеніи трибута съ предметовъ роскоши,—вотъ извѣстныя намъ мѣры, которыя Катонъ защищалъ, или самъ принималъ, съ цѣлью остановить роскошь. Всѣ эти мѣры—исключительно *запретительныя*, административныя. Никто не заботился, да и не въ силахъ человѣческихъ было заботиться объ отстраненіи существенной причины зла, напротивъ съ каждымъ днемъ и для богатыхъ и для бѣдныхъ увеличивалось искушеніе, умножались случаи предаваться роскоши и сибаритству, а цензорская полиція требовала умѣренности, воздержанія, пренебреженія къ богатству и добровольнаго отреченія отъ наслажденій. Намѣренія были, можетъ-быть, благія, но средства были неразумны и оказались безсильными даже въ рукахъ такого желѣзнаго человѣка, какъ Катонъ, хотя ему и была воздвигнута статуя, и въ надписи было сказано, что онъ, будучи цензоромъ, мудрыми своими распоряженіями воз-

(1) Liv. ep. 41. Cic. de sen. 5. Gell. 17, 6; 7, 13. Augustin. de Civ. Dei 3, 21. Cic. de rep. 3, 7. de fin. 2, 17. Verr. II, 1, 41 sq. pro Balbo 8 cf. Bolhuis l. c. pag. 152.

становилъ республику, клонившуюся къ упадку (1): лучшее осужденіе стѣснительнаго вмѣшательства во всѣ мелочи и подробности жизни.

Кромѣ законовъ, направленныхъ противъ роскоши, упоминаются и другіе, въ изданіи которыхъ участвовалъ Катонъ. Такъ онъ предлагалъ законъ противъ недозволительныхъ происковъ при исканіи должностей, другой о томъ, чтобы власть намѣстниковъ прекращалась тотчасъ по прибытіи ихъ преемниковъ (2), наконецъ въ послѣдній годъ своей жизни Катонъ защищалъ законъ, неизвѣстно кѣмъ предложенный, о томъ, чтобы никто не выбирался во второй разъ въ консулы. Катонъ между прочимъ говорилъ, что тотъ, кто часто домогается высшихъ должностей, похожъ на человѣка, не знающаго дороги, и хочетъ, чтобы передъ нимъ всегда шли ликторы, какъ бы для того, чтобы не заблудиться; потомъ упрекалъ и народъ, что онъ часто избираетъ однихъ и тѣхъ же и какъ будто полагаетъ, что должности немногаго стоѣтъ, или что немногіе стоѣтъ должности (3). Эти законы были направленыъ противъ возраставшаго могущества знати или, точнѣе, отдѣльныхъ лицъ, которыя, опираясь, на толпу народную, стали занимать въ государствѣ совершенно исключительное положеніе. Противодѣйствуя знатнымъ, нарушавшимъ республиканское равенствіе, Катонъ съ другой стороны защищалъ права и преимущества народа: ему, по всей вѣроятности, принадлежить законъ Порціевъ, назначавшій тяжкое наказаніе тому, кто подвергнетъ римскаго гражданина тѣлесному наказанію (4). Вообще Катонъ былъ истый республиканецъ, о царяхъ отзывался весьма непочтительно, но съ прискорбіемъ и негодованіемъ самъ уже замѣчалъ, что римскій народъ добровольно отдавался въ руки людей, беззаконно присвоивавшихъ себѣ почти царскую власть. «Вы точно бараны, говорилъ Катонъ своимъ возлюбленнымъ согражданамъ: какъ тѣ поодинокѣ не слушаются, а всѣ вмѣстѣ идутъ за пастухомъ, такъ и вы наединѣ не хотите руководствоваться ничьимъ совѣтомъ, а когда вы сойдетесь всѣ вмѣстѣ, васъ ведутъ другіе, куда имъ угодно» (5). Но съ какою бы энергіею Катонъ ни отстаивалъ существовавшій порядокъ вещей, съ какимъ бы негодованіемъ онъ ни говорилъ противъ отмѣненія старыхъ законовъ, республиканское устройство носило

(1) Плут. 19. (2) Gell. 20, 2. (3) Meier l. c. pag. 158. Plut. l. c. 8. Liv. ep. 56. (4) Meier l. c. pag. 166. Zumpt ad Cic. Verr. V. c. 63. 163 pag. 978. (5) Plut. l. c. 8.

въ самомъ себѣ причины разложенія; ни преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ, ни насмѣшками, ни законами нельзя было препятствовать смѣлымъ честолюбцамъ пріобрѣтать въ народѣ вліяніе, все болѣе и болѣе возрастающее. Отъ закона, воспрецавашаго вторично избирать одно и то же лицо въ консулы, скоро начали отступать, а лѣтъ черезъ пятьдесятъ и совсѣмъ отмѣнили его. Никакими законами нельзя было уничтожить незаконныхъ происковъ при исканіи должностей, происковъ, которые вызвало самое устройство народнаго быта и всего государства. Вообще законодательная дѣятельность Катона неидетъ въ сравненіе съ его судебною дѣятельностью (1). Считаая обвиненіе отдѣльныхъ лицъ важнѣйшею задачею государственнаго мужа, онъ впалъ въ роковое заблужденіе, и даже бывшая часть законовъ, имъ предложенныхъ, носить исключительный, противъ личности человѣческой направленный характеръ.

К. Зедергольдъ.

(1) Кромѣ приведенныхъ нами, упоминаются еще слѣдующіе законы, въ изданіи которыхъ участвовалъ Катонъ: законъ противъ ростовщиковъ, законъ Мевіевъ или Меніевъ, вовсе неизвѣстный, и законъ Бебіевъ. Было два закона Бебіевыхъ: о незаконныхъ проискахъ при исканіи должности и объ избраніи преторовъ; въ защиту котораго говорилъ Катонъ, неизвѣстно. Meier l. c. pag. 163. 166. 191.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА ¹

Разнообразныя отношенія, общественныя и домашнія, устроили для Глинки жизнь, въ періодъ времени отъ 1837 по 1842 г., весьма непохожую на прежнюю, не позволявшую ему вполне и нераздѣльно предаться своему художественному дѣлу, и потому созданіе новой, задуманной имъ оперы растянулось на цѣлыя шесть лѣтъ, вмѣсто тѣхъ полутора или двухъ годовъ, которые достаточны были ему для первой оперы, и которыхъ, по всей вѣроятности, было бы достаточно и для второй.

Для писанія новой оперы, ему всего болѣе не доставало времени. Вотъ, въ нѣсколькихъ чертахъ, подробности объ этомъ періодѣ его жизни: Спустя мѣсяцъ послѣ представленія оперы *Жизнь за Царя*, Глинка назначенъ былъ капельмейстеромъ при пѣвческомъ корпусѣ. «Милости Царя нашего, писалъ Глинка своей матери 2-го января 1837, не ограничились однимъ перстнемъ; на сихъ дняхъ, по представленію министра двора, мнѣ поручена музыкальная часть въ пѣвческомъ корпусѣ. Его Императорское Величество самъ лично, въ продолжительной со мною бесѣдѣ, ввѣрилъ мнѣ своихъ пѣвчихъ.» Въ запискахъ своихъ, Глинка упоминаетъ и подлинныя слова Государя: «Глинка, сказалъ онъ ему однажды, въ декабрѣ 1856 года, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во

(1) См. «Русскій Вѣстникъ». №№ 20-й и 21-й.

всей Европѣ и слѣдственно стобать того, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобъ они не были у тебя Итальянцами.» — «Эти ласковыя слова, говоритъ Глинка, привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ Государю только нѣсколькими почтительными поклонами.» Въ запискахъ сохранились подробности о занятіяхъ Глинки съ этимъ превосходнымъ хоромъ.

Въ послѣдствіи, въ 1838 году, Глинка получилъ порученіе отправиться въ Малороссію для набора новыхъ сопрановъ и альтовъ, и заслужилъ столь полное благоволеніе Государя исполненіемъ этого порученія, что ему назначено было, въ 1839 г., снова ѣхать въ Малороссію для подобнаго же набора: это предположеніе не исполнилось только по случаю оставленія имъ службы. По обязанности капельмейстера, онъ часто находился при богослуженіи, въ придворной церкви, въ присутствіи Императорской фамиліи, на большихъ и малыхъ выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ (начиная съ ноября 1838 года) и, сверхъ того, иногда удостоивался счастья быть приглашаемымъ на музыкальные вечера къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, на которыхъ онъ почти всегда приглашаемъ былъ пѣть или играть на фортепіано. Въ 1837 и 1838 годахъ на патріотическихъ концертахъ исполнялись разныя піесы Глинки, отрывки изъ его оперы; на одномъ изъ нихъ государь сказалъ: «Глинка великій мастеръ, жаль если онъ при одной этой оперѣ останется.» Въ концѣ 1837 года Глинка написалъ прибавочную сцену Вани въ *Жизнь за Царя*, и въ письмѣ 14-го декабря онъ писалъ своей матери: «Вчерашній день прибылъ сюда Государь Императоръ, и вечеромъ я имѣлъ счастье видѣть его въ театрѣ на сценѣ; примѣтивъ меня, Государь подошелъ ко мнѣ, и, обнявъ одну рукою, вывелъ меня изъ толпы, въ которой я стоялъ, и потомъ весьма долго изволилъ со мной бесѣдовать о пѣвческомъ корпусѣ, о пѣвцахъ, обѣщалъ посѣтить театръ, когда будутъ давать мою оперу, чтобы слышать новую сцену, разспрашивалъ также о вновь начатой мною оперѣ. Нѣтъ словъ выразить вамъ, какъ мнѣ драгоцѣнно это милостивое вниманіе нашего добраго Государя. Какъ послѣ этого не посвятить всѣхъ силъ своихъ на его службу?»

Необыкновенный успѣхъ оперы *Жизнь за Царя* былъ причиною того, что Глинка почти невольно долженъ былъ значительно расширить кругъ своего знакомства въ петербургскомъ обществѣ, гдѣ его художественная натура и чудесный исполнительскій талантъ не могли не быть сильнѣйшими магнитами для всякаго. Въ началѣ 1839 года онъ писалъ къ своей матери: «Отъ

Рождества до первой недѣли поста жизнь моя походила на существованіе разгонной почтовой лошади: служба, балы, объѣды, ужины и концерты не только отнимали у меня все свободное время, но часто лишали возможности успокоить себя нужнымъ отдохновеніемъ ночью. Впрочемъ, хотя этотъ образъ жизни мнѣ и не по душѣ и отнялъ у меня возможность продолжать начатую оперу, однакоже я былъ вознагражденъ тѣмъ... что приобретаю нѣсколько новыхъ и пріятныхъ знакомствъ.»

Уже въ концѣ лѣта 1837 года Глинка получилъ порученіе учить пѣнію, въ театральномъ училищѣ, четырехъ воспитанницъ. Онъ говоритъ: «Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, принадлежитъ, можетъ-быть, къ самому лучшему въ моей жизни: ихъ рѣзвая болтовня, звонкій, искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, онѣ умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно.» Въ то же время онъ приготавливалъ для сцены того тенора, который дебютировалъ потомъ подъ именемъ Нестерова, и училъ пѣнію, для русской же сцены, пѣвицу Соловьеву.

Но посреди всѣхъ этихъ, столько разнообразныхъ занятій и развлеченій, главною мыслью и цѣлью оставалась новая опера. «Первую мысль о *Русланъ и Людмила* подалъ мнѣ, говоритъ Глинка, нашъ извѣстный комикъ, князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой (контральта). На одномъ изъ вечеровъ Жуковского, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей *Русланъ и Людмила*, сказалъ, что онъ бы многое передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія.» За новый сюжетъ свой Глинка принялся съ необыкновеннымъ жаромъ: не прекращавшійся восторгъ публики отъ первой его оперы, слава новыхъ его романсовъ, энтузіазмъ, всегда производимый его присутствіемъ и страстнымъ, горячимъ пѣніемъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ ему случалось быть, должны были необходимо поддерживать его художническій жаръ. Въ письмѣ отъ 4-го мая 1838 г. онъ пишетъ своей матери: «Еще при васъ сдѣлано мною условіе съ дирекціей театровъ о доставленіи оперы по-актно, вслѣдствіе чего первый актъ уже мною и доставленъ, и переписывается, второй же за болѣзнію подвигается очень медленно.» Конечно, это извѣстіе не совершенно точно, потому что, какъ мы знаемъ изъ его записокъ, великолѣпная интродукція перваго акта соображена и

сочинена гораздо позже (а именно въ августѣ 1840 года), но тѣмъ не менѣе, и безъ этой интродукціи довольно уже было сдѣлано, если другія части перваго акта были кончены и отданы въ переписку уже въ 1838 году.

Кромѣ этого перваго акта, первыми сочиненными нумерами были: *персидскій хоръ* и *маршъ Черномора*. Глинка услышалъ пробу ихъ въ первый разъ въ Малороссіи, лѣтомъ 1838 года, во время поѣздки своей туда для набора малолѣтнихъ пѣвчихъ. Нѣсколько времени онъ прогостилъ тогда у одного богатаго малороссійскаго помѣщика Григ. Степ. Тарновскаго, большаго любителя музыки. У него былъ свой оркестръ, и посреди многочисленныхъ обѣдовъ, баловъ, иллюминацій, затѣйливыхъ прогулокъ, которыми радушный хозяинъ старался доставить удовольствіе гостившимъ у него пріятелямъ и знакомымъ (въ числѣ которыхъ находился знаменитый нашъ художникъ Штернбергъ, набросавшій именно въ это время лучшія свои произведенія, юмористическія сцены малороссійской жизни), Глинка имѣлъ возможность продолжать также свои музыкальныя занятія (1). Не рѣдко пѣвали у Т. хоромъ малороссійскія народныя пѣсни; порядочный оркестръ исполнялъ многія хорошія вещи (2), наконецъ вздумали обратиться и къ сочиненіямъ Глинки. «Въ портфель моемъ нашлись, говоритъ онъ, два нумера, приготовленные не знаю когда, для *Руслана*—персидскій хоръ: *Ложится въ полъ мракъ ночной*, и маршъ Черномора; обѣ эти піесы были хорошо исполнены; въ маршъ Черномора мы замѣнили колокольчики рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Дм. Ник. Палагинъ.» (Учитель пѣнія придворной пѣвческой капеллы, сопутствовавшій Глинкѣ въ путешествіи, для исполненія возложеннаго на нихъ порученія.)... «Сосѣдъ Т., мой пансіонскій товарищъ, Н. А. М* помогъ мнѣ въ балладѣ *Финна*:

(1) Въ запискахъ находится много интересныхъ разказовъ о времени, необыкновенно пріятно проведенномъ Глинкою въ Малороссіи у Т. Талантливый Штернбергъ написалъ картину: *игру въ жмурки*, гдѣ въ числѣ прочихъ портретовъ зрителей находится и портретъ Глинки; во время гощенія своего, Глинка написалъ два малороссійскіе романа: *Гуде учитель* и *Не щибечи, соловейко*.

(2) Глинка разказываетъ, что одинъ изъ антрактовъ къ *Эмонту* Бетговена, изображающій смерть Клерхенъ, произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что, въ концѣ піесы, онъ схватилъ себя за руку: ему показалось, отъ перемежки движенія валторнъ, что и у него остановился пульсъ.

онъ сократилъ ее и поддѣлалъ сколько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы. Мнѣ очень памятно время, когда я писалъ балладу *Финна*: было тепло, мы собирались вмѣстѣ, Штернбергъ, М* и я. Покажѣсть я уписывалъ приготовленные уже стихи, М* грызѣть перо; не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина, а Штернбергъ усердно и весело работалъ своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно пѣлъ я ее съ оркестромъ.»

У Глинки въ запискахъ сохранилось нѣсколько подробностей о сочиненіи его второй оперы, дающихъ ключъ къ уразумѣнію многихъ особенностей этого художественнаго произведенія.

Разказывая о веселомъ препровожденіи времени отъ 1837 по 1839 годъ, Глинка говоритъ: «Не столь лестны воспоминанія мои о томъ, какъ я писалъ оперу *Русланъ и Людмила*. Кромѣ пьесъ, произведенныхъ въ Малороссіи, принялся я за каватину Гориславы: *Любови роскошная звѣзда*; это было зимою около 1838 или 1839 года. Я всегда писалъ только утромъ, послѣ чаю, и отъ этой каватины меня безпрестанно отрывали... Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1-го акта. *Грустно мнѣ, родитель дорогой*; она была исполнена съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ, весною 1839 года. Я ожидалъ большаго успѣха; аплодировали, но не такъ дружно, какъ я привыкъ. Знаменитый скрипачъ Липинскій, стоявшій возлѣ меня, слушалъ эту каватину съ неподдѣльнымъ восторгомъ и въ концѣ ея пожалъ мнѣ дружески руку, сказавъ: *que c'est bien gusse, cette musique-là*. Я писалъ оперу по кусочкамъ и урывками. Въ 1837 или 1838 году, зимою, я однажды игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки изъ оперы *Русланъ*. Н. В. Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями Константинъ Б*; онъ взялся сдѣлать планъ оперы и намахалъ его въ четверть часа, и вообразите: опера сдѣлана по этому плану! Б* вмѣсто Пушкина! Какъ это случилось, самъ не понимаю. Около того же времени меня познакомили съ Ш*, какъ съ человѣкомъ, вполне способнымъ написать либретто для новой моей оперы. По моей просьбѣ, онъ написалъ для пробы каватину: *Любови роскошная звѣзда* и часть перваго акта. Опытъ оказался очень удовлетворителенъ, но вмѣсто того, чтобъ сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь

о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что все это можно было уладить въ послѣдствіи.»

Итакъ, вотъ все, что Глинка написалъ изъ новой своей оперы въ теченіе 1837 и 1838 годовъ, и то урывками, съ безпрестанными помѣхами всякаго рода и со всѣхъ сторонъ: въ письмахъ онъ, между прочимъ, жалуется, что необыкновенно много времени отнимаетъ у него изданіе альбома (съ сочиненіями его и другихъ русскихъ композиторовъ), который онъ *долженъ* былъ предпринять для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ еще въ 1838 году, но который вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1839 году, и принесъ ему очень мало выгоды. Здоровье его, нѣсколько укрѣпившееся со времени возвращенія изъ чужихъ краевъ въ 1834 году, и какъ бы позволившее ему свободно вздохнуть въ продолженіе почти цѣлыхъ трехъ лѣтъ, начало сильно разстраиваться уже съ первой половины 1837 года, и съ тѣхъ поръ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ Глинка никогда уже болѣе не былъ совершенно здоровъ и спокоенъ, ни въ Россіи, ни за границей. Въ то же время, различныя непріятныя обстоятельства, а равно дороговизна петербургской жизни, необходимость жить довольно открыто, не мало разстроивали его. Еще въ маѣ 1837 года онъ писалъ своей матери: «Все это вмѣстѣ довело меня до того, что мнѣ музыка и опера опостылѣли, и я только желаю сбыть ее скорѣе съ рукъ долой, да убраться изъ Петербурга, который, по дороговизнѣ, слишкомъ накладенъ для кошелька.»

Но это равнодушіе и охлажденіе къ музыкѣ было минутное. Правда, мы видимъ изъ его записокъ и писемъ, что въ 1837 и 1838 годахъ Глинка написалъ мало своей оперы; въ теченіе же всего 1839 и первой половины 1840 года онъ вовсе за нее не принимался. Однакоже, начиная съ появленія на сценѣ оперы *Жизнь за Царя*, Глинка постоянно былъ окруженъ музыкальною атмосферой: для него наступила тогда въ петербургскомъ обществѣ точно такая же эпоха *моды* и *славы*, какая существовала въ то же самое время, въ Парижѣ, для Листа или Шопена. Онъ былъ драгоценный, желанный гость всѣхъ салоновъ, всѣхъ собраній. Его пѣніе, его исполненіе были лучшимъ украшеніемъ всѣхъ вечеровъ. Онъ былъ центромъ всего, что совершалось тогда въ петербургской музыкальной жизни.

Но его дѣятельность не ограничивалась однимъ исполненіемъ: онъ и производилъ много въ это время. Первою вещью послѣ появленія *Жизни за Царя* на сценѣ была (кромѣ прибавочной сцены къ оперѣ) фантазія *Ночной Смотръ*. Жуковскій далъ ее

самъ Глинкѣ, въ концѣ зимы 1836 — 1837 г., вскорѣ послѣ ея написанія, «и, говоритъ Глинка, къ вечеру она уже была готова, и я пѣлъ ее у себя въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Ма-тушка была еще у насъ, и искренно радовалась видѣть у меня такихъ избранныхъ гостей...»

Великимъ постомъ того же 1837 года, по просьбѣ смоленскаго дворянства, онъ написалъ польскій съ хоромъ для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проѣзда Цесаревича; сочинилъ для придворныхъ пѣвчихъ херувимскую (по его собственному признанію, весьма неудачную) и два романса на слова Пушкина: *Гдѣ наша роза* и *Ночной зефиръ*.

Хотя уроки, которые Глинка давалъ нѣкоторымъ воспитанницамъ театральной школы, и прекратились уже около масляницы 1838 года, но онъ для одной изъ этихъ ученицъ не только тогда же написалъ романсъ *Сомнѣніе*, для контральта, арфы и скрипки, на слова Кукольника, — романсъ, имѣвшій и въ то время и послѣ необыкновенный успѣхъ и извѣстность, — но еще, отправляясь весною того года въ Малороссію за наборомъ пѣвчихъ для придворнаго хора, онъ сочинилъ дорогой, въ Смоленскѣ, романсъ на слова одного своего пріятеля, нарочно сочиненныя по его просьбѣ:

Всегда, вездѣ со мною ты,
Сопутницей незримой.

Къ этой музыкѣ подобраны въ послѣдствіи слова Пушкина: *Въ крови горитъ огонь желанья*, которыя лучше и ближе прежнихъ выражаютъ страстность музыки этого удивительнаго романса.

Въ 1838 же году Глинка напечаталъ въ альбомѣ, изданномъ Дюромъ, стансы свои на слова:

Вотъ мѣсто тайнаго свиданья,
Я здѣсь, исполненъ ожиданья,
Гляжу на разноцвѣтное окно.

(Романсъ этотъ весьма слабъ и, по всей вѣроятности, сочиненъ за нѣсколько лѣтъ прежде.)

Въ 1839 году, именно въ то время, когда работа оперы надолго пріостановилась, сочинено имъ много разныхъ піесъ; большихъ конечно размѣровъ, но за то все болѣе и болѣе подвигавшихъ его къ совершенству формы, нужной ему для великаго его труда — оперы. Одно время, въ продолженіе этого года, ему случилось заниматься съ небольшимъ оркестромъ Смольнаго

монастыря; несмотря на ограниченный и случайный составъ оркестра (двѣ первыя скрипки, одна вторая, одинъ альтъ, контрбасъ, флейта, кларнетъ, валторна, тромбонъ и турецкій барабанъ), Глинка не только привелъ его нѣсколько въ порядокъ, но даже занялся сочиненіями для него: сначала переложилъ для него вальсъ Лабичкаго (G-Dur), и, соображаясь со средствами музыкантовъ, написалъ другой вальсъ (G-Dur). Въ послѣдствіи этотъ самый вальсъ былъ переделанъ, переложень на полный оркестръ и посвященъ Е. И. В. Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, вмѣстѣ съ польскимъ для оркестра же (E-Dur), по случаю бракосочетанія Ея Высочества.

Мы видѣли, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ Глинка имѣлъ страсть учить музыкѣ другихъ: едва не мальчикомъ еще, онъ уже училъ оркестръ дяди, и самъ тутъ же учился гораздо больше всѣхъ музыкантовъ; до отправленія за границу училъ пѣнію знаменитаго въ послѣдствіи тенора Иванова; самъ приготавливалъ всѣхъ артистовъ къ выполненію своей оперы *Жизнь за Царя*, а вскорѣ послѣ постановки этой оперы училъ пѣнію нѣсколькихъ воспитанницъ театральной школы, по обязанностямъ службы занимался съ придворнымъ пѣвческимъ хоромъ; училъ миніатюрный оркестръ Смольнаго монастыря; теперь же, въ 1839 году, когда имѣлъ въ виду будущую постановку новой своей оперы, онъ начиналъ уже искать и будущихъ исполнителей для нея, такъ какъ существовавшаго до тѣхъ поръ персонала было бы недостаточно для новаго произведенія его. Съ этою цѣлю привезъ онъ въ Петербургъ одного баса, открытаго имъ въ Малороссіи, во время поѣздки 1838 года, и котораго голосъ онъ цѣнилъ такъ высоко, что находилъ его «въ своемъ родѣ отличнѣе голоса прежняго ученика своего тенора Иванова» (письмо къ матери 29 ноября 1838): это былъ Артемовскій. Еще въ Малороссіи, гостя у Гр. Ст. Тарновскаго, Глинка положилъ для него на оркестръ романсъ Геништы: *Шуми, шуми*; въ Петербургѣ же продолжалъ тщательно учить его и успѣлъ настолько, что уже въ 1839 ученикъ его могъ дать концертъ (1) и на вырученныя деньги отправиться для продолженія своего ученія въ Италію. Точно

(1) Для этого же концерта Глинка положилъ на оркестръ арію изъ *Guido Ginevra*, пѣтую однимъ любителемъ. Вѣроятно, оркестрованіе пошлой аріи было ему порядочнымъ мученіемъ, но для удовольствія друзей онъ былъ готовъ на всякія жертвы.

также онъ готовилъ для своей оперы и тенора Михайлова, который, послѣ уроковъ его отправясь также въ Италію, возвратился въ послѣдствіи съ Артемовскимъ къ самому времени постановки Глинкинской новой оперы.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ музыкальныхъ занятій, непрерывно устремлявшихъ мысли Глинки къ музыкѣ и дававшихъ ему средства постоянно пробовать на самомъ дѣлѣ тѣ новые эффекты и подробности инструментальныя и голосовыя, которыя онъ тогда задумывалъ, гораздо еще важнѣе были въ то время тѣ романсы и небольшія сочиненія, которые онъ написалъ въ періодъ времени между первую и второю своею оперою. Я уже выше имѣлъ случай указать на то, что романсы Глинки не похожи на большинство романсовъ другихъ композиторовъ, сочиненныхъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ на тотъ или другой поэтический текстъ; для него, они служили только средствомъ выразить въ формѣ искусства то или другое мгновеніе собственной жизни, то или другое волновавшее его чувство.

Для людей, незнакомыхъ съ обстоятельствами его жизни, не могло бы не быть поразительно, при разсмотрѣніи совокупности всѣхъ романсовъ и пѣсень Глинки, что большинство ихъ писано для мужскаго голоса, и именно для тенора (голосъ которымъ пѣлъ Глинка), изъ числа 65 его романсовъ и пѣсень, сочиненныхъ имъ въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, отъ 1834 до 1856 года, 50 написаны для мужскаго голоса, и лишь только 15 исключительно для женскаго голоса. Мы могутъ замѣтить, что всѣ вообще романсы Глинки почти всегда пѣвались у насъ женщинами; но это доказываетъ только то, что въ русскомъ обществѣ больше пѣвицъ-любительницъ, чѣмъ пѣвцовъ-любителей, и имѣетъ притомъ же основаніемъ то обстоятельство, что существуетъ довольно близкій параллелизмъ между объемомъ и положеніемъ голосовъ сопрано и тенора, подобно такому же параллелизму между альтомъ и басомъ. Но способъ употребленія голоса въ романсахъ у Глинки всегда скорѣй теноровый, чѣмъ сопранный, а разсмотрѣніе текстовъ этихъ романсовъ доказываетъ безъ всякой возможности сомнѣнія, что по первоначальному, основному намѣренію, поющее лицо долженъ быть *мущина*, а не *женщина*. Всѣ эти романсы Глинка писалъ для себя, для своего собственнаго исполненія, а не для публики, съ единственною цѣлю выразить себя самого, а не для того, чтобъ увеличить массу романсоваго товара.

Піесы эти чисто лирическія имѣютъ тотъ же самый характеръ

субъективности, тотъ же характеръ мгновенно-вылившаго экспромпта, какъ всѣ мелкія піесы Байрона и Лермонтова, какъ всѣ фортепіанныя сочиненія Шопена. Съ послѣднимъ Глинка находится въ самомъ близкомъ родствѣ, и ихъ натуры были бы, быть-можетъ, необыкновенно схожи, еслибы талантъ Шопена не былъ означенъ какою-то особенною печатью болѣзненности, вѣчнаго томленія, страдальчества, постоянной *минорности* настроенія. Но, если Глинка превосходитъ Шопена именно *здоровостію*, шириною и ясностію своей натуры, то тѣмъ не менѣе обладаетъ всѣми сокровищами искреннаго чувства, отыскивающего въ груди самыя тайныя, самыя близкія струны; обладаетъ силою уловить и выразить самыя страстные порывы, самыя мучительныя ощущенія паэоса, сроднаго нашему времени, и потому-то романсы и пѣсни его, этотъ постоянный вопль или восторгъ и ликованіе души, были всегда принимаемы съ такимъ симпатическимъ восторгомъ при ихъ появленіи. Страстные музыкальные листки изъ автобіографіи великаго художника не могутъ не дѣйствовать на всякаго съ силою магическою.

Я уже говорилъ выше о нѣкоторыхъ произведеніяхъ подобнаго рода, относящихся къ первому времени Глинки послѣ *Жизни за Царя*; теперь же необходимо собрать въ одну группу всѣ музыкальныя произведенія его, сочиненныя въ теченіе 1839 и 1840 годовъ, потому что они всѣ имѣютъ одинъ общій характеръ и составляютъ послѣднюю ступень передъ созданіемъ *Руслана и Людмилы*, являются какъ интродукція къ этому великому произведенію, или, еще точнѣе, какъ приготовленіе къ новымъ звукамъ и формамъ, первая проба ихъ для самого автора и для другихъ.

Въ 1839 году, по просьбѣ одной своей знакомой, онъ сочинилъ романсъ на слова Кольцова: *Если встрѣчусь съ тобой*, и для нея же *Valse-Fantaisie* (хотя, прибавляетъ Глинка, на печатныхъ экземплярахъ эта піеса не ей посвящена), а для одной изъ сестеръ своихъ, собиравшейся уѣзжать изъ Петербурга, ноктюрнъ *la Séparation*; принялся было также за другой ноктюрнъ *le Regret*, но его не кончилъ, а тему его употребилъ въ 1840 году для романса: *He требуй пѣсень отъ пѣвца*.

Семейныя обстоятельства принудили Глинку оставить службу въ декабрѣ 1839 (1) и совершенно кинуть ту свѣтскую жизнь, которой, съ конца 1836 года, то-есть съ самаго перваго пред-

(1) Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора.

ставленія *Жизни за Царя*, онъ пожертвовалъ такъ много времени. «Нынѣшній годъ, пишетъ онъ своей матери 24 ноября 1839, былъ для меня самый горестный и трудный въ моей жизни (1); судьба и доселѣ не перестаетъ наносить тяжкіе удары моему сердцу... Въ это короткое время я узналъ жизнь болѣе, чѣмъ въ теченіе всего остальнаго времени, и если большая часть людей, носившихъ имя родныхъ и друзей, оставила меня, за то я приобрѣлъ немногихъ, но искренно преданныхъ мнѣ доброжелателей.»

Уже съ 1836 или 1837 между нѣсколькими художниками и литераторами составилось дружеское веселое общество, котораго самыми замѣчательными по таланту членами были Глинка и Карлъ Брюлловъ, познакомившіеся впервые еще въ Неаполь, въ 1831 году (2); и если Глинка приносилъ туда съ собою все, что можетъ принести въ дружескую бесѣду пріятнаго и увлекательнаго талантливый, пламенный художникъ въ эпоху самаго блестящаго и широкаго своего развитія, то въ свою очередь этому рѣдко разлучавшемуся обществу товарищей и друзей Глинка многимъ обязанъ былъ въ годину несчастія и печали, когда обстоятельства заставили его покинуть общество, но когда ему всего болѣе необходима была атмосфера общаго сочувствія и энтузіазма. Натура Глинки всегда нуждалась, чтобъ такой энтузіазмъ поднималъ на своихъ крыльяхъ его вдохновеніе: для того чтобы творить высокое, чудесное, чтобы воплощать въ формахъ искусства моменты своей собственной жизни, Глинкѣ необходимо было стоять центромъ всеобщаго ожиданія и восторженности; онъ не могъ творить свои великія вещи, подобно Баху или Бетговену, вдали отъ толпы, отъ публики, нисколько отъ нея не завися и не нуждаясь въ ея рукоплесканіи; ему нужно было прежде всего *быть не одному*, производить самое очаровывающее вліяніе на другихъ, чувствовать, что творческія силы его таланта оказываютъ все могущество свое на духъ другихъ, неотразимо овладѣваютъ имъ:

(1) Къ числу прочихъ горестей его, въ особенности, относится смерть нѣжно любимаго брата, скончавшагося въ этомъ году, въ юношескомъ возрастѣ.

(2) Много весьма интересныхъ, самыхъ типическихъ подробностей о Брюлловѣ и Глинкѣ сохранилось въ запискахъ А. М. Струговщикова, который былъ весьма близокъ именно въ эту эпоху съ обоими художниками, и аккуратно велъ всему журналъ.

какъ истинный сынъ XIX столѣтія, Глинка въ высшей степени нуждался въ симпатіи всего окружавшаго его (хотя не всегда самъ ясно сознавалъ это). Многообразныя стороны его рѣдкой, многообъемлющей артистической натуры всего лучше могли быть цѣнны кружкомъ людей талантливыхъ и художниковъ, слившихся въ одну искреннюю, добрую, дружную семью, и потому онъ въ своихъ запискахъ съ особеннымъ отраднымъ чувствомъ вспоминаетъ о широкое привольѣ между доброю, милою и талантливою *братіей*, гдѣ онъ находилъ столько жизни и поэтическихъ наслажденій. Н. В. К* былъ хозяиномъ нашего общества, говорить Глинка въ своихъ запискахъ. Онъ приказалъ уничтожить часть стѣны въ своей квартирѣ; изъ темной комнаты, прежде тутъ находившейся, образовалась алькова, въ которой устроили широкій диванъ и продолжили его вдоль одной стѣны прилегавшей свѣтлой комнаты. Хозяинъ жилъ въ особенной комнатѣ; мы же всѣ, то-есть Н. В. К*, я, рыцарь Коко и рыцарь Бобб (*такъ въ шутку называли двухъ изъ числа общихъ пріятелей*), помѣщались на диванѣ; у каждаго изъ насъ было свое мѣсто, и оставалось еще гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ. Карлъ Брюлловъ и Яненко (живописецъ) болѣе другихъ пользовались этимъ приглашеніемъ; кромѣ нихъ посѣщали насъ часто и другіе. По утрамъ насъ всѣхъ поили чаемъ, послѣ чего остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывалъ у сестры. Вечеромъ мы сходились, тутъ шли разговоры. Иногда ужинали, и тогда это былъ праздникъ, не отъ яствъ и вина (намъ не на что было лакомиться), но отъ разнообразной оживленной бесѣды. Большая часть нашей братіи были люди спеціальныя, приходили и постороннія лица, но всегда народъ дѣльный, либо Петровъ съ могучимъ своимъ басомъ, либо Петръ Каратыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ собственного издѣлія, или кто нибудь изъ литераторовъ, и разговоръ оживлялся, переходилъ съ предмета на предметъ, и время быстро и пріятно улетало. Иногда мы пѣвали; въ такомъ случаѣ тѣ, которые менѣе другихъ принимали участіе въ бесѣдахъ, выступали на первый планъ... К* иногда писалъ намъ куплеты de circonstance; мы подбирали музыку, или я сочинялъ ее, разучивалъ и управлялъ хоромъ.» Эта жизнь постоянного дружескаго общества, столько напоминающая веселую и беззаботную жизнь художниковъ въ Римѣ, есть одна изъ непремѣнныхъ потребностей художника; но такъ какъ ея у насъ обыкновенно никогда и нигдѣ

не существуетъ, потому что она не имѣетъ еще основанія ни въ нашихъ нравахъ, ни въ нашихъ привычкахъ, то тѣмъ болѣе должны были цѣнить ее тѣ художники, которыхъ случай и обстоятельства соединили здѣсь на нѣсколько счастливыхъ и веселыхъ годовъ.

Подъ вліяніемъ того счастливаго расположенія духа, которое должно было приносить ему общество *братіи*, какъ оно называлось, а также подъ вліяніемъ поэтическихъ ощущеній тогдашней поры своей жизни, Глинка написалъ для любимой имъ женщины (о которой я упоминалъ уже выше), въ концѣ 1839 года, романсъ свой: «Я помню чудное мгновеніе», который, вмѣстѣ съ романсомъ: «Въ крови горитъ огонь желанья», написаннымъ подъ вліяніемъ подобнаго же поэтическаго расположенія духа, принадлежитъ къ числу лучшихъ и самыхъ страстныхъ созданій Глинки; написалъ для нея же вальсъ на оркестръ (B-Dur) и, вскорѣ потомъ, сочинилъ цѣлый рядъ романсовъ, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ опоръ и основъ его славы.

«Въ день моихъ именинъ, то-есть 21 мая, говоритъ онъ въ запискахъ, когда я шелъ изъ Ревельскаго подворья (гдѣ тогда жилъ) къ С—у, у котораго провелъ ббльшую часть того дня, кнѣ пришла въ голову мелодія болеро: *О дѣва чудная моя*. Я попросилъ Кукольника (Н. В.) написать мнѣ стихи для этой новой мелодіи; онъ согласился, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ нѣсколько написанныхъ имъ романсовъ. По этому, кажется, поводу, пришла Н. В. мысль о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ подъ именемъ *Прощанія съ Петербургомъ*. У меня было нѣсколько запасныхъ мелодій, и работа шла весьма успѣшно.»

Глинка скромно говоритъ: «весьма успѣшно»; но мы теперь знаемъ, что эти двѣнадцать романсовъ написаны имъ въ теченіе шести недѣль, такъ что на сочиненіе, обработку и написаніе каждаго приходится менѣе, чѣмъ по четыре дня. Мы видѣли уже нѣсколько примѣровъ быстрого его сочиненія (вставочная сцена для *Жизни за Царя*, *Ночной Смотръ* и проч. были сочинены въ одинъ день каждая піеса), но тамъ мы имѣемъ по одной піесѣ за разъ, а тутъ съ чрезвычайною быстротою сочинено ихъ нѣсколько, и притомъ каждая совершенно въ другомъ родѣ, каждая совершенно непохожая, и по колориту, и по характеру, на всѣ остальные. Притомъ же, въ продолженіе лѣта 1840 г., Глинка произвелъ нѣсколько другихъ, также превосходныхъ работъ. «Я часто посѣщалъ Ш* (либреттиста оперы *Русланъ и Людмила*), рисовалъ съ нимъ акварелью, но безъ большаго

услѣха. По его просьбѣ началъ писать *Комаринскую* для фортепiano на *три* руки, но вышла такая дрянь, что тутъ же на мѣстѣ разорвалъ написанное мною. Изъ болеро я сдѣлалъ цѣлую піесу для фортепiano; Германъ (тогдашній дирижеръ оркестра въ Павловскѣ) переложилъ его очень удачно на свой оркестръ, равно какъ и *Valse-fantaisie*; обѣ эти піесы были чрезвычайно любимы публикою. Наша *братія* по сему случаю оставалась нѣсколько дней въ Павловскѣ, гдѣ мы очень весело провели время.»

Въ первой половинѣ августа Глинка уѣхалъ изъ Петербурга, въ деревню къ своей матери, и съ тѣмъ, чтобы сопровождать нѣкоторую часть дороги свою большую знакомую, отправляющуюся на лѣченіе въ южную Россію. По случаю этого отъѣзда собраніе его романсовъ и было названо *Прощаніемъ съ Петербургомъ*. «Я хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга: я былъ не то чтобы боленъ, не то чтобы здоровъ, на сердцѣ была тяжкая осадка отъ огорченій, и мрачныя неопредѣленныя мысли невольно тѣснились въ умѣ... Братья Кукольники и вся братія, искренно любившая меня, не хотѣли разстаться со мной и, можетъ-быть, надолго (какъ-то предполагалось), не изъявивъ мнѣ дружескихъ чувствъ своихъ: 10-го августа для меня устроили прощальный вечеръ, на который, кромѣ искреннихъ пріятелей, приглашены были и нѣкоторые артисты и литераторы. Я пѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ *Прощальную Пѣснь* («Прощайте, добрые друзья»), хоръ пѣла *братія* наша, и кромѣ фортепiano былъ квартетъ съ контрбасомъ.

Въ Художественной Газетѣ 1840 года (1-го сентября, № 17) Н. В. Кукольникъ напечаталъ особую статью объ этомъ собраніи романсовъ; нѣкоторыя подробности не лишены въ ней историческаго интереса для біографіи Глинки. «Бывало, говоритъ Кукольникъ, въ прежнія времена, когда еще М. И. Глинка не украсилъ отечественной сцены превосходнымъ сочиненіемъ *Жизнь за Царя*, и не создалъ великаго творенія *Русланъ и Людмила*, появленіе его романа дѣлало сильную тревогу въ музыкальномъ русскомъ мірѣ; не было голоса, самаго малѣйшаго, который бы не напѣвалъ очаровательной мелодіи... Не станемъ разыскивать причинъ, но не скроемъ нашего мнѣнія, что появленіе оперы *Жизнь за Царя* было одною изъ значительныхъ причинъ усиленнаго музыкальнаго образованія. Народная гордость въ музыкальномъ отношеніи была удовлетворена произведеніемъ, которое могло спорить со всѣми современными знаменитостями: предбу-

лучшему времени осталось ученымъ образомъ обнаружить его преимущество. Многие нумера этой замѣчательной оперы сдѣлались любимцами дилеттантовъ и цѣлью ихъ усилій; романсы Глинки, до того дурно цѣнимые, хотя и повсемѣстно извѣстные, снова раздались въ гостиныхъ и даже на театрахъ. Воображаемъ, какое впечатлѣніе произведетъ на любителей извѣстіе о появленіи вдругъ XII романсовъ и пѣсень М. И. Глинки... Разкажемъ въ короткихъ словахъ содержаніе и другія обстоятельства, относящіяся до этого пріятнаго, драгоценнаго подарка. Все собраніе безъ номеровъ, но мы можемъ сохранить въ нашей статьѣ нѣкоторый хронологическій порядокъ. Дружба и любовь къ искусству соединяли нѣсколько разъ, въ теченіе нынѣшняго гѣта, небольшой кружокъ любителей музыки: каждый разъ, въ теченіе *какихъ-нибудь шести недѣль*, собесѣдники имѣли наслажденіе услышать новое произведеніе Глинки, услышать изъ устъ его самого, со всею энергіею и выразительностію высшей декламации... Первымъ произведеніемъ былъ романсъ *Давида Рицціо*, изъ стихотворной моей поэмы, которую я такъ крѣпко люблю, что не могу окончить. Двароманса, или двѣ пѣсни, какъ угодно, изъ трагедіи моей *Холмскій*, послѣдовали за романсомъ *Рицціо*. Издатели не включили въ собраніе пѣсни *Ильинишны*, и по дѣломъ. Простонародная пѣсенка, положенная Глинкою на музыку, со всею простодушною веселостію нашего народа, не могла войти въ составъ этого изящнаго собранія. Помѣшала послѣдній куплетъ; вы услышите пѣсню, надѣюсь; получите ее и въ печати, но не въ этомъ собраніи, а въ свое время, которое очень далеко быть не можетъ (1). Но за то *Жидовская пѣсня*, изъ Холмскаго, поразитъ cadaго колоритомъ, энергіей, правдой звуковъ, а знатока и гармоническими достоинствами, которыя и въ рукописи были предметомъ справедливой похвалы многихъ. За симъ, каюсь, я подложилъ слова подъ готовую испанскую мелодію (бодеро), согласно мыслямъ Глинки;

(1) Вотъ этотъ послѣдній куплетъ:

Дунулъ вѣтеръ, и Авдей
 Полюбился больше ей.
 Стоитъ дунуть въ третій разъ
 И полюбится Тарась.
 Ай люли, ай люли,
 И полюбится Тарась!

Не понятно, что въ этихъ словахъ помѣшало издателямъ напечатать пѣсню *Ильинишны* въ собраніи романсовъ Глинки 1840 года.

что было дѣлать? не хотѣлось уступить этого удовольствія собственнѣйшему: такъ оригинальна, такъ выразительна была музыка. Публика вполнину насладилаь этимъ превосходнымъ, можно сказать мастерскимъ произведеніемъ Глинки; оркестръ Германа исполнилъ его съ нѣкоторыми придаточными колѣнами, исполнилъ прекрасно, руководимый въ экспрессіи самимъ авторомъ. Я подложилъ слова еще подъ три романса: *каватину* («Давно ли роскошно ты розой цвѣла»), *колыбельную* и *попутную пѣснь*. Я убѣжденъ, что вы не разсердитесь на меня за эту антипоэтическую снисходительность: вы не въ накладѣ, потому что приобрѣли три прелестныя музыкальныя піесы, которыя вмѣстѣ съ другими девятью романсами, долговѣчнѣе многихъ оперъ. Нѣсколько вкуса, нѣсколько опытности — и нѣтъ возможности въ этомъ сомнѣваться. Большая фантазія, сдѣланная изъ мавританскаго моего романса, напечатаннаго въ *Библиотеку для Чтенія*, чрезвычайно занимательна по соединенію трехъ родовъ пѣнія: драматическаго, лирическаго и эпическаго (?); и обогачена превосходно придуманными гармоніями. *Баркарола* («Уснуди голубыя») дышетъ истиннымъ венеціанскимъ колоритомъ; акомпанементъ, изображающій сонное движеніе волнъ, сопровождаетъ пѣніе, не измѣняясь даже въ изображеніи страсти, составляющей противоположность души, встревоженной житейскими ощущеніями, съ ночью тишиною природы. Романсъ изъ недоконченнаго моего романа *Бюргеръ* (*Не требуй пѣсень отъ пльца*) такая свѣтлая музыкальная мысль, такая сильная экспрессія двухъ противоположностей въ пѣвцѣ, когда принуждаютъ его къ пѣснямъ, и когда онъ сами льются изъ вдохновенныхъ устъ, что нельзя не удивиться, до какой степени Глинка обладаетъ истиннымъ драматическимъ талантомъ! *Жаворонокъ* имѣетъ сходство въ простотѣ съ первымъ романсомъ, но соединяетъ какую-то особенную тоску, задумчивость, то, что Нѣмцы называютъ *Sehnsucht*, еще болѣе усиленную звукоподражательностью ритурнелей и акомпанементомъ, въ которомъ слышится поющій жаворонокъ. *Рыцарскій романсъ* (*Virtus Antiqua*, — *Прости, корабль взмахнулъ крыломъ*), изъ большаго романса моего *Эвелина де-Вальероль*, принадлежитъ къ первокласснымъ произведеніямъ въ своемъ родѣ... Последній нумеръ собранія — *Прощальная Пѣснь Барда*, изъ давно-начатой мною и давно-оставленной поэмы, — исполнена высокаго поэтическаго чувства (говоримъ о музыкѣ), но для исполненія едва ли не представляетъ наиболѣе трудностей: хоръ, съ небольшимъ канонемъ, переложень на фортепіано и не затру-

нить исполнителя: но самый ходъ мелодіи, удареніе музыкальное, размѣры усиленія и ослабленія и другіе оттѣнки,—все это невольно займетъ каждаго дилеттанта.»

Далѣе авторъ говоритъ, что краткость журнальной статьи не допустила его заняться подробнымъ музыкально-ученымъ разборомъ этого драгоценнаго собранія, что въ каждомъ романсѣ встрѣтишь, если не новую и правдивую мелодію, то уже по крайней мѣрѣ гармоническую новостъ, что такъ-называемое *savoir faire*, обработка, мастерство, какъ угодно, обнаруживается здѣсь съ самой утѣшительной стороны для русской гордости, что написавъ 12 романсовъ (до 30 листовъ музыки), Глинка ни разу не показалъ себя обыкновеннымъ, пошлымъ (!); что эти романсы перейдутъ въ потомство, потому что и милое, и пріятное, и занимательное удостоивается продолжительной жизни въ потомствѣ. «Скажите, говоритъ въ заключеніе авторъ, не истощена ли въ этихъ романсахъ вся область романса? И еслибы Глинка не написалъ оперы *Жизнь за Царя*, еслибы не создалъ колоссальнаго *Руслана*, неужели одни его романсы, которыхъ болѣе сорока, не доставили бы ему почетной знаменитости, которую подарилъ Петраркѣ—преимущественно сонеты: и если Буалдъ правъ, что хорошій сонетъ труднѣе поэмы, такъ будемъ откровеннѣе, и не подражая педантамъ, которые до сихъ поръ, по части музыки, сидятъ еще въ академическихъ креслахъ временъ Мазарини, согласимся, что *Прощаніе съ Петербургомъ* стбитъ многихъ оперъ, особенно современныхъ.»

Эта статья о романсахъ была точно такъ же *единственная*, какъ единственна была статья о *Жизни за Царя* въ 1837; кромѣ г. Кукольника никто не нашелся написать еще другую, такъ мало цѣнили значеніе ихъ въ исторіи искусства, не только русскаго, но и искусства вообще. Г. Кукольникъ же, хотя повидимому и чувствовалъ, что эти романсы явленіе весьма важное, хотя могъ уже чувствовать, насколько выросъ противъ прежняго времени тогдашній талантъ Глинки, готовившійся дать свѣту оперу, открывавшую искусству новые пути, то все-таки не довольно сознавалъ значеніе этихъ романсовъ, и потому находилъ въ нихъ только проявленіе «милаго, пріятнаго и занимательнаго», и хотя признавалъ ихъ выше многихъ современныхъ оперъ, но все-таки считалъ ихъ преимущественно назначенными на пищу и продовольствіе дилеттантамъ.

Такимъ образомъ, и романсы Глинки, подобно оперѣ *Жизнь за Царя*, подлежащей себѣ оцѣнки еще не получили; ихъ мѣсто,

ихъ значеніе въ исторіи искусства еще не опредѣлены, и даже тѣ люди, которые наиболѣе любили и понимали ихъ, въ видѣ высшей имъ похвалы рѣшились только выговорить, что эти романсы столько хороши и замѣчательны, что могли бы идти въ сравненіе съ романсами (Lieder) Франца Шуберта. Между тѣмъ, безспорно, эти романсы настолько же выше романсовъ Шуберта (иногда при всей своей съ ними родственности) и по содержанію, и по страсти, и по своей глуковской гениальной декламациі, и по новымъ формамъ своимъ, внесшимъ новые элементы въ музыкальное искусство, насколько объ оперы Глинки выше всѣхъ остальныхъ оперъ нашего времени, послѣ-веберовскаго періода. Конечно не далеко то время, когда будетъ признано ихъ значеніе для европейскаго искусства, и въ особенности для будущаго великаго его развитія. Тогда, конечно, будутъ смотрѣть на романсы періода *зрѣлости* Глинки иначе, чѣмъ на пріятныя и интересныя салонныя бездѣлицы, и отведутъ имъ мѣсто на тѣхъ же страницахъ исторіи, гдѣ будетъ говорено о сонатахъ Бетговена и современномъ съ нами потомствѣ ихъ: фортепіанныхъ созданіяхъ Шопена и пѣсняхъ Шумана.

Въ собраніи романсовъ, напечатанномъ подъ названіемъ: *Прощаніе съ Петербургомъ*, талантъ Глинки является намъ въ высшей степени сосредоточеннымъ на тѣхъ задачахъ, которыя въ особенности были ему свойственны, но въ то же время и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ этихъ романахъ Глинка окончательно уже освободился отъ той *сентиментальности, фальшивой романтичности и слезливости*, которыя наложили печать свою на романсы перваго періода и даже отчасти на *Жизнь за Царя*. Любопытно замѣтить, что большая часть первыхъ романсовъ Глинки были все въ *минорныхъ тонахъ*; всякій романсъ на русскій сюжетъ былъ уже *непрѣмьно* въ минорномъ тонѣ. Это зависѣло, во первыхъ, отъ общаго первоначально слезливаго и сентиментальнаго настроенія Глинки, а вовторыхъ отъ того представленія, что русское музыкальное настроеніе есть по преимуществу минорное, печальное. Изъ этого представленія произошло то, что вся опера *Жизнь за Царя* получила колоритъ печальности, минорности, постоянной тоскливости, такъ что нѣкоторая монотонность, изъ того слѣдующая, смягчена лишь свѣтлымъ, цвѣтистымъ элементомъ польской національности, и только въ концѣ оперы этотъ рядъ минорныхъ сценъ разрѣшается въ лучезарности великолѣпнаго торжественнаго эпилога.

Какъ кажется, Глинка до послѣдняго времени всегда пола-

галъ, что главный характеръ русской музыкальной народности состоитъ въ этомъ преобладаніи минорности, въ постоянной тоскѣ и печали. Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ, при сравненіи элемента русскаго съ элементомъ итальянскимъ: «Мы, жители Сѣвера, чувствуемъ иначе, чѣмъ южные народы; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу; у насъ или неистовая веселость, или горькія слезы. Любовь, это восхитительное чувство, животворящее вселенную, у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя Сѣвера, а можетъ-быть нѣсколько передана намъ жителями Востока; ихъ пѣсни также заунывны, даже въ счастливой Андалузій. Иванъ Якимовичъ К* (любимый наставникъ Глинки въ благородномъ пансіонѣ, о которомъ было упомянуто уже выше), говорилъ: послушай поволжскаго извозчика, пѣсня заунывна, слышно владычество Татаръ;—пѣли,—поютъ,—довольно!» Однакоже (что часто случается съ истинными художниками) Глинка своими созданіями самымъ блестящимъ образомъ опровергалъ то, что въ рефлексивной его теоріи было невѣрнаго; инстинктомъ генія своего угадывалъ онъ истину и вносилъ ее въ свои произведенія быть-можетъ безсознательно, прямо наперекоръ тѣмъ идеямъ, кокорыя были занесены въ его голову воспитаніемъ, обществомъ или другими обстоятельствами. Глинка былъ поэтъ и художникъ по преимуществу національный, и потому, еслибъ элементъ тоскливости, печали, унылости былъ кореннымъ, основнымъ элементомъ нашего народа, Глинка постоянно долженъ былъ бы выражать его и во всѣхъ произведеніяхъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ его собственной личности и при томъ такъ, что чѣмъ дальше онъ подвигался въ своей жизни, тѣмъ больше и сильнѣе долженъ былъ бы погружаться въ этотъ элементъ: наши народные элементы въ сущности не измѣнились сквозь всю длинную цѣпь вѣковъ нашей исторіи, и главные черты характера, опредѣляемые наклонностями, симпатіями и антипатіями, пороками и добродѣтелями, стремленіями и желаніями, до сихъ поръ остались въ нашемъ племени тѣ же, что и во всѣхъ прежнихъ вѣкахъ. Но произведеніями своими Глинка, этотъ столько же народный поэтъ, какъ Пушкинъ или Крыловъ, вовсе не выразилъ исключительной наклонности русской души къ унынію и тоскѣ, точно такъ же какъ и тѣ два великіе русскіе поэта. Конечно, Глинка силился выразить это постоянное настроеніе въ первыхъ произведеніяхъ и даже въ первой оперѣ своей, но это было скорѣе *parti pris*,

намѣреніе, условленное головою, а не инстинктомъ таланта, и именно по этому самому, Глинка въ послѣдствіи сталъ постепенно все болѣе и болѣе освобождаться отъ этого такъ сказать *накиднаго* настроенія духа, и чѣмъ совершеннѣйшія являлись у него произведенія, тѣмъ менѣе въ нихъ оставалось элемента тоскливости и унылости. Изъ числа 65 романсовъ и пѣсень Глинки, лишь 23 сочинены въ тонахъ минорныхъ, остальные 42 (то-есть $\frac{2}{3}$ всего количества) написаны въ тонахъ свѣтлыхъ, мажорныхъ. Наконецъ *Русланъ и Людмила*, этотъ вѣнецъ всего созданнаго Глинкою, эта опера, которая, несмотря на свой фантастическій сюжетъ, безъ всякаго сравненія заключаетъ въ себѣ болѣе историческаго значенія, колорита и характера, чѣмъ *Жизнь за Царя*—опера *Русланъ и Людмила* совершенно освобождена отъ унылой минорности, и тѣмъ не менѣе является однимъ изъ совершеннѣйшихъ и художественнѣйшихъ проявленій русской національности. Мудрено сказать, посредствомъ какого внутренняго процесса (имъ самимъ, быть-можетъ, не сознаваемого) Глинка дошелъ до этой истинности и правдивости; но по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что выражая въ XII романсахъ 1840 года свое-тогдашнее настроеніе, Глинка въ то же время совершалъ величайшія работы свои для побѣжденія формы, для овладѣнія ею до такой степени, чтобъ она послушно и художественно изогнулась по всѣмъ новымъ его замысламъ.

Въ эпоху своей зрѣлости, Глинка не могъ и не хотѣлъ болѣе довольствоваться только тѣми музыкальными формами и средствами, которыя до него существовали въ музыкѣ въ продолженіе послѣднихъ двухъ столѣтій: онъ чувствовалъ необходимость новыхъ формъ точно такъ же, какъ чувствовалъ ее Бетговенъ, и, вовсе не зная гениальныхъ первыхъ опытовъ этого величайшаго музыканта нашего времени (и, быть-можетъ, величайшаго музыканта всѣхъ временъ), отгадалъ ту самую дорогу, которую избралъ уже Бетговенъ; отгадалъ ее, и пошелъ по ней, не умѣя самъ назвать по имени свое великое начинаніе, самъ не сознавая всей его важности. Бетговенъ, во всѣхъ произведеніяхъ послѣдняго, самаго совершеннаго своего періода, все болѣе и болѣе обращался къ сочиненію, основанному на системѣ *средне-вѣковыхъ* тоновъ, не вѣрно называемыхъ тонами *церковными*. Употребляя эти тоны и эту систему, Бетговенъ находилъ въ нихъ новые элементы силы, красоты и глубины для своихъ созданій и, возвращая такимъ образомъ музыкѣ всѣ тѣ могущественныя средства, которыя она утратила со временъ Пале-

стрины и старыхъ школъ, приготовлялъ ей новодѣ, беспредѣльное будущее. Но Бетговенъ сознательно начиналъ свою великую реформу; онъ по имени могъ назвать тѣ *средневѣковые*, древніе тоны, которые употреблялъ (1), ему извѣстны были законы ихъ существованія: онъ только гениально приложилъ ихъ въ величайшимъ произведеніямъ конца своей жизни, слилъ ихъ съ чудесами прежней системы своего сочиненія, для Глинки же всего этого не существовало, и онъ явился начинателемъ, реформаторомъ въ музыкѣ—*ощущенью*, самъ не зная всей важности великаго начинаемаго имъ новаго движенія впередъ, не предчувствуя той будущности, которую приготовлялъ для музыки своимъ гениальнымъ начинаніямъ, подсказаннымъ ему единственно инстинктомъ художественнымъ. Бетговенъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ имѣлъ возможность слышать въ католическихъ и лютеранскихъ церквахъ музыкальныя произведенія, сочиненныя въ средневѣковыхъ тонахъ; а въ домѣ у одного вѣнскаго аристократа, страстнаго любителя истинной музыки, постоянно слышалъ, во время своей юности (какъ мы знаемъ изъ его біографіи, написанной Шиндлеромъ) много превосходнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній старыхъ италіанскихъ и нѣмецкихъ школъ (Палестрины и прочихъ); слѣдовательно, въ его художественной памяти и воображеніи напечатлѣлись эти формы, напечатлѣлось могущество, оригинальность и сила эффектовъ, производимыхъ гармоническою системою средневѣковыхъ тоновъ, системою діатонической гаммы, и ему принадлежитъ только та слава, что въ эпоху своей полной зрѣлости онъ *вспомнилъ* эту систему и эти формы, когда ему уже сдѣлались недостаточны формы новѣйшей музыкальной системы, которую можно назвать математическою, размѣренною, симметричною и въ высшей степени ограниченою въ сравненіи съ свободною и безконечною разнообразною системою тоновъ средневѣковыхъ и діатоническихъ. Глинкѣ же пришлось самому все отгадывать, самому все изобрѣтать въ ту пору своего развитія, когда почувствовалъ недостаточность и односторонность новѣйшей системы; ему негдѣ было услышать и узнать тѣ музыкальныя сочиненія, которыя могли бы послужить ему руководствомъ въ великомъ, задуманномъ имъ дѣлѣ: онъ не зналъ ни Палестрины и древнихъ му-

(1) Знаменитое адажіо одного изъ послѣднихъ его квартетовъ надписано такъ: *canzona lidica offerta alla divinità da un guarito*.

зыкальныхъ школъ, ни тѣхъ созданій Бетговена, гдѣ этотъ колоссъ нашего времени началъ обращаться къ системѣ средне-вѣковыхъ церковныхъ тоновъ. Въ русской же церкви и въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ онъ слышалъ одну только мелодическую сторону средне-вѣковыхъ тоновъ, безъ гармонической основы: та гармонія, которая существуетъ нынѣ и у церковныхъ и у народныхъ мелодій, не есть средне-вѣковая, диатоническая, а позднѣйшаго происхожденія. Всѣ люди, которые были Глинкѣ близки около 40-хъ годовъ, въ то время, когда онъ писалъ оперу *Русланъ и Людмила*, много разъ слышали отъ него разказы о томъ, что онъ не доволенъ уже существующею нынѣ музыкальною системою, что музыка необходимо обновленіе, оживленіе посредствомъ другихъ элементовъ, и что съ этою цѣлью онъ введетъ въ свое новое созданіе—гамму ориентальную. Дѣйствительно, онъ ввелъ новые элементы въ музыку, но то, что онъ воображалъ себѣ гаммою и системою восточною, было не что иное, какъ давно позабытая Европою и оставленная всѣми композиторами система древнихъ или средне-вѣковыхъ тоновъ (1). Въ восточномъ же собственно вкусѣ онъ сочинилъ только нѣсколько пѣсней въ своей оперѣ.

Первый опытъ выйти изъ нынѣшней музыкальной системы встрѣчается у Глинки въ 1832 году, въ романсѣ *Турниръ (Сто красавицъ)*, написанномъ въ Венеціи: здѣсь впервые употреблены имъ постоянно каденцы плагальныя (или церковныя), вмѣсто обыкновенныхъ каденцъ на доминантѣ, и при томъ такъ, что ритурнель романса, съ самыхъ же первыхъ нотъ, есть не что иное, какъ плагальная каденца. Въ слѣдующемъ году, 1833, эти каденцы употреблены уже въ двухъ романсахъ: *Дубрава шумитъ* и *Я здѣсь, Инезилья*. Въ 1836 году, въ оперѣ *Жизнь за Царя* находимъ эти каденцы во многихъ (и притомъ лучшихъ, важнѣйшихъ) мѣстахъ; такъ напримѣръ нѣкоторыхъ речитативахъ, въ интродукціи, передъ фугою; въ удивительномъ

(1) Здѣсь не мѣсто входить въ ученое историческое разсмотрѣніе этой системы, которой начало безспорно принадлежитъ древнему міру. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ эта система разработана и въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ въ древности существовала только одна мелодическая сторона музыки, и потому мы называемъ систему диатоническую по преимуществу системою средне-вѣковою. Развитіе всѣхъ этихъ положеній можетъ быть представлено публикѣ при другомъ случаѣ.

пяти-четвертномъ женскомъ хорѣ: *Разгуллалася, разсмѣялася вода есиная*» (который не только по оригинальному ритму своему, но и по всѣмъ подробностямъ есть безспорно одинъ изъ музыкальныхъ перловъ нашего времени); наконецъ, въ великолѣпномъ хорѣ эпилога, составляющемъ гениальнѣйшую страницу всей оперы, мы встрѣчаемъ не только плагальныя каденцы, но еще и цѣлую гамму въ церковныхъ тонахъ (за нѣсколько тактовъ до большаго колькольнаго звона) (1) и проч.

Послѣ *Жизни за Царя*, плагальныя каденцы встрѣчаются въ романахъ Глинки все чаще и чаще, и онъ любилъ употреблять ихъ въ самыхъ важныхъ, въ самыхъ горячихъ мѣстахъ тогдашнихъ произведеній своихъ, а также во всѣхъ тѣхъ, гдѣ ему нужна была отъвѣтъ чего-то не-европейскаго. По этому, каденцы эти мы встрѣчаемъ напримѣръ и въ романсѣ: *Я помню чудное мгновеніе* (одномъ изъ самыхъ страстныхъ, какіе только Глинка когда-либо сочинялъ) и въ испанскомъ его романсѣ (*Ночной зефиръ*) и т. д. Эта форма, какъ кажется, всего больше годилась ему тамъ, гдѣ особенно ярко горѣло пламя страсти. Но на однѣхъ плагальныхъ каденцахъ Глинкѣ нельзя было остановиться въ его стремленіи къ новымъ формамъ; каденцы эти

(1) Хоръ этотъ: *Славься, славься*, неоспоримо высшій и совершеннѣйшій народный гимнъ, какой когда-либо раздавался въ Россіи, заключаетъ въ себѣ такое глубокое значеніе для будущаго русскаго музыкальнаго искусства, содержитъ въ себѣ разрѣшеніе столькихъ существеннѣйшихъ задачъ эстетическихъ и техническихъ, что конечно будетъ предметомъ серьезныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Онъ представляетъ блестящѣйшее доказательство того, съ какою гениальностію Глинка инстинктивно постигалъ и схватывалъ духъ и характеръ русской музыки; *инстинктивно*, потому что онъ и самъ не подозрѣвалъ всего того, что совершилъ созданіемъ этого гимна: хоръ *Славься, славься*, состоитъ изъ нѣсколькихъ плагальныхъ каденцъ, непрерывно одна за другою слѣдующихъ (чему примѣры встрѣчаются и у Шопена, напр. мазурка ор. 30, № 2 и проч.); мелодія же, на нихъ построенная, есть волнующаяся линія нотъ, *рядомъ столицъ* (mouvement par degrés conjoints), такъ что въ числѣ 34 нотъ, ее составляющихъ, встрѣчается только семь терцій, одна квинта и одна секста. Слѣдственно, мы имѣемъ здѣсь мелодію, созданную чисто въ характерѣ нашихъ древнихъ русскихъ и греческихъ церковныхъ мелодій, съ гармонизаціею средневѣковыхъ плагальныхъ каденцъ! Безсознательность самого Глинки, въ этомъ случаѣ, доказывается тѣмъ, что, переходя отъ 1-й каденцы ко 2-й, онъ употребилъ одинъ разъ *мыльшій* мольный аккордъ (G-Moll), противъ правилъ церковныхъ тоновъ, а другой разъ выпустилъ его и рѣшился сдѣлать прямо переходъ отъ каденцы на G къ каденцѣ на A.

были употребляемы уже въ новой музыкѣ; Бахъ и Гендель любили часто вводить ихъ въ свои ораторіи и кантаты; онѣ были употребляемы и Веберомъ, и Мендельсономъ, и Шуманомъ, всего же болѣе Шопеномъ въ его *фортепіянныхъ* вещахъ, этихъ искуснѣйшихъ проявленій бетговенскаго духа скорби, самоуглубленія и страсти. Глинкѣ уже мало было однихъ новыхъ каденцъ послѣ тѣхъ формъ, которыхъ употребленіе онъ отвѣдалъ въ столькихъ мѣстахъ первой своей оперы, послѣ тѣхъ нововведеній, въ которыя Шопенъ воплощалъ свою задумчивую и страстную фантазію, и которыя заключали въ себѣ такъ часто восточную гамму и мелодію и отголоски безпокойной, капризной фразировки восточной, а въ то же время и древней діатонической мелодіи и модуляціи. Шопенъ являлся для Глинки первымъ провозвѣстникомъ возможности и необходимости новыхъ формъ для выраженія тѣхъ таинственныхъ, страстныхъ движеній души, которыя составляютъ исключительную принадлежность нашего вѣка, и которыя никогда прежде не были еще выражаемы (можетъ-быть и чувствуемы); Шопенъ являлся для Глинки какъ бы проводникомъ въ новыя сферы искусства, замѣнялъ ему собою знакомство съ тѣми произведеніями Бетговена, которыя первыя вступили въ ново-открытый міръ души и нашли имъ художественное выраженіе. Знакомство съ сочиненіями Шопена, въ періодъ времени послѣ *Жизни за Царя*, имѣло самое важное значеніе для таланта Глинки; но оно было единственно только *указаніемъ* на возможность новыхъ формъ, было побужденіемъ къ открытію новыхъ путей, и Глинка такимъ образомъ, при помощи этого проводника, вступилъ, самъ того не зная, на ту дорогу, по которой пошелъ въ послѣдніе годы свои Бетговень, и которая заглохла послѣ его смерти, до самыхъ тѣхъ поръ, пока снова не открылъ и не показалъ ея свѣту Шопенъ. Но здѣсь для Глинки все оставалось самому сдѣлать: натура Шопена была слишкомъ исключительна: слишкомъ замкнута въ своей собственной (иногда довольно тѣсной) субъективности; для этой природы достаточно было извѣстныхъ исключительныхъ формъ; ей довольно было приподнять край завѣсы. Натура же Глинки, при всей своей субъективности, была настолько замкнута въ одномъ какомъ-нибудь исключительномъ чувствѣ; задачи ея были несравненно многочисленнѣе; а потому и тѣ формы, въ которыхъ должны были онѣ развиваться, необходимо были шире, многочисленнѣе, полнѣе.

Исполненіе всѣхъ задачъ, къ которымъ способна была натура

Глинки, мы находимъ въ оперѣ *Русланъ и Людмила*. Здѣсь мы встрѣчаемъ, слѣдовательно, проявленіе и всѣхъ новыхъ формъ, къ которымъ была способна натура Глинки; но такъ какъ въ романахъ уже совершались приготовленія къ этому дѣлу, начиная отъ плагальныхъ каденцъ, какъ отъ перваго исходнаго пункта, то въ романахъ же, и преимущественно 1840 года (какъ послѣдней ступени передъ созданіемъ оперы) необходимо должны были совершиться первые опыты овладѣнія и прочими формами и элементами, долженствовавшими войти въ составъ новой оперы.

Кѣмъ бы ни были выбраны сюжеты двѣнадцати романсовъ *Прощанія съ Петербургомъ*, самимъ ли Глинкой, или авторомъ словъ, или обоими вмѣстѣ—все равно, этотъ выборъ былъ чрезвычайно счастливъ, потому что здѣсь встрѣчаются темы самыя разнородныя, самыя противоположныя, на которыхъ Глинка могъ весьма удобно пробовать новосозидаемыя формы оперы. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ будущей оперы было слаганіе разнообразнѣйшихъ элементовъ, различныхъ народностей, различныхъ типовъ и характеровъ: романы изъ *Прощанія съ Петербургомъ* именно представляли сюжеты, имѣвшіе основаніемъ типы, характеры, фizioноміи, самыя разнообразныя, самыя противоположныя. Мы встрѣчаемъ здѣсь сюжеты итальянскіе, испанскіе, мавританскіе, еврейскіе, рыцарскіе, современные намъ; нѣжные, граціозныя, страстные, задумчивыя, комическіе; чувство любви, чувство ревности, чувство материнское, чувство рыцарской доблести, чувство наслажденія природой и т. д. Уже и прежде Глинка бралъ разнообразныя задачи, но онѣ встрѣчались ему порознь, на разстояніи извѣстнаго времени одна отъ другой; теперь же, какъ и въ оперѣ, къ которой онъ приготавливался тогда, онѣ представлялись Глинкѣ всѣ заразъ, и потому здѣсь съ особенною опредѣлительностію чувствовалась ему потребность выполнить каждую задачу совершенно иначе, чѣмъ всѣ остальные, дать ей совершенно особенную фizioномію. Этимъ самымъ условливалась необходимость формъ самыхъ многообразныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлостію возмужавшаго таланта его условливалось могущественнѣйшее проявленіе фантазіи во всемъ ея блескѣ, съ такимъ совершенствомъ художественныхъ формъ, что лучшіе романы и пѣсни предыдущихъ періодовъ остались значительно позади романсовъ 1840 г. Изъ числа этихъ послѣднихъ, каждый не только есть превосходнѣйшее произведеніе, въ музыкальныхъ формахъ, даннаго сюжета, типа, характера и колорита, но вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ

обыкновенно бываетъ съ произведеніями высоко-талантливыми) является точно будто исключительно только на то, чтобы разрѣшить самымъ оригинальнымъ образомъ одну изъ задачъ искусства.

Я не буду разсматривать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, и укажу только на *Еврейскую Пьсь* (для трагедіи Кукольника *Князь Холмскій*) и на *Прощальную Пьсь*. Создавая первую изъ нихъ, Глинка конечно полагалъ, что подаетъ здѣсь первый примѣръ гармонизаціи восточной; но вмѣсто того, ведомый инстинктомъ своего генія, невѣдомо для самого себя, онъ вошелъ смѣлою и твердою стопою въ царство средневѣковыхъ тоновъ, и, какъ нѣкогда Бетговенъ въ произведеніяхъ послѣдняго, совершеннѣйшаго своего періода, показалъ возможность и способъ употребленія гаммы и гармоніи средневѣковой, въ чередованіи съ гаммою и гармоніею, выработавшеюся въ Европѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. Въ наше время, послѣ всего поприща, пройденнаго музыкою, наврядъ ли ей возможно будетъ когда-либо отказаться отъ гаммы и системы трехъ послѣднихъ столѣтій: какова бы ни была эта гамма и система, такъ много великихъ произведеній создано на основаніи ихъ, что тѣмъ самымъ навсегда упрочено ея мѣсто въ музыкальномъ искусствѣ, и потому задача будущихъ музыкантовъ должна состоять не въ томъ, чтобы вытѣснить систему новую и замѣнить ее старою, но ввести въ область музыки древнюю, забытую, заброшенную систему средневѣковую и соединить ея бывшія средства, колоритъ и силу, съ средствами, красками и силою, новой системы. Такъ поступалъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Бетговенъ, такъ точно поступали Шопенъ, а наконецъ и Глинка. Но Бетговенъ употребилъ эти новосозданныя формы только для своихъ колоссальныхъ задачъ церковной и симфонической музыки (2 месса, 9 симфонія), или для выраженія искреннѣйшихъ изліяній своего лиризма, своей собственной субъективности (послѣдніе сонаты и квартеты); Шопену доступна была только эта послѣдняя сторона творчества, выраженіе интимной исторіи своего сердца, раскрытіе таинственныхъ порывовъ страстной, влюбленной или страдающей души, и онъ (подобно Бетговену въ его сонатахъ и квартетахъ) употребилъ новыя формы только на то, чтобы выразить всѣ изгибы, всѣ безконечно-волнующіяся линіи и образы своего лиризма. Глинка же первый между музыкантами постигъ необходимость и возможность употребить новыя сложныя, будто бы неправильныя, дикія, чуждыя формы, соединяющія

въ себѣ старую и новую музыку—на выраженіе всѣхъ вообще задачъ музыкальныхъ. Мелодіи, гармонизаціи, способъ модулировать *древній* и *новый* слились у него вмѣстѣ, сдѣлались въ рукахъ его всѣ равны, сдѣлались рядомъ разнородныхъ, но мирящихся и совокупно-дѣйствующихъ красокъ и формъ для созданія какой бы то ни было картины, и вся опера *Русланъ и Людмила*, заключающая въ себѣ столько разнообразнѣйшихъ элементовъ, безразлично образована изъ слянія этихъ разносоставныхъ красокъ и формъ, между тѣмъ какъ до Глинки онѣ предназначаемы были *только для некоторыхъ*, исключительныхъ музыкальных произведеній.

Каждый изъ прочихъ романсовъ *Прощанія съ Петербургомъ* есть также цѣлый отдѣльный міръ искусства, красоты, граціи и силы, примѣръ употребленія новыхъ формъ или самаго талантливаго оживотворенія и обновленія прежнихъ (1). Всѣ они вмѣстѣ взятые, равняясь по объему почти цѣлой оперѣ (кромѣ хоровъ и ансамблей), должны получить точно такую же оцѣнку, подробную и серіозную, какую бы требовала опера Глинки, относящаяся къ періоду, немедленно предшествующему *Руслану и Людмилѣ*. Но, безъ всякаго сомнѣнія, самый совершенный изъ этихъ романсовъ есть *Прощальная Пѣснь*, обращенная къ друзьямъ, и замыкающая собою этотъ рядъ блестящихъ созданій. Если вообще всегда, вездѣ и во всемъ, что Глинка производилъ, главный характеръ есть искреннѣйшее выраженіе его собственной субъективности, его собственныхъ горестей и радостей, его собственного вдохновенія и страсти, то въ этой пѣснѣ, быть-можетъ превосходнѣйшей и могущественнѣйшей по силѣ и красотѣ въ ряду всѣхъ его романсовъ и пѣсней, слились въ одинъ пламенный центръ звуки, краски и страсть всѣхъ прежнихъ романсовъ, и загорѣлись съ небывалою силою въ этой пѣсни, гдѣ онъ, въ минуту тяжелаго разставанья съ друзьями и тяжелыхъ обстоятельствъ своей жизни, бросилъ взглядъ на все свое прошедшее и разказалъ его въ огненныхъ звукахъ. Уже съ первыхъ лѣтъ молодости своей, Глинка испыталъ жало того недуга, которымъ страдаетъ лучшая часть нашего поколѣнія; въ двухъ чудесныхъ романсахъ 1826 и 1829 года онъ взялъ себѣ темою одинъ разъ слова:

(1) Самый слабый изъ этихъ романсовъ есть романсъ: *Не требуй пѣсень отъ пльца*.

Гдѣ ты, о первое желанье,
 Гдѣ ты, прелестная мечта;
 Зачѣмъ погнѣло навсегда
 Во мнѣ слѣпое упованье? и проч.

а другой разъ:

Одинъ лишь мигъ
 Все въ жизни свѣтитъ: радость,
 Все: слава, юность, дружбы сладость,
 Одинъ лишь мигъ, одинъ лишь мигъ! и проч.

Онъ выразилъ, оба раза, слова эти съ неподобнымъ *совершенствомъ*, запечатлѣвъ ими вопль собственной души, юношеское *романтическое* разочарованіе тогдашней своей эпохи; красота формы и задушевность глубокаго выраженія дѣлаютъ оба романа одними изъ самыхъ примѣчательныхъ въ первую эпоху жизни Глинки. Но многіе годы прошли для Глинки съ тѣхъ поръ, много сильнѣйшихъ, уже *дѣйствительныхъ* страданій пронеслось надъ нимъ: холодная рука дѣйствительности дотронулась до него посреди самыхъ пылкихъ восторговъ его, и смяла много роскошныхъ, свѣжихъ цвѣтовъ души. И вотъ онъ захотѣлъ разказать все свое прошедшее, все свое разочарованіе, въ послѣдней прощальной пѣсни, которою думалъ проститься со своимъ искусствомъ. Музыка этой пѣсни есть какъ будто одно мгновеніе экспромпта, точно будто она зародилась въ душѣ художника нераздѣльно съ тѣмъ чувствомъ, которое продиктовало слова, и нераздѣльно вмигъ съ словами вылилось струей лавы, въ своихъ пламенныхъ, разомъ создавшихся формахъ. Всѣ романы Глинки представляются яркими, мгновенными экстроптами, оттого-то они такъ всецѣло и мгновенно овладѣваютъ слушателемъ. *Прощальная Пѣснь* въ особенности отличается характеромъ экспромпта: въ ней высказалась вся исторія его жизни, вся его душа, вдохновенною, страстною исповѣдью, и искусство дало совершеннѣйшія свои формы и средства для того, чтобы передать эту исповѣдь. По силѣ, по красотѣ, эта пѣснь равняется могущественнѣйшимъ лирическимъ стихотвореніямъ Байрона, въ періодъ его зрѣлости, заключаетъ тѣ же звуки мрачнаго, безутѣшнаго отчаянія, окаменѣлой безнадежности, и тѣ же неожиданные порывы нѣжности, стремленія горячаго сердца, которыми наполнены, какъ ядомъ и бальзамомъ вмѣстѣ, *Прощаніе* Байрона и его послѣдніе стихи, написанные въ тотъ день, когда ему исполнилось тридцать шесть лѣтъ; по своему патетическому выраженію, эта пѣснь равняется также всему, что только создагъ

самого патетическаго Глукъ въ своихъ безсмертныхъ речитативахъ и аріяхъ; но къ трагической декламациі Глука прибавилась здѣсь та пронзительная сила боли и страсти, которая хватаетъ за сердце въ самыхъ сокровенныхъ его глубинахъ, и которой выраженіе стало возможно только искусству нашего времени.

Хотя врядъ ли кто споетъ какой-нибудь изъ романсовъ Глинки такъ хорошо, какъ онъ самъ пѣвалъ ихъ, для нихъ однако и были и всегда найдутся отличные исполнители. Но никто не рѣшается дотронуться до его лучшаго, его трагическаго романа. Точно будто Глинка для себя одного создалъ и записалъ эти необыкновенные звуки, отъ которыхъ глаза всѣхъ наполнялись слезами при его пѣніи, а сердце болѣзненно сжималось, будто онъ съ собою схоронилъ тайну исполненія этой гениальной пѣсни, и будто оправдалъ послѣднія слова этого *Прощанія съ друзьями*:

Вамъ пѣснь послѣднюю мою —
И струны лиры разрываю!

До этихъ струнъ болѣе никто уже не дотрогивался.

Кончивъ послѣднюю ноту, онъ хотѣлъ навсегда замолчать (бросивъ даже *Руслана и Людмилу*) и уѣхать надолго, сначала на югъ Россіи, а потомъ, быть-можетъ навсегда, въ чужіе края.

Но, по счастью, мрачное расположеніе духа у Глинки вскорѣ разсѣялось, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Большая часть поэтовъ (Байронъ во главѣ ихъ) ниѣли минуты тяжкаго унынія и разочарованія, въ которыя они прощались *навсегда* съ своимъ искусствомъ; но по большей части, эти минуты унынія всегда предшествовали періодамъ высшаго развитія силъ и созданія совершеннѣйшихъ произведеній. Такъ точно было и съ Глинкой. «Пріѣхавъ къ матушкѣ (въ Смоленскѣ), говоритъ онъ, я началъ обдумывать свои намѣренія; паспорта и денегъ у меня не было. При томъ же за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга, я былъ жестоко огорченъ *** незаслуженными, продолжительными упреками. Отъ совокупнаго дѣйствія размышленій и воспоминанія, я началъ мало-по-малу успокаиваться. Я принялся за работу и въ три недѣли написалъ интродукцію *Руслана*.» (При этомъ случаѣ слѣдуетъ привести здѣсь одну подробность изъ 1839 года: «По долгу службы, говоритъ Глинка, я присутствовалъ на обрученіи и бракосочетаніи великой

княгини Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣлъ теноръ Поджи, мужъ Фредзолини, и придворные пѣвчіе; я былъ на хорахъ, и стукъ ножей, вилокъ, тарелокъ поразилъ меня и подалъ мысль подражать ему въ интродукціи *Руслана, во время княжескаго стола*, что мною въ послѣдствіи по возможности выполнено.»)

«На обратномъ пути въ Петербургъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября меня прохватило морозомъ. Всю ночь я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе зашевелилось, и я въ ту ночь изобрѣлъ и сообразилъ финалъ оперы, послужившій въ послѣдствіи основаніемъ увертюры оперы *Русланъ и Людмила*.»

Итакъ два изъ геніальнѣйшихъ нумеровъ оперы, первая интродукція и послѣдній финалъ, были сочинены почти въ одно и то же время. Отсюда происходитъ то единство, то характеристическое родство этихъ двухъ нумеровъ, которые образуютъ собою *историческую рамку*, заключающую въ страницахъ своихъ тѣ фантастическія, сказочныя сцены и картины, которыя наполнили собою всю средину оперы. Интродукція *Руслана* есть самое грандіозное, самое колоссальное созданіе Глинки (вмѣстѣ съ заключительнымъ хоромъ изъ *Жизни за Царя*); финалъ же по ширинѣ формъ, по могучему размаху своему слѣдуетъ за этими двумя нумерами. Такими-то двумя великими созданіями воротился Глинка къ своей оперѣ, давно покинутой, и послѣ того глубокаго унынія, которое высказалось въ *Прощальной Пѣснѣ*.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Глинка вошелъ въ колею той самой жизни, которую повелъ онъ съ конца 1839 года, то-есть съ того времени, когда разныя домашнія обстоятельства принудили его оставить службу и измѣнить образъ жизни: онъ отдался, для собственнаго спокойствія, отъ прежняго обширнаго круга знакомства, и ограничился небольшимъ обществомъ искренно преданныхъ ему людей; продолжалъ часто видѣться съ «доброю и талантливою братіей», но болѣе прежняго сталъ сидѣть дома и работать. Уже въ письмѣ отъ 29 сентября онъ пишетъ къ матери: «Я совершенно переѣмилъ образъ жизни; сдѣлавшись домоѣдомъ, избѣгаю всѣхъ случаевъ къ безпорядочной жизни. Что бы ни случилось (онъ говоритъ про процессъ, который долженъ былъ вестись тогда), я рѣшился, не вдаваясь въ будущее, пользоваться настоящимъ временемъ и продолжать оперу». «Несмотря на мои недуги, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 8-го октября, я веду жизнь тихую и покойную, а что всего лучше, беззаботную. Хотя въ сердцѣ нѣсколько пусто, за то музыка меня

несказанно утѣшаетъ ; почти все утро работаю, вечеромъ бесѣда добрыхъ друзей меня услаждаетъ. Если пойдетъ такъ и на будущее время, опера къ веснѣ будетъ почти кончена.» Къ числу тѣхъ домовъ, гдѣ Глинка въ это время былъ принимаемъ какъ родной, и гдѣ онъ, въ тѣсномъ кругу избранныхъ любимыхъ людей, отводилъ душу отъ физическихъ и моральныхъ страданій тогдашняго періода своего, принадлежалъ домъ П. В. Э*. «Жена его, говоритъ Глинка, молодая и пріятной наружности дама, часто приглашала меня. Послѣ болѣзни посылали за мною карету, обитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того собольи шубки, чтобъ еще болѣе меня окупать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романсъ: *Какъ сладко съ тобою мнѣ быть*, слова П. П. Рындина, часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора. Мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя съ дамами, угощали меня сами барыни, и шуткамъ и розказнямъ конца не было.» Такимъ образомъ, зимою 1840 года, онъ въ этомъ домѣ нашелъ для себя ту отраду и то тихое удовольствіе, которое зимою съ 1838 на 1839 годъ онъ находилъ въ знакомствѣ съ племянницами покойнаго друга своего, Е. П. Ш*. «Меньшая изъ нихъ, Поликсена, училась у меня пѣть, а старшая, княгиня М. А. Ш*, молодая вдова, была прелестна: хотя не красавица, но была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Онѣ жили съ бабкой своей, и я былъ у нихъ какъ домашній, нерѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера. Иногда получалъ отъ молодой княгини вдовы маленькія записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать, съ обѣщаніемъ мнѣ *порціи луны и шубки*. Это значило, что въ гостиной княгини зажигали круглую люстру изъ матоваго стекла, и она уступала мнѣ свой мягкій соболій полушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, я на креслахъ возлѣ нея; иногда бесѣда, иногда безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ пріятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобъ удержать сердце мое въ предѣлахъ поэтической дружбы.» Но въ 1838 и въ 1839 году онъ былъ окруженъ цѣлою толпой читателей его таланта, и дружба съ племянницами покойнаго пріятеля была только дополненіемъ къ прочимъ удовольствіямъ. Не такъ было зимою съ 1840 на 1841 годъ: вслѣдствіе обстоятельствъ, а также и собственной рѣшимости Глинки, ряды поклонниковъ и знакомыхъ его уменьшились; одни къ нему

охладѣли, другіе его забыли, третьи ему надоѣли сплетнями и клеветами (о чемъ не мало есть подробностей въ запискахъ и письмахъ Глинки), и потому такъ же искреннее, родственное расположеніе и сочувствіе, какое онъ находилъ въ домѣ у Э*, не могло не быть ему тогда пріятно и не дѣйствовать благотворно на художественныя его занятія.

Какъ много, въ это время, Глинка нуждался въ искренней, близкой бесѣдѣ, чтобы залѣчить ею свои раны, и какъ мало онъ находилъ къ тому возможности въ тогдашней своей жизни. въ тогдашнемъ своемъ окруженіи, видно изъ того, что въ 1840 и 1841 годахъ переписка съ матерью значительно усиливается; Глинка, прежде того мало расположенный къ перепискѣ, начинаетъ писать все чаще, и разказываетъ въ своихъ письмахъ про свою тоску, про свою хандру, про свои огорченія, даже говорить, что «мысль о смерти часто посѣщаетъ его». Всегдашняя нѣжность и привязанность къ матери ярко выразилась во время болѣзни его въ 1840 году. «Когда я убѣдился въ опасности моей, пишетъ онъ, меня тревожила не мысль о смерти, ни что другое, кромѣ васъ, я боялся умереть, чтобъ это васъ не огорчило. Я такъ скоро умереть не желалъ бы; напротивъ, борюсь съ судьбою и страданіями и, вполнѣ цѣня ваше ангельское сердце, употребляю все возможное, чтобы сохранить себя.» Единственно возможнымъ средствомъ для выхода изъ этого состоянія, ему казалась поѣздка за границу, о которой онъ началъ помышлять съ конца 1840 года, и о которой онъ говорилъ своей матери почти въ каждомъ письмѣ, стараясь убѣдить ее въ необходимости этой разлуки, столько тягостной для нихъ обоихъ. Сначала онъ хотѣлъ ѣхать на три или четыре мѣсяца, потомъ на годъ или на два, ему казалось, что кромѣ причинъ моральныхъ, того требовало и его здоровье, наконецъ и возможность заниматься своимъ искусствомъ. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ писемъ этого времени. *8 октября*: «Мое здоровье непременно требуетъ, чтобъ я прожилъ за границею по крайней мѣрѣ годъ или два, ибо всѣ мои припадки происходятъ отъ того, что я не могу переносить холодной погоды... Опера къ веснѣ будетъ (вѣроятно) почти кончена; впрочемъ во всякомъ случаѣ я весною непременно долженъ ѣхать—здоровье дороже всего». *29 октября*: «Будетъ ли опера подвигаться или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ я въ апрѣлѣ непременно долженъ ѣхать за границу. Мысль снова ожить въ лучшемъ климатѣ составляетъ единственную мою отраду, и я безъ ропота сношу страданія и лишенія въ надеждѣ на лучшее

будущее.» 4 января 1841: «Сердце мое желает остаться, а разсудок рѣшительно понуждает ѣхать. Еслибъ я могъ жить съ вами, я бы не колебался ни минуты, и готовъ все оставить и всѣмъ пожертвовать, только бы быть вамъ въ утѣшеніе. Но упорная судьба не исполняетъ ни одного изъ желаній моего сердца. Разсматривая теперешнее мое положеніе, нахожу, что мнѣ въ Петербургѣ дѣлать нечего, и что поѣздка за границу будетъ полезна какъ для здоровья, такъ и для душевнаго расположенія. Опера моя подвигается медленно, безпрерывныя заказныя работы похитили у меня лучшее время, и я не вижу возможности отдѣлываться отъ нихъ. Здоровье мое въ послѣднее время снова начало пошаливать, и хотя я все еще переношу холодный воздухъ довольно хорошо, но спазмы и хандра меня жестоко мучать; соображая все это, вы сами убѣдитесь въ необходимости для меня провести нѣсколько времени за границей, чтобъ изгладить всѣ тягостныя для сердца воспоминанія и оживить себя климатомъ болѣе благотворнымъ.» Въ письмѣ 15 февраля онъ повторяетъ почти тѣ же слова и прибавляетъ: «Наконецъ искусство, эта данная мнѣ небомъ отрада, гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Еслибъ я не провелъ нѣсколькихъ лѣтъ за границей, я не написалъ бы *Жизни за Царя*; теперь вполне убѣжденъ, что *Русланъ* можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи.» Какъ кажется, одною изъ причинъ, побуждавшихъ Глинку такъ сильно желать заграничнаго путешествія, было желаніе сопровождать больныхъ своихъ знакомыхъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ сопровождалъ изъ Петербурга, въ августъ 1840 года, послѣ *Прощанія съ Петербургомъ*. На это мы находимъ указаніе въ письмѣ отъ 25 февраля 1841: «Путешествіе не увлекаетъ мое воображеніе, какъ то было прежде: любопытство видѣть новые предметы такъ слабо, что я считаю поѣздку за границу болѣе необходимостью, нежели удовольствіемъ, и если что для меня заманчиво, такъ это мысль имѣть милыхъ сердцу товарищей, потому что для меня собственно ѣхать бы слѣдовало осенью, а не весной. Лѣтомъ мнѣ вездѣ болѣе или менѣе хорошо, зима же въ Россіи, своею продолжительностью утомляя меня и ввергая въ частыя недуги, лишаетъ меня силъ работать и пользоваться жизнію. Не скрою отъ васъ также, что сердце мое почти забыло нанесенныя ему оскорбленія, но живо сохранило память отрадныхъ минутъ и не можетъ забыть тѣхъ, кои его услаждали въ самыя скорбныя минуты. Скажу вамъ болѣе: невозможно моему нѣжному сердцу существовать

въ одиночествѣ, и хотя оно предано вамъ безпредѣльно, но все еще остался въ немъ уголокъ и для другаго отраднаго чувства, и весьма не желалъ бы я, чтобъ этимъ сердцемъ овладѣла какая-нибудь иностранка. Послѣ всѣхъ постигшихъ меня неожиданныхъ ударовъ судьбы, я не смѣю строить плановъ въ будущемъ, ничего не замышляю, ни за что не рѣшусь огорчить васъ долговременною разлукой, да по теперешнимъ обстоятельствамъ этого и не требуется... На зиму мнѣ слѣдовало бы ѣхать за границу, но не въ Парижъ, а куда-нибудь поближе: до окончанія оперы, въ Парижѣ мнѣ нечего дѣлать. Но въ этомъ предположеніи ваше намѣреніе пріѣхать сюда съ сестрой на зиму представляетъ мнѣ грустное препятствіе. Я не утерплю, чтобы самому не быть съ вами, хотя и убѣжденъ, что петербургскій климатъ и образъ жизни вредны сколько для здоровья, столько и для труда моего.» *21 марта* онъ писалъ: «Я увѣренъ, что путешествіе подкрѣпитъ меня и изгладитъ грустныя воспоминанія, кои еще доселѣ по временамъ тревожатъ бѣдное сердце мое. И если я буду на нѣсколько времени разлученъ съ вами, за то надѣюсь явиться къ вамъ лучшимъ, и, можетъ-быть, если Богу угодно будетъ, порадовать васъ собою. Не дождусь блаженного времени, когда буду съ вами, а не скрою, что деревни боюсь.» *28 марта*: «Судьба рѣшена, я ѣду за границу; еслибы не глубокія вновь раскрывшіяся раны моего сердца, я бы поспѣшилъ къ вамъ, чтобы ласками своими доказать вамъ безпредѣльную мою любовь и признательность. Но не требуйте, не жалѣйте теперь моего къ вамъ пріѣзда. Я душевно боленъ, глубоко боленъ; въ моихъ письмахъ къ вамъ я скрывалъ свои страданія, но они продолжались. Къ счастью, теперь весна, и я тѣломъ не боленъ. Для меня не можетъ быть счастья въ Россіи, вспомните судьбу мою, и вѣрно сами согласитесь съ этимъ. За границей надѣюсь найти спокойствіе: тамъ климатъ лучше, и люди не такъ связаны предрасудками, какъ здѣсь. Кто знаетъ, можетъ-быть судьба моя ведетъ меня къ лучшему; какъ художникъ по крайней мѣрѣ могу надѣяться, что тамъ выиграю. Зная ваше ангельское сердце, я прибѣгаю къ вамъ съ двумя просьбами. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что какъ для здоровья, такъ и для окончанія оперы, четырехъ-мѣсячнаго путешествія не достаточно. Должно остаться годъ, чтобъ избѣгнуть зимы, укрѣпиться и имѣть время окончить мой огромный трудъ, который только въ половинѣ: пріѣхать къ зимѣ, не оконча его, невыносимо для моего самолюбія. Второе, не переезжайте въ Петер-

бургъ до моего возвращенія. Съ вашими молитвами и милостію Всевышняго, можетъ-быть черезъ годъ я явлюсь такимъ, какимъ вы желаете, и какъ пріятно будетъ мнѣ, по возвращеніи, найти васъ здѣсь и ставить оперу на сцену въ вашемъ присутствіи. Къ деревнѣ же, говоря откровенно, душа моя не лежитъ... Запретить людямъ говорить нельзя—это ясно, но я терпѣть не могу ни толковъ, ни сплетень, и благодарю судьбу, что могу улетѣть изъ Россіи, гдѣ съ моимъ характеромъ и въ моихъ обстоятельствахъ жить не возможно. Заграничный бытъ мнѣ хорошо извѣстенъ, тамъ сосѣдъ не знаетъ про сосѣда, и каждый живетъ по своему...»

Но скоро все измѣнилось, и въ письмѣ отъ 18 апрѣля того же 1841 года Глинка уже писалъ: «Непредвидѣнныя, важныя для меня обстоятельства совершенно овладѣли моимъ вниманіемъ. (Онъ описываетъ ихъ, и потомъ продолжаетъ.) Теперь, какъ всегда случалось въ самыя критическія минуты моей жизни, нѣтъ при мнѣ челоуѣка, на котораго бы я могъ вполне положиться; Ш* бы мнѣ все устроилъ, но онъ за 1500 верстъ. Ъхать за границу мнѣ и думать нельзя—я необходимо долженъ остаться въ Петербургѣ...» Такимъ образомъ, Глинка встрѣтилъ неожиданныя препятствія для поѣздки за границу, точно такъ, какъ встрѣтилъ ихъ въ 1834 году, и, по всей вѣроятности, безъ этихъ благодѣтельныхъ помѣхъ, Глинка *вовсе* или по крайней мѣрѣ *долго* не создалъ бы—тогда *Жизни за Царя*, а теперь *Руслана и Людмилу*. Несмотря на всѣ его увѣренія въ томъ, что пребываніе за границей послужило бы только къ быстрѣйшему окончанію оперы, мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы сильно сомнѣваться въ этомъ, и самъ Глинка наконецъ, въ этомъ письмѣ (которое мы приведемъ ниже), сознался въ послѣдствіи, что «только въ Россіи можетъ онъ хорошо и успѣшно сочинять». Итакъ, его счастливая звѣзда, ему самому наперекоръ, располагала его судьбою къ лучшему и устраивала всѣ обстоятельства такъ, какъ они были необходимы для поднаго торжества его генія.

Мы видѣли, что въ періодъ времени отъ осени 1840 до весны 1841 года Глинка не былъ празденъ; но онъ жаловался на то, что заказныя работы отвлекали его отъ оперы. Какія же это были работы? Въ запискахъ и письмахъ мы находимъ на то отвѣтъ. Въ письмѣ отъ 15 февраля 1841 года онъ пишетъ матери своей: «Сравнительно съ прежними годами, я нынѣшнюю зиму поработалъ порядочно. Теперь, какъ всякую зиму къ концу,

я долженъ приостановиться; холодъ и лишеніе свѣжаго воздуха совершенно погасили вдохновеніе; я доволенъ и тѣмъ, что еще крѣпокъ, на ногахъ, и кое-какъ перемогаюсь.» «Несмотря на недугъ (читаемъ мы въ запискахъ), я снова принялся за работу (въ октябрѣ 1840), началъ сцену *Людмилы* IV акта. Вскорѣ по просьбѣ Кукольниковъ, написалъ увертюру, антракты (числомъ четыре), пѣсню «*Ходить вътеръ у воротъ*» и романсъ *Сонъ Рахили* для написанной Несторомъ драмы *Князь Холмскій*. исполнили музыку мою довольно опрятно, но пѣса не удалась и выдержала только три представленія.»

Сочиненные Глинкой четыре антракта къ этой трагедіи не носятъ, въ партитурѣ, никакихъ указаній автора на содержаніе свое, на моментъ драматическій, который имъ назначено выразить. Однакоже, при разсмотрѣніи трагедіи Кукольника и сличеніи съ нею музыки Глинки, не трудно опредѣлить, что именно хотѣлъ высказать своею музыкою композиторъ.

Первый антрактъ, передъ вторымъ дѣйствіемъ, (A-Moll) есть, съ нѣкоторыми измѣненіями и новымъ прибавленнымъ вступленіемъ, пѣснь Рахили: *Съ горныхъ странъ палъ туманъ*, которая была напечатана Глинкою въ 1840 году, съ фортепьяннымъ аккомпаниментомъ. Но въ инструментальномъ своемъ видѣ она еще лучше, чѣмъ пѣснь для голоса, и настолько же превосходитъ ее, несмотря на всю необыкновенность пѣсни (о которой я имѣлъ уже случай говорить выше), насколько въ Бетговенскихъ антрактахъ къ *Эмонту*, пѣснь Клерхенъ, въ инструментальномъ ея видѣ и развитіи (C-Dur), выше и геніальнѣе той же пѣсни для голоса (A-Dur). Но въ обоихъ случаяхъ Глинка выполнилъ свою задачу превосходно; нѣсколькими геніальными ударами кисти, онъ изобразилъ намъ здѣсь цѣлую еврейскую національность, съ ея торжественными ожиданіями будущаго, съ ея восточною самоуглубленностію и энергическою мрачнію, и нарисовалъ яркій образъ страстной Еврейки, въ ея національномъ вдохновеніи.

Второй антрактъ, передъ третьимъ дѣйствіемъ, (B-Dur) есть дуэтъ любви. Мы здѣсь встрѣчаемъ въ первый разъ героя пѣсы, самого *Князя Холмскаго*, молодого, пылкаго, въ ту минуту, когда онъ разказываетъ любовь свою хитрой кокеткѣ, баронессѣ Адельгейдѣ. Онъ не чувствуетъ, что она обманываетъ его, вѣрить ея увѣреніямъ, но его гордой натурѣ не возможно оставаться въ однѣхъ розовыхъ цѣпяхъ любви: поминутно въ немъ просыпаются его честолюбивые замыслы, и онъ рисуетъ своей любезной кар-

тины царскаго величія, которыя ея ожидаютъ вмѣстѣ съ нимъ, если она согласится соединить съ нимъ судьбу свою. Въ настоящемъ антрактѣ оба эти элемента составили все содержаніе; за звуками страстнаго, любовнаго томленія слѣдуютъ порывы величія и горделивыхъ ожиданій; все это вмѣстѣ слелось широкою, чудесною лентою, и доставило Глинкѣ одинъ изъ тѣхъ моментовъ для драматическаго живописанія, которыхъ не встрѣчаешь у него ни въ какомъ драгоцѣнномъ созданіи.

Третій антрактъ, передъ четвертымъ дѣйствіемъ, (C-Dur) есть маршъ, много напоминающій подобный же маршъ въ антрактахъ *Эмонта*, не задолго передъ тѣмъ узнавныхъ и оцѣненныхъ Глинкою, въ 1838 году, въ Малороссіи. Даже тріо этого марша имѣетъ много сходства съ бетговенскимъ, во всѣхъ развитіяхъ средней части, но тѣмъ не менѣе созданіе Глинки имѣетъ полный характеръ самостоятельности, начиная уже съ того, что служить для выраженія совершенно другаго драматическаго момента, чѣмъ маршъ Бетговена. Тамъ маршъ изображаетъ стройное вшествіе, въ Брюссель, побѣдоносныхъ испанскихъ войскъ, задавившихъ народное возстаніе Эмонта и принца Оранскаго. У Глинки же, напротивъ, музыка изобразила ту минуту, когда русскія войска, предводительствуемая дотогѣ княземъ Холмскимъ, услышали, на псковскомъ вѣчѣ, изъ устъ князя о его намѣреніи отложиться отъ своего отечества и образовать новое, самостоятельное государство: дружина, въ ужасѣ и негодованіи; бѣжить отъ своего вѣроломнаго предводителя; трубы и барабаны бьютъ ей походъ, вездѣ слышится безпорядочное движеніе, что-то взволнованное; народная толпа мрачно и подозрительно перешептывается о неслыханной новости (тріо C-Moll), и войско уходитъ съ вѣча при замирающихъ звукахъ колокола вѣчеваго (мѣрные удары литавръ), *громовымъ ударомъ* котораго открывается этотъ антрактъ (1).

(1) Еще при жизни Глинки этотъ антрактъ былъ арражированъ А. Н. Стѣровымъ въ четыре руки, къ совершенному удовольствію автора, и игралъ при немъ перелазателемъ съ Д. Н. Стасовымъ и В. П. Энгельгардтомъ. Глинка всегда требовалъ, чтобы первые звуки литавръ и трубъ были выполнены на фортепіано съ наиболѣе возможнѣйшею силою, требовалъ, чтобы ноты эти были изо всей силы ударяемы костями суставовъ указательнаго пальца, когда обратитъ руки ладонью вверхъ. Глинка разказывалъ также, что при исполненіи въ театрѣ онъ приказывалъ литаврику изо всей силы исполнять тутъ свои ноты. «Пусть прорвутся литавры, говоритъ онъ ему, пусть! я заплачу, только играйте какъ мнѣ тутъ нужно!»

Четвертый антрактъ, передъ пятымъ дѣйствіемъ, (D-Moll) представляетъ намъ Холмскаго какъ бы въ окончательномъ, последнемъ монологѣ съ самимъ собою. Всѣ его яркія надежды, разлетѣлись какъ пыль, при первомъ прикосновеніи съ дѣйствительностію, онъ обманулся въ каждомъ изъ своихъ широкихъ ожиданій, обманулся въ любви какъ и въ честолюбіи, и дѣйствительность оставила ему результатомъ его ожиданій только одно—позоръ и достойное наказаніе въ ролюмной измѣны отечеству, и каждый звукъ въ Глинкинской сценѣ выражаетъ холодный ужасъ и отчаяніе. Минуты разочарованія, потерянныхъ и разбившихся надеждъ (какія бы онѣ ни были) — одна изъ любимѣйшихъ задачъ современнаго искусства; онъ равно принадлежитъ Гамлету, Фаусту, Манфреду и многимъ другимъ героямъ не столь высокой и сильной породы. Глинка однажды уже выполнялъ эту самую задачу (въ оперѣ *Русланъ и Людмила*), въ лицѣ Финна, воплощенія утраченныхъ и несбывшихся надеждъ; но у него осталось послѣ 1838 года еще много красокъ на палитрѣ, и онъ тою же широкою кистью, создалъ еще болѣе высокую сцену: сцену отчаянія Холмскаго. Но натура Глинки не могла останавливаться на диссонансѣ, и онъ заключилъ сцену свою чѣмъ-то въ родѣ примирительнаго апоѳеоза (издалека напоминающаго конецъ увертюры *Лодоиски Керубини*). Этотъ антрактъ — одно изъ гениальнѣйшихъ созданій Глинки.

Пѣсня Ильинишны — одинъ изъ немногихъ образцовъ сочиненія Глинки въ комическомъ родѣ. Ихъ всего мы знаемъ у Глинки пять: 1) попутная пѣснь «*Дымъ столбомъ, кипитъ дымится паровозъ*»; 2) пѣснь Ильинишны; 3) сцена Фарлафа съ Наиной (въ *Русланъ и Людмила*); 4) инструментальное русское скерцо—*Комаринская* и 5) варіаціи въ четыре руки на первоначальную польку, для фортепіано. Это не можетъ не поразить, когда вспомнишь весь запасъ комизма и юмора, которымъ такъ щедро была надѣлена натура Глинки (наврядъ ли великая художественная натура возможна безъ присутствія этой могучей и живительной струны душевной), когда вспомнить, съ какимъ неподражаемымъ совершенствомъ Глинка пѣлъ вещи комическія, шаловливыя, и что въ пербургскомъ обществѣ первая слава его началась съ успѣховъ въ фортепіанной игрѣ, а потомъ еще съ болѣе большихъ успѣховъ въ выполненіи арій и отрывковъ изъ комическихъ оперъ. Но если, во время пылкой жизни, иныя задачи заняли его вдохновеніе, такъ что онъ успѣлъ создать только четыре пѣсы въ комическомъ родѣ, то тѣмъ дороже должна быть

для насъ каждая изъ нихъ, какъ представительница особаго комическаго стиля. Въ *Попутной Пьсьи* (паровозъ) мы встрѣчаемъ быструю скороговорку итальянскихъ арій буффъ, но съ особымъ русскимъ оттѣнкомъ и русскими акцентами; арія Фарлафа, изображающая торжество и радость воина-хвастуна, имѣетъ что-то близкое къ *Паровозу*, а вмѣстѣ что-то родственное по характеру и съ *Finche dal vino* (изъ Д. Жуана), съ арією негра-Моностатоса въ *Волшебной Флейтѣ*, и арією Осмина *Ha! wie will ich triumphiren* (въ *Entführung aus dem Serail*); но отличается отъ всѣхъ четырехъ военнымъ своимъ складомъ. Въ *Комаринской* Глинка вступилъ на новую стезю и открылъ въ русскомъ духѣ совершенно новую сторону юмора и капризной фантазіи. *Первоначальная полька* есть также маленькое юмористическое инструментальное скерцо, полное оригинальности и перемѣшанное съ веселыми карриатурами на сочиненіе Герца и другихъ фортепіанистовъ. Все вмѣстѣ, маленькая музыкальная жемчужина изъ веселой эпохи 40 годовъ жизни Глинки. Наконецъ, *Пьсьи Ильинишны*, представляющая не одну точку соприкосновенія, съ *Комаринскою*, имѣетъ главнымъ своимъ характеромъ насмѣшливость, издѣвку. Всѣ эти піесы (которыя съ такою неподражаемою увлекательностію исполнялъ самъ Глинка) имѣютъ также, при всемъ своемъ различіи, и нѣкоторыя черты родственности: въ нихъ одинаково чувствуется какая-то необходимость приплясыванія, мимики всѣмъ тѣломъ, всѣ четыре изображаютъ широкій разгулъ. Слѣдовательно, при такомъ единствѣ направленія (несмотря на разнообразіе отдѣльныхъ характеровъ и задачъ), эти четыре піесы далеко не исчерпываютъ еще собою всѣхъ сторонъ комическаго въ музыкальномъ искусствѣ, но и въ тѣхъ родахъ, которые были обработаны Глинкою, представляютъ образцы великаго мастерства.

Сонъ Рахми и *Пьсня Ильинишны* послужили двумя главными темами увертюры для трагедіи *Князь Холмскій*, и Глинка сдѣлалъ чудеса какъ изъ соединенія этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ въ одну массу, такъ и изъ своеобразной обработки каждой изъ нихъ. Оригинальность фантазіи и оркестра даютъ узнать здѣсь то самое могучее перо, которымъ писался *Русланъ* въ это же время; увертюра *Холмскаго* достойна стоять наравнѣ съ увертюрою второй оперы (хотя, вопреки привычкамъ и вкусамъ публики, *невыгодно для эффекта* оканчивается замираніемъ, подобно увертюрѣ *Коріолана* Бетговена), а три нумера

ея для пѣнія равны по красотѣ, силѣ творчества и по значенію своему лучшимъ нумерамъ изъ той же оперы.

Оправясь послѣ горячки, открывшейся у него въ ноябрѣ 1840 года, Глинка снова началъ писать *Руслана*, и въ то же время, по просьбѣ И. П. Мятлева, написалъ *Тарантеллу*, для оркестра, съ пѣніемъ и танцами, сочиненіе, сдѣланное наскоро и не представляющее особеннаго интереса.

«Въ концѣ зимы, то-есть въ началѣ 1841 года, продолжаетъ Глинка въ своихъ запискахъ, я по просьбѣ инспектора Екатерининскаго института П. Г. Ободовскаго, на слова его сочиненія написалъ выпускной хоръ для дѣвицъ (E-Dur). Иногда бывалъ на репетиціяхъ въ институтѣ, и хоръ исполнили очень хорошо.

«За этотъ трудъ я получилъ отъ Государыни Императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпаннымъ брилліантами, который я тогда же отослалъ матушкѣ. По болѣзни Государыни, танцы и пѣніе вмѣсто института исполнили во дворцѣ, куда и меня пригласили, но я не могъ быть потому, что меня увѣдомили поздно, и я не имѣлъ времени купить башмаки, шелковые чулки и перчатки.»

Хоръ этотъ, не лишенный интереса, хотя и не принадлежащій къ числу самыхъ примѣчательныхъ произведеній Глинки, сочиненъ для однихъ женскихъ голосовъ, съ аккомпаниментомъ оркестра, фортепіано и арфы, и произвелъ въ то время весьма выгодное впечатлѣніе. Глинкѣ было оказано, при этомъ случаѣ, не мало знаковъ уваженія къ его таланту и къ его особѣ, и онъ писалъ къ своей матери (25 февр. 1841): «Все эти знаки расположенія высшихъ лицъ и публично оказанный почетъ меня радуютъ, и я могу смѣло сказать вамъ, что я поставилъ теперь себя на такой ногъ, какъ только можетъ гражданинъ и человѣкъ.»

Однакоже, несмотря на все это и на ту «разсѣянную жизнь», которую Глинка велъ около начала весны (и о которой упоминаетъ въ письмѣ къ матери отъ 21 марта), онъ все еще находился въ печальномъ и даже мрачномъ расположеніи духа, слѣдствіи сильнаго разстройства нервъ послѣ тяжелой горячки. Онъ жилъ тогда у однихъ своихъ знакомыхъ, С*, одинъ изъ нихъ уступилъ ему свою комнату, «расписанную карриатурами и чертовщиной. Когда, бывало (говоритъ Глинка), ночью карета освѣщала своими фонарями, постепенно мгновеннымъ свѣтомъ, мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другою, и казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшливо улы-

балась. Мнѣ по крайней мѣрѣ часто казалось, что она смѣялась надъ моими страданіями. Тогда я спалъ дурно и предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ своей. Несмотря на это бо-
лѣзненное расположеніе духа, я продолжалъ писать оперу. Докторъ С* пришелъ однажды, закурилъ сигарку и, смотря на мою работу, сказалъ мнѣ съ самодовольнымъ видомъ: *отодратъ бы тебя, братецъ, лучше бы писалъ!**

Въ февралѣ 1841 г. Глинка писалъ своей матери: «Опера не много подвинулась впередъ, и я могу сказать, что въ головѣ почти все готово, но чтобы уписать готовое, мнѣ нуженъ тихій и отраднѣй пріютъ на лѣто и менѣе суровый климатъ на зиму. Если судьбѣ угодно будетъ послать мнѣ годъ таковой жизни, опера будетъ готова, но ранѣе года окончить нельзя: письма бездна, а силы мои не позволяютъ работать много и постоянно.» Процессъ, который Глинка принужденъ былъ вести въ теченіе 1840 и 1841 годовъ, много отвлекалъ его отъ работы и разстраивалъ его художественное расположеніе духа. Но наконецъ, около исхода лѣта, для Глинки устроилась та жизнь, какой онъ такъ желалъ себѣ, и какая необходима ему была для окончанія оперы: «тихій пріютъ» нашелъ онъ у сестры своей, у которой поселился въ это время, и вскорѣ потомъ нашелъ онъ себѣ здѣсь и ту «отраду», отсутствіе какой всегда, во всю жизнь его, парализовало его творческую дѣятельность. Описанія тогдашней жизни, тогдашней «отрады» своей Глинка оставилъ въ нѣсколькихъ граціозныхъ строкахъ своихъ записокъ, заключивъ ихъ стихами:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

«Въ концѣ лѣта, продолжаетъ Глинка въ запискахъ, я почувствовалъ необыкновенное расположеніе къ сочиненію музыки, и это расположеніе не измѣнялось. Сверхъ того, я началъ учиться рисованію, а именно пейзажей, у ученика академіи Солнцева, и началъ рисовать порядочно, такъ что скопировалъ нѣсколько ландшафтовъ карандашомъ для моихъ знакомыхъ; на одномъ изъ моихъ рисунковъ карандашомъ Карлъ Брюлловъ подписалъ: *скопировано очень не дурно* (1). Мнѣ дома было такъ хорошо, что

(1) У Д. М. Стасова сохраняется довольно большой пейзажъ Глинки, нарисованный очень хорошо карандашомъ, и относящійся къ этому времени. Уже въ письмѣ отъ 29 сент. 1840, Глинка писалъ своей матери:

я очень рѣдко выѣзжалъ, а сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время бѣльшая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Н. В. Кукольникъ и М. А. Геденовъ (*Глинка былъ очень коротокъ съ обоими, и по бѣльшей части называетъ перваго изъ нихъ, въ запискахъ своихъ, Несторомъ, а втораго Мишей*) взяли помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы. Кукольникъ написалъ стихи для финала оперы и сцену Ратмира 3-го дѣйствія: «и жаръ и зной»; Геденовъ написалъ маленькій дуэтъ, слѣдующій, за балладой Финна между Финномъ и Русланомъ «*Благодарю тебя, мой дивный покровитель*», речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: «*Витязи, коварная Наина*» и молитву въ четыре голоса, которою оканчивается третье дѣйствіе. И я самъ написалъ сцену Фарлафа съ Наиной, а также начало финала 3 го дѣйствія (1). Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали: М*, В. Ѡ. Ш*, Кукольникъ, Геденовъ и я.

«Въ короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногаго оставшагося безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Итакъ, въ апрѣлѣ 1842 года (если не ошибаюсь), я явился къ директору театровъ, А. М. Геденову, съ партитурой, и онъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ сейчасъ же приступить къ постановкѣ ея на сцену и, по моему желанію, вмѣсто единовременнаго вознагражденія 4,000 р. асс., согласился, чтобъ я получалъ *разовые*, то-есть десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору, и когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоровъ были

«чтобъ отъ праздности не скучать, принялся я за рисованье, и потому прошу выслать всѣ рисунки, купленные мною въ Петербургѣ.»

(1) Въ запискахъ своихъ, веденныхъ въ 1840 и 1841 году, А. М. Струговщиковъ упоминаетъ, что Глинка (съ которымъ онъ тогда былъ очень близокъ) поручалъ ему сначала написать слова для сцены Фарлафа и Наины, и они довольно долго бились вмѣстѣ надъ тѣмъ особеннымъ ритмомъ, котораго желалъ здѣсь для словъ Глинка. Но такъ какъ, несмотря на всѣ объясненія Глинки, А. Н. Струговщиковъ не могъ уловить настоящей мысли композитора, то Глинка и рѣшился сочинить текстъ самъ.

изготовлены, я принялся за разучку моей музыки... Такъ какъ музыка для танцевъ IV дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы балетмейстеръ (Титюсъ) по возможности сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ, и назначилъ для соло въ этомъ танцѣ, названномъ мною *лезгинкой*, танцовщицу Андреянову 2-ю, танцы же 3-го дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. К* проплясалъ (*послѣ обѣда, даннаго Глинкою нѣсколькимъ друзьямъ своимъ, на которомъ присутствовалъ и Титюсъ*) лезгинку—по нашему мнѣнію онъ отлично танцевалъ ее;—лезгинка не очень понравилась Французу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.»

Около великаго поста, сходки *братіи* или общества, о которомъ говорено выше, прекратились: одни изъ членовъ этого дружескаго общества женились, другіе уѣхали. «Н. К* прежде другихъ переѣхалъ на особливую квартиру. Несмотря на это, онъ попрежнему любилъ меня; по требованію моему писалъ стихи для моей новой оперы, и поправлялъ стихи моего собственнаго издѣлія. Когда же я объявлялъ ему, что написалъ сцену или нумеръ изъ оперы, онъ чрезвычайно радовался и становился *безпокоенъ* отъ желанія скорѣе слышать новое мое произведеніе. Вообще, онъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни... П. К* женился и переѣхалъ въ домъ А*; большая часть братіи сходилась на его вечерахъ, которые онъ умѣлъ оживлять всевозможными способами: пѣли, играли на фортепіано, танцевали; Н* по временамъ читалъ свои новыя произведенія, шла дружеская бесѣда. Рѣже, но также пріятны были вечера у В*, гдѣ иногда встрѣчались наши и иностранные художники. И у него на вечерахъ пѣли, танцевали и веселились не мало,» и проч. и проч.

Но кромѣ этихъ близкихъ, дружескихъ домовъ, Глинка въ 1842 году посѣщалъ и то петербургское общество, которое было оставилъ за нѣсколько лѣтъ, и это случилось слѣдующимъ образомъ. «Появленіе Листа въ Петербургѣ, въ февралѣ 1842 года, говоритъ Глинка, переполошило всѣхъ дилеттантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта съ ноября 1839 года, снова вытащили на люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы, по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста.... Кромѣ В* и О*, я бывалъ съ Листомъ у Р* и у П*; у О*, Листъ сыгралъ *à livrer ouvert* нѣсколько нумеровъ *Руслана* съ собственноручной, никому еще неизвѣстной моей партитуры, сохранивъ

всѣ ноты, ко всеобщему нашему изумленію. Обращеніе и гріемы Листа не могли не поразить меня страннымъ образомъ, ибо я тогда не былъ еще въ Парижѣ, и юную Францію зналъ только по наслышкѣ. Кромѣ очень длинныхъ волосъ, въ обращеніи онъ иногда прибѣгалъ къ сладкоразвѣженному тону (*mignardise*), по временамъ въ его обращеніи проявлялась надменная самоуверенность (*agogoance*). Впрочемъ, несмотря на нѣкоторый тонъ покровительства, въ обществахъ, особенно между артистами и молодыми людьми, онъ былъ любезенъ, охотно принималъ искреннее участіе въ общемъ веселіи, и не прочь былъ покутить съ нами. Когда мы встрѣчались въ обществѣ, что случалось нерѣдко, Листъ всегда просилъ меня спѣть ему одинъ или два моихъ романса. Болѣе всѣхъ другихъ нравился ему «*Въ крови горитъ*». Онъ же въ свою очередь игралъ для меня что-нибудь Шопена, или «моднаго» Бетговена... Я вель тогда жизнь весьма приятную: утромъ передѣлывалъ танцы и немногіе недоконченные нумера изъ оперы; въ двѣнадцатомъ часу утра отправлялся на репетицію въ залы театра или въ театральную школу; обѣдалъ я у матушки (1), и проводилъ въ семействѣ послѣобѣденное время; вечеромъ обыкновенно ѣздилъ въ театръ, гдѣ оставался почти все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ, и на вопросъ мой: «*чему ты смѣешься, Oline?*» отвѣчала: «*Вы пришли, значить смѣхъ будетъ.*» Дѣйствительно, не проходило четверти часа, какъ я уже смѣшилъ сестру и матушку.»

Наконецъ постановка оперы была совершенно кончена. «Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы были по указанію Карла Брюллова; Брюлловъ сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ Роллеру, который еще до того написалъ масляными красками эскизы декорацій для *Руслана и Людмилы*, которые находятся теперь у Нестора Кукольника (2)...»

(1) Мать Глинки пріѣхала въ Петербургъ великимъ постомъ 1842 г., и такимъ образомъ мы не имѣемъ писемъ Глинки отъ этого времени, что, конечно, составляетъ великую потерю: какъ ни точны и какъ ни подробны его записки, но все-таки онъ принадлежитъ позднѣйшему времени.

(2) Карлъ Брюлловъ, связанный съ Глинкой самою тѣсною дружбой, чувствовалъ всегда глубочайшее уваженіе и симпатію къ сочиненіямъ его, и исполненіе Глинкою собственныхъ романсовъ или отрывковъ оперныхъ приводило его всегда въ самый пламенный восторгъ. Въ запискахъ А. Н. Струговщикова сохранились нѣкоторыя любопытныя по-

Освѣю принялись за пробы, сперва въ залахъ, потомъ на сценѣ, и тутъ начались бѣдствія Глинки. Друзья и знакомые стали дѣлать (какъ всегда въ подобномъ случаѣ) свои замѣчанія, давать свои совѣты, и Глинка имѣлъ слабость и довѣрчивость послушаться большей части этихъ внушеній. Разказъ его объ этихъ подробностяхъ сохранить для исторіи, съ одной стороны, образцы нелѣпыхъ сужденій и малотолковой критики, обыкновенно происходящихъ отъ «друзей» и «пріятелей», а съ другой стороны доказательство той необыкновенной скромности и мягкосердечія, съ которыми Глинка могъ имъ подчиняться. Немногіе композиторы нашего времени согласились бы на подобное *уродованіе* своего произведенія (особливо такого, которое является гениальнымъ, новымъ начинаніемъ невиданнаго и неслыханнаго новаго рода), и вдобавокъ признавали бы еще какъ бы законность и необходимость этихъ урѣзокъ. «На пробахъ оказалось, говорить Глинка, что многіе нумера нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣсню Баяна *Есть пустынный край* (1), равнымъ образомъ все окончательное развитіе (*développement et perogaison*) главной темы *Лейся полнье, кубокъ златой*, нужно было исключить въ послѣдствіи. Въ финалѣ перваго акта сокращенъ хоръ *Лелю* (H-dur, въ $\frac{5}{4}$). Во второмъ актѣ: баллада Финна оказалась длинною, но я не сократилъ ея, и публика въ послѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она первоначально написана. Хоръ головы, то-есть финалѣ втораго акта, на который я очень рассчитывалъ, рѣшительно не удался, и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому не въ силу было слушать его. Въ третьемъ актѣ, вмѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало начать прямо съ хора: *Ложится въ полъ мракъ ночной*, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: *Зачѣмъ*

дробности о томъ, какъ онъ любилъ пѣніе Глинки, какъ былъ внимателенъ во время его, и какъ оригинально сравнивалъ нѣкоторыя части сочиненія и исполненія Глинки съ любимыми своими произведеніями живописи: «Это смѣло, какъ поворотъ головы Микель-Анджелова Моисея! Это такая же красота, какъ голова Гвидовской Магдалины!» восклицалъ онъ иногда.

(1) Этотъ чудесный романсъ имѣлъ цѣлю быть *апогезою* Пушкина. Гениальная музыка выполнила въ совершенствѣ поэтическое намѣреніе Глинки. Прежде представленія оперы, онъ былъ уже напечатанъ отдѣльно, съ аккомпанементомъ фортепіано (въ 1840 году); но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не вполне оцѣненъ публикою.

любить, зачѣмъ страдать, надлежало исключить, потому что онъ замедлялъ ходъ драмы. Въ четвертомъ актѣ: сцена Людмилы, за которую во время репетицій въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла, и меня упрекали, что я нехорошо расчелъ сценической эффектъ. Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также многое сократить.

«Увертюру, прямо на оркестръ, я писалъ нерѣдко во время репетицій въ комнатахъ.»

За нѣсколько времени до перваго представленія новой оперы, появились въ печати три статьи, которыя какъ бы готовили публику къ тому, какъ она должна принять *Руслана и Людмилу*. Одна изъ нихъ была помѣщена въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1842, № 260) неизвѣстнымъ авторомъ, который подписался подъ нею такъ: *Любитель музыки Глинки, правды и умѣренности*; другая была напечатана въ ноябрьской книжкѣ *Библиотеки для Чтенія*, и высказала надежду, что публика внимательно вникнетъ въ гениальное произведеніе Глинки, полное оригинальныхъ красотъ, вступившее на пути, нѣмъ еще не испробованные; наконецъ третья статья, помѣщенная въ *Съверной Пчелѣ* (№ 250, 7-го ноября), произносила нѣсколько похвалъ Глинкѣ, но не безъ сомнѣнія относительно успѣха, которое могло дурно настроить публику и артистовъ. Вотъ что было, между прочимъ, сказано въ ней:

«... Мейерберъ, Галеви и даже Оберъ пишутъ на извѣстные таланты, а для кого будетъ писать Глинка? Не думаемъ, чтобы наши артисты разгнѣвались, когда мы скажемъ, что въ нашей оперной труппѣ нѣтъ ни Малибранъ, ни Пасты, ни Персіани, ни Гризи, ни Альбертаци, ни Тамбурины, ни Рубини, ни Дюпре и проч. Сочинять нельзя иначе, какъ *по инструменту*... Наша оперная труппа, разумѣется, выше всякой водевильной, даже приближается къ парижской Opéra Comique; но для оперы большаго размѣра, для оперы *seria*, или даже Россиніевскихъ оперъ, у насъ нѣтъ средствъ. Спрашиваемъ теперь: что долженъ былъ дѣлать Глинка? Разумѣется, сообразоваться съ *средствами*, или не писать вовсе русской оперы... и талантъ Глинки долженъ былъ сгибаться и сжиматься по силамъ и средствамъ артистовъ. Намъ кажется, что нѣкоторые наши журналисты поторопились, говоря *рѣшительно* о достоинствѣ оперы *Русланъ и Людмила*, слышавъ только отрывки или бывъ на пробѣ. И мы слышали, года за два предъ симъ, отрывки изъ этой оперы, и были въ восхи-

щенив; но надобно знать, каково это будетъ въ цѣломъ, какъ будетъ слито съ общою идеей оперы. Тутъ настоящее искусство! Въ этой оперѣ собраны характеры музыки почти всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію. Инструментовка совершенно оригинальная, *невиданная и неслышанная* доселѣ! Музыканты говорили намъ, что Глинка *перезитрилъ* въ оркестровкѣ, то-есть что онъ ввелъ необычайныя трудности. Вопросъ: побѣдилъ ли онъ эти трудности? и воля ваша, мы не вѣримъ наслово гг. музыкантамъ, а особенно композиторамъ. Послушаемъ, изучимъ, посоветуемся съ людьми знающими, и тогда выскажемъ наше мнѣніе, но все же впередъ можемъ ручаться, что опера *Русланъ и Людмила* никакъ не можетъ быть *посредственною*, потому что создана необыкновеннымъ талантомъ!»

Любопытнѣе всего въ этой статьѣ то, что она именно противорѣчила настоящему дѣлу: авторъ, прежде напечатанія, вздумалъ было однажды высказать эти самыя мысли о недостаточности артистовъ нашихъ Глинкѣ прямо въ лицо, вѣроятно для того, чтобы заставить его самого согласиться, что опера его *не могла* быть хороша теперь, хотя бы даже онъ и имѣлъ возможность написать истинно-хорошее произведеніе. Но Глинка отвѣчалъ ему, что «писалъ свою оперу, зная уже тѣхъ артистовъ, которые будутъ ее исполнять; что онъ сообразовался съ ихъ средствами, и вполне ими доволенъ.» Этотъ отвѣтъ былъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что Глинка никоимъ образомъ не могъ бы и не имѣлъ бы права пожаловаться на то, чтобы артисты здѣшняго театра стѣснили его талантъ и его композиторскія намѣренія: итальянскіе виртуозы, какъ упомянутые *Сверною Пчелою*, такъ и вообще всякіе другіе, вовсе не годятся для исполненія такой музыки, какъ та, которой Глинка посвятилъ всю жизнь свою, и къ которой одной онъ былъ способенъ. Они имѣютъ свою особую сферу, свой кругъ сочиненій, за предѣлы которыхъ не могутъ выходить безнаказанно, какъ это доказалъ опытъ всѣхъ европейскихъ театровъ въ послѣднія пятнадцать или двадцать лѣтъ, и Глинка былъ бы именно тогда только стѣсненъ въ высочайшей степени, и долженъ былъ бы сгибаться и сжиматься, когда принужденъ былъ бы сочинять для той или другой итальянской труппы. Можно сказать, что въ подобномъ произведеніи генія Глинки вовсе невозможно было бы и найти. Но, кромѣ того, должно замѣтить, что Глинка имѣлъ для своей оперы въ распоряженіи превосходнѣйшій оркестръ, не превзойденный никакимъ другимъ европейскимъ, прекрасныя хоры, нѣсколько артистовъ, имъ самимъ из-

бренныхъ и, такъ сказать, *воспитанными*, и наконецъ въ числѣ артистовъ, весьма замѣчательныхъ, такую пѣвицу, какъ г-жа Петрова, которая, по словамъ самого Глинки, обладала дарованіемъ рѣдкимъ, необыкновенною страстностью и симпатичностью исполненія, и при этомъ владѣла голосомъ, который по объему и совершенству принадлежалъ къ числу явленій почти феноменальныхъ.

Тѣмъ не менѣ слова фельетониста не совсѣмъ остались безъ дѣйствія. На одной изъ послѣднихъ репетицій, за немного дней до перваго представленія, всѣ артисты и музыканты, прочитавъ эту статью въ *Сѣверной Пчелѣ*, вообразили, что она написана или самимъ Глинкою, или съ его словъ, и стали исполнять оперу съ крайнимъ нерасположеніемъ и небрежностью. Глинка принужденъ былъ оправдываться и прибѣгать къ убѣжденіямъ самымъ неприятнымъ.

Весьма характерны еще слѣдующія подробности: «На одной изъ послѣднихъ репетицій, говоритъ Глинка, В*, прослушавъ первую половину пятаго акта, обратясь ко мнѣ, сказалъ: *mon cher, c'est mauvais*. (Любезный другъ, это плохо.) *Retirez vos paroles, m. le c.*, отвѣчалъ я ему; *il est possible que cela ne fasse pas de l'effet, mais pour mauvais, certes que ma musique ne l'est pas*. (Откажитесь отъ вашихъ словъ, отвѣчалъ я ему; быть-можетъ, что это не эффектно, но ужъ навѣрное моя музыка не плоха.) Всю эту часть пятаго акта въ послѣдствіи выпустили. Сокращенія (*coupages*) я предоставилъ В*, который нещадно выкраивалъ и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: не правда ли, что я мастеръ дѣлать купюры?»

Вотъ, наконецъ, описанное самимъ Глинкой, первое представленіе его оперы: «Назначено было 27-е ноября 1842 года для перваго представленія *Руслана и Людмилы* (день въ день и даже въ пятницу, черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго представленія оперы *Жизнь за Царя*). Петрова была нездорова, и роль Ратмира должна была исполнить Петрова — воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Переменить было невозможно.

«Несмотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною каждый разъ во время перваго представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно. Второй прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ. Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ *Иной и жаръ*, Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою, и

публика замѣтно охладилась. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Когда (послѣ окончанія оперы) опустили занавѣсъ, начали меня вызывать, но аплодировали очень не дружно, между тѣмъ усердно шикали и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Д*, съ вопросомъ: «Кажется, что шикаютъ; идти ли мнѣ на вызовъ?» — Иди, отвѣчалъ онъ, *** страдалъ болѣе тебя. Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, и ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Второе представленіе прошло не лучше перваго. На третье представленіе явилась старшая Петрова; она исполнила сцену третьяго дѣйствія съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія, торжественно вызвали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы повторялись въ продолженіе 17 представлений... Въ теченіе зимы, или лучше, отъ 27-го ноября до Великаго поста, опера выдержала 32 представленія; всѣхъ же, вообще, въ послѣдствіи, опера выдержала 53 представленія въ С.-Петербургѣ (*то-есть до тѣхъ поръ, какъ, по случаю водворенія въ Петербургъ итальянской оперы, русская труппа перѣехала въ Москву*). *** не ограничился статьей, написанною имъ до перваго представленія: онъ со всевозможною злобой критиковалъ музыку и слова и, чѣмъ было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя (1); С* постоянно защищалъ меня и, какъ извѣстно, весьма умно и ловко... В* же, когда заходила рѣчь о моей оперѣ, всегда говорилъ: *c'est un orgéa manqué!* Другой критикъ обратился къ Д. Г* и сказалъ однажды: какъ жаль, что издержано такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Г*, жалѣть нечего, и я увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ. Г* въ глаза трунилъ надо мною, говорилъ, что я порчу музыкантовъ, ибо по временамъ нѣкоторые изъ нихъ ничего не играютъ, что не слѣдуетъ писать такъ учено и т. п.; за глаза же постоянно и ревностно защищалъ меня. Великимъ постомъ (*то-есть послѣ 32 представлений*) я получилъ до трехъ тысячъ

(1) На либретто въ особенности нападали *Сверная Пчела* (1842, № 275), въ первой статьѣ о *Русланъ и Людмила*, и *Литературная Газета* (1842, № 49, стр. 996—998). Обѣ газеты сильно насмѣхались надъ нѣкоторыми стихами, не всегда безъ основанія.

рублей серебромъ разовыхъ и отдавъ ихъ матушкѣ на сохраненіе.»

Что думала и говорила публика? Мы лучше всего видимъ это въ журналахъ того времени, и нѣсколько выписокъ дадутъ намъ полное понятіе о всеобщемъ мнѣніи. Декораціи и костюмы, вообще великолѣпіе обстановки поразили и восхитили всѣхъ безъ изъятія; но насчетъ музыки, прежде всего началось съ колебанія и нерѣшительности мнѣнія. Прежде всѣхъ заговорила *Литературная Газета*: черезъ три дня послѣ перваго представленія, 29-го ноября она объявляла, что «Обстановка новой оперы превосходить все, видѣнное доселѣ на сценѣ. Роскошь и богатство истинно сказочныя! Объ музыкѣ же мы не можемъ еще высказаться вполне; она требуетъ внимательнаго и прилежнаго изученія, а съ перваго раза въ такой оперѣ впечатлѣнія слишкомъ разнородны и раздроблены.» Далѣе слѣдовали похвалы декоратеру. Въ слѣдующемъ номерѣ (6-го декабря), *Литературная Газета* говорила уже нѣсколько смѣлѣе: «Опера *Русланъ и Людмила*, которую публика въ первое представленіе приняла было довольно холодно, крѣпко держится на сценѣ и съ каждымъ новымъ представленіемъ пріобрѣтаетъ новыхъ поклонниковъ, которые изъ недовольныхъ переходятъ на сторону ея яркихъ достоинствъ и красоту музыкальныхъ. Это явленіе очень естественное. Опера написана въ строгомъ и притомъ фантастическомъ стилѣ, надо сперва вслушаться въ музыку, чтобы понять мысли и красоты композиціи. Притомъ это твореніе серіозное, изложенное въ широкихъ размѣрахъ, а не какая-нибудь опера въ джиганомъ французскомъ родѣ. Въ теченіе нынѣшней недѣли опера дана пять разъ съ перемѣною артистовъ (1), и съ каждою перемѣною какая-нибудь часть музыки значительно выдвигалась впередъ и увлекала слушателей. Съ появленіемъ г-жи Петровой 1-й поняли партію *Ратмира*; г-жа Семенова показала во всемъ блескѣ партію *Людмилы*; г. Артемовскій украсилъ роль *Руслана*. Поставьте ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и опера сдѣлаетъ фуроръ,* какъ теперь уже дѣлаютъ отдѣльныя ея части. Однако и теперь мы

(1) Главныя роли были попеременно исполняемы слѣдующими артистами: *Русланъ*—гг. Петровъ и Артемовскій, *Людмила*—гг-жи Семенова и Степанова, *Ратмиръ*—гг-жи Петрова 1 и Петрова 2. Но *Финка* постоянно исполнялъ одинъ г. Леоновъ, а *Гориславу*—одна г-жа Дилѣва.

готовы предсказать, что скоро *Русланъ и Людмила* будетъ любимою оперою русской публики, несмотря на первую неудачу.»

Между тѣмъ, подада голось и *Съверная Пчела*: уже 1-го декабря она печатала статейку подъ названіемъ: *Первыя впечатлѣнія, произведенныя оперою Русланъ и Людмила*. Мнѣніе О. Б. было мнѣніемъ большинства, иначе (какъ онъ самъ замѣчаетъ тутъ же) публика самѣ же уличила бы въ несправедливости и клеветѣ. Выписываю изъ него только самыя рельефныя мѣста: «Были ли вы въ первомъ представленіи *Руслана и Людмилы*? Былъ. А что вы скажете? Декораціи превосходныя. Эти вопросы и отвѣты слышали мы непрерывно, на каждомъ шагу, въ первые два дня послѣ перваго представленія этой оперы. О музыкѣ ни полслова! Что же это значить, скажите ради Бога! Публика была тиха, холодна и безмолвна, во время перваго представленія, и кое-когда и кое-гдѣ раздавались уединенныя рукоплесканія. Не было ни разу общаго увлеченія, не было ни разу общаго восторга, умиленія, невольнаго, общаго рукоплесканія, невольныхъ восклицаній браво, какъ то бываетъ при исполненіи высокихъ или даже граціозныхъ произведеній музыки. Публика молчала и все чего-то ждала, ждала, ждала, и, не дождавшись, разошлась въ безмолвіи, въ какомъ-то уныніи, проникнутая горестнымъ чувствомъ!.... Въ разныхъ мѣстахъ кресель сидѣли люди, которые знали оперу наизусть и говорили намъ впередъ: Вотъ тебѣрь будетъ прекрасная арія, или: какъ это прекрасно написано! Окружающіе ихъ слушатели напрягали все свое вниманіе, и оставались, попрежнему, холодными, поглядывали другъ на друга, пожимали плечами и молчали... Всѣ пришли въ театрѣ съ предубѣжденіемъ въ пользу композитора, съ пламеннымъ желаніемъ споспѣшествовать его торжеству, и всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ! Первое слово, которое у каждаго срывалось съ языка: *скучно!*... Слѣдовательно, вся публика не поняла музыки *Руслана и Людмилы*? Положимъ такъ. Но для кого пишутся оперы? Для ученыхъ контрапунктистовъ, глубокихъ знатоковъ-композиторовъ или для публики, для массы? Композиціи, написанныя для безсмертія, для потомства, пусть бы оставались въ портфелѣ, а публикѣ пусть бы дали то, что она въ состояніи понимать и чувствовать.... Впрочемъ, если публика не поняла оперы, то ея не поняли также и пѣвцы и оркестръ, словомъ, всѣ мы виноваты!»

Нерасположеніе публики къ *Руслану и Людмилѣ*, въ первыя представленія, было столько сильно, что всѣ друзья Глинки на-

перерывъ спѣшили подать ему свои совѣты о сокращеніи того или другаго мѣста оперы, объ исключеніи цѣлыхъ даже нумеровъ: одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Глинки напечаталъ въ декабрьской книжкѣ *Библиотеки Для Чтенія* даже цѣлую статью, въ которой съ одной стороны остроумно и талантливо указывалъ прбликъ на огромныя достоинства новой оперы, но тутъ же на многихъ страницахъ распространялся въ совѣтахъ самому Глинкѣ на счетъ того, что именно должно въ оперѣ выпустить или сократить, для того, чтобъ она «сдѣлалась доступна и пріятна» массѣ публики, причеъ увѣрялъ Глинку, что ему нечего стыдиться и бояться такихъ обрѣзываній, потому что ихъ дѣлали въ своихъ операхъ всѣ лучшіе композиторы. Глинка послушался всѣхъ этихъ печатныхъ и изустныхъ совѣтовъ: согласился на все, что ему ни указывали, такъ сказать отступился отъ своего произведенія, какъ бы говоря: «сдѣлайте съ *Русланомъ* и *Людмилой*, что хотите» и предоставилъ одному изъ своихъ друзей-дилеттантовъ (какъ мы уже выше видѣли въ запискахъ) перекраивать и обрѣзывать оперу по своему.

По совершеніи этого подвига, въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано слѣдующее *музыкальное извѣстіе* (1842, № 276): «Первое представленіе новой оперы М. И. Глинки не произвело на слушателей впечатлѣнія, какого ожидали знавшіе ее прежде. Поэтому почтенный композиторъ поспѣшилъ сдѣлать въ ней значительныя сокращенія, многое измѣнилъ, многое совершенно передѣлалъ (!) Это придадо ходу ея быстроту, уничтожило утомительность нѣкоторыхъ мѣстъ, многія красоты сдѣлало, такъ сказать, болѣе выуклыми. Въ пятое представленіе (4 декабря), она явилась въ новомъ видѣ и увѣнчалась полнымъ, блестящимъ успѣхомъ. Каватина Людмилы въ 1 дѣйствіи, баллада Финна и арія Руслана во 2, арія Гориславы и Людмилы въ 3. и все 4 дѣйствіе съ гротескнымъ балетомъ у Черномора, были пріветствованы громкими, продолжительными рукоплесканіями; публика потребовала повторенія Лезгинки, и по окончаніи оперы долго не умолкала вполне заслуженные клики общаго восторга.»

Но напрасны были надежды, что посредствомъ обрѣзыванія и выкидыванія нумеровъ можно будетъ достигнуть того, что публика пойметъ достоинства *Руслана* и *Людмилы*, и полюбитъ эту оперу: вышло только, что опера лишилась (вслѣдствіе дружескихъ совѣтовъ и «купюръ») многихъ геніальнѣйшихъ,

совершеннѣйшихъ частей своихъ — о нихъ упоминаетъ Глинка въ запискахъ, — а публика все-таки не больше прежняго стала понимать оперу; развѣ только, что, будучи въ продолженіе меньшаго времени подвергаема неудовольствію слушать музыку, которой не могла симпатизировать, охотнѣе и скорѣе примирилась съ нею, ради великолѣпной постановки, декораций, костюмовъ и небольшого количества болѣе или менѣе концертныхъ арій: вся остальная опера шла на придачу, была *терпима*. Въ пользу же оперы имѣло самое рѣшительное вліяніе — появленіе на сценѣ, послѣ выздоровленія, пѣвицы Петровой 4, исполнявшей роль Ратмира. Она была (и по совершенной справедливости) любимица публики; ея огненное симпатическое исполненіе рельефно выдвинуло на первый планъ партію Ратмира, особливо въ 3-мъ актѣ, и, именно арію *Чудный сонъ живой любви*; эта арія сдѣлалась модною, самою любимую вещью изъ всей оперы, и когда такимъ образомъ, согласно съ привычками итальянскихъ оперъ и большей части публики, была найдена *la pièce de résistance*, то вскорѣ и вся опера Глинки (несмотря на свою отдаленность отъ итальянской музыки и всегдашнихъ оперныхъ привычекъ публики) занесена была общественнымъ мнѣніемъ въ число произведеній музыкальныхъ, имѣющихъ счастье пользоваться расположеніемъ большинства.

Но такъ какъ новая опера Глинки выходила изъ старинной, давно-пробитой колеи, и почти каждую страницу своею протестовала противъ старинныхъ общепринятыхъ оперныхъ привычекъ, то, по самой сущности своей, не могли нравиться публикѣ именно самыя многозначительныя части ея, и здѣсь гораздо въ большей еще мѣрѣ и объемѣ повторилось то, что за шесть лѣтъ передъ тѣмъ было съ *Жизнью за Царя*. Понравились, по преимуществу, піесы или нумера, въ которыхъ Глинка имѣлъ слабость впасть въ нѣкоторый концертный или общій оперный характеръ, гдѣ онъ до нѣкоторой степени измѣнялъ своему таланту, такъ что, по общему мнѣнію и публики и петербургскихъ фельетонистовъ (которые, за недостаткомъ художественныхъ критиковъ, являлись представителями общественного мнѣнія, и рѣшились храбро произносить приговоры о предметахъ, вовсе имъ недоступныхъ), признаны были высокими художественными произведеніями на примѣръ обѣ аріи Людмилы и конецъ аріи Ратмира — безспорно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми танцами, три самыя слабые вещи во всей оперѣ. Арія Гориславы, стоящая несравненно выше въ художественномъ отношеніи, была любима уже несрав-

ненно менѣе; превосходный романсъ Ратмира былъ уже совершенно исключень изъ оперы, по той же причинѣ; баллада Финна, одно изъ самыхъ гениальныхъ музыкальныхъ произведеній нашего времени, была найдена длинною и скучною; начало аріи Ратмира и Руслана, точно также принадлежащія къ числу чудесъ современнаго искусства, остались почти незамѣчены большинствомъ; что же касается речитативовъ и хоровъ, которые точно такъ же, какъ и въ *Жизни за Царя*, составляютъ вѣнецъ всего созданія и безсмертнѣйшую часть таланта Глинки, о нихъ едва удостоивали упоминать вскользь и въ фельетонахъ, и въ ежедневныхъ разговорахъ и сужденіяхъ. Что касается до инструментовки, то публикѣ, конечно, до нея не было никакого дѣла; фельетонисты же, имѣющіе у насъ искони неотъемлемое и никѣмъ неоспоренное право рѣшать, не зная, всѣ важнѣйшіе вопросы науки и искусства, не задумываясь, постановили приговоръ о негодности инструментовки. Нѣсколько выписокъ изъ журналовъ того времени дадутъ ясное понятіе о всѣхъ этихъ приговорахъ.

Сверная Пчела въ двухъ статьяхъ говорила, между прочими вещами, слѣдующее (№№ 275 и 277): «Опера *Русланъ и Людмила*, еще прежде появленія своего, встрѣтила у насъ двѣ противныя партіи, которыя, разумѣется, никогда не сойдутся; одна съ фанатическимъ изступленіемъ превозноситъ дарованіе Глинки, и ставитъ его выше Мейербера, Россини и Беллини; другая судитъ по первому впечатлѣнію, произведенному надъ нею нѣкоторыми нумерами этой оперы, заранѣе слышанными въ обществахъ, и это впечатлѣніе было невыгодно. Первое, что мы можемъ сказать о новомъ сочиненіи г. Глинки, состоитъ въ томъ, что онъ не озаботился о лучшемъ составѣ либретто. Если сюжетъ не представляетъ драматическихъ ситуацій для выраженія страстей, то музыка будетъ поневолѣ безжизненна. Поэтъ долженъ одушевить музыканта, а въ новой оперѣ есть ли хоть одно интересное, драматическое мѣсто? Еслибъ дирекція не очаровала нашихъ глазъ прекрасными декорациями, то для сердца и ума сюжетъ оперы не далъ бы намъ ничего. Вотъ въ томъ, идея трехъ любовниковъ *Людмилы*, трехъ басовъ (потому что значеніе контральта тоже басъ (1)), кажется намъ не очень удобною

(1) Авторъ статьи, г. Р. З., къ сожалѣнію, не потрудился объяснить этого глубокомысленнаго замѣчанія, которое не имѣетъ никакого значенія для всякаго человѣка, знающаго музыку.

для красоте гармоніи. Конечно, *Русланъ*, какъ русскій витязь, можетъ представить идею дожаго любовника X вѣка, которому не нужно вздыхать и нѣжничать, но тогда ему надобно было дать больше силы, страсти, выразительности въ пѣніи. Ратмиръ писанъ для г-жи Петровой 1, и для этого, конечно, идея автора состояла въ томъ, чтобы прекраснымъ голосомъ ея придать пріятный колоритъ многимъ нумерамъ оперы. Вышло протівное, и авторъ не виноватъ. Воображеніе его создало пламеннаго, роскошнаго жителя юга. У Пушкина, это олицетворенная чувственность. При малѣйшей неудачѣ въ пѣніи, эта роль дѣлается несносною на сценѣ. Наконецъ несчастный Фарлафъ—трусость и хвастливость, всегда идущія рука объ руку, могли бы сдѣлать изъ этого лица что-нибудь игривое, живое, одушевляющее піесу, но Този (исполняющій эту роль), при шестомъ десяткѣ лѣтъ, вѣрно не могъ олицетворить подобнаго созданія. Чтобы любовникъ былъ непременно теноръ, это, конечно, предразсудокъ, но, чтобы всѣ финалы, всѣ ансамбли были безъ тенора, это составляетъ недостатокъ въ гармоніи. Составленіе дуэтовъ и тріо также сдѣлалось какою-то необходимою принадлежностію оперы, а въ *Русланъ* и *Людмила* ихъ нѣтъ вовсе. Только въ пятомъ актѣ есть небольшой дуэтъ между Финномъ и Ратмиромъ (1), но и тотъ не произвелъ никакого эффекта. Этотъ недостатокъ не вредитъ достоинству оперы. Можно написать превосходное твореніе безъ дуэтовъ и тріо, но все-таки жаль, что ихъ нѣтъ.

«Втретьихъ, авторъ музыки далъ оркестру слишкомъ важную роль въ составѣ оперы. Можетъ-быть, не надѣясь на нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, онъ хотѣлъ сохранить гармоническія свои идеи, передавъ ихъ оркестру...» Далѣе разсматриваются отдѣльные нумера оперы, причея главнѣйшій критеріумъ попрежнему состоитъ единственно только въ томъ, что тотъ или другой нумеръ *сдѣлалъ эффектъ* или не сдѣлалъ его, и статья заключается такъ: «Весь итогъ состоитъ въ томъ, что въ *гармоническомъ* отношеніи, опера имѣетъ высокія достоинства, но въ *мелодіи* она ниже *Жизни за Царя*; что, какъ технически ученое произведеніе, она прибавила автору много славы и много при-верженцевъ, но какъ *опера... c'est une chose manquée.*»

Кажется, фельетонистъ поймалъ послѣднюю фразу въ устахъ

(1) Фельетонистъ позволилъ себѣ даже забыть про превосходный дуэтъ Финна и Руслана, слѣдующій за баллагою Финна.

того музыканта-любителя, который говорилъ эти слова самому Глинкѣ въ глаза, и вообще говоря, кажется, всѣ приговоры фельетониста собраны съ разныхъ сторонъ, подслушаны въ разныхъ углахъ театра и салоновъ, но именно потому-то намъ и важны сужденія *Съверной Пчелы*, что мы находимъ въ нихъ выраженіе и отголосокъ того, что думала и говорила въ то время петербургская публика.

Не менѣе интересны приговоры *Литературной Газеты* (№ 49, стр. 998, 1842): «*Русланъ и Людмила* не созданіе, а просто сочиненіе музыкальное: подъ именемъ созданія разумѣется большое музыкальное твореніе, проникнутое одною общою идеей, выраженной многими частными мыслями. Опера Глинки не имѣетъ общей идеи, частныхъ много, которыя составляютъ не *большое*, а *длинное* сочиненіе, ибо частности эти почти не имѣютъ положительной связи и составляютъ цѣпь музыкальных пѣсней, изъ которой отнявъ звѣно, два или больше, значенія ея не уничтожишь... Объ идеи и говорить нечего. Тутъ взята простая сказка, какъ ее изображаютъ суздальскіе художники, какъ ее няньки разказываютъ дѣтямъ на сонъ грядущій, со всѣми нелѣпыми ея чудесами, безсвязнымъ ходомъ происшествій и безъ всякаго поэтическаго украшенія... Надо имѣть большой талантъ, именно талантъ М. И. Глинки, чтобъ изъ этого сдѣлать что-нибудь, а онъ сдѣлалъ много, очень много, онъ сдѣлалъ чудеса! Но все это сдѣлано, а не родилось изъ вдохновенія, не вылилось изъ неисчерпаемаго источника творчества... Глинка музыкою своею умѣлъ дать лицамъ національный характеръ; характера духовнаго, за недостаткомъ его въ созданіи, онъ имъ дать не могъ; Глинка умѣлъ возбудить въ нихъ минутные порывы страсти, за неимѣніемъ истинныхъ страстей. Рѣшительно онъ сдѣлалъ чудеса! Но вышла ли изъ того опера? Нѣтъ! И потому музыкальное твореніе Глинки кажется длиннымъ, даже скучнымъ, ибо оно не разсвѣчено праздничными огнями игривыхъ мотивовъ, не изукрашено блестящими тѣхъ эффектовъ, которыми слухъ нашъ избалованъ въ вѣчныхъ операхъ маэстро Доницетти и Обера, а главное въ музыкѣ нѣтъ дѣйствія. Одинъ первый актъ написанъ по всѣмъ законамъ оперы: въ немъ есть жизнь, есть интересъ, и онъ кажется лучше другихъ. Въ остальныхъ, лица выходятъ съ тѣмъ, чтобъ спѣть арію, каватину: нѣтъ дуэтовъ, нѣтъ страстнодвижимыхъ финаловъ... Можно все это спѣть внѣ сцены, безъ всѣхъ театралныхъ прикрасъ, и музыка ничего не потеряетъ, если еще не выиграетъ. Большое также

несчастіе для композитора, что онъ потратилъ свои жемчуги на волшебный предметъ. Волшебныя піесы вообще мало производятъ впечатлѣнія: мы не сочувствуемъ чудесному, потому что въ него не вѣруемъ, и все, что лежитъ внѣ міра дѣйствительнаго, не имѣетъ права на наше участіе, а развѣ только на любопытство. Стало-быть, твореніе г. Глинки должно разсматривать не какъ оперу, а какъ большое музыкальное произведеніе въ лирическомъ родѣ.»

Въ разборѣ разныхъ отдѣльныхъ частей оперы, иное хвалится, другое порицается, конечно и то и другое навыворотъ, точно такъ же, какъ въ статьѣ *Съверной Пчелы*. Такъ напримѣръ, порицаются именно гениальнѣйшія части, канонъ: *Какое чудное мновенье*, какъ растянутый и неправдоподобный; рондо Фарлафа объявлено похожимъ на «музыку Доницетти и собратьевъ»; арія *Руслана* названа растянутою же, то-есть скучною; про персидскій хоръ сказано, что онъ «слишкомъ строенъ и правиленъ», и что «въ немъ слишкомъ мало той жгучей страсти Востока, тѣхъ вакхическихъ порывовъ, которыми дышитъ каждый стихъ призывной пѣсни дѣвъ у Пушкина; арія Гориславы названа концертною піесюю; весь вообще третій актъ названъ лишнимъ, и проч.; и проч.; и на оборотъ, превознесены такіе слабые нумера, какъ первая арія Людмилы, или *Чудный сонъ живой любви* Ратмира, и т. д.

Таковы были сужденія и понятія публики и фельетонистовъ о *Русланѣ* и *Людмилѣ*. Мнѣ могутъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ сужденіяхъ произносимо было и много похвалъ разнымъ отдѣльнымъ частямъ *Руслана* и *Людмилы*, и что было бы несправедливо приписывать имъ общій порицательный характеръ. Но, несмотря на всѣ хвалебныя сентенціи, произнесенныя объ оперѣ въ обществѣ и въ журналахъ (я пропускаю здѣсь всѣ похвалы послѣднихъ, хотя онѣ очень хорошо извѣстны мнѣ), несмотря на минутную даже моду оперы, все-таки приходится убѣдиться въ томъ, что опера Глинки не приходилась дѣйствительно по вкусу и по требованіямъ нашей публики. Иное въ этой оперѣ дѣйствительно нравилось, другое неловко было осуждать, коль скоро оно было признано превосходнымъ со стороны присяжныхъ *знатоковъ*; при томъ же за Глинкою давно уже упрочилась солидная слава перваго нашего композитора, слѣдовательно *нельзя* было противорѣчить ей; но такъ, или иначе, а опера не нравилась и не могла нравиться массѣ, и общее мнѣніе было то же самое, что и мнѣніе присяжнаго *знатока* и *музыкальнаго дилеттанта*,

В*, и мнѣніе Р. З* въ *Сѣверной Пчелѣ*, а именно, что *Русланъ и Людмила*—сочиненіе неудавшееся. Этого кореннаго мнѣнія не могутъ заглушить никакія похвалы частныхъ и учтивыя оговорки: мнѣніе это слишкомъ явственно пробивается сквозь всѣ цвѣточныя гирлянды, которыми (по какимъ бы то ни было причинамъ) старались тогда прикрыть его. Въ одно время съ первыми представленіями *Руслана и Людмилы* давалъ свои концерты кларнетистъ Блазъ: вотъ этотъ артистъ въ самомъ дѣлѣ нравился публикѣ, и общественное мнѣніе ясно и свободно высказывалось о немъ и въ разговорахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ: не было уже тутъ мѣста двуличности, не было удовоковъ, недоумовъ, хитрыхъ оправданій или осужденій.

Но если оставить въ сторонѣ публику и фельетонистовъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что и самые друзья Глинки, тѣ люди, которые истинно чтили его талантъ, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, мало понимали истинное значеніе его новой оперы. Находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ Глинкою, они не могли не чувствовать всей глубокой особенности и гениальности его натуры; большая часть друзей его становилась фанатическимъ кружкомъ, всегда готовымъ на упорное ратоборство за честь и славу своего идола; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ и въ этомъ кружкѣ вполне отчетливо понимали значеніе перваго русскаго музыканта. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна статья о *Русланѣ и Людмилѣ*, напечатанная въ *Библіотекѣ для Чтенія* (декабрь, 1842. *Смѣсь*, стр. 157). Какъ мнѣ случилось слышать отъ самаго М. И. Глинки, она написана однимъ изъ ближайшихъ и талантливейшихъ друзей его, черезъ нѣсколько дней послѣ перваго представленія новой оперы, когда весь Петербургъ былъ наполненъ самыми неблагоприятными слухами и разсужденіями о ней, и когда каждому изъ близкихъ къ Глинкѣ людей хотѣлось вооружиться противъ неаппетитности общественнаго мнѣнія, хотѣлось направить его на дорогу истиннаго пониманія великой новой оперы. Этотъ пріятель Глинки въ страстномъ своемъ стремленіи защитить художество и художника противъ безсмысленныхъ толковъ и криковъ, провелъ нѣсколько дней и ночей надъ партитурами *Руслана* и другихъ оперъ, съ которыми ему хотѣлось сравнить оперу Глинки, разсматривалъ ихъ со всею любовью горячаго приверженца Глинки и человека съ истиннымъ музыкальнымъ инстинктомъ, много совѣщался съ другимъ другомъ Глинки, К*, также понимавшимъ и любившимъ настоящую музыку, и, наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря

написалъ свой пламенный диѳирамбъ въ честь Глинки. Хотя эта статья не заключаетъ въ себѣ всѣхъ достоинствъ полноты и отчетливой критики, однако тѣмъ не менѣе она остается до сихъ поръ лучшею статьей о *Русланъ и Людмила*, несмотря на разные свои промахи. Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ написана опера и эта статья, и никто еще доселѣ не чувствовалъ необходимости столь же горячо выразить свое мнѣніе о великомъ національномъ произведеніи, которымъ конечно гордилась бы всякая другая европейская страна, и которое вездѣ было бы предметомъ многихъ и глубокихъ изученій.

Статья *Библиотеки для Чтенія* обширнѣе прочихъ статей, и потому еще менѣе есть возможности привести ее всю; но и здѣсь выписки дадутъ понятіе о ея направленіи и содержаніи. «Глинка, говоритъ статья, поставилъ себя этою оперой въ ряду первыхъ композиторовъ всего міра и рядомъ съ первѣйшими изъ нихъ. *Русланъ и Людмила* одно изъ тѣхъ высокихъ музыкальныхъ твореній, которыя никогда не погибаютъ и на которыя могутъ указывать съ гордостью искусства великаго народа. *Русланъ и Людмила* chef d'oeuvre, въ полномъ смыслѣ слова, отъ первой до послѣдней ноты. Это прекрасно, величественно, безподобно. Никто лучше нашего русскаго композитора не владѣлъ и не владѣетъ оркестромъ; никто не развивалъ въ одномъ сочиненіи такого множества смѣлыхъ, счастливыхъ и оригинальныхъ мыслей; никто не посягалъ на такія гармоническія трудности и не преодолевалъ ихъ такъ удачно; ни въ одной оперѣ не найдется такого разнообразія красотъ, рождающихся одна изъ другой безконечною цѣпью, безъ общихъ мѣстъ, безъ условныхъ дополненій .. Большой и очень трудный вопросъ множество разъ занималъ судей искусства: какъ должно писать музыку для оперъ? такъ ли, чтобы музыка была понятна всѣмъ съ-перваго раза и мгновенно приводила публику въ восторгъ, или чтобы она была прочною въ искусствѣ и восхищала болѣе и болѣе по мѣрѣ ближайшаго съ нею знакомства? Этотъ вопросъ не рѣшенъ донинѣ и, вѣроятно, никогда не будетъ рѣшенъ, потому что пользы искусства и пользы случайныхъ слушателей, изъ которыхъ состоитъ масса публики, поставлены здѣсь въ явное противорѣчіе. Нѣтъ сомнѣнія, что прелестныя, удобопонятныя, хотя и непрочныя музыки состоятъ подъ защитой очень важнаго аргумента. Случайный слушатель требуетъ безотлагательнаго и вдругъ доступнаго себѣ наслажденія; не заботясь, что самъ онъ будетъ думать о немъ спустя недѣлю. Композиторъ-художникъ, кото-

рый любить искусство для искусства, работаетъ для своей славы и чести своего народа, и требуетъ, чтобы внимательно изучали его произведенія и наслаждались ими съ надлежащимъ званіемъ дѣла... Борьба будетъ продолжаться до скончанія вѣка; между тѣмъ, М. И. Глинка прекрасно сдѣлалъ, что не уступилъ намъ (публикѣ) заранѣе.

«Нашъ композиторъ сочинялъ не волшебную оперу, этотъ родъ исчерпанъ,—но оперу въ русско-сказочномъ родѣ, оперу-сказку. Предпріятіе исполнское, потому что наши сказки, иперборейскія по званію, проистекаютъ изъ одного источника съ *Тысячью Одною Ночью*, и въ подобномъ сюжетѣ соединяются уныніе снѣговъ сѣвера съ дикими массами Кавказа, азіятская нѣга, мусульманское сладострастіе, татарская грубость, блестящая и необузданная фантазія Востока, съ веселою игривостью Запада, къ которому мы принадлежимъ какъ Славяне, какъ Европейцы. Обнять и постигнуть' во всѣхъ частяхъ такой сюжетъ значить уже быть гениальнымъ человѣкомъ. Исполнить его музыкально, исполнить такъ тонко, такъ умно, такъ удачно, какъ мы видимъ въ *Русланъ и Людмила*,—почти превосходить возможность. Кто хорошо обсудитъ это обстоятельство, тотъ невольно будетъ пораженъ подвигомъ Глинки... Волшебная опера, это рядъ картинъ, а не поэтическое развитіе какихъ-нибудь чувствъ сердца. Она не трогаетъ, но чаруетъ воображеніе. Страсть молчитъ здѣсь передъ могуществомъ сверхъестественной силы. *Волшебная Флейта* (Моцарта) точно такой же рядъ картинъ, какъ *Русланъ и Людмила*... Если мелодіи *Фрейшюца*, основанныя на богемской народности, почти повсюду были поняты съ перваго разу, это отъ того, что онѣ еще прежде разошлись по всей Европѣ вмѣстѣ съ зубными порошками. Такъ точно были вдругъ поняты и у насъ мелодіи первой оперы Глинки. Въ *Оберонъ* Веберъ хотѣлъ подняться выше. Во *Фрейшюцъ* онъ разказывалъ старую сказку современными напѣвами: тамъ, напротивъ, старался, для старой сказки, отыскать старинное мелодическое выраженіе и настоящій древній колоритъ. Въ *Оберонъ* онъ правдивѣе, возвышеннѣе, искуснѣе, но за то не понятъ случайными слушателями, и это безсмертное созданіе нигдѣ не имѣло положительнаго успѣха на сценѣ, между тѣмъ какъ оно составляетъ предметъ безпредѣльнаго удивленія тѣхъ, которые изучили и постигли его красоты...

«Если, пройдя партитуру новой оперы, станемъ считать всѣ прекрасные мотивы, то должны будемъ согласиться, что едва ли

какая-нибудь изъ волшебныхъ или неволшебныхъ оперъ представить столько музыкальныхъ рисунковъ классическаго, не умиращаго достоинства.

«Инструментовка *Руслана и Людмилы* можетъ быть названа непрерывною цѣпью чрезвычайно ученыхъ соображеній и счастливыхъ новостей въ модуляціяхъ и въ употребленіи самыхъ инструментовъ. Всякій знатокъ признаетъ, что изъ нынѣшнихъ композиторовъ никто не сравнится съ Глинкою въ инструментовкѣ. Въ рукахъ его, это настоящая картина великаго художника. Это краска на палитрѣ Брюллова...

«Оцѣнивая *Руслана и Людмилу* даже какъ музыкальную поэму, еслибы непремѣнно потребовалось назначить ей мѣсто по достоинству въ іерархіи извѣстныхъ оперъ, мы поставили бы ее рядомъ съ *Оберономъ*, хотя новая русская опера, по нашему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ выше его.»

Таковы главныя положенія этой примѣчательной статьи. Между многочисленными подробностями ея, которыхъ я не привожу здѣсь только ради краткости, встрѣчается множество глубокихъ и тонкихъ замѣтокъ, которыя сдѣлали бы честь любому европейскому критику.

Но эта статья не чужда тѣхъ нѣсколько одностороннихъ сужденій, которыя тогда высказывали друзья и приверженцы Глинки. Болѣе всего это проявляется въ томъ, что съ одной стороны вся опера, «отъ первой до послѣдней ноты», признана гениальнымъ, колоссальнымъ созданіемъ, а съ другой — въ томъ, что несмотря на эту общую единообразную похвалу, многія вещи признаны у Глинки длинноватыми и скучными, такъ что авторъ совѣтуетъ Глинкѣ выкинуть нѣкоторыя изъ нихъ, а другія сократить. Авторъ статьи приходилъ въ восхищеніе отъ нѣкоторыхъ слабыхъ, концертныхъ мѣстъ оперы, ставилъ ихъ наравнѣ съ безсмертными ея мѣстами, не умѣлъ отличить иногда одни для другихъ, а главное, придавалъ слишкомъ много важности присутствію въ оперѣ разныхъ восточныхъ мелодій и гармоній, между тѣмъ какъ это интересный, такъ сказать *пикантный* эпизодъ, вовсе не принадлежащій къ самымъ главнымъ достоинствамъ оперы, и проч. Но я не останавливаюсь на этихъ недостаткахъ, потому что они составляютъ лишь исключеніе, и не отнимаютъ у статьи того характера истины и мѣткости, который дѣлаетъ ее однимъ изъ замѣчательныхъ явленій русской художественной критики.

Особенно важно въ статьѣ то, что, благодаря ей, опера Глинки,

при самомъ появленіи своемъ, была поставлена на свое настоящее мѣсто въ ряду извѣстныхъ музыкальныхъ произведеній. Между тѣмъ, какъ публика и ея глшатаи остановились въ раздумьи и нерѣшительности, статья эта смѣло поставила новое созданіе Глинки близъ *Волшебной Флейты* Моцарта и *Оберона* Вебера. Сравненіе это заключало бы въ себя еще болѣе глубины, если бы авторъ статьи обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ исторіи художественной дѣятельности Глинки, *Русланъ и Людмила*, волшебная опера, является точно такъ же послѣ *Жизни за Царя*, оперы составленной изъ элементовъ психологическихъ и трагическихъ, какъ у Моцарта и Вебера явились волшебныя оперы ихъ, *Волшебная Флейта* и *Оберонъ*, въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности, послѣ *Донъ-Жуана* и *Фрейшюца*, оперъ также по преимуществу составленныхъ изъ элементовъ психологическихъ и трагическихъ; съ *Фрейшюцомъ Жизнь за Царя* имѣтъ общимъ, сверхъ того, элементъ народности. Такимъ образомъ, можно замѣтить у этихъ трехъ великихъ оперныхъ сочинителей какое-то особенное единство направленія, свидѣтельствующее о томъ, что желаніе ихъ создать волшебную оперу въ пору совершенной зрѣлости не есть дѣло случайности и прихоти, а имѣтъ глубокіе корни въ потребностяхъ и въ натурѣ художественной. Элементъ чудеснаго представляетъ совокупность самыхъ благоприятныхъ условій для художества, давая ему средства воплощать такія движенія души, которыя были бы невозможны при другихъ сюжетахъ. При волшебности содержанія, для художника является не только возможность, но и необходимость употребить въ дѣло всѣ тончайшія, всѣ сокровеннѣйшія средства своего искусства, употребить все безконечное разнообразіе красокъ и формъ. Самый родъ подобнаго сюжета не только допускаетъ, но и требуетъ непремѣннаго участія формъ и красокъ всѣхъ другихъ родовъ: комизмъ и высшій паосъ, національность, церковный стиль, идеальность и живое выраженіе дѣйствительности — все здѣсь совмѣстимо въ одной и той же рамкѣ.

Сверхъестественное, въ какомъ бы то ни было проявленіи своемъ, не переставало и не перестанетъ быть самою благодарною, самою благотворною темою искусства, и потому-то мы видимъ, что въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, къ такимъ темамъ любили обращаться всѣ величайшіе художники нашего времени: Моцартъ, Веберъ, Шуманъ, Мендельсонъ, обращаются къ сказкамъ и легендамъ средневѣковымъ или восточнымъ, дающимъ возможность воплотить въ таин-

ственныхъ глубинахъ звука тѣ поэтическіе образы, которые не умѣстились бы ни въ какой драмѣ и трагедіи, ни въ какой строго-исторической, строго-реальной рамкѣ, но которыхъ очарованіе слышится каждой поэтической натурѣ.

При такомъ значеніи волшебныхъ сюжетовъ въ произведеніяхъ искусства, ничего не можетъ быть безсмысленнѣе, нелѣпнѣе, ничто столько не доказываетъ отсутствія поэтическаго инстинкта и такта, какъ требованіе отъ волшебной оперы присутствія тѣхъ условій, которыя принадлежать прочимъ родамъ оперы. Здѣсь задача состоитъ вовсе не въ самомъ сюжетѣ, не въ завязкѣ и развязкѣ, не въ развитіи психологически-вѣрныхъ характеровъ, а въ воплощеніи поэтическихъ аспирацій самого композитора, все дѣло здѣсь въ подробностяхъ, въ общемъ настроеніи и дыханіи поэзіи. Приступая къ чтенію драмы Байрона, каждый заранѣе знаетъ, что здѣсь нечего искать ни характеровъ, ни завязки и развязки, ни драматическаго теченія событій, ни необходимыхъ въ драмѣ столкновеній лицъ и происшествій: всего этого нѣтъ здѣсь вовсе, и свойственныя драмамъ содержаніе и формы замѣнены содержаніемъ и формами, служащими только средствомъ для того, чтобы дать высказаться глубокому трагическому лиризму поэта. Такъ точно въ волшебной оперѣ Глинки должно оставить въ сторонѣ, съ самыхъ первыхъ тактовъ оперы, всѣ оперныя требованія, и не спрашивать отъ *Руслана и Людмилы* ничего другаго, кромѣ рѣшенія тѣхъ поэтическихъ задачъ, которыя были свойственны духу Глинки, и которыя потому онъ и выбиралъ.

Глинка не принадлежалъ къ числу натуръ объективныхъ: онъ былъ по рожденію лирикъ, точно такъ же, какъ Байронъ, какъ Шопенъ, какъ Шуманъ, какъ Бетговенъ, и никогда форма драмы не была ему настоящею потребностію, окончательною цѣлью, какъ напримѣръ Моцарту или Глуку; она была ему только средствомъ. Если случай далъ ему для первой оперы сюжетъ историческій, вполне удовлетворительный со стороны драматической, то еще болѣе счастливый случай не далъ ему для второй его оперы либретто, столь же удовлетворительнаго въ этомъ отношеніи. По чрезвычайной впечатлительности своего характера, Глинка, наслушавшись разнообразнѣйшихъ толковъ, самъ согласился и написалъ въ своей автобіографіи, что либретто *Руслана и Людмилы* весьма дурное, что по настоящему оно могло бы и должно было быть совсѣмъ другое, и что черезъ то опера его много выиграла бы. Но Глинка былъ великій художникъ и нисколько не

критикъ (какъ всѣ почти художники), и потому вовсе не чувствовалъ, что, говоря это, онъ говоритъ прямо противъ себя, противъ природы своего таланта и противъ своего великаго произведенія. *Либретто Руслана и Людмилы* есть именно такое, какое нужно было для Глинки: оно, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ (изложенныхъ выше), по нечаянности образовалось все изъ отдѣльныхъ кусковъ, почти не связанныхъ одинъ съ другимъ, и только навизанныхъ, какъ жемчужины, на одну золотую нить. Но весь талантъ, вся способность Глинки были направлены къ произведенію *отдѣльныхъ кусковъ*, а не цѣлыхъ большихъ массъ. Дуэты и ансамбли весьма мало были свойственны натурѣ Глинки; арія, хоръ и инструментальная фантазія были формами, по преимуществу сродными его воображенію. Дуэты и ансамбли (тріо, квартеты и проч.), конечно, встрѣчаются въ *Жизни за Царя*, но только потому, что того требовалъ сюжетъ, а вовсе не потому, чтобы къ этой формѣ устремляла Глинку самая натура его таланта. Не такъ было напримѣръ съ Моцартомъ: его натура была чисто-драматическая, оперная, и потому-то у него встрѣчается такое обиліе ансамблей всякаго рода: Моцартъ такъ сказать *ищетъ ихъ*, не пропускаетъ ни одного случая создать дуэтъ, терцетъ, квартетъ, секстетъ; они всѣ у него неизмѣримо выше, чѣмъ его арии. У лирика-Глинки, главная форма — инструментальное сочиненіе, арія или романсъ и хоръ: вся жизнь его прошла (въ промежуткѣ между двумя его операми) въ созданіи тѣхъ лирическихъ піесъ для одного голоса, которыя названы у него романсами и піснями, и тѣхъ лирическихъ піесъ для инструментовъ, которыя являются у него подъ столькими именами. Эта же самая сущность его природы отразилась и на обѣихъ его операхъ, особенно на второй изъ нихъ, этомъ полнѣйшемъ воплощеніи всѣхъ сторонъ его генія.

Если мы рассмотримъ либретто всѣхъ доселѣ существовавшихъ оперъ, мы вездѣ откроемъ столь важные и коренные недостатки, что они, *въ своемъ родѣ*, могутъ служить поводомъ къ такимъ же критическимъ обвиненіямъ, какъ и либретто *Руслана и Людмилы*. Либретто оперъ Глука, Моцарта, Вебера, Мегюля, Керубини, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, представляютъ цѣпь непростительнѣйшихъ несообразностей, безхарактерностей, погрѣшностей, которыхъ никто не замѣчаетъ только потому, что они дѣланы по давно-принятой методѣ и что къ нимъ привыкли; однакоже это нисколько не препятствуетъ

признанію этихъ оперъ великими произведеніями и наслажденію всѣми ихъ красотами: коль скоро ошибки и заблужденія до сихъ поръ непремѣнная принадлежность опернаго либретто, почему же Глинка не можетъ ошибаться на свой манеръ, а долженъ ошибаться на чужой, давно-принятый?

Руслана и Людмилу обвиняютъ въ томъ, что тамъ вовсе почти нѣтъ дуэтовъ, тріо, вообще ансамблей: правда, ихъ мало; но къ чему же имъ непремѣнно быть, когда Глинка мало имѣлъ къ нимъ склонности, точно такъ же, какъ Бетговець и какъ вообще всякая *лирическая* натура нашего или какого бы то ни было времени? Каждому лирику родственна форма монолога, ари, романса и, разумѣется, хора, какъ массы, принимаемой за единицу, и всегда чужда, мало привлекательна форма ансамбля (дуэта, тріо, квартета). Глинка доказалъ это всею художественною своею карьерою, и такимъ-то образомъ мы находимъ, что вмѣсто прекрасныхъ или хотя и удовлетворительныхъ, но иногда формалистическихъ и *нѣскольکو-итальянскихъ* дуэтовъ, тріо и проч. (какіе мы у него иногда встрѣчаемъ, да и то ихъ немного), онъ намъ всегда и вездѣ даетъ гениальные монологи. Глинку обвиняютъ въ томъ, что Русланъ, который казалось бы, какъ главное лицо оперы, непремѣнно долженъ быть на первомъ планѣ, почти совершенно принесенъ въ жертву Ратмиру, что Финнъ является теворомъ, между тѣмъ какъ долженъ бы быть басомъ и т. д. Но къ чему всѣ эти обвиненія, когда они опровергаются однимъ замѣчаніемъ: не только къ характеру, къ личности, но и самому *регистру* голоса Руслана Глинка могъ мало симпатизировать: всю жизнь свою онъ любилъ, изъ голосовъ, только теноръ и сопрано, особливо первый, какъ такой голосъ, которымъ самъ обладалъ и посредствомъ котораго могъ вдохновенно и страстно проявлять всѣ движенія своего огненнаго лиризма. Для баса, внѣ оперъ, Глинка никогда ничего не сочинялъ; отсюда вытекаетъ неизбѣжное заключеніе, что этотъ голосъ вовсе не соответствовалъ требованіямъ его композиторскаго таланта. Онъ понялъ, что Русланъ, какъ русскій богатырь прежняго времени, *непремѣнно* долженъ быть басъ, но этимъ выборомъ все и кончилось. Опера писалась въ разныя времена, по вдохновенію; Глинка писалъ тѣ части, которыя ему нравились, которыя соответствовали его искреннѣйшимъ симпатіямъ и требованіямъ, онъ не былъ связанъ никакимъ либретто, онъ писалъ ту оперу, какую способенъ былъ написать. Все остальное же онъ придбавалъ и приладилъ въ послѣдствіи, почти въ ту минуту, какъ

отдавалъ свою оперу въ театрѣ. Поэтому для самого *Руслана* онъ сдѣлалъ *одну* только нумеръ, а именно арію *На пустынномъ полѣ битвы*: первая часть ея, принадлежащая къ числу лучшихъ вещей Глинки, есть воплощеніе мысли лирической, задумчивой, прямо принадлежащей нашему времени и очень мало свойственной Руслану. Глинка симпатизировалъ этой мысли, носилъ ее въ своей натурѣ, и потому выразилъ ее со всею лирическою силою своего генія; но вторая часть аріи является въ либретто представителемъ настоящаго Руслана витязя, который былъ чуждъ натурѣ Глинки, потому эта часть аріи вышла слабою, безцвѣтною, не созданною, а сочиненною. *Раздѣлавшись* такимъ образомъ посредствомъ великолѣпной лирической сцены съ личностію Руслана, Глинка нигдѣ уже болѣе не употреблялъ его самостоятельно. Въ интродукціи перваго акта, въ прекрасномъ дуэтѣ съ Финномъ, въ финалахъ третьяго, четвертаго и пятаго актовъ. Русланъ участвуетъ въ нѣкоторыхъ удивительнѣйшихъ сценахъ оперы, но служитъ гармоническимъ фономъ для тѣхъ мелодій, въ которыхъ выражаются личности оперы, болѣе интересныя для Глинки.

Точно также характеръ князя Свѣтозара (баса), въ свою очередь, представлялъ мало интереса для композитора-лирика. Глинка, однакоже, далъ ему весьма рельефный моментъ въ своей оперѣ. а именно выраженіе отцовскаго отчаянія и горести послѣ похищенія *Людмилы*, далъ ему декламацию, всю основанную на *плагальныхъ каденцахъ* (одной изъ самыхъ характеристическихъ формъ, послужившихъ ему уже такъ чудесно для другаго національнаго лица. Баяна), и высказавъ его такимъ образомъ всего въ одной сценѣ, больше уже къ нему не возвращался. То же самое мы встрѣчаемъ и относительно Фарлафа. Такъ любятъ дѣлать почти всѣ лирики.

Но характеры тенора и столько близкаго къ нему альтъ были. напротивъ того, въ высшей степени симпатичны Глинкѣ, столько же по регистру и средствамъ голоса, сколько и по личностямъ, которыя должны были выразиться въ нихъ. Пламенный Ратмиръ по характеру своему, представлялъ полную возможность для раскрытія тѣхъ элементовъ, которыми дышали всѣ созданныя до тѣхъ поръ Глинкою романсы, и которые составляли сущность его природы. Въ *Жизни за Царя* не было ни одного характера, который соединялъ бы въ себѣ въ такой совокупности самыя родственныя для Глинки темы, да и въ настоящей оперѣ ни одно другое лицо, кромѣ Ратмира, не представляло

такихъ богатыхъ задачъ и сюжетовъ, и отъ этого самымъ рельефнымъ типомъ сложился Ратмиръ, это искреннѣйшее выраженіе самаго Глинки. Столько же, какъ во всѣхъ прежнихъ романахъ, но еще съ большимъ совершенствомъ и оконченностію, выразилъ онъ тутъ себя самого, и восточныя мелодіи послужили только новымъ могучимъ средствомъ для нарисованія движенія его собственной души (1).

Финну дана одна большая, самостоятельная сцена, но въ балладѣ этой Глинка совокупилъ множество разрозненныхъ лучей, исходящихъ изъ одного общаго центра: горячаго воспоминанія прежней молодой страсти, и здѣсь снова находился онъ въ настоящемъ царствѣ своемъ, въ царствѣ лиризма. Одна эта баллада могла бы доставить безсмертіе своему автору, столько же по глубинѣ и страстности своей, сколько по безчисленнымъ техническимъ подробностямъ сочиненія и оркестровки.

Типъ Людмилы, столько же безцвѣтный и неопредѣленный, какъ и типъ Антонида въ *Жизни за Царя*, не представлялъ ничего для лиризма Глинки кромѣ общихъ мѣствъ, и потому лицо это осталось незначительнымъ и нерельефнымъ точь-въ-точь, какъ и лицо Антонида; за то лицо, второстепенное въ оперѣ, Горислава, ясно представляетъ собою двойное чувство любви и грусти. Задача эта также была весьма близка для натуры Глинки. и роль Гориславы вышла черезъ то весьма рельефною, строго-опредѣленною, получила гораздо болѣе значенія въ оперѣ, чѣмъ роль Людмилы: и между тѣмъ какъ обѣ аріи главной героини вышли какою-то смѣсью незавидныхъ и мало-достойныхъ оперы Глинки элементовъ: *французскаго*, почти водевильнаго (арія перваго акта), и *итальянскаго* (арія четвертаго акта), сцена Гориславы въ третьемъ актѣ вполне соответствуетъ балладѣ Финна. Гориславину арію Глинка всегда называлъ «*моя тоска*», и дѣйствительно въ ней встрѣчаемъ прекрасное выраженіе этого момента любви, такъ нераздѣльно связаннаго съ лиризмомъ нашего времени, такъ близкаго къ чувству каждаго поэтически-настроеннаго человѣка. Баллада Финна есть разказъ объ утраченной, невозвратимой любви; арія Гориславы есть жалоба грустной, но

(1) Единственное исключеніе составляетъ allegro большой аріи Ратмира, начиная со словъ *Чудный жаръ живой любви*. Это родъ вальса въ новѣйшемъ вкусѣ, много похожаго на разныя концертныя аріи новѣйшихъ итальянскихъ оперъ, и страстность конца этой аріи не въ состояніи закрыть безвкусія и пошловатости всего этого вальса.

еще надбьющейся любви. Это только два разные момента одного и того же поэтического духа, одной и той же личности, только въ два разные періода ея существованія. Это двѣ страницы изъ поэтической жизни самого Глинки.

Что побудило Глинку избрать себѣ темою милую, шаловливую, юношески-веселую сказку Пушкина? Глинку всего болѣе прельстило въ сказкѣ этой соединеніе разнообразнѣйшихъ элементовъ, различнѣйшихъ народностей, моментовъ трагическихъ и комическихъ, присутствіе волшебства, въ которомъ проявляются мотивы ужаса, граціи и бизарности, сліяніе запада и востока, сѣвера и юга, возможность и даже необходимость употребить обороты и формы, еще неизвѣстныя въ европейскомъ музыкальномъ мірѣ, или по крайней мѣрѣ еще слишкомъ мало знакомыя европейскому уху, надъ которыми еще не работала рука почти ни одного художника, наконецъ, готовые мотивы для многостороннѣйшаго проявленія того лиризма, которымъ полонъ былъ духъ Глинки. Что нужды, если всѣ эти задачи, выполненныя съ мастерствомъ и гениальнымъ искусствомъ, не связаны въ одно крѣпкое цѣлое, а представляются рядомъ отдѣльныхъ картинъ? Не подобное ли явленіе встрѣчаемъ мы и въ *Донъ-Жуанъ* Байрона, гдѣ все брошено какъ бы наудачу, существуетъ какъ бы по нечаянности? Развѣ не такими были всѣ произведенія лириковъ?

Авторъ статьи въ *Библиотекъ для Чтенія* напрасно вздумалъ приводить въ оправданіе Глинки, что въ оперѣ этой *не могло быть* большаго количества дуэтовъ, тріо, вообще ансамблей, потому что тому противится сказочный родъ, сказочный сюжетъ, и что по той же причинѣ не могло быть и связи между отдѣльными сценами. Въ рукахъ другаго композитора, эта самая опера получила бы и ансамбли, имѣла бы и связь между сценами, и все это было бы превосходно, еслибы композиторъ былъ къ тому способенъ; у Глинки же этихъ ансамблей мало, единственно потому, что сама натура Глинки, какъ замѣчено выше, заключала въ себѣ особенныя условія лирической природы.

Въ *Русланъ и Людмила* Глинка во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ чувствовалъ себя болѣе на просторѣ чѣмъ въ *Жизни за Царя*. Ничто его здѣсь болѣе не стѣсняло: ни историческій сюжетъ, ни та минорность и заунывность, которая все еще считается чуть ли не единственною принадлежностью русской народ-

ности (1), ни монотонность и ограниченность прежних типовъ, ни исключительность сюжета, не допускавшая проявленія многихъ эстетическихъ и техническихъ сторонъ, къ которымъ особенно была склонна и къ высшей степени способна натура Глинки. Фантазія Глинки летѣла отъ одной задачи къ другой, любила мѣнять ихъ безпрестанно, любила разнообразіе, противоположности, противопоставленія чувствъ и моментовъ несхожихъ (2). При однотонности сюжета и мотивовъ *Жизни за Царя*, при весьма маломъ разнообразіи задачъ этой оперы, Глинка нашелъ себѣ выходъ лишь въ сильномъ, антитезномъ упорѣ на блестящемъ, великолѣпномъ, роскошномъ элементѣ польскомъ. Въ *Русланъ и Людмила* представлялась возможность уже не для *двухъ* противоположностей, а для нескончаемаго множества попеременно смѣняющихся антитезъ; вся опера есть не что иное, какъ непрерывная цѣпь противоположеній въ характерахъ, лицахъ, народностяхъ, настроеніи, мѣстности, происшествіяхъ, и именно по этому самому никакой другой сюжетъ не могъ болѣе соответствовать вкусамъ Глинки, совокупности всѣхъ средствъ и стремленій его, въ періодъ полнѣйшаго его развитія. При этомъ сюжетѣ, Глинка имѣлъ всю возможность явиться капризнымъ калейдоскопомъ, давать всего по небольшому отрывку, какъ бы по совершеннѣйшей пробѣ своего генія во всѣхъ родахъ. Эта свобода и этотъ просторъ, эта нестѣсненность ничѣмъ и наложивши на эту оперу такую печать широкаго размаха, котораго почти тщетно было бы искать въ *Жизни за Царя*.

Въ началѣ и въ концѣ оперы поставлено по исторической русской картинѣ, которыя служатъ великолѣпными вратами въ это произведеніе. Историческое живописаніе, грандіозность и ширина формъ не были вовсе одною изъ характеристическихъ осо-

(1) Въ этомъ отношеніи очень важенъ отзывъ самого Глинки, выражающій его мнѣніе въ послѣдніе годы жизни. Разказывая, въ запискахъ своихъ про исполненіе своихъ сочиненій въ Парижѣ, въ 1845 году, онъ говоритъ: «Арія Антонида не произвела эффекта. Между прочимъ въ журналахъ *Шаривари* сказано было объ этой каватинѣ, что въ ней слышна безпрестанно одна и та же нота. Тогда я очень негодовалъ на это, но теперь вижу, что критикъ правъ: въ allegro каватины *Тамъ за рѣчкой во слободкѣ* слишкомъ часто и рѣзко обозначается квинта главнаго тона, что очень національно, но утомительно единообразно.»

(2) Какъ у большей части лириковъ, всѣ мелкія піесы Глинки (романсы) имѣютъ главною основою своего содержанія—*антитезу*, противоположенія *двухъ* моментовъ, такъ что почти *каждый* романсъ Глинки состоитъ изъ *двухъ* элементовъ, или смѣняющихся половинъ.

бенностей таланта Глинки: напротивъ того (какъ я упоминалъ еще въ началѣ біографіи), проявленіе силы и величія мало было свойственно его творчеству; но то, что онъ создалъ здѣсь, является исключеніемъ и стоитъ наравнѣ съ тѣмъ, что произведено самаго колоссальнаго и грандіознаго въ музыкѣ. Изъ прежнихъ его произведеній, одинъ лишь заключительный хоръ въ *Жизни за Царя* носитъ такую же печать гигантскаго величія. Пѣснь Баяна, и всѣ удивительныя хоры интродукціи (хоры народа и нянюшекъ княжны-невѣсты), и столько же удивительныя хоры въ концѣ оперы (плачь народа передъ появленіемъ Руслана съ волшебнымъ перстнемъ и веселіе ликующаго древне-языческаго народа, послѣ воскрешенія Людмилы) конечно никогда не будутъ превзойдены ничѣмъ, какъ всякая глубоководно-гениальная вещь.

Между этихъ двухъ историческихъ картинъ — порталей волнуется, въ волшебной фантазіи, цѣлый міръ лиризма. Кромѣ первой и послѣдней сцены оперы, все дѣйствіе происходитъ посреди разнообразнѣйшихъ мѣстностей, всегда на открытомъ воздухѣ, въ разные моменты дня и ночи, и здѣсь снова являлись Глинкѣ мотивы для живописанія природы, которую онъ такъ страстно любилъ, и которую стремился выразить едва ли не въ каждомъ изъ своихъ романсовъ. Въ составъ *Жизни за Царя* также вошло нѣсколько ландшафтовъ, выраженныхъ музыкаю; но въ *Русланъ и Людмилъ* мотивы несравненно многочисленнѣе, разнообразнѣе и полнѣе, и гению Глинки открывалось обширнѣйшее поле дѣйствія: роскошное солнце лѣта, палящій зной дня, прохлада наступающаго вечера, сумракъ ночи, сельская картина сѣвера, печальный видъ покинутаго поля битвы, волшебныя сады, величавость и роскошь южной природы — все здѣсь представляетъ мотивы самые разнообразныя, и отъ постоянного присутствія такихъ ландшафтовъ, живописанныхъ музыкаю, лиризмъ и волшебство оперы пріобрѣтаютъ еще болѣе провицательной силы.

Я уже сравнивалъ оперу Глинки съ *Волшебною Флейтой* Моцарта и *Оберономъ* Вебера. Что касается до колорита національностей и выраженія волшебнаго элемента, *Русланъ и Людмила* не уступаетъ имъ, и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, превосходить ихъ. Тому причиной не личность Глинки (котораго, конечно никто не вздумаетъ ставить выше Моцарта и Вебера), но движеніе времени и искусства въ продолженіе періода, истекшаго съ тѣхъ поръ, какъ два великіе германскіе оперные композитора

сошли со сцены дѣйствія. Въ чувствѣ и страсти нашего времени есть что-то новое, болѣе глубокое, болѣе пронзительное, чѣмъ въ чувствѣ и страсти прежняго времени, и, художникъ нашего времени находить такіе звуки и формы для выраженія чувства, которыхъ не было во власти и въ средствахъ прежняго художника. На основаніи - то этого прогресса искусства, «Русланъ и Людмила» дышитъ силою такихъ новыхъ элементовъ, какихъ не найдешь въ операхъ ни Моцарта, ни Вебера.

Еще и прежде Глинки пробовали употреблять нѣкоторыя восточныя и средневѣковыя формы музыки при выполненіи задачъ волшебной оперы. Такъ еще въ *Похищеніи изъ Серала* Моцарта встрѣчаются намеки на восточныя обороты мелодіи; въ *Волшебной Флейтѣ* для выраженія египетскихъ мистерій и магіи употребленъ средневѣковый хораль; у Вебера также есть попытки воспользоваться восточными оборотами. Но все это остается на степени первой попытки, въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ Глинка. Онъ уже вполне владѣетъ средневѣковыми формами (хотя и безсознательно); беретъ цѣлыя восточныя мелодіи и умѣетъ съ ними справиться, умѣетъ приложить къ нимъ, не нарушая законовъ построенія и натуры ихъ, — всѣ средства, все богатство музыки нашего времени. Новая и старая музыка подали здѣсь другъ другу руку; новая и старая музыка перемѣшали здѣсь свои формы, линіи и краски. Мелодіи и гармоніи восточныя идутъ рядомъ съ мелодіею и гармоніею новѣйшею (1), или смѣняють другъ друга; непрерывныя каденцы церковныя поминутно перемежаются съ каденцами новѣйшей музыки; грубые, такъ сказать *сырые* унисоны Востока (2) чередуются со всѣми утонченностями и бесконечно-деликатными развитіями гармоніи Баха и Бетговена; дикіе вопли восточной толпы (столько похожей на такую же толпу у Бетговена въ *Ruines d'Athènes*) стоятъ рядомъ съ задумчивыми и кокетливыми звуками утонченнѣйшаго Шопеновскаго лиризма (3); никѣмъ еще не употребленная гамма *цѣлыми тонами* (4) является какъ побѣжденный страшнѣйшій *tour de force*, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ средство композитору для воплощенія такой грандіозной идеи сверхъестественнаго, ка-

(1) Персидскій хоръ, арія Ратмира, маршъ Черномора.

(2) Хоръ пятаго акта послѣ похищенія Людмилы; танцы четвертаго акта.

(3) Романсъ Ратмира въ четвертомъ актѣ.

(4) Въ увертюрѣ и въ хорѣ *Погибнетъ, погибнетъ*, четвертаго акта.

кая до него никѣмъ не была тронута; какъ pendant къ этой гаммѣ, является другая гамма (въ лезгинкѣ и увертюрѣ) составленная вмѣстѣ изъ мажорной и минорной гаммы (неизвѣстно, зналъ ли Глинка примѣры подобной гаммы, встрѣчающейся въ мазуркахъ Шопена, а именно орр. 21, ор. 30, № 3, и проч.), двумя этими восточными формами (1), восточныя мелодіи развиваются въ полномъ блескѣ европейской гармоніи.

Въ этой оперѣ, какъ я уже нѣсколько разъ указывалъ, у Глинки всего больше родства съ Бетгоvenомъ и Шопеномъ; чуть не на каждомъ шагу чувствуешь, что они всѣ трое (вмѣстѣ съ Шуманомъ, котораго сочиненій Глинка вовсе никогда не зналъ) принадлежать къ одному и тому же семейству, при всей разности талантовъ и личностей; но при всемъ томъ, ясно чувствуешь, до какой степени Глинка и самостоятеленъ. У него стремленіе одного и того же рода съ ними, онъ ищетъ однихъ съ ними задачъ; но все-таки постоянно оригиналенъ столько же по мелодіи и гармоніи своей, сколько и въ ритмахъ своихъ и въ своемъ оркестрѣ. Исканіе новыхъ эффектовъ для новыхъ цѣлей есть принадлежность, общая всѣмъ поименованнымъ мастерамъ: каждый изъ нихъ создавалъ свои особенные новые ритмы, свои особые инструментальные эффекты, и Глинка, въ этомъ отношеніи, связалъ съ своимъ именемъ, въ исторіи музыки, память о начинаніяхъ безсмертныхъ. Романсы его представляютъ слѣды воображенія самаго оригинальнаго и самостоятельнаго въ изобрѣтеніи новыхъ ритмовъ, въ соединеніи нѣсколькихъ вмѣстѣ; въ *Русланъ и Людмилъ* же фантазія Глинки нашла себѣ еще болѣе обширное поле и создавала формы ритма съ расточительностью юности. Глинка сумѣлъ также создать оркестръ, исключительно ему принадлежащій и свойственный особенностямъ его художественныхъ произведеній, не похожій ни на какой другой, совершенно-оригинальный, но далекій отъ преувеличенія и брутальности новѣйшей мелодраматической опер-

(1) Въ *Русланъ и Людмилъ* есть довольно много восточныхъ мелодій, и у большей части изъ нихъ гармонія *средневѣковая*, на основаніи средневѣковыхъ или церковныхъ тоновъ, что совершенно правильно, ибо европейскіе средніе вѣка создали гармонію, соотвѣтствующую древнимъ восточнымъ мелодіямъ церкви. Такова, напримѣръ, гармонизація безподобныхъ восточныхъ мелодій въ танцахъ 4-го акта, передъ лезгинкой (съ соло фаготовъ). На Востокъ гармонія почти не существуетъ, и она ограничивается *самыми скудными средствами*. Но Глинка и ими воспользовался со всегдашнею своею геніяльностью. Лучшій и полнѣйшій ея примѣръ — лезгинка, и въ особенности самый конецъ ея.

ной школы. Великую заслугу его оркестраціи, казалось, всего легче можно было бы оцѣнить даже тѣмъ, которые ничего не понимали въ своеобразности новой оперы; но и тутъ не признали подвига, совершеннаго Глинкой, не чувствовали безпредѣльной поэзіи и поразительной силы, нѣжности и богатства красокъ въ этомъ оркестрѣ, и продолжали вопіять противъ «неудавшейся оперы» Глинки, рѣшивъ при этомъ уже разъ навсегда, что *Жизнь за Царя* несравненно выше *Руслана и Людмилы*, и что нечего даже и искать сближеній между оперою превосходною, созданною композиторомъ въ цвѣтѣ юношескихъ силъ, таланта и развитія, и произведеніемъ холоднаго разсчитывающаго искусства и каприза.

Что касается до формъ, то въ *Русланъ* Глинка часто напоминаетъ Бетговена, и при томъ преимущественно Бетговена въ его *последнемъ*, великомъ стилѣ. Многія мѣста *Руслана и Людмилы* совершенно принадлежатъ тому же стилю, какъ бетговенскіе послѣдніе квартеты и сонаты (антрактъ и заключеніе 4-го акта, и такъ далѣе); другія части напоминаютъ 2-ю мессу Бетговена, напр. ансамбль въ концѣ 3-го акта, послѣ появленія Финна имѣетъ что-то родственное въ движеніи, въ колоритѣ и въ широкой, мягкой плавности съ *Benedictus* бетговенской мессы, и такихъ примѣровъ можно было бы представить множество. Но всего примѣчательнѣе то, что Глинка вовсе не зналъ произведеній третьяго стиля Бетговена до самыхъ послѣднихъ годовъ своей жизни. Подобно Баху и Бетговену (хотя и не обладая такою колоссальностью натуры, какъ эти два великіе столпа музыки), Глинка стремится играть формою, провести взятую задачу сквозь всѣ метаморфозы художества и фантазіи, дать ей совершить тотъ процессъ движущейся жизни, который можно уподобить процессу кругообращенія крови въ органическомъ тѣлѣ, и который ненуженъ и чуждъ творчеству такихъ высокихъ, но нѣсколько-дилеттантскихъ натуръ, мало властвующихъ формою, каковы натуры Шопена и Шумана. Отсюда происходитъ то вѣчное стремленіе къ безконечно-сложнымъ и глубокимъ развитіямъ, которыя придаютъ произведеніямъ Глинки характеръ чего-то необыкновенно твердаго, непогибающаго (1). Въ эпоху созданія *Руслана и Людмилы*, мастерство Глинки въ употребленіи му-

(1) Въ примѣръ можно привести варіаціи удивительнаго *Персидскаго хора*, *Хора цѣлтовъ*, весь основанный на оригинальныхъ ходахъ терцій и на плагальныхъ каденцахъ, танцы 4-го акта, увертюру и финаль оперы, неподобный канонъ 1-го акта и проч.

зыкальныхъ формъ достигло своей полнѣйшей силы, и потому-то въ этой оперѣ Глинка постоянно играетъ этими формами, будто бы единственно для собственнаго наслажденія, но въ то же время заставляетъ служить своей неподражаемый оркестръ глубочайшимъ и важнѣйшимъ цѣлямъ искусства. Такого мастерства, такой свободы, а вмѣстѣ и сложности формъ и оркестра (такъ какъ сложность формъ есть непремѣнная принадлежность искусства нашего времени) мы не найдемъ въ *Жизни за Царя*.

Наконецъ, даже со стороны отрицательной, опера *Русланъ и Людмила*, представляетъ значительный перевѣсъ передъ *Жизнью за Царя*; во второй оперѣ Глинки несравненно менѣе мѣсть, напоминающихъ чужія школы: въ *Жизни за Царя* иногда слышится еще вліяніе итальянское, нѣмецкое; первое, состоящее въ нѣкоторой виртуозности и условности формъ, проявляется въ партіяхъ Антонида и Вани, въ обоихъ знаменитыхъ тріо и проч.; второе, несравненно слабѣйшее вліяніе, въ нѣкоторой схоластичности напр. первой фуги интродукціи и такъ далѣе; затѣмъ нерѣдко замѣтно и сильное вліяніе керубиневское, точно такое же, какое тяготѣло и надъ Бетгоvenомъ, при сочиненіи его единственной оперы. Въ *Русланъ и Людмилъ* такихъ вліяній почти уже вовсе нѣтъ. Правда, найдутся еще и здѣсь итальянизмы (напримѣръ въ ари Людмилы 4-го акта, дуэтъ со скрипкой); есть и слабыя мѣста (напримѣръ танцы третьяго), въ которыхъ впрочемъ Глинка мало виноватъ: онъ долженъ былъ *поддѣлывать* ихъ, по заказу балетмейстера; но такихъ слабыхъ мѣсть уже чрезвычайно мало, и конечно не больше, чѣмъ напримѣръ въ *Волшебной флейтѣ* Моцарта или въ *Оберонѣ* Вебера.

Недостатокъ писемъ изъ 1842 года лишаетъ насъ возможности знать, какъ Глинка принималъ и чувствовалъ незаслуженную всеобщую несправедливость къ его великому созданію; но нельзя сомнѣваться, что переходъ отъ восторговъ гениальнаго творчества къ холодности непонимающей его массы долженъ былъ дѣйствовать въ высшей степени болѣзненно на такую нѣжную, воспріимчивую женскую натуру, какова была натура Глинки. Ударъ этотъ сразилъ всѣ его ожиданія; послѣ этого удара онъ никогда уже не поднимался до конца жизни, и доказательству тому найдемъ на всѣхъ страницахъ его автобіографіи и писемъ, относящихся къ послѣднему періоду его жизни.

В. Стасовъ.

(До слѣд. №.)

НА РУБЕЖѢ

ПОВѢСТЬ (1)

Наступила осень. Татьяна не любила ея; она говорила, что желтые листья напоминаютъ ей о смерти, что это наводить на нее хандру, и она увѣрена, что ей суждено умереть осенью. Давно уже поблекшіе листья усылаи влажныя дорожки сада; георгины, убитыя утреннимъ морозомъ, почернѣли и склонили свои вялыя маковки къ землѣ; сѣрыя ненастные облака ходили по темному небу, и мелкимъ дождемъ или мокрымъ снѣгомъ падали на черныя, какъ уголь, поля и давно сжатыя свѣтлопалевыя нивы. Пустынный, всѣми оставленный садъ былъ печаленъ и нагъ; вѣтеръ качалъ черными сучьями голыхъ деревьевъ и завывалъ пронзительно по огромнымъ пустымъ заламъ дома. Татьяна затворилась въ трехъ своихъ комнатахъ и не выходила изъ нихъ; розовыя шторы оконъ, распущенныя ситцевыя гардины, заслоняли отъ ея глазъ печальный видъ полей и опустошеннаго ненастною осенью сада. Заточившись въ своемъ кабинетѣ, какъ въ неприступномъ волшебномъ замкѣ, она нисколько не скучала и даже забыла о ненавистной ей осени, и отдалась одному настоящему, не думая даже о будущемъ на которое надѣялась бессознательно и безразсудно. Что-то должно было спасти ее; все устроится, думала она, но какъ? Она не

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», №№ 20-й и 21-й.

знала, и не останавливалась долго на этой мысли. Когда придетъ время, она приметъ мѣры, рѣшится; зачѣмъ ей мучить себя заранее? Ей было тѣмъ легче успокоиться, что Федоръ Павловичъ никогда не говорилъ о будущемъ; онъ былъ влюбленъ въ нее, быть-можетъ, болѣе прежняго. Вечеромъ она играла на фортепіано, и онъ заслушивался ея, приходилъ въ восторгъ, и любилъ ее съ новою силою, и увлекательно высказывалъ ей свое чувство. День проходилъ незамѣтно, хотя иногда мистриссъ Торнтонъ и мѣшала имъ, но за то Маня вносила разнообразіе и оживленіе въ ихъ тѣсный союзъ. Ея дѣтская болтовня веселила обоихъ ихъ, и ему случалось по цѣлымъ часамъ играть съ нею въ воланъ и мячикъ, пока Татьяна шила въ пальцахъ и издали ими любовалась обоими. Мистриссъ Торнтонъ, чуя недоброе, не пыталась однако бороться съ обстоятельствами, и благоразумно надѣясь на время и вмѣшательство другихъ, болѣе чѣмъ она близкихъ лицъ, осудила себя на молчаніе. Это было, думала она про себя, тяжелое испытаніе, которое Богъ посылалъ ей на старости лѣтъ, наказывая ее, быть-можетъ, за ту материнскую гордость, съ которою она когда-то смотрѣла на свою Татьяну, считая ее превыше всякихъ искушеній, опасныхъ другимъ, болѣе слабымъ женщинамъ. А Татьяна и не подозревала всего этого; она обезумѣла въ чадѣ страсти и упоенія любви. Развѣ только одна Маня, порою, могла свести ее на землю и заставить задуматься на минуту, да и то покуда любимый и завѣтный голосъ не называлъ ея по имени, и знакомая рука не брала ея руки и не сжимала ея крѣпко и нѣжно. Она получала аккуратно письма отъ матери, въ которыхъ ей говорили обо всемъ томъ, что когда-то интересовало ее; дѣло шло объ общихъ знакомыхъ, о свадьбахъ, слухахъ, сдѣланной нечаянно каррьерѣ и внезапной потерѣ мѣста такимъ-то, всѣмъ извѣстнымъ княземъ Иваномъ. Но увы! ни князь Иванъ, ни свадьбы, ни успѣхи, ни недочеты не занимали Татьяны; все это казалось ей такъ мелко, такъ глупо, такъ пусто! Она ушла такъ далеко отъ этихъ пошлостей суетной жизни; праздникъ ея сердца былъ такъ пышенъ, и такъ роскошно цвѣлъ цвѣтъ ея любви! Другіе интересы, другія мысли кипѣли въ умѣ. Едва-едва пробѣжавъ письмо матери, Татьяна пойдетъ, бывало, по селу, и все утро занято у ней на пользу другихъ, ей теперъ не чуждыхъ и близкихъ. Больница ея была готова, школа для крестьянъ устроена; не было бѣднаго, котораго она бы не посѣтила, или несчастнаго, котораго бы не выслушала; всѣмъ помогала она по возможности, и всѣ на селѣ лю-

били добрую, привѣтливую помѣщицу. Случалось, что почта привозила ей кипу новыхъ книгъ и вотъ, какъ дѣти, оба они, съ Федоромъ Павловичемъ, сѣли на полъ и принимались выбирать изъ ящика присланныя новинки, читать заглавія книгъ, перелистывать ноты. У него былъ такой пріятный теноръ! съ какимъ выраженіемъ онъ пѣлъ русскія пѣсни и романсы, когда она ему аккомпанировала! какъ быстро пролетали для нихъ эти долгіе осенніе вечера! Они проводили ихъ у камина; онъ читалъ ей вслухъ пока она работала, и потомъ обоюдный размины мыслей вовлекалъ ихъ въ нескончаемые разговоры, которые все больше и больше сближали ихъ умственно.

Однажды (поздній обѣдъ соединялъ ихъ послѣ утреннихъ занятій) она сѣла у камина, и ей было какъ-то особенно хорошо и спокойно; яркій свѣтъ зажженныхъ канделябръ спорилъ съ пламенемъ камина, которое, крутясь и извиваясь, образовало огненные языки, отражавшіеся на стѣнахъ комнаты играющимъ отблескомъ; дрова трещали и осыпали искрами раскалившуюся рѣшетку камина; она молча слѣдила глазами за извивами огненныхъ языковъ пламени, онъ сидѣлъ подлѣ и разсѣянно перелистывалъ книгу. Во всякой великой страсти есть минуты чуднаго свойства; ихъ объяснить невозможно, но онѣ особенно памяты сердцу; ни слова, ни взгляда, ни даже обмѣна мысли, и между тѣмъ чувствуется та таинственная сила, которая изъ двухъ любящихъ существъ составляетъ одно полное, гармоническое цѣлое. Какая-то дремота, полная счастья, охватываетъ душу влюбленныхъ, и эти минуты молчанія находятъ тогда только, когда слова безсильны, чтобы выразить блаженное настроеніе ума и сердца, въ которомъ такъ сильно сказывается гармонія души и жизни двоихъ, слившаяся въ одинъ токъ и одну струю. Такія минуты рѣдки, и немногимъ выпадаютъ онѣ на долю; таково было настроеніе Татьяны и Федора Павловича, когда послышался шумъ въ переднихъ залахъ, и наконецъ дверь кабинета растворилась настезь, и въ ней появился высокій, худой и блѣдный молодой человекъ. Внезапный, бессознательный трепетъ овладѣлъ Татьяной; она поблѣднѣла, да и Федоръ Павловичъ перемѣнился въ лицѣ, будто какая бѣда готова была обрушиться надъ ними.

Молодой человекъ, который былъ не кто иной какъ Сергій Петровичъ Ивинъ, троюродный братъ Татьяны, выросшій почти вмѣстѣ съ нею и долго не оставявшій мысли понравиться ей, бросился къ ней.

— Кузина, какъ я радъ, какъ счастливъ!

Онъ поцѣловалъ обѣ руки ея, и на вопросъ ея: «Откуда? какъ?» отвѣчалъ очень поспѣшно:

— Изъ-за границы, прямо изъ Рима, Генуи, Турина и Дрездена; перемѣнялъ лошадей въ Нерадовѣ, когда увидѣлъ лихую тройку и узналъ вашего Игната. Онъ сказалъ мнѣ, что вы въ Знаменскомъ и проведете здѣсь всю зиму. Это былъ большой сюрпризъ для меня, и я въ ту же минуту поскакалъ сюда. Но что я вижу? Васъ, нашу звѣзду, наше солнце, въ этой глуши, и на всю зиму! Разгадайте мнѣ эту загадку.

— Дѣла. Но садитесь; вы озябли; чего хотите: чаю, кофе, обѣдать?

— Признаюсь вамъ, что съ самой Варшавы я не ѣлъ; по всему протяженію этого безконечнаго шоссе бѣдныхъ проѣзжихъ отравляютъ, а не кормятъ. Что же касается до обѣда, то я не обѣдалъ съ самаго отъѣзда изъ Петербурга.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ, право не шутя. Въ Германіи кормятъ васъ супами съ вишнями и говядиной съ вареньемъ, а въ Италиі—но тутъ и не разберешь, что такое подаютъ вамъ; одно ясно, что это страшная дрянь. Поэтому я не откажусь отъ вашего обѣда, напротивъ... *je lui ferai honneur.*

Первое движеніе Татьяны было просить Федора Павловича приказать накрыть на столъ, но она испугалась его болѣзненной въ такихъ случаяхъ гордости и вышла сама въ переднюю. Ивинъ легъ въ длинныя кресла, протянулъ свои длинныя, худыя ноги къ рѣшеткѣ камина, вставилъ стеклышко лорнета въ глазъ, и зѣвая на всѣ стороны, остановилъ глаза свои на докторѣ; но встрѣтивъ его холодный, упорный взглядъ, небрежно и медленно отвернулся и всталъ. Онъ посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ свои жидкіе волосы и прошелся по комнатѣ, останавливаясь у столовъ и перебирая лежавшія на нихъ книги. Онъ глядѣлъ на все свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ равнодушіемъ, которое, по его мнѣнію, было вѣвской хорошаго тона.

Федоръ Павловичъ поглядѣлъ на него и подумалъ: «Кто этотъ длинноногий журавль, противная и пошлая фигура?»

«Кто этотъ медвѣдь?» думалъ Ивинъ, и самъ отвѣтилъ на вопросъ свой: «вѣрно сосѣдъ, помѣщикъ; но какъ онъ расположился тутъ по-семейному! А, милая кузина, нѣтъ ли и за вами

грѣшковъ? а ужь не даромъ же поселились вы въ этой глуши! Увидимъ! увидимъ!»

Татьяна возвратилась.

— Обѣдъ будетъ поданъ тотчасъ же; пока разкажите мнѣ, гдѣ были и что видѣли.

Мысль познакомить обоихъ молодыхъ людей не пришла Татьянѣ въ голову; она знала, что Федоръ Павловичъ не любитъ новыхъ знакомствъ, и особенно знакомствъ такого рода, и сожалѣла, что Ивинъ засталъ его у ней. Упорное молчаніе Федора Павловича и его суровый видъ тяготили ее; она бы желала, чтобъ онъ ушелъ: онъ и самъ желалъ этого, но уйти казалось ему не ловко, будто онъ боится ея родныхъ и знакомыхъ.

— Гдѣ я былъ? вездѣ. Что я видѣлъ? все. Только я усталъ смертельно. Подумайте сами: видѣть Германію, Францію, Швейцарію, Сицилію и часть Африки (вѣдь я былъ въ Алжирѣ), и все это въ одиннадцать мѣсяцевъ, вѣдь это не шутка!

— Конечно. Но зачѣмъ же вы такъ спѣшили?

— Поневогѣ станешь спѣшить; отпускъ мой оканчивался, а я хотѣлъ все видѣть и изучить. Я ничего не пропустилъ, все объѣхалъ, и скажу вамъ чистосердечно, что эта мѣщанская Германія наводитъ нестерпимую скуку, а хваленая и прославленная Италія какая-то проклятая яма, гдѣ даже нельзя жить порядочному чело-вѣку. Нищенство народонаселенія, мошенничество трактирщи-ковъ, повсемѣстное правило обирать путешественниковъ — нестерпимы. Я серьезно говорилъ съ Антонелли (знаете, Антонелли — любимецъ и правая рука папы) и совѣтовалъ ему принять какія-нибудь мѣры противъ этого разврата. Говорятъ, разумѣется, люди крайней партіи, *des gens de peu*, о возрожденіи Италіи. Хорошо возрожденіе народа, состоящаго изъ воровъ, разбой-никовъ и мошенниковъ!

— Однако, эти *gens de peu*, какъ вы ихъ называете, сказалъ Федоръ Павловичъ, — очень умные люди и выдали множество замѣчательныхъ сочиненій, кот...

— Да, читалъ, плохія разглагольствованія, сказалъ Ивинъ свысока.

Татьяна, боясь спора, поспѣшила вставить свое слово.

— Но вы не говорите мнѣ о произведеніяхъ искусствъ, о раз-валинахъ, о природѣ? сказала она.

— Искусства? да, пожалуй, взглянуть можно на картины старинныхъ мастеровъ; за то новыя все дрянъ! Хотѣлъ было купить кое-что, но не стѣбитъ труда, а старыхъ картинъ не про-

даютъ. Что же касается до развалинъ, я вамъ скажу, я не принадлежу къ тѣмъ путешественникамъ, которые считаютъ долгомъ всему удивляться и поклоняться. Что мнѣ за дѣло, что вотъ здѣсь стоялъ когда-то дворецъ цезарей или храмъ Весты? Я не стану, какъ глупецъ, набирать камней: мостовую что ли мостить ими? этого добра вездѣ вдоволь. А природа? да она надоѣла мнѣ до смерти. Поди туда, смотри на это, взберись сюда... да вѣдь это всякаго взбѣситъ! да еще восхищайся, восхищайся непременно, восхищайся по-заказу. Нѣтъ, я не изъ такихъ. А ужъ эта швейцарская гвардія, вѣрите ли? умора! одѣты какъ шуты, въ красное и желтое платье, ходятъ съ аллебардами, какъ наши будочники.

— Ихъ костюмъ сдѣланъ однако по рисунку Микель-Анджело, сказалъ Федоръ Павловичъ, вмѣшиваясь опять въ разговоръ.

Ивинъ обратилъ на него свои сѣрые, безцвѣтные глаза, и отвѣчалъ небрежно, съ какимъ-то оттънкомъ покровительства въ голосъ:

— Микель-Анджело, Микель-Анджело! Громкое имя и больше ничего! Пора уже намъ оставить поклоненіе авторитетамъ и смотреть съ самостоятельной точки зрѣнія. Быть-можетъ для его времени эти костюмы были хороши, но для насъ (и онъ засмѣялся сухо и тихо одними кончиками губъ)—да мы посмотрѣлись ихъ на сценѣ оперы.

— Вы забываете, что сцена оперы заимствовала ихъ изъ дѣйствительности, и представляя намъ средневѣковую жизнь, должна была...

— Какъ бы то ни было, прервалъ его Ивинъ, но мы посмотрѣлись на это шутовство. Что касается до французскаго гарнизона въ Римѣ, то—вѣрите ли, кузина, обратился онъ къ одной Татьянѣ,—ни посадки, ни фрунта, я уже не говорю о дисциплинѣ... Это смѣхъ! Офицеръ разговариваетъ съ солдатомъ, какъ бы съ равнымъ себѣ, и солдатъ курить папироску! Однажды я шелъ по Корсо съ Мери Линдовой, и не зная какъ пройти къ Пантеону, обратился къ французскому солдату. Онъ вызвался проводить насъ, и всю дорогу очень свободно разговаривалъ съ нами. Я хотѣлъ ему дать на водку, онъ не взялъ. Гордецы! народъ избалованный!... Сами Французы признаются въ этомъ, я говорилъ съ генераломъ Гюйономъ и разказывалъ ему многое объ арміи и фрунтѣ; онъ соглашался со мною и во многомъ послѣдовалъ моимъ совѣтамъ.

— Вы видѣли благословеніе папы въ Пасху? спросила Татьяна.

— Какъ же, какъ же! такъ себѣ, недурно, но нѣтъ ничего особеннаго.

— Но чего же хотите вы? сказала Татьяна съ жаромъ, и обратясь къ Федору Павловичу, прибавила: — вообразите себѣ зданіе Св. Петра, величавую площадь съ бьющими фонтанами, цѣлыя тысячи колѣнопреклоненнаго народа, безчисленное войско съ опущенными внизъ знаменами и оружіемъ, и тишину, тишину такую, что каждое слово старика папы, благословляющаго народъ, слышно изъ конца въ конецъ площади. Словомъ, это самая торжественная и живописная минута вѣчнаго города и...

— Ну, хорошъ онъ, вашъ вѣчный городъ! Я, признаюсь, очень радъ, что выѣхалъ изъ него. Скука смертная! Впрочемъ я вездѣ скучалъ; только въ Парижѣ опомнился. О, Парижъ — это прелесть! Какіе рестораны, магазины, гулянья! Вы теперь не узнали бы его. Какія женщины! *mais pardon...* я увлекаюсь при одномъ воспоминаніи. Сердце мое и кошелекъ оба были опустошены тамъ.

— Особенно кошелекъ, сказала Татьяна, улыбаясь.

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ, что кушанье поставлено. Ивинъ всталъ; Федоръ Павловичъ воспользовался этимъ случаемъ и вышелъ изъ комнаты.

Едва только дверь затворилась за нимъ, какъ Ивинъ спросилъ у Татьяны:

— Кто этотъ господинъ? Гдѣ вы отыскали его, кузина? Кто онъ такой и откуда?

— Вы засыпали меня вопросами; это очень умный и ученый человекъ.

— Какъ не видать этого! Онъ успѣшилъ увѣдомить меня, что рисунокъ костюмовъ швейцарской гвардіи сдѣланъ Микель-Анжеломъ, и не бывши въ Римѣ, знаетъ лучше насъ, что тамъ дѣлается. Кто онъ, однако, такой?

— Докторъ.

— Изъ губернскаго города? А! *beau de province!* «Уѣздныхъ барышень кумиръ», какъ сказалъ Лермонтовъ...

— Пушкинъ, *cousin*.

— Положимъ, и Пушкинъ, это все равно.

Супъ былъ цоданъ; Ивинъ принялся за него съ большимъ аппетитомъ, и прерывалъ свое занятіе проклятіями германскимъ супамъ и соусамъ.

— Поймите, кузина, твердилъ онъ, — говядина съ изюмомъ и супъ съ вишнями!

— Всѣ ваши впечатлѣнія за границей ограничились, какъ я вижу, замѣтками о поваренномъ искусствѣ, сказала Татьяна насмѣшливо. — Вамъ бы ужь напечатать сравнительную таблицу; она была бы полезна для такихъ же, какъ вы, путешественниковъ.

— Ого, кузина! да умъ вашъ, я вижу, окрѣпъ въ уединеніи и сталъ серіознѣе: такъ бы выразился о васъ одинъ мой пріятель, учившійся въ университетъ. Вѣдь эти господа выражаются высокимъ слогомъ. Я хотя и давно потерялъ его изъ виду, но не забылъ еще его возвышенной и великолѣпной чепухи. Да знаете ли, что еслибъ я и забылъ его, то одинъ взглядъ на вашего губернскаго Эскулапа напомнилъ бы мнѣ о немъ. Я помню еще то время, когда и меня затащили къ одному такому оратору; всѣ они мечтали перевоспитать міръ и жаждали *развитія*, и всѣ разбрелись по міру, кто писцомъ въ канцеляріи, а кто и того хуже, спился скругу.

— Какъ можете вы говорить съ такимъ презрѣніемъ о лучшемъ времени своей жизни, объ юношескихъ мечтахъ и стремленіяхъ, которыя всегда благородны и ужь конечно почтеннѣе вашей теперешней любви къ гастрономіи? Не лучше ли быть писцомъ въ канцеляріи, чѣмъ скитаться по Европѣ и скучать вездѣ, находя вездѣ одни недостатки...

— О! да я вижу, что мнѣ надо защищаться. Я не люблю говорить серіозно съ женщинами, еще менѣе люблю хвастать; но если ужь дѣло пошло на то, скажу вамъ, что мое путешествие имѣло и свою серіозную сторону: я вникалъ много въ ходъ дипломатіи нашей, и скажу, безъ лишней скромности, что взглядъ мой былъ такъ вѣренъ и глубокъ, что многіе посланники наши говорили со мной откровенно и не пренебрегали моими совѣтами. — Онъ зѣвнулъ и продолжалъ: — Чтò же касается до пылкихъ юношей, моихъ товарищей, которыхъ вы защищаете, то я имъ право насмѣхаться надъ ними. То, чтò они называли развитіемъ, оказывается на дѣлѣ сумасбродною теоріей, возвышенныя стремленія ихъ—школьною галиматьей, а служеніе добру и правдѣ—знаете ли что такое? не болѣе, какъ яростное честолюбіе, очень плохо прикрытое трюмкою фразой. Повѣрьте, что презрѣніе ихъ къ намъ, людямъ практическимъ, которыхъ они называютъ *развращенною средой*, есть не что иное, какъ мелкая зависть, которая заставляетъ ихъ ненавидѣть все, чтò выше ихъ по общественному положенію. Это, просто, *ête toi de là, que je m'y mette*. Я убѣдился въ этомъ, встрѣтивъ двухъ-трехъ пріятелей, которые

теперь на хорошей дорогѣ по службѣ, и ужь не заикаются о такихъ глупостяхъ, и еще больше убѣдился, послушавъ другихъ, которымъ не повезло, и которые громче, чѣмъ когда-нибудь, проповѣдуютъ, бѣснуются и выходятъ изъ себя, говоря о людскихъ низостяхъ. Имъ особенно ненавистна низость тѣхъ, кто сталъ тайнымъ совѣтникомъ или по крайней мѣрѣ секретаремъ посольства.

— Это очень понятно: развѣ низость не отвратительнѣе въ тѣхъ, кто стоитъ выше другихъ? сказала Татьяна.

— Э, кузина! вы все не такъ понимаете, да и женское-ли дѣло подымать такіе серіозные вопросы? Право, нѣтъ, вамъ это не пристало, и я не узнаю васъ. Вы ли это? Вы ли, которыя были такъ милы, такъ милы, что если, бывало, не попадешь къ вамъ вечеромъ, то на другой день горько пожалѣешь, слушая разказы о томъ, какъ у васъ было весело? Одно не нравилось мнѣ у васъ, это недоступная строгость тетушки, да злобные взгляды и ядовитыя замѣтки вашего любимца, Юрія Юрьевича. Кстати, гдѣ онъ?

— Да въ Москвѣ.

— Ну, такъ я постараюсь не встрѣчаться съ нимъ. Удивительная способность пересказывать ваши собственные слова такъ, что изъ нихъ выходитъ галиматья, и самому стыдно становится!

Разговоръ постепенно перешелъ на другіе предметы, но Ивинъ не могъ сказать ни слова, чтобы не затронуть самыхъ чувствительныхъ струнъ въ сердцѣ и умѣ Татьяны. Она, не желая того, высказывалась безпрестанно, и тѣмъ въ свою очередь непріятно поразила Ивина, который посматривалъ на нее съ насмѣшливымъ удивленіемъ.

Вечеромъ, ложась въ постель, онъ рѣшилъ, что его провести трудно, что взглядъ его вѣренъ, и что деревенскій медвѣдь, такъ комфортабельно сидѣвшій въ длинныхъ креслахъ и обмѣнявшійся съ нимъ немногими словами и взглядами, былъ далеко не чуждъ тому превращенію, которое бросалось въ глаза послѣ двухчасоваго разговора съ миленькою кузиной.

«Voilà le pot aux roses découvert, думалъ онъ, и вотъ отчего молодая вдова живетъ въ Знаменскомъ. Посмотримъ, явится ли завтра этотъ великолѣпный Грандисонъ. Пари держу, что нѣтъ, и что я спугнуть эту ворону, которая разыгрываетъ роль орла. Но что скажете на все это тетушка? Ah! vous ne vouliez pas de moi, chère tante; я былъ, по вашему мнѣнію, не довольно хорошая партія для вашей дочери; посмотримъ, что скажете вы о ея

короткости съ губернскимъ докторомъ? А ужъ я не пощажу васъ и привезу вамъ добрыя и подробныя вѣсти изъ Знаменскаго!

На другой день, съ 10 часовъ утра, Ивинъ былъ въ кабинетъ Татьяны, и слѣдилъ не только за малѣйшимъ словомъ ея, но даже и за взглядами и выраженіями фізіономіи. Когда подали объѣдать, съ какимъ удовольствіемъ услышалъ онъ, что маленькая Маня, обратясь къ матери, спросила у ней простодушно:

— А гдѣ же Федоръ Павловичъ, мама? Отчего онъ нынче не объѣдаетъ съ нами?

— Онъ уѣхалъ въ городъ, другъ мой, сказала Татьяна, невольно краснѣя.

— О комъ спрашиваетъ Маня? сказалъ Ивинъ.

— О докторѣ, отвѣчала она спокойно, владея собою.

— Ты полюбила его, душенька? спросилъ онъ дѣвочку, цѣлуя у ней ручку?

— О да, очень; онъ такой добрый, играетъ со мною каждое утро въ воланъ и мячикъ, и всякій вечеръ разказываетъ исторіи по картинкамъ.

— Такъ онъ живетъ здѣсь? сказалъ Ивинъ, улыбаясь: — мнѣ послышалось вчера, что онъ изъ города?

— О нѣтъ! сказала Маня, — онъ ѣздитъ въ городъ, но живетъ у насъ, въ Знаменскомъ.

— Стало-быть онъ вашъ докторъ, сельскій докторъ? спросилъ Ивинъ у Татьяны.

— Да, если это такъ интересуетъ васъ, отвѣчала она сухо и кратко; его дерзкое любопытство и невинный видъ, съ которыми онъ заставлялъ болтать Маню, были ей невыносимы.

Въ продолженіе трехъ дней, которые Ивинъ провелъ въ Знаменскомъ, его отношенія къ Татьянѣ измѣнились и приняли враждебный характеръ; не мало намековъ и колкостей сказали они одинъ другому, маскируя ихъ шуткой или свѣтскою насмѣшкой. Татьяна раздражила Ивина, и онъ повялъ очень хорошо, что она влюблена въ доктора. Теперь Ивинъ могъ, въ свою очередь, отмстить ей за ея всегдашнее къ нему пренебреженіе и отказъ выйти за него замужъ. Послѣ отъѣзда Ивина, Татьяна посмѣялась надъ нимъ съ Федоромъ Павловичемъ, и разказавъ ему его замашки на роль челоуѣка серіознаго и практическаго, скоро позабыла о самомъ его посѣщеніи, и предалась убаюкивающему теченію прежней жизни.

Однажды въ сумерки Татьянѣ случилось остаться одной; она сидѣла, глубоко задумавшись, но не была поглощена мыслями и

предалась лишь блуждающей фантазии, а сердце ее, будто утомясь, отдыхало отъ собственнаго счастья. Вдругъ раздались вдали колокольчики, и все ближе и ближе звенѣли они, пока не смокли у подъѣзда. «Кто бы это?» подумала Татьяна, но скорѣ развлеклась чѣмъ-то, и не обратила особеннаго вниманія на легкій шумъ, поднявшійся въ домъ. Скоро однако задняя дверь ея кабинета растворилась, и въ нее вошла женщина, укутанная въ шубы. Татьяна вадрогнула и ахнула, книга выпала изъ рукъ ея, но это было первое, невольное ея движеніе; потомъ она встала и бросилась на шею пріѣзжей.

— Вы ли это, маменька? И какъ неожиданно! Не написали ни слова и пріѣхали въ такой холод! говорила Татьяна, помогая княгинѣ скинуть шубу.

— Соскучилась по тебѣ, милое дитя мое, сказала княгиня, нѣжно цѣлуя дочь. — Мнѣ стало вдругъ такъ скучно, такъ тяжело, что я рѣшилась ѣхать, и по дорогѣ заѣхала къ брату въ Красновиово и захватила его съ собою; знаешь, одной ѣздить очень трудно, а братъ привыкъ къ деревнѣ и большимъ дорогамъ, онъ охотно проводилъ меня сюда, и очень радъ повидаться съ тобою.

— А! такъ вы съ дядюшкой! Гдѣ же онъ?

— Скидаетъ шубу и вѣрно переодѣвается. Онъ ѣздитъ, по-деревенски, въ дубленомъ тулупѣ и такихъ сапогахъ что страхъ, испугалъ бы тебя. Ну, что ты? Какъ ты? Дай взглянуть на тебя. Ты потолотѣла и похорошѣла; деревенскій воздухъ не вреденъ тебѣ, какъ я вижу. А ужъ какъ я по тебѣ соскучилась! Знаю теперь, какъ трудно разставаться надолго съ дочерью, и ужъ никакъ не рѣшусь опять на это. А гдѣ моя милая Маня? здорова она?

Татьяна усадила мать и потомъ вышла, говоря, что идетъ за дочерью. Она написала два слова къ Федору Павловичу, уведомляя его о нечаянномъ пріѣздѣ матери и дяди, и возвратилась въ кабинетъ свой, ведя Маню за руку.

«Зачѣмъ она пріѣхала? думала Татьяна, пока мать ея занялась Маней: соскучилась по мнѣ... пустяки... не можетъ быть; ей не въ первый разъ разставаться со мною, и былъ бы у ней пикетъ и преферансъ, она проживетъ двадцать лѣтъ безъ меня. Ужели до ней дошли слухи?..»

— Да что ты такая задумчивая? спросила у ней мать, которая разказывала ей что-то, чего не слыхала Татьяна.

— Вы ошибаетесь, маменька; я только отвыкла въ этой глуши

отъ всѣхъ городскихъ вѣстей, исторій и разказовъ; когда живешь въ деревнѣ, то меньше интересуешься всѣмъ этимъ.

— Ахъ, Боже мой, какая философія, моя милая! возразила княгиня, улыбаясь: — чѣмъ же интересоваться какъ не тѣмъ, что случилось съ родными и знакомыми, людьми нашего класса?

Княгиня говорила по-французски и выразила мысль свою, сказавъ: *les gens de notre bord*.

— Разкажи мнѣ, что ты дѣлаешь? сказала княгиня, не получая отвѣта отъ дочери.

— Вы видите сами, маменька; вечеромъ читаю, утромъ мнѣ много дѣла: счеты, управитель, больница, школа, не говоря уже о Манѣ.

— Здравствуй, племянница, здравствуй! сказалъ, входя, высокий, тучный, плечистый мужчина, съ огромными бакенбардами и богатырскимъ видомъ. Съ перваго взгляда въ Дмитрій Никифоровичѣ Стрекальскомъ можно было угадать страшную смѣсь отставнаго кавалериста и степнаго помѣщика: типъ нерѣдкій, часто встрѣчающійся внутри Россіи. Онъ поцѣловалъ на всю комнату племянницу и внучку, и тяжело сѣлъ въ кресла; ему было лѣтъ пятьдесятъ, хотя по силамъ и лицу его нельзя было дать ему больше сорока лѣтъ.

— О! да я вижу, ты тутъ важно устроилась; чего тутъ нѣтъ? будто въ столицѣ. А Знаменское твое чудесное имѣніе. Проѣзжая, я спрашивалъ у сестры, твои ли это поля и лѣсъ, ну, да столичная барыня! ничего не знаетъ! А вѣдь Знаменское-то родовое имѣніе ея мужа, и она жила съ нимъ лѣтъ двадцать.

— Когда же я говорила тебѣ, что мы съ мужемъ здѣсь не живали? возразила княгиня.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже.

— Похвалите меня, дядюшка, я дѣлаю наоборотъ, и поселилась здѣсь, завела больницу, школу...

— Школу? Какую это?

— Для крестьянскихъ дѣтей; священникъ учить ихъ читать и писать, закону Божьему, ариметикѣ.

— Какія глупости! сказалъ онъ сердито и рѣзко: — пустая фанаберія, вещь вредная, новомодная дурь! Къ чему крестьянину читать и писать? Чтобы фальшивые паспорта поддѣлывать? Это людей губить. Крестьянину надо пахать землю, а не грамотой заниматься.

— Но, дядюшка...

— Но, племянница, ты женщина и ничего не смыслишь въ этихъ дѣлахъ. Знаю я, что такое женское управленіе. И какая дичь пришла тебѣ въ голову жить здѣсь, одной! Имѣнемъ управлять ты не можешь, зачѣмъ же тебѣ жить здѣсь? Ужь если такъ, выходи замужъ, ну тогда и живи: мужъ займется полевымъ хозяйствомъ, а ты домашнимъ.

— Но я не хочу идти замужъ, дядюшка.

— Пустяки, моя милая! молодой, богатой вдовѣ не годится жить одной; она надѣлаетъ всякихъ глупостей, пожалуй влюбится въ какого-нибудь господина безъ сапогъ и безъ гроша за душою, который воспользуется ея дурью и женится на ея деньгахъ. Гораздо лучше предупредить все это, сыскать тебѣ хорошаго жениха, да и подѣвънецъ. Я говорилъ объ этомъ съ сестрою.

Татьяна не хотѣла спорить и перемѣнила разговоръ; но каждое слово рѣзкаго дяди было ей противно, въ каждой ласкѣ матери слышалось что-то неискреннее, что-то принужденное, будто княгиня играла роль. Вечеръ длился безконечно, и Татьяна была чрезвычайно рада, когда въ одиннадцать часовъ дядя объяснилъ ей, что онъ усталъ, и всѣмъ имъ пора спать. Татьяна отвела его въ приготовленную ему комнату, и когда возвратилась къ себѣ, то нашла, что мать ея расположилась въ ея уборной, примыкавшей къ ея спальнѣ.

— Вамъ будетъ безпокойно, маменька, а подлѣ Мани есть прекрасная комната, которую вамъ приготовили.

— Знаю, видѣла, сказала княгиня, — но я такъ давно не видала тебя, не слыхала твоего голоса, что мнѣ пріятно жить подлѣ тебя. Ужели мое присутствіе стѣсняетъ тебя? Въ такомъ случаѣ, я, конечно...

Татьянѣ оставалось только увѣрить мать въ противномъ, что она и сдѣлала, признаваясь себѣ съ ужасомъ, что у ней не осталось и угла для себя. Княгиня опять замѣтила дочери, что она стала очень задумчива.

— Да ужь поздно, сказала Татьяна, думая о томъ, что Федоръ Павловичъ не отвѣчалъ на ея записку и желая узнать объ этомъ отъ Маши.

— Однако ты посидишь еще со мною?

Дѣлать было нечего, пришлось сидѣть еще добрый часъ у постели старухи и слушать ея разказы. Наконецъ часы пробили полночь, Татьяна простилась съ матерью и вошла къ себѣ.

Маша ждала ужь ея, и оглянувшись на всѣ стороны, заперла дверь на ключъ и подала ей записку.

— Только сейчасъ принесли? спросила Татьяна.

— Помилуйте, ужъ часа съ четыре будетъ; да какъ же было подать вамъ? я васъ и у дверей—то караулила, и въ комнату—то заглядывала; вы все разговаривали съ княгиней и дядошкой. А при нихъ какъ же—съ?

Татьяна покраснѣла; еще въ первый разъ въ жизни, горничная такъ говорила съ нею, и между ними была тайна. Она едва не сказала: Ты съ ума сошла! Подавай мнѣ мои письма тотчасъ! но одумалась, смолчала и распечатала записку. Федоръ Павловичъ писалъ ей длинное письмо и утверждалъ, что прїездъ ея матери и дяди не случайный, что это вѣроятно начало той борьбы, которую они оба предвидѣли, что онъ сердечно сожалѣетъ о ней, зная ея робкій, нѣжный характеръ, но пособить ей не можетъ, такъ какъ сама судьба распорядилась имъ, поставивъ его на задній планъ и осудивъ его играть второстепенную роль во всей этой трагикомедіи. Онъ могъ сказать ей только, что *здѣ бы онъ ни былъ*, онъ, по первому ея слову, будетъ подлѣ ней и сдѣлаетъ все, что она захочетъ. Вообще все письмо его было пропитано какою-то смѣсью любви и желчи, неподдѣльной грусти и ироніи, и оквозъ каждую его строку просвѣчивала мысль о томъ, что настало время разлуки, испытанія, и кто знаетъ?—разрыва. Последнія слова письма произвели особенно печальное впечатлѣніе на Татьяну: они походили на прощаніе; въ припискѣ онъ увѣдомлялъ ее, что завтра же чуть свѣтъ ѣдетъ въ городъ на недѣлю или болѣе, потому что не желаетъ встрѣтиться съ ея матерью и дядей, такъ какъ встрѣча эта можетъ быть болѣе опасна, чѣмъ полезна для ихъ будущаго, если только у нихъ есть еще будущее!

Татьяна долго думала надъ этимъ письмомъ, перечла его нѣсколько разъ и наконецъ расплакалась; внутренно она не могла не упрекнуть Федора Павловича за то, что онъ покидаетъ ее въ критическую минуту, чувствуя инстинктивно, что въ немъ одномъ была ея сила и твердость. Она заснула, думая о немъ; а онъ до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, предаваясь безотраднымъ размышленіямъ и мучительнымъ чувствамъ; онъ боялся положить на нее всю свою надежду, и между тѣмъ зналъ, что только на нее и могъ надѣяться! Чувства гордости и чести сильно проснулись въ немъ и не позволяли думать о томъ, чтобъ употребить на нее свое вліяніе и заставить ее рѣшиться скорѣе на явный или тайный бракъ. Натура его была дѣятельная и рѣшительная, а онъ былъ

осужденъ, по своему положенію, на чисто-страдательную роль—ждать въ бездѣйствіи того, что будетъ; онъ приходилъ въ раздраженіе при мысли о своемъ безсиліи, на которое онъ осудилъ себя намѣренно, но которое было, по его правиламъ, неизбежно. Онъ зналъ, что въ эту самую минуту онъ могъ бы пробраться въ комнату Татьяны и убѣдить ее уѣхать съ нимъ и обвиняться; но онъ не могъ допустить этого. Она была не дѣвочка, зависящая отъ другихъ, а женщина свободная, которая могла и должна была взять его смѣло за руку и объявить всѣмъ о своемъ выборѣ; нѣтъ, ему не приходилось покидать себя знатную и богатую жену. Но зачѣмъ же сердце его такъ страдало, зачѣмъ же такъ болѣзненно сжималось оно, а въ немъ накупала злоба и жалость, въ него врывалось отчаяніе? Съ первыми лучами блѣднаго зимняго утра онъ мчался уже по большой дорогѣ, будто догоняя свое исчезавшее счастье.

Татьяна послѣ тревожнаго сна встала поздно, и первый вопросъ ея былъ о матери; ей сказали, что она давно встала и ушла къ братцу. Сердце Татьяны забилось, она знала, что мать ея не имѣетъ обыкновенія вставать рано, и если пошла къ брату, то по серьезному дѣлу. Она имѣла на брата неограниченное вліяніе; онъ былъ человѣкъ крутой и взбалмошный, способный на всякія безразсудства; когда, затронувъ его самолюбіе, его толкали впередъ. Изъ военной жизни онъ вынесъ привычку поступать скоро и круто, а изъ помѣщичьей жизни—поступать самовольно и грубо. Все это далеко не ободряло Татьяны, и разсудивши все это, она боялась, не за себя, а за Федора Павловича, и была очень рада, что онъ рѣшился уѣхать и избѣгать встрѣчи съ ея родными. Она была увѣрена, что дядя былъ способенъ самымъ грубымъ образомъ оскорбить Федора Павловича при первой же встрѣчѣ.

Долгій, томительный день тянулся и былъ полонъ для Татьяны тайныхъ мукъ; прошелъ и онъ, и наступилъ другой и третій, въ продолженіе которыхъ ей пришлось выслушать отъ дяди намеки и предостереженія, похожія на угрозы; она рѣшилась показать видъ, что ничего не понимаетъ, и билась безсильно какъ птичка, пойманная въ тенета. На четвертый день, рано утромъ, мать вошла къ ней въ комнату и заперла дверь за собою.

— Таня, сказала она нѣжно, — я пришла къ тебѣ съ просьбою. Я пріѣхала за тобою, и ты не откажешь мнѣ ѣхать со мною въ Москву?

— Зачѣмъ это? спросила Татьяна, блѣднѣя.

— А потому, мой другъ, что этотъ негодный мальчишка Ивинъ распустилъ о тебѣ самыя дурныя слухи. Онъ такъ разказываетъ свое посѣщеніе и свое пребываніе у тебя, что всѣ думаютъ, что ты... что ты... какъ бы сказать это?.. влюблена въ своего домашняго доктора.

— Какой вздоръ! сказала Татьяна невольно.

— Я въ этомъ увѣрена, и потому тотчасъ пріѣхала за тобою. Такъ мы ѣдемъ, не правда ли? Я прикажу все укладывать. Одно твое появленіе въ городъ все измѣнитъ, и слухи затихнутъ. Такъ ли?

— Да что мнѣ за дѣло до слуховъ! сказала Татьяна опомнившись:—я не хочу ѣхать отсюда.

— Для меня,—я прошу тебя,—для твоей матери.

— Не могу, маменька. Не просите у меня невозможнаго, мнѣ тяжело отказать вамъ, но я не могу сдѣлать иначе.

— Такъ знаешь ли что я скажу тебѣ? дядя подумаетъ, что ты не ѣдешь отсюда потому, что все то, что разказывалъ Ивинъ, сущая правда.

— Положимъ такъ, что же изъ этого? и кому какое до меня дѣло? Я вдова, свободна.

— У тебя есть семья, другъ мой, и женщина никогда не свободна; семья ея всегда имѣетъ на нее права и не допуститъ ея замарать свое имя. Это не угроза, я говорю тебѣ въ предостереженіе, и умалчиваю о томъ, что для тебя должно быть важнѣе всего другаго,—о моемъ сердцѣ, о моемъ материнскомъ сердцѣ, которое растерзано тобою.

Княгиня расплакалась.

— Я любила тебя, какъ умѣютъ любить только нѣжнѣйшія матери, я гордилась тобою; ты была одна моя радость, одно мое счастье, и теперь чѣмъ заплатила ты мнѣ за все это? Подумай, скажи сама; я ссылаюсь на совѣсть и честь твою.

— Маменька, сказала Татьяна довольно твердо,—я люблю и уважаю васъ и ни въ чемъ не виновата противъ васъ, чего же вы хотите отъ меня?

— Пожертвуй мнѣ своимъ капризомъ, потому что это только капризъ съ твоей стороны, и я никогда не повѣрю, чтобы ты, дочь моя, унизилась до серіозной привязанности къ человѣку, который созданъ для нашихъ переднихъ.

— Развѣ онъ лакей? возразила Татьяна съ негодованіемъ.

— Да почти лакей, хуже лакея. Лакеи не имѣютъ претензій, а онъ простираетъ свои виды слишкомъ высоко. Послушай моего

совѣта,—я говорю съ тобою какъ другъ, а не какъ мать,—изъ того, что ты затѣяла, не выйдетъ ничего добраго; ты погубишь свою репутацію, будущность своей дочери, и подвергнешь опасности самую жизнь *этого чловѣка*.

— Что вы хотите сказать? спросила Татьяна съ ужасомъ, потому что ничто подобное никогда не приходило ей въ голову.

— Неужели ты думаешь, что всѣ мужчины нашей семьи будутъ смотрѣть хладнокровно на твое безразсудное поведеніе? *Ему* придется разсчитаться съ ними за тебя. Еслибы ты только знала, чего мнѣ стоило уговорить брата молчать и не дѣлать огласки! Онъ прѣхалъ со мной потому только, что и до него дошли слухи о твоёмъ поведеніи.

— Я ни за кѣмъ не признаю права вмѣшиваться въ дѣла мои, сказала Татьяна гордо.

— Я вижу, что ты ничего не хочешь слушать и совершенно потеряла разсудокъ. Пусть будетъ, что должно быть, я умываю себѣ руки.

Княгиня, закрывъ лицо платкомъ, вышла изъ комнаты, и видя, что Татьяна нейдетъ за нею, остановилась у двери.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь ѣхать отсюда съ нами? спросила она опять и прибавила:—не отвѣчай мнѣ, обсуди свое положеніе и скажи мнѣ свой отвѣтъ нынче вечеромъ.

Татьяна осталась одна и долго плакала. Она не вышла обѣдать и просидѣла цѣлый день въ своей спальнѣ. Вечеромъ, часу въ девятомъ, къ ней вошелъ ея дядя.

— Я пришелъ спросить у тебя, сказалъ онъ, входя и не садясь въ кресла,—хочешь ли ты завтра ѣхать съ матерью въ Москву?

— Не хочу, сказала Татьяна спокойно и гордо.

— Какъ хочешь! но я долженъ тебя предупредить, что шутить не люблю, и хотя фаворитъ твой бѣжалъ, лишь только я сюда прѣхалъ, я сумѣю найти его.

Татьяна вспыхнула и потомъ поблѣднѣла.

— Онъ бѣжалъ! повторила она:—но вы забываете, что вамъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, и что онъ колоссъ и силачъ....

— Это не мѣшаетъ ему быть трусомъ; эти люди, мѣщанишки и разночинцы, всѣ таковы; они дерзки изподтипка и очень любить свою драгоцѣнную особу.

— Вы его не знаете, сказала Татьяна,—да я и не вижу причины продолжать разговоръ этотъ; прекратимте его.

— Пожалуй, сказалъ онъ,—я и не желалъ говорить съ тобою,

но сестра упросила меня сказать тебѣ, что я рѣшился раздѣлаться съ нимъ по своему.

— Дуэль! воскликнула Татьяна съ ужасомъ.

— Ну, нѣтъ, я съ такими людьми не дерусь ни на шпагахъ, ни на пистолетахъ; для нихъ у меня есть добрая палка.

Этого Татьяна не ожидала; она опустила въ кресла, но имѣла еще силу сказать, замиравшимъ отъ внутренняго мученія голосомъ:

— Попробуйте!

— Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее!

— Такъ вотъ и мое послѣднее слово, выслушай его внимательно. Завтра утромъ ты побѣдешь съ нами въ Москву, яли люди мои (я привезъ сюда моихъ двухъ лакеевъ и кучера) будутъ караулить твоего уѣзднаго Ловласа, которому придется поплатиться своею спиной за его дерзкіе замыслы. Я ручаюсь, что его избьютъ до полусмерти.

— Да это разбой! воскликнула Татьяна, но дядя уже не слушалъ ея, и стуча каблуками вышелъ вонъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ Татьяна сидѣла, будто пораженная громомъ; наконецъ способность мыслить воротилась къ ней.

«Что дѣлать? повторяла она себѣ мысленно. Если на него нападутъ ночью, изъ-за угла, его могутъ одолѣть, онъ не вынесетъ такого безчестія и зарѣжетъ моего дядю, да, зарѣжетъ! онъ способенъ на это. Боже мой! Боже мой! Предупредить его? да это еще хуже, онъ возьметъ съ собою пистолеты и разожжетъ голову первому, кто подступитъ къ нему. Огласка, уголовное преступленіе, судъ. Суды... суды... но кто не знаетъ?.. Дядя богатъ деньгами, здѣсь можно откупиться. Чтò же мнѣ дѣлать? уѣхать, уѣхать тотчасъ. Въ Москвѣ, въ городѣ такія насилія почти невозможны; онъ можетъ пріѣхать туда за мною. Тамъ, вдвоемъ, мы придумаемъ какъ надо окончить эту ужасную исторію.

Она позвонила и велѣла просить къ себѣ княгиню, которая тотчасъ явилась, съ глубоко-печальнымъ лицомъ.

— Чтò тебѣ угодно? спросила она съ видомъ жертвы.

— Со мною поступаютъ неслыханно! Слово не достанетъ, чтобы выразить то, чтò я чувствую. Я женщина, у меня нѣтъ ни брата, ни мужа, который бы могъ вступить за меня.

— Другъ мой, сказала княгиня, — ты забываешь, что и мужъ, и братъ были бы не за тебя.

— Оставимъ это. Я ѣду въ городъ, но не по собственной волѣ, а боясь насилій, грабежа, убійства.

— Дочь моя, милая дочь! сказала княгиня, приближаясь къ Татьянѣ съ распростертыми объятіями:—повѣрь, что сердце матери умѣетъ оцѣнить жертву, которую ты...

Татьяна отвела мать рукою. Она была раздражена выше мѣры, это придало ей силы.

— Я не приношу никакой жертвы, я уступаю насилію. Не тратьте напрасныхъ словъ, которыми я не вѣрю, и которыми вы сами не вѣрите. Я ѣду, этого довольно.

Когда черезъ пять дней Федоръ Павловичъ воротился въ Знаменское, барскій домъ, мимо котораго онъ проѣхалъ, стоялъ пустой и мрачный, и его темныя окна, какъ яма могилы, испугали его. Напрасно искалъ онъ въ нихъ привѣтливаго огонька. «Могила, могила! повторилъ онъ самъ себѣ: могила моего недавняго счастья!»

Войдя къ себѣ, онъ получилъ записку отъ нея; это были нѣсколько беспорядочныхъ словъ, полусмытыхъ слезами. Она писала ему, что причина, побудившая ее уѣхать, была очень важная, и что она проситъ его, приказываетъ ему ѣхать тотчасъ за нею и дать ей знать черезъ ея горничную Машу, которая найдетъ случай увидѣть его и переговорить съ нимъ. Была еще фраза, надъ которою онъ задумался: «надо все это покончить и скорѣе, скорѣе!»

«Ужь не кончено ли?» сказалъ онъ самъ себѣ, судорожно сжимая ея записку въ своей рукѣ, и опустился въ кресла. На другой же день, онъ ѣхалъ по московской дорогѣ, не рассчитывая ни на что хорошее, но сознавая, что долгъ его въ сію минуту состоялъ въ томъ, чтобы слѣдовать за нею до тѣхъ поръ, пока она сама желаетъ и проситъ этого.

Дмитрій Никифоровичъ въ довольно старомъ и очень замасленномъ халатѣ сидѣлъ въ домѣ племянницы, гдѣ поселился на время, и пилъ чай изъ большаго стакана, куря трубку съ длиннымъ янтарнымъ чубукомъ; онъ не отличался особенною чистотою, волосы его были взъерошены, руки еще не вымыты, хотя у него и сидѣли уже два пожилые гостя и одинъ юноша, да пожилая дама, сестра покойнаго мужа Татьяны, толстая, краснощекая, старая дѣвица. Лицо ея, не красивое и смолоду, носило на себѣ печать какого-то умственного застоя, будто и оно окаменѣло въ неизмѣнномъ выраженіи — смѣси ту-

пости и чинности. Мнѣній у ней не было, ихъ замѣняли привычки, усвоенныя когда-то. Она ходила, говорила, даже одѣвалась одинаково, нынче какъ вчера, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Никто, посмотря на это лицо, не былъ бы въ состояніи вообразить, что оно было когда-то молодо. Въ ту минуту, какъ мы знакомимся съ нею, она испытывала необычайное волненіе, которое выражалось тѣмъ, что большіе круглые глаза ея вращались быстрѣе, а пальцами правой руки она барабанила по столу.

— Такъ вы привезли ее сюда вчера утромъ? Я отъ васъ сейчасъ же зайду къ ней, сказала она.

— Только не говорите ей ни о чемъ; мы съ сестрой, какъ ближайшіе ей родственники, рѣшили, что не надо огласки даже и въ родственномъ кругу; оттого я и просилъ васъ пріѣхать ко мнѣ, и объяснилъ дѣло. Сестра говоритъ, что огласка развязываетъ руки.

— Да, да, сказалъ одинъ изъ пожилыхъ людей, дядя старей дѣвицы и Татьяны съ мужниной стороны, — тогда шутка плохая, она можетъ выйти замужъ.

— Это невозможно! воскликнула старая дѣва съ ужасомъ.

— Позвольте, возможно, и очень. Она вдова, кто можетъ помѣшать ей? Положимъ, что мы будемъ просить, чтобы намъ отдали дочь ея на воспитаніе, и успѣемъ въ этомъ, благодаря нашимъ связямъ; но вѣдь этимъ только мы отмстимъ за себя, а она все-таки будетъ замужемъ.

— А по моему все это пустяки, сказалъ Дмитрій Никифоровичъ, — я ручаюсь, что если меня оставить дѣйствовать, какъ я хочу, она замужъ не выйдетъ. Не сладить съ женщиной, да это курамъ на смѣхъ! Запру ее и кончено, а съ нимъ управлюсь иначе.

— Въ городѣ дѣлать этого нельзя, вы не имѣете права запереть ее, сказалъ другой родственникъ.

— Разбирайте права, сколько хотите, а я не законникъ. Просто возьму да и запру. Да ужъ и теперь у меня здѣсь такая полиція, что я все знаю что у ней въ домѣ дѣлается. Не она теперь хозяйка, а я.

— И прекрасно, сказала старая дѣвица.

— И несмотря на все это, она однако можетъ, если только захочетъ этого, попросить васъ выѣхать изъ ея дому, и выйдетъ замужъ, подарить насъ новымъ племянникомъ и...

— Что касается до этого, то позвольте выгородить себя, воз-

разилъ другой господинъ, — мы родня ея мужа, родня ея дочери, а не ей, и ужь никакъ не тому, кто на ней женится.

— Ахъ! это правда! воскликнула старая дѣвица, какъ бы сдѣлавъ открытіе или найдя разрѣшеніе запутаннаго вопроса: — мы родня не тому, кто... И она еще сильнѣе забарабанила пальцами по столу.

— Все это вздоръ и пустыя слова, которыя ни къ чему не ведутъ, сказалъ Дмитрій Никифоровичъ, — мы рѣшили съ сестрою, что всѣ мы, ея и мужа ея родственники, будемъ съ ней ласковы, но не дадимъ ей воли, и такъ окружимъ ее, что ей нельзя будетъ ничего предпринять. Въ деревнѣ я поговорилъ съ ней очень крупно, такъ что она струсила, и двѣнадцать часовъ спустя сидѣла уже въ возкѣ и ѣхала въ Москву.

— Признаюсь вамъ, сказалъ второй господинъ, — мысль о бастонадѣ была просто гениальная мысль и должна была сразить всякую женщину. Угроза эта...

— Угроза? возразилъ Дмитрій Никифоровичъ рѣшительно: — нѣтъ, я увѣряю васъ, что сдѣлалъ бы какъ сказалъ. Я нарочно и привозилъ съ собою самыхъ лихихъ изъ людей моихъ.

Молодой человекъ, сидѣвшій до тѣхъ поръ неподвижно сзади другихъ, вдругъ вскочилъ, схватилъ фуражку и пошелъ къ двери.

— Куда ты, Ваня? спросилъ у него отецъ.

— Домой. Не знаю, зачѣмъ вы приказали мнѣ заѣхать сюда за вами. Я не могу слушать спокойно того, что говорится здѣсь, да и вамъ это противно, я вижу это по лицу вашему. Кузина можетъ сдѣлать глупость и выйти замужъ за доктора; мы можемъ не желать этого, пожалуй, мѣшать ей, но устраивать ночныя засады, бить честнаго человека изъ-за угла...

— Честнаго? воскликнула съ удивленіемъ старая дѣвица. — Чтò ты, Ваня?

— Положимъ, и безчестнаго, тетушка, но не еще ли безчестнѣе заманить человека въ засаду, гдѣ наши дворовые исполнять должность разбойниковъ? Это низко...

— Ахъ, ты молокососъ эдакой! сказалъ, вскакивая Дмитрій Никифоровичъ, кровь котораго бросилась въ голову при словѣ низко. Его остановилъ за руку одинъ изъ пожилыхъ господъ, пока отецъ юноши почти насильно выпроваживалъ сына за двери комнаты.

Щекотливая честь Дмитрія Никифоровича была затронута. Онъ сѣлъ въ кресла, и весь еще дрожа отъ гнѣва, обратился къ отцу юноши:

— Я прошу васъ запретить вашему сыну казаться мнѣ на глаза; я еще не старикъ, и не ручаюсь за себя. Хороши нынѣшніе молодые люди! нечего сказать! Да и какъ вы ихъ воспитываете? Учите, будто они семинаристы какіе, всякому старому сору, а почтенія къ старшимъ въ нихъ нѣтъ, нѣтъ и чести.

— За это извините, сказалъ отецъ юноши, начиная горячиться: — наша молодежь знакома съ чувствами чести, но понятія ихъ другія, чѣмъ ваши.

Ссора могла бы сдѣлаться серіозной, еслибы старая дѣвица и другой господинъ не помирили ссорившихся во имя общей опасности, грозившей всѣмъ имъ. Они доказали необходимость тѣснаго союза, чтобы всѣми силами противостать намѣренію и планамъ Татьяны.

Однажды вечеромъ, по задней лѣстницѣ дома Татьяны, узкой, крутой и темной, Маша шла передъ Федоромъ Павловичемъ и ввела его наконецъ въ маленькую, низкую комнату подъ самой крышей.

— Не убейтесь, батюшка, говорила она шепотомъ, — тутъ еще ступенька; теперь принагнитесь, дверь низенькая. Ну вотъ такъ. Подождите немного, я сейчасъ зажгу спичку и свѣчу.

— Ты могла бы сдѣлать это и прежде, сказалъ Федоръ Павловичъ: — я едва не сломалъ ногъ на вашей лѣстницѣ. Зачѣмъ ты не взяла свѣчи?

— Помилуйте! да какъ же это можно? А еслибы насъ кто встрѣтилъ? Сохрани Господи! Вы, батюшка, не знаете, что тутъ дѣлается, ужаси! Барыня, почитай, и половины того не знаетъ, а ужъ совсѣмъ изстрадалась. Бѣдная барыня! день и ночь плачетъ, моя голубушка. Забили они ее вовсе...

— Какъ? сказалъ Федоръ Павловичъ, полный недоумѣнія и страха.

Маша улыбнулась.

— Не то чтобъ, сказала она, — они какіе ни есть, а бары. Грубаго слова ей не скажутъ, все милая, да душенька, а особливо старая княгиня; чего, чего она не придумаетъ! и милуетъ ее, и ласкаетъ, и плачетъ, и даритъ бездѣлушки; а посмотрите-ка за дверью... «Лобъ, говорить, забрѣю всякому, кто слово скажетъ, письмо передастъ; нужды, говорить, нѣту, что вы не мои, она мнѣ дочь, все перемелется, мука будетъ, дочь всегда дочь, и я на своемъ поставлю». Вездѣ у ней, да у Дмитрія Никифорыча шпіоны, полиція. Домъ нашъ сталъ словно острогъ

какой! Ни войдти, ни выйдти. Всю подноготную за тобой знаютъ. А горничная княгини, Фіона, всѣми нами такъ и помыкаетъ, и вездѣ шмыгаетъ! А вы говорите, веди я васъ со свѣчой! да у меня и такъ душа въ пятки ушла, видитъ Богъ! Я хоть и вольная, а вѣдь не равенъ часъ, старая княгиня узнаетъ, и прибьютъ меня, какъ и другую прочую. Поди, ищи на нихъ суда, обожжешься! Да что грѣха таить, я и за васъ-то трушу. Я хотя горничная, а вы сами баринъ; меня избьютъ, куда не шло, а васъ...

— Меня! воскликнулъ надменно Феодоръ Павловичъ.

— Не смѣйтееъ, сударь, что кичиться-то? шестеро одного олобьютъ, да и какіе! одинъ одного сильнѣе, да здоровѣе. Дмитрій Никифорычъ старину помнитъ, какъ живши въ деревнѣ, онъ травилъ собаками бѣдныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ: оно, конечно, было только для потѣхи, но псаря-то его разбойники были, такъ разбойниками и остались, хоть теперь лакеями стали.

— Что же это она нейдетъ? спросилъ наконецъ Феодоръ Павловичъ, которому были неприятны разказы Маши: — ты бы сказала ей, что я пришелъ и жду ее.

— Сказала? да развѣ доступъ-то къ ней легокъ? Она въ собственномъ домѣ живетъ какъ заключенная или плѣнница какая. Княгиня провожаетъ ее вечеромъ до спальни, и цѣлуетъ, цѣлуетъ; домъ свой внаймы отдала, къ намъ жить переѣхала; швейцаръ нашъ подкупленъ, тянетъ княгинину руку, да почитай и всѣ людишки-то противъ васъ; вы, вишь, докторъ, ей не пара, да къ тому же имъ общаля золотыя горы, если они что разузнаютъ, да донесутъ. Татьяна Ильинишна съ матерью хотя и холодна, но почитательна, а ужъ на дялю и не глядитъ, когда онъ входитъ въ комнату; а ему что? онъ и ухомъ не ведеть, распоряжается здѣсь всѣмъ, а она его боится, прекословить не смѣетъ. День-деньской у насъ гости да родные, родные да гости, точно ничего и не случилось. Все шито, да крыто. Намедни барыня не приказала принимать; княгиня въ слезы, истерика, ударъ, видишь, чуть не сдѣлался,— ну, на другой день и пріемъ, какъ попржнему. Какъ это они еще совсѣмъ не извели ея, какъ это еще она на ногахъ, моя голубушка? Однако, пойду внизъ, посмотрю, нельзя ли доложить ей; она впрочемъ знаетъ, что вы будете здѣсь; не вырвется ли на минутку?

Въ это самое время по лѣстницѣ кто-то бѣжалъ очень быстро; Маша уже было струсила, но дверь отворилась настежь, и Тать-

яна, блѣдная и запыхавшаяся, почти упала на руки Федора Павловича. Маша вздохнула, покачала головою, и вышла изъ комнаты.

Онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и долго лежала она на его сердцѣ, неподвижно, безъ силъ и почти безъ чувствъ; только сердце ея стучало какъ молотъ о его широкую грудь, и каждый ударъ его будилъ въ молодомъ человѣкѣ страданіе, задремавшее во время разказовъ Маши, стъ которыхъ въ душѣ его кипѣло только негодованіе.

— Какъ давно! какъ давно я не видала тебя! Мѣсяцъ! но этотъ мѣсяцъ кажется мнѣ вѣкомъ. Наконецъ! наконецъ!

И она прижалась къ груди его, какъ ребенокъ.

— Я не могъ придти сюда безъ твоего приказанія, сказалъ онъ грустно, — но ждалъ его каждый день. Я даже не выходилъ изъ дому, боясь, что записку твою принесутъ, когда меня не будетъ дома.

Она молчала, отдыхая отъ волненія; онъ ласково и нѣжно, но почти машинально гладилъ рукою ея волосы, и глядѣлъ на нее съ такою жалостью и любовью!

— Какъ ты похудѣла, поблѣднѣла! сказалъ онъ.

Она не отвѣчала ему на это, и сказала порывисто, будто задыхаясь:

— Нельзя было! нельзя было! Видѣть тебя—мое счастье, моя отрада, мое единственное утѣшеніе. Я люблю тебя, какъ люблю! сильнѣе прежняго! Я ненавижу ихъ, всѣхъ ненавижу, но что жъ дѣлать? Они сильнѣе, а я... Она залилась слезами, и продолжала рыдая: — я и не грезила о такомъ адѣ, я привыкла жить спокойно, счастливо; меня всѣ баловали, я не знала, что такое горе, не знала и людей этихъ: это не люди, а звѣри. Они грозятся отнять у меня Маню, они хотятъ зарѣзать тебя (она не осмѣлилась сказать: избить тебя); они окружили меня шпионами, какою-то гвардіей изъ дворовыхъ, и сдѣлали изъ моего дома тюрьму. Эти люди, люди образованные на словахъ, дѣйствуютъ теперь какъ шайка разбойниковъ, какъ орда Татаръ, какъ дикіе краснокожіе! Что я одна могу противъ нихъ? вѣдь я боюсь за дочь, боюсь за тебя...

— За меня не бойся, сказалъ онъ гордо. — Скажи только, что ты позволяешь мнѣ дѣйствовать, и все это будетъ кончено.

— Но какъ? спросила она съ испугомъ.

— Очень просто; я все устрою, войду къ тебѣ, возьму тебя и увезу въявь, при всѣхъ въ церковь. Подай лишь только мнѣ руку; имѣй мужество сказать всѣмъ имъ при мнѣ, что ты

этого хочешь, и позволила мнѣ такъ дѣйствовать. Увозить тебя тихонько я не стану, ты не дѣвочка и зависишь отъ себя одной; воспользуйся же своею свободой.

— Боже мой! но это не возможно; они зарѣжутъ тебя, они говорили мнѣ это.

— Перестань вѣрить угрозамъ, это дѣтство!

— Нѣтъ, это не угрозы. Да развѣ это въ первый разъ? вспомни, что я разказывала тебѣ о бѣдной Сашѣ, моей пріятельницѣ. Тутъ дѣло идетъ о Сибири.

Онъ засмѣялся.

— Мы не въ Испаніи, здѣсь нѣтъ кинжаловъ.

— Хуже, сказала она.

— Пустяки, позволь только.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что, я боюсь, и не за себя.

— Слушай, Таня, сказалъ онъ рѣшительно, — я не выйду отсюда, не кончивъ съ тобою и не добившись отъ тебя рѣшительнаго слова. Я пришелъ сюда украдкой, едва не сломятъ шеи въ потьмахъ. Дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ моемъ положеніи; твоя горничная боится зажечь свѣчу, ты боишься всякаго шороха и вздрагиваешь. Вы можете бояться, вы женщины, но мнѣ прятаться и бояться не приходится. Мнѣ, человѣку честному, мужицкѣ, не подъ силу красться по темнымъ лѣстницамъ, сидѣть въ этой труппѣ, дожидаться тайнаго свиданія, подъ прикрытіемъ Маши, которая караулитъ у двери. Это унижительно. Войди сюда кто-нибудь, и ты принудишь меня лѣзть въ шкафъ или подъ диванъ. Все это возможно и понятно, если мужчина спасаетъ честь женщины, но все это позорно, если она можетъ назвать громко того, кого выбрала, и соединиться съ нимъ неразрывными узами.

— А Маня?

— Ну, что жь? Маня будетъ жить съ нами.

— Ее отымутъ у меня.

— Это не возможно; законы за тебя, ты мать, и никто не можетъ отнять у тебя дочери.

— А связи? возразила она: — они воспользуются ими, и будь увѣренъ, докажутъ, что мое поведеніе таково, что дочь не можетъ остаться со мною. Её возьмутъ отъ меня.

— Я этому не вѣрю, возразилъ онъ. — Зачѣмъ откладывать? Хочешь, и мы кончимъ все это сейчасъ; иначе твоихъ силъ не хватить на долгую борьбу, которой ты еще и не начинала. Кто у тебя тамъ внизу?

— Мать моя, дядя, сестра моего мужа.

— Прекрасно; позволь мнѣ сойти внизъ, скажи всѣмъ имъ, что ты идешь за меня замужъ; больше я отъ тебя ничего не требую, остальное мое дѣло, и я ручаюсь, что выйду изъ дому съ тобою. Завтра же мы будемъ обвинены.

— О нѣтъ! нѣтъ! бумаги наши не готовы; насъ не станутъ вѣнчать такъ скоро, и репутація моя погибнетъ. Я жалѣю о репутаціи не для себя, а для дочери. Я не могу согласиться на это. Знаешь ли, что я довѣрилась старому другу отца моего, Юрію Юрьевичу, и просила его совѣта? Онъ сказалъ, что мы напрасно не обвинались въ Знаменскомъ, прежде нежели розные мои узнали все это. Теперь, говоритъ онъ, поздно и трудно. Впрочемъ онъ эгоистъ, не хочетъ помочь мнѣ, и видитъ вещи иначе, чѣмъ я.

— Но все это не рѣшаетъ дѣла, сказалъ онъ. — Согласна ли ты прислать мнѣ по крайней мѣрѣ бумаги свои? если да, то я все устрою и приѣду за тобой черезъ нѣсколько дней.

— О! нѣтъ, нѣтъ! Лучше напиши мнѣ, я сама вырвусь и приду къ тебѣ, или лучше приѣду прямо въ церковь, гдѣ ты будешь ждать меня.

— Какъ хочешь, сказалъ онъ печально.

— Боже мой! Боже мой! чѣмъ все это кончится? просто она, будто предсмертныя муки захватили ей дыханіе.

— Скажи себѣ, что ты рѣшилась, или лучше рѣшишься въ самомъ дѣлѣ, и я скажу тебѣ, чѣмъ все это кончится—нашимъ счастіемъ.

Голосъ его дрожалъ, видно было, что каждое его слово стоило ему неимоверныхъ усилій, что гордость его ломилась и склонялась передъ силой любви и глубокой къ ней жалости. Онъ ужъ не негодовалъ, а только страдалъ за нее и съ нею.

— Милый, милый мой, сказала она рыдая:—чѣмъ заслужили мы такія мученія? Чтѣ я имъ сдѣлала? За что они меня тиранить и мучать? Чтѣ я имъ сдѣлала? повторила она съ такимъ выраженіемъ страданія, что онъ содрогнулся, и сказалъ съ горечью, въ которой было отчаяніе:

— Чтѣ сдѣлала? родилась Свирской! Онъ засмѣялся, но вдругъ укоръ сердца заставилъ его склониться къ ней и сказать тихо:

— О прости, прости меня! прости, что моя ненависть порою сильнѣе любви моей. Да, она сильна, если сломила во мнѣ все другое.

— Васъ ищутъ, сказала Маша, выглядывая изъ-за двери.

Татьяна вскочила, будто невидимая пружина подняла ее, бро-

силась ему на шею и замерла на груди его, въ поцѣлуѣ, полною отчаянія; потомъ порывисто вырвалась изъ рукъ его и съ быстротою молніи исчезла на темной лѣстницѣ. Федоръ Павловичъ остался одинъ; ему пришла мысль бѣжать за нею, и не смотря на ея просьбы, покончить все это однимъ разомъ. Когда онъ подошелъ къ двери, онъ нашелъ ее запертою; первое движеніе его было сломать замокъ, другое покориться ей и сперва все устроить, какъ она просила его. Онъ сѣлъ на стулъ и положилъ отяжелѣвшую голову на столъ; лицо его было мрачно, почти неистово; гнѣвъ и ненависть были написаны на немъ, а сжатые губы и брови изобличали всю его энергію, подавленную силою воли. Выраженіе лица его напоминало почему-то физиономію льва, который, запертый въ клеткѣ и раздраженный, ложится неподвижно, и въ безмолвномъ отчаяніи сознаетъ свое безсиліе.

— Гдѣ ты была, милая? говорила княгиня перепуганной Татьянѣ, встрѣтившись съ нею въ широкомъ корридорѣ дома. — Прасковья Васильевна съ полчаса какъ уже пріѣхала и ждетъ тебя.

— Я была въ своей уборной, мнѣ что-то нездоровится.

— Оно и видно, ты блѣдна и дрожишь; не лечь ли тебѣ въ постель? я посижу около тебя.

Татьяна испугалась еще больше этого предложенія и продолжала ободряясь:

— Нѣтъ, ничего, я пересилю себя.

«Она его видѣла, но гдѣ и какъ?» сказала княгиня сама себѣ, и отправилась къ Фіонѣ, чтобы все узнать черезъ нее и предупредить возможность новыхъ свиданій.

Около полуночи Маша пришла за Федоромъ Павловичемъ, и дрожа какъ въ лихорадкѣ, взяла его за руку и свела внизъ по темной лѣстницѣ.

— Да не стучите каблуками-то! не оступитесь ради Бога! Весь домъ сбѣжится на шумъ, и мы пропали тогда. Вы, баринъ добрый, не погубите Сашу повара: онъ изъ любви ко мнѣ согласился отпереть намъ калитку сада. Онъ же и ключъ-то поддѣлалъ. Узнають, его отдадутъ въ солдаты.

Федоръ Павловичъ молчалъ и пошелъ тише прежняго. На дворѣ чья-то рука схватила его за руку и быстро провела въ калитку сада и на улицу. На другой же день у садовника завелась огромная, злая собака, которую спускали вечеромъ съ цѣпи, и которая своимъ неистовымъ лаемъ беспокоила всѣхъ сосѣдей.

— Что это за лай? говорила Татьяна Машѣ: — я всю ночь не могла заснуть.

— Садовникъ говорить, что боится воровъ; онъ, видите, нашелъ на свѣжемъ снѣгу чьи-то слѣды. Слѣды-то и вправду были; это въ тотъ вечеръ, какъ Федоръ Павловичъ...

— Молчи, ради Бога, сказала Татьяна, сердце которой билось болѣзненно. — Какъ онъ смѣлъ покупать собаку не спросясь? Скажи ему, чтобы завтра же ея здѣсь не было.

— Слушаю-съ, отвѣчала Маша.

Собака исчезла, но въ тотъ же день обѣ калитки сада были наглухо заколочены. Татьяна узнала это, но не рѣшилась выразить своего неудовольствія. Она сознавала съ ужасомъ, что вслѣдствіе этихъ мѣръ, ей ужь нельзя было видѣть Федора Павловича втайнѣ. Она рѣшилась, и въ минуту негодованія отослала къ нему всѣ нужныя ему бумаги для свадьбы, прося его, чтобы онъ все это устроилъ втайнѣ, и скорѣе: она боялась и не хотѣла, чтобы обыкновенное церковное оглашеніе было сдѣлано въ ея приходѣ.

Федоръ Павловичъ принялся хлопотать, но нашелъ болѣе затрудненій, чѣмъ предполагалъ, и былъ вовлеченъ во множество расходовъ и посѣщеній. Однажды утромъ возвратясь домой, онъ очень удивился, найдя у себя Ивана Ивановича, который сидѣлъ въ креслѣ, опершись обѣими руками на здоровый костыль свой, съ шляпой между ногъ; увидя Федора Павловича, онъ всталъ поспѣшно и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Наконецъ-то дождался я васъ, батюшка. Я вѣдь къ вамъ съ просьбой; безъ нужды я бы не рѣшился беспокоить васъ. Не откажите старику, который, кромѣ добра, никогда ничего не желалъ вамъ, да и теперь, видѣть Богъ, зла не желаетъ. Вы, хотя за его хлѣбъ-соль, да за прошлую ласку, заплатите теперь. Я не въ укоръ говорю вамъ, батюшка, а потому что сердце мое изныло, и мнѣ не втерпежь пришло, истинно не втерпежь. Палагея Семеновна говоритъ: «не ходи къ нему, Бога въ немъ нѣтъ, ничего ты отъ него не добьешься!» А я себя на умѣ: она говорить съ сердцовъ, материнское ея сердце тоже болитъ; а я знаю васъ; не можетъ быть, чтобы вы не уважили покорнѣйшей просьбы старика.

Иванъ Ивановичъ поклонился Федору Павловичу въ поясъ, что его окончательно смутило.

— Иванъ Ивановичъ! что вы, помилуйте! заговорилъ онъ, стараясь пожать руку старика, который не давалъ руки своей, а

церемонно кланялся, какъ дѣлають оскорбленные люди его класса, унижаясь съ намѣреніемъ. — Я въ вашей волѣ, прикажите, что вамъ угодно?

— Гдѣ ужъ мнѣ приказывать? я прошу униженно. Конечно, сами виноваты, зачѣмъ понадѣялись, да позволили... но что говорить о томъ, что было да прошло? Теперь другое, не откажите мнѣ, старику.

И вдругъ оставивъ заученную роль, Иванъ Ивановичъ залился слезами.

Федоръ Павловичъ совершенно смутился и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Да говорите же, что вамъ угодно?

— Юленька желаетъ видѣть васъ, она больно плоха.

Федоръ Павловичъ взялся за шляпу и тотчасъ положилъ ее опять на столъ.

— То-есть, какъ плоха? спросилъ онъ съ испугомъ.

— Да почти умираетъ; изсохла совсѣмъ; всѣхъ что ни есть лучшихъ докторовъ мы созвали, денегъ что прогѣчили, ничего лучше нѣтъ. Доктора говорятъ, что болѣзнь ея душевная, что не надо ей ни въ чемъ перечить (какой перечить! оба мы по ея дудкѣ пляшемъ, сами судите, одна дочь, какъ есть одна), что надо перемѣнить мѣсто, а она изъ Москвы не ѣдетъ. Что будешь дѣлать? На этихъ дняхъ ей стало еще хуже; вотъ вчера, моя голубушка, выбрала времечко пона матери не было въ комнатѣ, подозвала меня, обняла, да и говоритъ мнѣ: «Папенька, другъ вы мой, сдѣлайте для меня еще одно, это моя послѣдняя просьба; подите къ Федору Павловичу и скажите ему, что я хочу видѣть его. Чтобы онъ не боялся меня, не упрекать его хочу, да и не въ чемъ мнѣ упрекать его (такой ужъ она ангель, можно сказать), а хочу только видѣть его и сказать ему нѣсколько словъ на прощаніе. Вѣдь я съ нимъ тогда и не простилась, помните?» Я было туда сюда—куда! въ слезы: «не откажите», говорить. Ну вотъ я и пришелъ. Сами судите, чего мнѣ это стоить; въ мои лѣта не приходится бѣгать за молодыми людьми. Не откажите же, батюшка, сжальтесь надъ нами.

Иванъ Ивановичъ опять поклонился.

— Я готовъ идти, но если она такъ больна, то какъ бы свиданіе со мною на разстроило, не убило ея, сказалъ Федоръ Павловичъ съ участіемъ.

— Теперь ужъ поздно о ней заботиться, возразилъ Иванъ.

Ивановичъ съ смиренною горечью; — она и такъ убита, краше въ гробъ кладутъ, право такъ.

— Если вы не боитесь за нее, я иду; только благоразумно ли это? Къ тому же, какъ мнѣ ни тяжело, но я обязанъ сказать вамъ, что не имѣю ничего утѣшительнаго передать ей. Мнѣ ужасно видѣть ее, но я думаю въ эту минуту не о себѣ, а о ней одной.

Иванъ Ивановичъ развелъ руками и сказалъ:

— Нѣтъ, она не ожидаетъ никакихъ утѣшеній, а хочетъ проститься съ вами. Пойдемте, хуже не будетъ, не можетъ быть хуже.

Федоръ Павловичъ отправился съ Иваномъ Ивановичемъ, и оба они не вымолвили ни слова въ продолженіе всего перехода. Федоръ Павловичъ вошелъ въ небольшой деревянный домикъ пустынного переулка, и въ столовой увидѣлъ Пелагею Семеновну, которая сердито вязала чулокъ у окна. Она не взглянула на вошедшаго и едва отвѣтила на поклонъ его.

— Жена, скажи Юленькѣ, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Она вышла и скоро воротилась, говоря отрывисто и гнѣвно:

— Войдите.

Федоръ Павловичъ вошелъ въ другую комнату; сердце его билось, и онъ едва смѣлъ взглянуть передъ собою; въ углу, въ большомъ креслѣ, обложенная подушками, исхудалая и блѣдая, сидѣла Юлія. Она такъ измѣнилась, что казалась гораздо старше, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ; но лицо ея, однако, несмотря на худобу и блѣдность, было привлекательнѣе прежняго; уныніе и горе придали ему особенное выраженіе, а глаза ея казались глубже и умнѣе. Страніе наложило и на нее печать свою; оно сообщило ей свою нѣжную, томную красоту; самыя манеры ея, прежде застѣнчивыя или полныя дѣтской рѣзвости, были теперь тихи и плавны; слабость и упадокъ силъ сказывались въ ея позѣ, полной граціозной небрежности. Увидѣвъ Федора Павловича передъ собою, она поблѣднѣла: еще болѣе и откатнулась назадъ, на спинку кресла. Голова ея почти скатилась на плечо, но она скоро оправилась отъ этого перваго потрясенія. Федоръ Павловичъ былъ пораженъ ея видомъ, тихо подошелъ къ ней, взялъ ея руку, слабо сжалъ ее и смѣлъ подлѣ молодой дѣвушки.

Оба они молчали.

— Благодарю васъ, сказала она, собравшись съ силами, и

говоря тихо и медленно, — я знала, что вы придете, и не сомнѣвалась въ вашемъ сердцѣ. Сожалѣю, что вы не знаете моего.

— Какъ? сказалъ онъ, не понимая.

— Иначе какъ объяснить то, что вы не заглянули къ намъ, даже не провѣдали объ насъ? Не можетъ быть, чтобы вы ни разу не вспомнили обо мнѣ.

— Каждый день я думалъ объ васъ, но не смѣлъ показаться къ вамъ на глаза.

— Отчего же? сказала она. — Боже мой! какъ странно и жестоко созданы мужчины! Все это время, я много думала. Сперва я боялась, что вы не можете простить мнѣ моего поступка... моихъ словъ... когда я говорила съ нею. Но потомъ я разувѣрилась; вы должны были понять, что это былъ первый порывъ, горячка, отчаяніе, въ ту минуту, когда я узнала, что все мною потеряно. Не правда ли, вы поняли это?

Онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Неужели вы боитесь упрековъ? Я хотѣла видѣть васъ, чтобы разувѣрить васъ въ этомъ; нѣтъ, я не обвиняю васъ. Вы меня никогда не любили, я теперь знаю это, и поняла это тогда только, когда, помните ли? вы шли мимо окна моего, такіе веселые, счастливые. Я отказалась отъ моего счастья, но не отъ вашего, и хотѣла видѣть васъ, чтобы сказать вамъ это. Не укоры наполняютъ мое сердце, а искренняя къ вамъ привязанность и горячее желаніе вашего счастья.

Она протянула ему руку.

— Передъ вами сестра ваша, которую вы воспитали, которая обязана вамъ лучшими чувствами сердца, возможностью мыслить и понимать. Благодарность пережила любовь и замѣнитъ ее дружбой. Я вѣрю этому.

Онъ взялъ ея руку и молча покрылъ ее поцѣлуями. Она тихо освободила ее, но замѣтивъ кольцо на его мизинцѣ, взяла опять его руку и вертѣла задумчиво кольцо на его пальцѣ. Онъ не носилъ его прежде; слезы невольно навернулись на глазахъ ея, она подавила ихъ и сказала тише прежняго:

— Лицо ваше очень грустно; вы несчастливы?

— Мнѣ не время думать о себѣ, сказалъ онъ искренно, при мысли, что онъ, несчастный, погубилъ одну женщину и быть-можетъ погубитъ скоро другую, которая, Богъ вѣсть, перенесетъ ли бурю, ее ожидающую.

— Что жъ это значить? ужели я ошиблась, и она не любитъ васъ? Не можетъ быть, я не могла ошибиться!

— О нѣтъ, я долженъ жениться на дняхъ, произнесъ онъ глухо, боясь звука собственныхъ словъ и того впечатлѣнія, которое они произведутъ на нее, но считая долгомъ своимъ сказать ей правду, на которую она имѣла право. Только ему было такъ тяжело, такъ томительно, что каждая минута казалась ему часомъ.

При словѣ *жениться* блѣдныя губы Юліи слегка задрожали, но она имѣла мужество сказать ему чуть слышно:

— Богъ благослови васъ, Богъ благослови васъ... Она помолчала и прибавила прерывающимся голосомъ: — и ее!.. ту, которую вы любите.

Жертва была принесена вполнѣ, бѣдная дѣвушка заплакала, и плакала долго. Потомъ она отерла слезы и сказала ему:

— Я много думала и о ней; я многое поняла. Она не была виновата передо мною, она не знала ни о моемъ существованіи, ни о моихъ безумныхъ надеждахъ: Да еслибъ и знала,— я сужу по себѣ,— любовь сильнѣе воли и разсудка, и гдѣ женщина, которая добровольно уступить того, кого любить? Виновата не любимая, и права та, которая любима.

Эти послѣднія слова были сказаны съ особеннымъ, прозяющимъ чувствомъ горечи и отчаянной покорности судьбѣ.

— Я хотѣла только сказать вамъ, что ничего не имѣю противъ нея, и хочу, чтобы вы это знали. Если я сказала ей что-нибудь горькое или тяжелое, простите меня.

— Не будемте говорить о прошломъ, сказалъ онъ.— Это тяжело и вамъ и мнѣ.

— Ваша правда; общайте мнѣ, что изрѣдка будете вы навѣщать меня, и потомъ, когда я не буду здѣсь (эти слова были сказаны загадочно; говорила ли она о землѣ, которую надѣялась покинуть, или объ отъѣздѣ своемъ), вспомните обо мнѣ безъ смущенія, безъ тоски. Пока я здѣсь, не скрывайте отъ меня ничего, ни даже вашего счастья, не подавайтесь эгоистическому чувству. Я знаю, что вамъ тяжело видѣть меня, но это первое впечатлѣніе; оно пройдетъ, когда вы убѣдитесь, что я люблю васъ для васъ самихъ, что ваше счастье мнѣ дороже всего на свѣтѣ. И какъ только вы убѣдитесь въ этомъ, воспоминаніе обо мнѣ не будетъ вамъ непріятно. Скажите мнѣ, что оно не будетъ тяготить васъ, что вы не отгоните его отъ себя.

— Никогда! никогда! сказалъ онъ тронутый до глубины души, и понимая, что сердце бѣдной дѣвушки было неопѣнено, и что онъ, зная ее столько лѣтъ, вовсе не зналъ ее. Страданіе и любовь

развили ее совершенно, и передъ нимъ была женщина съ геройскимъ самоотверженіемъ. Онъ благоговѣлъ передъ нею, но не любилъ ее, и все любилъ другую. Таково сердце, не внимающее ни разуму, ни разсудку, прихотливое, какъ избалованная женщина, капризное, какъ ребенокъ, повинующееся тайнымъ неразгаданнымъ законамъ! Въ эту минуту Федоръ Павловичъ не разсуждалъ, а только чувствовалъ; несмотря на всѣ увѣренія Юліи, тайный укоръ совѣсти томилъ его, онъ хотѣлъ оставить ее и не смѣлъ; самый воздухъ ея комнаты казался ему тяжелымъ какъ свинецъ, каждый взглядъ его на нее пронзалъ его сердце. Она долго, долго глядѣла на него молча, погруженная въ какое-то созерцаніе, будто желая наглядѣться на него и изучить каждую черту лица его; наконецъ она опомнилась, опять протянула ему руку, и угадавъ, что происходило въ немъ, сказала ему:

— Прощайте. Пора.

Онъ склонился къ рукѣ ея; она положила другую руку свою на его голову и прошептала что-то такъ тихо, что онъ не слышалъ словъ ея, но угадалъ въ нихъ благословеніе любви. Слезы хлынули изъ глазъ его, и онъ не стыдился, даже не чувствовалъ ихъ. Оставивъ ее, онъ долго блуждалъ, безъ цѣли, по пустынь и темнымъ бульварамъ Москвы

Да, Юлія была глубоко несчастлива, но у ней были минуты свѣтлаго спокойствія, которое, какъ освѣжающая роса, сходило на ея безгрѣшную душу. А онъ? Онъ мучился, страдалъ, и не видалъ исхода; онъ ужъ не вѣрилъ ни во что и порою не желалъ ничего, будто струя счастья изсякла въ немъ. Онъ желалъ только спокойствія, котораго не находилъ даже и тогда, когда тревожный сонъ смыкалъ глаза его.

Недѣли черезъ двѣ, Федору Павловичу удалось наконецъ, хотя и съ великимъ трудомъ, устроить все для предположенной свадьбы. Онъ увѣдомилъ объ этомъ Татьяну и просилъ ее сказать ему, долженъ ли онъ пріѣхать за нею, или ждать ея. Татьяна боялась сценъ и предпочла послѣднее. Въ ней много накопилось въ эти послѣднія недѣли, и хотя она не имѣла никакихъ объясненій съ матерью, однако знала многое, и часто слышала, проходя мимо, грубые выходки своего степнаго родственника. Она не могла простить матери ея союзъ съ братомъ и сознавала, что ес-

либъ хотѣла, нашла бы, конечно, средства унять отставнаго кавалериста, у котораго на языкѣ были постоянно такія слова, что ни одна порядочная женщина не могла бы выносить ихъ. Самыя мѣткія, грубыя, застарѣлыя, пропитанныя помѣщичьимъ бытомъ, были невыносимы ей. И однако онъ жилъ въ ея домѣ и распоряжался въ немъ самовольно. Мало этого; тайна ея сердца слѣлалась извѣстна всей дворнѣ, и благодаря распоряженіямъ Дмитрія Никифоровича, каждый изъ ея лакеевъ вмѣшивался въ ея дѣла. Все это ежедневно раздражало Татьяну и помогло ей рѣшиться на послѣдній шагъ. Въ назначенный для свадьбы день, она встала раньше обыкновеннаго и принялась одѣваться съ помощію Маши: руки ея дрожали, и сама она была блѣдна какъ смерть. Было 9 часовъ утра; въ 11 она должна была, уже обвѣнчавшись, воротиться за дочерью, и не смотря на то, ей страшно было покинуть ее на эти два часа. Она не уясняла себѣ чувствъ своихъ; все было въ ней смутно, и сердце болѣло, какъ будто ей приходилось разставаться, а не соединиться навѣки съ тѣмъ, кого она любила. Она рѣшилась идти въ церковь и боялась собственнаго рѣшенія, какъ будто оно еще и не было принято ею. Въ эту самую критическую минуту княгиня вошла въ ея комнату; Татьяна обомлѣла и перемѣнилась въ лицѣ.

Княгиня давно все знала; ни одно дѣйствіе Федора Павловича не было для нея тайной; вѣроятно всѣ затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ, были дѣломъ княгини. Теперь она знала и то, что этотъ и слѣдующіе дни были назначены Татьяной для совершения брака, но не знала только гдѣ и въ какой церкви. Она вошла къ дочери, приготовившись къ жестокому, безпощадному бою, гдѣ всѣ средства позволительны; ей только надо было, по старому девизу рыцарей, *побѣдить или умереть*.

— Куда это ты, дитя мое? сказала она, видя, что шляпка Татьяны лежитъ на туалетѣ, а шуба подлѣ на стулѣ.

Татьяна не знала, что сказать, и рѣшилась рассердиться, чтобъ обойти вопросъ.

— Съ какихъ это поръ, сказала она, — я не могу распоряжаться въ собственномъ домѣ, не могу выйти погулять, не отдавая въ этомъ отчету?

— Ахъ, Таня! какая ты стала хитрая! и кого же ты обманываешь? родную мать, которая жила и живетъ только тобою. Ужели ты рѣшишься покинуть домъ тайно, безъ благословенія родительскаго, и не боишься, что это накличетъ на тебя несчастіе и гибель на всѣхъ, кого ты любишь?

Нельзя было попасть болѣе мѣтко въ тайную рану; Татьяна была суевѣрна, и содрогнулась, при словахъ матери.

— Маменька, сказала Татьяна, садясь въ кресло, вы сами сказали, что нельзя покидать домъ безъ благословенія родительскаго: стало-быть вы дадите мнѣ его?

Она встала и бросилась передъ ней на колѣни.

— Не откажите мнѣ въ немъ, не откажите въ эту минуту; вы все знаете, я не буду васъ обманывать: я выхожу замужъ.

— Несчастливая женщина! несчастная женщина! произнесла княгиня съ ужасомъ:—ты не подумала о послѣдствіяхъ и идешь, закрывъ глаза, прямо въ пропасть. Знаешь ли, что у тебя черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы не будетъ ни дочери, ни мужа? Если ты любишь, ты бы должна была подумать объ этомъ, спасти его отъ смерти, или что еще хуже, отъ позора.

— Я этому не вѣрю, сказала Татьяна довольно твердо:—отнять или не отнять дочь у матери, это мы увидимъ; что касается до него, онъ мужчина и сумѣетъ защитить себя и меня отъ новыхъ оскорбленій. Довольно я вынесла ихъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я разыгрываю въ собственномъ домѣ позорную роль невольницы.

— Таня, Таня! воскликнула княгиня, понявъ, что она ничего не выиграетъ, если раздраженіе дочери ея поддержится:—Таня, скажи мнѣ, что ты не опозоришь сѣдыхъ волосъ своей матери, матери, которая любила и лелѣяла тебя, ты не опозоришь своей дочери, своей миленькой, невинной дочери. Таня! сжался надъ нами и не клади на насъ клейма безчестія и срама.

И вся въ слезахъ, княгиня заключила дочь въ свои объятія.

— Маменька, маменька! восклицала Татьяна, задыхаясь:—я не могу.... я дала слово.... я должна....

— Слово! но развѣ слова матери, ея слезы, ея отчаяніе, не сильнѣ твоихъ обещаній? Гдѣ долгъ твой? Не тамъ ли онъ, гдѣ твоя мать, твоя дочь? Ты пожалѣешь, но поздно, о своемъ те-перешнемъ безуміи. Отверженная семьею, покинутая дочерью, которую научать презирать тебя, проклятая матерью... (я проклянута тебя, хотя бы мнѣ стоило это жизни, но долгъ мой выше всего) ты будешь жить одна и не вынесешь всего этого. Онъ одинъ не замѣнитъ тебѣ семьи, любви матери и дочери. Общественное мнѣніе заклемитъ тебя. Ты ли это? Лучше бы мнѣ видѣть тебя мертвою, чѣмъ покрытою позоромъ. Таня, откажись, откажись отъ него, и мое благословеніе будетъ всегда надъ тобою.

— Не мучьте меня, не терзайте! Я не могу отказаться от него! узнайте, что онъ... узнайте то, что должно было умереть со мною. Я заслужила презрѣніе всякой честной женщины и должна быть его женою... долгъ требуетъ этого, не одна любовь. Только такъ могу я заглядить проступокъ свой!

Татьяна закрыла пылавшее лицо свое руками и опустила въ кресла, уничтоженная жестокостію своего признанія. Княгиня не смутилась нисколько и не была поражена словами дочери; она рѣшилась не понимать ихъ и не вѣрить имъ.

— Ты не помнишь и не понимаешь, что говоришь, несчастное дитя мое, и я тебя не вѣрю. Я вижу, что страсть увлекаетъ тебя за предѣлы всякой возможности, и ты клеветашь на себя. Теперь только, слушая тебя, я понимаю, до чего довела тебя твоя несчастная любовь; можно ли выдумывать такіе ужасы, чтобы извинить свое безумное намѣреніе? Нѣтъ, я не пущу тебя, ты не въ своемъ умѣ и не выйдешь изъ этой комнаты.

— Прощайте, маменька, сказала Татьяна, вставая и чувствуя, что силы готовы оставить ее, если она не кончитъ однимъ разомъ борьбу.

— Нѣтъ, ты не выйдешь, сказала старая княгиня, бросаясь къ ней, — нѣтъ! ты не выйдешь.

Она сильно взялась за платье дочери и не выпускала его изъ рукъ, и потокъ словъ, то нѣжныхъ, то рѣзкихъ, потокъ просьбъ, моленій, укоровъ, сожалѣній о себѣ самой и ея покинутой, опозоренной старости, слезъ о бѣдной оставленной дѣвочкѣ, пронзили сердце Татьяны. Она однако силилась освободить платье свое изъ рукъ матери, которая, видя ея отчаянное сопротивленіе, вышла изъ себя и принялась громкимъ, отчаяннымъ голосомъ звать Маню.

— Тише, маменька, ради Бога тише! сказала Татьяна: — на ваши крики всѣ придутъ сюда; зачѣмъ же вы хотите слыть огласку.... сцену....

— Пусть придутъ! пусть придутъ! Пусть весь городъ узнаетъ позоръ мой! продолжала княгиня, играя роль испуганной: — пусть насмѣются надъ моею опозоренною старостію! Богъ наказалъ меня за мою гордость; да, я гордилась тобою, а теперь пусть придутъ и порадуется моему униженію. Маня! Маня! поди сюда, воскликнула старуха, взявъ на руки испуганную внучку, привлеченную ея воплями, — проси со мною мать свою, умолай ее на колѣняхъ не бросать насъ, меня старуху на старости лѣтъ, тебя

ребенка! Она хочетъ уѣхать, бросить насъ, мы никогда не увидимъ ея опять!

— Мама! мама! закричала испуганная дѣвочка, — не оставяй меня, другъ мой! и потокъ слезъ залилъ ея дѣтское личико, и она, вмѣстѣ съ бабкой, ухватилась за платье матери и не выпускала его изъ рукъ своихъ.

Татьяна въ эту минуту была похожа на статую отчаянія. Безъ словъ, безъ слезъ, блѣдная какъ смерть, она стояла вполону обратясь къ матери; одна нога ея ступила уже впередъ, но руки замерли на спинкѣ стула, на который она безсознательно опиралась. Она смотрѣла безсмысленно на мать и на дочь свою, и ея блуждавшіе глаза одни еще жили, во всей ея, будто окаменѣвшей, фигурѣ. Она уже не слыхала словъ матери, и смутно понимала, гдѣ она и чтѣ съ нею. Княгиня быстро сообразила все это и поняла, что еще толчокъ, еще ударъ, и дочь будетъ у ногъ ея безъ силъ и безъ дыханія. Она взяла Маню на руки и стала съ ней въ дверяхъ комнаты на колѣни, говоря:

— Пройди теперъ, если можешь и смѣешь!

Татьяна стремительно бросилась къ дверямъ, инстинктивно понимая, что ихъ заграждаютъ ей, но старая княгиня склонила свою сѣдую голову къ порогу и сказала сильно:

— Пройдешь не иначе, какъ по моему тѣлу, и ногами стопчешь мою сѣдую голову. Ну, чтѣ жъ? топчи! топчи ее!

Татьяна задрожала, нѣсколько разъ обернулась назадъ, закружилась на мѣстѣ, будто ища исхода, и вскрикнувъ, упала безъ памяти на полъ.

Княгиня встала, взглянула на дочь, и сказала поспѣшно, выглядывая за дверь:

— Войди, все кончено. Она безъ памяти.

— Такъ дѣло обошлось безъ меня? сказалъ ей братъ, и помогъ ей поднять Татьяну и положить ее въ постель.

— Это ничего, обморокъ, сказала княгиня спокойно и позвонила.

— За докторомъ, скорѣе, генеральшѣ дурно! воскликнула она, обращаясь къ Машѣ. «И останется Истоминой, и генеральшей», была тайная мысль ея, въ эту ужасную для всякой другой матери минуту. Татьяна пролежала въ постели болѣе мѣсяца, окруженная нѣжными попеченіями своихъ родныхъ.

А Федоръ Павловичъ? Онъ прождалъ Татьяну цѣлое утро и цѣлый день; ждалъ ее еще около трехъ дней, и понявъ, что силы ея не выдержали и оборвались въ неравной борьбѣ. Онъ ждалъ

письма отъ нея; но узнавъ о ея болѣзни, пересталъ надѣяться. Прошелъ мѣсяцъ, она не писала и не могла писать; силы ея физическія и нравственныя были уничтожены, она не умѣла думать и разучилась чувствовать, тая отъ болѣзни, развившейся вслѣдствіе жестокаго потрясенія. Доктора, не предвидя счастливаго исхода для болѣзни ея, послали ее за границу, куда повезли ее полумертвую, впавшую въ idiotизмъ маразма.

Однажды утромъ, Ѳедоръ Павловичъ зашелъ къ Юліи. Она обомлѣла увидѣвъ его, такъ измѣнился онъ. Ей пришлось мысленно сравнить себя съ нимъ, и признаться, что онъ, если судить по выраженію лица его и худобѣ впалыхъ щекъ, тяжеле чѣмъ она выносилъ свое испытаніе. Онъ понялъ взоръ ея, сверкавшій слезой участія, и сказалъ медленно:

— Да, да, вы видите, я все потерялъ.

— Она умерла! воскликнула Юлія.

— Да, для меня, сказалъ онъ, и прибавилъ:—уѣхала.

— Побѣзжайте за нею, сказала Юлія, — если вы любимы, вы ничего не потеряли. Скажите ей... но что говорить? пусть она только взглянетъ на васъ: лицо ваше все скажетъ ей, оно страшно!

— Никогда! сказалъ онъ сильно:—я ужъ стоилъ ей только что не жизни. Ее увезли полумертвую. Нѣтъ, намъ не надо было встрѣчаться. Она была слишкомъ слаба и нѣжна, а я слишкомъ гордъ. Я не хотѣлъ взять ее, а она не имѣла силы отдаться мнѣ. Это разлучило насъ и убило обоихъ. Все кончено.

Въ эту минуту Ѳедоръ Павловичъ забылъ, что онъ говоритъ съ Юліей, а Юлія умѣла забыть себя, слушая слова его, полныя тоски и отчаянія. Она молча сжала ему руку.

— Я ѣду завтра на Кавказъ, сказалъ онъ ей, — и пришелъ проститься съ вами; быть-можетъ бродячая жизнь, биваки, должность военнаго медика, размыкають мое горе. Я пришелъ проститься съ вами и благодарить васъ... Нѣтъ, не то... не благодарить, а сказать вамъ, что всю жизнь мою я буду любить воспоминаніе о васъ и о вашей преданной, нѣжной привязанности. Напишите ко мнѣ когда-нибудь; я чувствую, что вѣсть о васъ необходима мнѣ и одна можетъ пробудить во мнѣ сердечное чувство.

Онъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Евгенія Туръ.

ПОЧТОВАЯ СТАНЦІЯ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЧУДАКА

Говорятъ , что въ концѣ прошлаго столѣтія , когда хотѣли довершить воспитаніе молодаго человѣка , посылали его за границу . Чѣмъ посылать было за границу , лучше бѣ , по моему , отправить его на денекъ , на другой , на почтовую станцію : въ эти два дня онъ бы тамъ такіа диковинки увидалъ , такъ присмотрѣлся бы къ людямъ всѣхъ состояній и возрастовъ и столько приобрѣлъ бы опытности , что ея хватило бы ему на цѣлую жизнь . Въ самомъ дѣлѣ : начиная отъ знатнаго и богатаго вельможи до послѣдняго купчика и чиновника , посланнаго для самой мелкой полицейской обязанности , всѣ выходятъ на эту сцену , и выходятъ безъ котурна , безъ масокъ , безъ подмостковъ , но големъ , въ прирожденной простотѣ своихъ привычекъ , характера , ума и глупости... такъ , однимъ словомъ , какъ они вышли изъ рукъ матери природы . Увѣряю васъ , что два такіе дня , проведенные на станціи молодымъ человѣкомъ , будутъ ему полезнѣе сотенъ книгъ , сотенъ лекцій , цѣлыхъ годовъ , проведенныхъ въ столицахъ и городахъ , потому что разоблачатъ ему дѣйствительнаго человѣка , покажутъ ему язвы общественныя , и онъ , какъ въ зеркалѣ , увидить , что нужно дѣлать и чего не дѣлать , что гнусно и мерзко въ человѣкѣ , какъ индивидуумѣ , что дурно въ цѣломъ обществѣ , и что надобно преслѣдовать всею силою ума и воли . Проведя случайно день на станціи , я постараюсь передать вамъ , господа , ощущенія мои , передать , что

я видѣлъ и слышалъ, и какое произвело это на меня впечатлѣніе. Вотъ что въ былые годы дѣялось.

Бѣжалъ я по своей надобности изъ Змѣйгорода въ Малиновъ. Дѣло было осеннее; грязь такая, что ноги изъ нея не вытащишь, а ежели обувь плоха, али немного широковата, такъ пожалуй и въ грязи ее оставишь. Дѣлцо было у меня въ Малиновѣ; имѣньишко досталось; такъ вздумали его у меня оспаривать и завели тяжбу. Наше дѣло чиновничье, небогатое. Извѣстно, ѣдешь на парочкѣ, такъ на тебя писаря на станціи не больно смотреть, а старосты и ямщики такъ просто ругательски-ругаются: «Зачѣмъ-де такая шваль по дорогамъ-то таскается, да лошадей забираетъ!» Оно хоть и оскорбительно такія слова слышать, да вѣдь дѣлать — то нечего... Не то что это, и похуже что выслушаешь, да ничего не возьмешь: «Не тебѣ, говоритъ, лошади!.. что привязываешься-то?..» ну съ тѣмъ и отъѣдешь. Извѣстное дѣло, бѣдному человѣку житье плохое... И за деньги-то служатъ тебѣ такъ, что не смотрѣлъ бы... Вѣдь, кажется, тѣ же деньги плачу, что и богатый, иной разъ еще больше передашь, все хочется получше какъ-нибудь, а вмѣсто этого тебѣ брань одна, да позоръ всякій... Иной пріѣдетъ въ каретѣ или коляскѣ, накричитъ, на шумитъ, наругается волю, ничего и смотрителю-то не дастъ; а все его провожаютъ съ поклонами, да съ почестью... а нашъ братъ и за смазку дастъ, и ямщику на водку отпустить, и смотрителя подчасъ убоготорить... а все не въ честь. Закладываютъ, словно черезъ пень колоду валать... а смотритель ходитъ себѣ взадъ и впередъ сложа руки, и подорожную не прописываетъ... все какъ будто поджидаетъ, не подѣдетъ ли кто, чтобы ему лошадей отдать, а тебя на бобахъ оставить.

Ну вотъ бѣжалъ я давнымъ-давно въ Малиновъ и подѣзжаю къ станціи. Наступалъ вечеръ; опустились сумерки; мелкій дождь какъ изъ сита сѣялся на землю, на которой грязь, какъ черное мутное озеро, такъ и тянула въ себя проѣзжихъ... Что это за грязь такая, Господи Боже мой! Хлюпаегъ, къ колесамъ пристаегъ, такъ что плохо по пяти пудовъ на всякомъ колесѣ ея прилипнетъ, да только иверни летятъ такіе, что въ подъемъ человѣку. Лошади бѣдныя, такъ ужъ и не знаю, какъ ихъ достать!.. Инда хрипятъ, голубушки, а ямщику дѣла до этого вѣтъ: онъ закурилъ себѣ носогрѣйку, да знай кнутомъ наяриваетъ, и все норовитъ подъ животь, такъ что даже сердце надрывается глядя. Пѣшкомъ человѣку пройти нельзя, а тутъ экипажъ тани,

какой онъ тамъ ни есть; кибитчонка, хоть и не мудрая, а все съ поклажишкой пудовъ подъ тридцать наберется. Каково это тянуть-то, когда на дворъ, по пословицѣ, хорошій хозяинъ собаку не выгонитъ... и тянуть безъ корму, потому что у разбитнаго ямщика, лошади, кромѣ вкута да пинковъ, рѣдко что достается, а все на томъ основаніи, что лошадь не его, а хозяйская, то-есть, содержателява. А чужую лошадь что наблюдать? Собака ее ѣшь! околѣеть, другую дадутъ. Такъ есть изъ чего и хлопотать; сойдесть и такъ.

Всѣми неправдами дотащился я до станціи, слѣзъ съ кибиточки, да бухъ... и утонулъ въ грязи... Бился, бился, чтобы только вылѣзти... дѣло не молодое; а староста съ ямщиками на крылецъ вышли, да посмѣиваются, глядя, какъ я барахтаюсь въ грязи... Взяло меня зло. Говорю: «Чѣмъ зубы-то скалить, лучше бы старику пособили выбратъся... али накидали бы чего, чтобы не было такой ямы.» А они въ отвѣтъ: «Много васъ тутъ ѣздитъ! Всякаго вытаскивать, такъ пожалуй въ годъ изчахнешь. Самъ попалъ, самъ и вылѣзай... Мы день-деньской въ этой грязи мѣсимъ, да насъ никто не вытаскиваетъ... сами выходимъ... выходи и ты... не велика штука... не въ каретѣ, четверкой подѣхаль. Дай двугривенный, такъ вытащимъ изъ грязи и дощечку подстелемъ... а не дашь, такъ и сиди въ грязи, пока другой не подѣдетъ, да совсѣмъ не затопчетъ...» А сами помираютъ со смѣху...

Бился, бился я, наконецъ вылѣзъ. Взошелъ на крыльцо, спрашиваю: «Гдѣ смотритель?» — А кто его знаетъ? говорятъ: должно быть дома. Я въ горницу; походилъ, походилъ, нѣтъ смотрителя. Вышелъ опять на крылецъ, говорю: «Гдѣ же, братцы, смотритель..? въ горницѣ его нѣтъ, а подорожную прописать надо.» — Да мы-то почему знаемъ? говорятъ: развѣ мы за нимъ ходимъ!.. Небось на село улизнулъ, али къ Матренкѣ... Пожди, придетъ.

— Да какъ же ждать-то говорю, — мое дѣло спѣшное... Къ сроку не прїѣдешь, пожалуй искъ потеряешь... а тутъ все мое богатство заключается, въ этомъ искѣ.

— Это не наше дѣло, говорятъ, — наше дѣло: велятъ закладывать, такъ заложимъ; а не велятъ, такъ намъ хоть цѣлый день на станціи сиди... намъ-то что?

— Да помируйте, братцы, сказалъ я: — гдѣ же проѣзжому смотрителя отыскивать? сами разсудите. Проѣзжій прїѣхаль, смотритель долженъ его встрѣтить и съ честію отпустить, коли

лошади есть; а тутъ не то что лошадей, и самого-то зрителя не найдешь. Это не порядки, братцы. За это въ отвѣтъ попасть можете.

— Да что ты къ намъ присталь-то? отвѣчалъ одинъ старикъ съ рыжей бородой и въ изорванномъ полушубкѣ. — Мы развѣ этому дѣлу причинны что-ли? Чтوبъ лошадей давать, на то зритель есть, а куда онъ ушелъ, мы развѣ обязаны знать? Чудной ты баринъ, подумаешь... Ищи зрителя самъ... Это не наше дѣло... Развѣ мы здѣсь для этого?

— Да гдѣ жъ я его найду? отвѣчалъ я. — Я вашихъ мѣстовъ не знаю, а вы здѣсь всегда; знаете, куда онъ ходитъ и зачѣмъ, такъ вамъ шута отыскать-то его.

— Негдѣ намъ искать! отвѣчалъ нехотя и сквозь зубы молодой извозчикъ, глядя въ противоположную сторону.

— А я-то гдѣ искать его буду? спросилъ я опять.

— А намъ-то что? Погоди, придетъ.

Сколько я ни просилъ, сколько ни кланялся, ничто не помогало. Ни одинъ не тронулся съ мѣста. Одинъ хлесталъ кнутомъ по сапогу, другой то и дѣло запахивался армякомъ, третій давалъ щелчки периламъ; всѣ молчали, иные посвистывали, но ни-гугу.

Надобно мнѣ это; говорю: «гдѣ староста?»

— А на что тебѣ старосту?

— А на то старосту, что ежели нѣтъ зрителя, такъ онъ долженъ прописать подорожную.

— Онъ и грамотъ-то не знаетъ, какъ же онъ ее пропишетъ? Да и не его дѣло. Гдѣ зритель есть, развѣ тамъ старостѣ распорядиться можно? За это такихъ труховъ надаютъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь!

— Коли ужъ никто подорожной прописывать не хочетъ, такъ велите мнѣ такъ запрягать лошадей. Мнѣ крайность, говорятъ вамъ.

Толпа разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Запрягать? закричалъ весело одинъ чернобровый ящикъ: — да развѣ безъ прописки подорожной лошадей запрягаютъ? Экъ ты, баринъ, что выдумалъ! Да на насъ двѣ головы что ли? Велитъ зритель запрягать, запряжемъ. Ванька! твой чередъ что ли?

— Не мой, Липаткинъ.

— Врешь ты, собачій сынъ! закричалъ Липатка: — развѣ я не возилъ штафету, а?

— Такъ что жъ что возилъ?

— А то, что я возилъ даромъ и придачи ничего не взялъ; такъ за это чередъ зачестъ надо.

— Ишь ты ловокъ сталъ! Чортъ тебѣ велѣлъ штафету-то возить, коли не твой чередъ былъ!

— Не чортъ велѣлъ, а смотритель велѣлъ.

— А смотритель велѣлъ, такъ съ него и спрашивай. Мнѣ-то что? Я знаю, что чередъ тебѣ, и больше ничего знать не хочу.

— Ты небось шестерка дожидаеться?

— Шестерка! А тебѣ что за дѣло, чего я дожидуюсь? Шестерка, такъ шестерка. Не хуже тебя отвеземъ, небось.

— Чего не хуже! пожалуй лучше еще. У тебя на тройку-то навозъ развѣ только возить!

— Чортъ съ тобой и съ нею, и съ тройкой-то! Небось чалая у тебя хороша?

— Ужь хороша ли, дурна ли, а какъ понадобится подъ кульера, такъ небось не твоихъ одровъ запрягаютъ, а моихъ все.

— Когда ты кульеровъ-то возилъ?

— Какъ когда? А намнясь ты возилъ что ль?

— Да-бишь, забылъ! Еще онъ тебѣ бока-то нагайкой нахлесталъ... да смотри, пристолетомъ еще не съзидилъ ли по мордѣ? Ты что-то весель прѣѣхалъ...

Дождь продолжалъ все лить. Густая грязь начала превращаться въ жидкую. Потянулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Ямщики одинъ по одному начали убираться съ крыльца, а я все стоялъ и не зналъ что мнѣ дѣлать. Наконецъ, когда совѣмъ смерклось, ушелъ куда-то и староста, все что-то возившійся въ горницѣ, и на всѣ слова мои или вовсе не отвѣчавшій, или отвѣчавшій односложными «да» и «нѣтъ». Наступила совершенная темнота. Куда идти? кого спрашивать? Сквозь щели рамъ и мѣстами разбитыя и замазанныя бумагой стекла гудѣлъ уныло вѣтеръ; дождь стучалъ въ оконницы; кругомъ тишина, какъ въ могилѣ. Мнѣ стало неловко, чтобы не сказать страшно; я боялся сойти съ мѣста; не зная куда направиться, окруженный этимъ мракомъ и этою непроходимую грязью, я стоялъ въ грустномъ раздумьѣ. Потомъ процессъ мой пришелъ мнѣ въ голову: я зналъ, что дѣло рѣшено не въ мою пользу, что срокъ объявленія неудовольствія проходить; не явись я къ сроку, рѣшеніе вступить въ законную силу, и тогда все потеряно! Поѣхалъ бы я и раньше, но меня не пускали по службѣ; вмѣсто мѣсяца, какъ это обыкновенно бываетъ, губернское правленіе отпускъ мнѣ прислало черезъ три, а почему, неизвѣстно. Кто знаетъ? можетъ, задержалъ секретарь,

съ которымъ мы однажды поспорили, когда еще вмѣстѣ сидѣли писцами въ консисторіи; можетъ, загулялъ совѣтникъ, и подписать паспорта некому было: онъ, говорятъ, иногда зашибается. Да я-то виноватъ ли въ этомъ? Виноватъ ли я, что сижу на станціи, хотя у меня подорожная въ карманѣ, и не знаю гдѣ найти смотрителя, который велѣлъ бы дать мнѣ лошадей? Господи Боже мой! Плохо жить бѣдному на свѣтѣ! Пріѣзжай я въ коляскѣ четверней, и смотритель напелся бы тотчасъ, и староста суется бы около экипажа, и лошадей давно бы ужъ запрягли; а теперь одинъ, въ темнотѣ, не знаю ни куда идти, ни что дѣлать... О...о...охъ! плохо бѣдняку жить на свѣтѣ!

Пока я находился въ этихъ размышленіяхъ, послышалось шлепанье грязи. Кто-то шелъ, насвистывая и распѣвая, замѣтно, въ веселомъ расположении духа. Я ожилъ. Видно, наступилъ конецъ моему страданію, подумалъ я; видно, Богъ сжалился надъ сиротствомъ моимъ, надъ моимъ безпомощнымъ положеніемъ. Весело вытасилъ я подорожную, и держалъ еѣ въ рукахъ, ожидая, вотъ-вотъ войдетъ смотритель, извинится въ незаконной отлучкѣ, и велитъ дать лошадей. Шлепанье приближалось; наконецъ послышались шаги на крыльцѣ, и хриплый голосъ закричалъ:

— Эй! посвѣти сюда, Митрошка!

Но видя, что никто не двигается и никто не свѣтитъ, голосъ закричалъ грозно:

— Митрошка! староста! эй! куда ты дѣлся, собачій сынъ? Ишь теметь какая! Задамъ же я тебѣ трезвону, погоди!

И, тихо ругаясь, ощупью шелъ кто-то впередъ, пока не наткнулся на меня.

Ощупавъ платье и руку, которую я ему протягивалъ, онъ закричалъ благимъ матомъ: «чуръ меня, чуръ меня, окаянный!» и стремглавъ бросился вонъ. Сколько я ни кричалъ ему вслѣдъ, что я не окаянный, а прѣзжій, ожидающійся его прихода, чтобы получить лошадей, испуганный смотритель не слушалъ ничего; только шлепанье грязи показывало быстроту его бѣга, да охрипелое дыханіе, излетавшее съ какимъ-то свистомъ изъ груди, изобличало и напряженіе, съ какимъ онъ бѣжалъ, и степень испуга, какой онъ долженъ былъ испытывать.

Надежда на скорый отъѣздъ рушилась съ этимъ бѣгствомъ. Окруженный страшною темнотою и мертвою тишиною, я съ ужасомъ слушалъ унылый стукъ маятника, вой вѣтра, хлестанье дождя, отдаленный лай собакъ... и не зналъ на что рѣшиться. Долго ли стоялъ я въ такомъ положеніи, не знаю:

отдаленный говоръ вывелъ меня изъ моего отчаяннаго забытья... Это былъ староста съ однимъ изъ ямщиковъ, несшій въ фонарѣ огонь. Когда они подошли къ станціи, одиноко стоявшей въ полѣ, и свѣтъ огня далъ мнѣ возможность различать предметы, я обрадовался этому огню какъ избавителю. Позабывъ зло свое на старосту, я готовъ былъ обнимать его теперь за принесенный огонь, какъ за какое-нибудь благодѣяніе. Чувства права даже и въ поминѣ у меня не было. Какое ужъ тутъ право, когда дѣло идетъ о самосохраненіи? Я позабылъ и о лошадяхъ, и о подорожной, и о цѣли своей поѣздки. Мнѣ казалось, что съ приходомъ этихъ двухъ живыхъ существъ я былъ возвращенъ міру, обществу, людямъ, послѣ безконечнаго одиночества какового-нибудь заточенія... Конечно это наслажденіе было не продолжительно. Когда свѣчка была зажжена и поставлена на столѣ пассажирской комнаты, въ которой объявленія, чицно висѣвшія въ рамкахъ, скоро напомнили мнѣ, гдѣ я и зачѣмъ здѣсь,—я воротился къ мысли: ѣхать, ѣхать. Староста поставилъ свѣчку, хотѣлъ было идти; но я, боясь опять остаться одинъ, остановилъ его.

— Скоро ли же мнѣ лошадей дадите? спросилъ я.

— Это не наше дѣло, а смотрительское, отвѣчалъ онъ. — Только врядъ ли лошади-то есть...

— Да развѣ ты не староста?

— Староста.

— Такъ, какъ же тебѣ не знать, есть ли лошади, или нѣтъ?

— Говорю, не наше дѣло, а смотрителево. Онъ придетъ и дастъ вамъ толкъ, есть ли лошади, или нѣтъ.

— Да вѣдь онъ есть у васъ въ конюшнѣ.

— Въ конюшнѣ? У насъ и конюшни-то нѣтъ. Какая тутъ конюшня? Они стоятъ у хозяевъ по дворамъ. Кому чередъ, тотъ и подастъ.

— Какъ по дворамъ? Вѣрно вѣдь лошадей на станціонныхъ дворахъ имѣтъ.

— Опять-таки это не наше дѣло; про это знаетъ смотритель. Тамъ по книгѣ увидите, есть ли лошади или нѣтъ.

— А гдѣ книга?

— А Богъ ее знаетъ! Должно-быть смотритель куда-нибудь заложилъ.

— Да гдѣжь онъ-то, скажите конецъ?

— А вотъ сейчасъ придетъ. Должно-быть, на деревню отлучился.

— Я здѣсь больше часа. Долго ли вы меня мучить будете?

— Это, батюшка, не отъ насъ; мы люди подкомандные; намъ что велятъ, то мы и сдѣлаемъ. Я бы и радъ радостью тебѣ лошадей дать...

Пока происходили эти разговоры, на крыльцѣ снова раздался топотъ походки; дверь немножко отворилась, и изъ-за нея показался сперва носъ, потомъ голова, начинавшая осматривать комнату съ особеннымъ вниманіемъ... Видя, что въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ насъ двухъ, голова растворила дверь побольше, и передо мною предстала довольно большая и плотная личность, въ черномъ демикотоновомъ сюртукѣ, съ курчавыми черными волосами и такими же глазами, крѣпко напоминавшими южные типы.

— А что здѣсь никого не было? спросилъ онъ старосту.

— Никого! Вотъ его благородіе лошадей дожидается, такъ...

— Не объ его благородіи толкъ. Не было ли здѣсь еще кого-нибудь?

Староста вопросительно смотрѣлъ на смотрителя и не зналъ, что отвѣчать.

— Никого, кажись.

— То-то кажись. Ты куда уходилъ? Сколько разъ говорено было, чтобы со станціи не отлучаться ни на шагъ!

— Да я все здѣсь былъ, Антонъ Ивановичъ; только за огнемъ сходилъ на минутку.

— Сказано отлучаться не долженъ. Я сюда пришелъ было... здѣсь, въ этой комнатѣ, стояло что-то чудное такое... человекъ не человекъ, весь въ шерсти, мохнатый, глаза, какъ уголья... да какъ бросится на меня, такъ я и свѣту божьяго не взвидѣлъ. Насилу ушелъ отъ него. Онъ гнался за мной до перваго двора.

— Наше мѣсто свято!.. твердилъ староста крестьясь.—Что это вы, Антонъ Ивановичъ?.. Неужели вправду?

— Да какъ же не вправду?.. Говорю тебѣ, насилу ушелъ! побоялся одинъ назадъ идти, взялъ съ собой провожатыхъ. А ты ничего не видалъ?

— Его благородіе подѣхалъ, такъ я только за огнемъ сходилъ... Эка штука, подумаешь! А я здѣсь одинъ по ночамъ остаюсь... Господи! экая страсть... не даромъ я часто слышу, словно хохочетъ кто-то... Должно-быть домовою тѣшитя.

Эти разсужденія староста бормоталъ въ полголоса, убирая немного комнату. Объяснивъ старостѣ причину своего ужаса,

котораго я былъ невинною причиною, смотритель обратился ко мнѣ :

— Вы лошадокъ изволите спрашивать?

— Да, отвѣчалъ я, — вотъ подорожная. Болѣе часа дожидаюсь я здѣсь вашего прихода. Развѣ можно такъ дѣлать?

— А что жъ такое? Я вамъ докладываю, что лошадей нѣтъ, такъ значить и во мнѣ нѣтъ силы.

Съ этимъ словомъ смотритель посмотрѣлъ мою подорожную, вѣроятно, для того, чтобы знать, смотря по состоянію, званію и чину, какъ говорить со мной. По прочтеніи подорожной, онъ видимо измѣнился въ своемъ обращеніи со мною. Что-то небрежное и дерзкое мгновенно проявилось въ движеніяхъ, голосѣ, словахъ и выраженіяхъ.

— До которыхъ же перѣ стоять мнѣ?

— Да какъ случится. Развѣ это опредѣлить можно? Часиковъ шесть, семь, а пожалуй и больше...

— Отчего же такъ долго?

— Да оттого долго, что разгонъ великъ. Вольно жъ вамъ въ почтовый день выѣзжать.

— Неужели нѣтъ ни одной тройки?..

— Не то тройки, лошади одной нѣтъ, вотъ какъ! Вы какъ платите? на тройку, или на пару?

— На пару. У меня поклажи никакой нѣтъ. Кромѣ этого узелка нѣтъ ничего.

— А платите на пару, такъ долго вамъ дожидаться придется. Получше васъ ѣздить, такъ и тѣ ждуть.

— Кто раньше пріѣхалъ, тому и лошадей давать надо.

— Какъ не такъ! кто вамъ это сказалъ? Дадутъ лошадей тому, кому я захочу.

— Да вы не имѣете права захотѣть дать лошадей тому, кто пріѣхалъ послѣ.

— Это ужъ мое дѣло, а не ваше. Пріѣдетъ по казенной надобности, такъ не то чтобъ запрягъ впередъ вашего, изъ вашего экипажа отпрягу, да запрегу ему... вотъ что!

Раздался звонъ колокольчика. Смотритель оправился, обдернулъ бѣлый жилетъ пике, который нѣсколько вздернулся на подроставшемъ брюшкѣ, взглянулъ мимоходомъ въ зеркало, переставилъ неизвѣстно для чего свѣчку съ одного мѣста на другое, потомъ перешелъ въ другую комнату, вытащилъ откуда-то книгу и принялся разсматривать ее; замѣтно было, что онъ

позировалъ, хотѣлъ казаться занятымъ и внимательнымъ къ своей обязанности...

Когда дверь отворилась, въ комнату ввалилась огромная и толстая фигура, въ серебряныхъ очкахъ и сѣрой шинели, которую она тотчасъ сбросила на диванъ и осталась въ неукоризненномъ пальто изъ легкой матеріи и таковыхъ же нижнихъ. Фигура вошла задыхаясь отъ чрезмѣрной толщины, но тѣмъ не менѣе гордо поднявъ голову, съ чувствомъ собственнаго достоинства, небрежно бросила подорожную смотрителю, который поймалъ ее чуть не на лету, и тотчасъ закричала:

— Ванька! Ванька! Куда жъ ты, подлець, дѣлся?.. Али не знаешь, что мнѣ сигару нужно?..

На этотъ крикъ вбѣжалъ Ванька, малый лѣтъ тридцати, съ огромными свѣтлорусыми усами, худой, небритый, въ длинномъ суконномъ пальто, явно надѣтомъ съ плечъ барина, потому что былъ сильно широковатъ, и въ коротенькомъ полушубкѣ сверхъ пальто, чтò придавало ему чрезвычайно смѣшной видъ. Бѣдный Ванька кидался изъ стороны въ сторону, отыскивая сигарочницу, которую вѣроятно баринъ самъ засунулъ куда-нибудь, ибо ее въ обычномъ мѣстѣ, то-есть, въ карманѣ сѣрой шинели, не оказалось, а потомъ выскочилъ вонъ изъ горницы. Толстая фигура успѣла между тѣмъ уѣсться, сложила руки на своемъ огромномъ брюхѣ, и смотря на Ваньку, повторяла въ полголоса:

— Ахъ подлець, ахъ разбойникъ! Дрыхнуть бы только, никакой заботы о баринѣ нѣтъ! баринъ хоть околѣй, это ему ни почемъ...

Принеся сигарочницу, которую онъ, по его словамъ, нашелъ на полу тарантаса, вѣроятно выроненную во свѣ самимъ толстякомъ, Ванька долженъ былъ выслушать цѣлую нотацію, какъ онъ, хамская его душа, никакой заботы о барскомъ спокойствіи не имѣетъ; что ежели онъ, Ванька, промокъ до костей, то это не его, Александра Семеновича, вина, что это ужъ видно такъ Богу угодно, чтобы дождикъ шелъ, что ежели его, Ваньку, знобитъ и ломаетъ, то это пройдетъ, когда пріѣдутъ домой, и заключилъ монологъ свой слѣдующими словами:

— Ну, что ты рожу-то дуешь? Али ты думаешь, что я на твои рожи смотрѣть стану!.. Подай платокъ!

Платокъ лежалъ на другомъ столѣ, и чтобы взять его, толстакъ только стоило протянуть руку. Онъ не протянулъ ее однако и дождался, что платокъ подастъ ему Ванька.

Тутъ только, когда онъ остановился неподвижно передъ баринѣмъ, замѣтилъ я, что Ванька дрожалъ всѣмъ тѣломъ, что полушубокъ его—вѣроятно единственная верхняя одежда, которую онъ имѣлъ—былъ смоченъ дотого, что имѣлъ видъ киселя, и съ его лохмотьевъ капала вода. Лицо Ваньки съежилось и посинѣло, глаза горѣли; надо было думать, что его била лихорадка.

Толстякъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ читать ему мораль, повторяя: «Ты свинья, и больше ничего... Никакой заботы о барскомъ спокойствіи нѣтъ! Принеси подушку...»

Ванька принесъ ему пуховую подушку, и толстякъ развалился на диванѣ. Воспользовавшись этимъ, Ванька юркнулъ вонъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы нѣсколько пообогрѣться на печи... Но не прошло и трехъ минутъ, какъ толстякъ кричалъ снова:—Ванька! Ванька, подлецъ! Ванька! переходя къ самому сильному *crescendo* и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ.

Когда Ванька, успѣвшій стащить съ себя киселевидный полушубокъ, вошелъ въ комнату, толстякъ приказалъ поправить себѣ подушку и спросилъ:

— Дождикъ идетъ?

— Идетъ-съ!

— А что грязна будетъ эта станція?

— Не знаю-съ.

— Чтò жъ не спросилъ?.. Только объ себѣ думаешь, да дрыхнешь. Нѣтъ подумать, что баринъ торопится, что баринъ неравно спросить... Тебѣ все равно! Жрать бы только, да дрыхнуть. Закладываютъ ли лошадей?

— Нѣтъ еще-съ.

— Почему жъ нѣтъ? Чтò жъ ты не заботишься? Эй, смотритель! Почему лошадей не закладываютъ? а?

— Лошадей нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ смотритель, вѣроятно привыкнувшій къ подобнымъ сценамъ, и потому смотрѣвшій на нее равнодушно.

— Лошадей нѣтъ? какъ лошадей нѣтъ? Чтò жъ ты не сказалъ о сѣ пору!.. И задыхаясь отъ гнѣва, онъ силился встать; но толстое чрево мѣшало ему дотого, что онъ болталъ ногами на воздухъ и бился на мѣстѣ, не въ силахъ будучи подняться, хрипя изо всѣхъ силъ и кашляя, чтò еще прибавляло ему гнѣва. Ванька помогъ ему подняться.

Поднявшись и распрямившись во всю вышину свою, толстякъ хрипѣлъ дотого, что можно было опасаться, какъ бы не хватилъ его

параличь. Лицо его изъ багроваго превратилось въ синее. Онъ искалъ около себя руками, и я долго не могъ понять, чего ищетъ онъ, пока наконецъ не увидалъ у него въ рукахъ коротенькую, но чрезвычайно толстую ременную плеть, съ пулькой на концѣ. Вооружившись этимъ неоспоримымъ доказательствомъ правоты своей, онъ пошелъ войною на зрителя, болѣе хрипя отъ бѣшенства, нежели говоря:

— А! у тебя лошадей нѣтъ! Для меня лошадей нѣтъ! Вздорь! Лошадей сейчасъ, слышишь! сию минуту, иначе я тебѣ всѣ кости переломлю... слышишь, а? слышишь!.. тебя запрягу, а ужъ поѣду...

Зритель, который, какъ вы могли видѣть изъ предшествовавшаго разказа, былъ не изъ храбрыхъ, укрылся за столъ и оттуда, вооружившись книгою, умоляющимъ голосомъ говорилъ:

— Помилуйте, ваше высокородіе! Помилосердуйте... ей Богу нѣтъ лошадей... одни курьерскіе остались... извольте въ книгу взглянуть сами, коли не вѣрите...

— Книгу!.. Знаю я вашу книгу... не видалъ я, какъ вы записываете небывалыя подорожныя... али и запишите ее, да лошадей не дайте... Алтыны собирать... вотъ что вамъ нужно... Говорю тебѣ, чтобы сейчасъ лошади были!.. а то...

— Вольныхъ, ваше высокородіе, не пожелаете ли нанять... ежели прикажете... я сейчасъ...

— Вольныхъ! а! Это вы любите! чтобы слупить четверные прогоны... Не вольныхъ, а по подорожной давай... Живъ не буду, ежели не поѣду по подорожной... Слышишь...

Зритель видя, что отъ этого господина не отдѣлаешься, и что онъ еще чего добраго и дѣйствительно отваяетъ нагайкой, юркнулъ въ дверь и не болѣе, какъ черезъ минуту, явился съ извѣстіемъ, что лошадей закладываютъ.

Это не совсѣмъ успокоило толстяка, все еще повторявшаго въ полголоса: «мошенники! алтынники... плетью васъ надо...» забывая, что за побои можно нажать очень непріятную исторію... Впрочемъ когда толстякъ узналъ отъ своего чловѣка, котораго онъ послалъ повѣрить справедливость словъ зрителя, что лошадей дѣйствительно закладываютъ, онъ утихъ, и хрипѣніе его улеглось, какъ морскіе валы послѣ бури.

Продолжительно было одѣваніе его. Долго кричалъ онъ: подай то, подай другое, долго читалъ мораль трясемуся отъ лихорадки Ванькѣ въ киселевидномъ полушубкѣ, приправляя рѣчь

свою словами: подлець и скотина, и безпрестанно напоминая, что онъ только жрать и дрыгнуть способенъ, и что никакой заботы не имѣть о барскомъ спокойствіи. Наконецъ онъ уѣхалъ, крехтя, пыhta, ругаясь и называя всѣхъ поддѣцами и мошенниками, и зашптивъ прогоны на пару.

Когда онъ уѣхалъ, я обратился къ смотрителю:

— Развѣ онъ по казенной надобности проѣзжаетъ?

— Нѣтъ, по собственной, чтобъ черти его взяли.

— Да какъ же вы лошадей ему дали, коли у васъ не было?

— Такъ что жъ, по вашему, надо было дожидаться, чтобъ онъ меня нагайкой стѣздилъ?

— Такъ значить, чтобъ лошадей получать на станціяхъ надо по ихнему дѣйствовать?

— Да что вы ко мнѣ пристали, какъ банный листъ...

— А то присталъ, что я пріѣхалъ прежде, и что долженъ былъ получить лошадей, а вы отдали ихъ этому господину.

— Это ужъ мое дѣло... Онъ, знаете ли, кто? коллежскій совѣтникъ и кавалеръ... а вы... губернский секретарь только...

— Да развѣ ваше дѣло разбирать чины? вы должны давать лошадей тому, кто пріѣдетъ прежде.

— Слыхалъ я эту пѣсню-то. Эдакъ безъ разбору давать-то, такъ пожалуй безъ хлѣба насидишься... Знаемъ мы...

— Такъ велите же мнѣ лошадей запрягать.

— Говорятъ вамъ, нѣтъ лошадей.

— Вы мнѣ говорили это и до пріѣзда этого господина; а какъ онъ пріѣхалъ, такъ и лошади нашлись.

— Я ему изъ собственныхъ заложилъ.

— Изъ какихъ собственныхъ?

— Ну, изъ собственныхъ, что у насъ остается отъ разгона.

— Такъ и мнѣ велите заложить изъ собственныхъ, коли казенныхъ нѣтъ.

— Конечно! дурака нашли... Вы думаете, что я для всякаго такъ и стану душой кривить. Было бы изъ чего. А какъ отъ проѣзжаго, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока, такъ изъ чего хлопотать-то...

— Значить, кто больше дастъ...

— А какъ бы вы думали? Да мы къ вамъ въ крѣпостные что ли пошли, чтобъ и ночи не спать, и день-деньской сидѣть на вытяжку? Будетъ и того, что мы для нужныхъ людей спроворимъ такъ, что лошади будутъ.

— Ежели у васъ есть собственныя, такъ, конечно, вамъ есть возможность удовлетворить нужныхъ людей.

— Собственныя! какія къ чорту собственныя, это такъ только говорится. Тѣ же казенныя, только въ книгу не записаны. Найдется какой дуракъ, найметъ вольныхъ, на вольныхъ его и отпустишь, а подорожную его все-таки запишешь въ книгу, число лошадей выставишь, а нъ его лошади у насъ по книгѣ-то и въ барышахъ... ихъ и отпускаешь кому нужно.

— Да вѣдь о томъ, кто ѣдетъ на вольныхъ, вы должны отмѣтить въ книгѣ, что на вольныхъ поѣхалъ.

— А что я за дуракъ, чтобъ отмѣчать это? По нашему, чѣмъ больше лошадей въ расходѣ, тѣмъ лучше. Какъ нѣтъ лошадей, а привѣзжй изъ горяченькихъ, такъ и нанимаешь вольныхъ, и разумѣется въ три-дорога платить, а на то догадки нѣтъ, что вмѣсто вольныхъ на тѣхъ же почтовыхъ поѣхалъ, только тройные прогоны заплатилъ.

— Такъ что жь, дадите вы мнѣ лошадей?

— Сказано нѣтъ, такъ нѣтъ и есть. Гдѣ я ихъ для васъ возьму?

— А гдѣ вы нашли для толстаго барина?

— Гдѣ нашель, тамъ теперъ нѣтъ. Толстой-то баринъ намъ человекъ нужный. Онъ сродни губернскому почтмейстеру; не дашь, такъ пожалуй улетишь куда Макаръ телятъ не гонялъ. Это вѣдь не съ своимъ братомъ. Тутъ держи ухо востро. А наше дѣло маленькое. Куда съ женою и ребятишками сунешься? Поневоля станешь хитрить, да обманывать. Вѣдь тоже человекъ, ѣсть хочется, а гдѣ взять-то, какъ не нажмешь? Только и поживы, какъ хорошенько прижмешь человека. Остановилъ его, да словами позабавилъ... а тамъ самоварчикъ предложилъ; смотришь двугривенничекъ и заработалъ. А не догадался кто, такъ и сиди.

— Другой и радъ бы радостію догадаться и двугривенничекъ отпустить, да коли его нѣтъ.

— А нѣтъ, такъ и сиди. Развѣ это моя вина, что у него нѣтъ. Чѣмъ мнѣ ему лошадей давать, такъ лучше приберечь ихъ другому, отъ кого поживишка есть; навернется такой, а нъ лошади-то и готовы. Такъ тутъ не то, что двугривенный, пожалуй и полтинничекъ нагорить.

— Значить, это просто торговля...

— А какъ бы вы думали? Что жь мнѣ, по вашему съ голоду умирать прикажете? Жалованья-то я получаю сто рублей ассиг-

націями въ годъ, такъ не больно разскачешься... Одни башмачонки дѣтямъ, такъ и тѣ доходятъ. Тоже хочется, чтобъ не хуже людей были; въ храмъ Божій къ обѣднѣ выдуть, такъ чтобъ все прилично было. Мы тоже не то, чтобъ совсѣмъ послѣдніе были...

— Чѣмъ же проѣзжіе-то виноваты, что у вашихъ дѣтей башмаковъ нѣтъ?

— А я чѣмъ виновать, позвольте спросить? Видите, какую собачью должность взялъ, значить нужда. Ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ. Только что улегся, смотришь: день, день, зазвонилъ колокольчикъ... вставай да бѣги, какъ полоумный, въ грязь, въ сырость... А за это тебѣ, вмѣсто спасибо, норовятъ не то что пріятное словцо, и хуже... Иной, поважнѣе, наоретъ тебѣ съ три короба. А нашъ братъ чѣмъ виновать, что ямщикъ, напримырь, вѣхавши въ фалеторахъ, упалъ съ лошади? Развѣ я станцію содержу, да ямщиковъ нанимаю? А за все про все виноваты мы... Какъ есть собачья должность!

— Ежели вы не дадите мнѣ лошадей, вѣдь я въ жалобную книгу запишу.

— Да пожалуй пишете. Эка невидаль, подумаешь. Станцію-то содержитъ чиновникъ губернскаго правленія, такъ что возьмете. Пожалуй, тѣшите себя, коли охота есть. А впрочемъ, я еще пожалуй и жалобной книги-то вамъ не дамъ.

— Какъ не дадите?

— Да такъ, не дамъ, да и кончено. Она у меня чистая, такъ я дамъ вамъ ее марать? Экъ что выдумали! Много васъ такихъ-то. Какъ всѣ будутъ жалобную книгу марать, такъ мнѣ и житья не будетъ.

Зная, что жалобная книга должна быть припечатана къ столу, я пошелъ смѣло къ этому столу, считая это обманомъ. Книги однако не оказалось. Отъ стола торчали только одни зеленые свурки, которыми она была припечатана.

— Дайте же мнѣ книгу, говорю я вамъ! закричалъ я выведенный изъ терпѣнія этимъ служебнымъ цинизмомъ.

— Нѣтъ ея, говорятъ вамъ.

— Да гдѣ жъ она?

— На ревизіи въ губернской конторѣ.

— Это вздоръ! Книги эти не отсылаются на ревизію въ губернскую контору; онѣ ревизуются на мѣстѣ особыми чиновниками.

— А я вамъ говорю, что въ губернской конторѣ. Коли хотите, справьтесь.

— Какъ же я справлюсь? Не нарочно же въ губернской городъ ѣхать справляться!

— Это ужь ваше дѣло.

— Такъ дайте мнѣ книгу, гдѣ записываются лошади.

— Эту, пожалуй, извольте. Можете смотрѣть и считать, сколько душъ угодно.

Съ этимъ словомъ смотритель взявъ свѣчку, поднесъ ее къ часамъ, посмотрѣлъ на стрѣлку, покачалъ головой и сказалъ вполголоса:

— Полчаса цѣлыхъ опоздала... Чтобы это такое значило?

— Развѣ вы ждете кого-нибудь.

— Тяжелую почту жду. Какъ придетъ на четырехъ, или на пяти тройкахъ, такъ вамъ не то что до утра, пожалуй, завтра до вечера ждать придется. По этой грязи прежде семи или осьми часовъ ждать лошадей вездѣ нельзя...

Говоря это, смотритель уходилъ изъ комнаты, такъ что послѣднія слова слышны были изъ стѣнъ. Я остался опять одинъ. Докучливо, тоскливо бился маятникъ часовъ; сальная свѣча, треща и оплывая, горѣла тоскливо и тускло, такъ что портреты, висѣвшіе по стѣнамъ и представлявшіе какія-то чудовищныя лица, выглядывали изъ темноты, какъ какія-нибудь привидѣнія. Мертвая тишина царствовала окрестъ, было тихо дотога, что я слышалъ, какъ ползали тараканы по обоямъ, какъ билась муха о потолокъ, какъ капали капли дождя съ крыши въ лужу подъ окномъ. Безмолвіе это имѣло въ себѣ что-то удушливое, тяжелое, что ложилось на душу и возбуждало мрачныя, тяжелыя, унылыя мысли. Мнѣ снова стало страшно и этой зловѣщей тишины, и этого тоскливаго мертваго свѣта... Душа требовала воздуха, воли, людей...

Дѣлать было однако нечего. Надо было покориться необходимости. Чтобы сколько-нибудь занять праздное, тоскующее воображеніе, я снялъ со свѣчи, и принялся разсматривать книгу о лошадяхъ... Трудно разказать, что тамъ было написано; а трудно потому, что понять написанное почти не было возможности. Это были какія-то каракули, для которыхъ нѣтъ названія, и которыхъ вѣроятно не найдешь ни въ одной европейской азбукѣ. Чтобы прочесть одну строку, надо было употребить полчаса времени; принявшись за другую строчку, вы потеряли бы смыслъ первой, развѣ только заучили ее на память. Никакое терпѣніе въ мірѣ, никакой Шамполионъ не прочиталъ бы трехъ строкъ сряду изъ этой рукописи, достойной красоваться въ лю-

бомъ музеумѣ рѣдкостей. Палеографъ, вздумавшій выдать ее за рукопись VIII или IX столѣтія, могъ бы быть увѣренъ, что не найдется ни одного человѣка, который бы могъ это опровергнуть. Смотритель былъ вполне правъ, давая пробѣжить эту книгу, онъ могъ быть совершенно покоенъ... самый прыткій не только бы не доискался, но даже не дочитался бы въ ней какого-нибудь смысла. Грустно покачавъ головою, чувствуя свое безсиліе, я отказался отъ этого непосильнаго труда, и отъ нечего дѣлать легъ на диванъ. Тутъ началось мученье другого рода. Блохи и клопы осадили меня такъ, что я вскочилъ какъ бѣшеный и принялся мѣрить комнату. Чего не придумаетъ человѣкъ, когда онъ одинъ, и когда ему нечего дѣлать? Тутъ я узналъ то, чего мнѣ никогда не пришлось бы узнать; то—есть, что, длина комнаты восемь аршинъ, а ширина шесть; что на клеенкѣ стола пять большихъ и три маленькія пятна, что у дивана одна ручка дубовая, а другая ясеневая, и много другихъ поучительныхъ и весьма полезныхъ для человѣчества дѣйствительностей. Когда и это все было обозрѣно, смѣрено и классифицировано, пришелъ чередъ надписей, досужими путешественниками начертываемыхъ на стѣнахъ, а преимущественно на окнахъ и дверяхъ, можетъ-быть, по той причинѣ, что тутъ онѣ больше на виду и слѣдственно скорѣе бросаются въ глаза и привлекаютъ читателей. Подобныя надписи раздѣляются по содержанию своему на три рода: на чувствительныя, ругательныя и извѣстительныя. Чувствительныя заключаютъ въ себѣ всевозможныя искаженія Пушкина, Лермонтова, Жуковского и другихъ менѣе извѣстныхъ писателей, съ тысячами грамматическихъ, логическихъ и другихъ ошибокъ... или просто вѣжныя восклицанія, въ родѣ такихъ: «О К—я! другъ души моей!.. Когда увижу вновь прелести твои? Когда упыюсь снова божественнымъ очарованіемъ очей твоихъ?» и проч. Ругательныя заключаютъ въ себѣ всѣ возможныя ругательства, начиная съ судьбы до зрителя станціи включительно, смотря по общественому положенію и характеру писавшаго. Извѣстительныя были такого содержанія: «Мы здѣсь были и чай пили... 18.. года 18 Марта елабужскій купеческій сынъ 2-й гильдіи Иванъ Петровъ Русиновъ»; или: «За обѣдъ дорого берутъ—каналство! конкеръ... полка Иванъ...»

Прочитавъ всѣ эти надписи, я начиналъ находить положеніе мое несноснымъ. Изрѣдка раздавался отдаленный храпъ, вѣроятно старосты, прижавшагося гдѣ-нибудь за печкой, и выводившаго носомъ такія трели, что имъ позавидовалъ бы самъ Маріо...

Голова моя тяжѣла; я хотѣлъ бы уснуть, но мысль о насѣкомыхъ, населяющихъ диванъ, препятствовала мнѣ даже подумать о томъ, чтобы лечь на этомъ единственномъ ложѣ станціонной камеры. Я началъ сердиться не на шутку... Мысль снова идти къ смотрителю и орать до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ мнѣ лошадей, пришла снова въ голову... и я, дрожа отъ нетерпѣнія, готовъ былъ привести ее въ исполненіе, какъ вдругъ послышался отдаленный колокольчикъ. При такой пустотѣ впечатлѣній, колокольчикъ восходитъ до степени происшествія. Не давъ себѣ отчета, я слушаю его переливы съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто бы отъ этихъ, то замирающихъ, то снова пробуждающихся звуковъ зависѣла судьба моей жизни. Но вотъ колокольчикъ раздается все ближе и ближе. Вотъ онъ уже у крыльца. Я бросился ему навстрѣчу съ поспѣшностію юноши, не давъ себѣ отчета, долженъ ли я радоваться или печалиться по случаю этого пріѣзда. Это была потребность перемѣны, потребность хоть чѣмъ-нибудь замѣнить пустоту и грусть тяготившей меня дѣйствительности... Ночь была черна, какъ трубочистъ, только что выгѣзшій изъ печи. Сырой, холодный вѣтеръ пахнулъ мнѣ въ лицо, когда я растворилъ дверь; фырканье лошади, а за этимъ крѣпкое русское привѣтствіе: «Будь здорова, матушка» явно имѣвшее связь съ этимъ фырканьемъ, поразили мой слухъ. Путешественника однако не было видно: но черезъ минуту приплелся, потягиваясь и протирая глаза, староста, а за нимъ пять, шесть ямщиковъ, явившихся вдругъ неизвѣстно откуда. Затѣмъ принесены были фонари, и при дрожаньемъ, невѣрномъ ихъ свѣтѣ, я увидалъ, что стояло не одна, а нѣсколько троекъ.

Староста и ямщики, не говоря ни слова, принялись откладывать... и только изрѣдка ругательства, да минутный звонъ колокольчика, при снятіи дуги съ лошади, нарушали это безмолвіе. Наконецъ староста прервалъ его вопросомъ:

— Назади есть кто?

— Четверокъ, да больно грузенъ. На тройку платить.

— Неужто дали?

— Вѣстимо не дали. Дядя Михай на волю бралъ... на пятерокъ... такъ не хотятъ...

— Ну не хотятъ, такъ и сиди. Чтò у тебя сивая больно дышитъ что-то?

— Кульеръ, чтобъ чортъ его душу побралъ, больно гналъ вчера, такъ...

— А перекадывались у васъ...

— Нѣтъ! Какъ пришла на пяти, такъ пять и запрягли...

— Небось перекидываться будутъ! съ нашимъ-то у нихъ лады.

А пошталіонъ кто?

— Зиминъ... знаешь, горецкой...

— Знаю... собака!.. добре гналъ?

— Нѣтъ! Спалъ больше. Хмѣленъ со станціи выѣхалъ...

Тутъ только я разсмотрѣлъ, что всѣ пять тройки были навалены чемоданами, и что это почта. Такъ какъ это обстоятельство нисколько не улучшало моего положенія, то я и вошелъ въ сѣни, чтобы воротиться въ комнату, какъ вдругъ разговоръ въ смотрительской половинѣ обратилъ на себя мое вниманіе. Хриплый голосъ говорилъ:

— А что придачи дадите, такъ на три тройки переложусь...

— Да что дать? полтинникъ возьмите, а больше не дадутъ.

— Полтинникъ! Есть изъ чего хлопотать, по крайней мѣрѣ цѣлковенькій надо! Вы видите, какая грязь-то... Итанъ три четверти опоздалъ... а тутъ и ме три четверти опоздаешь, какъ на трехъ тройкахъ поѣдешь. Вы знаете начальство-то у насъ, какъ ничего не привезешь, такъ взѣется хуже собаки. А что привезти-то? Хотѣлъ было десятокъ лимоновъ, да больно дороги... думалъ, думалъ... махнулъ рукой, да и поѣхалъ ни съ чѣмъ. Такъ было бы изъ чего напасть терпѣть... Меньше цѣлковаго нельзя.

— Ну, да три четвертачка, Иванъ Васильичъ, возьмите, отвѣчалъ голосъ смотрителя. — А на той станціи прижете хорошенько старосту, такъ и цѣлковый дастъ. Смотрителя-то тамъ нѣтъ... Въ контору потребовали; такъ можно...

— Ну, а водкой угостите?

— Это пожалуй...

За этимъ послѣдовалъ звонъ рюмки, а черезъ секунду вышелъ смотритель въ сѣни, и закричалъ: — На три тройки перекадывай! слышите!.. и хотѣлъ идти въ пассажирскую, гдѣ у него лежала книга для прописки, подорожныхъ, но былъ остановленъ словами старосты...

— На трехъ тройкахъ тяжело будетъ, Антонъ Иванычъ! Больно тяжела пошта-то!

— Говорять, на трехъ, такъ три и закладывай. Что умничать-то? У васъ все тяжела. Что пять чемодановъ, что десять, все та же пѣсня. Гдѣ у тебя лошади-то? Видишь, проѣзжіе

сидятъ... Что ты, годъ что ли держать станешь здѣсь? Видишь, не нанимаютъ вольныхъ, такъ что пользы держать-то...

— Такъ ужъ скажите хошь поштальйону, чтобы не гналъ шибко...
 Ей Богу тяжело, Антонъ Иванычъ!

— Ну, молчать, собачій сынъ!

Съ этимъ словомъ смотритель вошелъ въ пассажирскую и принялся выводить свои караули... Когда онъ кончилъ и вышелъ, я взглянулъ въ книгу и увидѣлъ, что въ книгу записано было подъ почту пять троекъ, а не три, какъ сейчасъ было приказано старостѣ.

— Ну, теперь будутъ мнѣ лошади! подумалъ я, и снова вышелъ въ сѣни, чтобъ видѣть отъѣздъ почты...

Послѣ объявленія смотрителя переключиваться на три тройки, начались ругательства всѣхъ сортовъ и видовъ: ругали смотрителя, ругали почтальйона, ругались между собой безъ всякой причины, ругали лошадей, ругали проѣзжихъ, всѣхъ вообще и всякаго въ особенности... однимъ словомъ это было всеобщее ругательство, какъ будто ямщики содержали почту насильно, по принужденію, а не по доброй волѣ. Эти ругательства, прерываемыя иногда восклицаніями: «Принеси сѣделку, ей Ванька! — А гдѣ она? Я искалъ, не нашелъ!.. Отпусти постромки-то! Ахъ не видишь, что коротка!..» не мѣшали слышать разговора смотрителя съ почтальйономъ, чему способствовала нѣсколько {растворенная дверь смотрительской квартиры.

— Подъ губернскую контору квартиру наняли что ли?

— Нанять-то наняли, да что! больно ужъ плоха. Богъ вѣсть, какъ зиму-то и перебытуютъ... Нагородили какихъ-то пристроекъ стоякомъ, такъ вѣтеръ и ходитъ!.. О сю пору чиновники въ шинеляхъ сидятъ... а что зимой будетъ и Богъ вѣсть...

— Кто же этимъ орудуетъ?..

— Извѣстно, помощникъ. Онъ и квартиру-то отыскалъ. Да ужъ безсовѣстенъ больно. Какъ бы и почтмейстеру-то съ намъ бѣды не нажить!

— А что?

— Да такъ... квартиру наняли на два года, двѣ тысячи въ годъ... всего четыре тысячи; а весь домъ-то за полторы тысячи проданъ былъ въ прошломъ году. Да еще на пристройки ста четыре истратили...

— Неужели же всѣ четыре тысячи такъ и заплатили продавцу?

— Какой тебѣ четыре! я чай и двухъ-то за оба года не отдали.

Кабы жрошее помѣщеніе, сердце бы не болѣло. А то посмотрѣли бы вы нашу казарму... просто собачій чуланъ, такъ и тотъ лучше.

— Да неужели почтмейстеръ такъ ужъ ничего и не видитъ?

— Видѣть какъ не видать! Видно, тоже выгодишка есть. Небось тыщонку рублей тутъ ему перепало, такъ оно на голые-то зубы, знаете, и не худо.

— Неужели же не было другихъ домовъ опречь этого?

— Какъ не быть! мало ли домовъ въ городѣ, да видно не рука, не подходяще... А этотъ домъ помощниковой невѣстки мужа, такъ дѣло-то и уладилось скорѣе. Ужъ оно какъ тамъ ни говори, а свой своему поневолѣ брать. Да и выносу меньше.

— Ужъ когда этого толстяка возьмутъ отъ насъ! сказалъ смотритель, помолчавъ. — Просто бѣда! Какіе наши доходы, такъ и то норовить съ тебя хоть что-нибудь сдернуть. Мѣсяца не пройдетъ, чтобы въ контору не требовалъ: то одно, то другое; а вѣдь все вздоръ, привязка одна, только чтобы сорвать что-нибудь. Да ужъ и почтмейстеръ что-то больно оплощаль; эдакъ онъ и ему пожалуй насолить.

— Да еще какъ насолить-то! Теперь и почтмейстерово-то дѣло такое, что поневолѣ терпять... Съ тѣхъ поръ, какъ пропали изъ пакета деньги, такъ только тѣмъ и перебиваются, что изъ одного пакета въ другой перекладываютъ. А куда они пропали, про то одинъ Богъ вѣдаетъ! Можетъ, я и грѣшу, а только все мнѣ сдается, что и подтибриль-то ихъ самъ толстомясый. А почтмейстеръ словно опутанный какой, прости Господи! Вертитъ себя этотъ толстомясый конторой, словно его вотчина, а почтмейстеръ, словно крѣпостной человѣкъ, пинуть не смѣетъ.

— Не можетъ же быть, чтобы это такъ было спроста; какая-нибудь причина на то есть?

— Можетъ, она и была какая-нибудь прежде, Господь ихъ знаетъ, только теперь и думать нельзя... И то сказать, чужая душа потемки, а все бы слышно было, кабы какія-нибудь дѣла эдакія... Нѣтъ! на почтмейстера сказать грѣшно. Душа — человѣкъ, одно слово, душа! И не будь этого толстяка, право, у насъ въ конторѣ хорошо было бы.

— Ну, что больно хвалить-то, Александръ Сергѣичъ? Самъ говоришь, что безъ лимоновъ пріѣхать нельзя. Что ужъ хорошаго-то?

— Эхъ, Антонъ Ивановичъ! кабы знали, что въ другихъ конторахъ дѣлается, такъ просто бы ахнули, право слово, ахнули бы.

У насъ хоть лимоновъ только привози, и на томъ довольны остаются; а тамъ не то что лимоны, и получше—то что привезешь, такъ и то рыло воротать. Да вотъ недалеко ходить, въ Чернушкинской губерніи знакомый мнѣ почтальионъ есть, такъ взялъ его одинъ помѣщикъ жену проводить до Москвы, ну разумѣется съ согласія почтмейстера. Этотъ и вообрази, что почтальионъ и Богъ знаетъ какія тысячи получилъ: сгладилъ съ него таки тридцать рублей, а тотъ и всего-то двадцать пять получилъ отъ помѣщика. Изъ своихъ пять рублей отдалъ. Что дѣлать, только бы не даялая, пропадай онъ пропастью!

Староста, вошедшій доложить, что лошади готовы, прервалъ нить этихъ разговоровъ. Выпивъ по хорошему стакану водки, почтальионъ отправился въ дорогу, а смотритель на постель, и захрапѣли оба, одинъ на чемоданахъ, замѣнявшихъ ему постель, и спать на которыхъ онъ такъ привыкъ, какъ будто бы спалъ на самомъ лучшемъ матрацѣ, а другой на своемъ тюфякѣ, полномъ всякихъ животныхъ. Укушенія этихъ животныхъ онъ не чувствовалъ, потому что лѣтомъ и зимою спалъ изъ двухъ ночей въ третью, а весной и осенью не чувствовалъ потому, что пьянствовалъ съ почтальионами, отъ скуки, что нѣтъ проѣзжихъ, которыхъ лѣтомъ и зимою усердно посылалъ ко всѣмъ чертямъ.

Когда почта уѣхала, и все на почтовой станціи пришло въ обычный порядокъ, то-есть смотритель храпѣлъ на тюфякѣ, староста за печкой на полу, на вускѣ рѣднины и съ шапкой полъ головой вмѣсто подушки, ямщики гдѣ кто попалъ, въ саняхъ, телѣгѣ, на навозѣ и наконецъ просто на завалинѣ, и я на цѣлую ночь остался властелиномъ судьбы своей, съ оплывшимъ огаркомъ свѣчи вмѣсто товарища, и съ однообразнымъ и тоскливымъ чиликаньемъ часовъ вмѣсто колыбельной пѣсни, — меня взяло раздумье. Ходя взадъ и впередъ по шести-аршинной комнатѣ, пеловицы которой очень усердно подымались у оконъ, когда я подходилъ къ печкѣ, и наоборотъ, подымались у печки, когда я подходилъ къ окнамъ, — я, по свойственному природѣ моей резонерству, принялся разсуждать, отчего я сижу на станціи, когда другіе въ эту минуту скачутъ безостановочно, и слѣдственно не пропускаютъ сроковъ по тяжбынымъ дѣламъ, не дожидаются по три мѣсяца отпусковъ, и никогда никуда не опаздываютъ, потому что имъ съ самой минуты рожденія судьба какъ будто приготовила все для жизни. Тщетно погружался я въ размышленія о несправедливостяхъ судьбы; но умъ мой, измученный впечатлѣніями дня, какъ-то странно бродилъ по поверхности вещей, не

будучи въ состояніи проникнуть въ ихъ сущность. Такъ напри-
шѣрь, вмѣсто того чтобы рѣшить, отчего одинъ человекъ умнѣе
другаго, или счастливѣе во всемъ, умъ мой начиналъ неутомимо
разсуждать, отчего на грязномъ, неопредѣленномъ цвѣтѣ сукнѣ
смотрительскаго стола только пять чернильныхъ пятенъ, а не
восемь? или отчего сукно это съ одной стороны свѣсилось обо-
рванными концами своими больше, нежели съ другой? Тщетно
хотѣлъ я заставить себя заняться предметами, вызывающими на
размышленіе: умъ упорно и постоянно обиралъ около себя и,
прислушиваясь къ храпу зрителя и носовымъ, весьма впро-
чемъ искуснымъ, дискантнымъ трелямъ старосты, упрямо воз-
вращаясь къ одной пѣвицѣ нашего удачнаго городка, визгливо
выводившей такія рудалы, что ни соловью, ни пѣтуху, ни даже
ученой сорокѣ такихъ не вывести.

Утомившись этою борьбой съ собой самимъ, я легъ на диванъ,
хоть и зная, что меня тамъ ожидаетъ, подложилъ подъ голову
шинель, и старался заснуть. Мысли бродили въ головѣ смутно
и неопредѣленно; комната, при мерцающемъ свѣтѣ догорѣвшей
свѣчи, прыгала передъ глазами, какъ пьяный мужикъ на свадьбѣ;
столы и стулья рисовали какія-то чудовищныя тѣни, то вдругъ
вырастая до потолка, то уничтожаясь вовсе... Наконецъ свѣча
моя вспыхнула, облила комнату яркимъ, неестественнымъ свѣ-
томъ, и потухла, оставивъ послѣ себя удручающій чадъ. Я остался
въ темнотѣ.

Кажется, этой только минуты и ждали враги мои, клопы и
блохи, населявшіе диванъ. Они бросились на меня въ остервененіи,
съ какимъ вѣроятіемъ не бросались никогда даже Турки, напившись
опія, и показали мнѣ, какъ ничтоженъ человекъ, предоставленный
своимъ собственнымъ силамъ. Я чесался тутъ, чесался тамъ,
вскакивалъ, ложился снова, вертѣлся какъ грѣшникъ на сковоро-
дѣ сатаны, ругался, проклиналъ станцію, людей, клоповъ, цѣлый
міръ: ничто не помогало. Кожа у меня по всему тѣлу горѣла,
какъ будто миллионы иглъ колоди ее со всѣхъ сторонъ, голова
отяжелѣла дотого, что я не въ состояніи былъ ни мыслить, ни
разсуждать; меня морилъ сонъ... уставшіе и отяжелѣвшіе члены
просили и жаждали покоя, котораго не давали имъ неумолимые
насъкомыя. Наконецъ лихорадочная дрожь одолѣла меня... Голова
горѣла, какъ въ горячкѣ, огневой жаръ палилъ кожу, а внутри
былъ какой-то ледяной холодъ... Какъ много времени продолжа-
лось это страданіе, не знаю. Минуты казались мнѣ часами, часы

годами... Истомленный, измученный, изстрадавшийся, а наконецъ заснулъ...

Осеннее солнце весело играло на полу моей тюрьмы, когда я проснулся. Прозрачный паръ лежалъ на окрестностяхъ, и сквозъ дымчатое покрывало его высывалась съ одной стороны колокольня съ золоченою головкою своею и крестомъ, а съ другой обрисовывался крутой берегъ, поросшій кустарникомъ, между которымъ сверкала яркая лента рѣки. Свѣтло и пріятливо смотрѣло солнце на землю, туманы утра исчезали постепенно, открывая, одну за другой, картины обширной панорамы. Смотря на прелесть утра, на веселый свѣтъ солнца, на восхитительный ландшафтъ, въ которомъ осенніе желтоватые тоны спорили съ лѣтнею зеленью, я примирился нѣсколько со станціей, забывъ и несчастную ночь свою, и то, что я дежурю здѣсь уже около полусутокъ. Деревня, отстоявшая отъ станціи въ полуверстѣ, только что проснулась; лѣтливо подымался столбомъ дымъ изъ трубъ, образуя надъ деревней прихотливое облако, выводившее при каждомъ порывѣ вѣтерка, фантастическіе узоры; съ дворовъ тянулись коровы, мыча и подставляя рога одна другой, бѣгали овцы, хрюкали свиньи, и съ визгомъ бѣжали поросята, постоянно выговаривая французское: *oui, oui!* что и было причиною, почему не терпѣлъ ихъ наставникъ мой, Французъ изъ Тулона, питавшій къ нимъ и къ перепеламъ какую-то непостижимую ненависть... къ перепеламъ особенно за то, что они не находятъ лучшаго занятія, какъ безпрестанно повторять: *paye tes dettes! paye tes dettes!* до чего онъ былъ большой неохотникъ.

И долго стоялъ бы можетъ-быть я, любуясь прелестью осенней природы, ежелибъ къ крыльцу не подошла крестьянка и, низко поклонившись, не стала подлѣ крыльца. Въ рукахъ держала она какую-то бумагу; глубокими морщинами изрыто было все лицо; синій, превратившійся въ голубой отъ частаго мытья сарафанъ ея, съ рядомъ мѣдныхъ дутыхъ пуговицъ напередѣ, далеко не покрывалъ ногъ, обернутыхъ въ бѣлое сукно и перевитыхъ веревочками, прихватившими неуклюжій лапотъ; на головѣ былъ бумажный съ разводами платокъ, тоже сильно полинявшій отъ мытья и солнца; а на плеча накинута была овчинная съ разнообразными и разноцвѣтными заплатами полушубокъ. Худое, истомленное лицо ея, сильно загорѣвшее, носило на себѣ отпечатокъ тяжелыхъ трудовъ, долгаго горя, вѣчной нищеты, и изобличало и безсонныя ночи, проведенныя у колыбели ребятъ, и тѣ мучительные труды, которымъ обре-

чена крестьянка, при молотьбѣ на двадцати-пяти-градусномъ морозѣ, съ дырявою шубенкой на плечахъ, при жнитвѣ, когда на 20-градусномъ жарѣ, часто беременная, она должна стоять нагнувшись цѣлый день, или при выниманіи изъ воды покосни при рѣзкомъ осеннемъ вѣтрѣ стоять по колѣна въ водѣ. Грустное и тяжелое чувство овладѣвало душою, при видѣ этихъ потухшихъ глазъ, этихъ губъ синихъ и тонкихъ, этой впалой груди и безобразно выдававшегося живота, на которомъ ощелкнулся узкій сарафанъ. Не болѣзнь сдѣлала ее такою, это было видно; но лишенія, трудъ, горе. Долго смотрѣлъ я на нее, желая узнать за чѣмъ она здѣсь, тщетно ожидая вопроса, который бы могъ изобличить ея нужду; вопроса не было; она стояла молча, съ этимъ пассивнымъ, огорчающимъ душу терпѣніемъ, съ какимъ ждетъ горемыка права и случая вымолвить свое слово. Ни одного слова вѣтерпѣнія или жалобы не сорвалось съ ея языка, ни одно движеніе не изобличило, что ей скучно дожидаться. Мнѣ до такой степени стало грустно смотрѣть на это покорное страдальческое терпѣніе, что я не могъ удержаться, чтобы не спросить ее:

— Ты что, матушка, пришла? али дожидаешься кого?

— Писаря, родимый, да видно еще почиваетъ. Грамотку сынокъ прислалъ... такъ покучиться хотѣла ему, прочиталъ бы... Отецъ Иванъ на базаръ уѣхалъ, а земскому неколи, такъ авось писарь-то прочитаетъ.

— А твой сынокъ гдѣ?

— Да солдатомъ, батюшка, служить. Вотъ ужъ шестнадцатый годъ, какъ въ некруты пошелъ...

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— Богъ вѣсть, батюшка! можетъ въ грамоткѣ-то и написано.

— Хочешь, я тебѣ прочту письмо отъ сынка.

— Коли твоя милость, родимый, будетъ, такъ прочитай...

Письмо было написано крупнымъ размашистымъ почеркомъ полковыхъ писарей. Ошибокъ было въ немъ тма тмуцаа. Я сѣлъ на лавку; а она, сложивъ руки на груди и подперши одною изъ нихъ голову, такъ и впиалась въ меня глазами.

Письмо это было слѣдующаго содержанія (1):

«Дражайшіе родители, батюшка и матушка! Письмо ваше родительской получилъ невредимо, и при ономъ три рубля серебромъ получилъ и нашелъ ихъ въ вѣрности. Благодарю васъ за вашу родительскую учтивость и обо мнѣ, коей я во все вѣкованіе мое

(1) Письмо это не выдуманное.

не могу забыть. Эти деньги я употребилъ на необходимыя мои размышленія и на самыя пріятности божественскія, то-есть учинилъ подаваніе свѣчи, частію изъ оныхъ и за здравіе ваше. О себѣ доношу, что я живъ и здоровъ. Нынѣ, будучи переведенъ изъ музыкантовъ по выскому и видимому моему росту во фронтъ, игралъ я прежде два года на турецкомъ барабанѣ безпрекословно.

•Командиръ меня до достохвальности любитъ, то-есть, г. маіоръ Марковъ, и частію не гнушается меня наряжать во всей амуниціи къ генералу на вѣсти по той причинѣ, что я уже умѣю дѣлать всякую учтивость и деликатность сочинять, начальникамъ дѣлать всякое вѣжельство, и хорошая моя наружность и ростъ достохвально увеличивается. По вашимъ родительскимъ молитвамъ пріобрѣталъ такое любленіе, за что прозвали меня Балакиревымъ. Частію я на банкетахъ маіора надѣваю пѣщекое платье и разношу на подносахъ вино и разныхъ сортовъ закуски и чай и впродъ уповаю на такое преподаваніе. Въ деньгахъ препятствія не имѣю, служу безъ всякой провинности и мараляю не занимаюсь. Мы теперь въ г. Кіевѣ при штабъ-квартирѣ, гдѣ квартированіе имѣетъ очень разительное на щетъ дешевизны, пріобрѣтеніе покупокъ сходственно, народъ поступковъ похвальныхъ и до дѣйствительности сформированъ. Пишите ко мнѣ уже не къ Морозову, а къ Балакиреву, я и въ спискахъ такъ именуюсь. Таковое сформированіе явствуетъ о моей видимости. Прошу, батюшка и матушка, вашего родительскаго благословленія на вѣки нерушимо. Служу я въ передней шеренгѣ четвертый человекъ, наказанія тѣлеснаго не осезаю и уязвленія предпочтенъ, и всякихъ выговоровъ колкихъ лишаясь, и впродъ положительности не имѣю. Маіоръ Марковъ доносилъ по командѣ, могъ бы я быть унтеромъ, но армія наша не будетъ имѣть такой видимости, какую я отъ рожденія имѣю по вашему искусству, и такъ остался на прежнемъ мѣстѣ, въ чемъ меня уже и не препятствуютъ. Доношу вамъ, что имѣли съ Венгерцами большое страженіе, непріязненно убивали басурмановъ, много было побито и въ полонъ пріобрѣтено, и Боже упаси, что было за партизанство и свирѣпствіе! а я по милости начальства оставаясь въ обозѣ и страховъ большихъ, также и увѣчья отъ поганыхъ лишень, и когда мы побѣдили врага, благодарили Создателя всѣмъ хоромъ съ пѣвчими и было намъ веселье несказанное, и венгерскій царь жаловалъ кой-кого изъ удалыхъ разными подареніями, и вотъ уже полгода во всякомъ

спокойствіи пребываемъ, и по отпускѣ сего письма остался живъ и здоровъ и впредь уповаю на Бога. Остаюсь преданный сынъ вашъ до гроба. Гаврило Балакиревъ.»

Сколько разъ во время этого чтенія я подвергался искушенію расхохотаться; но я удерживался изъ уваженія къ матери, слушавшей письмо это съ напряженнымъ вниманіемъ. Кончивши, я все-таки не могъ удержаться отъ улыбки, но улыбка мгновенно исчезла, какъ только я взглянулъ на старуху.

Въ томъ же положеніи, въ которомъ была она при началѣ чтенія, то-есть, съ подпертою головою, стояла она и теперь передо мной... Но слезы капали у нея такъ часто, что смочили передникъ съ краснымъ бумажнымъ шитьемъ. Она, какъ видно, не замѣчала этихъ слезъ: столько тихой, покорной грусти было въ выраженіи лица ея, что мнѣ стало стыдно самого себя. Больше пяти минутъ прошло уже, какъ кончилось чтеніе, но она все еще стояла въ томъ же положеніи, какъ будто все еще слушающая. Наконецъ она пришла въ себя, оборотилась къ церкви, съ величайшимъ благоговѣніемъ перекрестилась и прошептала:

— Слава тебѣ, Господи, что онъ живъ и здоровъ, дитячко мое... Слава Богу, что въ высокіе чины произошелъ... Награди его Богъ, что старуху мать не забываетъ... И столько упованія, столько любви было въ этихъ словахъ, что я невольно потупилъ голову, и въ этотъ день ни одного слова ропота не сорвалось съ языка моего!

Лошади изъ-подъ почты воротились, и я началъ надѣяться на скорый отъѣздъ, какъ вдругъ прискакала верхомъ одноконная эстафета и кстати привезла предписаніе конторы задержать всѣхъ почтовыхъ лошадей для князя ***, будущаго осматривать свои имѣнія. Смотритель даже присвистнулъ, получивши это предписаніе, покачалъ головой, да и передалъ мнѣ.

Предписаніе гласило такъ:

«Предписывается Дергачевской почтовой станціи всѣхъ почтовыхъ лошадей, на сей станціи находящихся, съ полученія сего предписанія, со станціи не отпускать и держать въ тече-

ніи 20, 21 и 22 числа подѣ проѣздъ князя ***, ѣдущаго осматривать свои имѣнія въ Малиновской губерніи. А дабы этимъ задержаніемъ не остановить гг. проѣзжающихъ, по казенной и собственной надобностямъ; отъ конторы вмѣстѣ съ симъ сообщено къ г. исправнику о выставкѣ такового жъ количества лошадей изъ обывательскихъ. Октября 18 дня. Почтмейстеръ Синайскій.»

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день, сказалъ смотритель; когда кончилъ читать.—Теперь и сидите здѣсь, пока исправникъ лошадей обывательскихъ нарядитъ. А этого и ждать нечего прежде завтрашняго дня... Да лошадей-то обывательскихъ выставятъ, такъ на радость что ли? Послѣ пахоты они, я чай, ногъ не волочатъ. Здѣсь какіе корма-то?.. День пахнетъ, а ночь милости просимъ въ лугъ... Ёшь обглодки, да ковыль, а лучшаго и не спрашивай...

— Помилуйте, закричалъ я, выведенный изъ терпѣнія,—сутки я ужъ просидѣлъ, неужели мнѣ сидѣть другія сутки!

— Не то что другіе, и третьи, и четвертые просидите, коли исправникъ не скоро повернется. Я теперь никому, какова есть едина лошадь, дать не могу... Развѣ курьеръ проѣдетъ, такъ тому... а кто и по казенной надобности, такъ и того милости просимъ—жди.

— Что же это наконецъ такое? продолжалъ я съ отчаяніемъ:—что какой-то князь ѣдетъ свои имѣнія осматривать, такъ проѣзжіе должны на станціяхъ сидѣть? Да на что это похоже? Развѣ наконецъ ужъ и суда нельзя найти на такое беззаконіе?

— Найдете вы суда, разставьте карманъ. Контора небось не очертя голову это сдѣлала, вѣрно было предписаніе: такъ что тутъ возьмете?

Да вѣдь князь ѣдетъ деревни свои смотрѣть, значитъ по своей надобности. Чѣмъ же онъ лучше меня, у котораго крайность: ежели я не приѣду къ сроку, у меня послѣднюю рубашку отнимутъ.

— Это вы тамъ толкуйте, какъ знаете, а лошадей вамъ не дадутъ.

— Я жаловаться буду; я въ жалобную книгу запишу.

— Жаловаться вы тамъ жалуйтесь какъ хотите, это ваше дѣло, и въ жалобную книгу пожалуй пишете... ничего; у меня есть предписаніе, такъ я и не боюсь никакихъ жалобъ.

— Господи Боже мой! закричалъ я, всплеснувъ руками.—Что это такое? На что это похоже? Не въ подорожной ли написано:

двѣтъ безъ задержанія... а теперь я сутки сижу ужъ, да еще грозятъ продержатъ другія сутки...

— Да кто жь вамъ грозить, помилуйте! перебилъ меня смотрителя, обидѣвшись. — Развѣ я васъ держу что ли? Я бы радъ радостью давнымъ-давно васъ отпустить, да что жь мнѣ дѣлать, когда князь *** долженъ здѣсь проѣзжать. Не то что съ вами, я съ почтой-то теперь не знаю, что дѣлать. Придется подѣлать почту вольныхъ нанимать; а вы шутите этой наймой? Хорошо, если по два цѣлковыхъ возьмутъ на тройку, а то пожалуй еще и не возьмутъ. Кому охота по адакой грязи ѣхать. Того и гляди, лошадей загонишь. И носить ихъ нелегкая, прости Господи, деревни осматривать! Чорта онъ тамъ увидитъ. Управляющій наговорить ему съ три короба, покажетъ ему, что хорошо; а что не хорошо, не покажетъ вовсе... тѣмъ дѣло и кончится... А мы здѣсь за это мучься...

Я согласился охотно, что нелегкая носить ихъ осматривать своимѣннѣя, когда отъ этого страдаютъ проѣзжіе, смотрители, ямщики и крестьяне... и что ежели ужъ необходимо, такъ пусть бы нелегкая носила ихъ на вольныхъ, а не на почтовыхъ, чтобы проѣзжіимъ не было отъ этого ни остановки, ни убытковъ.

Это согласіе однако не повело меня ни къ чему. Теперь я бы радъ былъ, несмотря на бѣдность мою, нанять вольныхъ; но «теперь вольные за десять цѣлковыхъ не поѣдутъ», сказалъ мнѣ смотритель, когда наконецъ, выведенный изъ себя и позабывъ всякіе расчеты, я рѣшался истратить два цѣлковыхъ, за которые мнѣ предлагали вольныхъ съ самаго начала моего приѣзда. Нечего было дѣлать, надо было ждать...

Ждать! великое слово! И благо тому, кто умѣетъ ждать... еще болѣе тому благо, кто умѣетъ кланяться: съ этими двумя великими добродѣтелями, можно и дождаться и докланяться многого...

И повѣсивши носъ, въ грустномъ раздумьи объ этой великой наукѣ ожиданія и поклоновъ, сѣлъ я на крыльцѣ, ожидая, что будетъ.

День вечерѣлъ, а ни князя, ни обывательскихъ лошадей еще не было. Признаться, я обывательскихъ и не ждалъ; служа самъ въ уѣздѣ, я зналъ очень хорошо, что обывательскихъ лошадей ранѣе трехъ дней и ждать было нельзя.

Я съ горестью помышлялъ о своемъ положеніи. «Что ждетъ меня? думалъ я. Потеря всего моего небольшого имущества, конечное разореніе... Господи Боже мой!... отъ какихъ малыхъ причинъ зависить благосостояніе человѣка! Что все толкуеть о

ненасытномъ морѣ, поглащающемъ тысячи жертвъ, въ одно мгновеніе уничтожающемъ тысячи существованій, о неумоляемомъ пламени, подаяющемъ мгновенно достояніе, собранное годами, десятками лѣтъ? Тутъ и моря нѣтъ, нѣтъ и огня, и князь-то, можетъ-быть, еще человѣкъ добрый, а все, тѣмъ не менѣе, потому что ему захотѣлось взглянуть на имѣнія свои, я долженъ умереть съ голоду или цѣлую жизнь страдать и плакаться! Вотъ къ чему ведетъ хоть невинное нарушеніе закона! Кто тутъ виноватъ? Пожалуй, окажется, что не виноватъ никто. Оборвалось все на мнѣ, человѣкъ совершенно постороннемъ, о существованіи котораго ни князь, ни почтовое начальство, ни контора никогда даже знать не будутъ... Заплатилъ бы, пожалуй, и десять рублей за вольныхъ, да всего-то у меня въ карманѣ пятьдесятъ, а еще станцій десятокъ впереди. Съ чѣмъ же я прїѣду?—да и доѣхать пожалуй будетъ не начто.»

Грусть меня одолѣвала. Заняться не чѣмъ, побесѣдовать не съ кѣмъ... Теперь радъ-радъ бы былъ проѣзжему, хоть какому бы то ни было, только раздѣливъ бы мое горе, только сталъ бы слушать терпѣливо мои жалобы. Судьба противъ всякаго ожиданія услыхала мою молитву; зазвенѣлъ колокольчикъ, подѣхала тройка, и изъ нея вышелъ или, лучше, выпрыгнулъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно франтовски одѣтый, безпрестанно смотрящій въ лорнетъ, даже и на такіе предметы, которые были у него подъ носомъ. Объявленный ему отказъ въ лошадахъ онъ принялъ съ мелодраматическимъ отчаяніемъ; охалъ и вздыхалъ такъ замѣтно и рельефно, какъ охаютъ и вздыхаютъ на сценѣ, и говорилъ безпрестанно, переходя по всѣмъ тонамъ разговорной музыки. Онъ какъ-то мило картавилъ, чрезвычайно часто ввертывалъ въ рѣчь французскія слова безъ всякой надобности, и съ перваго раза заговорилъ со мной языкомъ давнишняго знакомаго.

Другая отличительность этого господина помѣщика состояла въ томъ, что онъ не болѣе какъ черезъ четверть часа нашего знакомства, сталъ мнѣ говорить ты, безъ всякаго, ей Богу, повода съ моей стороны. Хвастливость тоже отчасти принадлежала къ добродѣтелямъ моего собесѣдника, и онъ, видя во мнѣ, вѣроятно, человѣка, который, не зная его общественнаго положенія, не можетъ уличить его во лжи, предался хвастливости этой вполне. Чего не насаказалъ онъ мнѣ тутъ! Какими связями, какими знакомствами, какимъ родствомъ не хвасталъ! По его словамъ, можно было подумать, что первѣйшіе сановники въ

имперіи за честь ставятъ или быть съ нимъ въ родствѣ, или быть съ нимъ знакомыми, и когда онъ прїѣдетъ въ столицу, тащатъ его къ себѣ наперерывъ, отнимая одинъ у другаго. Онъ выражался какъ-то особенно, какъ-то дико и неловко, но ему прощались все изъ снисхожденія къ его вѣчному младенчеству.

Онъ былъ не совсѣмъ глупъ, ежели хотите, но смѣяться надъ нимъ, дурачить его можно было свободно и безнаказанно: ибо всѣ насмѣшки надъ собою онъ очень простодушно называлъ мистификаціей, не болѣе.

— А представь себѣ, говорилъ онъ мнѣ, — какую странную вещь недавно я слышалъ! Право, я диву дался. Увѣрялъ, братецъ, человекъ серьезный, ну, знаешь, такой, что не вѣрить нельзя: генералъ, орденами обвѣшанъ, — ну какъ же не вѣрить?

— Что жъ это такое?

— Диковинка, братецъ, совершенная диковинка. Говорить, самъ видѣлъ. Видишь ли: въ 1812 году, во время нашествія Французовъ, людей, братецъ, очень поубавилось. Ну гдѣ отъ болѣзней, гдѣ побиты, только поубавилось сильно. Кто-то изъ нашихъ братьевъ по-мѣщиковъ и предложилъ мысль: мысль геніяльная, нельзя не сознаться! такая мысль, что въ государственные мужи за нее произвести можно: за недостаткомъ людей изъ медвѣдей полкъ составить. Такъ же, братецъ, шатаются по лѣсамъ, такъ не лучше ли въ дѣло ихъ употребить? А! какво? Вѣдь это, братецъ, сюжетъ. Ну и вѣрно было въ Тамбовской да въ Нижегородской губерніи наборъ произвести... Произвели, братецъ, наборъ; очень хорошо; оказалось только, офицеровъ нѣтъ. Думали, думали—рѣшили такъ, что надо изъ дворянъ набрать. Генералъ, братецъ, говоритъ, что къ нему приходилъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ, и даже, братецъ, въ ногахъ ваялся, чтобъ его избавить отъ медвѣжьяго полку, въ резонъ привелъ, братецъ, что жена и дѣти малолѣтныя, такъ плачутъ очень, боятся чтобъ медвѣдь... ну самъ разсуди, хотъ и обученъ артикулу, а все, братецъ, медвѣдь; какъ хочешь, опасно. Генералъ вошелъ въ его положеніе, ну и избавилъ разумѣется.

Я посмотрѣлъ на моего сосѣда, не зная балагурить ли онъ, или нѣтъ. Но лицо его было такъ искренно простодушно, что я не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать ему вопроса:

— И вы вѣрите этому?

— Какъ же, братецъ, не вѣрить? Генералъ говорилъ; ордена разные имѣеть.

— Можетъ, онъ шутникъ, и...

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, человѣкъ серьезный, слова даромъ не бросить.

Я хотѣлъ было возражать; но въ это самое время на улицѣ закричали: «ѣдетъ, ѣдетъ!» Смотритель вскочилъ въ пассажирскую, оправляя воротникъ сюртука, который онъ только что надѣлъ, и который вѣроятно считался у него праздничнымъ, потому что таія сидѣла на плечахъ, а рукава на цѣлую четверть были длиннѣе рукъ. Онъ принялся примасливать себѣ голову и охорашиваться съ такими смѣшными движеніями, что я не могъ не расхохотаться. Замѣтя по этому хохоту наше присутствіе, онъ закричалъ сердито:

— Чтò жъ вы здѣсь дѣлаете? развѣ не слышите, что князь ѣдетъ?

— Слышимъ, да что жъ намъ до этого? Мы проѣзжіе и имѣемъ право быть здѣсь.

— Помилуйте, какъ же это можно? закричалъ онъ даже съ нѣкоторымъ ужасомъ. — Князь войдетъ сюда, а вы здѣсь. Развѣ его сѣятельство это потерпѣть? Выйдите же вонъ, говорю вамъ.

— Куда жъ намъ выйдти?

— На ту половину. Поскорѣй же; слышите, колокольчикъ уже чуть не у крыльца.

Мы пошли было на другую половину; но какъ она состояла изъ крошечной комнатки, гдѣ смотритель спалъ, кухни гадкой и грязной до нельзя, и въ обѣихъ воняло такъ отвратительно, что тамъ не возможно было оставаться, то мы и воротились назадъ въ пассажирскую. Увидя насъ, смотритель пришелъ въ совершенное отчаяніе. Онъ только что не вытолкалъ меня изъ комнаты (съ моимъ товарищемъ онъ обходился учтивѣе), и мы волей-неволей должны были отправиться въ кухню и тамъ просидѣть до отъѣзда князя, чтò продолжалось около доброй четверти часа.

Передовой князя, его адъютантъ, что ли, ужь право не знаю, кричалъ, бѣсновался и давалъ толчки направо и налево съ необыкновеннымъ великодушіемъ. Когда наконецъ все было приготовлено къ принятію высокой особы, онъ простилъ великодушнаго смотрителю, что ямщики провезли его лишнѣхъ десять минутъ, несмотря на то, что ямщики были не съ этой станціи, и далъ на водку по двугривенному ямщикамъ. Конечно за лошадьми остановки не было. Всѣ бѣгали и кричали, какъ будто бы случился потопъ или пожаръ; но запрягли скоро, даже скорѣе, нежели подпочту, чему впрочемъ много способствовали подзатыльники адъю-

танта, выходявшаго раза два справитсья о томъ, готовы ли лошади.

Когда князь уѣхалъ, и мы воротились въ пассажирскую, смотритель, не понимавшій себя отъ радости, что удостоился счастья говорить съ такою высокою особой, началъ намъ разказывать обо всѣхъ подробностяхъ, показывалъ съ математическою точностію даже мѣсто, гдѣ стоялъ князь, какъ будто бы тутъ оставался еще слѣдъ его пребыванія; разказалъ, что князь сморкнулся, потомъ прошелъ два шага, почесалъ голову, спросилъ его объ урожаяхъ, потомъ ругнулъ слегка и изволилъ приказать, чтобы черезъ десять дней, 9-го или 10-го числа, лошади опять ему были готовы.

— Ну, а каковъ князь собой-то?

— Важный баринъ; брюшкомъ эдакъ все впередъ, а ничего!.. Видно, что князь...

Лошади изъ-подъ князя воротились только на слѣдующее утро, да и то не въ полномъ комплектѣ: двѣ изъ нихъ остались въ грязи на съѣденіе вранамъ и птицамъ небеснымъ. Когда я посмотрѣлъ въ книгу, то увидалъ, что князь на восьми лошадяхъ, по четверкѣ въ экипажъ, а запрягли ему пятнадцать. Это я видѣлъ собственными глазами: девять въ одинъ и шесть въ другой.

По счастью, наступившій день былъ не почтовый, и проѣзжихъ не было. Слѣдовательно около обѣда мы съ хвастливымъ господиномъ могли наконецъ отправиться. Но и тутъ ему запрягли прежде, а мнѣ послѣ, несмотря на то, что мое право было сутками старше его права.

...Я пропустилъ сроки, проигралъ тяжбу и теперь колочусь какъ рыба объ ледъ. Вотъ чтò въ былое время со мною приключилось на станціи!

И. С — въ.

ОТЪ ДЕЛЪГИ ДО КАППУРА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ВОЗСТАНІЯ ВЪ ОСТЪ-ИНДІИ (ДНЕВНИКЪ АНГЛИЧАНКИ)

СТАТЬЯ ДОКТОРА ФЕЛИКСА МЕНАРА

Въ гостинницѣ, гдѣ я живу, остановилась на дняхъ бѣдная Англичанка, жертва бенгальскаго возмущенія, мистрисъ Горн-ститъ. Она выбралась изъ Индіи съ однимъ изъ транспортвъ вдовъ и сиротъ, перевозимыхъ пакетботами по два раза въ мѣсяцъ изъ Калькутты въ Суэсъ. Прибывъ въ Соутемптонъ, она отправилась во Францію искать пріюта въ семьѣ своего мужа, издавна поселившейся въ Туренѣ. Проѣзжая черезъ Парижъ, бѣдная занемогла; къ больной позвали меня.

Медики любопытны. Я спрашивалъ у моей пациентки о первоначальныхъ причинахъ болѣзни, и она разказала мнѣ ужасную повѣсть страданій, перенесенныхъ ею въ Индіи. Нужда, изнеможеніе, горести—вотъ чѣмъ теперь была больна она: противъ этихъ припадковъ, искусство врача безсилно!

Я самъ страдалъ, я трепеталъ въ ужасѣ, слушая разказъ объ этой долгой пыткѣ. Женщина эта жила счастливо и богато, вмѣстѣ съ мужемъ, съ дочерью и сыномъ; теперь у ней нѣтъ ни мужа, ни дѣтей, ни своего куска хлѣба. Сынъ, двухлѣтній ребенокъ, былъ распятъ на стѣнѣ, въ присутствіи своей матери; дочь, осмнадцати-лѣтняя дѣвушка, перенесла всевозможныя оскорбленія отъ сипаевъ; трупъ ея гниеть въ одномъ изъ канпурскихъ колодцевъ. Отецъ страдалъ немного; онъ убитъ прежде

дѣтей своихъ пулею въ сердце. Жена сама вырыла могилу своему мужу, не желая, чтобы трупъ его достался въ добычу хищнымъ птицамъ.

Я выпросилъ у мистриссъ Горнститъ позволеніе обнародовать эту одиссею слезъ и крови. Мнѣ трудно было побѣдить въ ней нежеланіе гласности и успокоить ея нерѣшительность; наконецъ мнѣ это удалось, и я пишу теперь эти страшныя подробности, такъ сказать, подъ ея диктовку.

I.

11-го мая 1857 года. Мы поразбогатѣли; семья умножилась... Богъ далъ мнѣ сына, послѣ шестнадцатилѣтняго безплодія, какъ бы въ услажденіе угрожавшаго мнѣ одиночества вслѣдствіе замужества дочери моей Елены, которая была тогда помолвлена. Мужъ мой заботился уже о возвращеніи нашемъ въ Европу; онъ хлопоталъ о продажѣ или отдачѣ въ арендное содержаніе нашей факторіи индиго, и съ этою цѣлю велъ почти ежедневную переписку съ калькуттскими, мадрасскими и бомбейскими агентами и маклерами.

Эти господа, въ каждомъ письмѣ, сообщали мужу, между прочимъ, о положеніи дѣлъ въ Европѣ и въ президентствахъ обитаемой нами страны. Они увѣдомили насъ о первыхъ признакахъ возмущенія туземныхъ войскъ, расположенныхъ въ Бенгалѣ, о томъ какъ одинъ ласкаръ привелъ въ арсеналъ брамина и доказалъ, что бумага въ новыхъ боевыхъ патронахъ пропитана свинымъ и говяжьимъ саломъ; они сообщили намъ о пожарѣ электро-телеграфической станціи въ Бараикпурѣ, о возмущеніи 19-го пѣхотнаго полка сипаевъ въ Берампурѣ; о преступленіи Могола-Понди, о его смертномъ приговорѣ, вмѣстѣ съ офицеромъ сипаевъ, и о ихъ экзекуціи. Они писали къ намъ, что въ окрестностяхъ Калькутты каждую ночь бываютъ пожары, что мѣстное начальство встревожено появленіемъ подозрительныхъ людей, шатавшихся по селеніямъ президенства въ одеждѣ странниковъ-богомольцевъ, раздававшихъ жителямъ пироги странной формы, что поселяне потомъ сами пекли такіе же пироги и разносили ихъ по другимъ деревнямъ, которыя не были посѣщены тѣми пилигримами.

«Цвѣтокъ лотуса, писали они, замѣнялъ собою пирогъ на кан-

тонирь-квартирахъ войскъ. Часто такой цѣтокъ, явившійся Богъ вѣсть откуда, переходилъ изъ рукъ въ руки на парадахъ и ученьяхъ полковъ. Каждый солдатъ разсматривалъ внимательно цѣтокъ, и молча передавалъ его сосѣду.»

Извѣстія эти напугали насъ, и мы всѣ нетерпѣливо желали возвратиться въ Европу. Пораздумавъ впрочемъ немного, мы почли эти вѣсти преувеличенными: агенты наши имѣли много причинъ возбуждать наши опасенія и поддерживать желаніе покинуть страну, которой угрожаютъ безпорядки. Эти люди могли спекулировать на нашъ страхъ, который необходимо долженъ былъ умѣрить нашу требовательность относительно цѣны продаваемой нами факторіи и сроковъ уплаты за нее. Инженерный поручикъ Вильямъ Гудсъ, женихъ моей дочери, раздѣлялъ это мнѣніе; онъ каждый вечеръ пріѣзжалъ въ *бенгалю* (усадебю), и его посѣщенія казались намъ ручательствомъ за нашу безопасность. Онъ такъ язвительно глумился надъ возмущеніемъ сипаевъ, такъ смѣшно разказывалъ случаи, какъ четыре англійскіе солдата переколотили четыре батальюна Индусовъ! Онъ нѣсколько успокаивалъ насъ; зато въ его отсутствіе, въ особенности когда служба удерживала его на цѣлыя сутки въ крѣпости Селимгорчъ, тоска овладѣвала нашимъ небольшимъ кружкомъ, и мы опять начинали вѣрить зловѣщимъ новостямъ нашихъ агентовъ.

Мнѣ каждую ночь грезились страшные сны, и тайное предчувствіе говорило мнѣ, что мы должны торопиться продажей нашего помѣстья, и что наше благосостояніе виситъ на волоскѣ. Иногда я бывала въ такой тревогѣ, что готова была отдать половину нашего имѣнія, даже все наше состояніе, чтобы въ эти минуты находиться съ мужемъ и дѣтьми моими на какомъ-нибудь пароходѣ, и на всѣхъ парахъ уходить за Коморинскій мысъ. Когда я ввѣряла мои опасенія мужу, онъ смѣялся надо мною и клялся, что прежде чѣмъ отправится изъ Индіи, неразъ еще страхнетъ плоды съ золотой смоковницы (*of the golden tree*).

Наша плантація индиго приносила значительный доходъ. Въ цѣломъ Аллагабадскомъ президентствѣ не было ей равной. Домъ Маркса въ Калькуттѣ (контора для продажи мѣстныхъ продуктовъ) получалъ отъ насъ ежегодно до пятисотъ *maunds* нашихъ произведеній (около тысячи пудовъ). По расчету Петерса (моего мужа) состояніе наше, обращенное въ наличность, составляло до 50,000 фунт. стерл. (слишкомъ 300,000 р.), и если бы намъ вздумалось отложить

нашъ отъѣздъ до 1860 г., мы могли съ увѣренностію рассчитывать на приращеніе еще 20,000 ф. стер. Я знала, что мужу хотѣлось остаться въ Индіи до этого времени, чтобы вознаграждать себя за издержки на приданое дочери, но не желая огорчать меня, онъ скрывалъ это желаніе и не противорѣчилъ мнѣ, когда я замѣчала ему, что у насъ много враговъ между *райотами* (земледѣльцы округа).

Райоты—всегдашніе непріатели плантаторовъ индиго. Впрочемъ на насъ имъ нечего было роптать. Мы никогда не утѣсняли этихъ бѣдныхъ сосѣдей: они получали заработную плату всегда впередъ и вмѣсто двухъ рупій (около 64 коп.) за обработку одного *бмаала* (поле съ индиго) мы платили три рупіи и не требовали болѣе трехъ вязокъ индиго на одну рупію, между тѣмъ какъ другіе плантаторы требовали по четыре.

Одинъ изъ маклеровъ пытался, въ мартѣ мѣсяцѣ, свести насъ съ покупателемъ, но мужъ мой не принялъ его предложеній.

Теперь, когда внезапный обвалъ бѣдствій поглотилъ все, что меня окружало, и состояніе, и семейство, я съ жестокииъ самодовольствіемъ припоминаю себѣ предупрежденія, неразъ ниспосланныя мнѣ тогда Провидѣніемъ.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ мужъ мой отказался отъ продажи имѣнія, мы прогуливались вдоль берега рѣки Джумны, протекающей подъ стѣнами Дельги. Елена шла подъ руку съ своимъ женихомъ, а малютка Вилль бѣгалъ впереди; между тѣмъ какъ мужъ мой шелъ за нами, опровергая аргументы патера Метью, который излагалъ свою новую теорію, по словамъ его неизбежную, къ обращенію Индійцевъ въ христіанство, даже противъ ихъ собственной воли. Мы пришли къ мѣсту, на которомъ тропинка круто поворачивала. Факиръ, лежавшій ничкомъ поперекъ тропинки, загородилъ намъ дорогу. Вилль, бѣгавшій впереди, бросился ко мнѣ въ испугъ; поручикъ приказалъ факиру удалиться, но онъ не трогался съ мѣста.

— Поднимите эту собаку и бросьте ее въ воду, сказалъ поручикъ подзывая къ себѣ движеніемъ руки четырехъ конвойныхъ, повсюду его сопровождавшихъ.

Солдаты подбѣжали, но я не допустила ихъ исполнить приказаніе офицера; мнѣ вообразилось, что бѣднякъ лежалъ въ этомъ положеніи, чтобъ умилостивить проходящихъ.

— Снеси ему эту рупію, сказала я потихоньку моему сыну, подавая ему деньги.

Вилль безъ робости подбѣжалъ къ нищему, нагнулся къ нему,

подсунулъ монету между землею и лицомъ факира, и рѣзвись и прыгая возвратился ко мнѣ. Факиръ поднялъ голову, и все еще оставаясь на колѣняхъ, содвинулся съ тропинки, и когда Елена проходила мимо его съ женихомъ своимъ, сказалъ имъ рѣзкимъ голосомъ, опираясь ладонями о землю:

— Скоро всѣ дороги очистятся...

Мужъ мой и пасторъ обогнали насъ; факиръ встрѣтилъ ихъ слѣдующими словами:

— Поклонники истиннаго Бога восторжествуютъ завтра.

Но когда я подошла къ нему съ Виллемъ, который вдругъ объѣлъ и прижался ко мнѣ, держась за мое платье, факиръ измѣнилъ положеніе и заговорилъ другимъ тономъ. Поднявъ руки къ небу и запрокинувъ туловище назадъ, онъ прошепталъ слова, приведшія меня въ ужасъ:

— Бѣдное дитя, эта милостыня не выкупить тебя изъ бѣды...

За объѣдомъ я разказала слова нищаго, и призналась, что они меня встревожили; но надо мною смѣялись, и поручикъ разказалъ намъ такъ много случаевъ, доказывавшихъ дерзость и бессмысленность этихъ мнимо-вдохновенныхъ, что я сама начала смѣяться надъ своими опасеніями, а вскорѣ и совѣсть о нихъ забыла.

Другой разъ, на той же недѣлѣ, мужъ мой объѣдалъ въ главномъ штабѣ, въ Дельги; онъ запоздалъ тамъ и возвратился уже въ два часа утра. Я очень безпокоилась, боясь, чтобы онъ не встрѣтилъ *таговъ* (*thugs*, душителей) на пышкотномъ мосту, что на мнрутской дорогѣ, и хотѣла уже посылать къ нему на встрѣчу нѣсколько слугъ изъ Англичанъ, какъ вдругъ услышала конскій топотъ у подѣзда. Это былъ мужъ мой, сопровождаемый маленькимъ конвоемъ подъ командою сержанта изъ туземцевъ, служившаго въ ротѣ поручика Вильямса. Не успѣлъ мужъ мой сойти съ лошади, какъ я была уже въ его объятіяхъ и упрекала его за встревожившее меня замедленіе. Онъ успокоилъ и утѣшилъ меня, и въ этихъ переговорахъ забылъ дать конвойнымъ *бакшишъ* (на водку). На другой день нашъ смотритель за работами сказалъ намъ, что солдаты уѣхали очень недовольные, произнося угрозы, и что сержантъ заставилъ ихъ молчать, увѣряя, что этотъ долгъ не пропадетъ и будетъ вскорѣ заплаченъ вмѣстѣ съ долгами *Augreen raja* (владычество Англіи).

Впрочемъ, вокругъ насъ все было спокойно: работы нигдѣ не были прерваны, и торговля, какъ говорили, процвѣтала въ Дельги, въ Агрѣ и въ главнѣйшихъ городахъ по *Great-trunk-road*

(большая дорога въ Индостанъ); но на лицахъ служившихъ у насъ мусульманъ и Индусовъ выражалось что-то грозное, мрачное, равно какъ и у райотовъ, нашихъ сосѣдей, у браминновъ и у факировъ, просившихъ подавннн у нашего порога; то же чувствовалось и въ полкахъ, солдаты которыхъ прогуливались по вечерамъ около плантаціи. Изъ Лакнау принеслись слухи о возмущеніи. Поговаривали о появленіи таговъ и дакотовъ (душители и поджигатели) въ Аудскомъ королевствѣ; разошлась молва, будто Конды вышли изъ угорій, и что Панвы (поклонники богини Кали) похищали у Европейцевъ дѣтей. Называли даже англійскія семейства, обитавшія въ Джепурскомъ и Эймирскомъ округахъ, дѣти которыхъ сдѣлались *меріями* и были принесены въ жертву на алтаряхъ богини Кали.

Говорили также, что въ пагодахъ и мечетяхъ возсылались публично мольбы о восстановленіи династіи *Тамермдовъ*, и скоро сбудется пророчество, что владычество Англии продлится только сто годовищинъ отъ сраженія подъ Плеси (въ 1757 г.).

Однако въ дельгійскомъ гарнизонѣ и въ расположенныхъ по сосѣдству войскахъ не обнаруживалось ни малѣйшихъ признаковъ возмущенія. Апрель прошелъ спокойно, а приготовления къ свадьбѣ Елены заставили меня позабыть и мои предчувствія, и мой страхъ.

Но гроза приближалась....

10—11 числа мая (я ставлю двойное число, чтобы сравнить разницу меридіановъ Бенгала и Франціи), поутру, наканунѣ свадьбы моей дочери, когда мы садились за завтракъ, Саилли, сержантъ роты Вильямса, вдругъ растворилъ двери столовой и просилъ у поручика позволенія переговорить съ нимъ. Входъ этого солдата безъ доклада, его смущеніе, дрожащій голосъ, поспѣшность, съ которою онъ увлекъ поручика изъ комнаты, тревожный разговоръ ихъ на *верандѣ* (сѣни передъ домомъ), жесты сержанта, видѣнные нами въ окно, все это смутило и встревожило насъ; вставъ изъ-за-стола, мы пошли къ нимъ, но Саилли скакалъ уже во всѣ поводи по дорогѣ въ Дельги, а Вильямсъ приказывалъ своему конвою быть въ готовности немедленно отправиться въ путь.

— Какія вѣсти привезъ Саилли? что онъ вамъ разказывалъ? зачѣмъ вы уѣзжаете, Вильямсъ? не скрывайте отъ насъ ничего. Эти вопросы и тысячи другихъ посыпались со всѣхъ сторонъ на поручика; у насъ было многочисленное общество; многіе уже съѣхались на свадьбу, въ особенности живущіе далеко отъ насъ.

— Успокойтесь! нѣтъ ничего страшнаго, отвѣчалъ Вильямсъ съ принужденнымъ спокойствіемъ. — Бригадный начальникъ Гревсъ требуетъ меня немедленно къ себѣ; вотъ и все!

Но его смущеніе и блѣдность лица опровергали успокоительныя слова его. Елена схватила жениха своего за руки и умоляла его объявить намъ, какая угрожаетъ опасность. Онъ не въ силахъ былъ открыть грозную истину; освободился изъ рукъ Елены, какъ только конвой его сѣлъ на конь и выстроился на луговинѣ; конюшій подвелъ ему лошадь; онъ вскочилъ на нее и, пославъ намъ привѣтствіе рукою, помчался вскачь по дорогѣ.

Но этотъ поспѣшный отъѣздъ былъ только уловкою; поручикъ хотѣлъ только ускользнуть отъ нашихъ настоятельныхъ разспросовъ. Прѣхавъ до половины аллею, ведущую къ большой мирутской дорогѣ, онъ воротился, миновалъ луговину, прѣхалъ черезъ *биази* и, пробравшись вдоль людскихъ, въ которыхъ жили наши индійскіе слуги, и мимо хозяйственныхъ строеній, прѣхалъ на *бенало*, между тѣмъ какъ мы печально опять усѣлись около стола.

Минуту спустя, *дурванъ* (привратникъ, довѣренный человекъ) природный *Кавальпалли* (каста ночныхъ сторожей, прислужниковъ), вошелъ въ залу и просилъ позволенія поговорить съ глазу на глазъ съ моимъ мужемъ. Спокойствіе и равнодушіе дурвана, который по роду своихъ обязанностей часто являлся съ подобными просьбами, не возбудили во мнѣ никакихъ подозрѣній. Мужъ мой вышелъ съ нимъ, а мы продолжали завтракать, сообщая другъ другу догадки относительно внезапнаго отъѣзда Вильямса.

Прошло пять, десять минутъ, четверть часа, а мужъ мой не возвращался. Мнѣ очень хотѣлось пойти осведомиться о причинахъ его отсутствія, но я не рѣшалась сдѣлать это, боясь встревожить гостей. Наконецъ онъ возвратился, въ то самое время какъ дамы вставали отъ стола, и спокойно сѣлъ на свое мѣсто. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ. Всѣ замолчали, ожидая отъ него объясненій, но онъ только подалъ мнѣ знакъ, чтобъ я увела дамъ. Въ моемъ смущеніи я не поняла этого знака, да и не рѣшилась бы послѣдовать ему, еслибъ и поняла. Я поправилась на своемъ стулѣ, дамы сдѣлали то же; водворилось молчаніе, прерываемое только однообразнымъ качаніемъ плутокъ (большихъ опахалъ, привѣшенныхъ къ потолку).

— Ступайте вонъ, крикнулъ вдругъ мой мужъ, обращаясь къ слугамъ (изъ туземцевъ) и дѣлая повелительный знакъ рукою: — вонъ!...

Слуги вышли.

— Не получили ли вы извѣстія о банкротствѣ какого-нибудь дома въ Калькуттѣ или Лондонѣ? спросилъ почтенный ротекскій пасторъ.

— Хорошо, еслибы только это, отвѣчалъ мужъ мой. Потомъ, обращаясь къ дамамъ, онъ сказалъ: — Оставьте насъ, леди, умоляю васъ; намъ нужно переговорить о серьезныхъ вещахъ; мы должны обсудить весьма важное дѣло. Вы скоро все узнаете; но прежде оставьте насъ однихъ. Мы должны сохранить все присутствіе духа, всю независимость мысли.

Волненіе наше усилилось, но ни одна изъ дамъ не покинула своего мѣста.

— Ну, такъ знайте же, продолжалъ мой мужъ, — что войска, расположенныя въ Мирутѣ, взбунтовались, перерѣзали всѣхъ своихъ англійскихъ офицеровъ, равно какъ и англійскихъ жителей города, и идутъ теперь на Дельги. Бригадный начальникъ Гревъзъ выступилъ имъ навстрѣчу. Онъ прислалъ Вильямсу приказаніе немедленно присоединиться къ его ротѣ. Вильямсъ самъ разказалъ мнѣ все это. Онъ не хотѣлъ говорить объ этомъ Еленѣ и этимъ дамамъ. Онъ пробрался сюда черезъ *билази* и прислалъ за мной дурвана.

Эти вѣсти какъ громомъ поразили насъ: мы всѣ, мужчины и дамы, повскакали изъ-за стола, и мужъ мой, осыпанный вопросами, которые прерывались криками и стопами, съ трудомъ могъ водворить тишину. Двѣ дамы, мужа которыхъ служили офицерами въ 3-мъ кавалерійскомъ полку туземцевъ, квартировавшемъ въ Мирутѣ, лишились чувствъ; дочь моя, желая скрыть свое отчаяніе, обратилась къ стѣнѣ, подняла руки къ небу и упала на колѣни. Я бросилась къ ней, но двѣ дѣвушки, дочери сикондерабадскаго плантатора, пріѣхавшія на свадьбу безъ своихъ родителей, остановили меня, схватясь съ пронзительными криками за мое платье. Шумъ и суматоха возрастала; мужа, отцы, братья, всѣ были въ страшномъ волненіи и не могли придумать никакихъ средствъ охранить себя отъ бѣшенства сипаевъ. Мы дѣйствительно были въ опасности, потому что наше жилище было на дорогѣ изъ Мирута въ Дельги, по которой шли инсургенты.

Наконецъ всѣми уважаемый пасторъ Грантъ усмирилъ суматоху. Онъ громогласно молилъ всемогущаго Бога, заступника всѣхъ слабыхъ, о защитѣ, и пригласилъ женщинъ выйти изъ залы, для того, чтобы мужчины могли свободнѣе совѣщаться, что въ этомъ случаѣ должно дѣлать.

Я повиновалась первая; дамы послѣдовали за мною на *веранду*, которую окружили множество туземцевъ, работавшихъ въ факторіи. Они знали уже о случившемся, и встрѣтили насъ съ извѣщеніями преданности, прося оружія, чтобы отразить разбойниковъ, еслибъ они напали на плантацію. Я велѣла позвать моего сына, моего маленькаго Вилля; малабарская женщина, его нянька, принесла мнѣ ребенка. Я осыпала его поцѣлуями, прижимала къ сердцу; и вдругъ почувствовавъ въ себѣ силу мущины, подняла его надъ головами толпы, которая привѣтствовала его кликами и снова увѣряла въ своей преданности и вѣрности.

Всѣ такъ любили моего маленькаго Вилля! Помощь больнымъ, подаваніе бѣднымъ, призрѣніе дѣтямъ нашихъ служителей и работниковъ, словомъ все добро, которое мы оказывали, дѣлали мы именемъ маленькаго Вилля.

Привѣтъ этихъ Индійцевъ ободрилъ меня, и я думала, что если народъ не приметъ участія въ мятежѣ сипаевъ, правительство скоро возстановитъ порядокъ и спокойствіе. Но я снова затрепетала, не вида ни одного райота въ числѣ нашихъ служителей. *Патеты*, или сельскіе старосты, должны были бы, кажется, придти и предложить свою помощь богатѣйшему изъ плантаторовъ округа, который давалъ работу множеству рукъ. Не воспользуются ли эти природные враги европейскихъ плантаторовъ возмущеніемъ индійскихъ солдатъ, чтобы дать полную волю своей ненависти и жестоко-сердью, съ трудомъ укрощаемому бдительною англійскою полиціей? Если это такъ, то мы погибли невозвратно. Грабежъ, пожары, убійства, всевозможныя бѣдствія угрожаютъ намъ. Боже праведный! какъ я мало однакожь предвидѣла то, что случилось!

Когда мужъ мой, въ сопровожденіи гостей своихъ, вышелъ на *веранду*, снова раздались клики Индійцевъ: «Смерть сипаямъ! смерть мусульманамъ! смерть взбунтовавшимся собакамъ!»

II.

Несмотря на совершенную безопасность, которою пользовалась страна съ давнихъ лѣтъ, Европейцы, поселившіеся внѣ городской черты, всегда имѣли небольшой запасъ оружія и снарядовъ. Дикіе звѣри, населяющіе окрестныя крѣпи, часто рыскаютъ возлѣ самыхъ жилищъ, и противъ нихъ—то предосторожность эта была необходима. Я видѣла какъ люди наши убивали

шакаловъ и волковъ въ десяти шагахъ отъ дома, а ревъ тигровъ часто будилъ меня ночью. Мы растворили двери нашего арсенала и роздали до пятидесяти ружей англійскимъ слугамъ и отважнѣйшимъ изъ туземныхъ. Гости, прїѣхавшіе на свадьбу, раздѣлили между собою охотничьи ружья; кромѣ того, у каждаго изъ нихъ былъ при себѣ неизбѣжный револьверъ. Ящикъ съ патронами мигомъ опустѣлъ, и спустя часъ послѣ отъѣзда поручика Вильямса, оборонительное положеніе факторіи было почти удовлетворительно.

Насъ (женщинъ), какъ бесполезныхъ трусихъ, помѣстили на чердакъ. Я никогда не забуду переходовъ то къ отчаянію, то къ смиренной покорности судьбѣ въ моихъ подругахъ, которыхъ я видѣла тогда въ послѣдній разъ въ жизни. Мы похожи были на партію осужденныхъ, ожидающихъ плахи и палача. Подъ разгорѣвшеюся отъ солнца крышею, жаръ былъ нестерпимъ, но большая часть изъ насъ задышалась не отъ жара, а отъ рыданій. Однѣ, прижавшись въ уголку и закрывъ лицо руками, плакали; другія прислушивались къ небывалому шуму и увѣряли иногда, что до слуха ихъ долетали неистовые крики мятежниковъ. Богѣе отважныя, къ числу которыхъ, могу сказать, принадлежала и я, утѣшали безутѣшныхъ и старались вдохнуть надежду въ робкія души тѣхъ, которыя уже потеряли всякую надежду. Съ нами былъ только одинъ ребенокъ, мой маленькой Виль; я прижимала его къ груди своей, и въ эти минуты чувствовала въ себѣ и львиную смѣлость, и львиную силу. Намъ было видно, въ слуховыя окна чердака, обширное пространство страны. Къ востоку, бѣловатая пыльная дорога въ Мирутъ, выбѣгала изъ густой зелени рощъ, окружавшихъ факторію; къ западу виднѣлось передовое укрѣпленіе у моста на плашкотахъ черезъ Джумну; бастионы укрѣпленія Селимгорчъ, въ которомъ развѣвался, на высокому древкѣ, англійскій флагъ, куполы дворца древнихъ Моголовъ и высокіе минареты Дельги; къ сѣверу и югу разстилались обработанныя поля, съ разбѣянными по нимъ деревушками. Необозримыя заросли виднѣлись на горизонтѣ.

Тѣ изъ насъ, которыя еще не совсѣмъ потеряли бодрость, стали на сторожѣ у восточнаго слуховаго окна. Прошло два часа спокойствія или правильнѣе томительнаго ожиданія. Ничто не возвѣщало еще бури. Отъ времени до времени по дорогѣ въ Дельги скакали туда или обратно всадники или курьеры. Мы начинали уже думать, что инсургенты разбиты и оттѣснены къ ихъ кантониръ-квартирамъ. Даже мирутскія дамы раздѣляли это пред-

положеніе, и старались поддержать нашу вѣру въ него, расхваливая искусство и распорядительность тамошняго генерала.

Вдругъ, со стороны Джумны послышались звуки трубъ, и хотя вѣтеръ дулъ съ нашей стороны, звуки эти, казалось, все болѣе и болѣе приближались къ намъ. Затѣмъ грянула полковая музыка, и мы увидѣли, сначала авангардъ, а вслѣдъ за нимъ небольшой отрядъ войскъ, проходившій въ концѣ аллеи, съ криками: «да здравствуетъ Англія, да здравствуетъ королева!» Это былъ генералъ Гревзъ, шедшій на встрѣчу мятежникамъ.

Увидя этихъ храбрыхъ воиновъ, мы забыли наши опасенія и поздравили ихъ съ побѣдою, еще прежде сраженія. Женщины обѣжали съ чердака, спѣша обнять мужей и братьевъ своихъ. Наше вооруженіе было теперь излишнимъ, но люди удержали оружіе, чтобъ охранять насъ ночью отъ мародеровъ.

Всѣ мы собрались въ кучу на концѣ аллеи, чтобы скорѣе имѣть извѣстія о результатѣ стычки. Не долго ждали мы этихъ извѣстій. Вскорѣ туча пыли поднялась со стороны Мирута, быстро приближалась къ намъ и охватила кругомъ нашу небольшую группу. Съвозъ клубы пыли мы видѣли иногда какъ кавалеристы и артиллерійскіе офицеры неслись назадъ съ своими командами и орудіями; иногда вдругъ оборачивались они снова на непріятеля и обдавали картечью толпы сипаевъ, которые стремительно набѣгали на нихъ, какъ морскія волны на отлогій берегъ.

Состоявшіе подъ начальствомъ бригадира Гревза 38, 54 и 74 полки передались непріятелю, и Гревзъ вынужденъ былъ ретироваться съ слабымъ прикрытіемъ. Онъ остановился на концѣ нашей аллеи, возлѣ каменнаго павильона, занимаемаго привратникомъ. Здѣсь дорога идетъ по возвышенности, и съ этой-то возвышенности артиллерія бригадира очень успѣшно дѣйствовала, господствуя надъ непріятелемъ.

Это геройское сопротивленіе имѣло гибельныя послѣдствія для насъ. Сипаи не могли овладѣть этою позиціею, бросились толпою на правую сторону дороги и пустились далѣе, оставя въ нашихъ *бималахъ* своихъ раненыхъ.

Мы укрылись внутри *бимало*, не зная на что рѣшиться: бѣжать, или оставаться здѣсь; въ обоихъ случаяхъ мы могли сдѣлаться жертвами бѣшенства раздраженныхъ сипаевъ. Елена звала на помощь Вильямса, но Вильямсъ былъ задержанъ службою въ Делъги и не могъ защитить насъ.

Наши кавалеры рѣшились дорого продать жизнь свою; каждый изъ нихъ, съ револьверомъ въ рукѣ, занялъ свой постъ, кто у две-

рей, кто у оконъ залы. Вдругъ, одинъ изъ Индійцевъ вскочилъ въ партеръ, окружающій веранду, и въ одинъ прыжокъ очутился въ залъ; онъ спросилъ сагиба (хозяина), отдалъ ему лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько словъ карандашомъ, и исчезъ.

Записка эта была отъ Вильямса; вотъ что писалъ онъ:

«Уходите изъ *бенгало* и старайтесь пробраться въ городъ, пока бригадиръ задерживаетъ сипаевъ, и пока пловучій мостъ свободенъ; дайте мнѣ знать, гдѣ вы укроетесь. Я въ караулѣ у арсенала. Мужайся, Елена! Не робейте вы всѣ, и до свиданія.»

Подписано: Вильямсъ Гудсъ.

Нечего было терять времени.

— Боже, да будетъ благословенно имя твое во вѣки вѣковъ, воскликнулъ почтенный Грантъ. Помолимся, друзья мои, продолжалъ онъ, — чтобы Господь принялъ насъ подъ свою защиту.

Помолившись, мы стали собираться въ дорогу; мужъ мой одинъ утверждалъ, что не слѣдуетъ покидать факторіи; онъ надылся, что возмущеніе сокрушится о стѣны Дельги. Проходя по рядамъ туземцевъ, которыхъ мы вооружили, онъ приказывалъ имъ не сопротивляться сипаямъ и даже заботиться о ихъ раненыхъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы благоразуменъ и справедливъ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, но я уже сказала, что упорное сопротивленіе бригадира Гревза привлекло бурю на наши головы. Сипаи, убѣгая отъ картечи, скрылись въ наши рабочія строенія и оттуда угрожали овладѣть и *бенгаломъ*. Ихъ крики: смерть Англичанамъ! смерть воимъ *ferringeers*! убѣждали насъ, что скоро поздно будетъ бѣжать. Я снова стала умолять моего мужа подумать о безопасности дѣтей нашихъ, и онъ согласился наконецъ отправиться изъ факторіи. Мы съ Еленою раздѣлили между собою деньги и драгоценности, намъ подали трехъ лошадей, и мы пустились полями по направленію къ Джумнѣ.

Изъ трехъ сотъ туземцевъ, которымъ мы давали работу и насущный хлѣбъ, только Малабарка, нянька Вилля, и *гоммашадъ* (управитель), добрый, честный мусульманинъ, сопровождали насъ: нянька шла пѣшкомъ, а управитель сидѣлъ на слонѣ, навьюченномъ разными необходимыми вещами, какъ на примѣръ обѣдемъ, платьемъ, съѣстными припасами. Мужъ мой ѣхалъ съ Еленою впереди; я слѣдовала за ними съ моимъ Виллемъ на рукахъ.

Подъѣхавъ къ мосту, я обернулась и увидѣла какъ изъ-за деревьевъ, окружающихъ наше жилище, подымался густой столбъ дыма, по которому вились длинные языки пламени. Я невольно вскрикнула при этомъ зрѣлищѣ. На этотъ крикъ мужъ мой и Елена обернулись, и мы съ нѣмымъ отчаяніемъ смотрѣли, какъ пламя истребляло все наше состояніе.

На мосту тѣснилась толпа любопытныхъ, желавшихъ узнать результатъ встрѣчи войскъ на мирутской дорогѣ. Вѣсть о пораженіи бригадира Гревва быстро распространилась; ожидали прибытія взбунтовавшихся полковъ. Эта надежда придавала народу дерзкую самоувѣренность, и насъ встрѣтили съ грозными криками. Это былъ уже не тотъ народъ, что во дни мира, кроткій и несмѣлый, такъ униженно сторонился, уступая дорогу Европейцамъ. Нынѣ онъ, казалось, вступалъ во владѣніе страной, принадлежавшею его предкамъ, и кони наши едва могли пробиться сквозь эту шумную толпу. На всѣхъ лицахъ, во всѣхъ взорахъ, выражалась ненависть; я трепетала... малѣйшее рѣзкое движеніе нашихъ лошадей могло быть причиною нашей гибели. Еслибы кто изъ толпы, мужчина, женщина или ребенокъ пожаловался, что лошадь его толкнула, тысяча рукъ поднялись бы на насъ, и волны Джумны увесли бы наши трупы.

Мы однако благополучно доѣхали до Калькутскихъ воротъ, но тамъ мы вынуждены были пріостановиться; толпа такъ сгустилась, что невозможно было проѣхать. Нѣкоторые изъ гостей нашихъ, отправившіеся прежде насъ, также тутъ дожидались; въ томъ числѣ два *civilians* (гражданскіе чиновники Остъ-Индской компаніи), взявшіе подъ свое покровительство мирутскихъ дамъ и сикондерабадскихъ дѣвушекъ.

Они сошли съ лошадей.

— Бѣда вамъ, если вы останетесь на лошадяхъ, сказалъ намъ въполголоса одинъ изъ этихъ чиновниковъ.

— Почему же это?

— Эта чернь скоро придетъ въ ожесточеніе, и первые Европейцы, которыхъ она увидитъ, падутъ жертвами ея бѣшенства; слышите, какіе раздаются крики со стороны Президентства?

Въ самомъ дѣлѣ въ этой сторонѣ раздавались громкіе вопли, и по временамъ слышались возгласы: *диннь, диннь* (лозунгъ бунтовщиковъ), сопровождаемые криками: смерть Англичанамъ!

Совѣтъ чиновника былъ очень благоразуменъ. Въ десяти шагахъ отъ насъ толпа сбросила съ коня какого-то Европейца и,

живаго или мертваго, не знаю, столкнула въ тину крѣпостнаго рва. Мы слѣзли съ лошадей и, благодаря наступившему мраку, незамѣтно и безпрепятственно слѣдовали за нашимъ слономъ, который величественно пробирался съвозъ толпу, съ управителемъ на своей спинѣ и съ корнакомъ на шеѣ: Гоммашадъ, сидя на спинѣ слона въ креслахъ съ балдахиномъ (howdah) не подвергался никакой опасности, благодаря своей зеленой чалмѣ. Онъ зналъ наше намѣреніе остановиться у негоціанта Грега и вѣхалъ туда, повидимому вовсе не занимаясь нами. Я хотѣла отдать ему моего малютку, но-милый Вилль не хотѣлъ меня покинуть, обхватилъ мою шею своими ручонками, и я не имѣла духу оторвать его отъ себя.

Положеніе толпы становилось часъ отъ часу грознѣе, по мѣрѣ усиливающагося шума въ серединѣ города. Вскорѣ показались на улицахъ факелы, освѣщавшіе эти волны темныхъ головъ, посреди которыхъ раздались проклятія и крики мщенія, когда на сѣверномъ бастионѣ форта Селимгорчъ, освѣщенномъ внезапно фальшфейерами, появились артиллеристы, съ фитилями въ рукахъ. Но измѣна и мятежъ овладѣли уже крѣпостью, и въ то время какъ толпа раздалась, чтобъ избѣжать картечи, и тѣснилась, съ одной стороны къ городу, съ другой къ берегу Джумны, фальшфейеры погасли, канониры бросили фитили въ ровъ, и темнота снова покрыла амбразуры бастиона.

Рама! рама! рама! закричалъ народъ торжествуя, при видѣ артиллеристовъ, отступившихъ отъ орудій. Волны народа, избѣгавшаго канонады, придвинули насъ къ воротамъ: еще два-три шага слона, и мы вошли бы въ городъ, а вошедши въ городъ, мы были бы спасены. Такъ мы, по крайней мѣрѣ, надѣялись. Дельги, арсеналъ Индіи, Дельги, важнѣйшій стратегическій пунктъ на Востокъ, крѣпость, которую искуснѣйшіе инженеры сдѣлали, какъ говорятъ, неприступною, Дельги представляла безопасное уѣжище всѣмъ, кто искалъ пріюта за ея стѣнами.

Мы уже были подъ сводами воротъ, какъ вдругъ новое движеніе толпы откинуло насъ въ противную сторону. Тревога обнаружилась разомъ съ двухъ сторонъ: внутри и внѣ города. Снаружи гудѣла канонада, почти заглушаемая ревомъ скорѣ дикихъ звѣрей, чѣмъ человѣческихъ голосовъ; въ городѣ гремѣлъ ружейный огонь, раздавались смутные и рѣзкіе звуки индійскихъ трубъ. Повсюду поднимала свои головы гидра возстанія: впереди, позади насъ, по сторонамъ, вездѣ, вездѣ. Между тѣмъ толпа, долго неподвижная, подалась; тѣснясь снаружи, и усту-

пая неодолимою силою, хлынула подъ своды воротъ. Мы шли за этимъ живымъ потокомъ, который вскорѣ вынесъ насъ на эспланаду Магазина, гдѣ толпа такъ же сперлась, какъ и снаружи. Вскорѣ мы узнали причину этого общаго движенія: остатки небольшого храбраго отряда бригадира Гревза, нѣсколько офицеровъ и артиллеристовъ, вступали въ Дельги, пробиваясь сквозь толпу народа, преслѣдуемые инсургентами. Напрасно бригадиръ приказывалъ поднять мосты и запереть ворота; исполненіе этого приказанія было физически невозможно, и передовыя колонны возмущившихся полковъ вслѣдъ за нимъ вступили на эспланаду.

Древняя столица имперіи Моголовъ была во власти сипаевъ, и рвѣнію Европейцевъ должна была вскорѣ начаться.

Я разказываю не исторію взятія Дельги сипаями, а повѣсть моихъ собственныхъ бѣдствій; въ этой неслыханной катастрофѣ я страдала только за себя и за своихъ. Я родомъ не Англичанка, и принадлежу этой націи только по мужу. Охотно отдала бы я знамена и славу моего втораго отечества, всѣ провинціи, всѣ арміи, всѣ сокровища Остъ-индской компаніи, чтобы спасти жизнь моего мужа и дѣтей! Женщины поймутъ этотъ эгоизмъ матери и жены. Мужъ мой, напротивъ того, только о томъ и заботился, чтобы охранить призракъ могущества Англіи. Онъ спѣшилъ укрыть насъ въ надежное мѣсто, чтобы отправиться къ башнѣ Флага, гдѣ бригадиръ Гревзъ назначилъ сборный пунктъ для Европейцевъ, которые въ силахъ были стать подъ ружье.

Мы отдѣлялись мало-по-малу отъ толпы, слѣдуя за нашимъ слономъ и обходя сады Президентства и церковь Св. Якова, чтобы не встрѣтиться съ толпою мятежниковъ, которая шла къ большимъ казармамъ *Келлахъ*. Такъ добрали мы до дому семейства Грегъ. Двери и окна дома были заперты; внутри царствовали мракъ и тишина; казалось, что домъ давно необитаемъ. Петерсъ поднялъ молотокъ главнаго входа, и скромно ударилъ имъ; отвѣта не было. Онъ опять взялся за молотокъ и застучалъ по франкъ-масонски; отвѣта все не было.

Неужели Грегъ, называвшіе себя нашими преданными друзьями, боятся дать намъ убѣжище?

Управитель слѣзъ съ слона, обошелъ кругомъ цѣлый домъ, не отыскавъ и слѣда жителей. Потерявъ терпѣніе, мужъ мой опять взялся за молотокъ и началъ стучать такъ громко, что удары его раздавались въ цѣломъ домѣ. Одно изъ оконъ отворилось тогда, и кормилица г-жи Грегъ, Индіянка старуха Молли, сказала намъ, что г. Грегъ и два его сына ушли къ башнѣ Флага, а хо-

зайка съ сестрою и племянницами укрылись, какъ и многія английскія дамы изъ околотка, во дворецъ Бигамъ-Сомру.

— Ступайте поскорѣй туда же, прибавила она: — здѣсь вы не безопасны. Ночью мятежники будутъ грабить.

Съ этими словами старуха затворила ставни окна.

Петерсъ, какъ я уже сказала, торопился на сборное мѣсто; но могъ ли онъ покинуть насъ въ этомъ положеніи, хотя онъ и почиталъ неблагоразумнымъ вести насъ съ собою?

Тогда мы пожалѣли объ оставленныхъ нами лошадяхъ; мы могли бы мигомъ доѣхать къ отряду Гревза, чрезъ Кашмирскія ворота, а пѣшкомъ нужно было часъ времени, чтобы дойти туда. Кромѣ того, мы могли на каждомъ шагу встрѣтить шайки фанатиковъ. Пальба продолжалась повсюду, а восторженные крики толпы свидѣтельствовали объ успѣхахъ возстанія.

Елена не вымолвила ни слова съ самаго отъѣзда изъ факторіи. Погруженная въ свою печаль, она, казалось, не жила, не страшилась и не страдала, какъ мы. Тѣло ея было съ нами, душа носилась далеко...

— Въ арсеналѣ! сказала она вдругъ, какъ будто просыпаясь: — пойдемъ въ арсеналъ.

Пойдемъ къ Вильямсу, хотѣла этимъ сказать бѣдная дѣвушка.

— Она говоритъ дѣло, отозвался Петерсъ: — тамъ должно быть много Европейцевъ, и если намъ удастся проникнуть внутрь зданія, вы будете тамъ въ безопасности.

Мы отправились въ арсеналъ, но едва мы вышли изъ улицы, гдѣ жили Греги, какъ очутились между двумя преградами: съ одной стороны къ намъ шли навстрѣчу въ сомкнутыхъ колоннахъ мирутскіе сипаи, съ трубачами впереди и съ факелами въ рукахъ, провозглашая императоромъ Индіи старика короля дельгійскаго, потомка великихъ Моголовъ; съ другой шла толпа народа, привѣтствуя кликами побѣдителей и шумно радуясь падецію англійскаго тиранства.

Насъ опрокинули бы и смяли подъ ногами, еслибы слонъ не остановилъ напора толпы; подъ его защитою мы пріютились къ воротамъ ближняго дома. Улица была неширока; мы укрывались въ тѣни отъ огромнаго туловища животнаго, между тѣмъ какъ мятежники тѣснили толпу и продолжали путь свой къ королевскому дворцу.

Тогда только я впервые увидала ужасы возстанія. Проходившіе мимо насъ сипаи принадлежали къ разнымъ полкамъ. 20-й и 74-й полки шли съ развернутыми знаменами, и впереди каждого

изъ нихъ находился командовавшій ими англійскій офицеръ, то есть только голова его, воткнутая на длинную бамбуковую трость, съ каскою, для означенія чина. Елена, по счастію, не замѣтила этихъ кровавыхъ трофеевъ; она могла бы ошибкою признать голову своего возлюбленнаго, а ея отчаяніе погубило бы насъ.

Какъ только прошла эта толпа, мы продолжали путь свой къ арсеналу по лабиринту опустѣвшихъ улицъ. Управитель, предшествовавшій намъ, съ умысломъ избѣгалъ многоядныхъ улицъ. Петерсъ велъ Елену, которая шаталась, какъ въ безпамятствѣ; Вилль спалъ, обнявъ мою шею. Я шла, изнемогая отъ усталости; Малабарка замыкала шествіе, бормоча молитвы и взывая къ Вишну и ко всѣмъ богамъ, покровителямъ Индустана.

III.

Мы благополучно обогнули развалившуюся ограду пространныхъ садовъ, расположенныхъ за дворцомъ, какъ вдругъ были остановлены непреодолимымъ препятствіемъ противъ улицы, ведущей къ большой мечети, что на берегу Джумны. Жаркая перестрѣлка завязалась въ глубинѣ улицы: толпы сипаевъ бросались туда и возвращались съ убылью, израненные, но не обезкураженные, съ тѣмъ, чтобы снова устремиться на отрядъ англійскихъ стрѣлковъ и артиллеристовъ, которые, занявъ позицію у входа мечети, громили оттуда мятежниковъ.

Пламя пожирало дома по обѣимъ сторонамъ улицы, а чернь, бѣшеная, безобразная, какой я никогда не видала въ двадцать лѣтъ пребыванія моего въ Индіи, съ неистовою радостію рукоплескала успѣхамъ пожара, вырывала изъ пламени горящаго головни и разбрасывала ихъ на окрестные дома Европейцевъ, не забывая притомъ въ своемъ изступленіи, что вѣтеръ дуетъ съ востока, и что дворецъ ея короля былъ внѣ опасности отъ пожара.

Толпа росла поминутно передъ нами и позади насъ, такъ что мы вскорѣ очутились посреди фанатиковъ, осыпавшихъ проклятіями *Augreen raja* и отвѣчавшихъ угрозами мести на батальный огонь отъ мечети.

Движенія толпы мало-по-малу оттѣснили насъ на передній дворъ большаго дома, уже преданнаго грабежу. Здѣсь мы были защищены отъ пуль и картечи, сыпавшихся вдоль улицы. Благо-

дарила Провидѣніе за это убѣжище, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не сожалѣть объ отсутствіи *зоммашада*, который не могъ слѣдовать за нами на слонѣ, и исчезъ въ темнотѣ. Это было мнѣ тѣмъ досаднѣе, что Вилль проснулся и началъ кричать отъ страха, несмотря на мои просьбы и поцѣлуи; я хотѣла помѣстить его на *howdah* (паланкинъ на слонѣ), гдѣ онъ былъ бы въ большей безопасности, чѣмъ у меня на рукахъ.

Домъ, на дворѣ котораго мы находились, принадлежалъ богатой англійской фамиліи. Полунагіе Индійцы ломали въ комнатахъ мебель и зеркала, обдирали обои, выламывали парке, перегородки, и выбрасывали эти обломки на дворъ, гдѣ другіе люди укладывали ихъ въ костры, на подобіе костровъ изъ сандалнаго дерева, приготовляемыхъ для самосожиганія вдовъ.

Между тѣмъ, какъ на дворѣ дѣлались такія приготовленія, другіе туземцы съ тесаками (*kultrie*) въ рукахъ, обыскивали подвалы, чердаки, сады, сараи и другія строенія. Они по видимому искали назначенной жертвы, потому что каждый разъ, какъ находили кого-нибудь, въ толпѣ ихъ раздавались крики то досады, то радости, смотря по успѣху или неудачѣ поисковъ.

Мы могли все видѣть, не будучи замѣченными, изъ темнаго и наполненнаго народомъ угла на дворѣ, гдѣ мы находились, возлѣ продушины подвала, заслоненные стволомъ огромнаго дерева (*catalpa*). Я, Елена и Малабарка-няня пріютились на землѣ; Петерсъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, съ револьверомъ въ рукѣ.

Вдругъ въ подвалѣ, котораго отдушина была возлѣ насъ, показался свѣтъ, и раздались голоса испуганныхъ женщинъ и дѣтей. Шумъ жестокой борьбы, выстрѣлы и брянчанье холоднаго оружія продолжались нѣсколько минутъ; потомъ снова настала тишина, прерываемая изрѣдка слабымъ стономъ умирающихъ.

Вскорѣ потомъ, человекъ высокаго роста, въ изодранной одеждѣ, съ окровавленнымъ лицомъ, появился на дворѣ, гдѣ мы находились, сопровождаемый шайкою ожесточенныхъ Индійцевъ, которые повлекли его къ костру съ криками: *Bonfire, bonfire* (потѣшный огонь).

На костеръ бросили факелъ, и скоро поднялось и закружилось пламя. Я думала, что Англичанина убьютъ и бросятъ въ огонь, но я ошиблась; я еще не знала жестокости нашихъ добрыхъ, робкихъ Индійцевъ. Они оставили ему полный произволь движеній, но вооруженные своими длинными ножами, держа ихъ

передъ собою остриемъ впередъ, они составили кругъ около своей жертвы и костра. Тогда началась истинно адская пляска; время отъ времени кругъ стѣснялся, и острія ножей понуждали несчастнаго джентельмена подвигаться къ костру. Онъ былъ осужденъ на сожженіе живымъ.

Несчастный не смѣлъ умолять, чтобъ его изъ сожалѣнія убили ударомъ ножа или выстрѣломъ изъ револьвера; онъ зналъ, что налаци его неумолимы, и рѣшился умереть съ мужествомъ. Однако, упасть живому на костеръ, чувствовать какъ пламя постепенно будетъ пожирать одинъ членъ за другимъ, пока доберется до сердца, не имѣть даже отрады задохнуться въ дыму! быть осужденнымъ на такую смерть и не просить, какъ милосердія, удара кинжаломъ или дубиной, вотъ героизмъ, который я почла бы невозможнымъ, еслибы сама не видала его. Безтрепетный мученикъ стоялъ къ костру спиною, скрестя на груди руки и шевеля губами, какъ человекъ, читающій молитву; онъ гордо смотрѣлъ на эту стаю дикихъ звѣрей, но избѣгалъ, скорѣе по инстинкту самохраненія, чѣмъ по любви къ жизни, пылающаго костра, который ожидалъ его. Наконецъ, часть круга, въ которомъ онъ былъ запертъ, такъ сжала его, что онъ упалъ навзнычъ въ пылавшій костеръ... Крики радости раздались при его паденіи.

Во время этой страшной казни, я держала у рта платокъ, чтобы невольный крикъ ужаса не измѣнилъ мнѣ; я наблюдала также и за мужемъ, удерживая его правую руку, которую онъ нѣсколько разъ поднималъ, чтобы пустить пулю въ голову злополучнаго одноземца. Елена, все еще погруженная въ какую-то безчувственность, казалось, не замѣчала, что происходило вокругъ нея. Вилль, котораго я съ трудомъ довела до молчанія, не плакалъ и полагалъ, кажется, что онъ на иллюминаціи. Въ роковую минуту я закрыла ему глаза моими поцѣлуями. Малабарка продолжала призывать боговъ своихъ.

Мы узнали изъ разговоровъ Индійцевъ, что жертва этого аутода-фе былъ гражданскій судья, извѣстный по своему искусному и дѣятельному преслѣдованію *дакоитовъ* провинціи Дезги и Аудскаго королевства. Это была мечь *дакоитовъ*. Другіе увѣрили, что покойный служилъ сборщикомъ податей.

Толпа расходилась съ площадки двора, вѣроятно, чтобы присутствовать на другихъ казняхъ, грабежахъ и пожарахъ; перестрѣлка начинала утихать, но въ сторонѣ мечети слышались безпрестанные крики и шумъ. Лишившись нашего проводника, мы

не отыскали бы дороги въ арсеналъ, иначе какъ слѣдуя по большимъ многолюднымъ улицамъ.

— Пробудемъ здѣсь еще нѣкоторое время, сказалъ Петерсъ; — быть-можетъ гоммашадъ догадается заѣхать сюда за нами. .

Это было благоразумно придумано. Опустошенный и разграбленный домъ не могъ привлечь алчную толпу. Мы могли бы, можетъ-быть, найти въ этомъ домѣ убѣжище, пока продлится буря.

Ночи въ Индіи столько же холодны, какъ дни знойны, и мы начинали дрожать отъ стужи, хотя страшная печь, въ которой погибъ Англичанинъ, еще пылала, пожирая остатки бѣднаго мученика. Петерсъ взошелъ по ступенямъ крыльца, остановился на порогѣ внутреннихъ сѣней дома, прислушался и вошелъ въ покой. Спустя нѣсколько минутъ, онъ возвратился, подавъ знакъ, чтобы мы за нимъ слѣдовали и пройдя нѣсколько разоренныхъ залъ, въ которыхъ тамъ и сямъ горѣли свѣчи, легко могущія причинить пожаръ, привелъ насъ въ небольшую комнату, гдѣ стояла вѣроятно незамѣченная грабителями кровать. Я положила на постель маленькаго Вилля, взяла обѣщаніе съ его няньки не покидать его ни на минуту и, усердно помолившись Богу, сказала, оборотясь къ мужу и дочери: «теперь поидемъ!» Они послѣдовали за мною. Мы погасили, проходя чрезъ залы, всѣ зажженные свѣчи, оставя для себя одну, и направились къ лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ, гдѣ происходила схватка, предшествовавшая казни Англичанина.

Я все время слышала стоны въ отдушину подвала, и дала себѣ обѣщаніе пойти на помощь умирающимъ, какъ только представится возможность.

Мужъ мой въ душѣ одобрялъ мой поступокъ, и только-что мы стали сходить по лѣстницѣ, онъ обнялъ меня, и прижимая къ груди своей, два раза повторилъ: благородная душа!

Даже Елена вышла изъ своей апатіи, узнавъ, что мы идемъ подать помощь несчастнымъ жертвамъ бунта. Мнѣ казалось, что у ней постепенно мѣшался рассудокъ, и быть-можетъ, ей воображалось, что израненный Вильямъ ожидаетъ ея помощи въ этомъ подвалѣ.

Сойдя съ послѣдней ступени лѣстницы, я поскользнулась; земля была увлажена кровью или виномъ, не знаю; быть-можетъ, и тѣмъ и другимъ. Стѣны были облиты кровью; при слабомъ свѣтѣ нашей свѣчи, мы увидѣли въ одномъ изъ угловъ подвала безобразную груду труповъ. Жизнь еще не совсѣмъ покинула

эти изувѣченные тѣла: то у одного выпрямлялась нога и мертвила въ судорожныхъ корчахъ; то чья-нибудь рука поднималась какъ бы для того, чтобы просить помощи и снова упала безъ власти. Изъ устъ нѣкоторыхъ вырывались стоны, а хриплое дыханіе умирающихъ придавало этой грудѣ безобразныхъ остатковъ нѣчто въ родѣ мѣрнаго движенія жизни.

Мы помогли умирающимъ освободиться отъ бремени лежавшихъ на нихъ труповъ. Изъ четырнадцати жертвъ этой рѣзни только три давали признаки жизни: двѣ женщины и ребенокъ.

Но какъ вынести ихъ съ этой бойни? чѣмъ перевязать ихъ раны? Если не подать имъ немедленной помощи, онѣ скоро лишатся послѣднихъ силъ и жизни.

Мужъ мой попробовалъ нести вверхъ одну изъ раненыхъ женщинъ, но вынужденъ былъ оставить это; бѣдная, какъ только до нея дотрогивались, испускала страшные вопли, а крики эти могли привлечь народъ. Другая привстала сама, но тотчасъ же зашаталась и безъ чувствъ упала на землю. У ней была отрублена рука; потеря крови лишила ее силъ.

Ребенокъ, лѣтъ четырехъ или пяти, не былъ раненъ; съ испуга онъ забился за тѣла раненыхъ и убитыхъ, и тѣмъ ускользнулъ отъ вниманія убійцы. Онъ сначала испугался насъ, но услыша нѣсколько словъ по-англійски, прыгнулъ, весь окровавленный, къ Еленѣ и обхватилъ ее руками.

Мы были въ большомъ затрудненіи, какъ помочь этимъ несчастнымъ, какъ вдругъ усышали надъ нашими головами продолжительный храпъ.

— Вотъ и слонъ, подумали мы.

Въ самомъ дѣлѣ хоботъ добраго животнаго, какъ огромная змѣя, виселъ въ рѣшеткѣ круглаго окна подвала и обдавалъ насъ струями теплаго воздуха.

— Сюда, Моггамедъ! крикнулъ Петерсъ, прикрывая ротъ рукою, чтобы голосъ его не такъ былъ слышенъ.

Моггамедъ отвѣчалъ коротенькимъ восклицаніемъ и сейчасъ сошелъ къ намъ. Радость, что отыскалъ насъ, блистала на лицѣ вѣрнаго слуги. Несмотря на наше разореніе и уничтоженіе, онъ все еще видѣлъ въ насъ своихъ господъ, и мы съ трудомъ могли унять его привѣтствія. Онъ клялся намъ, и мы безъ труда ему повѣрили, что онъ оставилъ насъ противъ своей воли, будучи увлеченъ толпою. Какъ только онъ освободился изъ тѣсноты, онъ объѣхалъ арсеналъ, королевскій дворецъ, замокъ Бигахъ-Сомру и много другихъ мѣстъ, и уже вовсе потерявъ надежду

отыскать насъ, заѣхалъ на дворъ этого дома, откуда слонъ почувялъ насъ. Онъ сообщилъ намъ, что почти весь городъ въ рукахъ сипаевъ, что императоромъ Индіи хотятъ провозгласить короля дельгійскаго, потомка великихъ Моголовъ, что народъ присоединился къ мятежникамъ, что грабежъ и убійства продолжались. Королевскія войска очистили арсеналъ, но еще занимаютъ пороховой магазинъ; они отступаютъ черезъ Кабульскія ворота, съ тѣмъ чтобы занять высоты, противъ Шахова бастиона. Бригадиръ Гревъзъ распустилъ всѣхъ собравшихся подъ его защиту жителей, потому что занятая имъ башня, складенная изъ кирпича, не представляла надежной защиты противъ нападенія.

Вѣсти эти были вовсе не успокоительны. Что было намъ дѣлать: оставаться здѣсь или искать другаго убѣжища? Гоммашадъ совѣтовалъ воспользоваться ночнымъ мракомъ для перехода въ другое мѣсто, но куда? Къ Англичанамъ? Это было бы идти навстрѣчу казни. Остаться здѣсь? разсвѣтъ недалеко, а домъ этотъ такъ близокъ къ мечети, что мы не могли оставаться здѣсь въ безопасности. Моггамедъ понималъ ужасъ нашего положенія и прилаумывалъ средства спасти насъ.

— *Самбъ* (господинъ), сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ моему мужу, между тѣмъ какъ я приводила въ чувство раненую даму, и унимала теченіе крови, перевязавъ оставшуюся часть отрубленной руки лоскутьями ея платья, — *сагибъ*, я отвелъ бы васъ къ одному изъ друзей моихъ, одному единовѣрцу, но онъ не захочетъ принять васъ; мнѣ говорили, что мусульмане были первыми зачинщиками мятежа. Однако, еслибы вы могли обратиться къ нему безъ его вѣдома, я убѣжденъ, что вы остались бы для него священными, неприкосновенными, какъ гости, и онъ скорѣе самъ погибнетъ, чѣмъ измѣнитъ вамъ. Попробуемъ. Можетъ-быть онъ преслѣдуетъ теперь отступающихъ Англичанъ, и мы безъ труда проникнемъ подъ его крышу.

— Такъ арсеналъ дѣйствительно въ рукахъ мятежниковъ? спросилъ Петерсъ, не смѣя вѣрить такому несчастію.

— У Англичанъ нѣтъ болѣе арсенала, но они занимаютъ еще пороховой магазинъ.

— Такъ идемъ туда, воскликнула Елена, поспѣшно взбѣгая на первыя ступени лѣстницы, и не заботясь о мальчикѣ, который все еще держался за нее. Она все забыла, кромѣ того, что Вильямсъ на службѣ въ пороховомъ магазинѣ.

— Вы не проберетесь туда, миссъ, сказалъ Моггамедъ.—Го-

ворять, что европейскіе офицеры рѣшились лучше взорвать магазинъ, чѣмъ отворить его двери.

При этихъ словахъ, Елена затрепетала и опустилась безъ чувствъ на землю.

— Не унывай, дочь моя, вскричала я, спѣша къ ней на помощь. — Не унывай!

— Взорвать, взорвать! повторила она нѣсколько разъ. Потомъ замолкла и сѣла на лѣстницѣ, закрывъ лицо руками и продолжая дрожать.

Ребенокъ плакалъ у ногъ ея. Изъ женщинъ, избѣгнувшихъ смерти, ни одна не была его матерью.

— Отправляемся, сказалъ Моггамедъ.

Я сдѣлала ему знакъ, что мы не можемъ покинуть этихъ двухъ женщинъ. Ему это не понравилось, но видя, что я этого требую настоятельно, онъ прошепталъ священное изреченіе: *Божія воля*, и перенесъ дамъ, одну послѣ другой, въ паланкинъ на слонѣ, гдѣ онѣ помѣстились съ ребенкомъ. Я пошла за мной Виллемъ.

Сына моего уже не было тамъ, гдѣ я его оставила.

Постель была пуста; въ комнатѣ, гдѣ стояла кровать и въ другихъ, смежныхъ съ ней, никого не было. Я огласила дѣлй домъ моими криками: Петерсъ и Моггамедъ, думая, что на меня напали Индійцы, прибѣжали съ револьверами въ рукахъ. «Пропалъ, пропалъ», кричала я, ломая руки и терзая волосы. «Они похитили его, они его убьютъ!»

— Кого? спросилъ мой мужъ.

— Вилля, Вилля! онъ пропалъ!

— Гдѣ же Малабарка? спросилъ Петерсъ.

— Она также пропала. Боже мой, Боже! пошли и мнѣ смерть вмѣстѣ съ моимъ Виллемъ!

Петерсъ не смѣлъ вѣрить такому несчастію. Онъ схватилъ свѣчу и бросился въ комнату, гдѣ стояла кровать.

Онъ тоже вскрикнулъ; только одинъ крикъ вырвался изъ его груди, но въ этомъ крикѣ выразилась самая глубокая, самая безысходная горестъ, и онъ упалъ безъ чувствъ на ту самую кровать, на которой недавно еще лежалъ нашъ сынъ.

Отчаяніе моего мужа ослабило мое. Ужасъ овладѣлъ мною, когда я увидѣла его блѣднаго, неподвижнаго, бездыханнаго. Я слыхала, что сильныя душевныя потрясенія бываютъ смертельны, и мысль, что онъ можетъ умереть въ эту минуту, подѣла мнѣ силу выразить самыя несбыточныя надежды.

— Нѣтъ, Вилль не пропагъ! вскричала я, сжавъ руки моего мужа, и распахнувъ ему грудь, чтобы освѣжить ее, и громко произнося эти слова ему на ухо, чтобы онъ услышалъ ихъ.

— Вилль не пропагъ! повторила я. — Петерсъ, Петерсъ, помнись. Нянька испугалась, думая, что эти разбойники напали на насъ и ушла съ нашимъ сыномъ. Она возвратитъ намъ его. Вставай, Петерсъ, пойдемъ къ нимъ навстрѣчу...

Петерсъ не шевелился...

— Боже! неужели онъ умеръ? воскликнула я въ отчаяніи.

Между тѣмъ гоммашадъ принесъ мѣдный сосудъ съ водою и нѣсколько кусковъ мирры. Я вспрыснула лицо и грудь и намочила виски мужа; зажгла на свѣчѣ мирру, чтобы привести его въ чувство ея ароматическимъ дымомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ тяжело вздохнулъ.

— Гдѣ Елена? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Она на дворѣ, вмѣстѣ съ ранеными дамами.

— А Моггамедъ?

— Онъ ищетъ въ домѣ...

— А...

Онъ остановился, но я продолжала:

— А Вилль, ты не спрашиваешь, гдѣ Вилль?

— Я не смѣлъ, отвѣчалъ онъ, протягивая ко мнѣ руки.

Мы обнялись, и слезы наши смѣшались.

Моггамедъ скоро вошелъ въ комнату. Онъ обыскалъ цѣлый домъ съ верху до низу; нигдѣ не было и слѣдовъ Малабарки и Вилля.

Не отчаивайтесь, сказалъ онъ:—вы еще увидите вашего сына. Еслибы сипаи, возвратясь въ этотъ домъ, нашли здѣсь малолѣтнаго Англичанина, они убили бы его, изрѣзали бы его въ куски, и слѣды преступленія были бы видны. Слѣдовъ нигдѣ нѣтъ, и надобно полагать, что старая нянька услышала шумъ въ подвалѣ, думала, что на васъ напали Индійцы, и бѣжала съ вѣтреннымъ ей сокровищемъ.

Людямъ такъ пріятна всякая надежда, даже безумная, что слова Моггамеда если и не утѣшили насъ, то много ободрили.

— Еслибы Дельги былъ обширнѣе цѣлаго міра, я и тогда отыщу въ немъ Малабарку, прибавилъ онъ, торопя насъ уйдти изъ этого дома.

Мы отправились, раненыя дамы и ребенокъ ѣхали на слонѣ; Моггамедъ шелъ съ нами пѣшкомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОБЪ ОТМѢНЕНІИ И ВЫБУЩЪ

ПОМѢЩИЧЬИХЪ ГОСПОДСКИХЪ ПРАВЪ

ВЪ ПРУССІИ

Ядро теперешней Прусской монархіи, ея древнѣйшія области, Бранденбургъ и Померанія, первоначально были населены народами славянскаго племени, которые съ двѣнадцатаго вѣка начали принимать христіанство и мало-по-малу германизировались. Земледѣльцы живутъ здѣсь въ деревняхъ, а не въ отдѣльныхъ, особливо отмежеванныхъ усадьбахъ. Первоначальное управленіе въ этихъ деревняхъ было очевидно такое же, какъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, и какое теперь еще существуетъ въ Сербіи, Босніи и преимущественно въ Великороссіи. Поля, луга и лѣса, принадлежащія одной деревнѣ, составляли общее владѣніе всей сельской общины, которая воздѣлывала землю и пользовалась ею сообща. Сельскій старшина или староста выдѣлялъ каждому семейству участокъ полей и луговъ; лѣсомъ же пользовались всѣ безъ различія.

Германскіе владѣтели, покоривши эти области, привлекли сюда нѣмецкихъ дворянъ (славянское дворянство, повидимому, было немногочисленно), и даровали имъ, на основаніи леннаго права, господство надъ деревнями.

Тогда постепенно образовались въ каждомъ селеніи дворянскія усадьбы; одна часть (вообще около третьей части) полей и луговъ была выдѣлена изъ крестьянскаго владѣнія, и образовала

помѣстье дворянина, господствовавшего надъ деревнею. Поселяне, въ то время уже крѣпостные, обязаны были производить барщиною всѣ работы на помѣщичьихъ участкахъ. Эти работы въ послѣдствіи были опредѣлены по два дня въ недѣлю (1).

Это положеніе дѣлъ оставалось до Тридцатилѣтней войны, которая неимоверно опустошила всю страну, уничтожила и разогнала большую часть жителей. Помѣщики не могли найти достаточнаго числа людей для обработки крестьянскихъ земель и для барщины въ помѣстьяхъ, и принуждены были предложить имъ болѣе легкія и выгодныя условія, чтобы удержать у себя оставшихся и приманить къ себѣ постороннихъ крестьянъ. Съ этого времени, строгое крѣпостное состояніе (*Leibeigenschaft*) въ этой странѣ исчезаетъ совершенно, не оставляя почти слѣдовъ, и превращается въ потомственное подданство (*Erbunterthänigkeit*). За помѣщикомъ осталось право судопроизводства и полицейскій надзоръ надъ поселянами, но въ строго-законной формѣ; крестьяне обязаны были работать два дня въ недѣлю на помѣщика, но во всемъ Бранденбургѣ они получили право наследственно владѣть своими крестьянскими землями.

Вся страна пришла опять въ цвѣтущее состояніе; земли возвысились въ цѣнѣ; помѣщики стали пользоваться всѣми возможными случаями пріобрѣтать себѣ крестьянскія земли, покупкою, мѣною, присвоеніемъ участковъ послѣ вымершихъ крестьянскихъ семействъ, и присоединяли эти земли къ своему помѣстью.

Противъ этого образа дѣйствія помѣщиковъ вступились прусскіе государи, великій курфирстъ, въ 1667 году, и короли Фридрихъ Вильгельмъ I и Фридрихъ II.

(1) Среди германско-христіанскаго населенія рабство (*Sklaverei*, холопство) вывелось уже въ XIII столѣтіи; впрочемъ собственно въ римскомъ смыслѣ у германскихъ народовъ оно никогда не существовало.

Особенность германскаго поземельнаго устройства искони опредѣлялась сліяніемъ и взаимодействіемъ, съ одной стороны личной свободы и личныхъ юридическихъ отношеній землевладѣльца и его семейства, съ другой стороны повинностями и правами находящейся въ его владѣніи поземельной собственности. Первые подчинялись послѣднимъ. Юридическимъ свойствомъ собственности опредѣлялось понятіе о личности владѣльца.

Законодательство Карла Великаго, обнимавшее какъ общественныя, такъ и имущественныя и поземельныя отношенія, положило, въ многочисленныхъ капитуляріяхъ, прочное основаніе государственнаго варяда и единства. Но въ то же самое время, его постановленія, въ особенности

Политика Фридриха Вильгельма I была очень проста. Онъ говорилъ: «Мнѣ нужна сильная армія для поддержанія моей королевско-и власти; войска я могу набирать только изъ крестьянъ, а офицеровъ изъ дворянъ. Тѣмъ и другимъ я долженъ обезпечить право владѣнія; крестьянское владѣніе должно оставаться собственностію крестьянина, а дворянское помѣстье должно неотъемлемо принадлежать дворянству.» Указомъ отъ 14-го марта 1739 г. подъ строгою отвѣтственностію предписывалось провинціальнымъ начальствамъ имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы ни одинъ вассалъ (владѣтель дворянскаго помѣстья) не смѣлъ самовольно, безъ основательной причины, изгонять крестьянина изъ его участка, не водворивши въ немъ тотчасъ же другаго крестьянина.

касательно военной службы, послужили поводомъ къ тому, что при распаденіи имперіи, многочисленное сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ въ скоромъ времени совершенно исчезло, и большинство народа перешло въ состояніе неволи, соединенное съ несеніемъ различныхъ повинностей: деньгами, натурой и личными услугами.

Между тѣмъ какъ бѣднѣйшіе изъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ были обязаны только снаряжать общими средствами одного изъ своей среды для военной службы и снабжать его деньгами, *секиорн* и владѣвшіе королевскими бенефиціями вассалы (къ числу ихъ относились также церкви и монастыри съ ихъ адвокатами), хотя и были обязаны отправляться на войну съ своею челядью, но имѣли право изъ числа своихъ слугъ увольнять нѣкоторыхъ въ отпускъ или оставлять дома для домашнихъ и хозяйственныхъ занятій; имъ же—въ качествѣ графовъ—весьма часто притомъ предоставлялось наблюдать за своевременною поставкою опредѣленнаго числа людей отъ мелкихъ землевладѣльцевъ: вслѣдствіе этого безчисленное множество свободныхъ мелкихъ вотчинниковъ добровольно вступали къ нимъ въ вассальныя и служебныя отношенія, если насиліемъ и притѣсненіями не были вынуждаемы подчиниться ихъ власти.

Еще рѣшительнѣе дѣйствовала въ томъ же направленіи возникшая въ X столѣтіи, вслѣдствіе частыхъ вторженій Мадыаровъ при императорахъ саксонской династіи, конная служба, вскорѣ получившая перевѣсъ въ войскѣ. Такъ какъ ее могло нести только владѣвшее большими участками дворянство съ своими вассалами, то на дворянство перешли, и имперская служба, и соединенное съ нею исключительное право носить оружіе, и высшій почетъ, составлявшій прежде общее преимущество свободныхъ, между тѣмъ какъ остальное сельское народонаселеніе обрабатывало поля, несло подати и другія тягости, но утратило свою личную и поземельную независимость, а вмѣстѣ съ нею и прежнее положеніе въ государствѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны рыцарство, развившееся подъ

Фридрихъ II, указомъ отъ 12 августа 1749 г., запретилъ навсегда присоединеніе крестьянскихъ владѣній къ помѣщичьимъ и приказалъ водворять въ крестьянскихъ усадьбахъ крестьянъ, а за неисполненіе этого назначилъ 100 червонцевъ штрафа. Указомъ отъ 12 іюня 1764 г., повелѣно было во всѣхъ опустѣвшихъ съ 1740 года, особенно во время Семилѣтней войны, крестьянскихъ усадьбахъ водворять крестьянъ не дальше, какъ въ теченіи одного года, а за неисполненіе этого назначался штрафъ въ 1000 рейхсталеровъ.

Крѣпостное состояніе, какъ сказано, исчезло на дѣлѣ уже само собою. Указомъ отъ 30 декабря 1764 г. оно было формально и законно уничтожено и замѣнено припискою къ помѣстью (*glebae adscriptio*), причемъ утверждено было за крестья-

вляніемъ понятій о ленныхъ отношеніяхъ, образовало особое сословіе, которое пополнялось только изъ самого себя по праву рожденія, и предпочтительно передъ другими пользовалось преимуществомъ носить оружіе и общественнымъ почетомъ, а съ другой стороны рядомъ съ нимъ возникло крестьянское сословіе, точно также замкнутое. Весь народъ (какъ говоритъ Эйхгорнъ въ своей *Исторіи Права*) распался на двѣ великія половины: къ одной, кромѣ рыцарства, принадлежали духовные сановники, какъ представители своихъ поземельныхъ владѣній; къ другой, кромѣ крѣпостныхъ, пристаи мелкіе землевладѣльцы, утратившіе вѣсть съ правомъ носить оружіе всѣ политическія права, и образовавшіе, въ соединеніи съ крѣпостными и несвободными, сословіе крестьянское.

Вообще же крестьянскіе участки, и въ томъ числѣ также участки крѣпостныхъ, которые сами и ихъ семейства были привязаны къ землѣ, всегда составляли самостоятельныя владѣнія. Нибуръ говоритъ: «Только люди, незнакомые съ туземнымъ стариннымъ правомъ, могли сомнѣваться въ томъ, что крестьянская земля у всѣхъ нѣмецкихъ народовъ искони была совершенно отдѣлена отъ господской и неприкосновенна;» а Юстусъ Мозеръ замѣчаетъ: «Каждый нѣмецкій крестьянскій дворъ составлялъ самостоятельное цѣлое, какъ бы акцію, на которой лежали различныя обязанности въ отношеніи къ общинѣ и къ государству.» Позднѣе, въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій, окрѣпшія мѣстныя правительства, посредствомъ учрежденія земскихъ описей и податныхъ кадастровъ, посредствомъ законовъ о неотчуждаемости, недѣлимости, и возстановленіи крестьянскихъ дворовъ, заботились о сохраненіи самостоятельности крестьянскихъ участковъ, какъ надежной опоры при сборѣ податей и рекрутскомъ наборѣ. Такимъ образомъ верховная правительственная власть, мало-по-малу сдѣлавъ крестьянина непосредственнымъ подданнымъ государства, возвысила его до нравственнаго и гражданскаго достоинства, и уравнила передъ закономъ съ прочими сословіями.

нами право наслѣдственнаго пользованія землею и установлены нормальныя правила для производства барщинныхъ работъ (1).

Пруссія составилаь изъ весьма разнородныхъ земель, постепенно пріобрѣтенныхъ, въ которыхъ господствовало величайшее разнообразіе въ этомъ отношеніи. Но вообще все вышеизложенное относится ко всей Пруссіи. Повсюду существовали деревни, населенныя крестьянами различныхъ наименованій, которые подчинены были помѣстьямъ, обязаны производить барщиною работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли наслѣдственное право пользоваться своими крестьянскими участками.

Война 1806—1807 причинила великія бѣдствія въ уцѣлѣвшей части государства. Правительство видѣло, что благосостояніе государства не возвысится, если не будутъ приняты мѣры къ улучшенію сельскаго хозяйства. Признано было, что при обработкѣ помѣщичьихъ земель барщиною земледѣліе въ господскихъ помѣстьяхъ не можетъ возвыситься, тогда какъ большая часть хлѣба, вывозимаго на рынки, поступала изъ этихъ помѣстій, и слѣдовательно съ нихъ по преимуществу получалась рента народнымъ хозяйствомъ; по этому найдено необходимымъ снять всѣ оковы съ земледѣлія, прекратить барщину, уничтожить ленную систему, внести свободнѣйшую конкуренцію во владѣніе и воздѣлываніе земель, и освободить ихъ отъ всякой барщинной обязанности.

Прусское земледѣльческое законодательство отъ 1807 г. до настоящаго времени пользуется европейскою извѣстностію. Оно сложилось какъ бы изъ одной общей мысли и развивалось въ одномъ духѣ въ теченіи пятидесяти лѣтъ и теперь въ сущности рѣшило свою задачу. Оно начинается извѣстнымъ указомъ 9-го октября 1807 года, который предписывалъ облегчительныя постановленія насчетъ владѣнія землею, свободнаго пользованія недвижимою собственностію и личныхъ отношеній земледѣльцевъ (2). За этимъ слѣдуетъ законъ 14-го сентября 1811 г. объ улучшеніи земледѣлія, со всеми объясненіями, касающимися этого предмета. Послѣ 1815 года подобные этимъ законы были издаваемы для областей, возвращенныхъ и вновь покоренныхъ. Потомъ появились законы 7-го іюня 1821 г. и 30-го іюня 1834 г. о порядкѣ раздѣла общинныхъ земель и ихъ выкупѣ.

(1) См. Дополненіе I.

(2) См. Дополненіе II.

Чтобъ ввести всѣ эти законы въ государственную жизнь и выполнить ихъ на дѣлѣ, оказалось не достаточно существовавшихъ до сего времени чиновниковъ, несмотря на известную дѣятельность и способность прусскаго чиновничества, а потому правительство принуждено было учредить нѣсколько новыхъ присутственныхъ мѣстъ, а именно девять генеральныхъ комиссій для каждой области и восемь ревизіонныхъ комиссій, которыя однако по прекращеніи предназначенной имъ дѣятельности должны были постепенно упраздниться. Вслѣдствіе этого генеральныя комиссіи были дѣйствительно закрыты въ Кёнигсбергѣ и Мариенвердерѣ уже въ 1834 г., а въ Солдинѣ 1840 г.

Главная идея этого обширнаго и рѣшительнаго законодательства состояла въ томъ, чтобъ прекратить зависимость крестьянъ отъ владѣтелей и помѣстій, но чтобъ крестьяне вообще собственными силами выкупили всѣ свои службы и повинности, чтобы помѣщики вполнѣ были вознаграждены, чтобы при этомъ однако независимость крестьянскаго сословія была поддержана отданною ему въ полную собственность землю, въ такомъ количествѣ, которое могло бы удовлетворить нуждамъ поселянъ.

Помѣщики должны были получить вознагражденіе за тѣ работы и подати, которыми они до сихъ поръ пользовались. Крестьянамъ предоставлялось на выборъ три способа вознагражденія помѣщиковъ; они могли или уступить помѣщику по установленной оцѣнкѣ часть той земли, которою они до сего времени пользовались, или могли законно оцѣнить свои повинности, изъ которыхъ составлялся доходъ помѣщика, и обязаться доставлять ему соответствующую сумму ежегодно, или же крестьянинъ могъ внести единовременно этотъ доходъ за двадцать пять лѣтъ въ видѣ выкупнаго капитала.

Положеніе этого дѣла, въ 1848 г., при наступленіи революціонныхъ движеній, было въ Пруссіи слѣдующее:

Барщина почти во всемъ государствѣ совершенно исчезла, а черезъ это земледѣіе необыкновенно поднялось и усовершенствовалось. Почти во всемъ Бранденбургѣ и Помераніи, а также и въ нѣкоторыхъ частяхъ другихъ областей, крестьяне уступили часть своихъ земель помѣщикамъ въ видѣ вознагражденія за отмѣненную барщину (за вычетомъ цѣнности ихъ правъ на пользование лѣсомъ и выгономъ и пр.). Изъ этихъ земель образовались новыя цвѣтуція усадьбы и хутора.

Несмотря на то, у крестьянъ вообще осталось достаточное

количество полей, такъ что сословіе крестьянъ можетъ почитаться теперъ довольно зажиточнымъ. Въ другихъ же областяхъ выкупъ произведенъ былъ посредствомъ денежнаго взноса, который крестьяне приняли на себя; но этотъ способъ выкупа оказался не столь удобнымъ. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ промышленность и торговля, крестьяне не затрудняются вносить деньги.

Третьимъ способомъ выкупа, посредствомъ единовременнаго взноса капитала, пользовались только въ весьма немногихъ мѣстахъ; вообще же крестьяне рѣдко были въ состояніи внести капиталъ. Такихъ большихъ суммъ не было и въ оборотъ, да кромѣ того крестьяне не имѣли достаточнаго кредита. Но и тамъ, гдѣ у крестьянина былъ въ рукахъ надлежащій для сего капиталъ, онъ почиталъ выгоднѣе употребить его на другія предприятия, на покупку земель и т. п., при чемъ онъ надѣялся получить пять и болѣе процентовъ, между тѣмъ какъ уплатить капиталъ единовременно приходилось по четырехпроцентному расчету.

Революція 1848 г. уже не застала въ Пруссіи барщины, земля была освобождена отъ стѣснительныхъ повинностей, отношенія между господами и крестьянами приведены были въ законный порядокъ и основаны на денежныхъ взносахъ. Въ Пруссіи никакая революція не могла имѣть той воспалительной силы, которая, въ концѣ XVIII вѣка, была такъ пагубна для Франціи, и произвела тамъ разграбленіе и эмиграцію дворянства; той силы, которая въ 1848 г. и въ Австріи была причиною великихъ катастрофъ.

Но правительство полагало, что и эти денежные взносы выкупа все еще слишкомъ обременительны для сословія крестьянъ, которымъ трудно удовлетворять этой обязанности въ такіе годы, когда на произведенія земледѣльческія стоятъ низкія цѣны. Поэтому прусское правительство находило освобожденіе крестьянъ отъ этой тягости чрезвычайно полезнымъ для общаго блага и само вступилось въ это дѣло. Отчасти, именно въ крайнихъ случаяхъ, оно дѣлало денежные пожертвованія, чтобы содѣйствовать взносу капитальнаго выкупа, но вообще оно по возможности старалось лишь облегчать этотъ выкупъ учрежденіемъ кредитныхъ установлений.

Такую-то болѣе благоразумную и осторожную дорогу избрала Пруссія для рѣшенія этого великаго политическаго вопроса, и потому не была, подобно Австріи, застигнута врасплохъ революціей. Потому прусское правительство не было вынуждено къ такимъ

огромнымъ пожертвованіямъ, какъ австрійское, которое если не совсѣмъ подарило одну треть всей выкупной суммы, то по крайней мѣрѣ принуждено было выплатить ее, удовлетворяясь очень невѣрною надеждою на обратное ея полученіе черезъ отдаленный срокъ. Пруссіи было достаточно лишь облегчить дѣло, помочь ему незначительными пожертвованіями, и поддержать его государственнымъ кредитомъ. Пруссія впрочемъ и на денежные жертвованія рѣшилась прежде 1848 года.

Какъ выше сказано, по законамъ существовало три рода выкупа:

1) Крестьянинъ выкупался уступкою земли; 2) крестьянинъ обязывался платить помѣщику денежный взносъ, происшедшій изъ таксаціи его повинностей; или 3) онъ уплачивалъ единовременный капиталъ выкупа, равнявшійся ежегодному взносу за 25 лѣтъ, и тогда становился уже совершенно свободнымъ.

При этомъ по закону право выбора предоставлено было крестьянину, но отнюдь не помѣщику. Этотъ въ правѣ былъ только требовать выкупа, смотря по желанію крестьянина, или уступкою земли или ежегоднымъ взносомъ денегъ; капитальнаго же выкупа помѣщикъ требовать не могъ. Это было бы и невозможно для крестьянъ, не имѣющихъ надлежащихъ капиталовъ, ни средствъ ихъ доставать; такое требованіе совершенно разорило бы крестьянъ, потому что принудило бы ихъ къ продажѣ поземельной собственности.

Ежегодные взносы денегъ, какъ уже сказано, оказались тягостными въ тѣ годы, когда господствовала дешевизна сельскихъ произведеній, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ежегодные взносы денегъ сдѣлались почти невозможными. Государство, чтобъ спасти крестьянъ отъ совершеннаго разоренія, должно было оказывать имъ денежные вспомошествованія.

Первый такой случай представился въ Вестфаліи въ четырехъ падерборнскихъ округахъ. Тогда была учреждена тамъ особенная касса погашенія, которая дала крестьянамъ возможность уплатить помѣщикамъ весь капиталъ при пособіи полученной отъ государства ссуды.

Закономъ 8-го августа 1836 г. предложена была помѣщикамъ этихъ округовъ уплата капитала, равняющагося 18-лѣтнему взносу, если помѣщикъ предпочитаетъ уплату наличную, или 20-лѣтнему взносу, если онъ согласится принять четырех-процентныя облигаціи, гарантированныя государствомъ.

Всѣ помѣщики, подчиняясь духу времени, приняли это предложеніе и предпочли облигаціи. Они не ошиблись въ расчётъ, ибо время доказало, что облигаціи постоянно держались *al pari*, а иногда и выше номинальной цѣны.

Государство, взявъ на себя сборы ежегоднаго взноса съ крестьянъ, съ самаго начала сдѣлало уступку одной четверти всего взноса, такъ что если взносъ состоялъ примѣрно изъ 4 рейхстал., то крестьянинъ платилъ только 3 рейхсталера. Государство приплачивало ежегодно эту недостающую четверть сбора съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени, черезъ нарастаніе процентовъ и процентовъ на проценты, весь капиталъ окупился и былъ погашенъ, облигаціи вымѣнены, а крестьяне совершенно освободились.

Расчетъ представляется слѣдующій :

Помѣщикъ получаетъ облигацію на 80 рейхсталеровъ, которые ему доставляютъ процентовъ 3 тал. 6 зильбергрошей, взносъ же крестьянина равняется 4 рейхстал., но онъ платитъ только	3 р.-т.
Государство приплачиваетъ	1 —
Слѣдовательно въ распоряженіи состоитъ	4 —
Изъ этого вычитаются проценты	3 — 6 гр.
За тѣмъ остается для погашенія	24 —

Государство нашло необходимымъ поступить и въ другихъ областяхъ подобно тому, какъ поступило въ падерборнскихъ округахъ. Именно тѣ же распоряженія сдѣланы были въ обоихъ Витгенштейнскихъ графствахъ закономъ 22-го сентября 1839 года, а въ округахъ Гейлигенштадтскомъ, Мильгаузенскомъ и Ворбисскомъ закономъ 9-го апрѣля 1845 года.

Такъ какъ эти распоряженія и учрежденіе этихъ провинціальныхъ и мѣстныхъ кредитныхъ установленій дали весьма благоприятные результаты, то послѣ 1848 года государство учредило во всѣхъ провинціяхъ земскіе (рентные) банки (Rentenbanken) для выкупа помѣщичьихъ правъ. Это было достигнуто двумя законами, изданными 2-го марта 1850 года. Одинъ изъ этихъ законовъ содержитъ въ себѣ общія распоряженія, другимъ предписывается учрежденіе упомянутыхъ провинціальныхъ банковъ.

Изъ перваго закона приведу слѣдующія важныя положенія, которыя не худо принять къ свѣдѣнію вездѣ, гдѣ могла бы зайти рѣчь о подобномъ вопросѣ.

«§ 63. Владѣлецъ всякаго крестьянскаго участка (дома или двора съ принадлежащими къ нему угодьями или землею) имѣетъ

право требовать, чтобы за нимъ при опредѣленіи условій выкупа натуральныхъ повинностей оставалась треть чистаго дохода съ его участка, и чтобы сообразно съ этимъ, если то потребуется, были ему облегчены условія выкупа натуральныхъ повинностей.»

«§ 64. Опредѣленная таксаціей денежная рента, падающая на крестьянина, можетъ быть выкуплена наличною уплатою помѣщику суммы, равняющейся суммѣ ренты, восемнадцатикратно умноженной. Если крестьянинъ не захочетъ произвести такой выкупъ уплатою наличной суммы, то выкупъ происходитъ на основаніи положенія закона, изданнаго сего числа, объ учрежденіи рентныхъ банковъ. Если же крестьянинъ захочетъ произвести выкупъ посредствомъ наличной уплаты суммы дохода, умноженной на 18, то помѣщику предоставляется право, вмѣсто наличной уплаты этой суммы, брать четырехъ-процентныя облигаціи рентныхъ банковъ, но уже на сумму, въ двадцать разъ превышающую ежегодный доходъ. Въ такомъ случаѣ крестьянинъ вноситъ восемнадцатикратно умноженную сумму годоваго дохода въ государственное казначейство, которое уплачиваетъ въ рентный банкъ $4\frac{1}{2}\%$ съ этой суммы, чѣмъ покрываются четыре процента съ облигацій на сумму ежегоднаго дохода, умноженнаго на 20; государственное же казначейство при этомъ несетъ небольшую потерю, то-есть приплачиваетъ $\frac{1}{2}\%$.»

Законъ объ учрежденіи рентныхъ банковъ, служащій дополненіемъ этому общему закону, и изданный этого же числа (20-го марта 1850 года), заключаетъ въ себѣ слѣдующія замѣчательныя положенія:

На основаніи § 1, въ каждой провинціи прусской монархіи, за исключеніемъ частей, лежащихъ на лѣвомъ берегу Рейна, (гдѣ уже со временъ Французовъ прекратились всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами), учреждается по рентному банку.

На основаніи § 2, рентнымъ банкамъ предоставляется право собирать деньги, которыми выкупаются крестьянскія повинности, и въ замѣнъ того выдавать помѣщикамъ 4-хъ процентныя облигаціи, которыя должны подлежать постепенному погашенію.

На основаніи § 3, государство обезпечиваетъ рентнымъ банкамъ ихъ облигаціи и проценты, и снабжаетъ ихъ оборотнымъ капиталомъ.

На основаніи § 9, крестьянину предоставляется право разомъ совершенно выкупиться уплатою 18-кратно помноженной суммы

дохода. Если же онъ того не захочетъ, то рентный банкъ выплачиваетъ помѣщику 20-кратно помноженную сумму дохода 4-хъ процентными облигаціями.

На основаніи § 10, крестьянинъ можетъ изъ оцѣненной суммы его годичной ренты уплачивать только $\frac{9}{10}$ ежегодно въ рентный банкъ, $\frac{1}{10}$ ему прощается. Такимъ образомъ онъ выплатить весь долгъ въ $56\frac{1}{10}$ лѣтъ. Онъ можетъ также, если захочетъ, вносить сполна всѣ $\frac{10}{10}$ долей ренты и въ такомъ случаѣ становится совершенно свободнымъ черезъ $41\frac{1}{12}$ годъ.

На основаніи § 32, выдаются облигаціи въ 1000, въ 500, въ 100, въ 25 и въ 10 талеровъ, съ коихъ проценты уплачиваются по полугодіямъ.

§ 38. Излишекъ полупроцента или одного процента, приобретаемый банкомъ вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ, по желанію крестьянъ, либо $\frac{9}{10}$ ренты, либо полную ренту, то-есть получаетъ либо $4\frac{1}{2}\%$, либо 5% съ облигацій, выдаваемыхъ имъ на сумму 20-кратно помноженной стоимости дохода, а самъ платитъ съ этихъ облигацій только 4% , излишекъ этотъ употребляется на погашеніе облигацій.

§ 52. Тѣ суммы, которыя приобретаетъ дирекція банка ссудю своихъ капиталовъ подъ проценты или погашеніемъ процентныхъ купоновъ и выкупленныхъ облигацій, составляютъ резервный фондъ.

§ 53. Резервный фондъ назначается для покрытія могущихъ произойти недочетовъ въ рентахъ. Если резервнаго фонда не достанетъ для этого, то недостающее восполняется со стороны государства. За то государству достается все, что окажется въ резервномъ фондѣ, по совершенномъ окончаніи выкупа крестьянскихъ повинностей рентными банками.

На основаніи § 56, долженъ быть опредѣленъ срокъ, по истеченіи котораго не могутъ болѣе производиться выкупы посредствомъ этихъ банковъ.

Различныя послѣдствія двухъ законодательствъ, пріостекшихъ изъ различныхъ началъ, оказываются въ одной изъ прусскихъ областей, первоначально однородной. Во время 30-лѣтней войны вымерла мужская линия герцоговъ померанскихъ. Герцогство раздѣлилось между Швеціею и Бранденбургомъ (Пруссіей). Въ прусской части крестьянское состояніе сохранилось, какъ сказано, благодаря политической заботливости прусскихъ королей; крѣпостное право давно отмѣнено, но съ тѣмъ вмѣстѣ употреблены всѣ мѣры, чтобы за крестьянствомъ осталась земля. Теперь это со-

словіе живетъ въ довольствѣ и отличается особенною преданностію королевскому дому. 1848 годъ доказалъ это. Но и дворянство пользуется благосостояніемъ и проникнуто самымъ благонадежнымъ образомъ мыслей. Всѣмъ извѣстно, какіе отличные солдаты выходятъ изъ Поморцевъ. Въ шведской Помераніи (доставшейся въ 1815 году также Пруссіи) напротивъ общественный бытъ глубоко потрясенъ. Шведскіе короли вовсе не заботились о крестьянскомъ сословіи, которое пребывало въ крѣпостномъ состояніи и въ строгой безконтрольной зависимости отъ помѣщиковъ. За крестьянами не признавалось прздо на поземельную собственность. Вдругъ послѣдній шведскій король, владѣвшій этою провинціею, отмѣнилъ въ 1808 году, *de but en blanc*, крѣпостное состояніе, не принявъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія крестьянъ. Слѣдствіемъ этого было то, что крестьянское сословіе почти вовсе исчезло въ шведской Помераніи. Дворянство завладѣло всею страню и подѣлало изъ нея помѣстья и фольварки. Въ прежнихъ крестьянскихъ селеніяхъ живутъ теперь лишь поденщики, которые если и не находятся въ крѣпостной зависимости, то пользуются лишь свободою птицъ въ воздушномъ пространствѣ, не имѣя ни кола, ни двора. Вся страна представляетъ грустное зрѣлище. Только въ государственныхъ имуществвахъ сохранились крестьяне, да князь Путбусскій, на островѣ Рюгенѣ, удержалъ прежнихъ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ въ качествѣ фермеровъ.

Желательно было бы, чтобы столь очевидный историческій фактъ послужилъ вообще указателемъ того, съ какою предусмотрительностію и ясностію взгляда должно приступать къ рѣшенію этихъ важнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ.

Баронъ Гакстгаузенъ.

ДОПОЛНЕНІЯ

I.

23-го мая 1763 г., въ Кольбергѣ, Фридрихъ Великій продиктовалъ, въ присутствіи президента померанской камеры, тайному финансъ-совѣтнику фонъ-Бренкенгофу, 26 пунктовъ, имѣвшихъ цѣлю облегчить положеніе крестьянъ. Между прочимъ въ нихъ было сказано: «Симъ уничтожается, не допуская никакихъ разсужденій, крѣпостное состояніе (Leibeigenschaft) во всѣхъ королевскихъ, дворянскихъ и составляющихъ городское имущество селахъ и деревняхъ, и еслибы кто вздумалъ тому воспротивиться, то, по испытаніи кроткихъ мѣръ къ убѣжденію, таковыя имѣютъ быть приведены силою къ тому, чтобы настоящее намѣреніе его величества, направленное ко благу цѣлой провинціи, было принято въ надлежащее вниманіе.» Но провинціальныя чины Восточной Помераніи, въ своемъ представленіи (Remonstrations) по этому поводу, старались выставить на первомъ планѣ опасеніе, что подобная перемена произведетъ запустѣніе земли и недостатокъ въ людяхъ, способныхъ для военной службы, и это возраженіе такъ подѣйствовало, что правительство совершенно уступило и ограничилось, попрежнему, одними предписаніями, что помѣщики обязаны заселить крестьянами же запустѣлыя крестьянскіе дворы.

Положеніе дѣлъ, въ сущности, нисколько не измѣнилось, какъ видно изъ «Устава о крестьянахъ» 30-го сентября 1764 г., гдѣ въ титулѣ III, § 1, прямо въ противность вышеупомянутому королевскому намѣренію постановлялось слѣдующее:

«Померанскіе крестьяне не состоятъ въ крѣпостномъ рабствѣ, и потому ихъ не дозволяется ни дарить, ни продавать, т.-е. вообще трактовать какъ продажную вещь (res commercii); равнымъ образомъ они имѣютъ право всѣмъ, что приобрѣтено ими собственнымъ трудомъ и прилежаніемъ, сверхъ даннаго отъ помѣщика хозяйственнаго заведенія, владѣть, какъ своею собственностью, свободно располагать ею и передавать ее по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Но тѣмъ не менѣе внѣ всякаго сомнѣнія и то, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ селъ, гдѣ купчими контрактами или какии другимъ способомъ заведенъ иной порядокъ, всѣ поля, луга, сады и дома, которыми они владѣютъ, а равно и хозяйственное заведеніе, получены ими отъ помѣщиковъ. Они отнюдь не должны считать себя наслѣдственными арендаторами (Erbzinsleute, Erbpachtleute): они крѣпостные, крѣпкіе землѣ (glebae adscripti), и потому съ отвѣденныхъ имъ дворовъ, полей и луговъ платятъ только незначительный ежегодный оброкъ, но въ замѣнъ этого обязаны отбывать всякаго рода личную службу, какаѣ гдѣ заведена; равнымъ образомъ, какъ они сами, такъ

и дѣти ихъ, не имѣютъ права, безъ вѣдома и согласія помѣщика, отлучаться съ его земли. Потому крестьяне на землю никакого права собственности (ни *dominium directum*, ни *dominium utile*) не имѣютъ, а и того менѣе могутъ ссылаться на постоянное поселеніе (*exsertio perpetuae coloniae*) и на то, что они и ихъ предки прожили на однихъ мѣстахъ свыше 50, 60 и даже 100 лѣтъ. Потому такіе прикрѣпленные къ землѣ крестьяне обязаны оказывать своимъ помѣщикамъ безпрекословное повиновеніе какъ во всемъ, что касается требуемой отъ нихъ личной службы, такъ и въ томъ случаѣ, если помѣщикъ, по уважительной причинѣ, найдетъ нужнымъ произвести, въ замѣщеніи дворовъ, или въ чемъ другомъ, какое либо, закономъ дозволенное, измѣненіе.»

Въ положеніи нетяглыхъ крестьянъ точно также не произошло никакой перемѣны; старая узаконенія о выкупѣ на волю дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ остались въ прежней силѣ; обязанность личной службы, за умѣренную плату и скудное содержаніе, была вновь подтверждена, и даже распространена на тѣхъ крестьянъ и дѣтей ихъ, у которыхъ помѣщикъ отнялъ дворы, если только онъ поступалъ въ этомъ случаѣ не противъ закона. Уступка состояла лишь въ томъ, что сыновьямъ крѣпостныхъ, которые оказывались не нужными для хозяйства, дозволено было, съ разрѣшенія помѣщика, переходить въ ремесла и городскіе промыслы; тѣ же изъ нихъ, которые выучатся садовому, охотничьему и всякому другому ремеслу насчетъ помѣщика, попрежнему, остаются крѣпостными. Тѣмъ не менѣе однакожъ § 2, тит. III признано, что безъ законной причины (какъ напримѣръ, если крестьянинъ не радѣетъ о своемъ полѣ, отчуждаетъ данное помѣщикомъ хозяйственное обзаведеніе, должасть, вносить оброкъ или отбываетъ барщину неисправно) помѣщикъ не имѣетъ права отнять дворъ у крестьянина, который въ такомъ случаѣ можетъ обращаться съ жалобой къ мѣстному начальству. Другое облегченіе участи крѣпостныхъ состояло въ томъ, что ихъ движимое имущество было признано за свободную собственность, и подведено подъ общіе законы о наслѣдствѣ. Далѣе, въ противоположность постановленіямъ о крестьянахъ, изданнымъ въ то же самое время въ другихъ, и именно, западныхъ полосахъ Германіи, было положено: «что свободные люди, которые поселятся на крѣпостной землѣ, какъ сами, такъ и дѣти ихъ, остаются вольными на вѣчныя времена, если только вступленіе въ крѣпость не включено, по добровольному соглашенію, въ число условій съ помѣщикомъ.»

Вслѣдствіе этого въ Помераніи открывались новыя формы передачи земли въ крестьянское пользованіе, именно формы аренднаго найма, въ противоположность крѣпостнымъ отношеніямъ.

Какъ мотивъ при всѣхъ этихъ мѣрахъ выставлялось то, что только посредствомъ крѣпостнаго состоянія возможно предотвратить конечное запустѣніе земли.

Достопамятнымъ словамъ Фридриха Великаго «о совершенномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія», продиктованнымъ по окончаніи славной войны, вскорѣ послѣ Губертсбургскаго мира, суждено было осуществиться не ранѣе, какъ черезъ полвѣка, въ 1807 году, послѣ Тильзитскаго мира, въ пору величайшаго бѣдствія и глубокаго униженія

Пруссіи, когда предстояла необходимость поднять нравственные силы націи, чтобы исцѣлить язвы государства, находившагося въ состояніи крайняго изнеможенія. Впрочемъ освобожденіе крестьянъ отъ личной зависимости и не могло состояться иначе, какъ въ связи съ мудрыми законодательными мѣрами, касательно выкупа натуральныхъ и личныхъ повинностей, а равно и касательно полнаго освобожденія, какъ крестьянской, такъ и господской земли, и при томъ при соблюденіи интересовъ обѣихъ сторонъ.

Только при такой полнотѣ мѣръ, освобожденіе крестьянъ можетъ сдѣлаться началомъ новаго порядка какъ въ общей государственной жизни, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

II.

Эдиктъ 9 октября 1807 года (1).

Мы, Фридрихъ Вильгельмъ и проч. и проч. и проч. симъ всенародно объявляемъ.

Съ наступленіемъ мира первою нашею заботою было скорѣе возстановленіе и возможное развитіе пришедшаго въ упадокъ благосостоянія нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ. При семъ мы приняли въ соображеніе, что, при всеобщемъ оскудѣніи государства, средства, которыми мы можемъ располагать, не позволяютъ намъ подавать помощь каждому отдѣльному лицу, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ и цѣль наша не была бы достигнута. Мы разсудили далѣе, что неустранимыя требованія справедливости и правила благоустроеннаго государственнаго хозяйства предписываютъ устранять всѣ препятствія, которыя до сихъ поръ частныя лица встрѣчали на пути къ той степени благосостоянія, достиженіе которой было для нихъ возможно по ихъ природнымъ способностямъ и силамъ. Мы убѣдились, что существующія въ настоящее время ограниченія, частію въ свободномъ владѣніи и пользованіи поземельною собственностью, частію въ личныхъ правахъ земледѣльца, наиболѣе препятствуютъ осуществленію нашихъ благихъ преднамѣреній и ослабляютъ его силы, столь нужныя для возстановленія народнаго благосостоянія; что одни изъ этихъ ограниченій имѣютъ весьма вредное вліяніе на цѣнность поземельной собственности и на кредитъ землевладѣльца, другія же уменьшаютъ цѣну труда. Потому мы, положивъ привести и тѣ и другія въ предѣлы, требуемые государственнымъ благомъ, повелѣваемъ слѣдующее:

Свободная передана поземельнаго имущества.

§ 1. Всякое лицо, живущее въ нашихъ владѣніяхъ, имѣетъ право, безъ всякаго ограниченія со стороны правительства, пріобрѣтать въ

(1) Параграфы, относящіеся къ чисто-мѣстнымъ правамъ прусскихъ левъ, фидеикомиссовъ и проч. въ переводѣ опущены.

собственность и нанимать въ арендное пользованіе всякаго рода поземельные участки. Вслѣдствіе того дворянину присвоается право приобретать не только дворянскіе, но и недворянскіе, мѣщанскіе и крестьянскіе, поземельные участки, и наоборотъ, гражданинъ и крестьянинъ получаютъ право на владѣніе не только мѣщанскими и крестьянскими, но и дворянскими участками, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе, могутъ приобретать всякаго рода поземельную собственность, не испрашивая на то особаго разрѣшенія, хотя и впредь, какъ было прежде, о всякой перемѣнѣ владѣнія должно быть доводимо до свѣдѣнія мѣстнаго начальства. Всѣ преимущества при наследованіи поземельной собственности, которыя до сего времени были присвоены наследникамъ дворянскаго происхожденія, а равно и всѣ существовавшія до сихъ поръ, основанныя на личномъ званіи владѣльца, ограниченія или отягченія нѣкоторыхъ господскихъ правъ, симъ уничтожаются.

Касательно приобретения поземельной собственности такими лицами, для которыхъ религиозныя ихъ убѣжденія дѣлаютъ невозможнымъ исполненіе гражданскихъ обязанностей въ полномъ объемѣ, остаются въ прежней силѣ существующія нынѣ особыя узаконенія.

Свободное избраніе промысла.

§ 2. Каждый дворянинъ имѣть право, безъ всякаго ущерба для своего званія, заниматься мѣщанскими промыслами: равно и каждый гражданинъ и каждый крестьянинъ имѣть право безпрепятственнаго перехода изъ одного состоянія въ другое: изъ крестьянскаго въ городское, и обратно.

Дробленіе участковъ.

§ 4. Лица, владѣющія сообща отчуждимыми по свойству своему городскими и сельскими участками, имѣютъ право, предварительно доведя о семъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства, и съ соблюденіемъ правъ третьихъ лицъ, приступить къ отдѣленію отъ вотчины ея принадлежностей, равно какъ и вообще къ отчужденію по частямъ, а имѣющіе право общей собственности—и къ раздѣлу ея между собою.

Сліяніе и соединеніе крестьянскихъ участковъ.

§ 6. Если въ имѣніи какаго-нибудь землевладѣльца окажется нѣсколько отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, не находящихся въ наследственномъ владѣніи, или въ наследственномъ арендномъ содержаніи, которыхъ онъ не въ состояніи возстановить и поддержать, то онъ обязуется объявить объ этомъ провинціальной камерѣ, съ разрѣшенія которой допускается сліяніе нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ крестьянскій участокъ, а равно и присоединеніе къ фольварку, если только въ этомъ имѣніи не существуетъ болѣе наследственнаго подданства (Erbunterthänigkeit). Камеры имѣютъ получить на зтотъ предметъ особыя инструкціи.

§ 7. Если же такіе крестьянскіе дворы находятся въ наследственномъ владѣніи, или въ наследственномъ арендномъ пользованіи, то къ сліянію ихъ и вообще къ произведенію какой бы то ни было перемѣны

въ ихъ положеніи можетъ быть приступлено не иначе, какъ послѣ того какъ право лица, во владѣніи котораго такіе участки до того времени находились, будетъ упразднено посредствомъ уступки оного помѣщику, или прекратится какимъ-либо другимъ законнымъ путемъ. Въ послѣднемъ случаѣ и къ такимъ участкамъ примѣняются постановленія § 6.

Отмѣненіе подданства.

§ 10. Со дня обнародованія настоящаго эдикта не могутъ возникать вновь никакія подданническія отношенія: ни черезъ рожденіе, ни черезъ бракъ, ни черезъ принятіе какой бы то ни было служебной должности, ни черезъ договоръ.

§ 11. Со дня обнародованія настоящаго эдикта совершенно упраздняются существовавшія доселѣ подданническія обязанности и права (wechselseitiges Unterthänigkeits-Verhältniss) тѣхъ подданныхъ (Untertanen), ихъ женъ и дѣтей, которые владѣютъ своими участками или наследственно, или на правѣ собственности, или на правѣ потомственнаго, оброчнаго или аренднаго, пользованія.

§ 12. Со дня Святаго Мартина 1810 года подданство упраздняется на всемъ пространствѣ нашихъ владѣній. Со дня Святаго Мартина 1810 г. въ нашихъ владѣніяхъ останутся одни свободные крестьяне, какъ это уже и теперь существуетъ въ нашихъ королевскихъ помѣстьяхъ, причемъ само собою разумѣется, что всѣ лежащія на нихъ обязанности, по свободному владѣнію поземельнымъ участкомъ, или по особннымъ договорамъ, пребываютъ въ прежней силѣ. Сообразно сему изъясненію нашей высочайшей воли, всякій, до кого сіе касается, и въ особенности наши земскія коллегіи и другія мѣстныя начальства, имѣютъ поступать съ должною точностію и всякимъ тщаніемъ, настоящій же нашъ эдиктъ имѣетъ быть обнародованъ во всеобщую извѣстность.

Данъ за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ въ Мемелѣ 9-го октября 1807.

Фридрихъ Вильгельмъ.

Шрёттеръ, Штейнъ, Шрёттеръ 2.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всемъ какая нѣга...
Благодарю родной, полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга,
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май!

Какая ночь! всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣсню соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждуть. Ихъ листь полупрозрачный
Застѣнчиво манить и тѣшить взоръ.
Онѣ дрожать. Такъ дѣвъ новобрачной
И радостенъ и новъ ея уборъ.

Нѣтъ! никогда нѣжный и безтѣлесный
Твой ликъ, о ночь, не могъ меня томить:
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной и послѣдней, можетъ-быть.

А. ФЕТЬ.

На стогъ сѣна ночью южной
Лицомъ ко тверди я лежалъ,
И хоръ свѣтилъ живой и дружный,
Кругомъ раскинувшись, дрожалъ.

Земля, какъ смутный сонъ, нѣмая,
Безвѣстно уносилась прочь,
И я, какъ первый житель рая,
Одинъ въ лицо увидѣлъ ночь.

Я ль несся къ безднѣ полунощной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись,
Казалось, будто въ длани мощной
Надъ этой бездной я повисъ.

И съ замираньемъ и смятеньемъ
Я взоромъ мѣрилъ глубину,
Въ которой съ каждымъ я мгновеньемъ
Все невозвратнѣе тону.

А. Фетъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Обычай собираться въ извѣстные дни воспитанникамъ одного учебнаго заведенія—прекрасный обычай. Въ этихъ собраніяхъ выражается любовь и благодарность къ тому мѣсту, гдѣ собравшіеся получили первое благо въ мирѣ—образованіе; на этихъ собраніяхъ и тарихи, и молодые, поставленные судьбой и обстоятельствами въ разнообразныя общественныя положенія, сливаются въ одну семью, переносясь мыслію и воспоминаніемъ къ родному заведенію, ко времени молодости, освѣжаютъ и чувства, и мысли свои.

У насъ въ Россіи честь введенія этого прекраснаго обычая принадлежитъ воспитанникамъ Императорскаго Царскосельскаго (нынѣ Александровскаго) лицея. Ежегодно 19-го октября, въ день учрежденія лицея, собираются они праздновать лицейскую годовщину. На этихъ—то лицейскихъ праздникахъ бывалъ нѣкогда безсмертный нашъ Пушкинъ; на нихъ русское ухо впервые слышало прекрасныя стихи народнаго поэта, посвященные лицейскимъ воспоминаніямъ.

Такія собранія возможны только въ Петербургѣ. Несомнѣнно, что Москва — сердце Россіи, но къ Петербургу теперь *тянется земля Русская*, какъ тянула нѣкогда къ Киеву, какъ тянула послѣ того къ Иудею Сарая, а потомъ къ родной Москвѣ бѣлокаменной. Поэтому нигдѣ нельзя встрѣтить такого большинства воспитанниковъ какого бы то ни было высшаго учебнаго заведенія, какъ въ Петербургѣ. Оттого и собранія въ родѣ пятьдесятъ-третьей годовщины Казанскаго университета возможны только въ Петербургѣ.

Еще въ прошломъ 1856 году пришло на мысль нѣкоторымъ питомцамъ Казанскаго университета, находившимся тогда въ Петербургѣ, сваять прекрасный обычай лицейстовъ. Но на эту 52-ю годовщину университета собралось не болѣе двадцати воспитанниковъ го. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, бывшіе студенты московскіе ѣздили то же. Ихъ праздникъ сто-третьей годовщины, былъ неравномерно-удачнѣе: собралось около ста человѣкъ, и въ томъ числѣ воспитанники даже 1816 года. Казанскимъ за московскими тянутся слеза; послѣднихъ въ Петербургѣ по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ болѣе, но все-таки на праздникъ 5-го ноября 1857 года, когда празднована была пятьдесятъ-третья годовщина Казанскаго уни-

верситета, было семьдесятъ восемь человекъ, и въ томъ числѣ четыре студента, поступившіе въ университетъ при самомъ его открытіи (1805 г.).

Приготовляясь праздновать семейный университетскій праздникъ, студенты казанскіе пятидесяти выпусковъ желали видѣть на пиру своемъ *старѣйшаго изъ среды своей*, С. Т. Аксакова, который черезъ пятьдесятъ лѣтъ по вступленіи въ открывавшійся тогда университетъ, такъ задушевно описалъ въ своей *Семейной Хроникѣ* и Казанскую гимназію, и начало университета, и благородный порывъ къ университетскому образованію студентовъ перваго времени. Къ нему, въ Москву, за пять дней до праздника было отправлено слѣдующее письмо:

«М. Г.

«Сергѣй Тимофеевичъ,

«Бывшіе воспитанники Императорскаго Казанскаго Университета, находящіеся теперь въ Петербургѣ, уговорились 5-го ноября, въ день учрежденія университета, отобѣдать вмѣстѣ въ память пятидесятилѣтія, истекшаго со времени перваго выпуска студентовъ.

«Въ собравшейся здѣсь студентской семьѣ есть и ваши однокурники, студенты перваго выпуска, которые помнятъ и любятъ стараго товарища попрежнему; есть и студенты выпусковъ послѣдующихъ, которые хотя и не знаютъ васъ лично, но глубоко уважаютъ того казанскаго студента, который, вступивъ въ университетъ при самомъ его учрежденіи, черезъ полвѣка послѣ того, такъ увлекательно и такъ задушевно описалъ начало того заведенія, которому всѣ мы обязаны своимъ образованіемъ.

«Кому въ первомъ мѣстѣ сидѣть на пиру нашемъ? Ужь, конечно, этому писателю, пятьдесятъ лѣтъ честно прослужившему Россіи — мыслью и словомъ.

«Пріѣзжайте въ семью студентскую, студентъ перваго выпуска! Дайте взглянуть на себя своимъ одноклассникамъ, позвольте студентамъ выпусковъ послѣдующихъ лично познакомиться съ писателемъ, котораго они глубоко уважаютъ, которымъ гордятся всѣ казанскіе студенты.»

Подписали:

Александръ Княжевичъ (1809), Еварестъ Груберъ (1806), Владмиръ Панаевъ (1811), Дмитрій Перевожиковъ (1809), В. Перцовъ (1842), П. Мельниковъ (1837), М. Ахматовъ (1845), А. Безобразовъ (1847), Н. Кукурановъ (1839), Н. Смирновъ (1846), В. Ѳедоровскій (1851), Н. Хлѣбниковъ (1847), А. Артемьевъ (1841), Н. Второвъ (1837), М. Веселовскій (1848), Н. Безобразовъ (1837), Ѳ. Оттолигъ (1820), В. Васильевъ (1837), А. Шутовъ (1836), А. Поповъ

(1828 изъ университета, 1825 изъ Императорской Казанской гимназіи), М. Курбановскій (1853), Л. Киндяковъ (1852).

С. Петербургъ,
1-го ноября 1857 г.

Распорядителемъ обѣда былъ орд. проф. С. Петербургскаго университета, ст. сов. А. В. Поповъ (студентъ 1828 года), который воспитывался сначала въ бывшей Императорской Казанской гимназіи, и прослужилъ 25 лѣтъ профессоромъ монгольскаго языка въ томъ же университетѣ, въ которомъ и учился. Такимъ образомъ на глазахъ его прошло 25 поколѣній казанскихъ студентовъ, то-есть ровно половина всѣхъ поколѣній со времени учрежденія университета. Помощниками г. Попова по устройству обѣда были ст. сов. П. И. Мельниковъ (студентъ 1837), колл. сов. В. П. Перцовъ (1842) и надв. сов. М. Н. Ахматовъ (1845).

Обѣдъ назначенъ былъ въ 5 часовъ по-полудни, въ помѣщеніи Шахматнаго клуба. Кромѣ воспитанниковъ Казанскаго университета въ празднованіи пятьдесятъ-третьей годовщины участвовали бывшіе казанскіе профессора: Н. М. Благовѣщенскій, И. Я. Горловъ, П. А. Дубовицкій, А. К. мирза Казембекъ, А. А. Китеръ, А. С. Савельевъ и М. С. Славянскій.

С. Т. Аксаковъ, по болѣзни, не могъ пріѣхать изъ Москвы на родной праздникъ, но прислалъ за себя сына своего И. С. Аксакова.

Обѣдъ былъ роскошный, но не въ гастрономическомъ отношеніи намѣрены мы описывать его, не помѣщаемъ здѣсь меню обѣда, которое впрочемъ дѣлаетъ честь г. Веру, одному изъ лучшихъ метрдотелей въ Петербургѣ. Обращаемся къ болѣе значительнымъ явленіямъ, бывшимъ на обѣдѣ 5-го ноября.

Студентъ 1809 года, нынѣ сенаторъ и почетный опекунъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, т. сов. А. М. Княжевичъ провозгласилъ первый тостъ Государя Императора и всего Августѣйшаго дома.

Восторженные клики *ура!* были отвѣтомъ на этотъ тостъ. Русскому человѣку понятенъ дружный кликъ, огласившій на этотъ разъ своды залы. И старики, за полвѣка до сего времени оставившіе университетъ, и молодые люди, вышедшіе изъ университета назадъ тому четыре мѣсяца, единогласно и единодушно откликнулись русскими сердцами на тостъ за здоровье нашего благодушнаго, просвѣщеннаго Государя, который, на высотѣ своего величія, не забываетъ *святѣйшаго изъ званій—человѣкъ*. Непритворны, велицефирны были эти клики въ честь того, на кого земля Русская возлагаетъ все свое упованіе, отъ кого ожидаетъ прекраснаго будущаго.

Послѣ того студентъ 1811 года, нынѣ директоръ канцеляріи мин. императорскаго двора, тайн. сов. В. И. Панаевъ провозгласилъ тостъ за *благодѣствіе Россіи, любезнаго нашего отечества*.

Клики *ура!* и восторженные рукоплесканія были отвѣтомъ на эготъ тостъ. И не могло быть иначе: пили за благоденствіе Русской земли дѣти Русской земли. Нѣсколько минутъ продолжались клики *ура!* и громкія рукоплесканія.

Когда они стихли, студентъ 1827 г., нынѣ статсъ-секретарь Е. И. В., генералъ-провіантмейстеръ П. А. Булгаковъ сказалъ:

«Господа! этого мало! Выпьемъ еще за Русскую землю, выпьемъ еще за нашу родину!»

Новые восторженные клики, новыя громкія рукоплесканія отвѣчали на эготъ тостъ. Да еслибы и до другаго дня повторялись эти завѣтные для русскаго человѣка тосты, все бы они сопровождалось такимъ восторженнымъ сочувствіемъ.

Послѣ того студентъ 1806 года, нынѣ попечитель казанскаго учебнаго округа, тайн. сов. Ев. А. Груберъ, предложилъ тостъ министра народнаго просвѣщенія. Потомъ студентъ 1828 года, нынѣ орд. проф. С. Петербургскаго университета, А. В. Поповъ, сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Нынѣшній день, господа, важенъ для насъ, членовъ одной семьи, по дорогому воспоминанію. Въ эготъ день назадъ тому пятьдесятъ три года, положено было основаніе Казанскому университету. Съ этого дня началась новая, кипучая жизнь для всей восточной Россіи. На призывъ науки радостно откликнулось тогда благородное юношество, и любознательные слушатели толпами стекались въ новооткрытый университетъ. Достойные профессора съ рвеніемъ принялись за великое дѣло образованія, и голось ихъ находилъ полное сочувствіе въ молодыхъ студентахъ. Сѣмена знаній, посѣянные на свѣжей, дѣвственной почвѣ, принесли въ послѣдствіи прекрасные плоды. Здѣсь наука не оставалась мертвою буквой; она сознательно выносилась изъ университета и прививалась къ жизни общественной и государственной. Здѣсь зачался первый зародышъ, изъ котораго возникла и приняла обширные размѣры послѣдующая дѣятельность университета. Многочисленные воспитанники, вышедшіе изъ сего заведенія и разнесшіе образованіе по всѣмъ угламъ Россіи, громко свидѣтельствуютъ объ его полувѣковой трудолюбивой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ вы не встрѣтите студентовъ Казанскаго университета? Вы увидите ихъ и въ рядахъ русскаго воинства, и въ средѣ врачей, и на поприщѣ гражданскомъ, и въ тихомъ кабинетѣ ученаго. Они вездѣ вѣрны своему призванію, вездѣ честно исполняютъ долгъ свой. Одни изъ нихъ достигли высшихъ ступеней государственнаго управленія, другіе заняли передовыя мѣста между русскими литераторами, иные сдѣлались небезвѣстными служителями науки; нѣкоторые же со славою сложили свои головы на полѣ брани.

«Теперь намъ, представителямъ прежнихъ пятидесяти поколѣній казанскихъ студентовъ, остается только пожелать, чтобы нашъ родъ

ной университетъ, при настоящемъ развитіи просвѣщенія, выполнялъ свое назначеніе согласно современнымъ требованіямъ науки и жизни, чтобы питомцы его вносили въ общество свѣжія, плодотворныя идеи и были вѣрными и полезными слугами Царю и Отечеству.

«Господа, я предлагаю тостъ за процвѣтаніе Императорскаго Казанскаго Университета.»

Дружнымъ ура! откликнулись студенты казанскіе на эти слова. Долго не умолкало оно, долго не умолкали рукоплесканія семьи студентской, которая съ любовью и благодарностью вспоминала родной университетъ.

Послѣ того студентъ 1837 года, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ П. И. Мельниковъ, сказалъ:

«Мы пили сейчасъ, господа, за благоденствіе и процвѣтаніе нашего университета.»

«Какъ бы хорошо было выпить это вино тамъ, далеко, въ Казани, на концѣ Воскресенской улицы!»

«Мы сказали бы тогда въ стѣнахъ роднаго университета: «Спасибо тебѣ за добро, что ты сдѣлалъ намъ; набрались мы въ тебѣ уму-разуму, научились, какъ любить нашу матушку Русь православную!»»

«Но далеко отъ насъ родной университетъ, за полторы тысячи верстъ отъ мѣста нашего воспитанія празднуемъ мы пятидесятилѣтіе Казанскаго университета — не со времени его учрежденія, а съ того времени, какъ студенты казанскіе въ первый разъ выступили на поприще гражданской дѣятельности, съ того времени, какъ студенты казанскіе умомъ и дѣломъ стали приносить пользу Русской землѣ!»

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершалась борьба Русской земли съ Наполеономъ. Почти всѣ первые студенты казанскіе вступили тогда въ русское земское войско. Этотъ выпускъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: его-то мы и празднуемъ.»

«Между нами, господа, есть студенты перваго времени, есть такіе студенты, которые вступили въ университетъ при его учрежденіи.»

«Всѣ они теперь стоятъ на первыхъ ступеняхъ государственной и ученой дѣятельности.»

«Стало-быть, Казанскій университетъ въ самомъ младенчествѣ своемъ сдѣлалъ свое дѣло — далъ Россіи полезныхъ дѣателей.»

«Господа! я предлагаю тостъ за здоровье этихъ студентовъ. Они проложили намъ дорогу, они — наши передовые!»

«Здоровье Александра Максимовича Княженича, Владиміра Ивановича Панаева, Евареста Андреевича Грубера, Дмитрія Матвеевича Перевощикова!»

При громкихъ кликахъ ура! выпито было за здоровье этихъ студентовъ перваго времени. Когда клики кончились, П. И. Мельниковъ продолжалъ:

«Въ нашемъ университетѣ и прежде и теперь ведется обычай составлять списки студентовъ по алфавиту. Списокъ студентовъ, вступившихъ въ университетъ въ день его открытія, начинается такъ: *Аксаковъ, Сергій.*

«Стало-быть Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ безспорно — *первый студентъ Казанскаго университета!* Также безспорно — онъ одинъ изъ первыхъ современныхъ русскихъ писателей. (*Крики: Правда, правда!*)

«Кому изъ русскихъ людей не извѣстна *Семейная Хроника?* Въ этой-то *Хроникѣ* съ такою теплотой, съ такою любовью первый студентъ нашъ описалъ первые дни роднаго нашего университета!

«Мы звали *перваго студента* на студентскій пиръ, на которомъ, смотрите, сидятъ студенты, вышедшіе изъ университета въ 1806 году, какъ Еварестъ Андреевичъ Груберъ, и въ 1856 году, какъ Николай Александровичъ Заварицкій (1). Цѣлые полвѣка разницы!

«Какъ бы хорошо было на пирѣ казанскихъ студентовъ сидѣть *первому студенту казанскому!*

«Мы послали къ Сергію Тимофеевичу письмо, которое, по спѣшности дѣла, не могло быть всѣми подписано. Позвольте, господа, прочесть его во всеобщее свѣдѣніе. (*Чтеніе письма.*)

«Болезнь не позволила Сергію Тимофеевичу быть на пирѣ нашемъ; но среди насъ есть представитель его, который хотя и не былъ въ Казанскомъ университетѣ, но онъ намъ родной, онъ принадлежитъ къ нашей казанской семьѣ, какъ сынъ того, кто составляетъ нашу гордость.

«Иванъ Сергѣевичъ! передайте отцу вашему все, что вы здѣсь видѣли, все, что вы здѣсь слышали; скажите ему, что имя *Сергій Аксаковъ* дорого казанскимъ студентамъ всѣхъ пятидесяти выпусковъ; что всѣ мы, и здѣсь собранные, и по лицу русской земли разсѣянные, всѣ мы до одинаго гордимся *первымъ студентомъ Аксаковымъ!* (*Крики: Правда, правда!*)

«Господа! какъ студенту казанскому, позвольте мнѣ предложить тостъ *перваго студента* казанскаго; какъ русскому писателю, позвольте мнѣ предложить тостъ *одного изъ первыхъ нашихъ писателей!*

«Здоровье того, кто пятьдесятъ лѣтъ честно прослужилъ Россію мыслью и словомъ! Здоровье Сергія Тимофеевича Аксакова!»

Громкія, продолжительныя рукоплесканія и клики *ура*, какъ отвѣтъ на этотъ тостъ, повторялись долго. Гордость студентовъ казанскихъ такимъ *первымъ студентомъ*, какъ С. Т. Аксаковъ, выразилась единодушно и единогласно.

Тотчасъ же, по общему соглашенію, отправлена была въ Москву къ С. Т. Аксакову телеграфическая депеша слѣдующаго содержанія:

(1) На обѣдѣ былъ впрочемъ и студентъ 1857 года, И. Е. Быстровъ.

«Казанскіе студенты пятидесяти выпусковъ пьютъ за здоровье перваго казанскаго студента, С. Т. Аксакова.»

И. С. Аксаковъ прочиталъ отвѣтное письмо Сергѣя Тимоѣевича:

«Дорогіе товарищи мои, бывшіе студенты Казанскаго университета!

«Вы, любезныя имена которыхъ напомнили мнѣ и Казанскую гимназію, и открытіе университета, и учебную жизнь, и годы юности, вмѣстѣ проведенные; а также и вы, которыхъ я не знаю, но которыхъ считаю дорогими товарищами, потому что мы получили общее образованіе въ томъ же городѣ, въ томъ же университетѣ, — благодарю васъ отъ всей души. Письмо ваше, въ которомъ вы зовете на родной для насъ праздникъ, устроенный вами въ день открытія Казанскаго университета, — письмо, въ которомъ вы съ такою любовію говорите обо мнѣ, какъ о писателѣ, — въ которомъ благодушно предлагаете мнѣ первенство между вами, произвело на меня глубокое, отрадное впечатлѣніе, которое навсегда сохранится въ душѣ моей. Благодарю васъ, мои друзья и товарищи, за вашу добрую обо мнѣ память... И кзкое было бы для меня наслажденіе исполнить вашу дружескій призывъ, прилетѣть въ Петербургъ и сѣсть между вами на семейномъ пирѣ казанскихъ студентовъ! Но уже давно печальные недуги старости только въ лѣтнее время дозволяютъ мнѣ самое короткое путешествіе. Какъ ни горестно для меня въ настоящую минуту это лишеніе, но ваше теплое письмо, ваша дружба утѣшаютъ меня, и я не смѣю роптать. Пятаго ноября я буду мысленно сидѣть между вами и, поднимая бокалъ, восклицать вмѣстѣ съ вами: «Да здравствуетъ Казанскій университетъ, да много и много лѣтъ процвѣтаетъ онъ, да образуется и просвѣщается въ немъ русское юношество на пользу и честь родной земли нашей, нашей православной Руси!»

«Сергѣй Аксаковъ.»

1857 года 4 ноября.
Москва.

Прочитавъ это письмо, И. С. Аксаковъ продолжалъ:

«Господа! Позвольте мнѣ къ этимъ словамъ благодарности прибавить еще нѣсколько словъ. Я, признаюсь, радъ, что отца моего нѣтъ здѣсь: его здоровье едва ли бы вынесло всю полноту ощущеній настоящей минуты. Единодушное сочувствіе ваше и всей русской публики къ моему отцу служить лучшимъ доказательствомъ, какъ высоко умѣетъ цѣнить русское общество гражданскую честность писателя, чистоту его авторскаго служенія, искренность, правду, независимость его печатнаго слова. Да, господа, предъ лицомъ всей Россіи могу я съ законною гордостью сказать: мой отецъ — честный писатель! (*Взрывъ рукоплесканій и клмки: Правда, правда!*)

«Благодареніе Богу, что послѣ долгихъ ожиданій, дожилъ онъ до

нашего, до настоящаго времени, когда много шлагбаумовъ снято съ мысли и слова (*громкій взрывъ рукоплесканій и восторженныя клики: Слава Богу! Слава Государю! Клички продолжаются около пяти минутъ*), и русской литературѣ открытъ большій просторъ для дѣятельности. Пусть же оправдается современное великое призваніе русской литературы, пусть высоко горитъ ея свѣточъ, озаряя путь русскому обществу, разливая свое сіяніе всюду, мимо всѣхъ преградъ, еще поставляемыхъ ему трусовымъ невѣжествомъ. (*Громкіе клики: Да будетъ свѣтъ! Государю нашему ура! Да будетъ свѣтъ! Невѣжеству регеат!*)

«Господа, именемъ моего отца предлагаю тостъ: въ честь русской литературы, въ честь высокаго подвига, предстоящаго независимому общественному русскому слову.»

Съ громкими кликами *ура!* принять былъ этотъ тостъ за русское общественное слово, за русскую литературу, У каждаго при этомъ тостѣ громко и сильно сказалось чувство глубоко-искренней и признательной любви къ нашему благодущному Государю. Его дорогое намъ имя само собою соединяется съ мыслию объ успѣхахъ, предстоящихъ нашему отечеству, нашему родному слову, нашему просвѣщенію.

Вслѣдъ за тѣмъ единогласно предложенъ былъ тостъ за И. С. Аксакова.

Послѣ того пили за здоровье бывшихъ и настоящихъ профессоровъ Казанскаго университета.

На этотъ тостъ бывшій профессоръ Казанскаго университета А. С. Савельевъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Господа, позвольте мнѣ, какъ бывшему преподавателю Казанскаго университета и какъ человѣку, которому далеко не чуждо дѣло отечественнаго просвѣщенія и русской науки, позвольте сказать передъ вами нѣсколько искреннихъ, признательныхъ словъ прежнимъ моимъ сотоварищамъ.

«Слишкомъ девять лѣтъ имѣлъ я честь принадлежать къ ученой корпораціи Казанскаго университета, и повѣрьте, что эти года останутся навсегда лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Я горжусь тѣмъ, что девять слишкомъ лѣтъ я былъ членомъ того ученаго сословія, которое представляетъ длинный рядъ именъ, заслужившихъ блистательную извѣстность въ наукѣ.

«Не перечисляя всѣхъ этихъ высокихъ именъ, я смѣю могу сказать, что ни одинъ изъ нашихъ русскихъ университетовъ не имѣетъ такого большинства въ ученомъ мірѣ, какое въ продолженіе пятидесяти лѣтъ мы встрѣчаемъ въ университетѣ Казанскомъ. Не буду исчислять ученые заслуги тѣхъ высокихъ дѣятелей, которые служили украшеніемъ Казанскаго университета въ началѣ его существованія: имена Киттрова, Френа, Эрдмана, Бартельса, Врангеля, Броуна,

Купфера, Симонова, Эйхвальда, Лобачевского, Дубовицкаго, слишкомъ извѣстны; но осмѣливаюсь сказать, не нарушая скромности присутствующихъ здѣсь бывшихъ сотоварищей моихъ, что и въ современный мнѣ періодъ времени съ 1846 по 1855 г. дѣятельность Казанскаго университета продолжала обращать на себя всеобщее вниманіе. Я не могу не привести именъ мнѣ Казембека, Ковалевскаго, Зинина, Эверсмана, Клауса, Березина, Васильева, Бабста, Мейера, Григоровича, Китера, Ковальскаго, Киттары; я не могу также не упомянуть, что императорская академія наукъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ 12 сочиненій казанскихъ профессоровъ удостоила демидовскихъ премій и 4 сочиненія—почетныхъ отзывомъ. Эти цифры говорятъ положительнѣ всякаго краснорѣчія.

«Согласитесь, господа, что я имѣю право гордиться тѣмъ, что и моя слабая дѣятельность, если она могла чѣмъ-нибудь обнаружиться, вполне вознаграждена тѣмъ, что я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ честь принадлежать къ ученому сословію, которое такъ далеко выдвинуло себя на поприщѣ наукъ и отечественнаго образованія. Позвольте же за этимъ тостомъ принести искреннюю мою признательность моимъ добрымъ сотоварищамъ, за все то вполне счастливое время, которое я провелъ въ кругу ихъ.»

Послѣ этой рѣчи профессора Савельева предложенъ былъ тостъ за здоровье всѣхъ бывшихъ студентовъ казанскихъ, какъ присутствующихъ на праздникѣ, такъ и отсутствующихъ. Громкое ура сопровождало и этотъ тостъ.

За тѣмъ по предложенію А. М. Княжевича выпить былъ тостъ за здоровье распорядителей праздника, профессора А. В. Попова и другихъ.

Послѣ этого студентъ 1837 г. П. И. Мельниковъ сказалъ:

«Господа! прошу слова!»

«Черезъ четыре года будетъ великій праздникъ на Русской землѣ. Исполнится нашей матушкѣ тысяча лѣтъ.»

«Такой вѣкъ прожить—не поле перейти!»

«Что же? Постарѣла наша матушка? Одряхлѣла родимая?»

«Нѣтъ, молодостию такъ и пышетъ земля Русская! Полна она богатырскихъ силъ! Только что начинается жить полною жизнью милая наша родина! *(Руконесканія.)*»

«Подъ конецъ перваго своего тысячелѣтія Россія исполняетъ слово древняго мудреца Элады, познаетъ самое себя.»

«И дивится сама себѣ земля Русская! Сколько силы-то таится въ ней, сколько въ нѣдрахъ—то ея сокровищъ нетронутыхъ!»

«Какъ же это она ихъ прежде—то не заприѣтила?»

«Не мудроно, въ нѣдрахъ земли отыскиваютъ сокровища при свѣтѣ фонарей, въ нѣдрахъ государства отыскиваютъ ихъ при свѣтѣ просвѣщенія. *(Клики: Bravo!)*»

«Мы вѣруемъ въ слова поэта (1).

И просвѣщеніе взаимной пользы цѣлью
 Пѣснѣй соединитъ владыку и народъ
 И Александровъ вѣкъ свѣтиломъ незакатнымъ
 Взойдетъ на русскій горизонтъ,
 Привѣтствуя, какъ другъ, сіянемъ благодатнымъ
 Грядущаго еще непробужденный сонъ.

«Гдѣ же дѣятели этого грядущаго? Гдѣ передовые люди втораго тысячелѣтія Россіи?

«Они теперь—на скамьяхъ университетскихъ. (*Клики: Правда! и рукоплесканія.*)

«Привѣтъ вамъ, студенты! Привѣтъ тебѣ, юное поколѣніе!

«Здравствуй, золотая надежда Россіи! Здравствуйте, дѣятели прекраснаго будущаго! Здравствуйте, братья наши, студенты казанскіе!

«Да крѣпнетъ въ васъ русскій умъ! Да просвѣщается онъ общечеловѣческимъ образованіемъ! Да растетъ въ васъ племя достойныхъ сыновъ тысячелѣтней Россіи! Да создается изъ васъ сонмъ вѣрныхъ и просвѣщенныхъ слугъ царю и отечеству!

«А такому царю, какъ нашъ Государь, кто не радъ служить, кто не радъ сложить за него свою голову? (*Крики ура! и рукоплесканія продолжаются болѣе пяти минутъ.*)

«Расти же, молодое племя! Обогащай свой умъ познаніями и стремишься быть достойнымъ званія челоуѣка!

«А когда настанетъ время грядущее и пробудится его «еще не пробужденный сонъ», многіе изъ насъ будутъ спать непробуднымъ сномъ.

«Вы тогда будете на мѣстахъ нашихъ, братья—студенты! Помните тогда съ любовью насъ, старшихъ братьевъ своихъ! И когда вы, студенты казанскіе, также соберетесь, какъ мы собрались теперь, праздновать начало университета нашего, скажите про насъ: «Они начали, мы продолжаемъ; мы живемъ въ золотое время, но оно подготовлено нашими старшими братьями.» Скажите это, студенты! Помните добрымъ словомъ насъ!

«Вотъ что называется: началъ за здравіе — свелъ за упокой!

«Но...

Мертвый, мирно во гробъ спи,
 Жизнью пользуйся, живущій!

«Здоровье ваше, казанскіе студенты!»

При громкихъ кликахъ и рукоплесканіяхъ былъ выпитъ этотъ тостъ за здоровье юнаго поколѣнія семьи казанскихъ студентовъ.

Послѣ этого единодушно всѣмъ обществомъ предложенъ былъ

(1) Князь П. А. Вяземскій.

тость за здоровье П. И. Мельникова, который благодарил общество въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Благодарю отъ всей души, господа, за эту высокую честь. Тѣмъ болѣе она дорога мнѣ, что предлагается родными Казанцами. Памятенъ, навсегда памятенъ будетъ для меня день этотъ.

«Но для кого изъ насъ онъ не памятенъ? Ознаменуемъ же добрымъ дѣломъ память его.

«Есть въ нашемъ университетѣ студенты даровитые, но недостаточные. Дадимъ имъ помощь! (*Клики: Дадимъ! Дадимъ!*)

«Складчину денегъ сдѣлать не мудрено, были бы деньги. Но мы въ память учрежденія нашего университета сдѣлаемъ другую складчину, складчину ума! (*Клики одобренія.*)

«Пусть каждый, кто пишетъ, дастъ ученую или литературную статью, а кто не пишетъ дастъ денегъ на изданіе сборника трудовъ бывшихъ профессоровъ и воспитанниковъ Казанскаго университета. Къ 5-му ноября 1858 года издадимъ этотъ сборникъ, соберемса опять вмѣстѣ и спрыснемъ его. (*Клики одобренія.*)

«А всю выручку, какая отъ продажи получится, употребимъ или на стипендію, или на отправленіе даровитаго казанскаго студента для усовершенствованія въ наукахъ за границу, или на другое какое-либо вспомошествованіе братьямъ нашимъ, казанскимъ студентамъ. (*Продолжительное рукоплесканіе.*)

«Итакъ, сборникъ будетъ? (*Клики: Будетъ, будетъ!*)

«Выпьемъ за успѣхъ его!»

Съ радостными кликами, былъ принятъ этотъ тостъ за будущее дѣтство умственной дѣятельности Казанцевъ. Наречь ему имя предоставлено *первому студенту* С. Т. Аксакову, а редакторомъ быть— П. И. Мельникову. Тутъ же составлена была подписка, на издержки по изданію. По этой подпискѣ обѣщано 30 статей (1) и собрано денегъ 446 р.

Но общимъ голосомъ рѣшено не ограничиваться этими статьями, а пригласить къ участию въ сборникѣ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ профессоровъ, всѣхъ бывшихъ и настоящихъ студентовъ Казанскаго

(1) Статьи литературныя: отъ С. Т. Аксакова (объщанная П. С. Аксаковымъ), отъ Андрея Печерскаго, Н. М. Львова, Н. И. Второва, П. П. Пекарскаго, М. П. Веселовскаго.

Ученыя статьи отъ академика Д. М. Перевошикова, профессоровъ: мирзы А. К. Казембека, В. П. Васильева, М. Я. Китгарры, И. Н. Березина, А. В. Попова, И. Я. Горлова, А. С. Савельева и М. С. Славянскаго, отъ докторовъ медицины: Ф. М. Отсолига, П. И. Козлова, Ф. Ф. Фонъ-дербъ-Фляса, и Ф. О. Журковскаго, отъ А. И. Артемьева, Е. К. Огородникова, А. М. Шутова, Л. С. Киндякова, В. Я. Титова, Н. Н. Лахтина, Г. В. Фирстова, А. П. Ахматова, М. Н. Ахматова, Н. П. Безобразова и П. И. Мельникова.

университета, съ тѣмъ чтобы статьи и деньги присылали они на имя П. И. Мельникова (2).

Такъ отпраздновали казанскіе студенты пятьдесятъ-третью годовщину своего университета.

Всѣ и старые и молодые студенты вынесли съ этого семейнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнаго праздника самое отрадное чувство, чувство благодарности къ мѣсту своего образованія и воспоминаніе о золотыхъ дняхъ юности. Студенты старыхъ курсовъ сами говорили, что они какъ будто помолодѣли на студентскомъ пиру, будто вернулись къ нимъ давно отжитые дни юности.

И надъ всѣмъ этимъ господствовали сознательная преданность къ просвѣщенному государю нашему и твердая увѣренность, что онъ прольетъ свѣтъ на нашу родину, водворитъ въ ней правду и законность, поразитъ блескомъ своего царствованія тупое, потемки любящее невѣжество, и распространитъ въ Россіи просвѣщеніе, безъ котораго никакая страна не можетъ быть ни сильною, ни богатою, ни славною.

Въ заключеніе этой статьи представляемъ списокъ лицъ, принявшихъ участіе въ празднованіи пятьдесятъ-третьей годовщины Казанскаго университета.

Вышедшіе изъ университета

въ 1806 Э. А. Груберъ.

1809 А. М. Княжевичъ и Д. М. Перевощиковъ.

1811 В. И. Панаевъ.

1819 Н. С. Бѣляевъ, А. П. Евреиновъ, В. С. Лапинъ,
М. В. Степановъ.

1820 О. М. Отсолигъ.

1821 А. Н. Пальмовъ.

1822 И. И. Токаревъ.

1827 П. А. Булгаковъ.

1828 О. Я. Бекреевъ, П. А. Каптеревъ, А. В. Поповъ.

1829 А. А. Ростовскій, В. Я. Титовъ, П. Е. Федоровскій.

1830 П. И. Демезонъ.

1833 Н. И. Козловъ, Н. И. Лахтинъ, В. И. Пикторовъ.

1834 Н. И. Эйлеръ.

1835 Ф. О. Журковскій.

(2) Адресъ Павлу Иван. Мельникову, въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, домъ Лакунова въ бельэтажѣ. При этомъ г. Мельниковъ проситъ всѣхъ, кто пришлетъ статью, означать годъ выхода автора изъ университета, такъ какъ сборникъ предполагается издать въ хронологическомъ порядкѣ по выпускамъ студентовъ.

- 1836 А. П. Ахматовъ, П. Н. Кабалеровъ, Ф. Я. Мобицъ,
И. А. Нордремъ, Х. А. Нордремъ.
- 1837 Н. П. Безобразовъ, И. Н. Березинъ, В. П. Василь-
евъ, Н. И. Второвъ, П. И. Мельниковъ, А. Я. Сто-
беусъ, А. М. Шутовъ.
- 1839 П. Н. Кукурановъ, Н. И. Уржумцовъ.
- 1840 А. И. Артемьевъ, Л. З. Будаговъ, Н. М. Львовъ,
Е. К. Огородниковъ.
- 1842 Н. Г. Лысовъ, В. П. Перцовъ, И. Н. Порѣцкій.
- 1844 Э. Э. Магзигъ.
- 1845 М. Н. Ахматовъ, А. И. Савиновъ, Н. И. Томиловъ,
Ф. Ф. Фонъ-деръ-Флаасъ.
- 1846 Г. Гасловскій, Н. И. Ильинъ, М. Т. Навроцкій,
Н. П. Смирновъ.
- 1847 А. П. Безобразовъ, И. И. Михайловъ, П. П. Пе-
карскій, Н. А. Хлѣбниковъ.
- 1848 М. П. Веселовскій.
- 1850 В. А. Бабкинъ, г. Маршаловъ, Г. В. Фирстовъ.
- 1851 Г. Островидовъ, В. И. Фодоровскій.
- 1852 Л. С. Киндяковъ.
- 1853 К. Ф. Галстунскій, М. Н. Курбановскій.
- 1854 Я. А. Веретенниковъ.
- 1856 Н. А. Заварицкій.
- 1857 И. Е. Быстровъ.

Сверхъ того участвовали въ праздникъ бывшіе профессоры Казанскаго университета, но не бывшіе въ немъ студентами: Н. М. Благовѣщескій, И. Я. Горловъ, П. А. Дубовицкій, А. К. мирза Казембекъ, А. А. Китеръ, А. С. Сзвельевъ и М. С. Славянскій.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

TeKa 'Wilenska (Виленская тека), издаваемая Иваномъ изъ Сливина (г. Киркоромъ). № 1. Вильно, 1857. Въ 8-ку, 276 стр.

Это литературный сборникъ, не имѣющій никакого опредѣленнаго характера. Какъ нужно догадываться, онъ будетъ выходить особыми выпусками, заключающими въ себѣ стихи и повѣсти, и статьи ученаго содержанія. Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ лучшая статья принадлежитъ г. Кондратовичу, подъ заглавіемъ: *Минскъ*. Она еще не окончена. Съ самаго начала авторъ представляетъ

краткій и любопытный очеркъ нынѣшняго состоянія этого города: какъ то его положеніе, климатъ, внутреннюю фیزیономію, статистику, и т. п. — «Все здѣсь такъ чисто, говоритъ авторъ, такъ ярко ново, что дѣйствительно поражаетъ своимъ европейскимъ видомъ, въ особенности насъ, прибывшихъ изъ Вильны и привыкшихъ видѣть невыдающуюся впередъ фیزیономію домовъ и зданій, сжатыхъ въ кучку, заслоненныхъ, вѣющихъ дыханіемъ вѣковой древности. Здѣсь не найдешь ничего подобнаго, и если желаешь найти, то нужно спуститься съ Высокаго рышка, подлѣ церкви Бернардиновъ, къ рынку, называемому Низкимъ, гдѣ нѣсколько многолюднѣе, а дома тѣснѣе, гдѣ не одно строеніе или лавка напоминаетъ своею архитектурою старыя времена и старыя нравы.»

Сдѣлавъ бѣглый взглядъ на нынѣшнее состояніе Минска, г. Кондратовичъ переходитъ къ довольно подробной хроникѣ этого города. Здѣсь онъ помѣстилъ только первый періодъ: *Господство Руси и Литвы*, болѣею частію основываясь на русскихъ источникахъ. Минскъ, входившій въ составъ княжества Полоцкаго, упоминается уже въ XI столѣтіи, — нельзя, впрочемъ, не упрекнуть г. Кондратовича въ томъ, что онъ не всегда вѣренъ исторической истинѣ и бездоказательно утверждаетъ странныя предположенія. Такъ, напримѣръ говоря о народѣ, населявшемъ пространство отъ Двины до Припяти, и отъ Днѣпра до истоковъ Нѣмана, онъ прибавляетъ: «Этотъ народъ назывался Дреговичами и Кривичами, говорилъ русскимъ нарѣчіемъ, которого драгоценный памятникъ сохранился въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ и въ знаменитой пѣснѣ объ Игорѣ, и который, во много чѣмъ отличающійся отъ языка нынѣ живущихъ здѣсь поселянъ, подѣ названіемъ нарѣчія бѣлорусскаго, составляетъ переходъ отъ языка великорусскаго къ малорусскому нарѣчію Украины.» Желательно, чтобы авторъ представилъ намъ филологическія доказательства своего положенія. Не менѣе гадательными показались намъ также тѣ свѣдѣнія, которыя почтенный авторъ сообщаетъ о мнелогіи Кривичей.

Въ томъ же номерѣ *Виленской Теки*, между прочимъ переведена статья г. Пирогова: *Вопросы жизни* (изъ «Морскаго Сборника» за 1856 г.)

Къ числу замѣчательныхъ статей этого сборника принадлежитъ также небольшое разсужденіе г. Н. Малиновскаго: *О земляхъ по древнимъ литовскимъ законамъ*. «*Шляхта*, говоритъ авторъ, какъ въ общихъ и частныхъ привилегіяхъ, такъ и во всѣхъ трехъ литовскихъ статутахъ, болѣею частію называется *землянами*, хотя не рѣдко также употребляются выраженія: *рыцарство, дворяне и шляхта*. Названіе *землянъ*, особенно въ привилегіяхъ, данныхъ отдѣльнымъ лицамъ, постоянно употребляется до изданія третьяго статута.» Разсмотрѣвъ привилегіи и постановленія сейма, утвержденныя

великими князьями литовскими, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что слово *земляни* было однозначашимъ съ словомъ *шляхтичъ*. Оно даже имѣло большее значеніе, потому-что всегда означало владѣльца земли.

Въ этомъ сборникѣ помѣщенъ также *Краткій очеркъ исторіи чешской литературы* — г. Людвика Риттерсберга, того самаго, котораго статья: *Новѣйшая дѣятельность въ чешской литературѣ*, помѣщена въ 1-й книжкѣ Русской Бесѣды за 1857 г. Какъ видно, г. Риттерсбергъ не оставляетъ и *Виленской Теки*. Статья его, для незнакомыхъ съ чешскою литературою, не лишена интереса. Послѣ нея слѣдуетъ письмо профессора Э. изъ чешской Праги. «Братское чувство, говоритъ почтенный профессоръ, между Славянами всѣхъ состояній и разной степени образованія гораздо сильнѣе чѣмъ у другаго какого-либо народа (*полно, правда ли это?..*), хотя, увы! до сихъ поръ еще мы не видимъ дѣйствительныхъ доказательствъ этому. Однакожь вѣчное Провидѣніе знаетъ, что потомъ будетъ!» (*Въ этомъ клятвѣ никакого сомнѣнія.*) Самъ г. Э. сознается, что «теперь у чешскаго народа нѣтъ другихъ представителей, кромѣ его ученыхъ, которые, хотя и оказали не малыя услуги славянщинѣ, однакожь въ составѣ нынѣшняго общества не могутъ имѣть большого значенія.» Наконецъ онъ прибавляетъ: «Дворянства у насъ нѣтъ: достойная часть его истреблена; та, которая осталась, возжигаетъ оиміамъ передъ чужими богами и потому самому не можетъ назваться чешскою.»

Pisma J. J. Kraszewskiego. (Сочиненія И. И. Крашевскаго). Съ картинками, гравированными на деревѣ Генрихомъ Пиллати. *Dziwadła. Powieść współczesna* (Диковины. — Современная повѣсть). Варшава, 1857. Въ 4-ку, 80 стр. (въ два столбца).

Варшавскій книгопродавецъ г. Натанзонъ предпринялъ компактное изданіе всѣхъ сочиненій Крашевскаго, по образцу парижскихъ изданій. Онъ началъ его повѣстію, которой заглавіе мы выше выписали. Начало ея было написано еще въ 1848 г., и печталось въ газетѣ: *Tygodnik Petersburski*. Въ 1853 году она была издана вполне. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили мы эту повѣсть въ новомъ изданіи. Она напомнила намъ прежнія, художественныя произведенія всѣми любимаго и уважаемаго автора, который давно уже не дарилъ насъ ни однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, достойнымъ его прекраснаго и неоспоримаго таланта. Повѣсть его: *Диковины* отличается необыкновенною занимательностію и живымъ изображеніемъ характеровъ. Представленъ молодой человекъ, *Юрій Суминъ*, промотавшійся въ Варшавѣ. Для поправленія своихъ обстоятельствъ онъ уѣзжаетъ въ Польшу, къ своему дѣду, котораго онъ никогда не видалъ и не обращался къ нему съ того времени, когда мать заставляла его писать къ нему поздравленія съ праздниками. «О мо-

емъ фантастическомъ дѣдушкѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ своему пріятелю, я зналъ только то, что онъ очень богатъ, очень старъ, живетъ въ глухомъ Полѣсѣ, надъ берегами Случи, что онъ заржавѣлъ, какъ старая сабля, и что мнѣ, безъ сомнѣнія, трудно будетъ привлечь его къ себѣ и понравиться ему.»

Мы не беремся передать въ короткихъ словахъ превосходный разказъ г. Крашевскаго о захолюстѣ, въ которое завѣхалъ молодой человѣкъ. Рукою истиннаго художника изображена также оригинальная фигура дѣдушки пана Юрія. Вокругъ нея группируются всѣ дѣйствующія лица, представленныя смѣлыми и мастерскими чертами, исключая пана Грабы, который показался намъ резонеромъ, высказывающимъ довольно дикія мысли, какъ напримѣръ о томъ, что вредно учить простой народъ грамотѣ, и т. п.

Панъ Юрій мало-по-малу привыкъ къ захолюстѣ своего дѣда; но его однообразная жизнь вскорѣ совершенно преобразилась. Нашелся предметъ для его восторженной любви, и вотъ какъ это было: Дѣдъ его, въ молодости, былъ влюбленъ въ дочь одного подчашія, Каролину, которая отвѣчала ему взаимною любовью. Они другъ друга любили тайнѣ; но отецъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ гнѣвъ и поклялся, въ присутствіи многихъ лицъ, что не выдастъ замужъ Каролину за того, кто, безъ его вѣдома, осмѣлился искать ея руки и привлечь къ себѣ ея сердце. Вскорѣ послѣ этого Каролина насильно отдана была замужъ за старосту, который уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Дѣдъ Юрія поселился въ деревнѣ, съ затаенною въ душѣ горестію. Между тѣмъ умеръ подчашій, вскорѣ потомъ Каролина родила дочь и умерла. Дѣдъ Юрія, потерявъ ту, которую обожалъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсти дружбу своего сосѣда, старосты, и сдѣлаться близкимъ къ Иренѣ, дочери Каролины, надъ которою, послѣ смерти старосты, и по завѣщанію его, онъ назначенъ былъ опекуномъ. Его привязанность къ ней, болѣе чѣмъ отцовская, доходила въ немъ до страсти. Онъ жилъ ею и только для нея; она связывала его съ прошедшимъ. Читатель догадывается, что панъ Юрій влюбляется въ Ирену, и что дѣдъ его, сильно къ ней привязанный, не слишкомъ былъ радъ пріѣзду вѣтреннаго молодаго человѣка. Онъ опасался, чтобы обстоятельства не сблизили его съ Иреною, и чтобы она не досталась человѣку безхарактерному и неосновательному, какимъ, по справедливости, онъ считалъ Юрія. Вслѣдствіе этого между дѣдушкою и внукомъ происходятъ забавныя сцены, превосходно описанныя г. Крашевскимъ. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что Юрій дѣлается порядочнымъ человѣкомъ, Ирена въ него влюбляется и выходитъ за него замужъ.

Драмы Вилліама Шекспира (Dramata Willjama Shakspear'a). Переводъ съ подлинника. Томъ I. *Гамлетъ*. — *Ромео и Юлія*. — Варшава, 1857. Въ 8-ку, 387 стр.

Драмы Шекспира уже не въ первый разъ являются въ польскомъ

переводъ, болѣе или менѣе удачною. Изданный теперь въ Варшавѣ новый переводъ составляетъ прекрасное приобретение для польской литературы. Онъ исполненъ отчетливо и изящно. Въ введеніи заключается жизнеописаніе Шекспира и подробная оцѣнка его произведеній, болѣею частью основанная на сочиненіи Гервинуса. Сверхъ того послѣ каждой изъ двухъ переведенныхъ драмъ слѣдуетъ ея критическое обзорѣніе.

Репутація въ мѣстечкѣ (Reputacya w miasteczku). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ О. Корженѣвскаго. Варшава, 1857 г. Въ 12-ю д. л., 107 стр.

Г. Корженѣвскій давно уже извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ талантливый авторъ повѣстей и нѣкоторыхъ комедій, имѣющихъ большой успѣхъ на польскомъ театрѣ. Между прочимъ одна изъ его комедій: *Окно перваго этажа*, дается также и на русской сценѣ. Не все, что пишетъ г. Корженѣвскій, отличается творчествомъ, хотя его произведенія и не лишены художественной отдѣлки; что же касается его новой комедіи, то она написана вяло и слабо. Содержаніе ея натянутое и въ основѣ нѣсколько напоминаетъ Гоголевскаго *Ревизора*. — Авторъ предоставилъ изданіе этой комедіи въ пользу польскаго театра въ Житомирѣ.

Полемика о крестьянскомъ вопросѣ (Polemika o kwestyi włościańskiej) въ 1856 и 1857 гг. Издавъ графъ Северинъ Урусскій, предводитель дворянства Варшавской губерніи. Варшава, 1857. Въ 12-ю д. л., 99 стр.

Въ этой брошюрѣ помѣщены разныя разсужденія, напечатанныя въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ, и другія статьи, вышедшія въ послѣднее время и касающіяся вопроса о крестьянахъ. Сверхъ того въ ней помѣщено небольшое разсужденіе графа Урускаго, подъ заглавіемъ: *Свободный и несвободный трудъ*, въ которомъ онъ развиваетъ мысль о предоставленіи крестьянамъ права собственности. Изданная гр. Урусскимъ брошюра служитъ какъ бы предувѣдомленіемъ о его обширномъ трудѣ, подъ заглавіемъ: *Вопросъ о крестьянахъ* (Sprawa włościańska), котораго четыре тома должны выйти въ непродолжительномъ времени. 1 й и 2-й томы будутъ заключать въ себѣ обзорѣніе древнихъ польскихъ правъ, для лучшей оцѣнки нынѣшняго положенія крестьянъ и ихъ юридическаго отношенія къ помѣщикамъ. Сверхъ того въ нихъ будутъ заключаться всѣ постановленія, касательно это: о предмета, не только въ Царствѣ Польскомъ и Имперіи Россійской, но и въ сосѣднихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи. Въ составъ 3-го тома войдутъ извлеченія изъ авторовъ, которые до сихъ поръ писали о крестьянскомъ вопросѣ. Въ слѣдующихъ томахъ будутъ заключаться мнѣнія издателя о томъ же предметѣ, съ точки зрѣнія исторической и экономической, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на общественное развитіе въ*

Польша. — Наконецъ будутъ слѣдовать историческія примѣчанія, т.-е. извлеченія изъ знаменитыхъ писателей по этому предмету.

Панъ Мартынь Квѣць (Pan Marcin Kwieć). Разказъ изъ временъ короля Августа, извлеченный изъ рукописи пана Вады и дополненный собственными воспоминаніями Станиславомъ Рейтаномъ. Варшава, 1857. Въ 12-ю д. 266 стр.

Авторъ изображаетъ князя Іеронима Радзивилла, литовскаго хорунжаго, владѣльца Слуцка; это человекъ, исполненный пороковъ, съ крутымъ и мѣрнымъ характеромъ; другое дѣйствующее лицо — *Квѣць*, шляхтичъ изъ деревни Цѣшкава, находящейся среди помѣстій князя. Квѣць едва осмѣливается противиться Радзивиллу, который старается выдать его дочь замужъ за одного шляхтича, играющаго роль шута при его дворѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ сдѣлать ее своею наложницею. Радзивиллъ является здѣсь, какъ деспотъ; старый Квѣць не въ силахъ защищать честь своей дочери, и только сынъ его Мартынь, чувствуя собственное достоинство, рѣшается мстить за оскорбленіе своего семейства. Вообще эта повѣсть занимательна и, какъ кажется, вѣрна исторической истинѣ, хотя авторъ не вездѣ умѣлъ совладать съ характерами дѣйствующихъ лицъ.

Стихотворенія Викентія Поля (Poezye Wincentego Pola). Новое, исправленное и умноженное изданіе въ 4-хъ томахъ. Вѣна, 1857.

Въ этомъ изданіи, вмѣстѣ съ извѣстными уже произведеніями Поля, одного изъ лучшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, помѣщена также его новая поэма изъ историческихъ воспоминаній XV вѣка: *Витъ Ствошъ*. Она написана превосходными стихами, но поэтъ, кажется, слишкомъ увлекается мистицизмомъ и видитъ польскую народность тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Вотъ содержаніе этой поэмы: Витъ Ствошъ родился въ Краковѣ, въ 1447 г., въ царствованіе Казимира Ягеллончика. Онъ былъ ваятель, воспитывался и трудился въ Краковѣ до 1486 г., пока не переселился на два года въ Нюрнбергъ для составленія великолѣпнаго рисунка гробницы св. Зебальда, которую и выполнилъ въ 1500 г. Въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ дожилъ до глубокой старости (ум. въ 1543 г. на 96 году жизни), у него была большая рабочая. Ствошъ имѣлъ сильное вліяніе на труды Петра Фишера, и другихъ германскихъ художниковъ. Въ старости онъ ослѣпъ. Нюрнбергцы, вслѣдствіе ложнаго на него доноса въ подлогѣ кзкихъ-то писемъ, рѣшили публично опозорить его пощечинами.

Г. Поль приготовляетъ къ изданію еще четыре тома своихъ стихотвореній, въ которыхъ будетъ помѣщена его новая большая поэма, подъ заглавіемъ: *Гетманскій мальчикъ*. Въ послѣдствіи времени мы еще возвратимся къ поэтическимъ и прекраснымъ произведеніямъ г. Поля, въ которыхъ такъ живо выражается польская народность.

TeKa Gabyryła Janoszy Podoskiego, arcybiskupa gnieźnieńskiego, wydana przez Kazimirza Jarochowskiego. (TeKa Gabryela Janoszy Podoskiego, arcybiskupa Gnieźnieńskiego, wydana przez Kazimirza Jarochowskiego). Познань. Т. I. 1854.—328 стр. Т. II. 1855.—398 стр. Т. III. 1856.—331 стр. Т. IV. 1856.—790 стр.

Должны еще выйти пятый и шестой томы этого превосходнаго собранія историческихъ документовъ, сеймовыхъ реляцій, писемъ королей, пословъ, рѣчей, записокъ и т. д., обнимающихъ собою время отъ 1717 до 1733 года; къ нимъ также слѣдуютъ любопытныя приложенія, касающіяся 1696 г. Они взяты изъ собранія архіепископа Подоскаго. Издатель въ предисловіи говоритъ, что какой-то г. М. подарилъ эти матеріалы одному изъ польскихъ историковъ, который и поручилъ г. Яроховскому заняться ихъ изданіемъ.

Калишскій Альбомъ (Album Kaliskie). Составленный и написанный Эдуардомъ Ставецкимъ. Выпускъ I. Варшава, 1857 г. Въ 4-ю д. л.

Калишь — одинъ изъ древнѣйшихъ польскихъ городовъ, и потому его исторія любопытна. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ многіе его памятники исчезли. Самый городъ совершенно былъ перенесенъ на другое мѣсто, по причинѣ непрерывныхъ разлитій Просны; частые пожары, нападенія Крестоносцевъ и Шведовъ истребляли дома церкви, замки и лучшія зданія, такъ что теперь, большею частію, осталось только воспоминаніе объ нихъ.

Несмотря на трудность собранія историческихъ фактовъ, относящихся къ Калишу, г. Ставецкій сообщаетъ много интереснаго въ своемъ изящномъ *Альбомѣ*, который долженъ занять почетное мѣсто на ряду съ изданіями подобнаго же рода, вышедшими въ Варшавѣ, какъ-то: съ альбомами Люблинскимъ и Августовскимъ, о которыхъ мы уже упоминали въ нашихъ статьяхъ. Г. Ставецкій старался сохранить отъ забвенія все, что было можно: мѣста, освященныя воспоминаніями прошедшаго; живописныя мѣстоположенія; виды окрестностей, замѣчательныхъ по легендамъ и историческимъ памятникамъ; наконецъ присоединены будутъ особые отдѣлы, посвященные Сердаскому уѣзду. Текстъ написанъ на основаніи мѣстныхъ актовъ. Въ немъ собраны историческія свѣдѣнія, касающіяся Калиша и основанныя на древнѣйшихъ документахъ, какіе только издатель могъ найти въ калишскихъ архивахъ. Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ 1268, 1284 г. и т. д.

Въ началѣ 1-го выпуска приложенъ старинный видъ Калиша, въ его цвѣтущемъ положеніи, до котораго довели его Казимиръ Великій и его предшественники. Калишь, около 1350 г., былъ обведенъ каменною стѣною Казимиромъ Великимъ, который, 8 іюля 1343 г., заключивъ здѣсь невыгодный миръ съ Рудольфомъ, гротмейстеромъ Крестоносцевъ, хотѣлъ обезопасить отъ сосѣдей границы своей стороны.

• Полное изданіе «Калишскаго Альбома» выйдетъ въ 10-ти выпускахъ, Ежемѣсячно будетъ выходить одинъ выпускъ, съ текстомъ и четырьмя картинками (нужно замѣтить, превосходно литографированными извѣстнымъ варшавскимъ художникомъ г. Фаянсомъ).

Люблинскій Альбомъ (Album Lubelskie). Рисунки и текстъ г. Лерю (Legue). Варшава. 1857. Выпускъ 1 и 2.

Люблинъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Царства Польскаго. Основаніе его относится ко временамъ до-христіанскимъ, по крайней мѣрѣ объ немъ есть древнія историческія извѣстія. Въ Люблинѣ совершилось соединеніе Литвы съ Польшею, въ 1569 г., въ царствованіе Сигизмунда-Августа. Въ немъ осталось множество историческихъ памятниковъ, и потому нельзя не поблагодарить г. Лерю (воспитанника училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ, уроженца Люблина) за то, что онъ вознамѣрился ознакомить съ ними публику посредствомъ своего изящнаго «Люблинскаго Альбома». Вышли два выпуска, которые заключаютъ въ себѣ рисунки, съ краткимъ описаніемъ, изображающіе: церковь Св. Духа, также ворота и развалины госпиталя при той же церкви, построенной въ 1342 г.; — Ратушу, построенную на мѣстѣ прежней кармелитской церкви; — Краковскія ворота, оставшіяся со временъ Казимира В.; — Старый рынокъ и Гродскую улицу, на которой стоятъ два каменные дома, построенные въ 1448 году; — Каменный домъ Марка Собѣскаго, отца короля Ивана III, *идѣ останавливался Петръ Великій, во время войны съ Карломъ XII, королемъ шведскимъ*; — Золотую улицу (Złota) и Доминиканскую церковь, основанную при Казимирѣ В., надгробный памятникъ Фирлеевъ (въ придѣлѣ той же церкви), то-есть Николая, кастелана краковскаго, великаго короннаго гетмана, ум. въ 1526 г., и его сына Петра, воеводы русскаго, ум. въ 1553 г.

«Люблинскій Альбомъ» будетъ состоять изъ восьми выпусковъ, заключающихъ въ себѣ виды не только Люблина, но и другихъ городовъ Люблинской губерніи. — Въ подобномъ же родѣ выходитъ «Альбомъ Августовскій», но мы поговоримъ объ немъ послѣ.

Путеводитель Варшавы (Przewodnik Warszawy), съ планомъ города, украшеннымъ десятью картинками, гравированными на стали. Составилъ Ф. М. Собѣщанскій. Варшава, 1857. Въ 12 д. л., 54 стр.

Г. Собѣщанскій давно уже извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ ученый знатокъ древностей и авторъ «Исторіи изящныхъ искусствъ въ Польшѣ». Въ 1848 году онъ издалъ обширное историко-статистическое описаніе Варшавы. Нѣкогда я пользовался сообщенными мнѣ матеріалами и въ 1850 г. издалъ на русскомъ языкѣ мое «Описаніе Варшавы и ея окрестностей», также съ планомъ и картинками. (Въ 12 д. л., 153 стр.)

Изданный теперъ г. Собѣщанскимъ «Путеводитель», въ неболь-

помъ объемъ заключаетъ всѣ свѣдѣнія и любопытныя подробности, необходимыя для знакомства съ Варшавою и, какъ надобно догадываться, почерпнутыя изъ вѣрныхъ источниковъ.

Начало Варшавы относится къ XII вѣку. До второй половины XIII вѣка она была частною собственностію, потомъ перешла во владѣніе князей Мазовецкихъ, съ началомъ XIV вѣка она сдѣлалась столицею особаго Варшавскаго княжества, потомъ всей Мазовіи. Въ 1526 г. она была присоединена къ Польшѣ, въ 1596 г. сдѣлалась столичнымъ городомъ древней Рѣчи Посполитой, а нынѣ главнымъ мѣсто-пробываніемъ законодательной и административной власти Царства Польскаго. Она занимаетъ пространство въ 1894 десятины; имѣетъ 220 улицъ; казенныхъ зданій въ городѣ: каменныхъ 63, деревянныхъ 6, всѣхъ 69. Частныхъ домовъ: каменныхъ 1883, деревянныхъ 1165, всѣхъ 3048; вообще всѣхъ нумерованныхъ владѣній въ городѣ, въ предмѣстіи Прагѣ и за заставами 3,616. Въ ней считается постоянныхъ жителей 156,072, а вмѣстѣ съ непостоянными народонаселеніе ея доходить до 200,000.

Языкознаніе или зачатіе и первобытное развитіе языка боевъ Славянъ, нашихъ праотцевъ. Кратко, просто и доказательно изложилъ Петръ Чарковскій, частный учитель въ Варшавѣ (Mównictwo czyli poczęcie się i pierwotny rozwój mowy Bohów Sławian, naszych praójców. Krótko, po prostu i dowodnie wyłożył Piotr Czarkowski, Nauczyciel prywatny w Warszawie). Варшава, 1857. Въ 8-ку, 258 стр.

Съ трудомъ перевели мы вычурное заглавіе этой странной книги! Довольно прочесть предисловіе автора, чтобы получить о ней самое полное понятіе. Прежде всего нужно знать, что г. Чарковскій принадлежитъ къ числу отчаянныхъ славянофиловъ, которые теперь довольно часто стали появляться въ польской литературѣ. Находя, что нынѣшніе ученые напрасно старались доискаться начала всѣхъ языковъ вообще, онъ прибавляетъ (стр. 5): «Причиною такого неуспѣха въ изслѣдованіяхъ языка суть Нѣмцы и другіе наши сосѣди съ запада; также наши соплеменники Славяне, которые Западъ считаютъ за *lumen mundi*; за образецъ, какъ поступать на ученомъ поприщѣ.» Видите ли, въ то время, когда Западъ развивался, то Славяне должны были бороться съ азіатскими народами и такимъ образомъ защищали Западъ; но теперь «азіатская дичь, продолжаетъ г. Чарковскій, давно уже находится на крѣпкой привязи; человечество не нуждается въ стражѣ; наука и книга, при настоящемъ положеніи вещей, сдѣлались необходимою, какъ *щитъ славянства противъ могущества чуждаго просвѣщенія*. Желая уравновѣсить свои силы съ ихъ силами и навсегда удержать при себѣ достоинство и имя Славянъ, мы должны учиться, но учиться по своему и на своемъ языкѣ.» Выше г. Чарковскій замѣтилъ, что мы занимаемся наукою по-нѣмецки, по-французски или по-англійски, но не по-своему, не по-славянски! Замѣ-

чательно, что польскіе славянофилы, безъ вѣдома, сходятся съ нашими въ одномъ и томъ же мнѣніи. Прекословить ему мы не будемъ, чтобы напрасно не терять времени, а лучше обратимся къ другимъ диковинкамъ г. Чарковскаго, потому что онъ очень назидательны. Задавая себѣ вопросъ, отчего Нѣмцы, глубокіе знатоки древнихъ и новыхъ языковъ, не сдѣлали надлежащаго успѣха въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ говоритъ: «Отвѣтъ на это коротокъ: всѣ языки, древніе и новыя, не-славянскіе, суть только боковыя вѣтви первобытнаго языка, а нѣмецкій языкъ даже кривая и, такъ сказать, сухая его вѣть; стволъ же этого языка (то-есть первобытнаго) составляетъ языкъ славянскій, или, лучше сказать, русскій и польскій. Послѣдній изъ нихъ уже достигъ до зенита своего развитія!»

Далѣе въ предисловіи своемъ авторъ замѣчаетъ, что Нѣмецъ, забывая о чести своего племени, не захотѣлъ бы поднимать завѣсу прошедшаго и обнаружить, чѣмъ были наши праотцы за тысячи лѣтъ передъ симъ, и какъ весь міръ покорялся ихъ физическому и нравственному могуществу! Славяне должны сами искренно трудиться, утверждаетъ онъ и потомъ прибавляетъ: «А какъ мы должны трудиться, болѣе или менѣе показываетъ настоящая книга, странная по заглавію, но еще страннѣйшая по своему содержанию. Будучи основана на совершенно-новой идеѣ, она отзывается смѣлостію, даже дерзостію, потому что однимъ сильнымъ взмахомъ сорвавши тотъ нѣмецкій канатъ, на которомъ вертится филологія, я пошелъ прямо къ колыбели рода человѣческаго, по пути совершенно новому, чисто-славянскому,» и т. д.

Дошедши до колыбели человѣческаго рода, г. Чарковскій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 9): «Съ самой вершины нашего языка опускаясь внизъ, вплоть до послѣднихъ оконечностей его корней, я *дощупался* (*domasałem się*), что изъ шести зеренъ, называемыхъ мною первообразами, зародились не только нашъ, но и всѣ другіе языки.» Нѣсколько ниже онъ говоритъ: «Человѣкъ получилъ начало отъ Бога; первое слово его языка было: *Боизъ*; потомки первыхъ родителей благаго племени назывались богами, и изъ этого слова *Боизъ* старались воспроизвести весь свой языкъ, и отчасти достигли этого. Другимъ словомъ было *Норъ* или (наоборотъ) *Роизъ*, по нашему *Русь*; отъ него-то получилъ свое названіе и начало языкъ *Богоръ-Русоръ*, иваче называемыхъ *Барогами*!» (1) Перебирая всѣ корни, авторъ наконецъ приходитъ къ заключенію: «Мы, Славяне, всѣхъ названій, по прямой линіи происходимъ отъ боговъ!» (Стр. 10.)

(1) Надобно знать, что г. Чарковскій, на 48 стр. своего изслѣдованія, утверждаетъ, что слово *роза*, черезъ замѣну *r* на *s*, произвело слова: *росса*, и *росить*, наконецъ (сохраняемъ правописаніе автора) *Rasiju agaszajemiju balszymi gjekami!*

Главная метода автора состоитъ въ томъ, что всѣ слова онъ читаетъ и прямо и навыворотъ, основывая на нихъ свои филологическія изслѣдованія. Такимъ образомъ у него выходятъ: *рай* (гај)—*аръ* (јаг), *махъ* (mach)—*хамъ* (cham), *потъ* (pot)—*тонъ* (top), *вьсь* (wies)—*сьвь* (siew), и т. п. (См. стр. 19 и 20.)

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести слѣдующаго куріознаго разказа г. Чарковскаго о Москвѣ. (Стр. 210, 211 и т. д.)

«Съ Волги мы отправляемся во глубину Россіи, туда, гдѣ издали блеститъ золотоглавая *Biełokamennaja Moskwa* (такъ пишетъ авторъ по-русски), которая своею сильною десницею сокрушила татарское иго и положила предѣлъ столь же опасной гордынѣ Порты Оттоманской. *Москва* еще молода; ей едва еще минуло тысячу лѣтъ, но за то ея мать Москва-рѣка уже стара, какъ свѣтъ, и старо ея изваніе какъ свѣтъ. Потерявъ отъ старости всѣ зубы, она безпрестанно что-то нашептываетъ, но такъ неясно, что никто не понимаетъ ея, а я только чуть-чуть, и то при пособіи особенной для меня милости. Очень понравился я старушкѣ, въ особенности, потому что самъ уважаю старость, люблю лѣса и рѣки, и люблю, какъ самого себя, всѣхъ истинныхъ Славянъ. Она называла меня своимъ *дядюшкою* (1), слѣдовательно близкимъ родственникомъ, и сообщаетъ мнѣ множество объясненій, то тамъ, то самъ разбросанныхъ въ этомъ сочиненіи. Когда я спросилъ ее о прошедшемъ, то она отвѣчала съ тажкимъ вздохомъ: «Дядюшка! переверни вверхъ ногами настоящее, то-есть, истреби деревни и города, разведи вездѣ лѣса, среди лѣсовъ помѣсти стаи волковъ, медвѣдей, дикихъ быковъ, лосей, оленей, и только кое-гдѣ людей, но людей умныхъ, вѣстѣ почитающихъ *Бога Руса и Ллза*, и взаимно любящихъ другъ друга, и вотъ тебѣ прошедшее! Прежде и я, ослѣненная зеленью лѣсовъ и украшенная цвѣточными вѣнками, считалась божествомъ, источникомъ благодѣяній для людей» и т. д. Много еще кой-чего разказываетъ Москва-рѣка, жалуясь, что она теперь сдѣлалась судомойкою, очищающую грязь какой-то вельможной госпожи. Но она до того заговориалась, что вдругъ обратилась къ автору разбираемой нами книги съ слѣдующими словами: «Ты родомъ съ береговъ *Буа*, слѣдовательно мой *дядюшка* и, безъ сомнѣнія, хорошо понимаешь меня? — Напротивъ, моя *тетушка*, не слишкомъ-то я понимаю тебя. — Напейся же моею воды и слушай далѣе. Самъ ты доказываешь, что *Вома* значитъ *Вельма, Велька, или Великая...*»

(1) Авторъ употребилъ здѣсь небывалое въ польскомъ языкѣ слово: *ciotak* какъ бы *tіtаkа*, въ мужскомъ родѣ, подстать къ слову *tіtаkа*, по-польски *ciotka*.

Но, мы уже не въ состояніи продолжать наши выписки, хотя и желали отъ души доставить удовольствіе истымъ славянофиламъ.

Начертаніе грамматики польскаго языка (Rys grammatyki języka Polskiego). Выпускъ I. Варшава. 1857. Въ 8 д., 288 стр. (Подъ предисловіемъ подписано: А. Моржицкій.)

Авторъ этой грамматики также принадлежитъ къ числу славянофиловъ. Говоря, напримѣръ, объ измѣненіяхъ глаголовъ (стр. 119, 120, 121), и замѣчая, что третье лицо прош. врем., изъяс. накл., есть *корень*, которымъ начинается каждый глаголъ въ польскомъ языкѣ, и такимъ образомъ прошедшее время становится главнымъ, г. Моржицкій восклицаетъ:

«Свойство это, общее прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, доказываетъ глубину слова этихъ народовъ, образовавшагося въ ихъ духѣ, глубину, которой можно удивляться и вмѣстѣ признать, что эти народы инстинктивно чувствуютъ свое высокое призваніе, потому что отъ *Слова* они приняли названіе для всего племени, какъ бы желая отличить себя отъ другихъ, *не понимающихъ Божьяго глагола, который течетъ ручьемъ ихъ языка съ высоты небесъ на землю!*» Вслѣдъ за этимъ г. Моржицкій утверждаетъ (стр. 121), что у западныхъ народовъ, «какъ въ философіи, такъ и въ общественной жизни: *ego, das Ich*, есть главная идея, дающая толчокъ ихъ жизни; напротивъ славянскія племена духомъ своимъ постигли правду, прежде чѣмъ она проявилась для человечества!»

Читая эти строки, невольно спрашиваешь: неужели Славянамъ предназначено только мечтать о своемъ высокомъ призваніи, набожно сложа руки и ничего не дѣлая, да бранить *дряблый* Западъ даже въ своихъ грамматикахъ?..

Что касается собственно грамматики г. Моржицкаго, то она не имѣетъ никакого достоинства въ ученomъ отношеніи. Это путаница, въ которой главную роль играютъ новыя грамматическія подраздѣленія и новая терминологія. Изъ предисловія видно, что авторъ — помѣщикъ, живущій въ деревнѣ. Онъ говоритъ, что «Мрозинскій (1) сочинялъ свою грамматику съ саблею въ рукѣ; пусть же не удивляются, что онъ свою грамматику пишетъ за плугомъ.»

Польскіе портреты (Wizerunki Polskie), рисованные съ натуры и литографированные Максимиліаномъ Фаянсомъ. Варшава. 1857. (Въ листъ.)

Мы видѣли нѣсколько выпусковъ этого замѣчательнаго изданія, украшеннаго изящными и отчетливыми портретами извѣстныхъ польскихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ и вообще знаменитыхъ лицъ,

(1) Мрозинскій былъ генераломъ польскихъ войскъ и издалъ свою знаменитую грамматику въ 1822 г.

большую частью еще живущихъ. Къ нимъ присоединяется краткая биографія каждого изъ нихъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что предпрятiе г. Фаянса встрѣчено съ большимъ сочувствiемъ его соотечественниками.

Варшавская библиотека (Biblioteka Warszawska) 1857. Кн. VII и VIII.

Въ VII-й кн. помѣщено окончанiе *Воспоминанiй изъ путешествiя въ Литву г. Ферд. Новаковскаго*. Они начаты были еще въ третьей кн. В. Б., о чемъ я уже упомянулъ въ 11-й кн. «Русскаго Вѣстника», за нынѣшнiй годъ. Г. Новаковский, въ окончанiи своей прекрасной статьи, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнiя о Вильнѣ и вообще о Литвѣ. Вотъ, между прочимъ, что говорятъ онъ о языкѣ и литературѣ литовскаго народа:

«Чтобы кому-нибудь не казалось, что въ Вильнѣ, въ столицѣ Литвы, имѣющей свой собственный языкъ, говорятъ по-литовски, я считаю необходимымъ замѣтить, что Виленская губернiя преимущественно состоитъ изъ двухъ племенъ, собственно литовскаго и славянскаго. Очень трудно разграничить эти племена и опредѣлить ихъ число; однакожъ ученые признаютъ, что уѣзды Виленскiй, Троцкiй, сѣверная часть Лидскаго, Ошмянскаго и сѣверо-западная Свенцянскаго населены Литовцами въ числѣ 388,697, прочая же часть губернiи населена Бѣлоруссами и Черноруссами въ числѣ 353,290.» (1)

«Хотя Виленскiй уѣздъ населяетъ литовское племя, однакожъ Вильно, — когда, послѣ слитiя страны съ Польшею, въ ней имѣли мѣстопробыванiе королевскiй дворъ и магнаты, по необходимости говорившiе на польскомъ языкѣ, который постепенно переходилъ отъ нихъ въ низшiе слои общества, — до сихъ поръ удержало тотъ же языкъ, подобно другимъ большимъ городамъ въ Литвѣ. При всемъ томъ мы видимъ, что въ самой Виленской губернiи стiхiя литовская беретъ верхъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли свою литературу языкъ, существующiй въ устахъ не только простаго народа, но и господъ? Находится ли онъ въ первой порѣ развитiя, или въ упадкѣ? Ни то, ни другое: тамъ, гдѣ столько тысячъ народа употребляетъ одинъ и тотъ же языкъ, онъ не только никогда не придетъ въ упадокъ, но современемъ еще болѣе долженъ образоваться, въ особенности потому, что въ Литвѣ было и есть много людей, которые трудились и трудятся надъ обработкою отечественнаго языка, какъ доказываютъ, правда, рѣдко выходящiя въ свѣтъ книги.

«Страстный любитель отечественнаго языка Людвигъ Адамъ Юевичъ (извѣстный подъ псевдонимомъ *Людвигъ изъ Пожева*), въ переводахъ новѣйшихъ польскихъ поэтовъ на литовскiй языкъ, такъ

(1) Историческо-статистическiе очерки Виленской губернiи, стр. 15.

объ немъ выражается: «Каждый языкъ, каждая наука, имѣетъ дѣя-
тельство, возрастъ и время зрѣлости; но это мнѣніе никакимъ образомъ
не можетъ быть примѣнено къ языку литовскому. Онъ до сихъ поръ
остался такимъ же, какимъ былъ въ началѣ своего появленія, и не
подвергся ни малѣйшимъ перемѣнамъ: рѣзкій и дикій, какъ эхо тѣхъ
лѣсовъ, въ которыхъ онъ зародился, мужественный, какъ тѣ бога-
тыри, которые, вышедши изъ дремучихъ лѣсовъ, звуками своего
рожка поражали хитрыхъ сосѣдей Нѣмцевъ и поселяли страхъ въ
скопищахъ Перекопскихъ ордъ; шумливый, какъ бесѣды у за-
жженныхъ костровъ послѣ победы надъ врагомъ! Считаю не нужнымъ
говорить, какъ онъ способенъ для поэзіи, для яснаго выраженія
всѣхъ движеній и чувствъ души: это основательно доказалъ покой-
ный прелатъ виленской кафедральной церкви, членъ Варш. Общ.
Любителей Наукъ, Ксаверій Богущъ.»

«Объ образованіи простаго народа, далѣе говоритъ г. Новаковскій,
прежде всего стали заботиться въ прусской Литвѣ, перевода на
отечественный языкъ Священное Писаніе. Имена протестантскихъ
пасторовъ, какъ-то: Бреткунаса, Хилинскаго, Битнера и Кванда,
занимаютъ самое почетное мѣсто въ литовской литературѣ, а имя
Вильгельма I, короля прусскаго, перейдетъ въ отдаленное потом-
ство. Въ его время каждая деревня содержала школу. Въ Тальзитѣ,
въ повѣтовомъ училищѣ, находилса учитель литовскаго языка; въ
Кѣнигсбергѣ, открыта была при университетѣ литовская семинарія,
изъ которой вышли ученые *Донелйтисъ*, *Рухигъ* (Ruhig), *Миельке*
(Mielcke), и др.

«У насъ также не забыть простой народъ: епископъ жмуйдскій
Юсифъ Арнельсъ князь *Гедроиць* (Giedroie) перевелъ въ 1816 г.
Новый заветъ. Священникъ Николай *Даскша* (Dauksza), каноникъ
жмуйдской кафедр. церкви, перевелъ поученія Якова Вуйка: къ ча-
слу лучшихъ произведеній принадлежатъ также проповѣди священ-
ника Конст. Шарвида.

«Въ поэзіи первое мѣсто занимаетъ вышеупомянутый *Донелей-*
тисъ, ум. въ 1780 г., великій народный поэтъ. Его поэма, подъ
заглавіемъ: *Четыре времени года*, есть вѣрная картина нравовъ,
обычаевъ и занятій сельскаго народа. Ее издалъ, вмѣстѣ съ нѣмец-
кимъ переводомъ, профессоръ богословія и проповѣдникъ *фонъ-Реза*
(von Rhesa), въ Кѣнигсбергѣ 1818 г. Реза издалъ также народныя
литовскія пѣсни, *дајногъ*; литовскую поэзію обогатили также: Сими-
онъ Станевичъ (своими баснями), покойный Діонисій Пашкевичъ,
переводчикъ *Энеиды* Виргилія, авторъ многихъ сатиръ, и священ-
никъ Дроздовскій, авторъ религиозныхъ пѣсень, которыя до сихъ
поръ поются во всѣхъ литовскихъ церквахъ.

«Изъ прозаиковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: священникъ
Осипъ Рупейко, каноникъ жмуйдскій, перевелъ сочиненіе польскаго

писателя И. Ходзьки: *Панъ Янъ изъ Сенсломъ*; свящ. Киприанъ Незабитовскій, перевелъ сочиненіе польскаго натуралиста священн. Клока: *О пчелахъ*; вышеупомянутый Симеонъ Станевичъ (трудившійся надъ словаремъ) и священникъ Гойлевичъ (Gojlewicz). Лучшіе литовскіе словари принадлежатъ: Мялку (Mialck), Гаку (Haack), Ширвиду и Нессельману. Грамматикою занимались: Клейнъ, Шульценъ (Schulzen), Гакъ (Haak), Ругигъ (Ruhig), Мицьке (Mielcke) и свящ. Коссаковский; сверхъ того іезуиты, еще въ 1713 г., издали грамматику, подъ заглавіемъ: «Universitas linguarum Lithuanicarum», которая переведена на польскій языкъ и вышла въ Вильнѣ въ 1829 г. Всѣ эти книги уже вышли изъ книжной торговли, и надобно желать, чтобы кто-либо изъ виленскихъ книгопродавцевъ, для общей пользы, занялся новымъ ихъ изданіемъ, въ особенности столь необходимыхъ словарей и грамматикъ.

«Изъ новѣйшихъ книгъ, сверхъ многихъ сочиненій религіознаго содержанія, стоитъ упомянуть календарь, ежегодно издающійся г. Л. Ивинскимъ. Кажется излана также исторія Литвы, написанная на народномъ языкѣ покойнымъ графомъ Юріемъ Платеромъ.»

Въ той же книгѣ «Варш. Библ.» помѣщено письмо г. Зенкевича изъ Вильны. Въ немъ онъ старается объяснить одно выраженіе въ Словѣ о Полу Игоревѣ, именно, *жмичювъ*, употребленное въ слѣдующемъ мѣстѣ (см. Сонъ Святослава): «съпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый *жмичювъ* на лоно.» Наши комментаторы до сихъ поръ не разгадали еще этого темнаго мѣста. Г. Зенкевичъ указываетъ на слово *жмичуръ*, употребляемое пинскимъ народонаселеніемъ (Минской губерніи) въ значеніи *драгоценной и тонкой ткани*. Это видно изъ свадебной пѣсни, помѣщенной въ Сборникъ Пинскихъ пѣсень (Ковно, 1851 г.):

Зъ суботоньки на недѣленьку
Сняса мни сонъ дивненьки,
Сивы голубы да наленули
Былы *жмичуръ* розвернули,
Живе золото розсыпали.
— Да мое жь дятятко родне!
Малоуины розумъ маешъ,
Що сего сну не сгадаешъ;
Сивы голубы — сваты твое;
Былы *жмичуръ* — коски твое;
Живе золото — слезки твое.

Въ VIII кн. «Варш. Библ.» замѣчательны слѣдующія статьи: «Взглядъ на нынѣшнее гражданское законодательство во Франціи» г. *Г. Крижановскаго*, и «Исслѣдованія объ Ордени Добриццевъ и о первоначальномъ отношеніи Крестоносцевъ къ Конраду Мазовецкому (окончаніе статьи, начатой въ VII кн.)», г. *Романовскаго*. Помѣщено также окончаніе статьи г. Бартошевича о Константиѣ Свидзинскомъ

и его завѣщаніи, о которомъ я уже извѣщалъ въ 17-мъ № «Русскаго Вѣстника».

Г. Романовскій основываетъ свои изслѣдованія исключительно на современныхъ грамотахъ 1222 и 1226 г. замѣтимъ, что почти въ то же время профессоръ Брунсбергскаго лицея издалъ въ Лейпцигѣ разсужденіе о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: *Die Gründung des Deutschen Ordensstaates in Preussen*, v. Dr. Watterich. (Leipzig, 1857 г., 264 стр. in-8.) Г. Ваттерихъ основывается на тѣхъ же самыхъ грамотахъ, что и г. Романовскій, но оба приходятъ къ разнымъ заключеніямъ.

Въ польскихъ газетахъ замѣтимъ слѣдующія новости: въ N 208-мъ «Варшавской Газеты» (*Gazeta Warszawska*) помѣщено письмо г. Зайончковскаго изъ Праги (4 августа 1857 г.), интересное по своему содержанію, и потому мы приводимъ его здѣсь вполнѣ:

«Пріѣхавшій на воды въ Теплицъ, бывшій профессоръ Дерптскаго университета, авторъ извѣстнаго сочиненія: *Necrolivonica*, постоянно живущій въ Лейпцигѣ, докторъ Крузе, составилъ замѣчательный планъ соединенія всѣхъ музеевъ и археологическихъ обществъ въ одинъ союзъ, для взаимнаго сообщенія всѣхъ открытій. Органомъ этого союза должно быть иллюстрированное, періодическое изданіе, поддерживаемое этими обществами и издаваемое въ Лейпцигѣ на языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ.

«Необходимость такого изданія основывается на томъ, что отдѣльныя дѣйствія ученыхъ обществъ исключительно посвящаются мѣстной исторіи и до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстны другимъ обществамъ. Такимъ образомъ музеи въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ, Германіи и Скандинавіи, наконецъ въ славянскихъ земляхъ, какъ-то: въ Прагѣ, Краковѣ, Вильнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, составляли бы одно цѣлое, которое выражалось бы въ предполагаемомъ періодическомъ изданіи. Отсюда произошла бы чрезвычайная польза для столь оживленной теперь во всей Европѣ науки, какова археологія.

«Г. Крузе сообщилъ свой планъ графу Тышкевичу, основателю Виленскаго музея, и предоставилъ ему снестись касательно этого предмета съ чешскими учеными въ Прагѣ.

«Несмотря на различіе мнѣній, которое преимущественно основывалось на томъ, чтобы подобные славянскіе труды отдѣлить отъ трудовъ западной Европы, хотя истинная наука не допускаетъ различія народностей, г-ну Крузе, какъ главному редактору предоставлено осуществить вышеизложенный планъ, т.-е. снестись съ извѣстными музеями и учеными обществами въ Европѣ, и приобрести чрезъ нихъ ученыхъ и матеріальныхъ средства.

«Предполагаемое изданіе должно выходить четыре раза въ годъ, обширными томами и съ рисунками. Графъ Тышкевичъ извѣялъ

желаніе, чтобы рисунки были сдѣланы на деревѣ и, какъ общая собственность, по требованію каждаго общества, могли бы быть ему сообщаемы бесплатно, съ цѣлю распространенія науки археологій на мѣстномъ языкѣ каждой провинціи, чтобы такимъ образомъ открытія отечественныхъ древностей сдѣлать популярными и доступными для каждаго, не знающаго трехъ упомянутыхъ языковъ.

«Исполненіе подобнаго плана произведетъ новую эпоху въ археологій, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время эта важная наука перестала быть исключительно наукою греческихъ и римскихъ древностей и, обнимая собою малѣйшія части народовъ и отдѣльныхъ поколѣній, избрала другую цѣль и форму, и ей именно не достаетъ точки соединенія и ученыхъ сношеній.

«Вскорѣ ученый міръ узнаетъ изъ заграничныхъ журналовъ подробности этого плана. Здѣсь мы сообщаемъ это извѣстіе для польской читающей публики, тѣмъ съ болѣшимъ удовольствіемъ, что эта совершенно новая мысль есть плодъ усилій нашихъ археологовъ за границей, въ нынѣшнемъ году.»

Въ № 225 «Хроники Внутреннихъ и Иностраныхъ Извѣстій» (Kronika Wiadomości Krajowych i Zagranicznych), помѣщено письмо изъ Вильны отъ 20-го іюля (2-го августа), изъ котораго мы приводимъ слѣдующее любопытное извлеченіе:

«Іюня 24-го происходило чрезвычайное собраніе Археологической комиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Балинскаго, по случаю возвращенія дѣйствительнаго члена той же комиссіи, графа Тышкевича, который, путешествуя по рѣкѣ Вили, дня на два остановился въ Вильнѣ. Его встрѣтили на берегу нѣкоторые члены комиссіи; въ залѣ засѣданій вице-президентъ привѣтствовалъ его рѣчью и выраженіями благодарности отъ имени всего собранія за трудъ, предпринятый съ благородною цѣлю; потомъ достопочтенный ученый отправился въ дальнѣйшій путь. Находясь, послѣ его отъѣзда изъ Вильны, въ деревнѣ у одного помѣщика Трощаго уѣзда, живущаго подъ Виліею, мы имѣли случай узнать этого знаменитаго человѣка, который, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ юношескимъ воодушевленіемъ, въ небольшомъ ботикѣ, впрочемъ, устроенномъ съ комфортомъ, предпринялъ утомительное путешествіе съ цѣлю изслѣдовать, во всѣхъ отношеніяхъ, берега, русло и окрестности Вили. При графѣ Тышкевичѣ находился землемѣръ, снимавшій самый подробный планъ рѣки, и живописецъ, снимавшій виды историческихъ или красивыхъ мѣстъ; самъ онъ писалъ дневникъ своего путешествія, который уже въ то время составлялъ довольно большой томъ. Графъ намѣренъ издать его подъ заглавіемъ: *Вилія*, съ прибавленіемъ карты этой рѣки и двухъ рисунковъ, г. А. Залѣскаго, представляющихъ сцены изъ *Легенды объ источникѣ Вилии*, въ первый разъ открытой имъ самимъ; когда онъ собиралъ преданія и народныя

пѣсни. Это будетъ сочиненіе единственное у насъ въ своемъ родѣ и чрезвычайно занимательное, потому что въ немъ будутъ заключаться не только наблюденія надъ обычаями, преданіями и вообще надъ характеромъ здѣшняго народа, но вмѣстѣ и свѣдѣнія статистическія, географическія, историческія и археологическія, написанныя основательно и доступно, перемѣшанныя съ разказами о приключеніяхъ самого автора, во время этого путешествія, съ разказами, исполненными остроумія и юмора; словомъ, мы увидимъ истинное описаніе путешествія, какимъ оно должно быть. И надобно отдать справедливость гр. Тышкевичу, что онъ во все умѣетъ вникнуть, все узнать и надлежащимъ образомъ изслѣдовать. То, что наше, что бросаетъ хотя малѣйшій лучъ свѣта на прошедшее нашей страны, что объясняетъ характеръ давнишней жизни предковъ и ведетъ къ болѣе обширному познанію настоящаго, изъ котораго должна возникнуть наша будущность, — все это занимаетъ его, все это онъ полюбилъ и всему этому посвятилъ жизнь. Съ какимъ удовольствіемъ слушали мы, когда онъ намъ разказывалъ о различныхъ своихъ наблюденіяхъ, открытіяхъ и собраніяхъ, которыхъ большая часть находится въ его родовомъ имѣніи Логойскѣ, въ Мѣинской губерніи. Между прочимъ графъ упоминаетъ, что ему принадлежатъ старинныя польскія граверныя доски, до сихъ поръ неизвѣстныя и очень любопытныя, въ особенности большая доска, изображающая Яна III подъ Вѣною. Онъ намѣренъ выписать печатныя станки и отгиснуть рисунки, которые будутъ составлять превосходное собраніе памятниковъ отечественнаго искусства. Сверхъ того въ Логойской библиотекѣ находятся очень рѣдкія инкунабулы, а именно «Пѣсеньякъ Сигизмунда Августъ, или ноты Гомулки къ псалмамъ Ивана Козановскаго». Этому изданію не видалъ даже Мелевель, хотя онъ и зналъ, что въ Литвѣ находятся два экземпляра этой рѣдкой книги, которые случайно достались двумъ братьямъ Тышкевичамъ: одинъ изъ нихъ хранится въ Виленскомъ музеѣ, другой въ Логойскѣ. Раскапывалъ литовскіе курганы подъ Керновомъ, графъ открылъ скелетъ, не лежащій, по обыкновенію, но сидящій на доскѣ, съ женскимъ черепомъ подъ ногами, на которыхъ была кожаная обувь: ибо онъ нашелъ подошву, почти въ цѣлости сохраненную, — и говоритъ, что это только другой примѣръ во все продолженіе археологическихъ розысканій въ Литвѣ. Нѣсколько ранѣе, впрочемъ, во время нынѣшняго путешествія, онъ выкопалъ изъ кургана монеты времени царствованія Казимира Ягеллона, и это доказываетъ, что во многихъ мѣстахъ, еще по принятіи христіанства, держалось язычество, или можетъ-быть, что между Литовцами-христіанами, при погребеніи, соблюдались языческіе обряды. Посвящая себя изученію древностей, гр. Тышкевичъ преимущественно старается отлечь въ нынѣшнихъ народныхъ обычаяхъ то, что въ нихъ осталось отъ

языческихъ временъ, и сдѣлалъ много любопытныхъ открытій по этому предмету; онъ разказывалъ, что во многихъ мѣстахъ Литвы народъ имѣетъ обыкновеніе класть гдѣ-нибудь черезъ ручей перекладину въ память покойника, съ вырѣзанною на ней его ступнею; сверхъ того не далеко отъ такъ-называемаго *Монастырка*, въ Борисовскомъ уѣздѣ, гдѣ находится церковь, построенная въ честь святаго, прославленнаго чудесами, находится также болото, устьянное множествомъ каждый разъ увеличивающихся перекладинокъ, которыя клали тамъ поселане, по общаго, испытавъ чудеса, и кладутъ еще до сихъ поръ въ несчастіяхъ и болѣзняхъ, вырѣзывая на нихъ руки, ноги, носы, глаза, смотря по роду страданій, какъ это обыкновенно дѣлается на приношеніяхъ, привѣшиваемыхъ къ чудотворнымъ иконамъ. Не возможно припомнить все, что разказывалъ гр. Тышкевичъ въ обыкновенномъ, оживленномъ, веселомъ и увлекательномъ разговорѣ: но все, что онъ разказывалъ, обнаруживало въ немъ человѣка, съ истинною любовью преданнаго наукѣ, жертвующаго ей здоровьемъ, имуществомъ и удовольствіями жизни богатаго помѣщика. Это прекрасный и рѣдкій примѣръ, достойный подражанія, который и современники оцѣнить, и потомство сохранить въ памяти.»

— Предназначенный для чтенія простаго народа журналъ: *Воскресное чтеніе* (Czytelnia Niedzielna), по прежнему, съ большимъ успѣхомъ издается въ Варшавѣ, подъ редакцію нашей соотечественницы, русской дамы А. В. Петровой. Число его подписчиковъ все увеличивается. Привожу здѣсь письмо двухъ поселанъ Василя Берынды и Антонія Ноцкаго, изъ деревни Томашовки, въ Подольской губерніи, написанное (отъ 16 февраля нынѣшняго года) въ редакцію Воскреснаго Чтенія: «Достойный уваженія журналъ вашъ, столь возбуждающій всеобщее сочувствіе и столь распространенный по всему краю, дошелъ и до нашего роднаго села на Подольѣ. Мы, сыны бѣднаго сельскаго народа, послѣ утомительныхъ и тяжелыхъ трудовъ въ полѣ, съ несказанною жадностію, съ чувствомъ искренней къ вамъ благодарности, читаемъ каждый номеръ *Воскреснаго Чтенія*. И сколько нравственной пользы, утѣшенія въ нашей печальной долѣ; надежды и упованія на лучшую будущность, каждый номеръ этого журнала приносить нашему сердцу! Честь вамъ и вашимъ сотрудникамъ за эту братскую любовь къ младшимъ братьямъ во Христѣ, за всѣ труды къ улучшенію и просвѣщенію ихъ сердецъ, ихъ разума: Богъ да благословитъ васъ, да подкрѣпитъ всѣ ваши свята и благородныя стремленія, и да вознаградитъ достиженіемъ цѣли. Дай Богъ, чтобы духъ христіанской любви согрѣлъ всѣ сердца, растопилъ льды равнодушія и чтобы соединилъ въ одно семейство наше общество. Примите благосклонно благодарность нашу, проистекающую изъ искренняго сердца простыхъ поселанъ и

выслушайте наши просьбы. Желая получать *Воскресное Чтеніе* въ текущемъ году, покорнѣйше просимъ редакцію присылать намъ его нумера подъ адресомъ: «Василію Федорову Бериндѣ, крестьянину села Тамашовки, въ Подольской губерніи въ м. Ярмолинцѣ, въ двухъ экземплярахъ и въ одномъ конвертѣ. Слѣдующіе шесть р. с. при семъ прилагаемъ.

«*Василій Беринда.*
«*Антоній Ноцкій.*»

— Въ XIX томѣ за 1857 годъ: «Разсужденій Хозяйственнаго Галиційскаго Общества» (*Rozprawy Towarzystwa Gospodarskiego Galicyjskiego*), помѣщена слѣдующая замѣчательная записка польскаго поселанина *Яна Маціонга* (передаемъ ее какъ можно ближе къ подлиннику). «Я нижеподписавшійся, Янъ Маціонгъ, принявъ во вниманіе, что въ нашемъ краѣ, по природѣ земледѣльческомъ, земледѣліе должно считаться главнымъ основаніемъ благосостоянія и должно быть преимущественно покровительствуемо; что земледѣліе въ нашемъ краѣ еще находится на низкой степени, между тѣмъ какъ страны, не столь щедро одаренныя природою, съ помощію естественныхъ знаній, примѣненныхъ къ земледѣлію, стали процвѣтать на твердомъ и неисчерпаемомъ основаніи земледѣльческой производительности, дошедшей до высокой степени, — и потому, будучи убѣжденъ, что земледѣліе не можетъ процвѣтать безъ основательнаго образованія на этомъ поприщѣ, особенно въ крестьянскомъ сословіи, я рѣшился, частію моего имущества, которое собрано, при помощи Божіей, трудами и бережливостію, содѣйствовать распространенію агрономическихъ знаній, особенно въ крестьянскомъ сословіи, къ которому принадлежу по моему происхожденію, какъ сынъ поселанина изъ Дзикова, Ржешовскаго округа.»

Съ этой цѣлью, *Янъ Маціонгъ* завѣщалъ агрономическому Львовскому институту 10,000 рейнскихъ гульденовъ (6000 р. с.), и такую же сумму Краковскому агрономическому институту. Процентъ съ этихъ суммъ долженъ быть обращенъ на четыре стипендіи, по двѣ въ каждомъ институтѣ, для бѣднаго юношества, католическаго исповѣданія, родившагося въ Краковскомъ округѣ, или въ Галиціи.

П. ДУБРОВСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ ЛЬЮЗА О ГѢТЕ.

G. H. Lewes. Life and Works of Goethe. London. 1856.

Между тѣмъ какъ въ Германіи съ неутомимымъ рвеніемъ собирали всѣ воспоминанія и документы, относящіеся до жизни Гёте, и съ суевѣрною добросовѣстностію издавали каждый варіантъ его рукописей, каждый клочокъ его корреспонденціи, могущій пролить свѣтъ на его духовное развитіе и способы творчества, иностранецъ, Англичанинъ, первый воспользовался этимъ богатымъ критическимъ аппаратомъ и подарилъ изъ полною, живую картиною внѣшней и внутренней жизни великаго поэта. Это явленіе не первое въ своемъ родѣ. Лучшею характеристикю Шекспира мы обязаны нѣмцу Гервинусу; Русскій, Улыбишевъ, написалъ лучшую біографію Моцарта; Испанія время Фердинанда и Филиппа нашла своего лучшаго историка въ Американцѣ Прескоттѣ, римское папство—въ Германцѣ Ранке. Невольно думается, что пониманіе великихъ личностей, какъ и великихъ историческихъ процессовъ, во всей ихъ полнотѣ, требуетъ извѣстнаго отдаленія, извѣстной перспективы, и что положеніе иностранца выгоднѣе для ихъ обсужденія, чѣмъ слишкомъ близкая точка зрѣнія соотечественника, въ особенности если онъ къ тому же современникъ.

На эту мысль естественно наводитъ превосходная книга Льюза. Одно изъ ея главныхъ достоинствъ—тонкая характеристика той общественной среды, въ которой родился и жилъ Гёте, мѣткій анализъ ея вліяній на развитіе гениальнаго писателя. Этого-то и не доставало во всѣхъ біографіяхъ Гёте, написанныхъ его соотечественниками. Въ нихъ мы находимъ или, какъ въ книгѣ Фигофа, простое исчисленіе біографическихъ подробностей; или, какъ въ книгѣ Розенкранца, совершенное пренебреженіе этими подробностями и объясненіе аргіогі его творческой дѣятельности. Тѣ особенности въ организациі нѣмецкаго общества, которыя имѣли такую значительную долю вліянія на Гёте, не бросались въ глаза его нѣмецкимъ біографамъ просто потому, что онѣ существуютъ до сихъ поръ, и что ихъ взоръ притупился къ подобнымъ явленіямъ. За то, съ какою свѣжестію, съ какою ясностію рисуетъ передъ нами въ книгѣ Льюза Германія XVIII столѣтія съ ея разбросанными центрами, фізіономія маленькихъ резиденцій, нравы мѣщанскаго общества и литературныхъ кружковъ! Какъ тонко изложено необходимое вліяніе такой среды на великаго поэта!

Не менѣе удачно нарисована фигура самого Гёте. Исполненіе этой трудной задачи заслуживаетъ тѣмъ болѣе удивленія, что Льюзъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ самого поэта. Автобіографія,

какая бы она ни была, всегда имѣетъ огромныя преимущества передъ всякою другою біографіею. Ничто не можетъ быть характеристичнѣе для человѣка, чѣмъ тонъ, въ которомъ онъ говоритъ о самомъ себѣ. Какая искусная группировка матеріаловъ, какой тонкій психологическій анализъ замѣнить намъ величавое презрѣніе, съ которымъ Альери разсказываетъ о своихъ заблужденіяхъ и успѣхахъ, болѣзненную добросовѣстность признаній Руссо, наивное самохвальство, съ которымъ Шатобрианъ взвѣшиваетъ въ симметрическихъ фразахъ свое собственное имя именемъ Наполеона, боязливую насмѣшливость, съ которою Гейне описываетъ свое обращеніе къ христіанству, безконечную любовь, съ которою Жоржъ-Сандъ говоритъ въ своихъ запискахъ не о себѣ, а о другихъ? Но еще невозможнѣе воссоздать ту строгую гармонію, то вечернее спокойствіе, которымъ вѣетъ изъ записокъ Гёте, это чудное настроеніе, такъ вѣрно передающее характеръ испанскаго поэта, о которомъ тончайшій изъ критиковъ могъ сказать: красота его жизни выше, чѣмъ красота его твореній (1).

Но съ другой стороны каждая автобіографія даетъ намъ лишь неполный образъ того, кто ее написалъ. Совершенно объективное изображеніе собственной жизни, собственнаго характера — задача, превышающая человѣческія силы. Только сравненіе автобіографіи съ образомъ, воссозданнымъ при помощи всѣхъ историческихъ данныхъ, можетъ намъ дать полное понятіе о великомъ человѣкѣ.

Мы теперь обладаемъ такою біографіею Гёте. Нѣмецкая критика единогласно признала ея безукоризненность въ отношеніи всесторонняго знанія и пониманія предмета. Ея сравненіе съ «*Wahrheit und Dichtung*» исполнено интереса и поучительности. Мы не хотимъ портить для читателя впечатлѣніе этой мастерской книги, разсказывая эти эпизоды изъ жизни Гёте, которые тутъ являются въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ его собственномъ повѣствованіи. Но мы считаемъ не излишнимъ обратить его вниманіе на два пункта, относительно которыхъ произошло много толковъ, отчасти вызванныхъ ложнымъ пониманіемъ его записокъ.

Эти два пункта относятся къ нравственному характеру Гёте. Первый изъ нихъ—его отношенія къ Карлу-Августу, второй, еще болѣе важный вопросъ, о его способности къ сильному и глубокому чувству. Ничего не встрѣчается чаще въ сужденіяхъ о Гёте, какъ обвиненія въ излишней падкости къ придворнымъ почестямъ, какъ сожалѣніе о томъ, что онъ пожертвовалъ правами свободнаго гения, связавши себя съ веймарскимъ герцогскимъ домомъ. Не менѣе часто слышится обвиненіе Гёте въ совершенномъ отсутствіи сочувствія къ

(1) Was er lebt ist schöner, als was er dichtet (Merk.)

интересамъ и страданіямъ окружавшихъ его людей и даже отечества. Опошлѣвшія фразы о его олимпійскомъ спокойствіи повторялись такъ часто именно потому, что въ нихъ, въ благовидной формѣ, заключалось обвиненіе въ сердечной сухости. Эти нареканія имѣли двоякую причину: недоброжелательство, возбужденное несоизмѣримымъ величіемъ Гёте въ низшихъ слояхъ литературы, и непониманіе тѣхъ величавыхъ формъ, которыя приняли въ его старости его жизнь и его творенія. Къ этому разряду принадлежатъ и его записки. Одно изъ ихъ главныхъ достоинствъ было одною изъ причинъ вышесказанныхъ обвиненій. Это тотъ тонкій художественный тактъ, та высокая стыдливость, съ которою Гёте умалчиваетъ о многомъ, когда дѣло касается его внутренней жизни и его сердечныхъ отношеній, и умалчиваетъ именно о томъ, что могло бы возбудить симпатію читателей.

Перехожу къ тѣмъ поясненіямъ, ко торымъ мы обязаны Льюзу относительно этихъ двухъ пунктовъ. Нѣсколькихъ выписокъ будетъ достаточно, чтобы убѣдить читателей въ ложности обыкновеннаго взгляда на характеръ Гёте. Тутъ, какъ и въ большей части спорныхъ случаевъ, дѣло не въ различномъ толкованіи фактовъ, а въ ихъ неполномъ знаніи. Итакъ мы ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, которые говорятъ сами за себя.

Начнемъ съ отношеній Гёте къ веймарскому двору.

Гёте познакомился съ Карломъ-Августомъ въ февраль 1774 года, черезъ Кнебеля. Молодой герцогъ и его братъ Константинъ были тогда въ Франкфуртѣ, проѣздомъ въ Майнцъ. Великій поэтъ и гениальный юноша, о которомъ Фридрихъ Великій сказалъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ, что это самый замѣчательный изъ германскихъ монарховъ, какъ кажется, съ перваго раза произвели другъ на друга сильное впечатлѣніе. Карлъ-Августъ встрѣтилъ Гёте съ восторженною симпатіею; Гёте, несмотря на неудовольствіе отца, поѣхалъ за молодымъ герцогомъ въ Майнцъ, гдѣ прожилъ нѣсколько дней въ его обществѣ. Тѣмъ на время ограничилось ихъ знакомство.

Осенью 1775 года Карлъ-Августъ опять былъ проѣздомъ въ Франкфуртѣ. Онъ настоятельно звалъ Гёте къ себѣ въ Веймаръ. Гёте охотно согласился. Ему необходимо было оставить Франкфуртѣ. Незадолго передъ тѣмъ произошелъ разрывъ съ Лили (Елизаветою Шёнеманъ) и жизнь въ одномъ городѣ съ нею сдѣлалась для него невыносимою. Онъ только и думалъ о переселеніи, и приглашеніе молодаго герцога, къ которому онъ чувствовалъ такую глубокую симпатію, пришло какъ нельзя болѣе кстати.

Эта симпатія была не безъ основанія. Карлъ-Августъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, человѣкъ передовой во всѣхъ отношеніяхъ. Всякій новый документъ, всякое новое изслѣдованіе проливаетъ новый свѣтъ на глубокое благородство, на

простое величіе этой исключительной личности. Мы не станемъ говорить о тонкомъ тактѣ Карла-Августа въ оцѣнкѣ замѣчательныхъ личностей, его умѣніи приковать ихъ къ маленькому Веймару, къ этому уголку, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ тѣсному для такихъ гениевъ, какъ Гёте, Шиллеръ и Гердеръ. Это достоинство великаго герцога слишкомъ извѣстно. Но мы считаемъ нужнымъ убѣдить читателя, что эта черта его характера не была отвлеченный художественный дилеттантизмъ, самолюбивое меценатство. Нѣтъ, это было только одно изъ выражений его широкаго ума и благороднаго сердца, открытаго всему, что носило на себѣ печать величія и силы, человѣческаго достоинства и всемірнаго значенія. Среди несчастнаго раздробленія Германіи, среди эгоистической исключительности германскихъ претензій, Карль-Августъ былъ, можетъ-быть, первый правитель, вполне сознавшій ложность своего положенія, и необходимость національнаго единства. Въ то время, какъ каждый изъ германскихъ владѣтелей думалъ только объ укрѣпленіи своего отдѣльнаго могущества, Карль-Августъ съ жаромъ хлопоталъ о союзѣ между германскими монархами, объединеніи въ военной организаціи, въ дѣлахъ внѣшней политики. Въ то время, когда какой-нибудь лимбургъ-штирумскій графъ пресерьіозно содержалъ армію, состоящую изъ полковника, шести офицеровъ и двухъ рядовыхъ, Карль-Августъ, къ крайнему негодованію своего двора, со всѣмъ своимъ войскомъ поступалъ въ прусскую службу. Во время всеобщей реакціи, послѣдовавшей за войнами освобожденія, онъ первый даровалъ своимъ подданнымъ обѣщанную конституцію, въ которой онъ ставилъ себя подъ контроль германскаго сейма (1). Частная жизнь Карла-Августа вполне соответствовала широкому крою его ума и сердца. Атмосфера дворовъ была ему тягостна. Церемоніаль и этикетъ его собственнаго дворца были ему невыносимы. Онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ только въ той крохотной избушкѣ изъ бересты, которую Гёте выстроилъ однажды въ паркѣ, въ сюрпризъ герцогинѣ Амаліи. Тамъ, въ единственной комнатѣ, служившей ему спальнею, столовою и кабинетомъ, онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ той усиленной, почти сверхъестественной дѣятельности, которая позволяла ему въ одно и то же время слѣдовать за богатымъ развитіемъ нѣмецкой литературы, участвовать во всѣхъ праздникахъ, придуманныхъ неисчерпаемою фантазіей герцогини Амаліи и Ейнзидела, и заниматься государственными дѣлами, входить во всѣ подробности управленія съ добросовѣстностію, находящую себѣ подобіе только въ баснословномъ прилежаніи Фридриха II. Противъ его оконъ, сквозь зелень парка, бѣлѣлъ скромный домикъ его поэта, и когда, утомленный дневными трудами, онъ оставлялъ позднимъ вечеромъ свою

(1) См. *Droysen Karl August und die deutsche Politik.*

лачугу, это было для того, чтобы провести часть ночи въ разговорахъ съ этимъ единственнымъ другомъ, чтобы почерпнуть новыя силы въ лучахъ этого яснаго генія, который обладалъ такимъ безграничнымъ вліяніемъ надъ его страстною, энергическою натурой. И нерѣдко, заговорившись за позднюю полночь, онъ засыпалъ на диванѣ Гёте, чтобы проснуться на другое утро исполненнымъ тою богатырскою бодростію, которая отличала его до глубокой старости. Часто онъ приходилъ неожиданно обѣдать къ Гёте, съ женою, чѣмъ Богъ послалъ. Мы знаемъ изъ писемъ поэта къ г-жѣ Штейнъ, что однажды такой обѣдъ состоялъ изъ *Viersuppe* и холодной говядины. Такія фамилярности перестали удивлять чопорный веймарскій дворъ. Всѣ знали, что герцогъ и Гёте были на ты, и давали другъ другу взаимы носовые платки и жилетки, которые никогда не возвращались къ законному владѣтелю.

Впрочемъ не надобно думать, чтобы внезапное повышеніе Гёте—онъ въ 1776 году былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ—прошло ему даромъ. Веймарская аристократія пришла въ негодованіе. Сплетнямъ, толкамъ, жалобамъ не было конца. Несмотря на свою энергію, Карлъ-Августъ долженъ былъ въ угожденіе придворнымъ предразсудкамъ сдѣлать Гёте дворяниномъ. Поэтъ долго не соглашался на эту комедію. Герцогиня Амалия наконецъ убѣдила его въ необходимости этой мѣры. Той же двусмысленной чести въ послѣдствіи долженъ былъ подвергнуться Шиллеръ.

Мы ужъ не разъ упоминали о матери Карла-Августа, о герцогинѣ Амалии. Эта замѣчательная женщина играла важную роль въ тогдашнемъ веймарскомъ кружкѣ. Ея живой и тонкій умъ еще прежде прибытія великаго поэта привлекалъ къ ея двору литераторовъ и ученыхъ. Ея милая простота и привѣтливость привязывала къ ней всѣхъ тѣхъ, которые узнавали ее ближе. Между ея друзьями мы находимъ Виланда, Кнебеля, Мерка. Она имѣла много общаго въ характерѣ съ матерью Гёте, съ тою очаровательною *Frau Reeth*, о которой Беттина сохранила намъ столько безцѣнныхъ подробностей. Эти двѣ женщины въ послѣдствіи очень сблизились, и вели самую дружескую переписку.

Герцогиня Амалия до своей смерти оставалась душою веймарскаго общества. Ея счастливая, подвижная натура, ея вкусъ къ изящнымъ удовольствіямъ давали тонъ тѣмъ истинно-художественнымъ увеселеніямъ, которыми славился дворъ Карла-Августа. На первомъ ряду стояли театральныя представленія. Труппа была избранная: герцогиня Амалия, Карлъ-Августъ, принцъ Константинъ, Гёте, Музеусъ, Бертухъ, Кнебель, Корона Шрётеръ, Амалия Копебу и т. д. Все это тогда еще было молодо, полно огня и силы. Представленія не происходили постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда на герцогиню Амалию находила охота устроить спектакль, когда Карлъ-

Августъ чувствовалъ потребность отдохнуть денекъ-другой, Бертухъ получалъ приказаніе держать наготовѣ лошадей и съѣстные припасы. Съ ранняго утра все веселое общество выѣзжало изъ города и отправлялось, куда глаза глядятъ, сквозь темные лѣса, черезъ доли и горы. Наскакавшись вдоволь, останавливались въ Еттерсбургъ или въ Тиѳуртъ, въ Дорнбургъ или въ Іенъ, или просто гдѣ-нибудь въ лѣсу. Мѣсто дѣйствія скоро было выбрано. Декорациями служили деревья и скалы, ручейки и лужайки, такъ граціозно сгруппированные въ тѣхъ благословенныхъ мѣстахъ. Смотря по характеру мѣстности, представляли одну изъ многихъ заученныхъ пьесъ или импровизировали на данную тему. Особенно удачно выходили среди этой естественной обстановки пьесы изъ народнаго быта. Такъ опера Ейнзиделя, Цыгане, съ вставленными сценами изъ Гёте, производила магическое впечатлѣніе, сыгранная въ лѣсу, при свѣтѣ факеловъ. Не менѣе удачно были представлены очаровательныя опереты Гёте, въ особенности «Рыбачка», написанная для Тиѳурта, гдѣ ее давали на берегу Ильмы. До насъ дошло также описаніе торжественнаго представленія, происшедшаго однажды въ Тиѳуртъ 28 августа, въ день рожденія Гёте. Давали пьесу, нарочно написанную для этого случая: «Рожденіе Минервы». На постановку и на сценическіе эффекты было употреблено всевозможное стараніе. Самъ герцогъ игралъ роль Вулкана. Все содержаніе пьесы было прославленіе великаго поэта.

Мы, кажется, сказали довольно, чтобы показать читателю, каково была среда, въ которой Гёте нашелъ приличнымъ жить и умереть, каковы были его отношенія къ окружившимъ его личностямъ. Даже мѣстная аристократія, сначала оскорбленная его повышеніемъ, мало-по-малу помирилась съ нимъ. Его обаятельная любезность, его величавая умѣренность покоряли ему всѣ сердца. Кто могъ противостоять безкорыстію этого человѣка? пишеть о немъ Меркъ.

Вспомнимъ съ другой стороны, на какую среду, на какую жизнь былъ бы обреченъ Гёте, еслибы онъ не поселился въ Веймаръ. Въ Германіи не было тогда ни единого пункта, имѣвшаго сколько-нибудь значеніе національнаго центра. Берлинъ, который можетъ-быть въ политическомъ отношеніи заслуживалъ это имя, былъ тогда мѣсто-пробываніемъ Николаи и Раммлера, Енгеля и Цёллнера, гнѣздомъ того нелѣпаго раціонализма въ литературѣ, который старался осуществити, на кочковатомъ нѣмецкомъ языкѣ времени Готшеда, разумныя художественныя теоріи энциклопедіи. Литературное направленіе этого *Aufklärer*'а всего лучше характеризуется очаровательнымъ изреченіемъ Фридриха Великаго о Шекспирѣ и Гёте. «На національномъ театрѣ,» пишеть онъ, разумѣется по-французски, «дають жалкія произведенія Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ, и публика выѣ себя отъ восторга при видѣ этихъ грубыхъ фарсовъ, до-

стойныхъ канадскихъ дикарей.» Но это, по его мнѣнію, еще не худшее. Шекспиру можно простить его ошибки, и потому что искусство не можетъ вдругъ достигнуть полнаго совершенства. Но вотъ явился на сценѣ какой-то Гецъ-фонъ-Берлихингенъ, *задкое подражаніе этимъ дурнымъ англійскимъ піесамъ*, и публика апплодируетъ, и съ восторгомъ требуетъ повторенія этихъ *возмутительныхъ плоскостей*.

Оставалась глухая, тѣсная жизнь въ мѣщанскомъ обществѣ какого-нибудь мѣщанскаго городка. Тотъ, кто видѣлъ вблизи эту жизнь, даже въ наше время, даже послѣ неизмѣримыхъ переворотовъ, разбившихъ прѣграды между всѣми слоями общества, между всѣми отдѣльными народностями, тотъ не станетъ упрекать поэта за то, что онъ не заперся въ эту душную, притупляющую сферу, изъ которой нѣтъ исхода ни внизъ, ни вверхъ, ни въ сторону. Изученіе человѣческой природы нужно поэту, какъ видъ неба и моря нужны пейзажисту. Ему нужно видѣть жизнь въ ея изыщномъ цвѣтѣ и въ ея темныхъ корняхъ. Ему нужно сдѣлаться

Ein Kenner der Höhen und Tiefen,

и вонстинну тотъ не узнаетъ, что такое человѣкъ, кто заперся навѣки въ пошлый кругъ нѣмецкаго филистерства. Въ наше время, разумѣется, есть другой исходъ. Люди мыслящіе и дѣйствующіе на духовномъ поприщѣ составляютъ во всемъ мирѣ одну великую и тѣсную общину, сильную и уважаемую; но этого не было восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Вспомнимъ о бѣдномъ Шиллерѣ: чего не перетерпѣлъ онъ, пока не нашелъ пріюта въ томъ же исключительномъ уголкѣ, въ томъ же тихомъ Веймарѣ?

Къ числу причинъ, по которымъ возстаютъ противъ придворной жизни Гёте, принадлежитъ также огромное количество произведеній, вызванныхъ торжественными днями, придворными праздниками и т. д. Строгіе критики съ глубокимъ сожалѣніемъ говорятъ о той творческой силѣ, о той богатой фантазіи, которая потрачена на оперные тексты и прологи, на поздравленія и маскарадныя сцены. Что бы могъ еще произвести великій поэтъ, говорятъ они, еслибъ онъ употребилъ весь свой гений на серьезные, глубокія творенія? Мы не станемъ говорить о комизмѣ этихъ сожалѣній въ виду того богатства первоклассныхъ произведеній, которое представляетъ намъ литературная дѣятельность Гёте, — богатства, доходящаго почти до непостижимости. Замѣтимъ только, что тотъ плохо понимаетъ творческую натуру Гёте, кто приписываетъ его сильную производительность въ легкихъ родахъ поэзіи вліянію веймарскаго двора. Мы знаемъ его отношенія къ герцогскому дому. Мы знаемъ, какъ неудержимо просилось въ художественную форму все, что его занимало и волновало. Мы видимъ, что онъ при случаѣ (какъ напримѣръ въ

стихотвореніи Ильменуа) давалъ поэтическое выраженіе и строгой укоризнѣ противъ своего друга Карла-Августа. Его *Festspiele* произошли такъ же естественно и необходимо, какъ его прежніе шуточные драматическіе очерки, какъ *Pater Brey*, *Satyros*, *Götter*, *Helden und Wieland*, точно такъ же, какъ *Die Geschwister*, написанныя въ два дня подъ вліяніемъ прелестной Амаліи Коцебу. Точно также сталъ бы онъ писать для каждаго общества, въ которое бросила бы его судьба, по неудержимому стремленію озарять свѣтомъ поэзіи всѣ подробности ежедневной жизни. Въ томъ-то и выражается громадность творческой силы Гёте, что онъ умѣлъ придавать художественный строй не только своимъ твореніямъ, не только своей жизни, но и всей средѣ, въ которой онъ вращался. Въ этой способности быть поэтомъ въ жизни отражалась его магическая способность воплощать свои поэтическія мысли въ образы, живые, какъ произведенія самой природы.

Перейдемъ къ другому упреку, усердно повторяемому многими, когда рѣчь идетъ о Гёте, къ упреку въ равнодушіи къ человѣческимъ интересамъ, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, однимъ словомъ, въ эгоизмѣ.

Начнемъ съ частной жизни Гёте.

Считаемъ ненужнымъ входить въ длинныя объясненія касательно его любовныхъ отношеній. Огорченіе сентиментальныхъ биографовъ, не постигающихъ, почему Гёте не женился на Фредерикѣ, на Лилл, и т. д., всегда казалось намъ крайне смѣшнымъ. Гёте и въ молодости былъ челоѣкъ добросовѣстный, хотя увлекающійся. Онъ ясно видѣлъ, что связаться на всю жизнь съ женщиною, не приходящеюся ему по образованію и характеру, нисколько не значило поправить ошибку, сдѣланную въ заключеніи временнаго отношенія съ нею. Обратимся къ другимъ сторонамъ его частной жизни, менѣе пзвѣстнымъ, и поэтому болѣе интереснымъ. Ограничимся и здѣсь немногими чертами.

Упомянемъ сперва о его пристрастіи къ дѣтямъ. Это пристрастіе простиралось такъ далеко, что онъ неоднократно бралъ на себя трудъ воспитывать безпріютныхъ сиротъ. Такъ, возвращаясь домой изъ Страсбурга, онъ привезъ съ собою маленькаго уличнаго музыканта, съ твердымъ намѣреніемъ усыновить его. Но его мать, предвидя бурю, которую возбудило бы со стороны старика Гёте это приращеніе семейства, уговорила сына уступить ей приемыша и помѣстила его куда-то внѣ дома.

Въ Веймарѣ, въ 1778 году, мы его опять находимъ въ хлопотахъ относительно бѣднаго мальчика, оставшагося безъ пріюта послѣ смерти своего благодѣтеля, барона Линдау. Гёте тотчасъ беретъ его къ себѣ въ домъ, самъ даетъ ему уроки, потомъ помѣщаетъ его въ Ильменуа учиться охотничьему дѣлу, и постоянно слѣдитъ за

его развитіемъ. Позже, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы мадѣнкій Фрицъ Штейнъ жилъ у него въ домѣ, и баронъ Штейнъ еще въ старости съ нѣжною благодарностію вспоминалъ о безконечной заботливости, съ которою поэтъ занимался имъ, несмотря на страшное количество разнообразныхъ работъ, поглащавшихъ его время.

Эта черта характеристична. Страсть воспитывать чужихъ дѣтей вообще рѣдкость въ молодомъ человѣкѣ. Еще рѣже ея соединеніе съ терпѣніемъ въ практикѣ, особенно въ натурѣ горячей и раздражительной, какова была натура Гёте.

Обратимъ, восторыхъ, вниманіе читателя на благотворительность Гёте. Эта добродѣтель сама по себѣ такъ поверхностна, что добрыя дѣла, исчисляемая всѣми его биографами, играютъ незначительную роль въ характеристикѣ поэта. Но тѣмъ важнѣе для насъ приемы, которые употреблялъ Гёте при подачѣ помощи бѣднымъ. Мы, какъ нельзя болѣе благодарны за подробности, сообщенныя намъ г-мъ Льюзомъ на этотъ счетъ. Вотъ, между прочимъ, что онъ намъ разказываетъ.

Осенью 1778 года, Гёте получилъ отчаянное письмо отъ незнакомаго ему человѣка, просящаго его о вспоможеніи. Имя этого человѣка осталось до сихъ поръ тайною. Но мы знаемъ изъ его переписки съ Гёте, что это былъ человѣкъ разбитый неудачами, полный недовѣрія и раздражительности.

На это письмо Гёте тотчасъ отвѣчаетъ съ свойственною ему аккуратностію, и посылаетъ небольшое вспоможеніе съ обѣщаніемъ думать о немъ впредь. Девять дней спустя, Гёте пишетъ другое письмо къ несчастному. Изъ этого письма мы видимъ, что онъ намѣревается подать ему рѣшительную помощь. И дѣйствительно, мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ, въ продолженіи шести лѣтъ, поэтъ удѣлялъ незнакомому бѣдняку шестую долю своего годового дохода, въ послѣднее время, до 200 талеровъ въ годъ. Но не это заслуживаетъ главнымъ образомъ нашего вниманія. Въ продолженіе этихъ шести лѣтъ, Гёте велъ съ несчастнымъ постоянную переписку, которую нельзя читать равнодушно. Человѣкъ, которому онъ помогалъ, былъ болѣзненно-меланхолическаго характера. Его самолюбіе глубоко страдало отъ получаемаго благодѣнія, а между тѣмъ у него не оставалось энергіи, чтобы приняться за какое-нибудь дѣло и составить себѣ независимое положеніе. Ничего не можетъ быть трогательнѣе, чѣмъ письма, то дружественныя и веселыя, то строгія и серіозныя, которыми Гёте старался утѣшать, ободрять бѣднаго ипохондрика. Вездѣ видна самая тонкая, самая подробная заботливость обо всѣхъ его матеріальныхъ нуждахъ съ одной стороны, съ другой — о сохраненіи всего дѣла втайнѣ. Благородный поэтъ безпрестанно придумываетъ для своего корреспондента занятія, могущія снять съ его совѣсти тяжесть незаслуженнаго благодѣнія. И когда онъ изъ его писемъ видитъ напрасность своихъ стараній, онъ находитъ слова, чтобы успокоить тоскливую раздражительность больнаго.

«Вы мнѣ нисколько не въ тягость. Напротивъ того, вы меня учили хозяйничать. Я до сихъ поръ тратилъ на вздоръ много денегъ, которыя теперъ идутъ въ прокъ. И невжели вы думаете, что ваши слезы, ваши благословія ничего не значатъ? Тотъ, кому дано богзство, не имѣетъ права благословлять. Онъ долженъ давать. Но судьба, давшая сильнымъ міра сего почести и имущества, дала бѣднымъ силу благословія, которой нѣтъ у богатыхъ.»

Мы слишкомъ глубоко уважаемъ Гёте, чтобы похвалить его за то, что онъ молчитъ о такихъ эпизодахъ своей жизни не только въ своихъ запискахъ, но и въ письмахъ къ г-жѣ Штейнъ, гдѣ онъ говоритъ о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ своего ежедневнаго быта. Но мы не можемъ довольно удивляться человѣку, такъ тепло принимающему къ сердцу судьбу другихъ, и такъ холодно говорящему о самомъ себѣ. Г. Льюзъ, по поводу этого контраста, говоритъ, въ предисловіи своей книги, о *неточномъ* тонѣ записокъ Гёте. Намъ кажется, что г. Льюзъ ошибается. Этотъ тонъ именно совершенно точно рисуетъ намъ человѣка, слишкомъ занятаго другими, чтобы любоваться собственными чувствами.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ, самомъ сильномъ нареканіи, которому подвергся великій поэтъ, — нареканіи, особенно громко повторяемомъ въ наше время. Я говорю объ обвиненіи Гёте въ совершенномъ отсутствіи патріотизма, въ политическомъ индифферентизмѣ, доходящемъ до чудовищности.

Если мы станемъ доискиваться основаній такого обвиненія, то мы найдемъ только одно. Во время общаго возстанія противъ Наполеона, Гёте не принималъ видимаго участія въ національномъ движеніи. Онъ не писалъ патріотическихъ пѣсень, онъ не издавалъ прокламцій, онъ продолжалъ посвящать всѣ свои силы наукѣ и искусству. Намъ кажется, что прежде, чѣмъ вывести изъ этого факта вышесказанное оскорбительное заключеніе, нужно было обратить болѣе подробное вниманіе на характеръ и убѣжденія Гёте, и каждый, кто сдѣлаетъ это безъ предразсудка, согласится, что онъ въ этомъ пунктѣ не заслуживаетъ порицанія.

Что касается до характера Гёте, мы уже указали на нѣкоторыя черты его, говоря о частной жизни поэта. Каковымъ онъ является въ ней, таковымъ онъ былъ и въ общественной дѣятельности. Не слѣдуетъ думать, чтобы Гёте былъ министромъ веймарскаго герцога только для формы. Этого не позволяла, съ одной стороны, его глубокая добросовѣстность, съ другой — то постоянное участіе, которое внушали ему интересы и страданія его ближнихъ, въ особенности низшихъ классовъ. Этотъ *холодный* художникъ забывалъ свои творенія, когда дѣло шло о благѣ веймарскихъ подданныхъ. Голодъ въ Апольдѣ отнималъ у него силу работать надъ *Ифигеніей*. Онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ Ильменау, чтобы наблюдать за обработкою

рудниковъ — новымъ источникомъ богатства, которымъ эта мѣстность была обязана ему. Бодро и неусыпно трудился онъ на безславномъ, но полезномъ поприщѣ своей служебной дѣятельности.

Въ 1813 году Гёте было 64 года. Въ немъ уже вполне сложилось то величавое міросозерцаніе, которымъ дышатъ его послѣднія творенія, которое такъ дивно выразилось впервые въ планѣ и отрывкѣ его поэмы *Die Geheimnisse*. Онъ былъ вполне проникнутъ тою истинной, которую вложилъ въ развязку второй части *Фауста*. Онъ сознавалъ, что назначеніе человека — неусыпный трудъ для общей пользы въ сферѣ, очерченной его способностями. Для Гёте эта сфера была искусство. И онъ величаво молчалъ, когда политическіе знатоки и односторонніе патріоты обвиняли его въ равнодушіи къ отечественнымъ интересамъ. Онъ зналъ, что онъ своими чистохудожественными произведеніями болѣе содѣйствовалъ возбужденію единого національнаго сознанія въ Германіи, чѣмъ Кёрнеръ и Арихтъ своими патріотическими пѣснями, чѣмъ Фихте своими рѣчами къ германскому народу.

Ограничимся этими намеками. Мы будемъ счастливы, если они обратятъ вниманіе читателя на прекрасную книгу Льюза. Въ ней онъ найдетъ подробную и блестящую картину той дивно-полной жизни, изъ которой мы привели двѣ-три черты.

С. Рачинскій.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

(По поводу вопроса о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею.)

М. Г.

... Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вашимъ читателямъ, по поводу спора, недавно возникшаго между *Современникомъ* и *Экономическимъ Указателемъ*. Вопросъ о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею, такъ важенъ для насъ, что всѣ сужденія и толки о немъ заслуживаютъ особаго вниманія публики. Онъ неразрывно связанъ съ другимъ вопросомъ, изъ числа тѣхъ, которые, по словамъ *Русскаго Вѣстника*, нынѣ «какъ-то смутно слышатся въ воздухѣ», съ общимъ вопросомъ о преобразо-

ваніи нашихъ поземельныхъ отношеній. Вы согласитесь, что по этому вопросу до сихъ поръ немного обнаруживается твердыхъ, зрѣло-обдуманыхъ убѣжденій. Въ говорѣ толпы трудно подѣлать два звука, которые въ точности согласовались бы одинъ съ другимъ. Каждый по своему смотритъ на дѣло, и повидимому не тревожится ни безотчетнымъ произволомъ, ни одиночествомъ своихъ воззрѣній. Между тѣмъ успѣхъ не возможенъ безъ сознательнаго единомыслія и содѣйствія многихъ, а для водворенія этого согласія и пріобрѣтенія этого содѣйствія—необходимо предварительное признаніе нѣсколькихъ главныхъ коренныхъ началъ, которыми надлежитъ руководствоваться на пути къ предуказанной цѣли.

Чѣмъ важнѣе, въ этомъ случаѣ, правильное разрѣшеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, тѣмъ хуже ихъ упорное искаженіе, особливо когда оно сопровождается, какъ въ статьяхъ *Современника*, длиннымъ рядомъ невѣрныхъ вычисленій. Не мало такихъ читателей, которые слѣпо поддаются аргументаціи цифръ, и считаютъ повѣрку ихъ трудомъ излишнимъ.

Въ майской статьѣ *Современника*, между прочимъ устанавливаются три періода развитія государственнаго быта: первый, въ которомъ *удобнѣе* общинное пользованіе землею; второй — въ которомъ оно *имѣетъ свои неудобства*; и третій, будто бы совершеннѣйшій періодъ, въ который будто бы входитъ западная Европа, и въ которомъ общинное пользованіе *опять становится необходимою*. Затѣмъ *Современникъ* продолжаетъ:

«Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваютъ его невыгодами? Если и согласны, что, при развитіи населенія и хозяйства, являются несуществовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи, оно обезпечиваетъ существованіе каждаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью; положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно, — потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благоприятенъ благосостоянію всего общества степень этого благосостоянія, зависить не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человекъ населенія. Одинъ раздѣляетъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею.

Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ — — — — —	$5,000 \times 20 = 100,000$ р.
Общая цѣнность производства на второмъ участкѣ — — — — —	$5,000 \times 12 = 60,000$ р.

• По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

• Участокъ съ фермами:

- 1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ — — — — —	$5 \times 5,000 = 25,000$ р.
30 семей (фермеры) получаютъ по или каждая семья по — — — — —	$9 \times 5,000 = 45,000$ —
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ — — — — —	$6 \times 5,000 = 30,000$ —
или каждая семья по — — — — —	• — — — — 81 — 25 к.

• Участокъ съ общиннымъ пользованіемъ:

400 семей получаютъ — — — — —	$12 \times 5,000 = 60,000$ —
или каждая семья по — — — — —	• — — — — 150 —

• Выводъ ясенъ, на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

• Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе. Мишель Шевалье усиліе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы разорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства. («Современникъ», № V, Замѣтки о журн. стр. 126—127.)

Позволяю себѣ представить нѣсколько мыслей по этому предмету на безпристрастный судъ тѣхъ читателей, которые не полагаютъ, что для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ достаточно одного изъ четырехъ основныхъ правилъ ариѳметики (1).

Къ числу неустраняемыхъ однимъ воображеніемъ фактическихъ данныхъ, въ настоящемъ случаѣ принадлежатъ права вотчинника. При производствѣ сравнительныхъ вычисленій, предпринятыхъ *Современникомъ*, слѣдовало бы дать имъ мѣсто въ обоихъ примѣрныхъ расчетахъ, а это весьма существенно измѣнило бы окончательный выводъ. Повторимъ, на этомъ основаніи, расчетъ по участку, предполагаемому въ общинномъ владѣніи:

(1) Ср. № IX *Современника*, стр. 35 и 36, ссылку на Тенгоборскаго и Ариѳметику Буссе.

Общая цѣнность производства предполагается: $5,000 \times 12 = 60,000$ р.

Изъ общаго итога произведеній надлежитъ отчислить на долю вотчиннаго владѣльца земли по крайней мѣрѣ одну третью часть (1). 20,000 р.

Остается на долю 399 домохозяевъ земледѣльцевъ 40,000 р.

Слѣдовательно на долю cadaго 100 р.

Окончательный результатъ слѣдующій:

При участковомъ или такъ называемомъ фермерскомъ пользованіи землею, въ сравненіи съ общиннымъ:

1. Общая цѣнность произведеній . . . больше на 40,000 р. или 66%
2. Доля вотчиннаго владѣльца . . . больше на 5,000 р. » 25%
3. Общая цѣнность произведеній слѣдующихъ на долю членовъ земледѣльческаго сословія больше на 35,000 р. » 85%
4. Доля земледѣльца, не владѣющаго поземельнымъ участкомъ, противъ доли, которая принадлежала бы ему при равнодѣльномъ пользованіи землею меньше на 18 р. 75 к. или 19%

Вотъ въ какомъ видѣ *Современнику* надлежало, съ его точки зрѣнія, постановить вопросъ, хотя впрочемъ тогда нельзя было бы сказать, что «на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ».

Но самое постановленіе вопроса, въ этомъ видѣ, неправильно, сбивчиво и опирается на ложныхъ началахъ. Неговоря о томъ, что данныя, принятая *Современникомъ* за основу вычисленій, напримѣръ отношеніе числа фермеровъ къ числу остальныхъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе произвольны и ошибочны; ему слѣдовало доказать, что приращеніе производительности при участковомъ хозяйствѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ введеніе этого хозяйства возможно, дѣйствительно сопряжено съ нарушеніемъ интересовъ большинства земледѣльческаго сословія, или хотя нѣсколько значительной части его; что государство можетъ обойтись безъ усиленія производительности этимъ путемъ, и наконецъ, что именно у насъ дальнѣйшее продолженіе общиннаго пользованія землею можетъ быть признано не только возможнымъ, но даже удобнымъ и полезнымъ. Все это не доказано и, полагаю, доказано быть не можетъ.

Мы вообще склонны слишкомъ просто объяснять себѣ причины и свойства ближайшихъ къ намъ экономическихъ явленій. Внутренняя связь ихъ не только между собою, но и съ другими, болѣе отдален-

(1) Извѣстно что у насъ пространство крестьянскихъ земель большею частью составляетъ гораздо менѣе чѣмъ вдвое противъ помѣщичьихъ, какъ здѣсь нами предположено, и что кромѣ того доходъ съ послѣднихъ вообще значительнѣе чѣмъ съ первыхъ.

ными фактами, ускользаетъ отъ близорукаго или поверхностнаго наблюдателя. Отсюда пристокаетъ множество неосновательныхъ сужденій, произносимыхъ съ нѣскольکو-наивною торопливостью, и защищаемыхъ съ изумительнымъ упорствомъ. Такимъ образомъ колебаніе цѣны на хлѣбъ объясняютъ мнимою монополіей хлѣбныхъ торговцевъ, а застой нашей земледѣльческой промышленности — нравственными недостатками нашихъ крестьянъ; такимъ образомъ смѣшиваютъ начало общиннаго владѣнія съ началомъ товарищественнымъ (association), въ приращеніи производительныхъ силъ государства усматриваютъ нарушение интересовъ большинства производителей, а на заграничный торгъ, то-есть на международныя мѣновныя отношенія, смотрятъ какъ на второстепенное условіе народнаго богатства.

Степень государственнаго благосостоянія, конечно, зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Но при этомъ надлежитъ сохранять въ виду, что единственный способъ къ распредѣленію прочныхъ элементовъ богатства между наибольшимъ числомъ участниковъ заключается въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ производительнымъ трудомъ, а не въ насильственномъ ограниченіи его развитія и его естественныхъ стремленій.

Уменьшеніе производительности, то-есть уменьшеніе массы предметовъ внутренняго потребленія и мѣждународнаго торга, никогда не можетъ быть условіемъ народнаго благосостоянія. Безъ сомнѣнія, можетъ случиться, что вслѣдствіе перевѣса производительности надъ потребленіемъ, положеніе того или другаго класса производителей сдѣлается затруднительнымъ. Но равновѣсіе возстановляется болѣею частью само собою, посредствомъ обращенія обнаружившагося избытка производительныхъ силъ къ другимъ отраслямъ промышленности. *Vis naturae regulatrix* и природная способность человѣческаго ума изыскиваютъ новые источники благосостоянія, врачуютъ эти временныя язвы легче и успѣшнѣе, чѣмъ самый многосложный механизмъ законодательныхъ распоряженій. Наконецъ, если съ одной стороны желательно предупреждать, по мѣрѣ возможности, подобныя общественныя недуги, то съ другой стороны нельзя не сознавать, что ихъ абсолютное устраненіе невозможно.

Не менѣе безнадежно стремленіе насильственно руководить распредѣленіемъ народнаго богатства между различными классами народа. Къ неравнымъ степенямъ благосостоянія заранѣе призваны и цѣлыя народы, и отдѣльныя человѣческія личности; но они въ то же самое время призваны и къ добровольному примиренію этого неравенства согласно съ божественными началами христіанскаго ученія: Высокая цѣль, которой достиженіе невозможно

путемъ принужденія и насилія, доступна свободному произволу и свободному труду человѣка, и къ ней постепенно подвигаетъ насть та «муравьиная работа непрерывнаго ряда племенъ и поколѣній», на которую недавно указывалъ краснорѣчивый авторъ *Писемъ о политической экономіи* въ № 17-мъ *Русскаго Вѣстника*. Законодательство здѣсь можетъ оказывать не распорядительное, но только вспомогательное содѣйствіе. Оно должно преимущественно заботиться объ улучшеніи быта нуждающихся классовъ народа, и конечно въ правѣ требовать необходимыхъ пожертвованій со стороны классовъ, пользующихся большимъ довольствомъ; но при этомъ надлежитъ постоянно имѣть въ виду, что главное средство къ распространенію народнаго благосостоянія заключается въ открытіи и разработкѣ новыхъ источниковъ богатства и въ приращеніи наличной массы его, а не въ передѣлѣ этой массы.

Основные законы промышленнаго развитія суть законы всемірные, потому что общій источникъ ихъ кроется въ природѣ человѣка. Земледѣліе подлежитъ дѣйствію этихъ законовъ наравнѣ съ другими отраслями промышленности, и среди общаго стремленія образованныхъ народовъ къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, ни одинъ изъ нихъ не можетъ безвредно отставать отъ другихъ и по своему произволу отвергать плоды предшедшихъ опытовъ или пренебрегать современными условіями международнаго промышленнаго быта. Увеличеніе производства въ одномъ государствѣ вообще имѣетъ послѣдствіемъ необходимость усиленія производительности и въ другихъ государствахъ; въ противномъ случаѣ нарушится прежнее равновѣсіе на всемірномъ мѣновомъ рынкѣ, и направленіе его оборотовъ измѣнится въ ущербъ той странѣ, въ которой производительныя силы не приобрѣли новой степени развитія. Такимъ образомъ развитіе этихъ силъ составляетъ двоякую потребность и приноситъ двоякую выгоду. Съ одной стороны оно увеличиваетъ массу предметовъ потребленія внутри государства, и понижая ихъ цѣну, дѣлаетъ ихъ доступными большому числу потребителей; съ другой оно обезпечиваетъ и распространяетъ международный торгъ, расширяя черезъ него кругъ сбыта произведеній и доставляя мѣстнымъ потребителямъ возможность пользоваться, за сходную цѣну, произведеніями другихъ странъ. Съ этой двойной точки зрѣнія надлежитъ, по моему убѣжденію, разсматривать возникшій у насъ вопросъ о частномъ и общинномъ пользованіи землею.

Намъ говорятъ, что общинное начало землевладѣнія совмѣстно съ успѣхами сельскаго хозяйства; что возраженія противъ него не касаются его принципа, но относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія, а именно къ ежегодному передѣлу земель, и потому *легло устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ при передѣлѣ на долгіе сроки, съ вознагражденіемъ отъ общины за*

улучшеніе отбираемыхъ при передѣлѣ участковъ, что мнимыя неудобства общиннаго пользованія далеко превышаютъ его выгодными послѣдствіями для массъ, что въ немъ заключается единственное средство избавить огромное большинство земледѣльцевъ отъ бѣдствій батрачества и нищеты, этого необходимаго слѣдствія батрачества, и т. д.

Не мѣшаетъ поближе всмотрѣться въ этотъ рядъ филантропо-экономическихъ фразъ. Ихъ бросаютъ намъ такъ рѣшительно, такъ съ плеча, въ такой аподиктической формѣ, что на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, чтобы онѣ не подрѣплялись какими-нибудь новыми, неопровержимыми доказательствами. Но мы напрасно ждемъ ихъ. Эти доказательства еще отыскиваются, или «пишутся» (1).

Если общинное начало совместно съ успѣхами сельскаго хозяйства, то почему же мы не видимъ этихъ успѣховъ? Именно тамъ, гдѣ господствуетъ это начало, въ крестьянскихъ обществахъ, земледѣліе остается почти на той же самой степени развитія, на которой оно стояло полвѣка тому назадъ. Среди множества крестьянъ, которые промышленными занятіями приобрѣли себѣ не только достатокъ, но богатство, просимъ указать намъ того крестьянина, который извлекъ это богатство изъ равнодѣльной полосы общиннаго поля, хотя и онъ, и прадѣды его потомъ лица своего упорно орошали и эту и другія полосы этого самаго поля. Всмотритесь въ нашего крестьянина. Онъ самъ чувствуетъ, что его нива не принесетъ ему золотой жатвы; онъ не надѣется на счастье, онъ даже рѣдко ищетъ счастья этимъ путемъ; онъ не обнаруживаетъ привязанности къ земледѣльческому труду и хранить въ душѣ полукощевое пристрастіе ко всякаго рода другимъ промысламъ, къ извозу, къ лавочничеству, барышничеству, огородничеству. Чѣмъ объяснить эти явленія, если не тѣмъ, что всякому человѣку свойственно стремиться къ приобретенію матеріальнаго достатка, а у насъ крестьянинъ знаетъ, что при данныхъ условіяхъ нашего сельскаго быта легче приобретать достатокъ всякимъ другимъ путемъ, чѣмъ воздѣлываніемъ земли по примѣру и способу праотцевъ? На этомъ основаніи мы отнюдь не ограничиваемся указаніемъ на никѣмъ неоспариваемыя неудобства ежегоднаго передѣла земель, но отрицаемъ преимущества самаго принципа общиннаго пользованія землею. Онъ радикально невыгоденъ, по неизбѣжной при немъ тратѣ времени и рабочихъ силъ, — сберегаемыхъ при сосредоточенномъ участковомъ хозяйствѣ, — по недостаточному обезпеченію результатовъ производительнаго труда,

(1) Для оцѣнки доказательствъ, употребляемыхъ *Современникомъ*, достаточно прочесть, въ видѣ примѣра, разказъ о пароходѣ «Леонъ Фоше», на стр. 20—22 отдѣла критики въ № IX, и вспомнить о существованіи страховыхъ обществъ.

и наконецъ по истекающей отъ него необходимости содержать отдѣльное хозяйство безъ самонужнѣйшихъ къ тому способовъ. Эти неудобства ставятъ у насъ земледѣльческій трудъ въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ всѣ другія вѣтви промышленной дѣятельности, и къ устраненію ихъ до сихъ поръ не предложено никакого благонадежнаго средства, несмотря на то, что изысканіе такихъ средствъ считаютъ дѣломъ столь легкимъ. Намъ указываютъ на возможность передѣла земель съ соблюденіемъ продолжительныхъ сроковъ. Но развѣ этотъ способъ передѣла сблизитъ поля съ усадьбой? И можно ли вообще обращать чрезполосность въ непреложный идеалъ сельскаго хозяйства? Намъ предлагаютъ вознагражденіе отъ общины, за улучшеніе участковъ, или даже *клина участка*. Но развѣ не очевидно, что примѣненіе этого начала сопряжено съ безчисленными затрудненіями и должно сдѣлаться источникомъ безчисленныхъ споровъ и жалобъ? Батрачество называютъ бѣдствіемъ, котораго мы должны избѣгнуть. Но развѣ у насъ отчасти уже не существуетъ, хотя и съ патріархальнымъ отгѣнкомъ, родовое батрачество сыновей, младшихъ братьевъ, племянниковъ, пасынковъ, приемышей, — и безъ этого отгѣнка, — неродовое батрачество крестьянъ, *состоящихъ на мѣсячинѣ*?

Начало безконечнаго передѣла составляетъ самую сущность того, что у насъ признается началомъ общиннаго землевладѣнія. Мысль о передѣлѣ на долгіе сроки прямо противорѣчитъ предположенію, будто бы этимъ путемъ можетъ быть обезпечено *каждому члену* земледѣльческаго сословія пользованіе извѣстною долей общинной земли. Основаніемъ раздѣла служитъ число такъ-называемыхъ тяглыхъ семействъ; но это число ежегодно измѣняется: какииъ же образомъ можно, безъ новаго раздѣла, надѣлать прибывающія тягла или распредѣлять участки выбывшихъ? На дѣлѣ этотъ вопросъ уже разрѣшенъ у насъ, хотя и негласно, учрежденіемъ новаго разряда крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ начали вводить болѣе продолжительные сроки передѣла. Эти крестьяне называются «затягольными», не участвуютъ въ пользованіи общинною землею, и въ одной изъ подмосковныхъ губерній уже успѣли подраздѣлиться на три класса. Одни не отбываютъ никакихъ повинностей, ни въ пользу вотчинника, ни въ пользу міра; другіе несутъ нѣкоторыя обязанности въ пользу общины; третьи обязаны нѣкоторыми повинностями самому вотчиннику. Такъ иногда опытъ безмолвно опровергаетъ, на поприщѣ практической жизни, велерѣчивыя предположенія кабинетныхъ теорій.

Противники такъ-называемаго фермерскаго, или собственно участковаго хозяйства, обыкновенно принимаютъ за основаніе своихъ расчетовъ весьма значительные размѣры крестьянскихъ участковъ. Это происходитъ, вѣроятно, не безъ намѣренія представить окон-

чательный выводъ съ самой выгодной стороны, и такимъ только способомъ можно достигнуть отношеніе 30:369, между числомъ семействъ, принадлежащихъ къ разряду хозяевъ, и числомъ семействъ разряда работниковъ. Не мѣшаетъ и здѣсь ближе всмотрѣться въ дѣло.

Не обращаясь къ Англіи, Франціи, Пруссіи, и т. д., за нужными въ этомъ случаѣ статистическими данными, мы можемъ вспомнить, что у насъ есть губерніи, въ которыхъ давно введено, въ томъ или другомъ видѣ, участковое хозяйство. Возьмемъ наприимѣръ двѣ губерніи, до сихъ поръ различествующія между собою въ отношеніи къ законодательнымъ нормамъ поземельныхъ отношеній, — Курляндскую и Ковенскую, въ которой не малое число имѣній приведено, самими владѣльцами, въ устройство, совершенно соответствующее устройству курляндскихъ имѣній. Въ сихъ послѣднихъ на каждую крестьянскую усадьбу приходится, среднимъ числомъ, около десяти душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ въ имѣніяхъ, гдѣ отправляются барщинныя повинности, въ усадьбѣ имѣется отъ одного до двухъ наемныхъ женатыхъ работниковъ, а въ имѣніяхъ, переведенныхъ на оброчное положеніе, только по одному. Остальные работники принадлежатъ къ семейству хозяина или нанимаются изъ холостыхъ и изъ несовершеннолѣтнихъ, соответствующихъ нашимъ нетяглымъ. Такимъ образомъ на каждый усадебный участокъ, предполагая при хозяинѣ одного женатаго сына, приходится только отъ трехъ до четырехъ семействъ, считая въ томъ числѣ и семейство хозяина. Слѣдовательно на 399 семействъ мы получимъ, вмѣсто отношенія 30:369, среднее отношеніе 114:285 (1). Но этимъ не могутъ ограничиться наши вычисленія. Въ губерніяхъ, гдѣ подъ влияніемъ общиннаго начала землевладѣнія и тягловаго начала передѣла земель, не установилось крестьянскихъ участковыхъ хозяйствъ, мы также видимъ, что не всѣ тягловые крестьяне принадлежатъ къ разряду домохозяевъ. Любопытно опредѣлить отношеніе числа сихъ послѣднихъ къ числу всѣхъ душъ мужескаго пола. Нижеслѣдующая таблица приблизительно показываетъ это отношеніе по 12-ти губерніямъ, лежащимъ въ центрѣ Россіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ (2).

(1) При этомъ размѣры участковъ не слишкомъ малы. Они содержатъ въ себѣ среднимъ числомъ около 20 десятинъ пахатной земли, во многихъ мѣстностяхъ легко уплачиваютъ болѣе 100 руб. с. оброка, и быстро доводятъ хозяевъ до значительной зажиточности, между тѣмъ какъ плата работникамъ постоянно возрастаетъ.

(2) Свѣдѣнія заимствованы, по Рязанской губерніи, изъ статьи г. Кайшпа, помѣщенной въ изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ матеріалахъ для статистики Россіи (1841 г.); по другимъ губерніямъ, изъ данныхъ собранныхъ между 1838 и 1842 годовъ.

ГУБЕРНІИ.	Число крестьянскихъ дворовъ и другихъ жилищъ домовъ въ уѣздахъ.	Число поселятъ мужскаго пола.	На каждый дворъ душъ мужскаго пола.	Отношеніе числа домохозяевъ къ остальному числу душъ мужскаго пола.
1. Московская	127.000	500.000	4	1:3
2. Калужская	88.200	390.000	4,4	1:3,4
3. Смоленская	115.400	494.000	4,2	1:3,2
4. Тверская	159.100	577.000	3	1:2
5. Владимирская	139.100	485.000	3,4	1:2,4
6. Нижегородская	139.000	503.000	3,5	1:2,5
7. Тамбовская	158.800	698.000	4,4	1:3,4
8. Рязанская	130.700	567.000	4,3	1:3,3
9. Тульская	98.200	498.000	5	1:4
10. Орловская	123.600	614.000	4,9	1:3,9
11. Курская	146.300	722.000	4,9	1:3,9
12. Воронежская	157.500	627.000	4	1:3
Средній выводъ			4,1	1:3,1

По расчету г. Неелова (1) приходится на 100 душъ 50 тяголъ. Слѣдовательно уже нынѣ на 400 тягловыхъ семействъ у насъ надлежитъ считать не болѣе 200 домохозяевъ. Предположимъ, что при участковомъ хозяйствѣ на каждый дворъ придется, въ общей сложности, четыре семейства вмѣсто двухъ: число домохозяевъ уменьшится на половину, и отношеніе этого числа къ числу семействъ, невладѣющихъ отдѣльными дворами, будетъ 100: 300 (2), вмѣсто 200: 400.

Мысль, что цѣлая половина хозяевъ, нынѣ пользующихся отдѣлностью и самостоятельностью домашняго быта, современемъ можетъ лишиться этой самостоятельности, пугаетъ многихъ. Но мы позволимъ себѣ думать, что при разрѣшеніи столь важныхъ вопросовъ не слѣдуетъ ввѣряться первому впечатлѣнію и торопливо предпочитать нѣсколько старыхъ золъ одному новому, единственно потому, что оно было бы ново, а другія нами давно испытаны.

Если кто-нибудь, кромѣ гг. статскаго совѣтника Бланка и Усманьскаго помѣщика Б., сомнѣвается въ необходимости радикальныхъ улучшеній въ бытѣ нашихъ поселянъ, то для устраненія всѣхъ сомнѣній на-

(1) *Русскій Вѣстникъ* № 9 стр. 120.

(2) Выше сего мы предположили, для Курляндской губерніи, отношеніе 114: 235. Различіе объясняется нашими ранними браками. Просимъ читателя взглянуть на объясненіе значенія слова «тягло», въ *Академическомъ словарѣ* Т. IV. стр. 310. изд. 1847 г).

счетъ этой необходимости достаточно тѣхъ самыхъ статей гг. Бланка и Б, которыя вызвали, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, нѣсколько благородныхъ замѣчаній со стороны г. Безобразова. Въ виду этихъ статей позволено утверждать, что нынѣшняя самостоятельность нашихъ крестьянскихъ домохозяевъ не стоитъ заботливости, которая такъ ревниво посвящается ея сохраненію. Если же кромѣ того вспомнимъ, сколько другихъ темныхъ сторонъ можно отыскать въ современномъ положеніи крестьянскаго сословія, то нельзя кажется не придти къ заключенію, что большинство нашихъ крестьянъ менѣе обезпечено въ личномъ и имущественномъ отношеніи, чѣмъ каждый наемный работникъ въ правильно-устроенномъ участковомъ хозяйствѣ, и что слѣдовательно при переходѣ къ этому хозяйству одна половина, а выѣстъ съ нею и государство, значительно выиграютъ, между тѣмъ какъ другая проиграть ничего не можетъ.

У насъ большею частью ожидаютъ улучшенія сельскаго быта только путемъ общихъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ такихъ неудобствъ и злоупотребленій, которыя не касаются начала общиннаго пользованія землею. Не сомнѣваясь въ пользѣ и важности подобныхъ мѣръ, мы однакоже позволимъ себѣ думать, что онѣ не устранятъ тѣхъ внутреннихъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства, которые проистекаютъ собственно отъ общиннаго порядка землевладѣнія, и что кромѣ того онѣ даже едва ли могутъ вполне достигнуть своей цѣли безъ устраненія этихъ недостатковъ. Мы знаемъ изъ опыта, что между изданіемъ и точнымъ соблюденіемъ постановленій закона существуетъ нѣкоторое различіе. Приготовленіе почвы, на которой должны развиться послѣдствія новыхъ законоположеній, предусмотрѣніе затрудненій, происходящихъ отъ недостатка надежныхъ исполнителей, изысканіе вспомогательныхъ силъ, которыя могли бы способствовать къ установленію органической связи между новымъ порядкомъ вещей и подлежащимъ ему населеніемъ,—все это естественно входитъ въ кругъ соображеній законодательства. Но съ этой именно точки зрѣнія намъ кажется, что къ числу самыхъ существенныхъ условий успѣха принадлежитъ тѣсная связь между вотчинникомъ и каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ изъ крестьянъ, а равно и положительное опредѣленіе мѣста и значенія, предоставляемыхъ домохозяевамъ въ общемъ составѣ крестьянскихъ обществъ. Соблюденію того и другаго условія преимущественно благоприятствуютъ формы участковаго хозяйства, въ то же самое время наиболѣе выгодныя и для общаго развитія земледѣльческой промышленности. Намъ кажется, что существенное улучшеніе крестьянскаго хозяйства невозможно безъ водворенія въ немъ истинной отдѣльности и самостоятельности, безъ предоставленія нужнаго простора и обезпеченія производительному труду, безъ поощренія къ разумному направленію его и безъ возбужденія вѣры въ возмож-

ность прочной, наследственной, постепенно возрастающей отъ него пользы. Но все это въ свою очередь невозможно при существованіи какой бы то ни было системы срочныхъ передѣловъ. При этой системѣ крестьянинъ не можетъ даже познать рациональнаго хозяйства, не только вводить его у себя, и не можетъ питать привязанности къ своей нивѣ, потому что онъ своей нивы не имѣетъ. Если нашъ крестьянинъ не кочуетъ всѣмъ домошъ, какъ Киргизъ-Кайсагъ и Ногаецъ, то онъ кочуетъ своимъ трудомъ, изъ клина въ клинъ, съ полосы на полосу, воздѣлывая сегодня то, что вчера принадлежало другому, и зная, что завтра оно можетъ перейти къ третьему. Его земледѣльческій бытъ вообще составляетъ не основу, но отраженіе измѣняющихся условій его домашняго быта. Совершеннѣе или бракъ сына увеличиваетъ ее въ моментъ, опредѣляемый семейными событіями, а не послѣдовательнымъ развитіемъ хозяйства, и увеличиваетъ ее вдругъ, между тѣмъ какъ тѣ самыя силы, которыя предназначаются для обработки новой тягловой доли, уже задолго передъ тѣмъ постепенно приходили въ распоряженіе отца-домохозяина; наоборотъ, смерть или отдача въ рекруты того же сына, столь же внезапно можетъ измѣнить размѣры отцовскихъ полей, независимо отъ сохраненія или несохраненія въ семействѣ нужныхъ средствъ къ поддержанію хозяйства въ прежнемъ его объемѣ.

Мы конечно не имѣемъ въ виду торопливаго и въ особенности принудительнаго введенія у насъ формъ участковаго хозяйства. Чѣмъ глубже какое-либо преобразование должно проникнуть въ жизнь народа, тѣмъ болѣе нужно для него времени, терпѣнія и послѣдовательной осторожности дѣйствій. Въ замѣчательной статьѣ, напечатанной въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* подъ названіемъ: «Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи», между прочимъ сказано: «Учреждать фермы насильно было бы неосторожно, и мы не совѣтуемъ ни одному помѣщику приступать круто къ этому дѣлу... Но случаи къ необходимому вспоможенію недостаточныхъ крестьянъ представляются, къ несчастію, весьма часто, и можно ими пользоваться, чтобы ввести мало-по-малу распределеніе работъ и почвы, которое есть, по нашему мнѣнію, первое условіе къ будущимъ улучшеніямъ въ земледѣльческомъ быту.» (1) Авторъ другой замѣчательной статьи, помѣщенной въ *Отечественныхъ Запискахъ*, подъ заглавіемъ: «О замѣнѣ обязанной работы наемною», указываетъ, кромѣ того, на возможность введенія у насъ участковаго хозяйства въ формахъ, приспособленныхъ къ нашимъ специальнымъ требованіямъ. Онъ заключаетъ разборъ статьи объ эстляндскихъ крестьянахъ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. «По нашему мнѣнію, при изученіи любого общественнаго вопроса, необходимо прежде изслѣдовать;

(1) № 6, іюнь 1857 года. стр 91 и 92.

какое рѣшеніе получилъ этотъ вопросъ въ другихъ сосѣднихъ странахъ, находившихся въ сходномъ съ нашимъ положеніи, не съ тѣмъ; чтобы, остановившись на одномъ изъ способовъ рѣшенія и признавъ его лучшимъ, перенести цѣликомъ на свою почву, но съ тѣмъ, чтобы, сравнивая чуждое съ своимъ, выбрать изъ перваго только тѣ частности, которыя могутъ подходить подъ обстоятельства, въ которыя поставлена наша страна.» (1) Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе. Мы думаемъ, что экономическія истины едины, какъ всякая истина, но что виды примѣненія этихъ истинъ къ потребностямъ различныхъ государствъ и народовъ могутъ быть столько же различны, сколько различны самыя эти потребности. Мы думаемъ, что начало участковаго землевладѣнія болѣе благоприятствуетъ развитію и процвѣтанію сельскаго хозяйства, чѣмъ начало землевладѣнія общиннаго, и потому отдаемъ преимущество первому надъ послѣднимъ; но мы допускаемъ, что на русской почвѣ это начало должно окончательно облечься въ русскія, а не въ англійскія или какія-либо другія чужеземныя формы. Мы говоримъ *окончательно*, потому что на первый разъ у насъ нѣтъ готовыхъ родныхъ формъ и слѣдовательно первоначальныя попытки по необходимости должны заключать въ себѣ большую долю подражанія, чѣмъ послѣдующія. Но жизненная сила правильнаго начала не замедлитъ и у насъ принять своеобразный видъ и обнаружить самобытное, органическое развитіе.

Одного бѣлаго взгляда на карту Россіи достаточно, чтобы убѣдиться, сколько различныхъ оттѣнковъ могутъ пріобрѣсти, въ разныхъ мѣстностяхъ, проявленіе одной и той же силы и примѣненіе одного и того же кореннаго начала. Подвести съ математическою точностью подъ одинъ нормальный образецъ, устройство поземельныхъ отношеній въ губерніяхъ Псковской, Владимірской, Орловской, Саратовской, Виленской, Волынской, намъ кажется несбыточною мечтою. Есть мѣстности, въ которыхъ возможно учрежденіе участковыхъ усадебъ, отдѣльно, или небольшими группами; въ другихъ мѣстностяхъ эти группы должны быть значительнѣе; въ третьихъ, по затруднительности сообщеній, особенно въ зимнее время, нельзя уклониться отъ сосредоточенія населенія въ болѣе многочисленныхъ деревняхъ и селахъ. Быть-можетъ, что мѣстами обнаружится соединеніе участковаго начала съ общиннымъ, учрежденіе частныхъ пашень при общинныхъ стѣнкахъ и выгонахъ; или прежнее начало сохранить отдѣльное существованіе подлѣ новаго, часть земель распадется на участки, а другая останется въ общинномъ пользованіи, или же участковыя хозяйства начнутъ возникать, по особымъ договорамъ, на пустопорожныхъ земляхъ или на землѣ, нынѣ состоящей въ распоряженіи вотчиннаго хозяйства, между тѣмъ

(1) № VIII, стр. 673.

какъ способъ пользованія такъ-называемою общинною землею не измѣнится. При замѣнѣ обязанной работы наемною, вознагражденіе можетъ производиться или деньгами, или естественными произведеніями, или отводомъ отъ хозяина земли, воздѣлываемой съ помощію хозяйскаго рабочаго инвентаря, или же соединеніемъ разныхъ видовъ платы въ договорной соразмѣрности. Отношенія вотчинника къ новымъ хозяевамъ могутъ опредѣляться то изъ арендномъ основаніи, то на основаніи приобрѣтенія крестьянами земли въ собственность, на правахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Наконецъ ближайшія условія и формы развитія всѣхъ этихъ новыхъ отношеній могутъ быть неисчислимо разнообразны. Въ настоящее время нельзя предусматривать ихъ иначе, какъ въ общихъ, болѣе или менѣе неопредѣленныхъ чертахъ. Мы не только не изучали еще, съ надлежащею подробностью, подобныхъ преобразованій, совершившихся въ другихъ странахъ, но и въ нашемъ собственномъ отечествѣ не собрали достаточнаго числа данныхъ, для полнаго и точнаго опредѣленія современныхъ условій сельскаго быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благонадежной исходной точки замышляемыхъ нами улучшеній. Въ томъ порукою безконечно-разнообразныя теоріи сочинителей проектовъ, и наивный оптимизмъ нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, и безусловный пессимизмъ нѣкоторыхъ писателей, для которыхъ *oratio pro domo* не составляетъ сознательной или бессознательной хозяйственной потребности. Книги, подобныя «Сельско-хозяйственной Статистикѣ Смоленской губерніи» г. Соловьева, статьи, подобныя статьѣ г. Неелова, въ 9 № *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года, появляются рѣдко. Большею частію мы не знаемъ, гдѣ искать вѣрныхъ и подробныхъ наставительныхъ данныхъ о размѣрѣ и видахъ отбываемыхъ повинностей, о сравнительной значительности общиннаго надѣла землею и вотчинныхъ запашекъ, о средней значительности денежнаго оброка, о разныхъ особенностяхъ крестьянскаго хозяйства и видахъ соединенія въ немъ земледѣльческаго труда съ другими промышленными занятіями, то-есть о числѣ большихъ, среднихъ и малыхъ земледѣльческихъ поселеній въ каждой губерніи, о перемѣнахъ, происшедшихъ въ томъ или другомъ отношеніи въ теченіи послѣднихъ десяти или двадцати лѣтъ, о разныхъ опытахъ, предпринятыхъ въ это время съ цѣлію усовершенствованія поземельныхъ отношеній въ частныхъ имѣніяхъ, и о результатахъ этихъ опытовъ и т. п. Почему бы не помѣщать такихъ данныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, по распоряженію губернскихъ начальствъ или дворянскихъ предводителей, по возможности ограничиваясь одними фактами, именами и числами, безъ всякихъ выводовъ или прибавленій, которыя могли бы имѣть видъ полемики? Въ свѣдѣніяхъ и выводахъ, отгненныхъ преднамѣренною полемическою цѣлію, менѣе недостатка, чѣмъ въ безцвѣтныхъ, но вѣрныхъ, многочисленныхъ, и потому

разнообразных снимках съ разныхъ современныхъ явленій нашей экономической жизни. Почему бы и литературно-политическимъ журналамъ нашимъ не открыть у себя особаго статистическаго отдѣла, для помѣщенія въ немъ тѣхъ сухихъ, но по возможности многочисленныхъ и разнородныхъ данныхъ, о которыхъ мы упомянули?

Нашему поколѣнiю предстоитъ трудный, но великій подвигъ. Оно призвано дружно двинуться впередъ на пути усовершенствованiя нашего сельскаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ призвано не забывать, что на необозримомъ пространствѣ Россiи этотъ путь не разъ можетъ развѣтвляться на нѣсколько различныхъ путей, которые тѣмъ не менѣе могутъ сохранять одно главное направление, и на которыхъ могутъ руководить нами одни и тѣ же главные начала движенiя. Время благопрiятствуетъ. Вездѣ замѣтны признаки благихъ начинанiй; и въ самомъ различii сталкивающихся мнѣнiй, въ жарѣ, съ которымъ нынѣ возбуждаются и разсматриваются у насъ историческiе и современные вопросы, заключаются проявленiя новой общественной жизни.

Mens agitat molem et magno se corpore miscet.

Дуббельтъ,
Въ октябрѣ 1857.

Х. Гуфѣйзенбергъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Два европейскiя государства, и притомъ оба протестантскiя, находятся въ настоящее время не совсѣмъ въ нормальномъ положенiи относительно замѣщенiя въ нихъ высшей государственной власти. Какъ уже извѣстно, читателямъ сильное болѣзненное разстройство, сначала короля шведскаго (онъ же и норвежскiй), а потомъ и прусскаго, заставило ихъ на время отказаться отъ исправленiя лежащихъ на нихъ высшихъ государственныхъ обязанностей и передать власть въ другiя руки. Въ Швеции учреждено по этому случаю установленное законами регентство, во главѣ котораго находится наследный принцъ; въ Пруссiи, безъ установленiя регентства, власть короля

делегирована имъ, или предоставлена на время, также наследственному принципу.

Оттого ждали было нѣкоторыхъ переменъ по крайней мѣрѣ во внѣшней политикѣ того и другаго государствъ. Австрія почему-то особенно простирала свои виды на болѣе тѣсный союзъ съ Пруссіей, или лучше сказать съ юнкерскою партіею въ Пруссіи, повидимому разсчитывая на то, что сила и значеніе этой партіи должны много возвыситься вмѣстѣ съ послѣдовавшею переименованіемъ. До сихъ поръ въ распоряженіяхъ прусскаго правительства не замѣтно ничего такого, что бы могло служить къ оправданію подобныхъ видовъ. Прусская политика, вообще не отличающаяся подвижностію, пока остается въ томъ же самомъ положеніи. Во внутреннемъ управленіи делегированная власть наследнаго принца распространилась наконецъ и на послѣднее министерство, до сихъ поръ остававшееся внѣ ея завѣдыванія, т. е. на министерство двора. Но и при этомъ случаѣ не произошло никакихъ личныхъ переменъ. Всѣ канцеляріи остаются въ прежнемъ своемъ составѣ. Проектъ новаго избирательнаго закона, который предполагалось представить въ будущемъ засѣданіи прусской палаты депутатовъ (въ замѣнъ стараго, который отчасти считается уже слишкомъ либеральнымъ), отложенъ до другаго времени. Здоровье короля между тѣмъ начинаетъ нѣсколько поправляться; царственный больной время отъ времени дѣлаетъ уже небольшія прогулки въ экипажѣ. Но въ прусской политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней, не только нѣтъ, но и не предвидится никакой переименованія въ ближайшемъ будущемъ.

Не менѣе случайное шведское регентство ознаменовалось между тѣмъ внесеніемъ въ собраніе государственныхъ чиновъ Швеціи новаго весьма важнаго проекта объ отмененіи прежнихъ стѣснительныхъ законоположеній для свободы вѣроисповѣданія. Этимъ предложеніемъ шведское правительство приобрѣтало новое право на уваженіе со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія. Принявъ предложеніе своего правительства, Швеція сняла бы съ себя по праву лежащій на ней упрекъ въ нетерпимости. Ибо обращеніе изъ протестантизма въ другую религію, хотя бы также христіанскую, до сихъ поръ еще наказывается въ Швеціи депортаціею. Къ сожалѣнію, просвѣщенный голосъ правительства не встрѣтилъ себѣ довольно сочувствія и не нашелъ довольно поддержки своему предложенію въ собраніи государственныхъ чиновъ. Первые пренія о новомъ проектѣ закона происходили въ предварительномъ общемъ собраніи четырехъ сословій. По этимъ преніямъ еще нельзя было предвидѣть никакого определеннаго результата. Если многое сказано было въ духѣ средневѣковой исключительности и нетерпимости, то съ другой стороны произнесено было нѣсколько рѣчей, которыя бы сдѣлали честь всякому просвѣщенному европейскому собранію. Сюда въ особенности

относятся рѣчи: Цедерскіюльда, Гюнтера, Коха, графа Лиліенкранца и другихъ, говорившихъ въ пользу королевскаго предложенія. Затѣмъ дѣло перенесено было на обсужденіе его каждымъ отдѣльнымъ сословіемъ порознь. Теперь уже извѣстны результаты этихъ частныхъ рѣшеній, которыми заранѣе условливается общее. Только среднее сословіе приняло королевское предложеніе большинствомъ 36-ти голосовъ противъ 11-ти; всѣ же прочія сословія отвергли его значительнымъ большинствомъ. Такъ въ высшемъ или дворянскомъ сословіи законъ имѣлъ за себя лишь 78 голосовъ противъ 137; духовенство отвергло его безусловно, а крестьянское сословіе отослало его обратно въ комитетъ съ разными ограниченіями, въ сущности равняющимися почти тому же заключенію. На основаніи этихъ частныхъ рѣшеній можно заранѣе полагать, что королевское предложеніе будетъ отвергнуто и цѣлымъ стортингомъ (шведскимъ сеймомъ), и что Швеція еще нѣсколько времени останется при прежнихъ началахъ нетерпимости.

Какъ же объяснить такой несчастный результатъ для дѣла, столько разумнаго? Откуда происходитъ эта столько замѣтная отсталость Швеціи въ дѣлѣ свободы вѣроисповѣданія? Неужели виною тому одно ея географическое положеніе и отдаленность отъ тѣхъ центровъ, въ которыхъ главнымъ образомъ совершается движеніе европейской мысли? Подобными вопросами особенно заняты нѣмецкіе публицисты. Понятно. Швеція менѣе чужда Германіи, чѣмъ остальному европейскому Западу; Швеція соединена съ Германіею однимъ религиознымъ началомъ, которое въ сущности и есть начало свободы религиозной совѣсти. По замѣчанію одного опытнаго нѣмецкаго публициста, надъ Швеціею сильно еще тяготѣютъ физическія и климатическія условія ея быта. Какъ извѣстно, это одна изъ самыхъ крайнихъ странъ сѣверной Европы. Подъ ея холоднымъ и суровымъ небомъ едва бываетъ отъ 5-ти до 6-ти лѣтнихъ мѣсяцевъ въ году, потому что остальные принадлежатъ зимѣ. Нельзя сказать, чтобъ земля оставалась здѣсь не благодарна къ труду человѣка: на ней съ успѣхомъ произрастаютъ хлѣбъ, ленъ и разные плоды, она обильна рыбою и дичью, она даетъ много мѣховъ, дерева и металловъ, она не менѣе способна и для разведенія скота. Но трудъ въ Швеціи долженъ быть упорнѣе нежели гдѣ-нибудь. Кромѣ невыгодныхъ климатическихъ условій, человѣкъ почти на каждомъ шагѣ долженъ бороться здѣсь съ скалами и камнями. Дорого и трудно достается ему завоеваніе каждаго клочка земли. На поверхности, на которой свободно могли бы помѣщаться отъ 6-ти до 7-ми милліоновъ жителей, до сихъ поръ еще живутъ разсѣянно не болѣе трехъ съ половиною милліоновъ. Человѣкъ далеко еще не успѣлъ покорить труду принадлежащую ему почву, и народонаселеніе Швеціи до сего времени представляется въ видѣ колоніи. Прибавьте къ тому не-

достатокъ удобныхъ сообщеній, и вы не удивитесь, что вдали отъ главныхъ центровъ, въ горныхъ захолустьяхъ, за лѣсами и болотами, доселѣ господствуютъ первоначальная грубость и невѣжество. Туда не проникаетъ почти ни одинъ лучъ современнаго просвѣщенія, и старья преданія держатся тамъ съ неизмѣннымъ упорствомъ, противъ котораго безсильна самая смѣна однихъ поколѣній другими.

Такъ, несмотря на протестантскій характеръ Швеціи, отъ старой борьбы ея съ католицизмомъ могла до сей поры удержаться въ ней прежняя религіозная исключительность. Новый страхъ мормонновъ, которымъ удалось пріобрѣсть въ Швеціи нѣсколько прозелитовъ, также не мало способствовалъ къ поддержанію того же предубѣжденія. Но, кажется намъ, и самый составъ шведскаго законодательнаго собранія много вредитъ успѣху всякаго добраго начинанія. Шведскій стортингъ, или сеймъ, до сихъ поръ остается на той несовершенной степени, дальше которой не пошла средневѣковыя учрежденія, по крайней мѣрѣ на континентѣ Европы, въ стремленіи къ народному представительству. Они представляли собою не народъ, а интересы отдѣльныхъ сословій. Въмѣсто того чтобы способствовать сліянію, они поддерживали, питали отдѣльность и часто даже противоположность этихъ интересовъ. Такъ и на шведскомъ стортингѣ, въ каждомъ дѣлѣ каждое сословіе произноситъ свое отдѣльное рѣшеніе, конечно на основаніи своихъ отдѣльныхъ интересовъ и свойственныхъ ему понятій. Даже тѣ предварительныя общія совѣщанія, которыя предшествуютъ здѣсь разсужденіямъ и подачѣ голосовъ по сословіямъ, есть лишь недавнее нововведеніе. Принявъ принципъ общенароднаго представительства, безъ отношенія къ сословіямъ, Швеція не имѣла бы нужды, при выборѣ представителей, ограничиваться недостаточными средствами каждаго класса, взятаго порознь, и могла бы для всѣхъ нихъ найдти достойныхъ представителей въ цѣлой массѣ народонаселенія. Что въ ней нѣтъ недостатка въ образованныхъ людяхъ, доказательствомъ служитъ то большинство, которое нашлось въ среднемъ сословіи, чтобы подать голосъ въ пользу новаго проекта закона. Распределите такихъ просвѣщенныхъ представителей между всею націею и избавьте ее отъ необходимости посылать на сеймъ отсталыхъ людей, потому только, что они принадлежатъ къ извѣстному сословію, тогда, мы не сомнѣваемся, результатъ общаго рѣшенія былъ бы совсѣмъ иной. Но пока Швеція остается при своемъ старомъ порядкѣ, трудно ожидать, чтобы предложенія, вытекающія изъ современныхъ потребностей цѣлаго общества, имѣли въ ней успѣшный ходъ и находили себѣ сочувствіе въ большинствѣ представителей сословій, столько упорныхъ въ своихъ предразсудкахъ и преслѣдующихъ прежде всего свои частныя интересы.

Обратимся къ свободной игрѣ чисто конституціонныхъ учрежденій тамъ, гдѣ они есть.

Мы сообщали уже нашимъ читателямъ объ общемъ интересѣ, который возбудили новые выборы въ Сардинскомъ королевствѣ. Кандидаты крайней правой стороны, игравшіе ничтожную роль на прежнихъ выборахъ и получившіе мало голосовъ въ свою пользу, вступили на этотъ разъ въ серьезное соперничество съ кандидатами либеральными разныхъ оттѣнковъ. Въ настоящее время бѣльшая часть выборовъ уже окончена, и мы можемъ извѣстить результаты, къ которымъ они привели. Вообще надобно сказать, что выборы велись чрезвычайно упорно и горячо; несмотря на то, все кончилось въ необыкновенномъ порядкѣ. Консервативная партія никогда не владела такъ искусно своимъ оружіемъ, какъ въ этотъ разъ. Сначала, по оплошности ли, или по недостатку дисциплины въ противникахъ, клерикальная партія успѣла было сорвать въ свою пользу нѣсколько лишнхъ выборовъ. Три пятыхъ избранныхъ кандидатовъ принадлежатъ партіи министерской, остальные двѣ пятыхъ—оппозиціи. Всѣ министры, Кавуръ, Ратацци, мин. внутреннихъ дѣлъ, и Ланца, народнаго просвѣщенія, снова выбраны значительнымъ большинствомъ, а генералъ Ламармора—единогласно. Делла, Маргерита, глава крайней правой стороны, былъ избранъ въ 4 округахъ и баллотируется въ нѣсколькихъ другихъ. Вообще Савоя и Лигурія доставили значительное подкрѣпленіе крайней правой сторонѣ, но это вовсе не значитъ еще, чтобъ она одержала верхъ. Изъ ста шестидесяти выборовъ, результаты которыхъ въ настоящее время уже извѣстны, правая крайняя сторона считаетъ своихъ 50, на долю лѣвой приходится не болѣе 10 голосовъ; остальные всѣ принадлежатъ либераламъ-консерваторамъ, явно сочувствующимъ кабинету. Члены крайней лѣвой стороны въ органѣ своемъ *Dirito*, испуганные новымъ успѣхомъ клерикальной партіи, изъявили торжественное признаніе, что всѣ приверженцы ихъ единогласно подадутъ свои голоса въ пользу министерства. Это можетъ служить характеристическимъ фактомъ настоящихъ выборовъ, вполне дающимъ понятіе о политическомъ состояніи Сардинскаго королевства. Любопытно взглянуть на общественный составъ новыхъ членовъ парламента, опредѣляющій въ нѣкоторомъ отношеніи характеръ этого собранія. Бѣльшая часть членовъ его принадлежитъ къ тому кругу людей, который не обнаруживаетъ особенныхъ способностей къ рѣшенію финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что существенные вопросы настоящаго времени касаются почти исключительно податей, финансовъ, промышленности, публичныхъ работъ и т. д., предметовъ, требующихъ спеціального знакомства съ ними и нѣкоторой опытности.

Новые выборы не внесли никакого важнаго измѣненія во взаимное отношеніе партій, остающихся каждая въ своей силѣ. Министерство, по словамъ *Opinione*, остается вѣрно политикѣ, которой оно

слѣдовало до настоящаго времени, и продолжаетъ опираться на центръ лѣвой стороны; лѣвая сторона окончательно соединилась съ партіею министерства. Кромѣ трехъ выборовъ на островѣ Сэрданн и 4 двойныхъ выборовъ, всѣ депутаты палаты уже извѣстны. Количественное отношеніе партій остается то же самое. *Opinion* формально объявляетъ, что правительство не желаетъ дѣлать никакихъ уступокъ крайней правой сторонѣ и будетъ стараться поддерживать единство между различными оттѣнками либераловъ. Это объявленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ.

Банкетъ, который дали избиратели 7 туринскаго избирательнаго округа въ честь Брофферіо, послужитъ къ нѣкоторому сближенію различныхъ оттѣнковъ лѣвой стороны. На немъ присутствовали многіе депутаты крайней лѣвой стороны и лѣваго центра; они побратались среди общихъ рукоплесканій избирателей.

Едва только рѣшила Бельгія трудную задачу составленія новаго либеральнаго министерства, какъ вотъ уже предстоитъ ей рѣшить другую, можетъ-быть болѣе затруднительную. Результаты предстоящихъ выборовъ только тогда будутъ полнымъ и настоящимъ выраженіемъ общаго мнѣнія государства, когда жители городовъ и деревень принесутъ съ собою въ выборную залу двойное сознаніе своихъ правъ и своего долга, и подадутъ свои голоса единственно подъ внушеніемъ своихъ политическихъ убѣжденій и своей совѣсти. Къ несчастію, на дѣлѣ не всегда бываетъ такъ, ибо заинтересованныя партіи, воодушевляя однихъ, приобрѣтая благосклонность другихъ, прибѣгаютъ часто къ такимъ средствамъ, которые не могутъ быть оправданы строгою законностью; но въ Бельгіи трудно подкупить избирателей: ихъ надо убѣдить; а потому политическія партіи не могутъ дѣйствовать здѣсь деньгами, а должны стараться подѣйствовать прежде всего на умы избирателей. Въ этомъ заключается особенный характеръ борьбы, происходящей теперь на бельгійскихъ выборахъ. Вотъ почему въ настоящее время нельзя придавать никакого значенія той неумѣренности въ чувствахъ и словахъ, которую расточаютъ нѣкоторые органы политическихъ партій. Сами авторы этихъ рѣчей хорошо знаютъ, что они переступаютъ границы благоразумія и справедливости. А между тѣмъ и либералы и католики преслѣдуютъ другъ друга сильными ожесточенными обвиненіями. Первые, обращаясь къ избирателямъ, стараются увѣрить ихъ, что если католики одержатъ верхъ, то это будетъ символомъ, что Бельгія возвращается назадъ къ мрачнымъ предразсудкамъ среднихъ вѣковъ и къ кровожадности инквизиціи. Другіе устрашаютъ общество призракомъ террора 93 года! Къ счастью, и тѣ и другіе самую крайность своею обличаютъ свою несостоятельность. Въ наше время, и въ такомъ государствѣ, какъ Бельгія, только что заявившая свою политическую мудрость, такіа

крайности не приведутъ ни къ какому благопріятному результату; благо-разуміе избирателей сумѣетъ конечно рѣшить дѣло сообразно съ выгодами не отдѣльныхъ партій, а цѣлаго общества. Такіе кризисы не новость для Бельгіи: благоразуміе короля, политической разумъ государственныхъ людей и здравый смыслъ всего бельгійскаго насе-ленія помогли уже государству счастливо рѣшить одну задачу и миновать грозившую ему опасность. Нѣтъ сомнѣнія, что и настоящій кризисъ разрѣшится также благопріятно.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Роже, разослалъ къ губернаторамъ провинцій циркуляръ, который съ одной стороны служитъ отвѣтомъ католической партіи, съ другой въ краткихъ словахъ опредѣляетъ политику и направленіе новаго кабинета. Всѣ жалобы, предъявленныя католическою партіей, рассмотрѣны въ немъ и опровергнуты съ рѣдкою твердостью и умѣренностью. Что касается до политическаго взгляда кабинета, то онъ есть чисто національный; стремясь къ поддержа-нію и сохраненію существующаго порядка, кабинетъ внимательно прислушивается ко всѣмъ нравственнымъ и матеріальнымъ потребно-стямъ народонаселенія. Неприкосновенность правъ государства и неза-висимость гражданской власти—вотъ первыя обязанности, которыя на-лагаютъ на себя новое министерство. На сколько эти стремленія кабине-та отвѣчаютъ желаніямъ и нуждамъ государства,—это должно рѣшить избирательное собраніе. Но можно сказать, что чѣмъ сильнѣе и дѣя-тельнѣе будетъ поддержка со стороны этого послѣдняго, тѣмъ легче будетъ для кабинета исполнить свой долгъ, и тѣмъ болѣе самая власть будетъ гарантирована противъ будущихъ кризисовъ, наруша-ющихъ общественную безопасность и благосостояніе. Этотъ мани-фестъ министра внутреннихъ дѣлъ послужилъ предметомъ многихъ комментаріевъ и толковъ въ различныхъ журналахъ. Полуофициальныя французскія газеты высказали къ нему свое полное сочувствіе. Они одобряютъ ту умѣренность, подъ вліяніемъ которой написанъ этотъ циркуляръ. Бельгійцы поймутъ, говорятъ они, какъ необходимо для нихъ, чтобы эта умѣренность высказывалась во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и избирательнаго собранія. Избирательная урна сто-итъ слишкомъ близко къ престолу, чтобы могла послужить поводомъ къ новымъ раздорамъ. Если всѣ партіи будутъ одинаково стремиться къ поддержанію учреждений, сохраненію порядка и высшей власти, то конечно борьба эта окончится не побѣдою той или другой сто-роны, а мирнымъ разрѣшеніемъ ихъ на пользу общаго дѣла.

О послѣднихъ остъ-индскихъ событіяхъ съ каждою почтою получаютъ новыя дополнительныя извѣстія. Всего интереснѣе изъ нихъ тѣ, которыя относятся къ героическому подвигу Гевлока. О послѣднемъ походѣ его отъ Канпура къ Лакнау, вотъ что сообщаютъ между прочимъ въ Бомбейской газетѣ (*Bombay Times*). Извѣстно, что еще въ началѣ августа Гевлокъ предпринималъ походъ изъ Канпура для освобожденія лакнауской резиденціи. Но онъ скоро принужденъ былъ воротиться назадъ, потому что небольшой отрядъ его былъ слишкомъ ослабленъ болѣзнями. Однако 16-го августа онъ уже снова выступилъ съ 1300 человекъ и 14 пушками изъ Канпура противъ непріятеля, который находился при Биторѣ (*Bithur*). Въ дѣлѣ, которое произошло здѣсь, непріятельское войско было разбито и потеряло всѣ свои пушки. И на этотъ разъ впрочемъ Гевлокъ счелъ за нужное воротиться послѣ побѣды обратно въ Канпуръ. При его малыхъ силахъ самая незначительная потеря была для него очень чувствительна. Между тѣмъ холера продолжала свирѣпствовать въ обезсиленномъ его отрядѣ. Для предводителя его это было время самаго тяжелаго испытанія. Отъ лакнаузкаго гарнизона получено было извѣстіе, что онъ сможетъ держаться по крайности лишь до 23-го сентября; Гевлокъ рвался на выручку ему, но не могъ сдѣлать ни одного шага изъ Канпура, пока не былъ подкрѣпленъ свѣжими силами. Только 13-го сентября подошелъ къ нему генералъ Отремъ съ своимъ подкрѣпленіемъ, выдержавши напередъ при Феттепорѣ (*Futtehpur*) горячій бой съ непріятелемъ, который былъ наконецъ загнанъ имъ въ рѣку и большею частию истребленъ. Соединившись съ Отремомъ, Гевлокъ немедленно выступилъ вновь по направленію къ Гангу. 16-го сентября онъ началъ наводить мостъ черезъ рѣку. Непріятель съ своей стороны выслалъ 3 полка пѣхоты, 2 эскадрона конницы и одну полевую баттарейю, чтобы разрушить мостъ и помѣшать переправѣ; но удачнымъ дѣйствіемъ англійской артиллеріи всѣ они скоро принуждены были обратиться въ бѣгство. 18-го числа Англичане заняли островъ, лежащій на серединѣ теченія рѣки, а 19-го весь отрядъ перешелъ на другую ея сторону. Завязавшееся здѣсь авангардное дѣло стоило непріятелю двухъ пушекъ. Второе нападеніе послѣдовало 21-го при Мунгарварѣ (*Mungarwar*), при чемъ сипай потеряли еще 4 пушки и большое число убитыми. Этотъ и слѣдующій за тѣмъ день употреблены были Гевлокомъ для преслѣдованія непріятеля въ разныхъ направленіяхъ и очищенія окрестной страны. Уже 22-го въ Лакнау могли различать выстрѣлы англійской артиллеріи, а 25-го нарочно сдѣланъ былъ большой залпъ изъ пушекъ, чтобы извѣстить осажденныхъ о приближеніи помощи. Но чтобы проникнуть въ цитадель, освободителямъ надо было еще пробиваться вдоль занятаго непріятелемъ города, при чемъ имъ пришлось выдерживать упорное сопротивленіе. Это было въ то самое время, какъ

непріятель уже приготовилъ два подкопа для взрыва. 26-го взяты были штурмомъ непріятельскія баттарей, направленныя противъ крѣпости, при чемъ генералъ Нейль былъ убитъ, а Отремъ получилъ легкую рану. 29-го занята была правая сторона города, при чемъ побѣдителямъ досталось 7 пушекъ, и захваченъ въ плѣнъ Менъ-Сингъ (Man-Singh), одинъ изъ главныхъ предводителей мятежниковъ въ Аудскомъ королевствѣ. На томъ останавливаются бомбейскія извѣстія.

Любопытны отношенія между двумя генералами, которымъ принадлежитъ честь спасенія лакнауускаго гарнизона отъ голода и избиенія. Изъ нихъ Отремъ есть старшій по чину, и ему по праву должна была принадлежать команда надъ послѣднею экспедиціей къ Лакнау. Но онъ, прибывъ въ Канпуръ, издалъ приказъ, въ которомъ назначилъ Гевлока главнымъ начальникомъ соединенныхъ силъ, а самъ изъявилъ желаніе слѣдовать за нимъ на походъ въ качествѣ гражданскаго чиновника и вмѣстѣ волонтера. Гевлокъ дѣйствительно принялъ команду надъ цѣлымъ отрядомъ, а Отремъ, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, вызвался вести противъ него волонтеровъ и при первомъ нападеніи отбилъ у него двѣ пушки. Кстати приведемъ слѣдующій случай, недавно бывшій въ Лондонѣ. Королевская фамилія находилась въ придворномъ театрѣ. Музыка сыграла Гевлокъ-маршъ, публика потребовала его повторенія. Тогда капельмейстеръ указалъ публикѣ на одну даму, сидѣвшую въ ложѣ: зрители громкими рукоплесканіями выразили свое удовольствіе... Леди Гевлокъ, ибо это была она, могла отвѣчать только слезами. По послѣднимъ извѣстіямъ, освободитель Лакнау удостоенъ королевою титла баронета Лакнауускаго, въ то же самое время, какъ Вильсонъ, за взятіе Дельги, пожалованъ бэрнетомъ Дельгійскимъ.

Есть также нѣсколько дополнительныхъ извѣстій о событіяхъ, какъ предшествовавшихъ взятію Дельги, такъ и сопровождавшихъ его. Послѣднія еще очень недостаточны и не имѣютъ пока другаго источника, кромѣ частной корреспонденціи, но въ Европѣ занялись ими съ особеннымъ вниманіемъ. Пущенное въ ходъ одною англійскою газетою (*Morning-Star*) извѣстіе о томъ, будто послѣ взятія Дели побѣдители перерѣзали всѣхъ найденныхъ въ немъ жителей, съ удивительною быстротою распространилось по всѣмъ европейскимъ журналамъ. Всѣ сѣншили выразить свое человѣческое сочувствіе къ безжалостно-погибшимъ и излить потокъ негодованія на безчеловѣчныхъ варваровъ, позорившихъ европейское имя. На другой же день по полученіи извѣстія, одинъ журналъ напечаталъ по этому поводу цѣлую статью подъ названіемъ «*Les massacres de Delhi*». Кто-то объявилъ, что жестокости Англичанъ въ Дельги превзошли самыя гнусныя дѣла Нена-Сзгиба и т. д.

Все это было бы весьма почтенно, еслибы дѣло шло о событіяхъ,

подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ такомъ случаѣ всѣ образованные люди, ни мало не колеблясь, пристали бы къ порицателямъ Англіи. Развѣ военное безчеловѣчіе въ наше время можетъ еще быть вопросомъ? развѣ возможно какое-нибудь раздѣленіе мнѣній тамъ, гдѣ дѣло идетъ о повальномъ избіеніи жителей цѣлаго города? Но тутъ какъ нарочно не доставало никакихъ официальныхъ до-несеній. Первые дни всѣ извѣстія объ убійствахъ въ Дельги, какъ мы уже сказали, основаны были на отрывкѣ изъ одного частнаго письма, сообщенномъ газетою *Morning-Star*, извѣстнымъ органомъ манчестерской партіи, которая понесла столь сильное пораженіе при послѣднихъ выборахъ въ англійскій парламентъ. Отчего извѣстная часть европейской журналистики не хотѣла обратить никакого вниманія на это обстоятельство? Отчего она какъ будто спѣшила воспользоваться недостаткомъ другихъ извѣстій? — Мы боимся сказать нашу мысль, но намъ кажется, что въ этой поспѣшности сказалось худо скрытое удовольствіе, что вотъ-де какъ великая нація компрометируетъ себя передъ цѣлымъ міромъ. Не будь этого чувства, не зачѣмъ было бы торопиться сообщеніемъ публикѣ сомнительныхъ извѣстій, журналистикѣ ничего не стоило бы пріудержать свои взгляды по крайней мѣрѣ до повѣрки однихъ извѣстій другими. Филантропическое чувство всегда имѣло бы время высказать свои справедливыя требованія.

Между большими органами французской журналистики, сколько намъ извѣстно, только одинъ *Journal des Débats* умѣлъ воздержаться отъ всякихъ излишествъ и сохранить приличный тонъ по поводу первыхъ извѣстій о событіяхъ въ Дельги. Онъ молчалъ о нихъ нѣкоторое время, конечно въ ожиданіи болѣе положительныхъ извѣстій; онъ не обвинялъ и не оправдывалъ завоевателей Дельги, пока ни для того, ни для другаго не было достаточныхъ оснований. Отъ него не укрылись между тѣмъ особенности въ положеніи Англичанъ въ Индіи; отъ него не ускользнула также эта характеристическая ихъ черта, что они сами возбуждаютъ противъ себя общественное мнѣніе, слишкомъ громко и безъ всякой утайки привыкнувъ говорить о такихъ своихъ дѣйствіяхъ, которыя у другихъ обыкновенно облакаются тайною тотчасъ по совершеніи. Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно Европейцу, при настоящемъ его положеніи въ Индіи, сохранить обычное хладнокровіе и не поддаться злой страсти. Послѣ отрашнаго избіенія Англичанъ въ Канпурѣ пришелъ туда отрядъ горныхъ Шотландцевъ (Гайлендеровъ). Легко представить себѣ, какое зрѣлище ожидало ихъ въ этомъ ненавистномъ городѣ. Но они еще владѣли собою, пока не встрѣтили тамъ же страшно-заувѣченные остатки одной изъ дочерей генерала Уилера. При видѣ ихъ Гайлендеры пришли въ ту неистовую ярость, противъ которой безсильно всякое убѣжденіе. Они окружили трупъ несчастной дѣ-

вупки, отделили от него голову, и потомъ сняли съ нея всё волосы. Жажда мщениа внушила имъ страшную мысль. Каждый изъ нихъ, взявъ себѣ особый локонъ, счелъ въ немъ всё волосы до послѣдняго, и потомъ всё они на мѣстѣ же поклонясь другъ другу— сколько каждому изъ нихъ досталось волосъ несчастной жертвы, отмстить за нее такимъ же числомъ Индійцевъ.

О происшествiяхъ въ Дельги продолжали между тѣмъ приходить одно за другимъ новыя извѣстiя. За письмомъ одного офицера послѣдовалъ цѣлый рядъ ихъ, и всё они печатались постепенно въ разныхъ англiйскихъ журналахъ. Эти извѣстiя тоже рисуютъ не очень отрадную картину запустѣлаго города, покинутаго его жителями, но не даютъ никакого повода думать, чтобы запустѣнiе произошло отъ избiенiя. Нѣкоторые корреспонденты напротивъ представляютъ мирное народонаселенiе Дельги удаляющимся изъ города безъ всякаго преслѣдованiя. Другiе, упомянувъ о нѣкоторыхъ частныхъ излишествахъ, спiшгать впрочемъ прибавить, что вообще европейскiе солдаты вели себя съ большою умѣренностiю, чѣмъ можно было ожидать и требовать отъ нихъ по обстоятельствамъ. Одно письмо даже положительно утверждаетъ, что въ Дельги кромѣ сипаевъ не было другихъ убитыхъ, и что женщины и дѣтей никто не тронулъ даже пальцемъ. Офицiального характера не достаеъ этимъ извѣстiямъ, равно какъ и самому первому; но мы думаемъ, что по самой меньшей мѣрѣ надобно приписать имъ, вмѣстѣ взятымъ, хотя равный съ нимъ вѣсъ и значенiе. Но въ такомъ случаѣ во что же превращаются журнальные возгласы о повальныхъ убiйствахъ въ Дельги? Какой смыслъ получаютъ всё эти горячiя тирады о безпощадной свирѣпости завоевателей Дельги, которыя въ томъ только случаѣ и стоили бы вниманiя, когда бы основаны были на несомнѣнномъ фактѣ? Вотъ почему, кажется намъ, выжидательная политика журнала *des Débats* пригодилаь здѣсь болѣе кстати, чѣмъ преждевременныя наступательныя дѣйствiя другихъ политическихъ изданiй.

Истинно положительныя свойства народа не представляются въ такомъ сомнительномъ свѣтѣ. Они проступаютъ ясно и опредѣленно даже сквозь самыя неблагопрiятныя обстоятельства. Напримѣръ, непопулярность лорда-намѣстника въ Индiи — не между туземцами, а между самими Англичанами — не подлежить болѣе никакому сомнѣнiю. Чѣмъ чаще англiйскiе министры принуждены говорить въ его пользу въ Англии, тѣмъ болѣе чувствуется, какъ сильно упалъ онъ въ послѣднее время въ общественномъ мнѣнiи. А гдѣ причина такого паденiя? въ недостаткѣ ли предусмотрительности со стороны намѣстника, который не умѣлъ предупредить возстанiя? Но этотъ недостатокъ у лорда Каннинга почти общiй съ цѣлымъ правительствомъ. Его довольно-гуманныя мѣры противъ плѣнныхъ сипаевъ также не могли послужить поводомъ къ неудовольствiю, еслибы оно

не было заложено прежде. Корень злу въ той мѣрѣ, которая предшествовала другимъ, и съ которою въ Англіи дѣйствительно несомнѣстима никакая популярность. Это прекращеніе свободнаго книгопечатанія въ Индіи на время возстанія. Англійская мысль не мирится съ подобною мѣрою, хотя бы она была только временною. Свободная пресса такъ же необходима для нея, какъ воздухъ для дыханія. Съ закрытіемъ ея печать теряетъ въ глазахъ Англичанина всякое достоинство. Онъ перестаетъ вѣрить въ правду, и тѣмъ съ большею жадностію начинаетъ собирать мрачные слухи на сторонѣ. Сознаваясь даже, что непріятель могъ бы нерѣдко воспользоваться признаніями свободной журналистики для своихъ выгодъ, Англичанинъ однако видитъ въ этой ея нескромности меньшее зло, чѣмъ въ ограниченіи ея свободы. Лорду Каннингу не возвратитъ своей популярности, пока англійское книгопечатаніе въ Индіи не возвратитъ своей обычной свободы, которая стала уже его натурою.

Извѣстія о движеніи войскъ, вышедшихъ изъ Дельги для преслѣдованія непріятеля, положительно благоприятны для Англіи. Полковникъ Гретгедъ (Greathead) съ одною колонною, состоящею изъ 3000 человекъ (изъ которыхъ впрочемъ лишь половина — Европейцы), идетъ по пятамъ сипаевъ, которые удаляются отъ него по направленію къ Аудскому королевству. Онъ уже имѣлъ съ ними три встрѣчи при Болонджурѣ, Элихорѣ (Allughur) и Агрѣ, и вездѣ побилъ ихъ на голову. Говорятъ, что при Агрѣ только, они потеряли до 2000 человекъ, да кромѣ того всѣ обозы, всѣ пушки. Дальнѣйшій планъ Гретгеда состоитъ въ томъ, чтобы идти отсюда до самаго Лакнау, на соединеніе съ Гевлокомъ, который и безъ того уже получилъ новыя подкрѣпленія изъ Канпура. Когда же Гевлокъ соединится съ колонною Гретгеда, у него будетъ не менѣе 7000 человекъ. Вообще пессимистамъ не удалась и эта послѣдняя ихъ попытка представить Гевлока, послѣ недавнихъ дѣйствій его подъ Лакнау, не только въ затруднительномъ, но даже и въ крайне-опасномъ положеніи. Мы должны прибавить, что войска, отправленныя еще лѣтомъ изъ Англіи, мало-по-малу начинаютъ прибывать къ берегамъ Индіи, и конечно еще болѣе ускорятъ развязку дѣла, которое и безъ того идетъ къ своему окончанію.

Изъ Франціи мы не имѣемъ никакихъ особенно важныхъ новостей; всѣ извѣстія ограничиваются одними болѣе или менѣе вѣроятными толками, касающимися вопроса о Дунайскихъ княжествахъ. Дипломатическій корпусъ, послѣ кратковременнаго пребыванія своего въ Компьенѣ, по приглашенію императора, снова собрался въ Парижъ въ полномъ своемъ составѣ. Сношенія между министрами чрезвычайно дѣятельны. Пребываніе графа Валевскаго, гр. Киселева, лорда Коули и графа Гатцфельда въ компьенскомъ дворцѣ, не могло пройти даромъ; оно возбудило всеобщее любопытство, поддерживаемое еще

болѣе журналами и газетами. Говорили, что министры нарочно приглашены были для переговоровъ о княжествахъ; нѣкоторые успѣли даже провѣдать самыя тайны этихъ переговоровъ и увѣряютъ, что прусскій министръ высказалъ свои возраженія противъ политическаго соединенія княжествъ. Эти извѣстия быстро разнесены были газетами и журналами и подали поводъ къ безконечнымъ толкамъ и разговорамъ. Нѣкоторыя газеты, увидавши, что зашли слишкомъ далеко, начали говорить о неосновательности этихъ слуховъ. Въ этомъ свиданіи, говорили онѣ, не скрывалось никакой задней политической цѣли со стороны императора, и вопросъ о княжествахъ, имѣющій поступить на разсмотрѣніе будущихъ парижскихъ конференцій, не только не былъ, но и не могъ быть обсуждаемъ здѣсь, по той уже причинѣ, что въ Компьенѣ было много постороннихъ лицъ, приглашенныхъ императоромъ.

Какъ бы то ни было, но такія увѣренія газетъ суть не болѣе какъ уловка, которую употребили онѣ, чтобы скрыть свою первую оплошность. Если вопросъ о княжествахъ не былъ предметомъ официальныхъ совѣщаній, то во всякомъ случаѣ онъ былъ предметомъ домашнихъ, такъ сказать, переговоровъ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неестественнаго. Стоить только вспомнить, что большая часть рѣшеній великихъ европейскихъ вопросовъ внѣшняго вѣка, были подготовлены на такихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ, а потомъ уже поступали на общее разсмотрѣніе конгрессовъ и конференцій. Весьма естественно, что въ Компьенѣ были подготовлены нѣкоторые пункты взаимнаго соглашенія, окончательное рѣшеніе которыхъ все-таки зависитъ отъ парижскихъ конференцій.

Датско-голландскій вопросъ пока не подвинулся много впередъ.

Въ тотъ же день, какъ перенесено было на общій германскій сеймъ дѣло о герцогствахъ, о чемъ сообщали мы нашимъ читателямъ въ прошломъ обзорѣ, Ганноверъ сдѣлалъ два представленія, изъ которыхъ въ одномъ предлагаетъ поручить разсмотрѣніе этого дѣла особой комиссіи, а во второмъ не считать мѣртъ, принятыхъ Давіей, обязательными ни для самого сейма, ни для княжествъ, ибо такое обязательство противорѣчило бы какъ правамъ федераціи, такъ и всѣмъ бывшимъ трактатамъ. Согласно съ этимъ представленіемъ, наряжена была въ засѣданіи 12 ноября особая комиссія, которая поручила баварскому представителю взять на себя редакцію ея рапорта. Промежуткомъ времени отъ 12 до 19 воспользовалась комиссія для составленія своего перваго рапорта, который и былъ представленъ въ засѣданіи 19 числа. Согласно съ заключеніемъ этого послѣдняго, германскій сеймъ положилъ потребовать отъ Давіи отвѣтъ на представленіе Лауэнбурга; этотъ отвѣтъ долженъ быть приобщенъ къ тѣмъ матеріаламъ, которые послужатъ основаніемъ для окончательнаго рѣшенія комиссіи. Если все сооб-

щаемое о дѣятельности комиссіи и сейма, вполне подтвердится, то Германію можно будетъ поздравить хотя съ нѣкоторымъ началомъ этого дѣла. Въ дополненіе къ этимъ извѣстіямъ можно приложить отзывъ англійскаго консула въ Лейпцигѣ Варда, сообщаемый копенгагенскимъ корреспондентомъ газеты *Aftenblad*. Этотъ консулъ былъ посланъ лордомъ Кларендономъ въ герцогства для разсмотрѣнія положенія, въ которомъ находятся эти послѣднія. Онъ представилъ въ особомъ сочиненіи результаты своей поѣздки. Вардъ предлагаетъ три возможныхъ рѣшенія запутаннаго датскаго вопроса: 1) Данія до рѣки Эйдера, или отдѣленіе Голштиніи и Лауэнбурга отъ всего королевства; 2) раздѣленіе Шлезвига; это старый проектъ лорда Пальмерстона; 3) Шлезвигъ-Голштейнъ, какъ одно отдѣльное государство. Первое изъ этихъ рѣшеній онъ самъ отвергаетъ какъ несогласное съ практикою; послѣднія два онъ предлагаетъ на выборъ англійскимъ министрамъ. Бухананъ, англійскій министръ въ Копенгагенѣ, которому вручилъ Вардъ свое мнѣніе, равно какъ и другіе агенты Англій, находящіеся здѣсь и принадлежащіе къ противникамъ партіи эйдерской, единогласно подали свои мнѣнія противъ образованія Эйдерскаго государства.

Не сходя съ германской почвы, мы должны упомянуть еще объ открытіи палатъ въ Дрезденѣ 16 числа нынѣшняго мѣсяца. Король, лично присутствовавшій при этомъ открытіи, произнесъ торжественную рѣчь, въ которой живо представилъ положеніе Германіи вообще и Саксоніи въ особенности въ послѣднее время, по окончаніи всеобщей войны; указалъ на признаки обнаружившагося сближенія отдѣльныхъ членовъ Германскаго Союза; сказалъ о нѣкоторыхъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ послѣднее время, и заключилъ свою рѣчь такими словами: горячее участіе, которое принималъ народъ какъ въ общихъ событіяхъ государства, такъ и въ моихъ домашнихъ происшествіяхъ, служить для меня прекраснымъ доказательствомъ того, что всѣ семейныя дѣла королевскаго дома онъ считаетъ, какъ и прежде, для себя близкими. Да поможетъ вамъ Богъ рѣшить предстоящую вамъ трудную задачу такъ, какъ требуетъ того благосостояніе нашего отечества.

Вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ остается передовымъ вопросомъ европейской политики. Мы видѣли уже, къ какимъ толкамъ онъ подалъ поводъ во Франціи по случаю компенсаціи министровъ; на другомъ концѣ Европы онъ послужилъ предметомъ цѣлаго ряда интригъ со стороны Австріи. Мы сообщимъ здѣсь ложныя опасенія, распускаемыя австрійскими газетами, которыя всѣми мѣрами стараются оправдать поведеніе Порты относительно княжествъ и поставить на видъ необходимость вооруженнаго вмѣшательства ея. Послѣднія извѣстія изъ Яссъ и Бухареста, сказано въ одной изъ нихъ, такъ важны для Порты, что эта послѣдняя вынуждена принять энергическія мѣры для

огражденія правъ султана и поддержанія общественнаго порядка въ самыхъ княжествахъ. *Говорятъ, что диваны Яссъ и Бухареста имѣютъ намѣреніе установить провизорное правительство въ обоихъ Дунайскихъ княжествахъ.* Такой поступокъ былъ бы для Порты сигналомъ къ вооруженному занятію Молдавіи и Валахіи. Уже за вѣрное выдавали, что походъ Омера-паши къ Багдаду отиѣняется, и что онъ самъ получаетъ начальство надъ обсервационнымъ корпусомъ, который будетъ находиться въ областяхъ, прилежащихъ къ нижнему Дунаю, и двинется въ Дунайскія княжества немедленно по полученіи на то приказанія. Исмаилъ-паша, сераскиръ Румелии, утверждали дадѣе тѣ же газеты, будетъ имѣть главную квартиру въ Монастирѣ и займетъ позицію на границахъ Черногоріи, чтобы положить конецъ притязаніямъ князя Данила. Такія извѣстія австрійскихъ газетъ сами изобличаютъ себя своею неправдою. Впервыхъ проектъ о составленіи провизорнаго правительства лишенъ всякаго дѣйствительнаго основанія; сама газета, распускающая такіе слухи, какъ бы не увѣрена въ ихъ дѣйствительности и свою апологію Порты замаскировала словомъ «говорятъ». Поведеніе дивановъ до сихъ поръ было всегда благоразумно и умѣренно, и можно надѣяться, что и на будущее время они удержатся на пути, предписываемомъ строгою законностью, чтобы не попасть въ засаду, такъ неискусно подготовленную имъ агентами австрійскими. Положимъ даже, что Румыны, отличающіеся безпокойнымъ и нѣсколько страстнымъ характеромъ, на самомъ дѣлѣ увлеклись до того, что рѣшились на возстаніе, то и въ такомъ случаѣ Порта не имѣетъ права вооруженнаго вмѣшательства и не можетъ занять княжествъ, не получивъ на то согласія дворовъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. 27 статья договора, не требующая никакихъ комментаріевъ, прямо и ясно опредѣляетъ эти отношенія. Она говоритъ: *Вооруженное вмѣшательство не можетъ имѣть ни въ какомъ случаѣ мѣста безъ предварительнаго согласія другихъ державъ.* Во всякомъ случаѣ, какъ бы мало уваженія ни обнаруживала Австрія къ статьямъ парижскаго трактата, она должна отказаться отъ своей интриги противъ княжествъ, или считаться нарушительницею трактата 30 марта. Что касается до Порты, то она начала играть въ слишкомъ опасную для себя игру. Видно, что этой интригою оба правительства стараются перетолковать и преувеличить всякое ничтожное движеніе въ княжествахъ и воспользоваться имъ. Но врядъ ли удастся имъ такая интрига.

Новое министерство въ Ипсани начинаетъ понемногу опредѣляться и обнаруживать признаки жизни. Генералъ Бустильо, морской министръ, выказываетъ дѣятельность болѣе другихъ. Онъ внесъ нѣкоторыя полезныя измѣненія въ управленіе своимъ департаментомъ, упростивъ дѣлопроизводство. Увѣряютъ, что министръ финансовъ Монъ также принимается за нѣкоторыя преобразованія по своей отрасли

управленія. Вообще политика кабинета высказывается все болѣе и болѣе. Выборъ гражданскихъ губернаторовъ въ различные департаменты показываетъ, что министерство думаетъ примирить крайности различныхъ партій—планъ, не удѣвшийся ни одному кабинету. Между новоизбранными губернаторами можно видѣть много лицъ, принадлежащихъ къ той части умѣренной партіи, которая въ 1854 году подняла знамя возмущенія, то-есть къ викальваризму. Большинство принадлежитъ къ консервативной партіи. За исключеніемъ въ-которыхъ лицъ вообще можно сказать, что выборъ сдѣланъ удачно.

Кризисъ финансовый продолжается, и потому повсюду принимаются мѣры для предотвращенія недостатка звонкой монеты въ обращеніи.

Положеніе англійскаго банка значительно улучшилось. Мы уже упоминали о томъ, что онъ увеличилъ обороты свои, выпустивъ вновь билетовъ на 4,000,000 ф. ст. По закону 1844 года, опредѣляющему размѣры его оборотовъ, онъ можетъ выпускать ихъ на 14 милл., имѣя только третью часть этой суммы звонкою монетою для раздѣла ихъ. Остальное количество ихъ, превышающее сумму 14 милл., должно быть обезпечено наличною монетою. Это-то послѣднее постановленіе и было отмѣнено при настоящемъ кризисѣ, такъ что теперь обороты его простираются до 30 милл. ф. ст. Векселей къ учету поступаетъ много, но за то много и уплачивается по нимъ, такъ что банкъ не стѣсненъ въ своихъ операціяхъ. Запасъ звонкой монеты въ послѣднее время уменьшился; потому что отправлено было значительное количество ея въ провинціальныя банки.

На биржѣ мало колебаній; но за то банкротства продолжаются; въ промышленности застой; съ фабрикъ распущено много работниковъ. Въ Ноттингэмѣ они держали митингъ, послѣ котораго наиболѣе несчастные между ними произвели смятеніе въ городѣ; сдѣлано было нѣсколько попытокъ разграбить богатѣйшіе магазины. Особенно сильнымъ нападеніямъ подвергались хлѣбныя лавки. Меръ города объявилъ, что правительство доставитъ сильнымъ работу, а слабымъ денежное вспоможеніе. Подобнаго рода волненія происходили и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Во Франціи дѣла точно въ такомъ же положеніи; на биржѣ колебаній мало; но банкротства продолжаются. Мы уже упоминали въ прошломъ номерѣ Русскаго Вѣстника о письмѣ императора, въ которомъ онъ обѣщалъ принять энергическія мѣры противъ угрожающаго кризиса. Въ настоящее время эти мѣры пока состоятъ въ слѣдующемъ: Нужно, чтобы работы на желѣзныхъ дорогахъ не останавливались; правительство желаетъ, чтобы банкъ ссудилъ компаніямъ сумму въ 250 милл. франковъ подъ залогъ ихъ акцій, которыя онъ можетъ пускать въ продажу по мѣрѣ надобности. На первый разъ будетъ имъ выдана только пятая часть всего займа.

Затруднительность положенія чувствуется вездѣ, но особенно сильно проявляется въ главнѣйшихъ центрахъ всемірной торговли. Изъ торговыхъ нѣмецкихъ городовъ кризисъ всего болѣе обнаруживается въ Гамбургѣ. Тамъ начинается чувствоваться отсутствіе всякаго кредита; обязательства торговыхъ домовъ наиболѣе почтенныхъ не принимаются къ учету. Сюда является особенно много векселей на Лондонъ изъ Швеціи. Гамбургъ всегда былъ посредникомъ въ торговлѣ Швеціи и Норвегіи съ Англійей. Гамбургскіе банкиры уплачивали обязательства, получаемыя шведскими торговыми домами отъ англійскихъ. Теперь протестованные векселя, говорятъ, совершенно наводнили Гамбургъ.

Что же касается до мелкихъ германскихъ банковъ, положеніе ихъ не улучшилось и врядъ ли можетъ улучшиться. Одно изъ главныхъ постановленій франкфуртскихъ конференцій было то, чтобы банки не выпускали билетовъ свыше фонда, служащаго обезпеченіемъ ихъ билетовъ. Но это постановленіе не можетъ увеличить довѣрія къ нимъ публики. Сумма ихъ билетовъ далеко не достигаетъ величины фонда обезпечивающаго ихъ. Въ 1856 году она простиралась до 31 милл., между тѣмъ какъ фондъ ихъ равнялся 42 милл. тал. Стало-быть многіе изъ нихъ совершенно лишніе и не были вызваны къ существованію никакою дѣйствительною потребностію.

Кромѣ финансоваго кризиса Германію постигло еще другое несчастіе. Сильно пострадалъ одинъ изъ большихъ ея городовъ. Въ Майнцѣ произошла страшная катастрофа. Взлетѣла на воздухъ башня, въ которой сохранялось отъ 150 до 200 центнеровъ пороху. Нѣсколько улицъ совершенно разрушены; подъ развалинами домовъ погребены сотни труповъ. Обломки камней носились въ воздухѣ; падая на землю, поражали людей; пробивали крыши и убивали людей въ домахъ. Отъ сильнаго потрясенія въ окнахъ перетрескались всѣ стекла; въ комнатахъ попадали картины и зеркала со стѣнъ. Причина взрыва неизвѣстна. Говорятъ, что въ лабораторіи, которая находилась тутъ же, не работали, и что въ ней даже никого и не было. Слѣдовательно, порохъ загорѣлся самъ собою.

Высочайше утвержденнымъ 21-го октября мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено, что отнынѣ присяга на вѣрность службы приносится чинами военными и гражданскими только при вступленіи ихъ первоначально въ службу и при поступленіи на оную вновь изъ отставки; при производствѣ же въ чины и при назначеніи на новыя мѣста, или въ другія должности, она не повторяется. Сія правила не

распространяются токмо на тѣ должности и званія служебныя и не-служебныя, для коихъ дѣйствующими законами положительно установлены особыя клятвенныя обѣщанія, каковы суть: должности и званія членовъ государственнаго совѣта и чиновниковъ государственной канцеляріи, почетныхъ опекуновъ опекунскихъ совѣтовъ, членовъ военно-судныхъ комиссій и прочія; лица, назначаемыя въ сіи званія, приводятся къ присягѣ, по опредѣленнымъ для того формамъ, сообразно съ настоящимъ порядкомъ, кромѣ однакожъ чиновъ межевыхъ, которые при поступленіи на службу даютъ присягу по общей для гражданскаго вѣдомства опредѣленной формѣ, а къ присягѣ по особой, приложенной къ ст. 278-й Свода Законовъ Межевыхъ, формѣ приводятся лишь вторые члены межевыхъ конторъ въ указанныхъ сею статьею случаяхъ, именно когда на нихъ возлагаются обязанности опекуновъ при межеваніи дачъ малолѣтнихъ.

— Назначены: членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Груберъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Исправляющій должность кутаисскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частію, состоящій по армейской кавалеріи, генераль-майоръ Колюбакинъ 2-й — управляющимъ Мингреліею и предсѣдателемъ учрежденнаго для управленія оною совѣта.

Господинъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ изволилъ отдать въ Тифлисъ слѣдующіе приказы по корпусу:

Октября 23-го. «Одинъ изъ владѣльцевъ Сванетіи, гвардіи ротмистръ князь Константинъ Дадешкаліанъ, за нанесеніе тяжкихъ ранъ кутаисскому генераль-губернатору, генераль-лейтенанту князю Гагарину, и убійство при этомъ же случаѣ титулярнаго совѣтника Ильина и переводчика прапорщика Арди-Швили, предается военному суду, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, при кутаисскомъ гарнизонѣ, съ содержаніемъ подъ арестомъ, съ тѣмъ, чтобы судъ былъ конченъ въ 24 часа.

«О чемъ объявляю по войскамъ Высочайше вѣреннаго миѣ корпуса.»

Октября 31-го. «Одинъ изъ сванетскихъ владѣльцевъ, гвардіи ротмистръ князь Дадешкаліанъ, по произведенному надъ нимъ военно-судному дѣлу, оказался виновнымъ: въ убійствѣ кутаисскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта князя Гагарина, состоявшаго при немъ чиновника особыхъ порученій, титулярнаго совѣтника Ильина и прапорщика Арди-Швили, а также въ нанесеніи раны повару князя Гагарина Клирову. — А потому я конфирмовалъ: подсудимаго князя Дадешкаліана казнить смертію—разстрѣлять, совершивъ казнь эту въ г. Кутаисѣ, съ соблюденіемъ предписанныхъ въ законѣ правилъ.

«Объявляя по войскамъ Высочайше вѣреннаго миѣ корпуса, пред-

писываю приказъ этотъ прочесть при собраніи ротъ, батарей, эскадроновъ, казачьихъ сотень и другихъ отдѣльныхъ командъ.»

Октября 28-го происходилъ въ Кутаисѣ обрядъ погребенія тѣла князя Александра Ивановича Гагарина. 20-го октября пораженный тремя ударами кинжала убіицы, въ собственномъ своемъ кабинетѣ, гдѣ занимался дѣлами, князь скончался, послѣ жестокихъ страданій, 25-го числа, въ 5 часовъ пополудни. Никакія усилія науки не могли спасти его жизни.

Прахъ начальника провожали до мѣста вѣчнаго покоя не одни жители города. Извѣщаютъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ частей Имеретіи, Гуріи и Мингрелии, князья, дворные и люди всѣхъ сословій съѣхались, чтобы отдать послѣдній долгъ браннымъ останкамъ князя.

— Для развитія торговли и промышленности на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря, учрежденъ при Петровской крѣпости портовый городъ Петровскъ, и дарованы нѣкоторыя льготы и преимущества лицамъ, желающимъ тамъ селиться.

— Заимствуемъ изъ «Морскаго Сборника» краткія извѣстія объ успѣхахъ Николаевского порта на устьѣ рѣки Амура.

По 6-е юлія 1857 года, въ Николаевскѣ, было въ приходѣ шесть судовъ съ товарами: два изъ Бостона: барки «Берингъ» въ 376 тоннъ и «Мессенджеръ-бергъ» въ 418 тоннъ; два изъ Гонъ-Кона, барка «Бернгамъ» въ 247 тоннъ, и шкуна «Дженераль-Пирсъ» въ 114 т., два изъ Санъ-Франсиско, шкуна «Люисъ-Перри» въ 130 тоннъ, и тендеръ «Камчадалъ». На всѣхъ привезены съѣстные припасы, мануфактурныя издѣлія и колоніальныя товары, цѣною по фактурамъ на 382,090 р. с.

Для сообщенія съ внутренностью материка принимаются также дѣятельныя мѣры.

Ноября 18-го 1856 г., въ первый разъ раздался на Амурѣ звонъ почтоваго колокольчика: г. военный губернаторъ, контръ-адмиралъ Казакевичъ, съ нѣкоторыми лицами штаба своего, выѣхалъ на трехъ тройкахъ изъ Николаевского поста въ Маринскій постъ. Конная ѣзда тройками, явленіе небывалое еще на р. Амурѣ, привлекало туземцевъ къ нашимъ почтовымъ станціямъ (1); быстрая перемѣна лошадей, а еще болѣе самая ѣзда, говорятъ, сдѣлали на этотъ разъ всегда смѣлыхъ Гиляковъ крайне-почтительными; они не могли себѣ представить, чтобы можно было доѣхать отъ Чорбахъ (Николаевскій постъ) до Кизи (Маринскій постъ) съ небольшимъ въ сутки. По возвращеніи г. военного губернатора въ Николаевскій постъ, началось правильное зимнее сообщеніе по р. Амuru, на пространствѣ 320 верстъ отъ устья (1).

(1) До сего времени сообщеніе совершалось на собакахъ; станцій не было, и проѣзжающіе останавливались въ гиляцкихъ юртахъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года на американскомъ купеческомъ клиперѣ «Еигора» были доставлены въ Николаевскій постъ, два желѣзныхъ разобранныхъ парохода, одинъ въ 66, другой въ 35 силъ (они названы «Амуръ» и «Лена») и нѣсколько станковъ для механическаго заведенія. Въ теченіе зимы пароходы были собраны, и, мая 21-го пароходъ «Лена» спущенъ на воду, а 25-го числа уже пошелъ съ почтою и небольшимъ грузомъ купеческихъ товаровъ въ Маринскій постъ. Мая 31-го утромъ пароходъ «Лена» оставилъ рейдъ Маринскаго поста, имѣя назначеніе доставить почту, купеческій грузъ и 40 солдатъ въ Усть-Стрѣлочный караулъ, находящійся въ самой вершинѣ р. Амуръ, при слияніи рѣкъ Шилки и Аргуни. До сего времени по теченію р. Амура проходили въ полную воду: пароходъ «Аргунь», выстроенный на р. Шилкѣ, и паровой катеръ «Надежда», который въ 1855 году могъ подняться вверхъ только до рѣки Буринда, впадающей въ Амуръ недалеко отъ Албазина; обыкновенное сообщеніе по теченію рѣки было на баркахъ, плотахъ и лодкахъ маньчжурской постройки, а вверхъ по рѣкѣ только на маньчжурскихъ лодкахъ, преимущественно бичевою. Пароходъ «Лена» первый пароходъ, успѣшно поднявшійся въ малую воду вверхъ по рѣкѣ отъ Николаевскаго поста до рѣки Шилки, то-есть до самой вершины р. Амуръ. Пароходъ этотъ въ первомъ плаваніи своемъ углублялся $3\frac{1}{2}$ фута и сдѣлалъ переходъ на разстояніи 3,000 верстъ въ 30 дней; плаваніе это было продолжительно, потому что не было сдѣлано еще на пути запаса топлива, отчего необходимо было останавливаться болѣе нежели на сутки для рубки дровъ судовыми средствами, и затѣмъ, сдѣлавъ запасъ ихъ на трое сутокъ, пароходъ имѣлъ постоянно пару вдвое менѣе надлежащаго, ибо дрова были совсѣмъ сырыя. Съ этихъ поръ началось правильное лѣтнее сообщеніе на всемъ протяженіи р. Амуръ отъ устья до вершины. Въ семъ году сообщеніе по рѣкѣ содержали казенные пароходы «Лена» и «Амуръ»; съ будущаго же года число пароходовъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности, и съ этою цѣлю уже заказано въ Америкѣ нѣсколько желѣзныхъ пароходовъ, которые будутъ доставлены на р. Амуръ въ слѣдующую навигацію. Открытіе правильнаго сообщенія по р. Амуру и болѣе подробное ознакомленіе съ лиманомъ ея, по которому проходятъ суда въ рѣку съ Тихаго Океана и Охотскаго моря, быстро и совсѣмъ измѣнили бытъ служащихъ въ томъ краѣ: все необходимое доставляется нынѣ изъ Забайкальской Области и изъ Америки, за довольно-умѣренную цѣну. Хлѣбъ, чай, рогатый скотъ, домашнія птицы, лошади, кожи, табакъ Черкасскій, водка, овчинныя шубы, сукно, офицерскія вещи

(1) На остальномъ пространствѣ отъ Маринскаго поста до Усть-Стрѣлочнаго караула, станціи устраиваются.

и многіе другіе подобныя предметы доставляются по рѣкѣ изъ Сибири; бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи, готовое гражданское платье, сапоги, бѣлье, мѣдныя и желѣзныя вещи, посуда кухонная и столовая, хрусталь, мебель, пряности, сахаръ, патока, виноградныя вина, презервованные фрукты, сигары, и проч. т. п. изъ Америки, и въ такомъ количествѣ, что въ нынѣшнемъ году, отъ избытка нѣкоторыхъ завезенныхъ въ Николаевскій портъ предметовъ торговли, уже сдѣланъ первый опытъ обмена товаровъ между нашими русскими купцами и Американцами; такъ наша забайкальская солонина вывезена Американцами на продажу въ порты Тихаго Океана, а американскій сахаръ и сигары доставлены въ Иркутскъ. Туземцы, съ своей стороны, снабжаютъ Русскихъ свѣжею рыбою, дикими гусями и утками, куропатками, рябчиками и лѣсными ягодами, какъ-то: морошкою, брусникою, клюквою, голубицею, малиною и земляникою; огородные овощи разводятся на мѣстѣ, какъ русскими переселенцами, такъ и служащими въ томъ краѣ, и въ настоящее время многіе уже составляютъ запасы овощей на всю зиму.

— Гвардіи капитану Геннадію Николаевичу Львову разрѣшено устроить пассажирно-буксирное пароходство на рѣкахъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ. Главнѣйшимъ образомъ учредитель имѣлъ въ виду, посредствомъ рѣкъ Москвы и Оки, открыть пароходное сообщеніе между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, соединить и сблизить два эти города, столь важные и въ торговомъ, и въ народномъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединить посредствомъ пароходовъ и Москву съ Волгою, а также замѣнить нынѣ существующій способъ доставки груза посредствомъ барокъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, а иногда и людьми-бурлаками. Нѣтъ сомнѣнія, что пароходство по Москвѣ и Окѣ можетъ имѣть огромное вліяніе и на пониженіе цѣнъ на дрова въ столицѣ, открывая возможность доставлять ихъ изъ болѣе далекихъ мѣстъ съ меньшимъ затрудненіемъ.

Учредителемъ пароходства по Москвѣ и Окѣ уже заказано нѣсколько пароходовъ и необходимое къ нимъ число баржъ, и одинъ изъ этихъ пароходовъ, сдѣланный въ Петербургѣ, на заводѣ Томсона, и предназначенный исключительно для города Москвы, въ началѣ сентября былъ доставленъ въ Москву по желѣзной дорогѣ, собранъ здѣсь, и, по сборѣ корпуса, 10-го октября, спущенъ на Москву рѣку близъ Краснохолмскаго моста.

Какъ рѣка Москва по мелководью не дозволяетъ имѣть пароходы, сидящіе глубоко, то нужно было дать пароходному корпусу такое очертаніе, чтобы онъ, поднимая извѣстный грузъ, имѣлъ наименьшую осадку. Этотъ вопросъ, какъ можно судить по осадкѣ (въ $2\frac{1}{2}$ вершка) нынѣ спущеннаго въ воду парохода (безъ машины), удовлетворительно разрѣшенъ, такъ что, съ постановкою машины и котла, осадка парохода будетъ такова, что плаваніе по рѣкѣ Москвѣ будетъ возможно. Спущенный на воду пароходъ предназначается для

машины въ 30 силъ, длина парохода $18\frac{1}{2}$ саж., ширина 2 саж.; внутри будутъ устроены каюты, весьма удобныя для помѣщенія пассажировъ.

— Журналъ Акціонеровъ представляетъ слѣдующій списокъ вновь проектированныхъ обществъ, которыя будутъ имѣть цѣлью улучшение способовъ сообщенія и средствъ къ перевозкѣ: 1) Общество пароходства по Каспійскому морю и Куръ; 2) Общество желѣзной дороги отъ Рыбинска до станціи Бологое; 3) Общество вольныхъ почтъ по всей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго, Закавказья, Лифляндской и Эстляндской губерній, предполагающее соединить съ учрежденіемъ почтовой гонимы промышленность извоза, съ капиталомъ отъ 10 до 30 милл. р. сер.; 4) Общество пассажирнаго и буксирнаго пароходства по рр. Шекснѣ, Волгѣ, Ока, Камѣ и ихъ притокамъ, подъ фирмою «Навда», съ капиталомъ въ 500 тыс. р. сер.; 5) Общество пароходнаго сообщенія по Ладожскому и Онежскому озерамъ съ ихъ притоками, преимущественно по рр. Невѣ и Свирѣ, а равно по рр. Шекснѣ и Волгѣ, подъ фирмою «Сѣверное пароходство», съ капиталомъ въ 1 милл. р. сер.; 6) Общество для перевозки пассажировъ и буксирования судовъ по рр. Волгѣ, Камѣ и Шекснѣ, подъ фирмою «Нептунъ», съ капиталомъ въ $1\frac{1}{2}$ милл. р. сер.; 7) подъ тою же фирмою Общество для усиленія пароходнаго сообщенія по рѣкамъ Волгѣ, Ока и Камѣ и ихъ притокамъ, съ капиталомъ въ 100 тыс. руб. сер.; 8) Общество пароходства по р. Днѣстру, съ капиталомъ въ 250 тыс. рубл. сер.; 9) Общество пассажирнаго и буксирнаго пароходства по рр. Сѣверной Двинѣ, Сухонѣ, Югу, Лузѣ и Вычегдѣ. Учредители, вслѣдствіе составившагося другаго подобнаго проекта, въ видахъ общей пользы, согласились соединиться въ одно общество, подъ фирмою «Сѣверная Двина», съ капиталомъ въ 450 тыс. р. сер.; 10) Общество для перевозки изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ и обратно грузовъ посредствомъ пароходовъ и судовъ, подъ фирмою «Транзитъ», съ капиталомъ въ 300 тыс. р. сер.; 11) Общество пароходства по р. Днѣпру съ притоками, между г. Могилевомъ и Кременчугомъ, съ капиталомъ въ 500 тыс. р. сер. Рѣка Днѣпръ и ея главные притоки, Березина и Припеть, представляютъ естественные пути для сбыта мѣстныхъ продуктовъ и для доставки необходимыхъ потребностей почти для всѣхъ губерній югозападной Россіи. Несмотря на всѣ трудности и крайнюю медленность, съ которыми въ настоящее время сопряжены провозъ грузовъ по этимъ рѣкамъ, перевозится по нимъ товаровъ ежегодно на сумму 12,500,000 руб. сер.; въ томъ числѣ одной соли до 3 милл. пудовъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Въ послѣдніе дни получены съ разныхъ сторонъ весьма любопытныя и важныя извѣстія. Но какъ они дошли до насъ пока только телеграфическимъ путемъ, то мы и не можемъ воспользоваться ими для нашей лѣтописи. Повторимъ ихъ пока вслѣдъ за газетами въ краткомъ видѣ.

— Самую капитальную новость составляетъ открытіе засѣданій англійскаго парламента. Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю, королева коснулась всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ, занимающихъ въ настоящее время общее мнѣніе въ Англии. Прежде всего парламенту представленъ будетъ билль о облеченіи въ законную силу тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, которыя были приняты министерствомъ вслѣдствіе кризиса. Упомянуто о послѣднихъ успѣхахъ англійскихъ войскъ въ Индіи, и выражена надежда, что прибытіе подкрѣпленій положитъ скорый конецъ возстанію. На разсмотрѣніе парламента представлены будутъ бумаги, относящіяся къ индійскимъ дѣламъ. Наконецъ упомянуто также о возможныхъ перемѣнахъ въ той части англійскаго законодательства, которая относится къ избранію народныхъ представителей. Вотъ уже сколько новаго и чрезвычайно-важнаго матеріала для законодательной дѣятельности парламента! О засѣданіи, происходившемъ въ ночи съ 4-го на 5-е декабря, также получены краткія извѣстія. Парламентъ утвердилъ министерское распоряженіе въ пользу англійскаго банка. Пальмерстонъ объявилъ, что начатыя съ Австріею переговоры объ устройствѣ телеграфическаго сообщенія до Средиземнаго моря и отсюда до Индіи, прерваны со стороны Англии. По словамъ того же министра, задержаніе въ Неаполѣ двухъ англійскихъ механиковъ, бывшихъ на пароходѣ Кальери, не можетъ послужить предлогомъ ко вѣднательству. Они содержатся хорошо, и имъ не будетъ отказано въ помощи адвокатовъ.

— Засѣданія французскаго законодательнаго собранія открылись еще нѣсколькими днями прежде. Всѣ впрочемъ согласны въ томъ, что отъ того они нисколько не выиграли въ важности. Рѣчь президента посвящена была изображенію блеска и величія Франціи въ трудныхъ обстоятельствахъ и, говорятъ, имѣла успѣхъ. Изъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, выбранныхъ въ законодательное собраніе, Оливье, Даримонъ и Генонъ приняли присягу, а Карно съ Гудшо отказались дать ее, на прежнихъ основаніяхъ. За исключеніемъ этого обстоятельства, въ засѣданіяхъ почтеннаго собранія до сихъ поръ не произошло ничего замѣчательнаго.

— Однимъ изъ послѣднихъ распоряженій французскаго правительства столько извѣстная газета *Presse* запрещена впредь на два мѣсяца. Ее обвиняютъ въ какихъ-то возгласахъ къ демократическимъ страстямъ. Такимъ образомъ во французской публицистикѣ стало на нѣкоторое время однимъ независимымъ органомъ еще менѣе.

— Королевское семейство въ Испаніи увеличилось прибавленіемъ сына и наследника. Это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что до сихъ поръ королевѣ не доставало наследника, и титуло, обыкновенно соединяющееся съ его званіемъ, носила до сего времени ея старшая дочь. Теперь оно по праву должно перейти къ сыну.

— Въ Мексикѣ произведенъ очень важный политическій переворотъ: президентъ республики Комонфортъ провозглашенъ диктаторомъ. Говорятъ, будто правительство вынуждено было на этотъ шагъ интригами мѣстнаго духовенства, которымъ будто бы не совсѣмъ чужда была и Испанія.

— Извѣстный сѣвероамериканскій предводитель флибустьеровъ, Уокеръ, недавно захваченный вашингтонскимъ правительствомъ и получившій опять свободу лишь вслѣдствіе представленнаго денежнаго обезпеченія, вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ изъ Нью-Орлеана, и добравшись до парохода, который дождался его въ открытомъ морѣ, отправился вмѣстѣ съ 300 или 400 вновь набранныхъ флибустьеровъ къ обычной цѣли своихъ набѣговъ, то-есть къ Никарагуѣ. Нельзя не пожалѣть объ этой бѣдной республикѣ: она опять должна принимать у себя незваныхъ гостей, которые идутъ разорать ее, чтобы потомъ сдѣлаться ея властителями!

— Очень важная депеша получена изъ Гамбурга. Собраніе гражданъ положило ссудить учетному банку 15 милліоновъ марокъ. Въ распоряженіе банка на другой же день должны поступить на 5 милліоновъ марокъ акцій желѣзныхъ дорогъ изъ Берлина въ Гамбургъ и изъ Гамбурга въ Бергсдорфъ, а для полученія остальныхъ 10 милліоновъ серебряною монетою въ скорѣйшемъ времени ведутся уже дѣятельные переговоры въ чужихъ краяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

ВОСПИТАНІЯ.

НА 1858 ГОДЪ.

Предпринявъ въ текущемъ году изданіе журнала, впервые у насъ специально посвященнаго воспитанію, мы находились, сознаемся откровенно, подъ вліяніемъ самыхъ тревожныхъ мыслей о судьбѣ, его ожидающей. Съ одной стороны, мы не могли быть увѣрены, въ какой степени встрѣтимъ сочувствіе общества, котораго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія такъ разнообразны, такъ неопредѣленны и несосредоточенны; а съ другой, мы не знали, въ какой мѣрѣ окажутъ намъ содѣйствіе своими трудами наши ученые и лица, посвятившія себя педагогической дѣятельности. Быстрый успѣхъ изданія превзошелъ наши, даже самыя смѣлыя, надежды, какъ числомъ подписчиковъ, такъ и обиліемъ статей, полученныхъ нами для помѣщенія въ журналъ.

Чуждые всякой самоувѣренности, мы вполне понимаемъ, что успѣхомъ своимъ журналъ нашъ много обязанъ появленію въ ту счастливую эпоху, когда дѣло воспитанія юношества обратило на себя общее вниманіе, среди другихъ животрепещущихъ современныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что направленіе и взглядъ Редакціи «Журнала для Воспитанія» удовлетворилъ, по возможности, ожиданіямъ публики, которая удостоила особеннымъ вниманіемъ и одобреніемъ многія изъ помѣщенныхъ въ журналъ нашею статей. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы подъ вліяніемъ успѣха, Редакція не сознавала недостатковъ своего изданія, которыхъ она не могла предотвратить или устранить въ первый годъ его существованія. Напротивъ того, Редакція, наученная опытомъ и ближе ознакомясь съ требованіями своихъ читателей, сама хорошо сознаетъ многіе пробѣлы и недосмотры, которыхъ она, разумѣется, во второй годъ существованія журнала постарается избѣгнуть.

Многія улучшенія по учебной части, въ особенности по военно-учебнымъ заведеніямъ, свидѣтельствуютъ о современной эпохѣ благодѣтельныхъ реформъ въ этой важной государственной отрасли; а какъ всё хотя, нѣсколько слѣдившіе за направленіемъ «Журнала для Воспитанія», могли видѣть, что мы не отдѣляемъ семейнаго воспитанія отъ общественнаго, — образованія (обученія) отъ воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ слова, полагая, что одно должно подготовлять къ другому, что одно обусловливается другимъ, и только отъ

тѣснаго союза обоихъ можно ожидать благодѣтельныхъ результатовъ, — то отсюда очевидно прямое предназначеніе нашего изданія сдѣлаться необходимымъ и вполне полезнымъ руководствомъ для родителей, воспитателей и преподавателей, при воспитаніи дѣтей всякаго возраста и пола, какъ въ семействѣ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, отъ высшихъ до сельской школы.

Оставаясь вѣрною своимъ началамъ и образу взгляда, принятымъ не по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ, но порожденнымъ близкимъ и многолѣтнимъ ознакомленіемъ съ дѣломъ воспитанія, какъ со стороны теоретической, такъ и практической, — Редакція будетъ попрежнему неутомимымъ поборникомъ воспитательныхъ идей, оправданныхъ опытомъ и современнымъ состояніемъ науки, возставая открыто противу всего ложнаго и вреднаго въ дѣлѣ воспитанія. Цель ея стремленій, ея честолюбія состоитъ въ томъ, чтобы принадлежать къ числу ревностныхъ и полезныхъ дѣятелей современной реформы, вызванной многозначительными словами нашего Монарха: *«да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію!»*

Такимъ образомъ «Журналъ для Воспитанія» и въ будущемъ 1858 году будетъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, какъ въ текущемъ; но, желая сдѣлать свое изданіе вполнѣ практическимъ и примѣннымъ къ русскому быту, — Редакція обратитъ особое вниманіе на тѣ вопросы, изъ ея сферы, которые наиболѣе требуютъ у насъ скорѣйшаго и тщательнѣйшаго обсуждения, и притомъ приметъ за непремѣнное правило избѣгать статей отвлеченныхъ, сухихъ и неудобоприложимыхъ на практикѣ.

Никакихъ другихъ обѣщаній Редакція не дѣлаетъ. Находя совершенно излишнимъ исчислять имена своихъ сотрудниковъ, она считаетъ лишь долгомъ упомянуть, что лица, вызванныя «Журналомъ для Воспитанія» на поприще педагогической литературы и занявшія уже въ ней видное мѣсто, общали ей въ будущемъ 1858 году свое полезное сотрудничество, въ которомъ, въ концѣ концовъ, не откажутъ и всѣ сочувствующіе дѣлу и направленію нашего журнала.

Слѣдуя указаніямъ опыта, Редакція считаетъ болѣе удобнымъ программу «Журнала для Воспитанія» распределить, въ 1858 году, по слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Собственно воспитаніе. Воспитаніе тѣлесное; уходъ за дѣтьми въ здоровомъ и больномъ состояніи. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, эстетическаго вкуса и правилъ нравственности въ дѣтяхъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для дѣтей обоого пола. Критическое обозрѣніе педагогическихъ системъ. Исторія воспитанія.

II. Образованіе общественное и домашнее, мужское и женское. Наставленія и руководства какъ для элементарныхъ занятій, такъ и систематическаго обученія (Дидактика). Обзоръ извѣстнѣйшихъ методовъ преподаванія. Проекты для организациі новыхъ учебныхъ заведеній. Исторія просвѣщенія и исторія учебныхъ заведеній.

III. Разказы педагогическаго содержанія, физиологическіе очерки наставниковъ и воспитанниковъ. Воспоминанія изъ школьной жизни. Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ.

IV. *Педагогическое обозрѣніе*. Подробное изложеніе, съ критическою оцѣнкою, лучшихъ произведеній современной педагогической литературы.

V. *Критика и бібліографія*. Болѣе или менѣе подробный разборъ всѣхъ сочиненій по части воспитанія, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія, русскихъ и иностранныхъ.

VI. *Воспитательныя вопросы*. Критическія статьи, касающіяся различныхъ современныхъ вопросовъ въ дѣлѣ воспитанія, съ цѣлью раскрывать недостатки русскаго воспитанія.

VII. *Педагогическій сборникъ*. Довольно полное извлеченіе изъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ статей педагогическаго содержанія, напечатанныхъ въ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и журналахъ. Педагогическіе афоризмы.

VIII. *Педагогическій вѣстникъ*. Всякаго рода извѣстія по части воспитанія, какъ отечественныя, такъ и иностранныя. Нововведенія, касающіяся воспитанія, устройства и содержанія учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Лѣтопись всѣхъ новыхъ узаконеній и распоряженій по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ всѣхъ вѣдомствъ. Награды и перемѣны въ составѣ лицъ, служащихъ по воспитательной и учебной части.

IX. *Смѣсь*. Общеполезныя свѣдѣнія. Хозяйственныя замѣтки. Діетическія и гигиеническія правила для руководства родителей и наставниковъ. Открытія и изобрѣтенія, касающіяся домашняго быта.

Само собою разумѣется, что объемъ «Журнала для Воспитанія» не дозволитъ, чтобы во всякой книжкѣ выходились статьи по каждому изъ означенныхъ отдѣловъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіи года, Редакція ни одного изъ нихъ не упуститъ изъ вида.

«Журналъ для Воспитанія», въ 1858 году, по примѣру нынѣшняго года, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ семи до восьми листовъ въ каждой. Книжки 1857 г., каждая не менѣе 8 листовъ, могутъ служить удостовѣреніемъ, какъ поступаетъ Редакція въ этомъ отношеніи; аккуратность же выхода журнала доказывается выпущенными №№, изъ которыхъ ни одинъ не опоздалъ противу мѣсячнаго срока, какъ видно изъ указаній о времени выпуска книжекъ, сдѣланныхъ на оберткѣ «Журнала для Воспитанія».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ 6 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 8 руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отъ гг. иногородныхъ, кромѣ Москвы и Тифлиса, *исключительно* въ Редакціи Журнала для Воспитанія.

Въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. А. Исакова, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Католической Церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ П. Я. Улитиной, въ зданіи Университета, на Моховой.

Въ Тифлисѣ: у книгопродавца Г. В. Беренштама.

Гг. иногородные благоволятъ надписывать на своихъ требованіяхъ: *въ Редакцію Журнала для Воспитанія*; точно такъ же должны быть адресованы статьи и письма.

Редакторъ и издатель А. А. Чумиковъ.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И
СВЯТОСЛАВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

*Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской Им-
пографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,*

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ во имя святыхъ первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла въ С. Петербургѣ. Сочин. Н. Новоселова. Съ планами. Спб. 1857. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

ПАМЯТНИКЪ ТРУДОВЪ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 до 1853 года. Соч. А. Стурдза. М. 1857. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 2 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ сочиненій К. А. Неволіна. Томы 1-й и 2-й. Энциклопедія законовѣднія. Съ портретомъ автора. Спб. 1857. Ц. за 2 тома 5 р., съ пер. 6 р.

СБОРНИКЪ новѣйшихъ свѣдѣній о ручномъ ОГНЕСТРѢЛЬНОМЪ ОРУЖІИ, для г. пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ русской арміи. Изданъ съ Высочайшаго соизволенія при управленіи инспектора оружейныхъ заводовъ. Съ 70-ю полнотипажамы и 10-ю чертежами. Спб. 1857. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Историческо-статистическое **ОБОЗРѢНІЕ ТОРГОВЫХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ КИТАЕМЪ**. Соч. А. Корсака. Казань. 1857. Ц. съ пер. 3 р. 50 коп.

НОВИКОВЪ и **ШВАРЦЪ**. Матеріалы для исторіи русской литературы въ концѣ XVIII вѣка. Соч. М. Лонгинова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЗАВОЛЖСКІЕ ОЧЕРКИ. Практическіе взгляды и разказы графа Н. С. Толстаго. (Продолженіе Заволжской части Макарьевского уѣзда Нижегородской губерніи.) М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ Макарьевского уѣзда Нижегородской губерніи. Графа Н. С. Толстаго. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СПЛОШЬ ДА РЯДОМЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Д. Тарасенкова (Горева). М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ графини Ростопчиной. Изданіе второе, въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ автора. Спб. и Лейпцигъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Книжка XII. Изд. подъ редакціею П. И. Небольсина, дѣйств. члена Имп. Русск. Геогр. Общ. Съ 8-ю таблицами рисунковъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ

Пятьдесятъ—третья годовщина Казанскаго университета.
Новости Польской Литературы. П. П. ДУБРОВСКАГО.
Нѣсколько словъ по поводу книги Льюза о Гёте. С. А. РАЧИНСКАГО.
Писомо къ редактору (по поводу вопроса о поземельной собственности и
общинномъ пользованіи землею). Х. ГУФЭЙЗЕНБЕРГА.
Политическое Обзорѣніе.
Новѣйшія извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1858 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА :

ВЪ МОСКВѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова
и Ко, въ Армянскомъ переулкѣ, и
при книжной лавкѣ И. В. Бабунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При книжной лавкѣ С. А. Бабунова
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Изгородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТИДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется. Декабря 1-го, 1857 года.

Ценсоръ *В. Фонт-Крузе*.

